Проза Говарда настолько наэлектризована, что все время ожидаешь удара молнии.

Стивен Кинг

РОБЕРТ ГОВАРД

КОНАН®

РОЖДЕННЫЙ В БИТВЕ

Иллюстрации Марка Шульца

Проза Говарда настолько наэлектризована, что все время ожидаешь удара молнии.

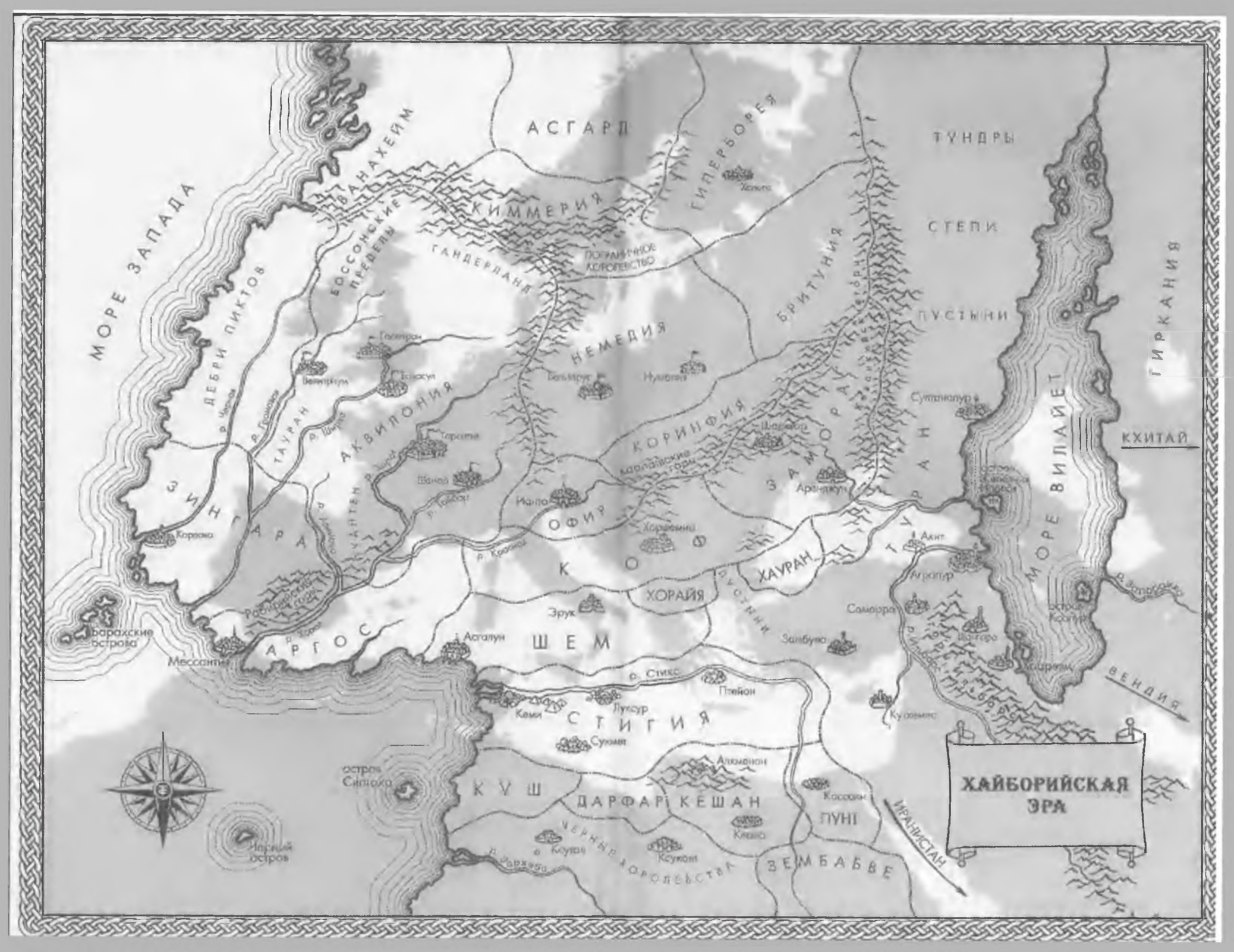
Стивен Кинг

РОБЕРТ ГОВАРД

КОНАН®

РОЖДЕННЫЙ В БИТВЕ

Иллюстрации Марка Шульца


ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭРА
МОРЕ ЗАПАДА
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
ГИРКАНИЯ
АСГАРД
ВАНАХЕЙМ
ГИПЕРБОРЕЯ
ТУНДРЫ
СТЕПИ
ПУСТЫНИ
КИММЕРИЯ
БОССОНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ
ГАНДЕРЛАНД
ПОЛЯРНОЕ КОРОЛЕВСТВО
ДЕБРИ ПИКТОВ
НЕМЕДИЯ
БРИТУНИЯ
ЗИНГАРА
ТАУРАН
АКВИЛОНИЯ
КОРИНФИЯ
ЗАМОРА
ОФИР
ХАУРАН
ХОРАЙЯ
ШЕМ
АРГОС
СТИГИЯ
КУШ
ДАРФАР
КЕШАН
ПУНТ
ЗЕМБАБВЕ
ВЕНДИЯ
ИРАНИСТАН
КХИТАЙ
Галлор
Велитрия
Тарантия
Шамар
Коросха
Мессантия
Асгалун
Эрук
Ианна
Хоравенна
Бельверус
Нумалия
Шадизар
Аренджун
Сультапилур
Акит
Аграпур
Самарра
Зайбуна
Кутхемис
Хаирэм
Пайон
Лукхур
Кеми
Сукхем
Аломион
Кассам
Кешка
Куам
Кхосам
Черное королевство
Остров Сипсоха
Ирлый остров
Барахские острова
Стикс
Р. Хорот
Р. Коросса
Р. Ксантен
Р. Шир
Р. Гаскония
Р. Ингил
Р. Ширкул
Р. Шамар
Р. Ксухотл
Р. Зарджиба
Р. Ксухотл
Р. Ксухотл
Р. Ксухотл

РОБЕРТ ГОВАРД

КОНАН®

РОЖДЕННЫЙ В БИТВЕ

ЭКСМО
МОСКВА
Домино
Санкт-Петербург
2010

ВОИН. ГЕРОЙ. ЛЕГЕНДА

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Г 57

Robert E. Howard

ORIGINAL TITLE: THE COMING OF CONAN THE CIMMERIAN

© 2010 Conan Properties International LLC.
Used with permission. CONAN, CONAN RED NAILS,
CONAN THE BARBARIAN, HYBORIA, HYBORIAN TALES,
THE SAVAGE SWORD OF CONAN and related logos, names and character
likenesses are trademarks or registered trademarks of Conan Properties
International LLC in the United States and various other territories.
All rights reserved.

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Говард Р. И.

Г 57 Конан : Рожденный в битве / Роберт Говард ; [пер. с англ. Е. Хаецкой, Г. Корчагина, М. Семеновой, А. Костровой, К. Плешкова]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 608 с.

ISBN 978-5-699-38933-9

Из множества героев, мечом прорубавших себе путь к славе в мирах фэнтези, варвар Конан сегодня самый знаменитый. Произошло это потому, что Роберт Говард сумел вдохнуть собственную удивительную душу в созданный им персонаж — и страстная эта душа обрела бессмертие, если судить по неугасающей любви миллионов читателей к суровому благородному рубаке, выходцу из дикой северной земли.

В эту книгу, проиллюстрированную известным художником Марком Шульцем, вошли первые тринадцать рассказов и повестей о Конане, целиком написанных самим Говардом, без участия «посмертных соавторов». Все рассказы тщательно сверены с авторским текстом, а переводы некоторых из них сделаны заново.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

Illustration copyright © 2002 by Mark Schultz
© Перевод. М. Семенова, К. Плешков, А. Кострова, Е. Хаецкая, Г. Корчагин, 2010
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-38933-9

Посвящается Элу

Марк Шульц

Предисловие

Признаться, меня обуревали самые противоречивые чувства в течение полутора лет, что ушли на подготовку этой книги.

Казалось бы, задача несложна: подобрать рисунки так, чтобы у читателя создалось верное представление о том, как выглядит самый известный герой одного из моих любимейших писателей, в прямом смысле слова магнит, постоянно притягивавший меня с детства,— хотя на самом деле мне и не нужно было тратить силы на визуализацию его облика.

В последние тридцать с лишним лет я очень часто позволял своему воображению поиграть в «что, если». И каждый раз перед мысленным взором сами собой рисовались иллюстрации к романтическим странствиям Конана по всему миру, и впечатления от этих картин бывали весьма сильны.

Но сколько можно тянуть кота за хвост, не пора ли взять быка за рога, спросил я себя однажды и решился-таки все накопившиеся идеи и наброски довести до ума... Хотя как это возможно, ведь они маячили не где-нибудь, а в моей бедной голове? Может, правильнее сказать «из ума вывести»? Себя бы самого не свести с ума такими рассуждениями... Впрочем, надеюсь, вы поняли, что я хотел сказать.

Иллюстрировать жизнь и деяния Конана, рожденного фантазией Роберта Ирвина Говарда, оказалось не так просто, как

© Перевод Г. Корчагина.

я полагал раньше. Возможно, это отчасти потому, что Конан и его Хайборийская эра — эпос, где есть армии бесстрашных воинов, поля свирепых битв, подвиги громадной силы и отчаянного безрассудства, все в каноне героического фэнтези, но все это здесь намного величественней благодаря глубокому мрачному контексту. Личностный стиль Говарда, мощный дух постгероизма вполне соответствует традициям литературы двадцатого века, избегающей витиеватости, галантности и благородства, столь присущих эпосу.

Говард взял на вооружение базовые элементы героической прозы, но обошелся без свойственной этой форме жеманной чувственности. Паче того, элементы эти послужили овечьей шкурой, под которой Говард ловко обтяпал кое-какие делишки, рыча и лая на свой скудный и ограниченный мирок центрально-техасскую глушь с лесами звездчатых дубов и нефтяными полями.

Что я хочу этим сказать? Что история Конана стиснута рамками классического героического фэнтези, но ее грудь вздымается под ударами сердца, чьи чувства сугубо индивидуальны. Киммерийский варвар создан уникальной фантазией Говарда и движется вперед под напором его знаменитой энергии, движется с жесткой прямотой, бескомпромиссностью и нежеланием брать пленных; все это суть признаки суровой среды обитания самого автора.

Писательский язык Говарда быстр, яростен и угрюм не потому лишь, что ему так нравилось, — это проявление того, чем техасец был по своей сути. Он брал интересующие его литературные формы и делал с ними что хотел. Что-то извлекал, что-то добавлял, что-то с чем-то сплавлял. Вот в чем кроется гениальность этого человека. В итоге получились творения, отражающие мрачный свет его личных глубинных верований, его представление о жизни как о бесконечной и совершенно тщетной борьбе — но ведь один черт придется ехать по этой дороге, как шутят в тех краях.

Благодаря этой поговорке у нас теперь есть традиция героического эпоса Старого Света, прошедшая через спектр чувств

техасца, через призму знаний, полученных им на родной земле. Это и свирепая история войн с индейцами и кровной вражды между белыми поселенцами, и богатый фольклор южных штатов, с его привидениями и болотной нечистью.

Все это, будучи смешано, дало нам нечто новое, а почему бы нет, ведь один черт пришлось бы ехать по этой дороге... Однако для меня несколько усложнилась задача визуализации Конана, каковая требовала вернуться к первоначальной цепочке представлений. С одной стороны, меня привлекали говардовские яркие описания величия и великолепия Хайборийской эры, ее потрясающего размаха и ослепительной пышности. Сознавая, что история Конана — это эпос, я очень хотел следовать лучшим традициям классического иллюстрирования. С другой стороны, спонтанность говардовского Нового Мира, его добела раскаленная, взрывная эмоциональность, его непреклонная воля, обеспечившие рассказам и повестям столь долгую жизнь,— все это подсказывало мне не противиться давнему желанию и выполнить рисунки в ином стиле: прямом, дерзком, грубом.

Бесспорно, Говард уникален. Никто, кроме него, не смог бы выдумать Конана. И больше ни у кого нет мира меча и магии, обладающего такой свирепой и грозной красотой. И сколько бы ни было последователей и подражателей, истинный Конан не удался, кроме Говарда, никому. Это слишком личностное творение, с головы до ног закутанное в сильные и слабые свойства характера Говарда; именно поэтому легко понять, отчего лучшее из его детищ — Конан.

Говард — прежде всего повествователь, и ничего стыдного в этом нет. Но благодаря Конану он прибавил в профессиональном росте — до того уровня, когда писатель четко осознает необходимость создания настоящего, дееспособного главного героя.

Для невзыскательного читателя достаточно литературной концепции с изюминкой, воображаемого мира, вращающегося вокруг складного сюжета. Но такой номер способен пройти

раз или два. Если же автор хочет, чтобы читатель снова и снова возвращался в его мир, необходим якорь в лице уникального и привлекательного героя, представляющего собой нечто большее, нежели голый авторский вымысел. Говард этого добился, создав Конана, взяв типичные качества крутых техасских парней и вложив их в цикл произведений, который затмил популярностью все прочие придуманные им миры.

Конан — редкий для фантастической литературы типаж. Герой, действительно меняющийся от произведения к произведению. Дерзкий юнец, приканчивающий насмешника в «Башне Слона», это вовсе не тот упрямый задира, чье сердце разбивается в «Королеве Черного побережья», а ветеран-наемник из «Черного колосса» — не тот Конан, который, став монархом в «Фениксе на мече», покровительствует искусствам (Кром! искусствам!), поняв, что поэзия проживет гораздо дольше, чем он.

Итак, в рассказах и повестях Говарда Конан растет и мужает, и тем более досадно популярное мнение об этом персонаже как о состоящей из одних мышц, угрюмости и игры желваками машины для убийства. Ведь сверх этого Говард дал ему очень многое. Да, киммериец скор на конфликт и расправу, но еще есть рефлексии и смех, не только над другими, но и над собой. Он любит и теряет, сомневается и ошибается, совершает альтруистические поступки и сопереживает.

Помимо всего этого, он абсолютно харизматичен. Разве пришелец сможет командовать армиями и повелевать народами, если первым делом не завоюет веру, преданность и привязанность? Это не просто воплощение грубой силы, это многоплановая личность, и я в меру сил постарался это подчеркнуть, изображая его в самых разных настроениях и позах.

Не все произведения, вошедшие в этот том, отменны. Говард работал в бешеном темпе для ежемесячного издания, в таких условиях совершенства не достичь. И тем не менее даже такие слабые вещи, как «Долина пропавших женщин», предлагают пассажи чудесной прозы — взять хотя бы увиденную

глазами Ливии картину резни в негритянской деревне или ее ночной спуск в прекрасную зачарованную долину.

Но ядро этого цикла несомненно является шедевром — «Башня Слона» и «Королева Черного побережья» безусловно принадлежат к классике фантастического рассказа, заслуживая признания и высокой оценки за рамками жанра.

Говард умел писать, и Конан — вершина его мастерства. Возможно, вас не убедит моя трактовка его образов; что ж, надеюсь, вы сумеете заглянуть за рисунки и увидеть волнующий мир Конана глазами своего воображения.

Марк Шульц, 2002

Вступление

В 1932 г., когда в газетных киосках появился декабрьский номер «Уэйрд тэйлз», Роберт И. Говард (1906–1936) вряд ли отдавал себе отчет в том, что творит историю. «Феникс на мече», представивший читателям его нового героя — Конана из Киммерии, был написан в марте того года, и хотя издатель Фарнсуорт Райт признавал за рассказом «черты подлинного мастерства», он вряд ли заслуживал иллюстрации на обложке журнала. Первая история о Конане — всего лишь рассказ того же уровня, что и остальные, вошедшие в тот номер «Уэйрд тэйлз».

За семьдесят прошедших лет герой приобрел мировую славу. Вряд ли найдется страна, не опубликовавшая сагу о Конане. Один успех привел к другим, герой поселился в кинофильмах, мультфильмах, комиксах, телесериалах, литературных стилизациях, игрушках и ролевых играх. В этом процессе творение Говарда размылось настолько, что теперь зачастую невозможно отличить первоначального Конана от сформировавшегося в читательских умах лубочного образа перегруженного мускулатурой, облаченного в шкуры супергероя.

В массовой культуре такой феномен не редкость. Когда литературный персонаж превращается в икону, он вынужден бежать от своего создателя и жить независимо — то есть герой берет верх над автором. Дракула, Фу Манчу, Тарзан — мгновенно узнаваемые фигуры, тогда как Брэм Стокер, Сакс Ромер

© Перевод Г. Корчагина.

и Эдгар Райс Берроуз пользовались популярностью своих героев и зависели в этом от них.

К примеру, многие читатели Берроуза впервые узнали о Тарзане из фильмов или комиксов и лишь впоследствии приобрели книги и смогли решить, достойна ли адаптация оригинала. Однако в случае с Говардом такое оказалось невозможно: прежде рассказы и повести о Конане никогда не издавались в том порядке, в каком были написаны им, и будучи собраны в полную коллекцию.

Нет ничего противоестественного в идее создания «биографии» персонажа, однако ни один исследователь Шерлока Холмса не додумался расположить события из его жизни хронологически, а не в порядке написания Конаном Дойлом рассказов, да еще разбавить сложившийся канон чужими стилизациями. Но именно это произошло с историями о Конане: мало того, что чужая рука реконструировала его «биографию», но вдобавок произведения Говарда перемежаются вещами, как бы помягче выразиться, сомнительного качества.

Более того, чужая рука переписала некоторые рассказы Говарда; произведения, не относящиеся к конониане, преобразованы искусственно; те рассказы, которые сам Говард счел недостойными завершения, закончены другими авторами. Из-за такого «посмертного соавторства» случайному читателю очень трудно отличить настоящее перо Говарда от жалких потуг подражателей или переписчиков. Другими словами, люди, увлеченные говардовским Конаном, вынуждены «глотать» бесчисленные адаптации и подделки, не отделяя зерна от плевел.

Это усложняет работу критикам — часто о техасце судят по вещам, не им созданным либо носящим следы чужого вмешательства. Сам Говард объяснял, почему произведения не следует располагать в порядке событийной хронологии. «Мне не казалось, будто я придумываю приключения Конана; нет, я всего лишь записывал то, что он рассказывал мне. Вот откуда такие огромные "скачки", вот почему нет правильного порядка. Обычный искатель приключений редко повествует о своих

деяниях по какому-то плану, он просто вспоминает наобум эпизоды, разделенные годами и расстояниями».

Следовательно, для этого тома подобраны истории в том порядке, в каком они «пришли» к Говарду. А раз они написаны Говардом, значит, никаких «стилизаций», никаких доработок ради «целостности», никаких переписываний. Эта коллекция — не только дань уважения идеям Говарда, она показывает в совершенно ином свете героя и его эволюцию и позволяет нам по-новому взглянуть на некоторые основные темы сериала.

К тому времени, когда поступил в продажу декабрьский номер «Уэйрд тэйлз», Говард уже был одним из столпов журнала. В нем опубликована первая профессиональная работа техасца, «Кошье и клык» (июль 1925 г.), и с каждым годом все чаще на его полосах появлялись вещи Говарда. В 1926 г. рассказ «Когда восходит полная луна» удостоился рисунка на обложке апрельского номера, а в августе 1928-го на встречу со своими будущими поклонниками вышел Соломон Кэйн («Под пологом кровавых теней»); опять же, он был представлен на обложке.

Годом позже Говард вновь снискал восхищение и уважение читателей, в числе которых на сей раз оказался Говард Филлипс Лавкрафт. В августовском и сентябрьском выпусках журнала опубликованы произведения о короле атлантов Кулле: «Королевство теней» и «Зеркала Тузун Тула».

Надо добавить, что Роберт И. Говард — протеже редактора «Уэйрд тэйлз» Фэрнсуорта Райта. Этот человек первым разглядел в Говарде зародыш недюжинного таланта и впоследствии называл его своим литературным открытием, а также гением и другом. Действительно, Райт был издателем незаурядным.

В расчетливом клишированном мире пульп-прессы «Уэйрд тэйлз» нередко поднимался до заявленного подзаголовком «Уникальный журнал» уровня и проходил по тонкой линии между коммерческими императивами и литературными вкусами Райта. В то время как Лавкрафт получал отказ за отказом, не имея возможности или желания удовлетворять редак-

торские требования Райта, Говард оказался более гибким. Изучая и предугадывая издательские нужды, он без проблем выдавал на-гора десятки рассудочных «конструктов», но даже таким невзыскательным журналам, как «Файт сториз» и «Экшн сториз», то и дело доставались алмазы.

С другой стороны, техасец явно обладал литературным вкусом, это наиболее очевидно по его стихам, и журнал «Уэйрд тэйлз» молодому писателю подвернулся очень своевременно. В этом нетипичном издании опубликовано множество стихотворений Говарда, а также сливки его прозы: рассказы о Соломоне Кейне, Кулле, Бране Макморне и киммерийце Конане. Не случайно только четыре из его многочисленных персонажей стали еще и героями стихов (если учитывать «Киммерию», как посвященную родине Конана).

По творчеству техасца видно, что интереснее всего ему было писать о Конане. Следует отметить: первое произведение конановской саги — это переписанный рассказ о Кулле «Сим топором я буду править» (1929 г.). Как и произведения о Конане, рассказы о Кулле созданы за счет эксплуатации варварских приключений в экзотических странах из мифического прошлого Земли. Но на этом сходство и заканчивается; между 1929 и 1932 гг. у Говарда появились новые идеи и цели. Для начала он с успехом опубликовал несколько исторических вещей, это послужило толчком для перехода в «эпический» масштаб.

Эти вещи наполнены необычайной энергией и напоминают легенды о последних крестоносцах. Превосходно удалось описание некогда могущественной империи Утрмер, ныне рушащейся из-за внутренних раздоров и внешних ударов, — эта тема предшествовала циклу о Конане.

Все же зарабатывать на жизнь исторической прозой оказалось очень трудно. Интерес к жанру и сложности на книжном рынке побудили Говарда в 1933 г. написать: «Перелицовывать историю в беллетристику — для меня не столько литературная работа, сколько хобби, и я бы с удовольствием занимался этим до конца своих дней. Но так невозможно заработать на жизнь. Слишком уж примитивен рынок, слишком узки его рамки,

слишком много времени отнимает подобная проза. Ведь я стараюсь писать как можно ближе к подлинным фактам, допускать как можно меньше ошибок. Насколько позволяют мои скудные знания, добиваюсь реалистичности и точности при создании декораций и костюмов.

Если по примеру некоторых авторов буду чересчур искажать факты, менять даты или вводить персонажей, не сообразуясь со своими представлениями о времени и месте, я потеряю чувство реальности, и мои герои перестанут быть живыми и чувствующими. А ведь мои рассказы строятся только на моем представлении о моих персонажах. Как только я сам перестану "чувствовать" их, останется только разорвать уже написанное...»

Вероятно, все эти доводы сидели где-то на задворках говардовского сознания в феврале 1932 г., когда он переделывал «Сим топором я буду править» в «Феникс на мече». Он отказался от присутствовавшей в первом рассказе любовной линии и добавил элемент сверхъестественного, прекрасно понимая, что делает: в отличие от предыдущих циклов, первая история о Конане была специально скроена для «Уэйрд тэйлз». Но одно дело — учитывать требования рынка, и совсем другое — иметь в виду творческие силы, давшие жизнь герою-варвару. «Этот Конан внезапно вырос в моем уме, что не потребовало почти никакого труда; и тотчас целый рой рассказов вылетел из-под моего пера, вернее, из пишущей машинки. Как будто я даже и не творил, а просто связывал события. Эпизод за эпизодом скапливались так быстро, что я едва справлялся. Несколько недель я не занимался ничем другим, только записывал приключения Конана. Этот персонаж целиком завладел моим сознанием и вышвырнул оттуда все не относящееся к нему».

В первом рассказе Конан предстает в облике уже немолодого человека, аквилонского короля; во втором это юный варвар с северной окраины мира, в третьем — молодой вор в цивилизованном городе Немедии. Разные периоды жизни, широчайший географический разброс. Говард рисковал запутаться в судьбе своего героя, заблудиться в его вселенной. Так было с куллювским циклом, где потеря Говардом «чувства реально-

сти» несомненна. Потому-то он и заботился о «реалистичности и точности при создании декораций и костюмов».

Сотворение целостной и правдоподобной вселенной явилось для Говарда поистине спасительной идеей. Он решил населить свою Хайборийскую эру киммерийцами, ванирами, немедийцами, афгулами. Откуда взялись искаженные названия, из истории или из легенд, осталось загадкой. Годы спустя Лавкрафт критиковал за это Говарда: «Единственный изъян во всем этом — неизлечимая склонность РИГа придумывать названия, слишком похожие на настоящие, которые вызывают у нас совсем иные ассоциации».

Лавкрафт, да и многие после него, так и не поняли, что у Говарда вовсе не было намерения создавать мир, отличный от нашего, как он поступил при написании цикла о Кулле и как поступали с тех пор бесчисленные авторы эпического фэнтези. Тщательно подбирая названия, схожие с уже существующими в нашей истории и легендах, Говард стремился к тому, чтобы читатель мог без малейшего труда представить себе туранца, чтобы не гадал, каков живущий на северной границе цивилизации ванир или асир.

Говард, ужимая историю и географию, создавая таким способом мир одновременно новый и знакомый, допускал стереотипность в стремлении к эффективности; этот прием позволил ему с минимальными усилиями создать экзотический фон. Одновременно он решил для себя проблему точности и реализма. И при этом создал метод сочинения псевдоисторической прозы без риска напороться на анахронизм или фактическую ошибку.

Первые три рассказа о Конане, написанные до «Хайборийской эры», можно считать экспериментальными; затем Говард четко представил себе антураж нового цикла и смог оценить его потенциал. В четвертую и пятую вещи — «Башню Слона» и «Алую цитадель» — он добавил эпическое и псевдоисторическое измерение. С этого момента сага о Конане стала чем-то большим, нежели приключения варвара в вымышленных чертогах, каковыми были рассказы о Кулле. Конан представал

перед читателем то королем в средневековой Европе («Алая цитадель»), то полководцем в Древней Ассирии, раздираемой мятежными городами-государствами («Черный колосс»), то вольным козаком (термин достаточно ясен) в степях Востока.

Однажды Говард написал: «Мое изучение истории — это постоянный поиск новых варваров, от эпохи к эпохе». Создав Хайборийскую эру, он получил в свое распоряжение вселенную, где все эти дикие народы могли сосуществовать в общих временных рамках, а в лице киммерийца Конана ему досталась идеальная машина, показывающая его взгляды на варварство и цивилизацию.

Во многих произведениях киммериец оказывается на какой-нибудь пограничной территории Хайбории, где варварство и цивилизация сталкиваются в битве эпического размаха, где армии исчисляются десятками тысяч бойцов. Отголосками этих эпохальных битв служат более скромные столкновения, они насыщают рассказы запоминающимися сценами и яркими диалогами. Вот как, например, описывает свое бегство Конан в «Королеве Черного побережья»: «Тут я и сам здорово обозлился — ведь вроде все уже сказал, чего им от меня еще надо — однако стою, молчу... Они кричать стали о непочтении к правосудию, пообещали в рудниках меня сгноить! Мне это не понравилось. Достал меч, срубил голову самому главному и, не говоря ни слова, пробился к выходу». А в «Башне Слона» Говард иронизирует: «Цивилизованный человек воспитан куда хуже дикаря, которому невдомек, как это можно не поплатиться за бестактность расколотым черепом».

Очевидно, большинство произведений Говарда, и в том числе сагу о Конане, можно читать как научную работу по теме «Варварство против цивилизации», причем симпатии Говарда бесспорно принадлежали варварам. Глубокий интерес к этому явлению с самого начала служил топливом для говардовского творчества; он же стал главной темой в переписке техасца с Лавкрафтом, случившейся в 1930 г.

Вступив в спор с эрудированным жителем Провиденса, Говард был вынужден черпать аргументы в исторических и политических науках. Отголосками этого спора изобилуют на-

писанные им тогда и позднее произведения о Конане. Лавкрафт, лучше других осведомленный о позиции и убеждениях Говарда, смог и лучше других оценить сагу о Конане и ее подтекст. Вскоре после смерти Говарда он написал:

«Нелегко объяснить, что делает рассказы мистера Говарда столь выдающимися. Но секрет здесь один: в каждом из рассказов он присутствует лично». Чуткий писатель дает здесь главный ключ к саге, отмечая при этом внутреннюю силу и искренность составляющих ее произведений, а также причину, по которой стилизации никогда не поднимутся до уровня оригиналов.

В целом говардовская конаниана — очень добротная эскапистская литература, но отдельные ее произведения заслуживают большего, нежели признательность охочего до яркой экзотики и головокружительных приключений читателя. Весь этот цикл пронизан мрачным настроением, и зачастую при чтении возникают самые противоречивые чувства, как будто ты испытываешь нечто волнующее и вместе с тем угнетающее.

Лучшие произведения Говарда о Конане — «Башня Слона», «Королева Черного побережья», «За Черной рекой», «Красные когти» — имеют печальный конец; под «эскапистским» лоском — все те же мрачные течения.

Философию Конана лучше всего выражает отрывок из «Королевы Черного побережья»: «Пока я живу, я намерен изучать жизнь во всех ее проявлениях. Дайте мне познать сочный вкус мяса и жгучее вино на языке, горячие объятия белых рук — и чтобы кругом пылала битва, клинки звенели, вспыхивали и окрашивались алым... Вот это — жизнь, а духовные тонкости оставим философам и жрецам. Реальность, иллюзия... Я вот что тебе скажу: если этот мир иллюзорен, значит, и сам я — всего лишь иллюзия, а коли так, все окружающее для меня реально. Ну и хорошо: жизнь пылает во мне, я люблю и дерусь... Чего еще?»

Действительно, это одна из главных черт характера киммерийца. Он живет сегодняшним днем, пожирает каждое его мгновение, не вспоминает прошлого и не заботится о будущем. Вче-

ра козак, сегодня король, завтра вор. Именно в этом смысле сага о Конане является эскапистской литературой: ее притягательность выглядит универсальной, она — для всех поколений и любых культур.

Говард однажды признался: «Человек, читающий о Конане, услышит эти варварские позывы из глубин своего существа; а значит, Конан поступал так, как и читатель поступил бы в сходных обстоятельствах».

Головокружительные приключения в рассказах о Конане — всего-навсего маска, а на самом деле при чтении невозможно забыть хоть на миг о мрачной реальности мира. Хайборийская эра с катаклизма началась и другим катаклизмом закончилась. Чего бы ни достигли хайборийцы, чего бы ни добился Конан, все это не имеет значения при подведении итогов, и все это будет разрушено и забыто.

Жизнь человека и жизнь империи по Говарду преходящи в равной мере. Цивилизация — не последняя стадия развития человечества: она может быть неизбежным последствием этого развития, но также и переходным этапом. Цивилизации обречены на ветшание и распад, и в конце концов их сметают воинственные орды варваров, которые со временем, через века, станут цивилизованными людьми...

В этом цикле Говард упирал на свое родство с варварством. Вопреки утверждениям некоторых критиков, он это делал не по причине веры в превосходство варварства над цивилизацией, не из-за желания видеть в варваре «благородного дикаря». «Я не идеализирую варварство; насколько мне известно, это состояние суровости, кровожадности, свирепости и отсутствия любви. Мне не хочется изображать варвара из далекого прошлого моей расы прекрасным богоподобным сыном природы, наделенным таинственным знанием и произносящим размеренные высокопарные фразы». Пожалуй, лучшую метафору варварской жизни можно найти в рассказе «За Черной рекой», где протагонисты оказываются между молотом и наковальней: перед поселением, за Черной рекой, обитают свирепые пикты, готовые напасть в любой момент, а позади, за

Громовой рекой,— цивилизация, слишком ослабленная упадком и раздорами, чтобы бороться даже за собственное выживание, уже не говоря о сохранности границ.

Фабула доводит это мрачное предсказание до логического заключения, и Конан, единственный персонаж, принадлежащий варварству более, чем цивилизации, остается и единственным выжившим. В процессе цивилизации союзники Конана расстались со своими инстинктами, лишились аспекта первобытности и тем самым утратили шансы на победу. В конце рассказа есть такие слова (несомненно, наиболее часто цитируемые из говардовского наследия): «Варварство — естественное состояние человечества... Цивилизация неестественна. Это каприз обстоятельств. А варварство всегда торжествует в итоге».

Отрыв от естественности закладывает в процесс цивилизации семена его разрушения. «Неестественное» либо должно уступить «естественным» силам, что описано в рассказе «За Черной рекой», либо оно медленно, но страшно разрушится, сгниет («Сумерки Ксутала», «Красные когти»).

Причины говардовского увлечения темой распада цивилизаций (возможно, коренящиеся в его интересе к варварской жизни), скорее всего, очень сложны. И искать их следует не столько в тогдашних эволюционистских теориях, оставивших следы в его творчестве, сколько в биографии Говарда и в его психологии. Действительно, что-то глубоко личное кроется в его убеждениях, которые выплеснулись на страницы журналов и книг и зарядили их удивительной силой.

Вряд ли можно оспорить то, что не все его произведения о Конане стоят на высоком уровне. Бывало, в пору финансовых затруднений киммериец приносил своему создателю легкий кусок хлеба. Полуголых див, какими украшено большинство рядовых рассказов цикла, не было до ноября 1932 г., и они исчезли после марта 1933 г. — в этот период Говард наиболее остро нуждался в деньгах.

(«Случайно» оказалось, что именно эти рассказы вдохновили «продолжателей», а не «Красные когти» и не «Королева

Черного побережья». и это красноречиво говорит о вкусах авторов.) Многие из этих вещей содержат в себе кое-что подлинно говардовское — как однажды написал Лавкрафт, Говард «был более велик, чем любой приемлемый для него способ делать деньги»,— но они явно написаны по формуле, позволяющей выиграть рисунок на обложке журнала.

Легенды о киммерийце Конане помогли Говарду подняться над цехом мастеров «пульпы». Выдавая одну за другой истории о варваре, что убивает монстров и вожделеет скудно одетых красоток, и обеспечивая себе тем самым регулярный доход, Говард все же решился не превращать киммерийца в станок для печатания денег.

Как и подобает истинному писателю, он без колебаний экспериментировал с другими темами, рисковал в те времена, когда судьба его коммерческого успеха висела на волоске. Если истинная задача искусства — увлекать и волновать, то истории о Конане суть нечто особенное, эпос о легендарных деяниях величайших героев в сказочных странах, раскрашенный яркими красками, но с чем-то очень мрачным в глубине.

Снимите внешний слой, если не боитесь.

Патрис Луине, 2002

Киммерия

Написано в Мишне, Техас, февраль 1932 г.; навеяно воспоминаниями о горном крае близ Фредериксберга в туманной дымке зимнего дождя.

Р. И. Говард

Я помню
Под темными лесами склоны гор,
Извечный купол серо-сизых туч,
Печальных вод бесшумное паденье
Да шорох ветра в трещинах теснин.

За лесом лес, и за горой гора,
За склоном склон. Один и тот же вид.
Суровая земля. Сумев подняться
На снежный пик, увидишь пред собой
Один и тот же вид: за склоном склон,
За лесом лес, как вылитые братья.

Унылая страна. Казалось, всем:
Ветрам, и снам, и тучам, что таились
От света солнца, — всем дала приют
В глухих чащобах, голыми ветвями
Стучащих на ветру. И было имя
Земле, не знавшей ни теней, ни света –
Киммерия, Страна Глубокой Ночи.

С тех пор прошел такой огромный срок —
Забыл я даже собственное имя.
Топор, копье кремневое — как сон,
Охоты, войны — тени... Вспоминаю
Лишь бесконечный зарослей покров,
Да тучи, что засели на вершинах
На долгий век, да призрачный покой
Киммерии, Страны Глубокой Ночи.

© Перевод Г. Корчагина.

О боги! Верно, я рожден для них —
Лесов, туманов, гор, что застят солнце.
И сколько раз мне умирать, пока
Не кончится проклятое наследство,
В покровы серых призраков мой дух
Закутавшее? Вновь и вновь ищу
Свое я сердце, и приводит поиск
Всегда меня в один и тот же край —
В Киммерию, Страну Глубокой Ночи.

Феникс на мече

Знай же, о принц, что прежде тех лет, когда океан поглотил Атлантиду и захлестнул блистающие города, прежде тех лет, когда сынам ариев было суждено возвыситься, была еще эпоха, чье величие превосходило самое смелое воображение. Эпоха славных королевств, распростершихся под звездами на лике земли, словно затканные золотом плащи,— Немедия, Офир, Бритуния, Гиперборея... Замора, страна темноволосых красавиц и таинственных башен, полных призраков и паутины. Рыцарственная Зингара. Коф, граничивший с пастушеским Шемом. Стигия с ее жуткими призраками, стерегущими спокойствие древних гробниц. Гиркания, чьи всадники укрывали стальной броней золото и шелка... Однако истинной жемчужиной этого мира была держава, сверкавшая в самом сердце Запада, страна-королева, гордая Аквилония. В эту-то легендарную страну и явился однажды Конан из Киммерии, черноволосый варвар с угрюмым и грозным взглядом синих глаз, вор, разбойник, убийца, человек не средних деяний и великих страстей. Явился и ногой в пыльной сандалии попрал самоцветные троны земных королей...

Немедийские хроники

I

Было тихо. Глубокая и зловещая тьма, какая бывает только перед рассветом, окутала сумрачные шпили и великолепные башни... Смуглая рука осторожно приотворила дверь, выпуская людей с покрытыми лицами в темный переулок — один

© Перевод М. Семёновой.

из множества, составлявшего в этой части города запутанный лабиринт. Завернувшись в плащи, четверо торопливо и молча растворились в кромешном уличном мраке. Казалось, это были не существа из плоти и крови, а призраки давно умерщвленных...

Позади них в проеме двери можно было рассмотреть лицо, искаженное язвительной усмешкой, и глаза, недобро поблескивавшие в полутьме.

— Ступайте же в ночь, порождения ночи,— пробормотал голос, полный издевки.— О глупцы, ваш рок мчится по вашим следам, точно слепая ищейка... а вы даже не догадываетесь об этом!

Говоривший прикрыл дверь и запер ее на засов, после чего повернулся и зашагал прочь по коридору, неся в руке свечу. Это был угрюмый гигант, чья смуглая кожа выдавала его стигийскую кровь. Вскоре он добрался до внутреннего покоя, где, раскинувшись, точно ленивый кот, на шелковой тахте, потягивал из золотой чаши вино рослый худой человек.

— Что ж, Аскаланте, твои недоумки разбежались по улицам, точно крысы из норы,— ставя свечу, сказал ему стигиец.— Странными, однако, орудиями ты пользуешься...

— Орудиями? — отозвался Аскаланте.— А ведь это они меня считают своим орудием, вот что забавно... Уже четыре месяца, с тех пор как Четверо Мятежных призвали меня из южных пустынь, я обитаю в самой гуще моих врагов, целыми днями скрываясь в этой дыре, а ночами скитаясь во тьме проулков и коридоров... И я добился того, чего никак не могли достичь эти знатные бунтовщики. Используя их, равно как и еще многих, большинство из которых даже лица моего не видали, я отравил самый воздух империи тленом соблазна и беспокойства. Оставаясь в тени, я полностью подготовил падение короля... Во имя Митры! Не зря же я был царедворцем до того, как меня объявили вне закона!

— А эти глупцы, что считают себя твоими хозяевами?

— Да пусть их считают, будто я им служу... пока. Вот исполним задуманное, тогда и посмотрим. Кто они, чтобы тягаться умом с Аскаланте? Вольмана, этот коротышка, граф Карабан-

ский; гигант Громель, предводитель Черного Легиона; Дион, разжиревший барон Атталусский... я уже молчу про менестреля Ринальдо, обладателя куриных мозгов. Я, именно я обнаружил в каждом из них стальную жилу и сплавил все четыре в одну. Но прочее в них — хрупкая глина, и я же ее сокрушу, когда придет час. Однако пока до этого далеко... Сегодня еще до рассвета настанет время умереть королю!

— Несколько дней назад я видел, как имперские отряды отбывали из города,— заметил стигиец.

— Они отправились на рубежи, где забеспокоились язычники-пикты... впавшие в боевое неистовство от крепкого вина, которое опять-таки я тайно переправил к ним через границу. Вот где нам пригодились несметные богатства Диона! Ну а Вольмана устроил так, чтобы нам не помешали остатки имперских войск, пребывающие в городе. Мы также обратились к его знатным родственникам в Немедии, и в итоге король Нума вызвал к себе графа Троцеро Пуатенского, сенешаля Аквилонии. Конечно же, такого важного вельможу, как Троцеро, помимо его собственного войска сопровождает имперский вооруженный эскорт, а с ним и Просперо, правая рука короля Конана. Таким образом, король остался только с личными телохранителями и Черным Легионом. Ну а тут уж Громель помог мне подыскать среди стражи корыстолюбивого старшину, который польстился на взятку и обещал в полночь увести своих людей от двери королевской опочивальни... Вот туда-то мы и явимся тайным подземным ходом во главе полутора дюжин отпетых и отчаянных головорезов. А когда дело будет сделано... даже если народ и не выбежит приветствовать нас — Громель с Черным Легионом удержит город в повиновении и сохранит нам корону!

— Которая, как полагает Дион, будет ему вручена...

— Именно. Жирный болван претендует на царство, полагая, что для этого достаточно той капельки королевской крови, которая течет у него в жилах. Воистину Конан совершил большую ошибку, оставив в живых потомков низвергнутой династии!.. Двое других также надеются поправить свои дела.

Вольмана желает быть обласканным при дворе, как в прежние времена, и вернуть былую роскошь своим разоренным имениям. Громель ненавидит Паллантида, предводителя Черных Драконов. Со всем упрямством, присущим его народу, этот боссонец жаждет принять верховное главнокомандование... И только Ринальдо не преследует никаких личных целей. Конан для него — варвар в грязных сапогах и с замаранными кровью руками, что явился с дикого Севера завоевать и ограбить цивилизованную страну. Наш поэт вовсю идеализирует прежнего короля, которого Конан убил за корону. Ринальдо успел позабыть, что в свое время тот не очень-то покровительствовал свободным искусствам, и если уж на то пошло, совершил за время своего правления немало отвратительных зол... Его стихи должным образом настраивают людей. На улицах в открытую распевают «Плач по королю», в котором Ринальдо на все лады восхваляет убиенного венценосца — порядочного, между нами говоря, мерзавца — и предает поношению Конана, «этого черноволосого дикаря, порождение бездны». Самого Конана, как я слышал, немало насмешила упомянутая баллада, но в народе у многих сжимаются кулаки...

— А за что Ринальдо так невзлюбил Конана?

— Видишь ли, люди склонны ненавидеть тех, кто при власти. Они мечтают о совершенном правителе и видят свой идеал либо в прежнем монархе, либо же в будущем — но только не в том, который нынче на троне. Видения завтрашнего и вчерашнего дня начисто заслоняют для них настоящее... Вот из таких мечтателей и наш Ринальдо — он просто-таки пылает идеализмом, полагая к тому же, что ему суждено низвергнуть тирана и принести людям свободу. Что же до меня... Всего лишь несколько месяцев назад я собирался до конца дней своих грабить караваны в пустыне и ни о чем большем даже не помышлял, но теперь я позволил пробудиться былым мечтам. Пусть умрет Конан, а на трон воссядет Дион. Настанет и ему час умереть... а за ним и прочим, кто осмелится противиться мне. От огня ли, от стального клинка, от одного из тех отравленных вин, что ты так мастерски варишь... И тогда... «Аскаланте, король Аквилонии»! Неплохо звучит, а?

Стигиец пожал широкими плечами.

— Было время,— проговорил он с нескрываемой горечью,— когда и я лелеял честолюбивые замыслы, против которых твои суть мишура и детские игры. И до чего в итоге я докатился!.. Мои прежние союзники и соперники, с которыми я спорил на равных, не поверили бы собственным глазам, доведись им увидеть, как Тот-амон, хозяин Кольца, прислуживает рабу чужеземца, к тому же объявленному вне закона, как он участвует в мелких сварах баронов и королей!..

— Нечего было делать ставку на магию и всякие там ритуалы,— отмахнулся Аскаланте.— Я вот предпочитаю полагаться на свой ум и на свой меч!

— Любой ум, любой меч — что солома на ветру перед мудростью и могуществом Тьмы,— проворчал стигиец сквозь зубы, и в его глазах угрожающе заметались искры и тени.— Еще кто из нас служил бы другому, не утрать я Кольцо!

— Как бы то ни было,— раздраженно отозвался вельможный разбойник,— покамест ты носишь на спине отметины моего кнута, и так будет продолжаться и впредь!

— Какая непоколебимая уверенность...— Ненависть на мгновение зажгла глаза стигийца красным огнем преисподней.— Рано или поздно, так или иначе, а Кольцо я себе непременно верну. И тогда, клянусь змеиными клыками Сета, ты мне заплатишь...

Горячий нрав аквилонца заставил его вскочить и влепить стигийцу затрещину. Тот-амон отшатнулся, на разбитых губах выступила кровь.

— Больно уж осмелел ты, собака! — прорычал Аскаланте.— Остерегись! Покамест я твой хозяин, и не забывай, что мне известна твоя неприглядная тайна!.. А теперь, если осмелишься, можешь хоть с крыши кричать, что Аскаланте вернулся в город и плетет заговор против короля! Ну?

— Я не смею...— утирая расквашенный рот, пробормотал стигиец.

— Конечно не смеешь.— Аскаланте ощерился в холодной улыбке.— Ибо, умри я от твоей хитрости или предательства,

об этом немедленно прознает святой отшельник в южной пустыне. Тогда он сломает печать и прочтет свиток, который я оставил ему. Прочтет и скажет слово, и, произнесенное шепотом в Стигии, оно дотянется сюда полночным ветерком с юга... Сумеешь ли ты спрятаться от него, а, Тот-амон?

Невольник содрогнулся, смуглое лицо точно подернулось пеплом.

— Довольно! — Высокомерный хозяин резко сменил тон.— У меня есть для тебя поручение. Я не доверяю Диону... Я велел ему ехать в его загородное имение и оставаться там до завершения сегодняшней ночной вылазки. Этот жирный дурак все равно выдал бы себя с головой, оказавшись в присутствии короля... Так вот. Отправляйся за ним и, если не догонишь его по дороге, езжай прямо в имение и оставайся с Дионом, пока мы за ним не пошлем. Да смотри глаз с него не спускай! Кто его знает, что он способен натворить с перепугу! С него станется прискакать во дворец, броситься Конану в ноги и всех заложить, лишь бы шкуру свою спасти... Ну, ступай!

Раб поклонился, старательно пряча горящие ненавистью глаза, и вышел за дверь.

Аскаланте вернулся к своему кубку с вином. Над золочеными шпилями занимался кроваво-красный рассвет...

II

Гремел победный барабан, старались трубачи.
Цветы и золото к ногам моим метал народ.
И вот корону я надел, и тот же самый сброд
Острит отравленный кинжал для мятежа в ночи.

Дорога Королей

Просторный чертог был богато разубран. На полированных стенах — прекрасные занавеси, на отделанном слоновой костью полу — пышные ковры, высокий потолок — сплошь в резьбе и серебряных завитках. Письменный стол и тот был сущим произведением искусства — слоновая кость, инкрустированная золотом... За этим столом сидел человек, чьи широченные плечи и прокаленная солнцем кожа решительно не вязались с окружающим великолепием. Какие-нибудь продутые всеми ветрами дикие пустоши — вот где ему поистине было бы самое место. В малейших движениях этого человека угадывалась мощь пружинно-стальных мышц, помноженная на острый ум и собранность воина. Внимательный взгляд отметил бы ненаигранность его повадки; этому не научишься, с этим надо родиться. Если уж он хранил неподвижность, его можно было спутать с бронзовой статуей. А если двигался, то не дергаными рывками, говорящими о взвинченности, но с этакой

обманчивой кошачьей неторопливостью, за которой на самом деле не успевает уследить глаз...

Одеяние на нем было из роскошной ткани, но очень простого покроя. На руках — ни перстней, ни иных украшений, густая черная грива подстрижена над бровями и стянута повязкой из серебряной парчи.

Вот он отложил золотую палочку для письма, которой усердно царапал по навощенному папирусу, подпер кулаком подбородок и устремил мерцающий внутренней энергией взгляд синих глаз на стоявшего перед ним человека.

Этот последний в данный момент занимался своими делами: поправлял шнуровку отделанного золотом доспеха, рассеянно насвистывая потихоньку.

Такое вот поведение в присутствии короля.

— Ну и каторга эти государственные дела! — сказал человек за столом.— Честно, Просперо, я ни в одной битве так не выматывался, как теперь!

— За все надо платить, Конан,— отозвался темноглазый пуатенец.— Заделался королем, изволь теперь попотеть!

— С какой радостью я бы отправился с тобой сегодня в Немедию,— вздохнул Конан завистливо.— Уже тыщу лет в седле не сидел. Да вот Публий, прах его побери, знай твердит, что мне сейчас из города лучше не отлучаться. Вечно дел невпроворот...— И пожаловался с дружеской откровенностью, которая водилась между ним и Просперо: — Когда я свергал прежнюю династию, мне казалось — уф, все беды и все труды позади, теперь заживем! А сейчас оглядываюсь назад, и тогдашние погони и заварухи уже кажутся легкой прогулкой...

Знаешь, Просперо, я ведь никогда не загадывал, что будет потом. Когда король Нумедидес пал мертвым к моим ногам, когда я сорвал с него окровавленную корону и надел ее сам, мне казалось — все, достиг! Вот она, вершина!.. Я готовил себя к захвату власти, но не к тому, чтобы ее удержать... Где они теперь, те славные деньки веселой свободы, когда мне всего-то нужен был острый меч и прямая дорога, чтобы доскакать по ней до врагов! Теперь вот ни одной прямой тропки, все сплошь

запутанные и кривые, а мой меч — тот большей частью вообще бесполезен... Когда я скинул Нумедидеса, меня называли Освободителем. Сегодня те же самые люди повадились плевать мне вслед, зато статую убиенного короля, этого сукина сына, поставили в храме Митры и падают перед ней ниц. Она для них икона святого самодержца, с которым расправился кровавый зверь-варвар. Когда я был наемником и вел аквилонскую армию от победы к победе, эту страну меньше всего заботило мое иноземное происхождение. А теперь мне его не могут простить! Люди, которых калечили и ослепляли палачи Нумедидеса, спешат в храм Митры возжигать благовония в его честь. Люди, чьи сыновья умерли в его застенках, чьих жен и дочерей силком тащили в его сераль... Хоть смейся, хоть плачь!

— За это в первую голову надо благодарить Ринальдо,— подтягивая еще на дырочку пояс с мечом, заметил Просперо.— Он слагает песни, от которых люди положительно сходят с ума. Взять бы да вздернуть проходимца на самую высокую городскую башню, пусть бы радовал своими виршами стервятников!

— Нет, Просперо,— покачал головой Конан.— Для меня он неприкосновенен. Даровитый поэт главнее самого великого короля... В его песнях больше могущества, чем в моем скипетре. Однажды ему вздумалось спеть для меня, и он похитил сердце из моей груди. Когда умру, меня похоронят и позабудут, а песни Ринальдо переживут века. Нет, Просперо...— продолжал король, и тень обеспокоенности притушила синий огонь его глаз.— Все не так просто. Есть что-то еще... какая-то темная подоплека, которую мы ощущаем, но не можем внятно истолковать... Я ее нутром чую, как мальчишкой чувствовал присутствие тигра, затаившегося в высокой траве! По стране точно какой-то дух бесплотный гуляет, сея непонятную смуту... Знаешь, на что это похоже? Представь, ты охотник в лесу, сидящий ночью у крохотного костерка. Ты слышишь в чаще мягкие-мягкие крадущиеся шаги, ты почти наяву видишь, как поблескивают чьи-то глаза... Вот бы заставить это таящееся

нечто себя проявить, вот бы схлестнуться с ним в открытом бою да располосовать гадину добрым мечом!.. Говорю тебе, Просперо: пикты совсем не случайно начали до того яростно нападать на наши границы, что боссонцы на что уж крепкие ребята, а запросили о помощи. Эх, ну почему мне не дали туда с войском уехать...

— Публий заподозрил заговор с целью убить тебя на границе,— невозмутимо ответил Просперо, разглаживая поверх сверкающей брони шелковую накидку и любуясь собой — рослым, гибким — в серебряном зеркале.— Вот он и уговорил тебя остаться в столице. Ты, Конан, все не отучишься идти на поводу у своих варварских инстинктов. Если народ чем-то недоволен, ну и что нам с того? За нас и наши наемники, и Черные Драконы... да что там, у нас в Пуатене последний босяк и тот клянется твоим именем! Тебе остается опасаться только тайных убийц, а откуда им тут взяться? Тебя день и ночь охраняют имперские войска... Кстати, над чем ты там трудишься?

— Карту рисую,— ответил Конан с гордостью.— На тех картах, что имеются при дворе, неплохо показаны страны юга, запада и востока, но что касается севера, всюду либо белые пятна, либо такая чушь, что тошно смотреть... Вот я северной частью и занимаюсь. Смотри, здесь моя родная Киммерия. А здесь...

— Асгард и Ванахейм,— присмотрелся к карте Просперо.— Во имя Митры! До сего дня я склонен был полагать, что это выдуманные, баснословные страны!

Конан вдохновенно и яростно усмехнулся, тронув пальцем шрамы, рассекавшие смуглую кожу у него на лице.

— Проведи ты всю юность на северных границах Киммерии, ты бы так не считал! Асгард от нас аккурат к северу, а Ванахейм — к северо-востоку, и мира на наших рубежах отродясь не бывало...

— Ну и что они за люди, эти северяне? — заинтересованно спросил Просперо.

— Рослые, светловолосые, голубоглазые... Они поклоняются Имиру, ледяному великану, и каждое племя подчинено

собственному королю. Что асы, что ваны нестоворчивы и очень воинственны. Готовы драться день напролет, после чего всю ночь до утра глушить эль и орать свои дикарские песни...

— Значит, ты сам вроде них,-- расхохотался Просперо.-- Кто еще у нас охотник до крепкой выпивки, доброй шутки и молодецкой песни, если не ты? Нет, правда, сколько знавал киммерийцев - пьют только воду, смеются раз в год по великому празднику, а что до пения — как затянут какой-нибудь погребальный плач, аж уши вянут...

— Может быть, все дело в нашей стране,-- ответил король.-- Я в целом свете не видал более сумрачных мест. Сплошные холмы, темный лес, вечно серое небо... Холодный ветер, горестно стонущий по долинам...

— Да уж, родина угрюмых людей, — передернул плечами Просперо. Перед глазами у него так и поднялись залитые солнцем, увитые голубыми лентами рек равнины милого Пуатена — самой южной провинции Аквилонии.

— Нашим людям особо не на что надеяться ни в этом мире, ни в загробном,-- задумчиво продолжал король.— Мы поклоняемся Крому и его темному сонму, чье царство мертвых — страна без солнца, затянутая вечным туманом. Ох, Митра! Образ жизни асов всегда был мне как-то духовно ближе...

-- Ну что ж,-- улыбнулся Просперо.— По счастью, ты оставил унылые холмы Киммерии далеко позади... Ладно, Конан, мне пора ехать. Обещаю поднять за тебя добрый кубок немедийского белого при дворе короля Нумы...

— Добро,— кивнул король.— Только смотри не вздумай от моего имени целовать танцовщиц Нумы, а то еще международный скандал мне там наживешь!..

Раскатистый хохот короля долго провожал Просперо по дворцовому коридору...

III

В подвалах мрачных пирамид великий дремлет Сет.
Его таинственных жрецов во тьме проложен след.
Я молвлю Слово вдалеке от солнца и огней:
Пришли для мести мне слугу, могучий древний Змей!

Дорога Королей

Солнце уходило с небес, облекая сине-зеленые лесные горизонты кратковременным золотом. Умирающий свет дня переливался на звеньях толстой золотой цепи, которую Дион Атталусский то и дело теребил пухлой рукой, сидя посреди неистово цветущего сада. Ерзая обширным седалищем по мраморной скамье, Дион пугливо озирался, ни дать ни взять опасаясь внезапного нападения. Скамью обрамлял правильный круг стройных деревьев, чьи ветви сплетались над головой вельможи в густой полог. Неподалеку серебряным колокольчиком звенел фонтан, ему согласным хором отзывались другие фонтаны, разбросанные по саду.

Дион был здесь один — если не считать исполинского темного силуэта на ближней скамье. Оттуда за бароном внимательно наблюдали темные поблескивающие глаза. Дион, впрочем, меньше всего думал про Тот-амона. Еще не хватало ему обращать внимание на какого-то там раба, которому оказы-

вал необъяснимое доверие Аскаланте!.. Дион, как многие знатные богачи, был совсем не склонен лишний раз замечать тех, кто стоял ниже его.

— Не стоит так волноваться,— проговорил между тем Тот-амон.— Заговор просто не может потерпеть неудачу.

— Аскаланте всего лишь человек, и он мог ошибиться! — отрезал Дион. При одной мысли о поражении его бросило в пот.

— Нет уж, только не он,— зло усмехнулся стигиец.— В ином случае я был бы его хозяином, а не рабом!..

— Это еще что за речи? — спесиво перебил Дион, не придавая, впрочем, особого значения их разговору.

Глаза Тот-амона нехорошо сузились... Какой бы железной ни была его выдержка, сейчас он был близок к тому, чтобы взорваться. Слишком долго ему пришлось скручивать в душе чудовищный стыд, ярость и ненависть, слишком долго он ждал хоть какого-нибудь шанса восстать. Где ж тут было учесть то обстоятельство, что Дион в упор не признавал в нем человеческое существо, наделенное умом и достоинством. Для барона Тот-амон был всего лишь безликий раб, не стоивший почти никакого внимания.

— Послушай меня,— сказал ему стигиец.— Очень скоро ты взойдешь на престол. Но ты понятия не имеешь, что представляет собой Аскаланте! Не вздумай ему доверять, когда падет Конан! Я же способен помочь тебе. И помогу, если, придя к власти, ты меня защитишь...

Слушай же, мой повелитель. Когда-то я жил на юге и был великим чародеем. Люди упоминали имя Тот-амона наравне с именем Раммона... Мне оказывал немалые почести Ктесфон, король Стигии. Он прогнал от двора великое множество других магов и обласкал своей милостью меня одного. Соперники смертельно ненавидели меня, но и боялись, ибо я повелевал тварями с той стороны. Я вызывал их по своему хотению, и они были у меня на посылках. О Сет!.. Каждый вечер мои враги засыпали в страхе, зная, что посреди ночи их могут разбудить когти неведомого ужаса, сомкнувшиеся на горле!.. Я вла-

дел Змеиным Кольцом Сета и с его помощью творил темные и жуткие чудеса. Я обрел это Кольцо в незапамятно древней подземной гробнице, устроенной на глубине в целую лигу и забытой еще прежде, чем отдаленные предки людей покинули изначальное море.

К моему горю, некий вор похитил Кольцо и моему могуществу пришел конец. Маги, посрамленные мной, немедля восстали, желая моей смерти, и я вынужден был бежать. Переодевшись погонщиком верблюдов, я странствовал с караваном в стране Коф, когда на нас напали грабители Аскаланте. Они убили всех, кроме меня. Я спас свою жизнь, открывшись Аскаланте и поклявшись ему служить... Но какой же горькой для меня оказалась эта служба!

Чтобы еще крепче связать меня, он все изложил на пергаменте и отдал запечатанный свиток отшельнику, обитающему в южном Кофе. Потому-то я и не дерзаю ни заколоть его кинжалом во сне, ни выдать врагам. Ибо в случае его смерти отшельник сломает печать и все прочтет, как наказывал ему Аскаланте. Он отправится в Стигию и скажет там слово...— И вновь Тот-амон содрогнулся, и пепельная бледность залила смуглые щеки.— Никто в Аквилонии не знает, кто я такой,— продолжал он.— Но стоит моим врагам-стигийцам только прознать, где я нахожусь, и даже расстояние в половину населенного мира не спасет меня от заклятия, способного вдребезги разнести сердце бронзовой статуи... Защитить меня способен только король, властитель замков и меченосного войска... Видишь, я поведал тебе свою тайну, Дион, и готов заключить с тобой соглашение. Моя мудрость сослужит тебе немалую службу, а ты можешь дать мне убежище. А когда рано или поздно я отыщу и вновь надену Кольцо...

— Кольцо? Какое еще кольцо?..

Тот-амон недооценил полнейшее себялюбие собеседника. Дион, как выяснилось, его не слушал даже вполуха. А что ему занимать свой слух речами какого-то невольника? Он был слишком погружен в собственные мысли, его внимание привлекло лишь последнее слово.

— Кольцо?..— повторил он.— Припоминаю что-то такое... Ах да, мое счастливое колечко! Ну как же, я прикупил его у одного шемитского вора — тот клялся, будто стырил его у какого-то южного колдуна, а посему оно должно приносить мне удачу... Митра свидетель, я втридорога заплатил негодяю! Клянусь всеми богами, сегодня удача мне требуется, как никогда. И дернуло же меня ввязаться в кровавые козни Вольманы и Аскаланте... Ну-ка, где мой перстенек?

Тот-амон взвился, точно пружина, темная кровь бросилась ему в лицо, а глаза вспыхнули наконец-то прорвавшейся яростью и осознанием всей непомерной тупости напыщенного вельможи... Дион по-прежнему не обращал на раба никакого внимания. Сдвинув на мраморной скамье потайную крышечку, он принялся рыться в содержимом каменной ниши, перебирая варварские амулеты, кусочки заговоренных костей, какие-то аляповатые драгоценности... — все, что по трусости и суеверию собирал долгие годы.

— Ага, вот ты где! — И он с торжеством вытащил замысловатой формы перстень. Он был сделан из металла, похожего на медь: чешуйчатая змея свивалась тремя кольцами, держа во рту собственный хвост. В желтых камешках маленьких глаз дрожали злобные огоньки...

Тот-амон вскрикнул, точно его пырнули ножом, и вот тут Дион, наконец оглянувшись на него, побелел от испуга. Глаза раба пылали страшным пламенем, рот скалился, длинные руки со скрюченными когтистыми пальцами тянулись вперед.

— Кольцо!..— вскрикнул он пронзительно.— Во имя Сета, мое Кольцо!.. Мое украденное Кольцо!..

Сталь блеснула в его ладони, и одним движением смуглого плеча он вогнал кинжал по самую рукоять в жирное баронское брюхо. Дион тонко завизжал, его визг перешел в задушенное бульканье, и бесформенная туша осела наземь, оставшись лежать, точно груда подтаявшего масла. Несчастный глупец умер, успев испытать ни с чем не сравнимый ужас, но так и не поняв почему. Тот-амон отшвырнул обмякшее тело — прах,

более не имевший никакого значения,— и обеими руками подхватил Кольцо. Глаза стигийца горели алчностью и сумасшедшим восторгом.

— Мое Кольцо!..— прошептал он с наводящим ужас восторгом.— Мое могущество!..

...Он сам не знал, долго ли он вот так сидел на корточках, лелея в ладонях злобную металлическую змею и питая ее аурой свою темную душу. Наконец он встряхнулся, возвращаясь к реальности из ночных бездн, в путешествие по которым пустилась было его душа, и увидел, что луна успела подняться. Лунный свет разрисовал непроглядными тенями гладкую спинку мраморной скамьи, у подножия которой виднелось нечто темное, неподвижное — бывший государь Атталусский, несостоявшийся король Аквилонии.

— Вот так-то, Аскаланте... вот так-то...— прошептал стигиец, и его глаза блеснули во тьме двумя красными бликами, как у вампира.

Нагнувшись, он зачерпнул из растекшейся лужи пригоршню загустелой крови и стал втирать ее в голову металлической змеи, пока желтые блики не покрыла алая пленка.

— Отврати взор свой, о хранящая тайну змея,— нараспев произнес он вгоняющим в дрожь шепотом.— Отврати взор свой от света луны и отверзни очи свои для исподнего мрака! Что видишь ты там, о вещая змея Сета? Кого призываешь ты из пределов вечной Тьмы? Чья тень готова покрыть меркнущий Свет? Вызови его для меня, о змея!

Его пальцы тем временем исполняли странный танец, особым образом поглаживая металлические чешуйки. Танец, чей замысловатый ритм начинался и оканчивался в одном и том же месте. Голос стигийца звучал все тише, так что посторонний слух уже не мог бы разобрать ни зловещих имен, ни ужасающих заклинаний, давным-давно позабытых повсюду в мире, кроме отдаленнейших уголков Стигии, где в тиши старинных кладбищ чутко дремлют жуткие тени...

И вот наконец неподалеку в воздухе наметилось некое движение, что-то вроде завихрения, производимого подводными

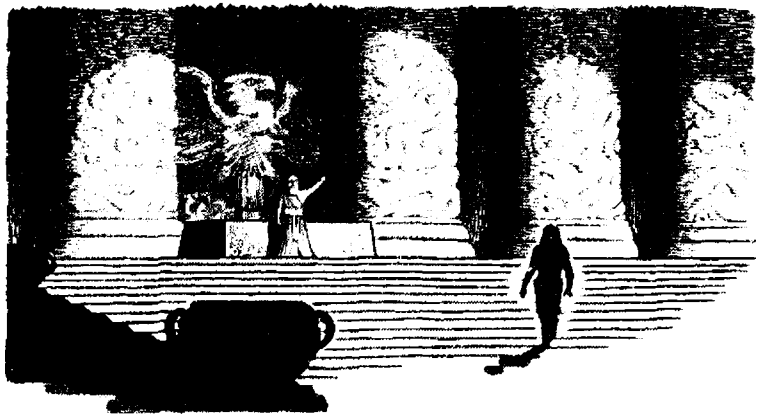
существами, поднимающимися к поверхности. Иномировой ветер повеял на Тот-амона могильным холодом, как если бы где-то рядом открылась дверь в неизвестное. Стигиец ощутил присутствие у себя за спиной, но оглядываться не стал. Он упорно смотрел на залитую лунным сиянием стену из гладкого мрамора, где начала оформляться неясная тень. Под беспрерывный шепот заклинателя тень принялась расти, становиться все отчетливее и страшнее. Она чем-то напоминала гигантского бабуина, правда, таких бабуинов от сотворения мира не водилось нигде на земле, даже в Стигии. Тот-амон по-прежнему не оглядывался. Вытащив из поясной сумки сандалию своего хозяина (хранимую в смутной надежде как раз на такое вот применение), он кинул ее себе за спину.

— Постигни же ее хорошенько, о раб Кольца! — воскликнул чародей.— Найди и уничтожь носившего ее! Взгляни ему в глаза и истреби его душу, прежде чем разорвать ему горло. Убей же его...— и в слепом порыве страсти Тот-амон выкрикнул: — И всех, кто будет подле него!

Чудовищная тень, ясно видимая на мраморной стене, опустила голову, точно ищейка, готовая взять след... Кончив принюхиваться, жуткая тварь крутанулась — и пропала, только ветер прошумел в кронах деревьев.

Стигиец в невыразимом восторге потряс над головой вскинутыми руками, его зубы и белки глаз одинаково ярко белели в свете луны...

...Воин, сторживший городские укрепления, заорал от внезапного ужаса, когда невероятная тень с горящими глазами одним прыжком одолела стену и вихрем пронеслась мимо него, исчезнув в ночи. Все случилось до того быстро, что ошеломленный солдат так и остался гадать, не примерещилось ли ему...



IV

Когда человек совсем изнемог
Во власти демонов злых,
На Сета я поднял огнь и клинок
И соки дерев святых.
Сегодня в могиле покоюсь я,
А мимо века спешат.
Забыт ли я теми, от Змея чья
Была спасена душа?..

Дорога Королей

В спальне короля Конана потолок был выполнен в виде высокого золотого купола, но спавшего под этим куполом сегодня донимали беспокойные сны. Он блуждал в вихрящихся серых туманах, сквозь которые до него доносился странный далекий зов. Зов был едва слышен, но Конан вскоре убедился, что не в его власти было выкинуть его из сознания. Вытащив на всякий случай меч, он двинулся сквозь туманы, как путешествующий по горам иной раз бредет сквозь облака. Голос, звавший его, между тем делался яснее и громче, и спустя некоторое время Конан разобрал слово, произносимое вдалеке.

Кто-то взывал к нему сквозь бездны пространства и времени, произнося его собственное имя.

И вот туман начал мало-помалу редеть, и Конан обнаружил, что бредет по гигантскому темному коридору, вырубленному в сплошной толще черного камня. Освещения не было заметно, но некоторым чудесным образом Конан ясно различал окружающее. Гладкие стены, пол и потолок тускло мерцали, переливаясь силуэтами древних героев и полузабытых богов. Конан невольно содрогнулся, приметив громадные смутные облики Безымянных Древних Сил, и ощутил необъяснимую уверенность, что никто из смертных не проходил этим коридором очень-очень давно. Наверное, уже много веков.

Потом началась широкая лестница, вырубленная из того же черного камня, сплошь обрамленная могущественными знаками столь неописуемой силы и древности, что у короля Конана мороз пробежал по спине, когда он к ним присмотрелся. А ступени — каждую из них — украшало изображение мерзостного Древнего Змея, Сета, так что идущий как бы попирал старинного Врага каждым своим шагом. Конан понял и оценил замысел зодчего, вот только легче от этого ему почему-то не стало.

А голос все звал и звал его вперед, сквозь тьму, которую наверняка не смогли бы пронизать его глаза, будь он здесь во плоти. И наконец Конан вступил в обширный подземный зал... чтобы увидеть там каменную гробницу и восседающую на ней смутно видимую седобородую фигуру. У Конана аж волосы шевельнулись, он невольно схватился за меч... Но тут старец заговорил с ним.

— Знаешь ли ты, человече, кто я такой? — осведомился он замогильным голосом.

— Клянусь Кромом, понятия не имею! — ответил король.

— О человек, я - Эпимитрий.

— Но...— Конан даже заикаться начал от изумления,— но ведь Эпимитрий Мудрый... он, то есть ты... полторы тыщи лет уже как помер!

— Внемли же! — повелительно прозвучало в ответ.— Камешек, брошенный в темный пруд, отсылает волны бежать к невидимым берегам. Так и происходящее в Незримом Мире

отозвалось волнами, постучавшимися в мой сон. Я давно присматриваюсь к тебе, Конан из Киммерии, и вижу печать избранничества на челе твоем, а в сердце — готовность к великим делам. Однако тебе противостоят немалые силы, и против них твой меч не помощник...

— Хватит загадками говорить, дед, — проворчал Конан. Ему было не по себе. — Мне бы этих врагов только увидеть, я бы сразу им зубов поубавил...

— Прибереги свою варварскую ярость для тех недругов, которые из плоти и крови, — строго ответила тень. — Мое дело — защитить тебя вовсе не от людей. Знай же: есть миры, о которых едва догадываются смертные, и в этих мирах полным-полно неназываемых чудовищных тварей. Лишь злые колдуны способны выкликать из Внешних Бездн эти сущности, заставляя их обретать плоть, чтобы когтить и рвать тех, на кого им укажут. Знай же, о венценосец, — в твоем доме свила гнездо змея! Скользкая гадина, выползшая из теней Стигии и несущая в темной душе своей самую черную премудрость. Спящему, чей разум настороже, обязательно приснится змея, подкравшаяся наяву, — так и я ощутил опасное присутствие ученика Сета. Сейчас он упивается вернувшейся силой, он способен нанести удары, могущие поколебать твою державу, о Конан! Поэтому я и воззвал к тебе — воззвал, дабы вооружить тебя против стигийца и его демонической своры...

— По почему?.. — недоумевая, вопросил Конан. — Люди говорят, ты сидишь в черном сердце Голамиры, откуда во дни великой нужды посылаешь свой крылатый дух на выручку Аквилонии... Но я же... Я — варвар, я чужестранец на аквилонском престоле...

— Умолкни! — Властный голос гулко отдался под сводами угрюмой пещеры. — Твоя судьба неотделима от судеб Аквилонии. Грядущее чревато великими событиями, и я не потерплю, чтобы кровожадный чародей встал на пути державных свершений. Много веков назад мир задыхался в кольцах Змея Сета, как задыхается несчастная жертва, удушаемая питоном. И я всю жизнь бился против него — а мой век был втрое длин-

нее, чем у обычных людей. И я загнал-таки его во мрак таинственного юга, и лишь в Стигии люди, как встарь, поклоняются тому, кого мы называем Великим Врагом. А я, дравшийся прежде с Сетом, поныне не даю спуску его посланцам, ученикам, поклонникам и клевретам... Дай мне твой меч!

По-прежнему мало что понимая, Конан тем не менее повиновался. И там, где широкое лезвие соединялось с тяжелой серебряной рукоятью, костлявый старческий палец начертал символ, вспыхнувший в потемках белым огнем. Тотчас пропали и старец, и подземный зал, и гробница... а Конан, тяжело дыша, вскинулся на ложе под золотым куполом своей опочивальни. Он вскочил, озираясь, силясь разобраться в странностях промелькнувшего сна... И обнаружил, что действительно сжимает в руке меч. И вот тут у него в самом деле шевельнулись волосы на затылке, потому что на знакомом клинке оказался выгравирован символ, которого прежде там не было,— силуэт феникса.

Конан сразу вспомнил каменное изваяние феникса, осенявшее крыльями гробницу в приснившейся ему пещере, и задался невольным вопросом: а было ли то просто каменное изваяние?..

От подобных размышлений у короля снова пробежал по коже мороз...

Конана вернул к реальности звук крадущихся шагов, еле слышно донесшийся из-за двери. Король не стал выяснять, кто там крадется, а принялся быстро и бесшумно облачаться в боевую броню. В нем снова проснулся варвар, чуткий и бдительный, словно волк на охоте. Правду молвить, этот варвар никогда крепко и не засыпал...

V

Что мне до вашей тонкой лжи, до злата и интриг?
Я к первородной простоте с младенчества привык.
Молчат чужие уста, когда глаголет меч...
Вернитесь и умрите, псы! Я сам иду навстречу!

Дорога Королей

Сквозь темноту и тишину дворцового коридора крались два десятка незваных гостей. Их ноги, босые либо в мягкой кожаной обуви, неслышно скользили по мрамору и толстым коврам. Редкие факелы, установленные в нишах, бросали кровавые отсветы на блестящие обнаженные кинжалы, мечи и остро отточенные топоры.

— Тихо там!.. — прошипел Аскаланте.— Кто это из вас так громко пыхтит? А ну прекратить!.. Начальник ночного караула убрал из этих покоев кого только мог, а остальных мертвецки напоил не для того, чтобы нас погубила собственная неосторожность... Ой, все назад!.. Стража идет...

Заговорщики шарахнулись назад, прячась в густой тени за колоннами, и очень скоро мимо них мерным шагом проследовали десять гигантов в черной броне. Они с сомнением поглядывали на старшину, который зачем-то уводил их с назначенного поста... Сам этот старшина выглядел неестественно бледным. Когда воины проходили место, где прятались заговорщики, он трясущейся рукой смахнул со лба пот... Старшина был мо-

лод, и решение предать короля далось ему нелегко. Будь она проклята, эта расточительная любовь к пустой роскоши, из-за которой он оказался по уши в долгах и стал пешкой в руках интриганов!..

Позвякивая латами, стражники прошагали мимо и скрылись в глубине коридора...

— Отлично,— усмехнулся Аскаланте.— Итак, Конан спит беззащитным. Поторопимся же! Если нас застигнут в момент убийства, нам конец. Но кому понадобится заступаться за уже мертвого короля?

— О да, поторопимся! — воскликнул Ринальдо, чьи голубые глаза сверкали еще ярче клинка, воздетого над головой.— Мой меч жаждет!.. Я слышу шорох крыльев над головой — это стервятники собираются к падали! Вперед!..

Они во всю прыть, уже почти не скрываясь, устремились дальше по коридору и наконец остановились перед позолоченной дверью. На ней красовался царственный дракон — герб Аквилонии.

— Громель! — позвал Аскаланте.— Ну-ка высади мне эту дверь!

Исполин набрал побольше воздуху в грудь — и всем телом протаранил резные панели. Дверь застонала и подалась. Новый удар... Дверь отозвалась треском дерева и скрипом металла — и, сорвавшись с петель, рухнула внутрь.

— Вперед!..— взревел Аскаланте, опьяненный первой удачей и самой необратимостью содеянного.

— Вперед!..— закричал Ринальдо.— Смерть тирану!..

Они дружно качнулись внутрь опочивальни... И замерли на месте.

Перед ними стоял король Конан.

Но не голый, ошарашенный и безоружный, каким они его себе представляли, разбуженный внезапным вторжением и готовый умереть под ударами, точно баран на бойне... Ничуть не бывало! Перед ними стоял могучий и яростный варвар, успевший накинуть кольчугу и схватить в руки меч!

На какой-то шаткий миг они замерли друг против друга: четверо мятежных вельмож в проеме высаженной двери, негодяйские рожи у них за спиной...— и великан с горящими глазами, стоявший с мечом наготове посреди озаренной свечами опочивальни... Правду молвить, заговорщикам было от чего прийти в замешательство! Но вот Аскаланте заметил на столике возле ложа серебряный скипетр и тонкий золотой обруч — знаки монаршей власти Аквилонского королевства,— и это зрелище лишило его остатков здравого смысла.

— Вперед, мои головорезы! — взревел бывший царедворец.— Он без шлема, и нас тут двадцать на одного!

Конану в самом деле недостало времени на то, чтобы надеть тяжелый перчатый шлем или зашнуровать как положено боковины кирасы. Он даже щит со стены сорвать не успел. Тем не менее доспехов на теле короля было побольше, чем у любого из заговорщиков, кроме Вольманы и Громеля, явившихся в полном вооружении.

Сурово и грозно смотрел на них Конан, пытаясь угадать, кто же это на него нападает. Аскаланте был ему незнаком, еще двое прятали лица за опущенными забралами, а Ринальдо стянул на самые глаза широкополую шляпу. Впрочем, на то, чтобы строить загадки, времени уже не было. Со слитным воплем, потрясшим дворец до самой крыши, убийцы хлынули в комнату. Громель наскочил на Конана первым — низко пригнувшись, точно атакующий бык, он держал меч наперевес, чтобы первым же выпадом выпустить противнику кишки. Конан рванулся навстречу, вкладывая в размах меча всю свою тигриную мощь. Свистящий клинок вычертил в воздухе серебряную дугу и обрушился боссонцу на шлем... Страшный удар вдребезги разнес и шлем, и оружие. Громель рухнул на пол бездыханным, Конан же отскочил назад, сжимая осиротевшую рукоять.

Разбитый шлем обнажил знакомые черты предводителя Черного Легиона, и глаза короля вспыхнули яростью.

— Громель! — вырвалось у него, как плевок...

А в следующий миг на него насела вся остальная свора. Чей-то кинжал скользнул по его ребрам между половинками кирасы, перед самыми глазами мелькнул обнаженный меч... Левой рукой Конан отшвырнул владельца кинжала, а правой, точно кастетом, обломанной рукоятью шарахнул меченосца в висок — так, что мозги брызгами полетели ему в лицо.

— Вы там, пятеро, стерегите дверь!..— завизжал Аскалан-те, мечась возле края лязгающего стального водоворота. Он боялся, как бы Конан не прорвался сквозь ряды заговорщиков и не выбежал в коридор.

Негодяи подались назад все сразу — откуда им было знать, к кому именно обращался главарь,— а Конан, воспользовавшись мгновением передышки, метнулся к стене и сорвал с нее древний боевой топор, что висел там, никем не тревожимый, добрых полвека.

Стоя спиной к стене, киммериец обвел глазами готовое сомкнуться кольцо головорезов, а потом... потом прыгнул вперед, в самую гущу врагов. Обороняться? Еще чего! Каким бы погибельным ни было неравенство сил, Конан-варвар признавал только один вид боя — нападение!

В нынешних обстоятельствах любой другой воин уже давно бы погиб, да и сам Конан не особенно надеялся выжить... Но прежде чем пасть, он был намерен забрать с собой как можно больше врагов. Его варварская душа пылала восторгом смертного боя, и песни о древних героях отдавались в ушах.

Летя в прыжке от стены, он стремительным ударом разрубил одному из нападавших плечо и тут же наотмашь сплющил череп другому. Кругом ядовитыми гадюками свистели в воздухе чужие мечи, но смерть всякий раз промахивалась, пускай и на волосок. Киммериец двигался до того быстро, что глаз не успевал уследить. Он прыгал, крутился и стелился по полу, точно тигр в стае обезьян. Враги никак не могли попасть по нему, между тем как его топор знай выписывал смертоносные полосы и круги...

Начавшие отчаиваться убийцы в какой-то момент попытались просто смять его числом, загоняя в угол и вслепую осыпая ударами; однако им помешала их собственная численность, и, не совладав, они вновь отпрянули, оставив двоих мертвецов лежать на полу немыми свидетелями ярости короля-варвара.

У самого Конана тоже кровоточили раны на плече, шее и обеих ногах, но он крепко стоял и был готов драться.

— Сброд! Проходимцы! — вскричал Ринальдо, срывая и отшвыривая прочь шляпу с пером. Его глаза безумно горели.— Вы что, бежать изготовились? Бежать и оставить жизнь деспоту?.. Покончим же с ним!

И он очертя голову устремился вперед, пытаясь то ли рубить, то ли колоть, но Конан, узнав его, ограничился тем, что коротким страшным ударом раскроил у него в руке меч, после чего ладонью свободной руки отшвырнул поэта далеко в сторону. Почти сразу ему пришлось отмахиваться от клинка Аскалонте, и бедный ведьможка спасся от свистящего топора только тем, что сложился вдвое и отлетел спиной вперед прочь. Опять закружилась хищная стая, и снова топор Конана запел свою смертоносную песнь... Вот какой-то нечесаный разбойник нырнул под удар и бросился королю в ноги, желая его повалить... С таким же успехом он мог бы ронять железную башню. Осознав неудачу, он вскинул глаза — как раз вовремя, чтобы заметить опускающийся топор... Больше он не успел уже ничего.

Именно в этот момент кто-то из его товарищей метко рубанул широким двуручником и рассек наплечник короля, ранив прикрытое им плечо. Кираса Конана немедленно наполнилась кровью.

Завидев это, Вольмана расшвырял своих товарищей вправо и влево и в победном исступлении подскочил ближе, нацеливая смертельный удар в ничем не защищенную голову короля. Конан, однако, успел пригнуться, и вместо головы лезвие смахнуло лишь прядь его густых черных волос. Не теряя вре-

мени даром, Конан с разворота всадил топор во вражеские доспехи. Сталь беспомощно хрустнула, проминаясь и лопаясь под ударом, и заговорщик упал замертво.

— Вольмана,— выдохнул Конан.— Ну, коротышка, доберусь же я до тебя, когда попаду в преисподнюю...

Выпрямляясь, он оказался носк носу с Ринальдо. Безумный поэт ринулся на него, беспорядочно размахивая кинжалом. Конан отшатнулся прочь, защитным движением вскидывая топор.

— Назад, Ринальдо! — приказал он с яростью и отчаянием.— Ну не хочу я тебя убивать!..

— Умри, тиран!!! — завизжал спятивший стихотворец и, не разбирая дороги, бросился на короля.

Конан всячески пытался его уберечь, он до последнего медлил с ударом, которого очень не хотел наносить, и отмахнулся, только когда кинжал Ринальдо ткнулся ему в незащищенный бок.

Иначе ему пришлось бы умереть самому...

Ринальдо запрокинулся и осел, Конан же, шатаясь, привалился к стене. Левой рукой он зажимал рану в боку, и между пальцами густо текла кровь.

— Вперед, вперед, добейте его! — кричал Аскаланте.

Опираясь на стену, Конан снова поднял топор... В эти мгновения с него можно было ваять памятник несгибаемому первобытному мужеству. Ноги широко расставлены, одна рука упирается в стену, другая заносит топор, синие глаза жутко горят на оскаленном, залитом кровью лице, жилистые мышцы вздулись коваными буграми...

Он был до того страшен, что нападающие невольно попятились. Все эти отпетые головорезы и прожженные негодяи вышли из худо-бедно цивилизованной среды, а тут перед ними был истинный варвар, дикий хищник, природный убийца. И они отступили, потому что умирающий тигр был способен причинить смерть еще не раз и не два...

Конан ощутил их неуверенность и оскалился еще страшнее.

— Ну? — прохрипел он разбитым, окровавленным ртом.— Кому первому не терпится на тот свет?..

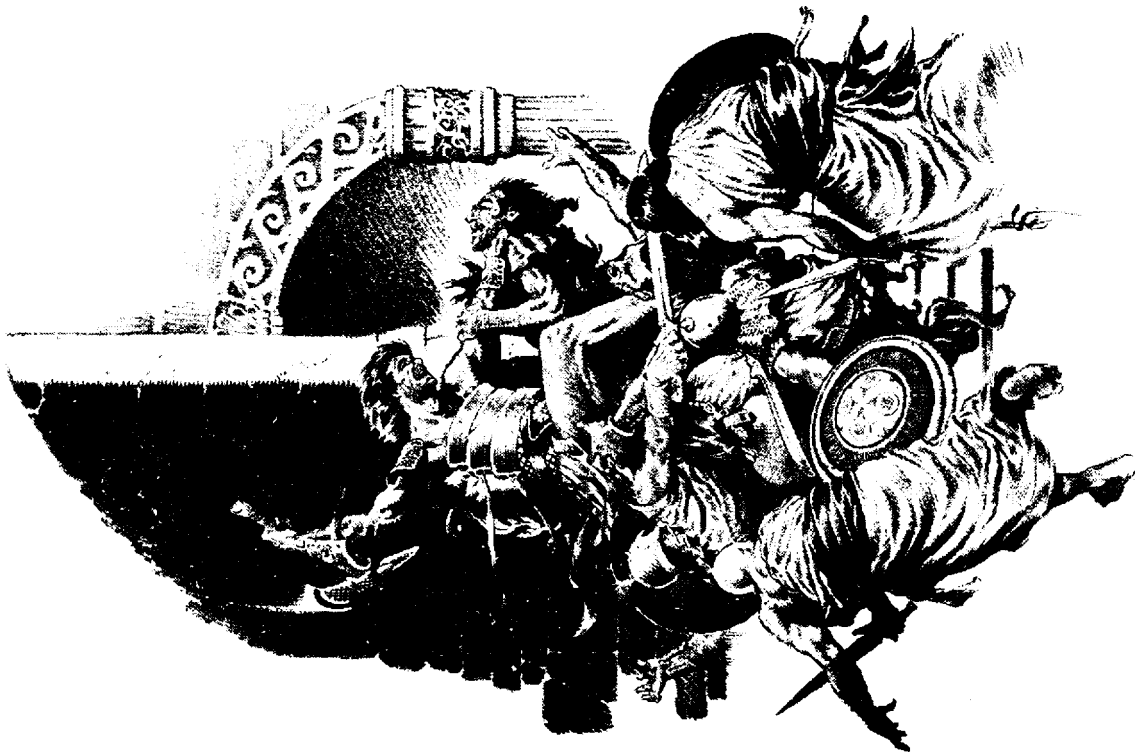
Аскаланте прыгнул, как волк. И, как волк, сумел остановиться на середине прыжка, чтобы с невероятным проворством распластаться на полу и уйти от смерти, с шипением взметнувшейся навстречу. Кое-как он успел подобрать ноги и откатиться в сторону, ибо Конан, промазав с ударом, замахнулся опять. На сей раз лезвие глубоко врубилось в мраморный пол совсем рядом с ногами вертящегося волчком Аскаланте.

Один из головорезов выбрал этот момент для стремительного броска. Он намеревался убить Конана, пока тот будет выкорчевывать из пола топор, но ошибся в расчетах. Кровавая сталь взвилась навстречу... и отбросила под ноги нападавшим нечто бесформенное, совсем недавно бывшее человеком.

И в этот самый миг у пятерых негодяев, приставленных стеречь дверь, слитно вырвался ужасающий вопль, а на освещенную стену пала непроглядная уродливая тень. На вопль обернулись все, кроме Аскаланте... а еще через миг вся толпа уцелевших ломанулась в дверь, богохульствуя и по-собачьи подвывая от непереносимого страха.

Вот уже крики мерзавцев затихли в темноте коридора, но Аскаланте так и не оглянулся. Он смотрел лишь на израненного короля. Не иначе отчаянные вопли беглецов подняли на ноги весь дворец, так что следовало ждать скорого прибытия стражи... и оставалось неясным, что же могло обратить его закаленных разбойников в столь поспешное бегство...

Конан на дверь тоже не смотрел — он следил за бывшим вельможей немигающим взглядом обреченного, но все еще грозного волка. А потом Аскаланте вдруг заговорил, и оказа-



лось, что даже в такой момент аквилонцу не изменила его циничная философия.

— Все пропало, в особенности — честь,— пробормотал он.— Зато король, чего доброго, так стоя и помрет, и...

К каким дальнейшим умозаключениям он еще мог прийти, так и осталось навсегда неизвестным, ибо, не довершив последней фразы, Аскаланте снова устремился на Конана, подгадав, когда тот будет вынужден свободной рукой утереть кровь, заливавшую ему глаза.

Но едва он начал атаку, как в воздухе наметилось некое движение, и тут же ему на спину между лопаток обрушился удар чудовищной туши. Аскаланте швырнуло вперед, в его тело мучительно впились кривые длинные когти... Корчась в муках под придавившей его тяжестью, Аскаланте кое-как вывернул шею... только для того, чтобы уставиться прямо в морду воплощенному кошмару, порождению безумия. Его терзала черная тварь, просто не имевшая права принадлежать к этому миру. Клыки, облитые темной слюной, тянулись к его горлу, а взгляд желтых глаз заставлял душу и тело трепетать былинками на жестоком ветру.

Ни одно обычное животное, даже самое лютое, не способно было навевать подобный ужас. Такая морда могла бы быть у злобной древней мумии, пробужденной темными чарами к чудовищному подобию жизни. Но самое страшное было то, что в чертах инфернальной твари лезущие из орбит глаза жертвы вдруг уловили некое ускользающее сходство с физиономией презренного раба — Тот-амона. Вот тут Аскаланте не помог весь его привычный цинизм. Дико закричав, он испустил дух еще прежде, чем слюнявая пасть добралась-таки до его глотки.

Конан между тем наконец протер от крови глаза — и застыл в недоумении. Сперва ему показалось, будто над телом Аскаланте стоял громаднейший черный пес; потом, окончательно проморгавшись, он понял, что это был не только не пес, но даже и не бабуин.

С криком, который словно эхо повторил предсмертный вопль Аскаланте, Конан качнулся вперед от стены — и встретил прыгнувшую тварь броском топора, в который была вложена вся сила его отчаяния, вся резкость воспламененных нервов... Сталь со звоном отскочила от покатого черепа, который должна была разрубить, и силой столкновения короля отбросило на другой конец опочивальни.

Падая, Конан вскинул руку защитить горло, и его кисть немедленно оказалась в отвратительной пасти чудовища... Но оно почему-то не поспешило смыкать челюсти в мертвой хватке. Оно лишь вперило взгляд в глаза короля, в которых скоро начало возникать подобие того же самого страха, что до сих пор отражался в зрачках мертвого Аскаланте. Конан ощутил, как подались самые корни его души, как ее начало исторгать из тела и затягивать в желтые колодцы вселенского ужаса, что громоздился над ним, готовясь поглотить его жизнь и ясный рассудок. Глаза монстра все росли и росли, заставляя уверовать в вещественность непостижимо богомерзких созданий, таящихся во внешней тьме мироздания. Конан хотел закричать от ненависти и омерзения, но из горла вырвался только сухой хрип...

Но даже для этого порождения преисподней киммериец не оказался легкой добычей! Не в пример Аскаланте, умершему от страха, Конан взорвался лютым бешенством, не имевшим никакого отношения к здравому смыслу. Невероятным усилием всего тела он рванулся прочь, наплевав на неистовую боль в пронзенной клыками руке. Ему удалось сделать движение и увлечь с собой навалившееся чудовище, его свободная ладонь зашарила по полу... и вдруг нащупала что-то, в чем недреманная память воина тотчас опознала знакомую рукоять поломанного меча. Не думая, Конан схватил подвернувшееся под руку оружие и ударил им, точно кинжалом, собрав воедино всю мощь мускулов, сухожилий и нервов... Обломанный клинок вошел неожиданно глубоко, и пасть на руке Конана вдруг разжалась, а у чудища вырвалось нечто вроде

болезненного всхлипа. Выползок из тьмы оказался в итоге не таким уж и неуязвимым!.. Вот по телу монстра прошла жуткая судорога, короля отбросило далеко прочь, и, приподнявшись на локте, он оцепенело следил, как бился и корчился на полу его враг, а из раны, нанесенной обломком клинка, тугими струями хлестала черная кровь... Вот корчи постепенно затихли, сменившись последними подергиваниями... И наконец тварь распростерлась на мраморе, глядя в потолок остановившимися желтыми зенками. И Конан, заморгав, принялся тереть кулаком глаза: ему показалось, будто мертвая туша тает, теряет очертания и расползается в черную слизь...

И тут на пороге зазвучали знакомые голоса, и опочивальня заполнилась наконец-то проснувшимися придворными — рыцарями, вельможами, дамами, воинами, советниками... Все они одновременно пытались что-то говорить или кричать, суетились и мешали друг дружке. Подоспели Черные Драконы, раздосадованные и разъяренные, и, ругаясь на множестве языков, мигом растолкали придворных.

Недоставало лишь одного молодого старшины, отвечавшего в эту ночь за охрану королевской спальни. Его так и не разыскали — ни в ту ночь, ни потом...

— Громель! Вольмана! Ринальдо!..— Публий, старший советник, заламывал руки, стоя над трупами заговорщиков.— Какое черное предательство!.. Нет, кое-кто у меня сейчас определенно поплящет... Стражу сюда!..

— Здесь стража, старый ты дурень,— презрительно перебил Паллантид, предводитель Черных Драконов. В этот судьбоносный момент ему было не до чинов.— Хватит уже причитать, помоги лучше королю раны перевязать, пока он кровью насмерть не истек! Неужели не видишь, что на нем живого места нет?

— Конечно, конечно, сейчас,— засуетился Публий. Он умел держать речи в совете, но человеком действия его нельзя было назвать.— Короля необходимо перевязать. Живо сюда всех ле-

карей во дворце! О государь, что за черное пятно на чести нашего города...

— Дайте вина!..— прохрипел Конан с кушетки, на которую его успели уложить. Ему тотчас подносили большой кубок, и он выхлебал вино окровавленным ртом с жадностью человека, полумертвого от жажды. — Вот так-то лучше,— пробормотал он, откидываясь на подушки.— Ну и паршивая, однако, работенка — людей убивать...

Умелые руки успели остановить кровь, и природное жизнелюбие варвара уже понемногу брало свое.

— Посмотри для начала дырку в боку,— велел он примчавшемуся дворцовому лекарю.— Ринальдо мне там неплохой росчерк оставил... а перо у него всегда было острое...

— Давно надо было повесить мерзавца,— сокрушался Публий.— От поэтов вечно жди неприятностей... Э, а это еще кто?

И он пугливо пихнул ногой в сандалии мертвого Аскаланте.

— Во имя Митры! — вырвалось у Паллантида.— Да это ж Аскаланте, бывший граф Тунский! Его-то каким поганым ветром занесло сюда из пустыни?

— И почему у него такой ужас в глазах? — отступая прочь, прошептал Публий.

У него самого вдруг необъяснимо расширились глаза, и словно ледяная рука провела по пухлому затылку против хода волос. Все остальные тоже замолчали, вглядываясь в лицо убитого вельможи.

— Посмотрели бы вы на то, что довелось увидеть мне...— проворчал король. И сел на постели, невзирая на протесты лекарей.— А впрочем, вон оно там валяется. Смо...— И он умолк на полуслове. Его палец показывал в никуда. На месте, где околела тварь, теперь ничего не было видно.— Кром! — выругался Конан.— Эта холера растаяла и утекла назад в нечистые сферы, ее породившие!

— Король в горячке... он бредит...— прошептал кто-то из царедворцев.

Конан услышал этот шепот и разразился божбой, мало подходившей его царственному достоинству.

— ...Во имя Бадб, Морриган, Махи и Немайн! — довершил он серию богохульных проклятий.— Я вам покажу, в какой я горячке! Эта дрянь была точно помесь стигийской мумии с бабуином! Она ворвалась в дверь, и разбойники Аскаланте в ужасе от нее разбежались. Она убила Аскаланте, который как раз собирался меня цырнуть. А потом насела на меня... ну, я ее и прикончил, хотя сам не пойму, как это удалось. Топор-то от нее отскочил, как от каменной... Должно быть, дело не обошлось без Премудрого Эпимитрия, или как его там...

— Вы слышите? — снова зашептались придворные.— Несомненная горячка. Он поминает Эпимитрия, а тот умер пятнадцать столетий назад...

— Клянусь Имиром! — взревел король.— Этой ночью я разговаривал с Эпимитрием, вот как сейчас с вами! Он воззвал ко мне в сновидении, и я шел к нему по черному каменному коридору, сплошь в изображениях всяких старых богов, и там был каменный алтарь на ступеньках, каждая с выгравированным Сетом, а потом пещера с гробницей и фениксом...

— Ради Митры, о мой повелитель, умолкни, прошу тебя! — подал голос первосвященник, бледный, точно зола.

Конан вскинул голову движением льва, встряхивающего гривой, и его голос отдавал эхом гневного львиного рыка:

— Я тебе что — раб, чтобы по каждому твоему чиху рот закрывать?

— Ни в коей мере, о государь! — Жреца так и трясло, но вовсе не из страха перед монаршей немилостью.— Я вовсе не хотел тебя оскорбить... — И, низко нагнувшись, он зашептал так, чтобы лишь Конан слышал его: — Государь мой, ум человеческий не в силах постичь случившееся с тобой... Лишь узкому кругу посвященных в высшие тайны известно о черном каменном коридоре, прорезанном неведомыми руками до самого сердца горы Голамира, и о фениксе, хранящем покой мо-

гилы, в которой пятнадцать веков назад был погребен Эпимитрий. С тех пор ни единая живая душа не входила туда – ибо, опустив Мудреца во гроб его вечного упокоения, избранные жрецы наглухо замуровали внешний выход из коридора. Сегодня даже нам, высшему жречеству, доподлинно неизвестно, где он находится... Лишь несколько человек поколение за поколением из уст в уста передают, что – да, Эпимитрий воистину покоится там, в черном сердце Голомиры... И это одна из Святых Тайн, на которых держится поклонение Митре!

— Ну, мне-то почем знать, какой такой магией Эпимитрий меня призывал,– проворчал в ответ Конан.– Но я точно с ним говорил! И он еще пометку сделал на клинке моего меча, да такую, что демон издох от первого же удара. Меч я, правда, в самом начале заварухи сломал о башку Громеля, но и кусочка хватило, чтобы адская тварь испустила дух. А что тут к чему и какие за всем этим чары – не моего ума дело...

— Позволь же мне взглянуть на твой меч,– прошептал священник, и голос его дрогнул, потому что в горле неожиданно пересохло.

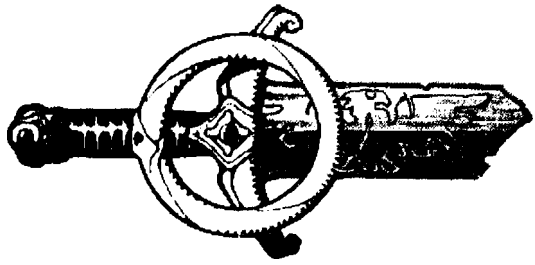
Конан протянул ему рукоять с обломком клинка, и жрец, вскрикнув, тут же рухнул на колени.

— Митра да защитит нас от сил тьмы!..– вырвалось у него.– Воистину, наш король нынче ночью виделся и говорил с Эпимитрием! Вот здесь, на мече – это тайный знак, который мог нанести лишь Мудрец, и никто, кроме него! Символ бессмертного феникса, вечно бдящего над его могилой!.. Свечу мне, скорее! Дайте я взгляну повнимательнее на то место, где, как говорит король, умерло порождение бездны...

Место это находилось позади разломанной ширмы. Ее мигом убрали, и мраморный пол залился светом множества свечей... Народ разом ахнул и замолчал. Потом кто-то упал на колени, взывая к Митре, а кто-то, наоборот, с визгом кинулся вон.

Ибо там, на полу, где издохло страшилище, осязаемой тенью распростерлось темное пятно, которое впоследствии так

и не сумели отмыть. Растекшаяся кровь твари четко очертила контуры ее тела, и было ясно с первого взгляда, что подобное тело никак не могло родиться под звездами этого мира. Жуткий силуэт распластался на полу, словно тень какого-нибудь обезьяноподобного бога с темного алтаря в недоброй стране Стигии...



Дочь ледяного исполина

...И вот затих лязг и грохот мечей, смолк наконец оглушительный гомон сражения, и на залитый кровью снег пала та особенная тишина, которая бывает только после боя. Негреющее бледное солнце, нестерпимо отражавшееся от ледников и снежных полей, рождало острые серебряные блики на гранях разбитых доспехов и обломках клинков, и мертвые так и лежали там, где застала их смерть. Безжизненные руки еще сжимали бесполезные рукояти, головы в шлемах запрокинула предсмертная мука, русые и рыжие бороды торчали к небесам, словно призывая в последний раз Имира — ледяного исполина, покровителя воинственных племен.

Все было мертво, лишь двое воителей еще стояли друг против друга среди алых потеков и груд неподвижных тел, и их взгляды пламенели неугасимой враждой. Над ними простиралось морозное небо, кругом лежала беспредельность снежных полей, а у ног — мертвец на мертвеце. Двое медленно сходились, шагая через тела, точно последние призраки в обезлюдевшем мире. И вот они встали лицом к лицу, и некоторое время тишину не нарушал даже скрип снега.

Оба рослые, широкоплечие и поджарые. Тот и другой давно потеряли щиты, и у обоих доспехи сплошь покрывали вмятины и зарубки. На кольчугах подсыхали багровые пятна, мечи

© Перевод М. Семёновой.

побурели от пролитой крови. Рогатые шлемы несли отметины множества свирепых ударов. Один из воителей был безбород, с густой черной гривой волос. У другого волосы и борода отливали такой огненной медью, что даже кровь казалась в них малозаметной.

Рыжий подал голос первым.

— Скажи мне свое имя,— проговорил он.— Что отвечу я братьям, живущим в Ванахейме, когда меня спросят, кто последний из войска Вульфхере пал под мечом Хеймдаля?

— Ты скажешь им, что встретил Конана из Киммерии,— раздался в ответ рык черноволосого.— Только болтать об этом ты будешь не в Ванахейме, а на небесах — в Вальхалле!

Хеймдаль с ревом устремился вперед, его меч свистнул в смертоносном размахе. Удар по шлему заставил Конана пошатнуться, перед глазами заплясали алые огоньки. Впрочем, и сам меч не выдержал столкновения — добрая сталь разлетелась голубыми искрами. Полуоглушенный, Конан тем не менее сделал выпад, и его клинок с коротким шипением вспорол воздух. Отточенное острие рассекло и чешуйчатую броню, и кости, и плоть... и самое сердце. Рыжеволосый воитель пал мертвым к ногам киммерийца.

Конан выпрямился, опираясь на меч, и тут-то на него в полной мере навалилась тошнотворная, чудовищная усталость. Привычное вроде бы сверкание снега под солнцем стало резать глаза, точно ножом, а светящееся небо словно бы съежилось и отдалилось. Конан отвернулся от истоптанного поля, где светловолосые и рыжие воины громоздились один на другом в объятиях смерти. Кое-как он сделал несколько шагов... Слепящая белизна снегов внезапно начала меркнуть перед глазами. Конан осел наземь и, опираясь на руку, встряхнул головой, как лев гривой, пытаясь прочистить глаза...

Постепенно дурнота оставила его, и мало-помалу зрение начало проясняться. Когда Конан смог приподнять голову и заново оглядеться, он сразу обратил внимание — с миром определенно творилось что-то не то! Что именно, он не взялся бы внятно объяснить, но земля и небо точно выглядели не так, как

всегда. Однако размышлять об этом оказалось некогда. Перед ним стояла женщина, стройная, точно стебелек на ветру. И почти нагая, если не считать легкой накидки из тончайшего шелка. Ее тело отливало слоновой костью, а босые ножки показались Конану белей снега, который они бестрепетно попирали. Девушка смотрела на израненного бойца и негромко смеялась. Ее смех звучал бы нежней серебряного ручейка, не будь в нем столько жестокой насмешки.

— Ты кто?.. — просипел киммериец. — Откуда ты здесь?..

— Разве это важно? — прозвенело в ответ.

Голос красавицы был мелодичней поющей арфы, но какое в нем слышалось бессердечие!

— Что ж, зови сюда своих воинов, — буркнул Конан, нашаривая оружие. — Может, у меня и язык на плече, но живым я не дамся... Ты ведь из ваниров, как я погляжу?

— Кто тебе это сказал? — наклонила головку красавица.

Конан присмотрелся... Ее струящиеся локоны действительно показались ему рыжими, но только на первый взгляд. Нет, они были не рыжими и не золотыми, но некоторым образом сочетали в себе оба цвета, и результат оказался великолепен. А как сияло в этих волосах солнце!.. Конан смотрел и смотрел, приоткрыв рот от восторга. Глаза девушки тоже нельзя было с определенностью назвать ни серыми, ни синими: в них сверкали, менялись, клубились и переливались цвета, которым он не смог бы подобрать правильного названия. Алые губы улыбались, и все тело от пальчиков ног до пышных волос так и дышало истинным совершенством. От вида такой божественной красоты у Конана кровь застучала в висках.

— Не пойму, кто ты, — признался он вслух. — То ли из рода ваниров, а стало быть, мой враг... То ли из Асгарда, где у меня друзья... Долго я странствовал, но такой, как ты, ни разу в жизни не видел! Даже у прекраснейших дочерей белокурых асиров не бывает таких волос. Клянусь Имиром, я...

— Да кто ты такой, чтобы клясться именем Имира? — насмешливо перебила она. — Что можешь ты знать о богах, пове-

левающих снегами и льдом, ты, явившийся с юга искать приключений на холодной чужбине?

— Клянусь грозными богами моего родного народа! — воскликнул Конан рассерженно.— Да, я не родственник золотоволосым асирам, но пусть попробуют потягаться со мной на мечах, тогда и поговорим! Сегодня здесь пало восемь десятков добрых бойцов, когда храбрецы Вульфхере сошлись с волками Браги, а выжил один я! Скажи-ка мне, женщина, видела ты, как блестели кольчуги, как вооруженные воины шагали через ледники?

— Я видела, как сверкал иней под солнцем,— отозвалась она.— Я слышала, как шептал ветер, летя над вечными снегами.

Конан со вздохом покачал головой.

— Мы ждали, чтобы Ньерд со своими людьми присоединился к нам еще до сражения,— пробормотал он. — Боюсь, не угодили ли ребята в засаду... А Вульфхере и все наши мертвы... Слушай, откуда все-таки ты здесь взялась? Мы не видели поблизости деревень, боевой поход завел нас в самую глубь безлюдных земель, но ты не могла явиться издалека — по снегу-то голышом! Отведи меня к своему племени, если вы здесь держите руку асиров! Я устал до смерти и не на шутку изранен...

— Моя деревня далековато отсюда, тебе туда не дойти, Конан-киммериец, — рассмеялась красавица.

Широко распахнув руки, она сделала несколько танцующих шагов перед ним, мерцающие глаза, полуприкрытые длинными шелковыми ресницами, сияли насмешкой.

— Скажи лучше, вправду ли я хороша?

— Как рассвет над снегами, — пробормотал Конан, и его взгляд загорелся охотничьим блеском.

— Тогда почему бы тебе не встать и не пойти следом за мной? — продолжала она. — Что ты за воин, если только и способен валяться в сугробе? Давай, ложись в снежные перины и умри вместе с остальными глупцами, черноволосый Конан... Ты все равно не сумеешь доковылять туда, куда я тебя повела бы!

Насмешка в ее голосе положительно сводила с ума. Выругавшись, Конан кое-как поднялся на ноги, синие глаза опас-

но заблестели, покрытое шрамами темное лицо перекосила гримаса, в душе смешались ярость и вожделение. Страсть, мучительная, как смертная боль, обуяла все его существо, заставив кровь варвара свирепым галопом помчаться по жилам, так что землю и небо перед глазами подернула алая пелена... Какие раны, какая усталость? Он о них даже не вспоминал.

Стремительно и молча он рванулся вперед, протягивая руки, но девушка легко увернулась и понеслась прочь, со смехом оглядываясь через плечо. Конан глухо зарычал и устремился в погоню. Он уже не помнил о битве, о мертвецах в кровавых доспехах и даже о Ньерде, не поспевшем к сражению. Он видел перед собой лишь это белое точеное тело, что, казалось, не убегало, а невесомо уплывало над снегом... Все дальше и дальше через снежную пустыню, нестерпимо горевшую под солнцем...

Давно пропало из виду истоптанное, обагренное поле, но Конан с упорством истинного сына Киммерии не бросал преследования. Ноги в латных башмаках проламывали наст и глубоко увязали в искристом снежном прахе, он то и дело застревал в глубоких сугробах и на пределе сил выламывался из них... Девушка, напротив, невесомо неслась впереди, убегая с легкостью перышка, плывущего в пруду; босые ножки едва оставляли следы на рыхлой пелене, кутавшей наст. Как ни был разгорячен Конан, лютый холод так и кусал его сквозь кольчугу и добротную меховую одежду; девушка в своей прозрачной накидке, казалось, летела в веселой пляске под пальмами розовых садов солнечного Пуантена...

Все дальше вперед вела она Конана, и тот с упорством одержимого следовал за нею, только с пересохших губ срывались все более черные богохульства. Он скрипел зубами, пульсирующие вены надулись у него на висках...

— Все равно ты не убежишь от меня! — взревел он.— Если надумала завести меня в ловушку, я перебью твоих соплеменников, и ты увидишь их головы сваленными в кровавую кучу! Спрячься от меня, и я раскидаю эти горы, чтобы тебя отыскать! Я последую за тобой хоть в преисподнюю!..

В ответ долетел все тот же сводящий с ума издевательский смех, и на губах варвара выступила пена. Девушка уводила его

все дальше в безлюдную глухомань. Безбрежные равнины уступили место низким холмам, а те в свою очередь сменились скалистыми изломанными хребтами, вздымавшимися все отвесней и выше. В северной стороне горизонта засинели громадные горы, увенчанные коронами вечных снегов. Над пиками, переливаясь, играло северное сияние. Призрачный свет широкими веерами раскинулся по небосводу, делаясь все ярче, меняя цвета...

Воздух над головой Конана потрескивал и мерцал, по снегу метались жутковатые отблески — морозно-синие, мертвенно-алые, льдисто-серебряные. Киммериец упорно ломился вперед сквозь зачарованное царство зимы, видеть не видя его безжизненной красоты, — лишь танцующее белое тело, порхающее над снегом всего на шаг впереди... недосягаемо, как и прежде...

Ему недосуг было задуматься о немалой странности всего происходившего, даже когда впереди, заступая дорогу, выросли два гигантских силуэта. Чешуйки их воинской брони посеребрил иней, шлемы и лезвия секир покрывал лед. На волосах исполинов блестел снег, в бородах намерзли сосульки, глаза светились холодными отблесками северного сияния, переливавшегося в небесах.

— Посмотрите-ка, братья, кого я к вам привела! — подлетая к великанам, крикнула девушка.— Убейте погнавшегося за мной и вырвите у него сердце, и мы поднесем его, дымящееся, нашему отцу!

Гиганты откликнулись ревом, напоминавшим скрежет айсбергов на ледяном берегу... И разом занесли сверкающие секиры, встречая распаленного киммерийца. Лезвие топора сверкнуло у него перед глазами, ослепив вспышкой морозного света. Конан ответил страшным ударом, глубоко всадив меч в ляжку врага. Великан со стоном рухнул на землю, но и самого Конана тотчас отбросило прочь, а левое плечо занемело от удара, нанесенного вторым великаном; если бы не кольчуга и латы, он бы умер на месте. Перевернувшись, он увидел нависшего над ним исполина — черную ледяную статую на фоне ярко переливающихся небес... Вот его секира обрушилась вниз, глу-

боко врубившись в промерзшую землю, но Конана там уже не было,— перекатившись, он успел вскочить. Великан с ревом высвободил топор, но меч Конана уже пропел победную песнь. Колени сраженного медленно подогнулись, он поник в снег, и наст окрасился кровью из глубокой раны на шее.

Конан быстро огляделся, ища новых врагов, но увидел лишь девушку. Она стояла неподалеку, глядя на него круглыми от ужаса глазами, и теперь на ее лице не было ни следа прежней насмешки. Конан издал свирепый боевой клич и рукой, дрожащей от ярости, сбросил капли крови с меча.

— Ну?! — рявкнул он.— Зови сюда остальных своих братьев, и я скормлю волкам их сердца! Все равно тебе от меня не...

Девушка не дослушала. Повернувшись, она с испуганным криком кинулась наутек. Она уже не смеялась, не издевалась над ним, улыбаясь через плечо. Она бежала, точно спасаясь от смерти. Конан вложил в погоню все силы, вскоре у него загудело в висках, а снег перед глазами начала заволакивать багровая дымка,— и все же чудесная бегунья все удалялась, истаивая в многоцветном сиянии небесных огней. Вот ее фигурка уподобилась языку белого пламени вдалеке, вот превратилась в неясную синеватую тень... Конан так стиснул зубы, что из десен пошла кровь, но все-таки добился: синеватая тень снова превратилась в язык белого пламени, а тот — в летящую девичью фигурку. Вот уже ее отделяет от него какая-то сотня шагов; вот это расстояние фут за футом начало сокращаться...

Теперь ее невесомый бег сделался вымученным и напряженным, чудесные локоны растрепались, Конан слышал, как тяжело она дышала, и взгляд, брошенный в его сторону, был полон неподдельного ужаса. Угрюмое упорство и железная выносливость варвара сослужили ему хорошую службу. Белые ножки уже не так проворно перепархивали с одного сугроба на другой, девушка пошатывалась от усталости. Вот когда в его неукротимой душе разом вспыхнуло пламя, которое она так неосторожно зажгла! Издав нечеловеческий рык, киммериец сделал последний рывок... Она только и успела, что обернуться и вскинуть руки в попытке его оттолкнуть.

Конан сжал ее в объятиях, уронив наземь меч. Гибкое тело отчаянно извивалось в его железных руках. Золотые волосы метались по его лицу, слепя глаза, но ощущение податливой плоти лишало Конана остатков рассудка. Сильные пальцы глубоко вмялись в нежную кожу... между прочим, холодную, точно лед. Казалось, он обнимал не женщину из плоти и крови, но живое снежное изваяние.

Она воспользовалась мгновением и отвернула лицо, прячась от его неистовых поцелуев.

— До чего же ты холодная,— пробормотал он изумленно.— Прямо как лед! Ну ничего, сейчас я тебя отогрею... Уж во мне-то тепла на двоих хватит...

Но девушка завизжала и отчаянным рывком вывернулась из его рук, оставив в них лишь клочок прозрачной тонкой вуали. Отскочив, она повернулась к нему — всклокоченная, тяжело дышащая, прекрасные глаза полны ужаса. Конан так и застыл, изумленный жутковатым зрелищем ее нагой красоты на белом снегу. До него что-то начало доходить...

И вдруг она вскинула руки, простирая их к небесным огням, плясавшим над головой, и вскричала голосом, которого Конану не суждено было забыть:

Имир!.. Имир!.. Спаси меня, отец мой!..

Конан уже летел в прыжке, протягивая руки, готовый снова ее схватить... И в это время раздался треск, как если бы неподалеку раскололась ледяная гора, и все небо озарилось холодным огнем. Белое девичье тело внезапно окутало голубое пламя, столь яркое, что киммериец вскинул руки, заслоняясь от невыносимого света. Мгновением позже небеса и замстенная снегом земля засияли трескучими белыми пламенами, синими сполохами, мороково-алым огнем. Конан попятился и закричал... Девушки больше нигде не было видно. Сверкающий снег оказался совершенно пуст, лишь над головой играли и метались в сумасшедшей пляске колдовские огни, а далеко-далеко в горах прокатился глухой гром, словно промчалась гигантская колесница, влекомая бешеными конями, чей топот потрясал землю и рождал в небесах эхо.

И тогда у Конана перед глазами все закружилось — полярное сияние, заснеженные холмы — и взорвалось тысячами искрящих огней, а небо завертелось колесом, роняя звезды. Земля под ногами качнулась, потом опрокинулась. Киммериец рухнул в снег и остался лежать неподвижно...

...Вселенная была холодна и темна, солнце в ней погасло много тысячелетий назад, и все же Конан ощутил присутствие жизни. Потом началось землетрясение. Оно длилось и длилось, его трясло и раскачивало, кто-то растирал ему руки и ноги, причиняя такую боль, что в конце концов Конан негодующе заорал и забился, вслепую нашаривая меч.

— Смотри, Хорса, он приходит в себя,— послышался голос.— Ну-ка, надо живо выгнать из него холод, не то он никогда в жизни больше не поднимет меча!

— Он все никак левую руку не разожмет,— проворчали в ответ.— Сжал что-то и не отдает!

Конан открыл глаза и увидел склоненные над ним знакомые бородатые рожи. Его окружали рослые светловолосые воины в меховых одеяниях и кольчугах.

— Конан! — обрадовались они.— Живой, скотина!

— Ради Крома, Ньерд,— прохрипел киммериец.— Скажи мне, я правда живой или мы все погибли и угодили в Вальхаллу?

— Да живые мы, живые,— отозвался золотобородый ас, возившийся с полузамерзшими ступнями Конана.— Мы нарвались на засаду и вынуждены были прорубать себе путь... Потому-то вам и пришлось драться с ванами без нас. Когда мы подоспели, тела павших едва успели остыть... Мы не увидели тебя среди мертвых, зато взяли твой след и пошли по нему... Имир свидетель, Конан, ну что за нелегкая понесла тебя в эти северные пустоши? Мы много часов разыскивали тебя и еле нашли! А если бы поднялась метель и все замела? Клянусь Имиром, мы...

— Не поминал бы ты Имира через слово,— опасливо косясь на далекие горы, пробормотал кто-то из воинов.— Как-

никак это его края, и люди поговаривают, будто этот бог обитает во-он за теми хребтами...

– Я видел женщину, – точно в полусне проговорил Конан.– Мы бились с людьми Браги на равнине... Долго ли шел бой – не знаю... Я один остался в живых. Еле на ногах стоял от усталости... Все виделось как в тумане... Вы не поверите, все стало обычным и знакомым только теперь... Эта женщина подошла и принялась дразнить меня и насмехаться. Она была прекрасна, точно заледеневшее пламя преисподней... Я посмотрел на нее, и у меня ум помрачился... Я весь свет позабыл и помчался за ней... Странно, правда? Вы видели ее следы? А великанов в ледяной броне, которых я сразил,– видели?

Ньерд отрицательно покачал головой.

Мы только твои следы видели на снегу, Конан.

– Ну, значит, я точно спятил,– вздохнул киммериец.– Но я видел ее так же ясно, как вас сейчас. Она была вещественней вас всех, вместе взятых, эта нагая золотоволосая ведьма, удиравшая от меня по сугробам... А когда я все же сгреб ее и стал целовать, она упорхнула во вспышке ледяного огня...

Бредит, – прошептал кто-то из асиров.

Да не бредит он! – оборвал юнца воин постарше, чей глубокий взгляд говорил о причастности к древнему знанию.– Он видел Атали, дочь Имира, ледяного исполина! Она посещает поля битв, заваленные мертвецами, и позволяет себя узреть умирающим! Я сам видел ее, когда мальчишкой умирал от ран на поле Вольравен! Я видел, как она шла между убитыми по снегам, и ее нагое тело мерцало, точно гладкая слоновая кость, а золотые волосы нестерпимо сияли в свете луны! А я лежал там и выл, точно издыхающий пес, потому что тяжелые раны не давали мне пойти следом за ней... Она заманивает мужчин с бранных полей в эти северные пустыни, и здесь их убивают ее братья великаны и подносят дымящиеся живые сердца своему отцу Имиру... Так вот, точно говорю вам – киммериец видел Атали, дочь ледяного исполина!

– Ага, прямо так и поверили,– хмыкнул Хорса.– Старому Горму в юности досталось по голове мечом, вот ему и мере-

щится. Да и Конану, похоже, тоже сегодня крепко по башке надавали — посмотрите только, как измят его шлем! Любого из множества этих ударов с избытком хватит, чтобы крыша поехала. Вот он и побежал за привидевшейся тенью... Он же с юга! И ничего не мог знать об Атали!

— Да, так оно и было, наверное, — устало согласился Конан.— Я с самого начала чувствовал... как странно... Э, а это еще что? О Кром!..

И он смолк на полуслове, глядя на то, что свисало из его по-прежнему крепко сжатого левого кулака. Остальные невольно посмотрели туда же, и рты у асиров потихоньку начали открываться.

В руке у Конана трепетал обрывок накидки. Клочок невесомой вуали, которая не была изделием смертных ткачей...

Бог из чаши

Стражник Арус дрожащими руками стиснул свой арбалет. Арус почувствовал, как его пронизал холодный пот, когда он увидел на полированном полу страшно изуродованный труп. Встретить смерть в уединенном месте, в полночь — это не слишком успокаивает.

Стражник стоял в бесконечном прямом коридоре, который освещали горящие в стенных нишах свечи. Стены были затянуты черным бархатом, а между бархатными занавесами в нишах за свечами висели щиты и перекрещенное оружие диковинного вида. Тут и там, неясно отражаясь в черных зеркалах, стояли фигуры дивных богов — статуи, вырезанные из камня или редких пород дерева, отлитые в бронзе, железе или серебре.

Арус содрогнулся. Вот уже много месяцев он нес здесь сторожевую службу, но до сих пор не смог привыкнуть к этому невероятному музею, вместилищу редкостей и антиквариата, дому, который называют замком Каллиана Публико, где выставлены на обозрение раритеты со всего мира. И вот в полуночном одиночестве стоит он, Арус, в огромном безмолвном зале и смотрит на распростертый труп могущественного и богатого человека, которому принадлежал замок.

Даже стражник, при всей его ограниченности, отметил, как удивительно отличается покойный от того человека, который,

---

© Перевод Е. Хасцкой.

надменный и всевластный, с глазами, полными жизни, выехал отсюда с грохотом в своей позолоченной карете на Паллианову дорогу. Люди, ненавидящие Каллиана Публико, едва ли узнали бы его сейчас, когда он лежал, словно разбитая бочка из-под ворвани. Роскошный плащ почти сорван, пурпурная туника перекручена, лицо потемнело, язык высунут из широко раскрытого рта. Полные руки воздеты, словно в жесте отчаяния. На толстых пальцах сверкают перстни с драгоценными камнями.

— Почему же не сняли перстни? — озадаченно пробормотал стражник.

Он вздрогнул и замер, и волосы на затылке встали дыбом. Сквозь шелковый занавес, скрывавший один из множества дверных проемов, выступила чья-то фигура.

Арус увидел молодого человека сильного телосложения, обнаженного — если не считать набедренной повязки и высоких, до колен, шнурованных сандалий. Кожа его была такой загорелой, что казалась навсегда сожженной солнцем пустыни. Арус с тревогой осмотрел его широкие плечи, крепкую грудь и мускулистые руки. Один взгляд на угрюмое лицо и высокий лоб — и стало ясно, что этот человек не немедиец. Под пышной гривой спутанных черных волос горели опасные синие глаза. В кожаных ножнах на поясе висел длинный меч.

Арус почувствовал, как мурашки побежали по коже. Он обхватил свой арбалет и подумал, не всадить ли без излишних проволочек стрелу прямо в грудь чужаку, но затем ему пришло на ум: а что будет, если первый выстрел не окажется смертельным?

Чужак рассматривал труп скорее с любопытством, чем с удивлением.

— Почему ты его убил? — нервно спросил Арус.

Незнакомец отрицательно покачал головой.

— Я не убивал, — возразил он, выговаривая немедийские слова с варварским акцентом. — А кто он?

— Каллиан Публико, — ответил Арус и слегка отодвинулся.

В синих глазах промелькнула искра интереса.

— Хозяин дома?

— Да.

Осторожно двигаясь назад, Арус добрался до стены, схватил шелковый шнур и сильно дернул. На улице пронзительно зазвенел колокол, из тех, что можно увидеть перед всеми магазинами и общественными зданиями. Они предназначались для того, чтобы поднимать тревогу.

Незнакомец вздрогнул.

— Зачем ты это сделал? На звон сбегутся стражники.

— Я стражник, негодяй! — заявил Арус, собрав все свое мужество.— Стой, где стоишь! Если только двинешься, я всажу стрелу прямо в сердце!

Он тронул ворот арбалета пальцем. Острие стрелы было направлено прямо в широкую грудь собеседника. Незнакомец нахмурился еще больше. Он не выказывал страха; он как будто размышлял, последовать ли приказу или все-таки рискнуть и напасть самому. Арус облизал пересохшие губы. Кровь застыла у него в жилах, когда он увидел, как решение с убийственной жестокостью проступает в сверкающих глазах незнакомца.

Но вдруг он услышал, как дергают дверь, услышал галдящие голоса. С облегчением он перевел дыхание. Словно загнанный зверь, смотрел чужак на людей, числом около полудюжины, которые вошли в помещение. Все они, кроме одного, были одеты в багряные куртки нумалийской стражи. Все без исключения вооружены короткими мечами и чем-то средним между пикой и боевым топором на длинном древке.

— Какого демона звонили? — спросил тот, что стоял впереди.

Холодные серые глаза и тонкие острые черты лица, а также дорогой плащ выделяли его из толпы одинаково одетых воинов.

— Видит Митра, господин Деметрио! — вскричал Арус.— Сегодня, кажется, удача по-настоящему щедра ко мне. Я не смел и надеяться, что поднятая мною тревога так быстро достигнет слуха стражников, и тем более что среди них окажешься ты.

— Я делал обход вместе с Дионусом, — сказал Деметрио.— Мы как раз проходили мимо замка, когда зазвонил колокол. Но это же... Иштар! Сам владелец замка!

— Он самый,— подтвердил Арус.— Убит таинственным образом. В мои обязанности входит совершать обходы всего дома в течение ночи; как тебе, несомненно, известно, здесь хранятся несметные сокровища. Каллиан Публико имел щедрых меценатов — ученых, принцев, собирателей редкостей. Итак, совсем недавно я проверил ворота и установил: они только прикрыты, но не заперты. Эти ворота снабжены замком, который может быть открыт или закрыт только снаружи. Таких ключей всего два, один у Каллиана Публико — тот самый, что ты видишь у него на поясе. Я сразу заподозрил неладное, Каллиан всегда запирает дверь на ключ, уходя из замка, а я не видел его с тех пор, как он вечером уехал на свою загородную виллу. У меня второй ключ, я открыл замок, вошел и нашел тело там, где ты его видишь. Я его не трогал.

Так-так... Острые глаза Деметрио разглядывали мрачного незнакомца. — А это кто?

— Конечно, убийца, — воскликнул Арус.— Это он вошел в ту дверь. Несомненно, варвар с севера, гиперборец или боссонец.

Кто ты? — спросил Деметрио.

Я Конан, киммериец,— ответил варвар.

Ты убил этого человека?

Киммериец мотнул головой.

— Отвечай! — резко сказал Деметрио.

В ледяных синих глазах полыхнула злость.

— Я же не собака, чтоб так со мной разговаривать!

— А, так он еще и наглец,— заворчал один из спутников Деметрио, высокий человек, носящий знаки префекта стражи.— Какой заносчивый юнона! Я вытрясу из него всю дерзость! Эй, ты! Почему прикончил этого человека?

— Подожди, Дионус, — остановил его Деметрио.— Молодой человек, — обратился он к Конану.— Я дознаватель горо-

да Нумалия. Лучше сам поведай, почему ты здесь, и если ты не убийца, докажи это.

Киммериец колебался. Он не был испуган, но немного смутился, что неудивительно для варвара, столкнувшегося со сложной системой управления, совершенно ему непонятной.

— Пока он думает, скажи мне,— обратился Деметрио к Арусу,— лично ли ты видел, что Каллиан Публико покинул дом сегодня вечером?

— Нет. Господин обычно уже уезжает к тому времени, как начинается мое дежурство. Большие ворота были заперты на замок.

— Он мог вернуться назад, в дом, так, чтобы ты этого не заметил?

— Это, конечно, возможно, но маловероятно. Он, несомненно, вернулся бы со своей виллы в карете, дорога ведь длинная, а кто может представить себе Каллиана Публико, идущего пешком? Если бы я даже находился на другом конце замка, я услышал бы стук колес по мостовой, а я его не слышал.

— А раньше дверь запиралась по вечерам?

— В этом могу присягнуть. Я по многу раз за ночь проверяю все двери. Ворота были заперты снаружи еще час назад — я тогда посмотрел на них в последний раз, перед тем как нашел их открытыми.

— И ты не слышал криков или шума борьбы?

— Нет, господин. Но и неудивительно, стены замка настолько толстые, что не пропускают ни малейшего звука.

— Зачем тратить столько сил на эти вопросы и рассуждения? — перебил его дородный префект.— Вот убийца, он в наших руках, в этом сомнений нет. Доставим его на судебный двор. Я получу от него признание, даже если мне придется переломать ему все кости.

Деметрио обернулся к варвару.

— Теперь ты знаешь, что может ожидать тебя. Что ты нам скажешь?

— Тот, кто осмелится тронуть меня, очень быстро воссоединится со своими праотцами прямо в аду!

Варвар скрипнул зубами, и глаза его блеснули жестоким огнем.

— Зачем же ты пришел сюда, если у тебя не было намерения убить его? — продолжал свои расспросы Деметрио.

— Хотел украсть,— нехотя ответил Конан.

— Что украсть?

Киммериец помедлил.

— Какой-нибудь сосуд.

— Ложь! — резко сказал Деметрио.— Тебе хорошо известно, здесь нет никакой провизии. Говори правду или...

Варвар положил ладонь на рукоять меча. Движение было таким же угрожающим, как рычание тигра.

— Приказывай этим трусам, которые тебя боятся,— проворчал он.— А не мне! Я не изнеженный немедиец, который пресмыкается перед твоими наемными псами. Я убивал людей получше тебя и за меньшее.

Дионус уже открыл рот, чтобы яростно рявкнуть на варвара, но почему-то снова закрыл. Стражники переминались с ноги на ногу и выжидающе поглядывали на Деметрио. Они онемели, услыхав, как кто-то осмеливается разговаривать со всемогущей стражей подобным образом, и были уверены, что сейчас Деметрио отдаст приказ арестовать наглеца. Но Деметрио такого приказа не отдал. Арус переводил взгляд с одного на другого и спрашивал себя, что же сейчас происходит в многомудрых мозгах благородного господина. Может быть, высокое начальство страшится необузданной дикости киммерийца или же оно действительно сомневается в его виновности?

— Я не обвиняю тебя в смерти Каллиана,— жестко сказал Деметрио.— Но ты сам должен признать, очевидность говорит против тебя. Как ты проник в замок?

— Я спрятался в тени летнего домика, что стоит рядом с этим зданием,— неохотно ответил киммериец.— Когда этот пес,— он ткнул в Аруса большим пальцем,— прошел мимо и свернул за угол, я добежал до стены и забрался наверх...

— Ложь! — воскликнул Арус.— Ни один человек не может забраться по почти гладкой стене!

— Ты никогда не видел, как киммерийцы лазают по отвесным скалам? — прервал Деметрио ночного сторожа с явным неодобрением.— И допрос веду я. Продолжай, Конан!

— На углу там скульптуры,— снова заговорил киммериец.— Было совсем несложно попасть наверх. Я как раз добрался до крыши, когда этот пес вторично обошел дом. Я отыскал створчатую дверь, такую, с железным засовом, запертую изнутри. Налег на нее плечом...

Арус, который знал, насколько прочен засов, глотнул воздуха и отвернулся от варвара, а тот посмотрел на него еще более мрачно и продолжал:

— Я вошел через эту дверь и попал в комнатку. Но там задерживаться не стал, а двинулся в сторону лестницы.

— Откуда ты знал, где находится лестница? Только домочадцы Каллиана и его богатые меценаты имеют доступ к верхним покоям.

Конан угрюмо замолчал.

— Что ты сделал, когда оказался у лестницы? — спросил Деметрио.

— Спустился вниз,— невнятно ответил киммериец.— Она привела меня в покой, который находится за этой занавешенной дверью. На лестнице я слышал, как открывается какая-то другая дверь. Когда я прокрался за занавес, увидел, как этот пес наклонился над убитым.

— Почему ты вышел к нему из своего укрытия?

— Я принял его за второго вора, который собирается украсть то, что...— Киммериец осекся.

— То, что ты хотел бы присвоить сам,— закончил вместо него Деметрио.— Ты не стал тратить времени на верхние помещения, где хранятся драгоценнейшие раритеты. Любой, кто хорошо ориентируется в замке, мог направить тебя сюда для кражи чего-нибудь стоящего!

— И для убийства! — крикнул Дионус.— Видит Митра! Да он это, он! Взять его! Еще до утра мы получим признание.

Диким прыжком Конан отскочил назад и выхватил меч из ножен с такой быстротой, что острый клинок зазвенел.

— Назад, если хоть немного дорожите своей ничтожной жизнью! — зарычал он. — Если у вас достает мужества, бедные музейные охранники, хватать девок и развязывать им языки с помощью плетей, то можете не воображать, будто вам удастся наложить свои жирные лапы на мужчину с севера! А если ты, пес,— он обернулся к ночному сторожу,— не уберешь руку с ворота, то очень скоро почувствуешь брюхом, крепко ли я бью ногами.

— Остановись! — сказал Деметрио.— Дионус, отзови своих псов! Я еще не убедился, что он имеет отношение к убийству.

Деметрио склонился к Дионусу; о чем они шептались, Арус не разобрал. Он только предположил, что это какой-то трюк, дабы заставить Конана отдать меч.

— Ладно, — проворчал Дионус.— Назад. Но не спускать с него глаз!

— Твой меч! — потребовал Деметрио у Конана, протягивая руку.

— Возьми, если сможешь! — ответил киммериец.

Дознаватель пожал плечами.

Хорошо. Но не пытайся бежать. Воины с арбалетами охраняют дом.

Варвар опустил клинок, не теряя, однако, бдительности. Деметрио осмотрел убитого.

Удавлен, — пробормотал он.— Зачем было душить его, когда удар мечом и быстрее, и вернее? Эти киммерийцы рождаются с мечом в руке. Я никогда еще не слышал, чтобы кто-нибудь из них убил человека таким способом.

— А может быть, он хотел отвести от себя подозрение,— предположил Дионус.

— Возможно. Деметрио ощупал убитого умелыми пальцами.— Он мертв уже по меньшей мере полчаса. Если Конан не лжет насчет способа своего проникновения в дом, то он не мог совершить убийство до того, как здесь появился Арус. Или все-таки ты появился здесь раньше, а, Конан?

— Я взобрался на стену после того, как Арус сделал свой последний обход,— в бешенстве зарычал Конан.

— Ты это уже говорил. — Деметрио разглядывал посиневшую шею убитого. Голова склонилась набок под неестественным углом — был сломан позвоночник. Деметрио в недоумении покачал головой.— Зачем убийце понадобилась веревка толщиной в руку? Что за страшная сила раздавила эту шею?

Он встал и шагнул к ближайшему дверному проему, который вел в маленький покой.

— Здесь возле двери сброшен бюст с постамента,— сказал он,— а здесь поцарапан пол и сорван занавес... На Каллиана Публико напали в этой комнате. Вероятно, ему удалось освободиться от убийцы на короткое время, и он попытался спастись бегством. Выскочил в коридор, но убийца последовал за ним и уже в коридоре прикончил.

— Но если дикарь невиновен, то где же убийца? — спросил префект.

— Невиновность киммерийца еще не доказана,— возразил дознаватель.— Но для начала обыщем помещение...

Он остановился, прислушиваясь. С улицы донесся скрежет колес кареты. Звук нарастал, затем стих, словно обрубленный.

— Дионус! — распорядился Деметрио.— Отправь двух человек к карете! Пусть приведут сюда кучера.

— Судя по звуку, — сказал Арус, который хорошо изучил все уличные шумы,— я бы сказал, что эта карета остановилась перед домом Промеро, напротив магазина шелков.

— Кто такой Промеро? — спросил Деметрио.

— Секретарь Каллиана Публико.

— Доставьте и его вместе с кучером,— приказал Деметрио.

Двое стражников двинулись прочь. Деметрио все еще изучал труп. Дионус, Арус и оставшиеся в комнате стражники не сводили глаз с Конана, который стоял неподвижно, с мечом в руке, как живое воплощение угрозы. Через некоторое время к замку приблизились шаги, и почти сразу же в дом вошли оба стражника, с ними плотный смуглый человек в кожаном шлеме и длинной куртке кучера, держащий в руке кнут, и перепуганный коротышка, типичный представитель того рода людей, что выбиваются из среды ремесленников и становятся правой ру-

кой богатого купца или торговца. Обнаружив на полу труп, коротышка с криком отшатнулся.

— Ох, я же знал, что все это плохо кончится! — пролепетал он.

— Ты Промеро, секретарь покойного, я полагаю,— сказал Деметрио.— А ты?

— Энаро, кучер Каллиана Публико.

— Вид убитого хозяина, кажется, не слишком потряс тебя,— заметил Деметрио.

Темные глаза блеснули.

— А чего ты ждал? Кто-то сделал то, что я давно уже собирался сделать, да никак не мог решиться.

— Так, так! — пробормотал дознаватель.— Ты свободный человек?

В глазах Энаро мелькнула горечь, когда он распахнул куртку и показал выжженное на плече клеймо.

— Ты знал, что твой господин вернется сюда ночью?

— Нет. Вечером я подогнал карету, как обычно, к замку. Он сел, и я направил лошадей к его вилле. Но прежде чем мы выехали на Паллианову дорогу, он приказал мне возвращаться назад. Он показался мне очень взволнованным.

— И ты повез его обратно в замок?

— Нет. Он велел остановиться возле дома Промеро. Там он меня отпустил и приказал вернуться за ним вскоре после полуночи.

— Сколько времени было тогда?

— Только-только стемнело. Улицы были почти пусты.

— Что ты делал после этого?

— Вернулся в барак, где живут рабы, и оставался там, пока не пришло время забрать моего господина из дома Промеро. Я поехал прямо туда. Твои люди схватили меня, прежде чем я успел постучать в дверь Промеро и назваться.

— Ты не догадываешься, зачем Каллиан решил навестить Промеро?

— Он не разговаривает с рабами о своих делах.

Деметрио повернулся к Промеро.

— Что ты знаешь об этом?

— Ничего.

Зубы секретаря стучали.

— Каллиан Публико входил в твой дом, как уверяет кучер?

— Да, господин.

— Как долго он там находился?

— Совсем недолго, а потом он собрался уходить.

— От твоего дома он направился в замок?

— Не знаю! — Голос секретаря сорвался.

— Зачем он приходил к тебе?

— Чтобы... чтобы обсудить дела.

— Лжешь! — резко произнес Деметрио.— Зачем он к тебе приходил?

— Не знаю! Не знаю! — истерически выкрикнул секретарь.— Я не имею к этому отношения...

— Заставьте его говорить, Дионус! — приказал Деметрио.

Дионус сделал знак одному из своих людей. С жестокой ухмылкой тот подошел к задержанным.

— Знаешь, кто я такой? — угрожающе спросил он и уставился на свою жертву, которая шарахнулась в сторону.

— Ты Постумо,— испуганно ответил секретарь.— Во время допроса ты выдавил глаз девушке, которая не хотела выдать любовника.

Жилы на шее Постумо вздулись, лицо залила красная краска, когда он схватил человечка за ворот и так его повернул, что почти задушил беднягу.

— Говори, крыса! — зарычал он.— Отвечай дознавателю!

— Митра! Пощады...— пролепетал Промеро.— Я клянусь...

Постумо безжалостно ударил его по лицу слева, потом справа, швырнул на пол и пнул в пах.

— Пощады...— хрипел избитый секретарь.— Я все... все скажу...

— Тогда вставай, скотина! — загремел Постумо.— Нечего тут разлеживаться и скулить!

Дионус тайком бросил взгляд на Конана, желая узнать, впечатляет ли его эта сцена.

— Теперь ты видишь, что бывает с теми, кто бунтует против власти,— заметил он.

Полный презрения, Конан плюнул ему под ноги.

– Это слабак и дурак, – проворчал он.– Пусть только кто-нибудь из вас попробует схватить меня, и он получит возможность собирать свои кишки прямо с пола.

Ты готов говорить? – спросил Дионус секретаря.

– Я знаю только... – хрипло зачастил Промеро, с трудом поднявшись на ноги и поскуливая как побитая собака,– что Каллиан, вскоре после того, как я вернулся домой – а я оставил замок *почти одновременно* с ним, – постучал в мою дверь и отослал карету. Он угрожал мне, обещал лишить покровительства, если я расскажу об этом. Я всего лишь бедный человек, о господин, у меня нет ни друзей, ни связей. Не работай я на него, умер бы с голоду.

Это твои проблемы, – буркнул Деметрио. – Как долго он оставался у тебя?

Примерно за полчаса до полуночи ушел, сказав, что направляется в замок, но вернется ко мне, когда сделает задуманное.

А что он задумал?

Промеро медлил, но испуганный взгляд на Постумо, который угрожающе сжал кулак, быстро развязал ему язык.

Он хотел исследовать кое-что в замке.

Но почему один и в такой тайне?

Эта вещь не принадлежала ему. Она прибыла на рассвете с караваном откуда-то с юга. Люди из каравана знали не больше, чем другие люди из другого каравана, откуда-то из Стигии,– тем тоже поручалось попечение над вещью. Она предназначается Карантесу из Ханумара, жрецу Ибиса. Караванщику заплатили, чтобы вещь непременно была отдана Карантесу, лично в руки, но этот висельник хотел двинуться прямо в Аквилонию, по дороге, которая минует Ханумар. Поэтому он решил, что может оставить ее в замке — пусть лежит под надежной охраной, пока Карантес за ней не приедет. Каллиан согласился и пообещал отправить слуг к Карантесу, известить о посылке. Но после того как караван ушел и я заговорил о посыльных, Каллиан велел умолкнуть и больше не заговаривать об этом.

Он сидел, размышляя, перед предметом, который оставил здесь караванщик.

— Что за предмет?

— Вроде саркофагов, какие можно найти в старых гробницах Стигии. Только он круглый, похож на металлическую чашу с крышкой. Сделан из металла наподобие меди, но прочнее, на нем выбиты иероглифы, такие встречаются в старых усыпальницах Южной Стигии. Крышка притянута медными прутьями.

— Что же находилось в этой... чаше?

— Караванщик не знал. Упомянул только, что доверивший ему эту вещь сказал об уникальности реликвии, ее, мол, нашли в гробнице глубоко под пирамидой. Отправитель посылает ее жрецу Ибиса в знак глубочайшего почтения. Каллиан Публико полагал, речь идет о диадеме царей-титанов народа, который жил в темной стране еще до того, как туда пришли предки стигийцев. Он показал мне орнамент на крышке, который в точности повторял форму диадемы, такую, согласно легендам, носили цари-титаны, в этом он готов был поклясться. Он твердо решился открыть чашу и осмотреть содержимое. Мой господин был одержим мыслью о легендарной диадеме, украшенной, как он знал из древних рукописей, невообразимыми драгоценностями — их добывала только древняя раса,— один-единственный камень из диадемы дороже, чем все сокровища нашего мира. Я отговаривал его. Однако незадолго до полуночи он приблизился к замку и там прятался в тени, пока стражник не ушел на противоположную сторону здания; затем открыл дверь ключом со своего пояса. Я тайком следил за ним от магазина шелков, пока он не исчез в замке. Тогда я вернулся домой. Если бы в чаше действительно обнаружилась диадема либо нечто другое, столь же ценное, он бы спрятал это в замке и быстро вернулся назад, чтобы наутро поднять большой шум и кричать на всех углах, будто воры вломились в музей и стащили собственность Карантеса. Никто не узнал бы, что он возвращался сюда,— никто, кроме кучера и меня, а ни он, ни я не отважились бы выдать его.

— А сторож? — бросил Деметрио.

— Каллиан не хотел, чтобы тот его видел. Он намеревался представить его сообщником вора и отдать в руки правосудия,— ответил Промеро.

Арус судорожно глотнул и смертельно побледнел.

— Где саркофаг? — спросил Деметрио.

Промеро указал.

— Ага,— пробормотал дознаватель.— Стало быть, прямо в том помещении, где на Каллиана и напали.

Промеро поднял узкие кисти.

— На караванных путях часто можно встретить статуи богов и редкостные мумии, но кто может так почитать жреца Ибиса, чтобы делать ему столь дорогой подарок, и притом как раз из Стигии, где до сих пор поклоняются подземному демону Сету, который обитает в темных склепах? Бог Ибис победил Сета, как только над землей загорелся рассвет, и Карантес всю жизнь числит жреца Сета среди своих врагов. Здесь что-то не так.

— Покажи нам саркофаг,— приказал Деметрио.

Промеро, помедлив, двинулся вперед. Все шли за ним, включая Конана, который явно не беспокоился об охране, не спускавшей с него глаз, и которым в настоящий момент владело исключительно любопытство.

Они миновали откинутую в сторону занавеску и очутились в комнате, освещенной слабее, чем коридор. По обе стороны находились двери, ведущие в другие покои. В стенных нишах стояли изваяния легендарных богов из далеких стран.

— Смотрите! — громко закричал Промеро.— Чаша! Она открыта — и пуста!

В центре комнаты стоял черный цилиндр, высотой почти в четыре фута и в поперечнике достигавший трех футов. Покрытая иероглифами тяжелая крышка лежала на полу рядом с молотком и зубилом. Деметрио приблизился к чаше и с удивлением принялся рассматривать загадочные письмена.

Потом он повернулся к Конану.

— Ты пришел сюда, чтобы украсть это?

Варвар кивнул.

— Такую тяжесть не сможет унести один человек.

— Прутья сорваны зубилом,— пробормотал Деметрио.— И в большой спешке. Вот следы молотка, ударившего по металлу рядом с креплением. Мы можем предположить, что чашу раскрыл Каллиан. Кто-то прятался поблизости — вероятно, в складках занавеса. Когда Каллиан снял крышку, убийца прыгнул на него. А может быть, он убил Каллиана еще до того и вскрыл чашу сам.

— Какая жуткая чаша,— содрогнулся секретарь.— Она очень древняя и вряд ли священна. Кто видел металл, подобный этому? Он кажется прочнее, чем аквилонская сталь. Посмотрите, в некоторых местах разъеден, видна ржавчина. А здесь — здесь, на крышке! — Промеро указал дрожащим пальцем.— Вы можете сказать, что это?

Деметрио склонился ниже, пытаясь лучше рассмотреть узор.

— Похоже на корону,— пробормотал он.

— Нет! — вскричал Промеро.— Я предупреждал Каллиана, но он не хотел меня слушать! Змея, кусающая себя за хвост,— знак Сета, Древнего Змея, бога Стигии! Эта чаша чересчур старинная, и вряд ли ее отливали человеческие руки, нет, скорее она реликт тех времен, когда Сет еще бродил по лику земли в человеческом обличье. Может быть, племя, вышедшее из его чресел, хранило кости своих царей в сосудах вроде этого.

— И ты хочешь сказать, что эти сгнившие кости поднялись, удушили Каллиана Публико и затем отправились по своим делам?

— Но тот, кто нашел в чаше последний приют, мог быть и не человеком,— пугливо прошептал секретарь.— Какой человек поместился бы здесь?

Деметрио выругался.

— Если гибель Каллиана не на совести Конана, то убийца и сейчас находится в здании музея. Дионус и Арус, вы останетесь здесь, со мной, и вы, трое задержанных, тоже. Остальным обыскать дом! Убийца — если он успел уйти, прежде чем Арус обнаружил труп,— мог выбраться только тем путем, каким проник сюда Конан, а в таком случае варвар встретил бы его, если, конечно, он говорит правду.

— Я никого здесь не видел, кроме этого пса,— проворчал Конан и ткнул пальцем в сторону Аруса.

— Конечно, потому ты и есть убийца! — сказал Дионус.— Мы зря теряем время, но для соблюдения всех формальностей устроим обыск. И если никого не найдем, я обещаю спалить тебя на медленном огне. Ты хоть знаешь законы, дикарь черноволосый? За убийство ремесленник приговаривается к рудникам, купец — к смерти через повешение, а знатный человек — к сожжению.

Вместо ответа Конан заскрежетал зубами.

Начался обыск. Те, кто остался в комнате, слышали шаги у себя над головой, топот по лестнице, грохот передвигаемой мебели, хлопанье дверей, отрывистые голоса — стражники перекликались, осматривая комнаты.

— Конан, ты знаешь, что тебя ждет, если они никого не найдут?

— Я не убивал его! — рявкнул киммериец.— Я проломил бы ему череп, если бы он напал на меня здесь, но я увидел его в первый раз, когда он уже был мертв.

— Но кто-то же направил тебя сюда, чтобы ты что-то для него украл именно оттуда,— рассудительно возразил Деметрио.— Молчание делает тебя подозреваемым. Одного факта тихого присутствия уже достаточно, дабы отправить тебя на рудники, независимо от того, будет доказана твоя вина или нет. Если чистосердечно и правдиво расскажешь все, что знаешь, то по меньшей мере не окажешься на колу.

— Нет,— упрямо возразил варвар.— Я пришел сюда украсть заморийский бриллиантовый кубок. Один человек дал мне план замка и показал, где я смогу его найти. Он хранится вон там, в углублении в полу, под медной статуей шемитского бога.

— Верно,— воскликнул Промеро.— Я думал, не более полудюжины человек во всем мире знают об этом тайнике.

— А достав его,— насмешливо заметил Дионус,— ты бы, конечно, тут же отнес кубок тому, кто заказал кражу?

Синие глаза засверкали опасным огнем.

— Я же не собака,— проворчал варвар.— Я держу слово.

— Кто прислал тебя сюда? — строго спросил Деметрио.

Конан молчал.

Стражники один за другим возвращались после обыска.

— В доме никто не прячется, — заявили они.— Мы перерыли все. Нашли люк в потолке, через который вломился варвар, и засов, согнутый пополам. Если бы кто-то удрал этим путем, его бы заметили рядом с домом. Не говоря уже о том, что ему пришлось бы поставить друг на друга несколько столов и стульев. Мог ли он уйти из дома не через ворота и еще до того, как Арус обошел здание?

— Нет, — ответил Деметрио.— Дверь была заперта изнутри, а ключей, которыми можно отпереть замок, всего лишь два. Один у Аруса, а второй все еще на поясе Каллиана Публико.

Один из стражников вдруг сказал:

— Кажется, я видел веревку, которой воспользовался убийца.

Где она, глупец? — вспылил Деметрио.

Прямо в соседней комнате, — ответил стражник. Черная и толстая, обвитая вокруг мраморной колонны. Висит слишком высоко, не дотянуться.

Он привел остальных в помещение, полное мраморных статуй, и указал на высокую колонну. Затем глаза его распахнулись и челюсть отвисла, прежде чем он смог выдавить из себя хотя бы звук.

Она исчезла! — хрипло сказал он наконец.

Может, ее здесь никогда и не было,— заметил Дионус с издевкой.

— Клянусь Митрой, была! Обвивала колонну прямо под венком из листьев! Она такая черная, издали толком не рассмотреть, но она была там!

— Ты пьян, — проворчал Деметрио и отвернулся.— Слишком высоко, не дотянуться, да и по гладкой колонне никто бы не залез.

— А киммериец? — пробормотал кто-то.

— Возможно. Предположим, Конан задушил Каллиана, обмотал веревку вокруг колонны, пересек коридор и спрятался под лестницей. Как же ему удалось убрать ее уже после того,

как вы увидели ее наверху? Он постоянно находился с нами с того момента, как Арус обнаружил труп. Нет, скажу я вам, к этой смерти Конан не имеет отношения. Я уверен, настоящий убийца прикончил Каллиана для того, чтобы забрать содержимое из чаши, и он прячется сейчас в каком-нибудь укромном уголке. Если мы не сумеем его найти, снова придется подозревать варвара... а где Промеро?

Они вернулись в коридор к трупу. Дионус позвал Промеро, который наконец вышел из комнаты, где находилась пустая чаша. Он дрожал всем телом, и лицо у него стало пепельным.

— В чем дело, милейший? — резко спросил Деметрио.

— Я нашел знак на дне чаши! — ответил секретарь, постукивая зубами.— Не древний иероглиф, а совсем недавно выбитую надпись! Символ Тот-Амона, стигийского чародея, смертельного врага Карантеса. Это он отыскал чашу в страшных гробницах под пирамидами, где бродят духи! Боги давно минувшей эпохи умерли не так, как умирают люди,— они лишь погрузились в глубокий сон, и почитатели заключили их в саркофаги, чтобы чужая рука не потревожила их забытья! Тот-Амон посылал Карантесу смерть. Жадность Каллиана освободила сам ужас — он скрывается где-то совсем близко, подкрадывается к нам, быть может...

— Болван, ерунду лепечет! — выругался Дионус и сильно хлестнул Промеро по губам.— Ну, Деметрио,— он повернулся к дознавателю,— нам ничего не остается, как кроме как вытянуть правду из варвара...

Его прервал возглас киммерийца. Он смотрел на дверь одной из комнат возле зала, где были собраны статуи.

— Вон там! — кричал он.— Я видел, как в комнате кто-то двигался. Видел сквозь шторы, как что-то скользило по полу, словно густая тень.

— Ба! — фыркнул Постумо.— Мы же обыскали комнаты...

— Он видел, видел! — пронзительно завопил Промеро.— Этот дом проклят! Кто-то вышел из саркофага и убил Каллиана Публико! Он прятался там, где не мог бы спрятаться ни один смертный, а теперь скрывается в той комнате! Митра,

защити нас от сил мрака! — Он вцепился в рукав Дионуса.— Обыщите помещение вторично, господин!

Префект в бешенстве отшвырнул секретаря.

— Можешь смело обыскать его самостоятельно,— сказал Постумо,— мой храбрец!

Он схватил Промеро за ворот и за пояс и потащил его, невзирая на вопли, к двери. Там на мгновение задержался, а затем бросил свою ношу в комнату с такой силой, что секретарь остался лежать полуоглушенный.

— Хватит! — рявкнул Дионус и перевел взгляд на молчаливого киммерийца.

Префект поднял руку. Воздух, казалось, наэлектризовало тревожное ожидание, как вдруг опять раздались голоса. В коридор ворвался стражник, таща за собой еще одно действующее лицо — стройного, роскошно одетого человека.

— Я видел, как он бродит вокруг,— заявил стражник, ожидая похвалы за служебное рвение. Вместо этого его угостили такой бранью, что волосы у бедняги встали дыбом.

— Немедленно отпусти господина! — взревел префект.— Несчастный олух! Ты что, не знаешь Азтриаса Петаниуса, племянника губернатора?

Пораженный стражник отшатнулся, а щеголеватый молодой аристократ жеманно стряхнул пылинку с вышитого рукава.

— Поберегите проклятия, добрый Дионус,— сказал он.— Стражник лишь выполнял свой долг. Я возвращался с развеселого праздника пешком, чтобы проветриться. Но, Митра! Убийство?

— Да, господин, — ответил префект.— У нас имеется подозреваемый, и, хотя его вина кажется Деметрио сомнительной, ему не избежать кола.

— На вид сущий висельник,— пробормотал юный аристократ с отвращением. — Как можно сомневаться в его виновности? Я еще никогда не видел столь гнусной физиономии!

— Но тебя это не смущало, немедийская собака,— зарычал Конан,— когда ты нанимал меня, чтобы я украл заморийский кубок! Праздник? Ха! Ты прятался в тени и ждал, когда я от-

дам тебе добычу. Я не выдал бы тебя, если бы ты не почтил меня подобными выражениями. А теперь расскажи этим псам, как у тебя на глазах я лез по стене, после того как стражник сделал свой последний обход. Подтверди, что у меня совершенно не было времени убивать эту жирную свинью.

Деметрио наблюдал за Аэтриасом, который изо всех сил пытался сохранить невозмутимый вид.

— Если Конан говорит правду, господин, то он не может считаться убийцей, а мы должны без дальнейших проволочек возобновить расследование. Киммериец заработал десять лет принудительных работ за проникновение со взломом, но, если вы замолвите за него доброе слово, мы сможем устроить ему побег и никто, кроме нас, об этом не будет знать. Я хорошо понимаю, вы не первый молодой аристократ, который таким способом пытается избавиться от карточных долгов или других проблем в том же роде, но вы можете рассчитывать на нашу снисходительность.

Конан выжидающе смотрел на молодого аристократа, но Аэтриас пожал узкими плечами и приложил холеную белую ладонь к губам, скрывая зевок.

— Я не знаю его,— заверил он.— Он рехнулся, утверждая, будто я его нанял. Пусть получит все, что ему причитается. Спина у варвара крепкая, работа на руднике пойдет ему на пользу.

Конан вздрогнул, словно наступил на гадюку. Глаза его сверкнули. Стражники предусмотрительно схватились за оружие и позволили себе расслабиться, только когда киммериец опустил голову, словно в немом разочаровании. Арус не мог понять, наблюдает ли он за ними из-под густых черных бровей.

Варвар ударил без предупреждения, как кобра. Меч блеснул в сиянии свечей. Крик Аэтриаса был недолог — голова слетела с плеч, разбрызгивая кровь, и лицо застыло, словно белая маска ужаса.

Деметрио выхватил кинжал, но киммериец извернулся кошкой и замахнулся, чтобы вонзить меч в дознавателя. Инстинктивная попытка Деметрио парировать удар только ускорила движение клинка. Он вошел в бедро. С криком боли Деметрио упал на колени.

Конан не собирался останавливаться. Вскинутая Дионусом пика спасла голову префекта от удара, который бы ее, несомненно, раздробил. Но пика опустилась, когда на нее обрушился меч, задела наконечником голову Дионуса и отрубила ухо. Потрясающая быстрота варвара парализовала стражников. Половина из них осталась бы лежать на полу, если бы дородный Постумо, скорее удачливый, чем ловкий, не схватил киммерийца за руку, в которой он держал меч. Левая рука Конана обрушилась на голову стражника, и Постумо выпустил его, чтобы прижать ладони к кровавой дыре, где только что был его глаз.

Арус постепенно склонился над арбалетом, но зарядить его не успел. Сильный пинок в живот опрокинул его на пол, где он скорчился, хрипя, с позеленевшим лицом. Конан ударил его пяткой по губам, и ночной сторож снова закричал от боли.

Вопль, от которого кровь застыла в жилах, донесся из той комнаты, куда Постумо швырнул секретаря. Через шелковые занавеси входа, шатаясь, выбрался Промеро. Его сотрясали рыдания, и слезы катились по бледному лицу, капая с дрожащих губ.

Все, пораженные, уставились на него: Конан с окровавленным мечом в руке; стражники с поднятыми пиками; Деметрио, который скорчился на полу, пытаясь остановить кровь, хлеставшую из раненого бедра; Дионус с рукой, прижатой к обрубку уха; Арус, который со стоном выплевывал выбитые зубы; даже Постумо прекратил завывать и обратил к нему уцелевший глаз.

Качаясь на ходу, Промеро добрался до коридора и рухнул перед ними на пол. Между раскатами дикого хохота совершенно обезумевший секретарь прохрипел:

— У бога длинная рука! Ха! Ха! Ха!

Он коротко, жутко содрогнулся, замер и невидяще уставился в потолок.

— Мертв,— удивленно шепнул Дионус.

Забыв о своей боли и о варваре, стоявшем с окровавленным мечом совсем рядом, он склонился над трупом. Через некоторое время снова выпрямился, глаза его вылезли из орбит.

— Ни единой царапины. Митра!

Ужас охватил всех, и люди с воплями обратились в бегство. Стражники побросали пики и устроили давку в дверях, спеша вырваться наружу; не обошлось без увечий. Арус последовал за ними, а полуослепший Постумо ковылял следом и просил не бросать его. Он цеплялся за стражников, пока они не сбили его с ног. Последним спасался Деметрио, прижимая плащ к сильно кровоточащей ране. Стражники, кучер, ночной сторож и дознаватель, раненые и уцелевшие — все они спешили с криками на улицу, где стража, наблюдавшая за замком, была немедленно охвачена паникой и, не задавая лишних вопросов, разбежалась на все четыре стороны.

Конан стоял в коридоре один, рядом с тремя мертвецами. Он удобнее взял меч и направился в таинственную комнату. Дорогие шелковые драпировки покрывали стены, и повсюду стояли обтянутые шелком диваны с шелковыми подушками. Из-за тяжелой позолоченной ширмы на киммерийца смотрели глаза.

Конан обмер, зачарованный холодной классической красотой лица — красотой, заказанной смертным. Ни слабость, ни сострадание, ни жестокость, ни доброта, ни какое-либо иное человеческое чувство не отражались в чертах. Этот лик мог бы быть маской бога, созданной рукой художника, если бы в нем не угадывалась жизнь — ледяная, чуждая жизнь, какой Конан никогда не знал и постичь которую был не в состоянии. Он мимоходом подумал: насколько совершенным должно быть укрытое за ширмой тело, если лик блистает такой неземной красотой.

Но он мог разглядеть только изящной формы голову, которая слегка покачивалась из стороны в сторону. Полные губы раскрылись и выговорили одно-единственное слово, звенящее и вибрирующее, как колокольчик затерявшегося среди джунглей храма в далеком Кхитае. Оно принадлежало чужому наречию, забытому еще до того, как царства людей поднялись в своем блеске и величии, но Конан знал, что оно означало: «Подойди!»

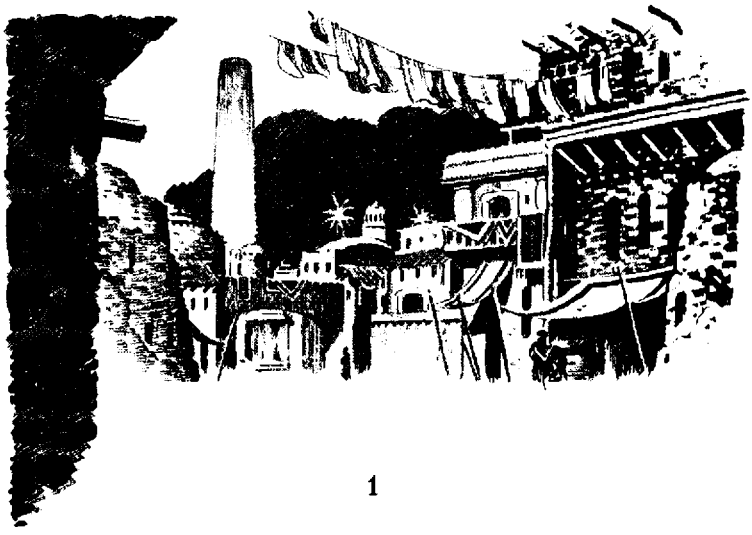
И киммериец повиновался — с отчаянным прыжком и свистящим ударом меча. Нечеловечески прекрасная голова слетела с плеч, ударилась о край ширмы и откатилась в сторону.

По спине Конана заструился пот, ширма затряслась от содроганий тела. Несчетное количество раз видел киммериец, как умирают люди, но он и не подозревал, что агония может быть такой чудовищной, с такими неистовыми корчами и содроганиями. Ширма рухнула, качалась и наконец опрокинулась с грохотом к ногам Конана. И тогда киммериец смог увидеть того, кто за ней скрывался.

Теперь и его самого охватил ужас. Он со всех ног бросился прочь и не останавливался ни разу, пока башни Нумалии не исчезли далеко-далеко позади. Мысль о Сете и детях Сета, которые когда-то владычествовали на земле, а теперь дремлют в своих мглистых гробницах под темными пирамидами, была гораздо страшнее любого кошмара.

За позолоченной ширмой лежало не человеческое тело, а сверкающее, свернувшееся кольцами туловище огромной змеи.

Башня Слона



1

Коптящие факелы бросали лишь хмурый свет в «Прожорливой глотке», где кутили, справляя свои ночные карнавалы, воры Востока. В «Глотке» они могли пьянствовать, сколько их душе угодно, ибо почтенные граждане избегали бывать в этом квартале и ночные сторожа, подкупленные не совсем чистыми деньгами, не перегружали своим вниманием данный район. По узким, немощеным переулкам, мимо дурно пахнущих куч нечистот и вонючих луж бродили, качаясь, орущие, буянящие пьяницы. Сталь вспыхивала в тени, где был слышен пронзительный смех женщин и шум стычек. Свет пробивался из разбитых окон и широко распахнутых дверей. Запах перегара и потных тел сочился из этих дверей, звон кружек, стук кулаков по неструганым доскам столов и — как удары в лицо — разрозненные отрывки непристойных песен.

В одном из подобных кабаков было особенно оживленно. Под низким, черным от копоти потолком гремел хохот. Здесь собирались висельники всех видов и родов, не только в лохмотьях и обносках, но и в роскошнейших одеяниях. Кутили здесь карманники с их ловкими пальцами, беспощадные похитители людей, искусные скалолазы — покорители фасадов зданий,

---

© Перевод Е. Хацкой.

хвастливые наемные убийцы со своими потаскушками, женщины, ярко раскрашенные дешевой косметикой, с пронзительными голосами. Отпетые жулики чувствовали себя здесь как дома и составляли большую часть публики — темноволосые, черноглазые заморийцы с кинжалом в рукаве и ложью в сердце. А кроме них — волки из полудюжины чужеземных стран, в их числе огромный гипербореец, молчаливый, опасный, с могучим двуручным мечом на боку — оно в «Прожорливой глотке» мужчины носили свое оружие открыто. Кроме того, находился здесь фалишивомонетчик из Шема с горбатым носом и узенькой иссиня-черной бородкой. Косоглазая бритунская девка сидела на коленях гандерландца со светло-каштановыми волосами — он был из бродяжничающих наемников и сейчас находился в бессрочном отпуске, который взял у разбитой армии. И жирный висельник, чьи сальные шутки вызывали громовой хохот, — по профессии он был похитителем людей. Он явился из далекого Кофа, чтобы принести заморийцам (которые рождались с такой ловкостью в подобного рода ремесле, какая ему и не снилась) искусство красть женщин. Этот человек оборвал описание красоты одной из намеченных жертв, чтобы сделать смачный глоток вина. Затем обтер губы и произнес:

Клянусь Ъелом, богом всех воров, я покажу вам, как надо красть женщин! Еще до рассвета я перетащу эту юную штучку через заморийскую границу, где ее уже поджидает караван. Три сотни серебряных обещал мне один офирский князь за прекрасную молодую бритунку из лучшего дома. Я целые недели шатался переодетым в лохмотья нищего, выглядывая в пограничных городах что-нибудь подходящее. Да, она и впрямь девчушка как с картинки! — Он причмокнул губами, отсылая воздушный поцелуй.— И я знаю высоких господ в Шеме, которые отдали бы за нее даже тайну Банни Слона,— пробормотал он напоследок, прежде чем снова обратиться к своему пиву.

Его подергали за рукав, и он повернул голову, помрачнев оттого, что ему помешали. Рослый, крепко сложенный парень стоял возле него. В этом месте он казался таким же лишним,

как волк среди вшивых крыс в сточной канаве. Дешевая куртка не скрывала крепкого торса, широких плеч, могучей груди, узких бедер и мускулистых рук. Лицо его загорело на солнце до черноты, синие глаза пылали. Густая грива черных нечесаных волос падала на высокий лоб. В кожаных ножнах на поясе он носил меч.

Кофиец непроизвольно отшатнулся назад, ибо парень не принадлежал ни к одной из известных ему цивилизованных рас.

— Ты говорил о Башне Слона,— сказал чужак на языке Заморы, однако с чужеземным акцентом.— Я много слыхал о башне. Что за тайна?

Поведение чужака не показалось кофийцу угрожающим, кроме того, мужество похитителя подогревалось обильно потребленным пивом и вниманием его теперешних слушателей. Он весь надулся, дабы придать себе значимости.

— Тайна Башни Слона? — вскричал он.— Да ведь каждому болвану известно, что Яра, жрец, владелец могущественного колдовского камня, именуемого Сердцем Слона, живет там. В камне том — тайна его колдовской силы.

Варвар коротко поразмыслил над этими словами.

— Видал я и башню,— сказал он.— Она стоит в большом саду над городом. Высокие стены окружают его, однако стражников я ни одного не заметил. Не так-то трудно будет взобраться на стену. Почему же никто еще не стащил таинственный камень?

С открытым ртом кофиец уставился на наивного чужеземца, затем разразился презрительным хохотом, который подхватили и остальные.

— Послушайте только этого дикаря! — громыхал он.— Он хочет спереть камешек Яры. Слушай, ты, парень,— сказал он и повернулся к молодому человеку.— Положим, ты, конечно, варвар, откуда-нибудь там с севера...

— Я киммериец,— заявил чужак не совсем дружески.

Ответ и тон мало что сказали кофийцу. Он происходил из королевства, лежащего далеко на юге, у шемских границ, и мало знал о народах севера.

— Тогда навостри уши и немножко поучись! — сказал он и указал пивной кружкой на немного смущенного парня.— Знай же, в Заморе, и в первую очередь в этом городе, живет больше искусных воров, чем где-либо в нашем мире, больше даже, чем в самом Кофе. Если бы смертный человек мог украсть сей драгоценный камень, то, можешь быть уверен, он давно бы уже попал в чужие руки. Говоришь, простое дело вскарабкаться на стену, но едва ты успеешь туда забраться, как сразу об этом пожалеешь. Видимо, есть причина, коли сторожа по ночам не обходят сад, то есть сторожа-люди. Однако сторожевая комната внизу в башне всегда полна народу, и даже если тебе и удастся невредимым пройти мимо тех, кто ночью держит под наблюдением сад, не сводя с него глаз — или что там у них вместо глаз,— тебе придется с боем пробиваться через караулку мимо сторожей-людей, дабы добраться до побрякушки, которая хранится где-то там, в башне, наверху.

— Но если кому-нибудь повезет пройти через сад, почему бы ему не попытаться добраться до камня через верхнюю часть башни? — возразил киммериец.— Этим он бы избежал встречи со стражниками.

И снова кофиец уставился на него, разинув рот.

— Нет, вы послушайте его! — крикнул он насмешливо.— Варвар у нас орел, который может взлететь над ограждением башни, усаженным драгоценными камнями! — Он снова бросил взгляд на киммерийца. — Да разве ты не знаешь, что эта башня пятьдесят и еще сто футов в высоту и ее круглые стены еще глаже, чем отполированное стекло?

Варвар с пылающим взором огляделся вокруг. Грохочущий смех, поднявшийся после издевательского замечания, немного смутил его. Сам он не видел никакого основания для веселья и был еще слишком неопытен для цивилизованного мира, чтобы понимать все его ухищрения. Цивилизованный человек воспитан куда хуже дикаря, которому невдомек, как это можно не поплатиться за бестактность расколотым черепом. Он был смущен и раздосадован и, без сомнения, отступил бы в смятении, не говоря ни слова, не продолжай кофиец его задирать.

— Иди-иди! Расскажи этим беднягам, которые чуть-чуть больше занимались своим воровским ремеслом, чем ты прожил лет, как ты собираешься добыть себе камушек!

— Всегда найдется путь, если мужество равно потребности,— раздраженно возразил киммериец.

Кофиец принял эти слова как личное оскорбление. Его лицо залилось краской.

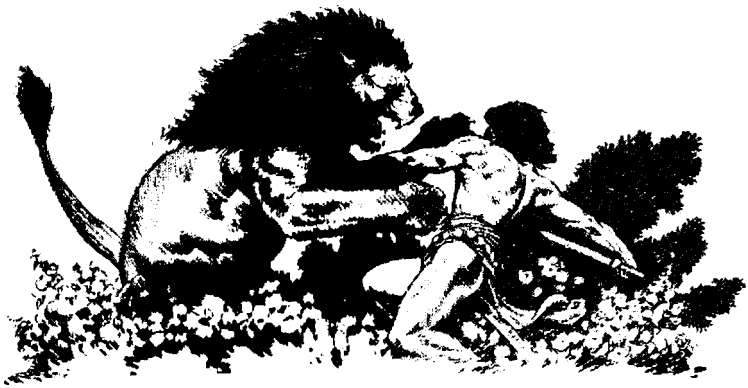
— Что?! — взревел он.— Ты посмел обругать нас в глаза трусами? Убирайся! С глаз моих! — Он наградил Конана сильным тычком.

— Ты берешь на себя слишком много воли насмешничать надо мной. Да еще поднял на меня руку? — процедил варвар сквозь зубы.

Он больше не мог обуздывать быстро возраставшую ярость. Он ответил на тычок ударом ладони, который сбросил насмешника на грубо выструганный стол. Пиво плеснуло через край кружки. Кофиец злобно зарычал и вытащил меч.

— Собака, дикарь! — загремел он.— За это я вырежу сердце из твоей груди!

Блеснула сталь. Сидящие вокруг поспешно бросились искать безопасное местечко. В спешке они опрокинули единственную горевшую в комнате свечу. Кабак погрузился в темноту. Треск опрокидываемых скамеек, топот ног, вопли и проклятия — вот что было слышно, а еще пыхтение обоих задир и наконец крик боли, произвивший гвалт и сумятицу. Когда свечу снова запалили, оказалось, что большинство гостей исчезли, сбежав через дверь и разбитое окно, остальные забрались под столы и за винные бочки. Варвар тоже покинул заведение. В центре комнаты лежал окровавленный труп кофийца. С безошибочным варварским инстинктом киммериец отыскал обидчика в темноте и, воспользовавшись всеобщей суматохой, прикончил.



2

Свет факелов и шумное веселье гуляк остались позади. Киммериец избавился от своей рваной куртки и теперь шагал сквозь ночь совершенно голый, если не считать набедренной повязки и высоких шнурованных сандалий. Он скользил с гибкостью тигра, его стальные мускулы играли под загорелой кожей.

Конан достиг той части города, которая прилегала к храмам. Они поблескивали в свете звезд со своими мраморными снежно-белыми колоннами, золотыми куполами и серебряными арками порталов, эти дворцы бесчисленных загадочных божеств Заморы. Конан не слишком ломал себе над этим голову. Он знал, что религия Заморы, как и все прочее у народа, издавна изведавшего благ цивилизации, сложна и понять ее нелегко, свое изначальное естество она давно затеряла в лабиринте обрядов и обычаев. Много часов провел он на открытых площадях, внимая увещеваниям теологов и учителей, и после этого запутался еще больше, чем прежде. Но в одном отныне он убедился твердо: ни один из этих философов не пребывал в здравом рассудке.

Его родные боги просты, и понять их несложно. Кром был верховным среди них. Он жил на высокой горе, откуда насылал испытания и смерть. Бесполезно молить о чем-либо Крома, ибо он мрачен, дик и презирает трусов. По мальчиков при рожде-

нии он наделял мужеством, волей и силой убивать врагов. Это было, по воззрениям варваров, все, чего следовало ожидать от бога.

Сандалии Конана не издавали ни малейшего шума, ступая по блестящим камням мостовой. Ни одного стражника не видно, ибо даже воры из «Прожорливой глотки» избегали храмов, где — как кругом болтают — всякого, кто вступал в них с нечистыми намерениями, ждала ужасная судьба. Впереди Конан видел Башню Слона, устремлявшуюся к небу. Он спрашивал себя, откуда она получила свое имя. Никто этого, казалось, не знал. Сам он еще никогда не видел столь диковинное животное, однако знал по рассказам, если только правильно понял: слон — это чудовищно огромный зверь с одним хвостом спереди и одним сзади. Во всяком случае, так объяснял ему путешественник-шемит и притом клялся, будто тысячами видел таких зверюг в стране гирканцев. Но нужно, конечно, еще не упускать из виду, что все шемиты большие любители соврать. В Заморе, по крайней мере, никаких слонов не водилось.

Холодно поблескивая, башня, казалось, хотела схватить звезды. В солнечном свете она так ослепляла, что только немногие переносили прямой взгляд на нее. Шептали, мол, она целиком построена из серебра. Башня имела форму цилиндра, была высотой в сто пятьдесят футов, и драгоценные камни мерцали в свете звезд — густо утыканные в верхний край или в заграждение, опоясывающее ее. Башня стояла посреди сада, раскинутого высоко над городом, и легкий ветерок раскачивал ветви чужеземных деревьев. Могучая стена окружала сад, и с внешней стороны стены вокруг находилась низкая, не очень широкая полоска земли, которая также была отгорожена стеной. Ни один луч света не вырывался из башни. Она явно не имела оконных отверстий, по меньшей мере их не оказалось над внутренней стеной. Только сверкающие камни высоко наверху отбрасывали холодное сияние.

Под нижней внешней стеной рос густой кустарник. Киммериец проскользнул поближе и остановился получше разгля-

деть всю картину. Хотя стена была довольно высока, одним прыжком он наверняка мог бы достичь ее края и уцепиться пальцами, а дальше оставались детские игрушки — подтянуться и перебраться через нее. Он не сомневался, что и внешнюю стену может одолеть подобным же образом. Но он заколебался при мысли о неизведанных жутких опасностях, которые, как он предполагал, подкарауливают его в саду. Здешние люди казались ему чуждыми и полными загадок. Они были совсем другого рода, чем киммериец, они были даже не той крови, что западные народы — бритунцы, немедийцы, кофийцы и аквилонцы, о тайнах цивилизации которых он уже многократно был наслышан. Люди в Заморе произошли от старой, очень старой цивилизации, и, насколько он успел с ними познакомиться, они казались ему до основания испорченными и развращенными.

Он подумал о Яре, верховном жреце, который плел свое темное чародейство в башне из драгоценных каменьев. Волосы киммерийца поднялись дыбом, когда на ум ему пришла одна история, выболтанная придворным пажом в изрядном подпитии: как Яра засмеялся в лицо одному мирно настроенному принцу и преподнес ему пылающий демонский драгоценный камень. Ослепляющие лучи вырвались из страшного камня и окутали принца. С криком опустился тот на пол и обуглился, превратившись в черный комок, который в конце концов обернулся пауком и принялся торопливо шнырять по покою, пока Яра не раздавил его подошвой.

Не часто покидал Яра свою колдовскую башню, а когда делал это, то явно только для того, чтобы ввергнуть в несчастье какого-нибудь человека и даже целый народ своей черной магией. Король Заморы боялся его пуще смерти и постоянно напивался, ибо не мог смиренно переносить столь чудовищный страх. Яра был очень стар — поговаривали, будто он живет несчетные столетия и будет жить вечность, и все это с помощью магии камня, повсеместно именуемого Сердцем Слона, по той же причине, по какой высокое строение получило имя Башни Слона.

Погруженный в мысли такого рода, киммериец посмешно прижался к стене, когда расслышал размеренные шаги в саду. Вместе с шагами он уловил также слабое позвякивание металла. Так что все-таки хотя бы один стражник ходит вокруг сада. Варвар ждал, пока тот не вернется, закончив обход, но опустилась ничем не прерываемая тишина.

Наконец любопытство пересилило. Киммериец подскочил, ухватился за край стены и подтянулся на одной руке. Затем плашмя лег на стену и посмотрел вниз, на полоску земли между обеими стенами. Тут не росло никаких кустов, только непосредственно перед внутренней стеной он увидел несколько заботливо подстриженных кустиков. Звездный свет падал на ухоженные газоны. Где-то плескал фонтан.

Конан осторожно спустился. Он вытащил меч из ножен и огляделся. Беспокойство дикаря, который стоит незащищенным под ярким светом звезд, наполняло его, и поэтому он быстро пробрался в тень стены за поворот, пока не оказался рядом с теми кустами, что приметил прежде. Ловкими, быстрыми шагами он пробежал, низко пригнувшись к ним, и почти что споткнулся о нечто, лежавшее, скорчившись, возле кустов.

Быстрый взгляд в обе стороны — по меньшей мере в пределах видимости не имелось ни одного врага. Конан наклонился над фигурой. Острые глаза разглядели в свете звезд крепко сбитого мужчину в серебристом доспехе и шлеме с гребнем заморийской королевской гвардии. Щит и пика лежали рядом с ним. Конан установил, что воин задушен. Варвар беспокойно огляделся по сторонам. Ему стало ясно, что это тот стражник, шаги которого он слышал с той стороны стены. Прошло всего немного времени, и тем не менее неизвестная рука схватила из темноты воина за горло и лишила жизни.

Напряженные глаза Конана внезапно уловили движение в кустах подле стены. Держа ладонь на рукояти меча, он прокрался туда. При этом он издавал шума не больше, чем пантера, скользящая в ночи, но человек, на которого Конан хотел напасть внезапно, услышал его. Киммериец увидел на стене

могучую тень и почувствовал облегчение — тень имела человеческие очертания. Незнакомец резко развернулся с хриплым выдохом, в котором был страх, и явно хотел наброситься на своего противника. Но когда свет звезд отразился от Конанова клинка, он вновь отпрянул. Прошло напряженное мгновение ожидания — каждый выжидал, что будет делать второй, оба готовые немедленно перейти к обороне.

— Ты не воин, — прошипел наконец незнакомец.— Ты вор, как и я.

— А кто ты? — недоверчиво спросил киммериец.

— Таурус из Немедии.

Киммериец опустил меч.

— Я наслышан о тебе. Тебя называют королем воров.

Тихий смешок послужил ответом. Таурус, ростом с киммерийца, но тяжелее, был довольно-таки толст и обладал большим брюхом, однако каждое его движение выдавало невероятную ловкость и стальную силу. Его острые глаза оживленно блестели в свете звезд. Он был бос и имел при себе свернутую веревку, тонкую, но прочную, с узлами на равных расстояниях.

— А ты кто? — прошептал он.

— Конан из Киммерии, — ответил варвар.— Я хочу отыскать дорогу к драгоценности Яры, которую именуют еще Сердцем Слона.

Конан почувствовал, как толстое брюхо заколыхалось от смеха, но в этом хохоте не чувствовалось издевки.

— Клянусь Бэлом, богом всех воров! — прошипел Таурус.— Я полагал, кроме меня, ни в ком недостанет мужества отважиться на такое. Заморийцы называют себя ворами — фу! Конан, мне нравится твоя наглость. Еще никогда и никому я не позволял выходить со мной вместе на охоту, но, клянусь Бэлом, если тебе хочется, попробуем вместе проделать этот трюк.

— Так ты здесь тоже в погоне за камнем?

— А ты что думал? Месяц я потратил на разработку плана. А ты, как я думаю, действуешь под влиянием секундного порыва, я прав?

— Да,— пробурчал Конан. — Это ты убил воина?

— Разумеется. Я перелез через стену, когда он патрулировал другую сторону сада. Спрятался в кустиках. Он услышал меня или, по крайней мере, ему почудилось, будто он что-то слышит. Когда он пробегал мимо, было совсем не трудно прыгнуть на него со спины и перекрыть ему воздух. Как и большинство людей, он в темноте наполовину слеп. Хороший вор должен иметь глаза, как у кошки.

— Ты допустил ошибку, — сказал Конан.

Глаза Тауруса зло блеснули.

— Я? Ошибку? Не может быть!

— Ты должен был оттащить труп в кусты...

— ...сказал подмастерье мастеру. Смена караула только в полночь. Если бы кто-нибудь начал его искать и обнаружил труп, он побежал бы прямой дорожкой к Яре, чтобы поднять тревогу. Между тем у нас было бы довольно времени, чтобы унести отсюда ноги. А вот если бы они его не нашли, они обыскали бы каждый куст и загнали нас в ловушку, как крыс.

— Ты прав,— признал Конан.

— Так что теперь слушай. Мы только транжирим время с проклятой болтовней. Во внутреннем саду нет стражников — я хочу сказать, людей. Но в любом случае там бродят твари, которые куда смертоноснее. Их присутствие заставило меня ломать себе голову долгое время, но под конец я нашел способ устранить их.

— А что воины внизу, под башней?

— Старик Яра гнездится наверху. Туда мы попадем и назад тоже вернемся, я надеюсь. Не спрашивай меня сейчас как! Я подумал и позаботился только об одной возможности. Мы заберемся сверху и оттуда свалимся на колдуна и придушим его, прежде чем он успеет положить нас одним из своих проклятых чародейств. То есть мы попытаемся это сделать. Либо мы окончим свои дни в обличье пауков и жаб, которых он раздавит сапогом, либо огромная власть и необъятное богатство — наши. Все хорошие воры должны идти на риск.

— Я готов,— заявил Конан и стряхнул с ног сандалии.

— Тогда за мной!

Таурус повернулся, прыгнул, схватился за край стены и подтянулся наверх. Подвижность вора была неправдоподобной, если учитывать его телосложение. Со стороны это выглядело так, словно он почти взлетел на вершину стены. Конан последовал за ним и распростерся рядом. Они объяснялись только еле слышным шепотом.

— Я не вижу огней,— пробормотал Конан.

Нижняя часть башни не отличалась по виду от верхней половины, той, что была видна снаружи стены,— гладкий, блестящий цилиндр и никаких отверстий.

— Имеются окна и двери, очень искусно скрытые в стене,— тихо объяснил ему Таурус,— однако они закрыты. Воины дышат воздухом, который поступает сверху.

Сад был морем смутных теней, кустарники и низкие деревья с длинными ветвями тихо колебались внизу. Конан ощущал, как снизу исходит подстерегающая их угроза, ловил на себе пылающий взор невидимых глаз, и его ноздрей касался слабый запах, от которого у него тотчас же поднялись волоски на затылке. Он непроизвольно заскрежетал зубами, как охотничья собака, поймавшая запах отвратительного врага.

— За мной!— выдохнул Таурус.— Находись постоянно за мной, если тебе дорога твоя жизнь!

Прежде чем легко спрыгнуть в траву внутреннего сада, Таурус достал из-за пояса нечто, что выглядело как медная трубка. Конан приземлился рядом с ним, держа меч наготове. Таурус тесно прижал его к стене и не двигался, только сделал шажок вперед. Его поведение выдавало напряженное ожидание, и его взгляд, как и взгляд Конана, был направлен на тонущий в тени кустарник, находившийся на удалении в несколько шагов. Внезапно он заколебался, хотя не было ни дуновения ветерка. И вот уже блеснули между подвижных теней два больших глаза, а за ними в темноте еще и еще.

— Львы!— пробормотал Конан.

— Правильно. Днем их держат в подвальных помещениях под башней. Поэтому-то ни одного человека в саду и нет.

Конан быстро пересчитал глаза.

— Я вижу пять, однако, вероятно, в кустах еще несколько. Они могут напасть каждый миг.

— Тихо! — прошипел Таурус.

Осторожным движением он отделился от стены, точно ступал по сырым яйцам, и поднял тонкую медную трубку. Конан чуял поблизости огромные слюнявые пасти (хотя не мог их видеть) и хвосты с кисточками, беспокойно хлещущие по светлым бокам. В воздухе сгущалось напряжение. Киммериец покрепче ухватился за рукоять меча. Каждое мгновение он ожидал атаки огромных сильных тел. Тут Таурус поднял к губам медную трубочку и сильно выдохнул. Желтый порошок дождем брызнул из нижнего отверстия трубки и быстро разделился на густые желто-зеленые облачка, которые опустились на кустарник и скрыли из виду сверкающие глаза.

Таурус поспешно примчался назад, к стене. Конан, ничего не понимая, воззрился на кусты. Плотное облако полностью окутало их. Ни единого, ни малейшего шороха не доносилось оттуда.

— Что за пыль? — тревожно спросил киммериец.

— Смерть! — шепнул немедиец. — Если поднимется ветер и подует в нашу сторону, нам нужно будет немедленно перепрыгивать через стену. Но нет, еще безветрие, а облако скоро рассеется. Нам нужно всего лишь переждать, пока оно исчезнет окончательно. Вдохнуть его — верная гибель.

Вскоре только несколько желтоватых теней, как призраки, колебались в воздухе. Наконец рассеялись и они, и Таурус сделал знак своему спутнику следовать за ним. Они проскользнули к кустам. Конан громко втянул в себя воздух. Пять могучих тел неподвижно лежали в тени, огонь свирепых глаз потух навсегда. Сладковатый, одурманивающий аромат еще висел в воздухе.

— Они погибли, не издав ни малейшего звука! — проговорил киммериец, пораженный. — Таурус, что за порошок такой?

— Измельченные цветки черного лотоса, произрастающего только в непроходимых джунглях Кхитая, где живут лишь бритоголовые желтолицые жрецы Юуна. Запах этих цветков смертелен.

Киммериец опустился на колени возле сильных животных, удостовериться, что они в действительности более не в состоянии причинить кому-либо зло. Он потряс головой. Магия чужеземных стран была для варвара с севера жуткой и непонятной.

— Почему бы не убрать воинов из башни точно таким же способом? — спросил он.

— Это весь порошок, какой я сумел раздобыть. Даже эту малость получить в руки — деяние, достойное величайшего вора всех времен и народов. Я стянул его из одного каравана, направляющегося в Стигию. Он лежал в золотом мешочке между кольцами свернувшейся огромной змеи, которая должна была охранять его, и не разбудил ее. Но идем же, ради Бэла! Или мы всю ночь будем только языком молоть?

Они пробрались сквозь кустарник к блестящему подножию башни, и тут Таурус, сохраняя молчание, развернул свою веревку с узлами, на одном конце которой имелся крепкий железный крюк. Конан сообразил, что тот намеревался предпринять, и не задал ни одного вопроса, когда немедиец взял веревку под крюком и раскрутил его над головой. Киммериец прижался ухом к гладкой стене, прислушиваясь, однако ничего не уловил. Воины в карауле явно не подозревали, что в саду могут находиться взломщики. Немедиец тоже не слышал больше никаких шорохов, кроме ночного ветерка, который легонько поигрывал ветвями деревьев и кустов. Но внутреннее беспокойство охватило варвара. Быть может, вездесущий запах львов был тому виной.

Таурус без всяких видимых усилий забросил веревку в высоту. Крюк взлетел, описав странное вращающееся движение, и исчез за краем башни, усыпанным драгоценностями. Он явно прочно зацепился там, поскольку не поддался ни при

осторожном, ни при сильном рывке веревки и держался надежно.

— Повезло с первого раза,— возликовал Таурус, — я...

Варварский инстинкт внезапно подбросил Конана и заставил его вихрем обернуться назад. Он ничего не слышал, ибо смерть приблизилась к ним совершенно беззвучно. Один взгляд — и киммериец бегло заметил огромное желто-коричневое тело, вырисовывающееся на фоне звезд и уже приготовившееся к смертельному броску. Ни один человек, выросший в неге цивилизации, не смог бы отреагировать так быстро, как варвар. Меч сверкнул, как ледяной кристалл в свете звезд, и всю отчаянную силу могучих мышц вложил Конан в удар. И вот уже человек и зверь сплелись на земле.

Яростно, однако почти беззвучно ругаясь, Таурус нагнулся над телами дерущихся и увидел, что его спутник пытается высвободиться из-под чудовищной туши, бессильно навалившейся на него. Второй взгляд — удивленный,— и немедиец обнаружил, что лев мертв, голова его рассечена. Он схватил труп, и совместными с варваром усилиями ему удалось откатить льва в сторону и освободить киммерийца. Конан поднялся на ноги. Меч, с которого еще стекала кровь, он крепко сжимал в руке.

— Ты ранен? — хрипло спросил Таурус, все еще потрясенный быстротой, с которой разыгралась эта неожиданная битва.

— Нет, клянусь Кромом! — заверил его варвар.— Но я редко бывал так близко к смерти. Почему же проклятая бестия не зарычала, прежде чем напасть?

— В этом саду все необычно,— проворчал Таурус.— Львы наносят удар безмолвно — как и все в этом месте, полном призраков. Ну, идем же теперь! Битва не была совершенно бесшумной. Воины могли что-нибудь все же услышать, если они не дрыхнут или не напились. Эта тварь, должно быть, бродила в другой части сада и таким образом избежала смерти от яда. Но других львов здесь нет, не сомневаюсь. Нам нужно теперь забраться наверх как можно быстрее — и я, разумеется, только зря израсходую время, если стану спрашивать киммерийца, умеет ли он лазать по скалам.

— Если веревка выдержит мой вес,— проворчал Конан и вытер меч о траву.

— Выдерживает три моих, — ответил Таурус.— Она сплетена из волос мертвых женщин, чьи косы я выкрадывал из гробниц в час полуночи. А чтобы придать ей еще больше крепости, я окунул ее в смертельное молоко дерева анчар. Я залезу первым, следуй за мной, не отставая.

Немедиец схватился за веревку и обвил ее ногой. Как кошка, вскарабкался он наверх, заставив в очередной раз забыть о тучности своего массивного торса. Киммериец последовал за ним. Веревка раскачивалась и крутилась, но это не мешало двоим ворам, оба они уже имели за спиной куда более сложные опыты успешного покорения отвесных скал и стен. Усеянный драгоценностями край башни сверкал высоко над ними. Он немного выдавался в стороны над отвесными стенами, так что веревка свисала с него на расстоянии примерно фута от стены, что значительно облегчило восхождение.

Все выше и выше забирались они, так бесшумно, как это только было возможно. Огни города все шире расстилались перед их взором, и звезды казались тусклыми под блеском драгоценностей на парапете крыши. Таурус уже добрался до них, подтянулся и перелез через парапет. Конан немного задержался, залюбовавшись зрелищем огромных драгоценных камней, сверкание которых остро резало ему глаза. Бриллианты, рубины, смарагды, сапфиры, бирюза, лунные камни были плотно подогнаны друг к другу и вправлены в мерцающее серебро. Снизу многоцветье камней сливалось в одно пульсирующее белое пыланье, но теперь, вблизи, они блистали всеми оттенками и цветами радуги и почти приковали своим блеском.

— Да здесь сказочное богатство, Таурус! — задохнулся Конан.

— Давай быстрей! — подтолкнул его немедиец.— Если мы заберем себе Сердце, все остальное тоже будет нашим.

Конан перелез через сверкающее ограждение. Крыша башни находилась на высоте нескольких футов над парапетом. Она

была плоской и сделанной из темно-синего, выложенного золотом материала. Свет звезд отражался от нее, и казалось, она мерцала, словно гигантский сапфир, осыпанный золотой пылью. Почти напротив того места, где они забрались через парапет, находилась своего рода будочка или каморка, сделанная из того же серебристого материала, что и стены башни, и вся сплошь усеянная маленькими драгоценными камнями, образующими разнообразные узоры. Дверь была золотая, покрытая орнаментом в виде чешуи и осколками драгоценностей, которые сверкали, как лед.

Конан бросил взгляд на переливающееся море огней далеко внизу, а потом взглянул на Тауруса. Немедиец втянул наверх свою веревку и смотал ее в бухту. Он указал варвару место, где зацепился крюк.— опору нашло только острие «кошки» пониже огромного светящегося драгоценного камня на внутренней стороне ограждения.

— Нам снова повезло,— пробормотал он,— наш общий вес мог вырвать камень из опоры. Ну, за мной, настоящие трудности начинаются только сейчас. Мы с тобой в логове змеи и еще не знаем, где она сама.

Как тигры на охоте, они двинулись по темному полу и остановились перед сверкающей дверцей. Таурус осторожно попытался ее отворить. Она подалась без сопротивления. Оба вора напряженно всматривались, готовые ко всему. Через плечо немедийца Конан осматривался. Стены, потолок, пол были усыпаны большими белыми драгоценными камнями, которые, казалось, изливали огонь и освещали весь покой ярким светом. Ни одного живого существа поблизости не находилось.

— Прежде чем мы вторгнемся в логово змеи, нам нужно, вероятно, еще удостовериться, как там дела внизу. Глянь-ка через ограждение во все стороны. Если увидишь в саду воинов или вообще что-нибудь подозрительное, тотчас дай мне знать! Я подожду тебя здесь.

Конан счел эту меру предосторожности излишней, и в его настороженной душе проснулось легкое подозрение относи-

тельно спутника, однако он сделал то, что приказал Таурус. Когда он отвернулся, немедиец заскочил в комнатку и притворил за собой дверцу. Конан совершил осторожный обход вокруг ограждения, не заметив в глубине сада под башней, в колышущемся море листьев, ни малейшего подозрительного движения. Он возвратился к дверце — и внезапно из глубины комнатки донесся придушенный крик.

Киммериец испуганно сделал большой прыжок к дверце, когда она распахнулась и оттуда, озаренный холодным мерцанием, вывалился Таурус. Он шатался, раскрывал рот, но лишь сухое шипение вырывалось из его горла. Пытаясь найти опору, он схватился за золотую дверцу, но споткнулся и во весь рост рухнул на пол, прижимая ладони к горлу. Дверца сама собой закрылась за ним.

Конан, пригнувшийся, словно пантера, в тот мимолетный миг, пока дверь была открыта, не увидел в помещении за спиной насмерть пораженного немедийца ничего подозрительного — разве что тень, мелькнувшую по гладкому полу. Но это могло быть просто обманом зрения. Ничто не выскочило на крышу из комнатки, преследуя немедийца. Конан склонился над лежащим.

Широко раскрытыми, остекленевшими глазами, которые казались невидящими и смятенными, уставился Таурус в высоту. Его пальцы впились в горло, он издавал невнятные булькающие звуки. И вдруг замер. Пораженный киммериец тут же понял, что Таурус мертв, и у него появилось чувство, что Таурус так и умер, даже не поняв до конца, какая же смерть его постигла, какая гибель дотянулась до него когтями из темноты. Конан растерянно уставился на золотую дверцу, скрывающую столь ужасную тайну. В пустом помещении за ней, среди мерцающих стен, усыпанных самоцветами, смерть так скоро и так загадочно одолела короля воров, как это случилось в саду со львами.

Варвар задумчиво потрогал полуобнаженный труп в поисках ранений. Но единственным следом внешнего воздействия

были три крошечные ранки на могучем затылке — они выглядели так, словно три иголки глубоко вонзились в кожу и их тут же быстро выдернули обратно. Едва заметные края ранок почернели, и от них исходил слабый запах тления. «Отравленные метательные иглы? — размышлял Конан.— Но тогда снаряды остались бы в ране».

Осторожно скользнул Конан к золотой дверце, толкнул ее и заглянул в комнатку: пусто. Единственное, что казалось там живым,— светящиеся драгоценные камни. В центре потолка взгляд Конана скользнул по удивительному орнаменту. Он был восьмиугольным, черным, и в центре узора четыре самоцвета горели красным огнем, совершенно иначе, чем белое сияние камней вокруг. На противоположной стороне находилась еще одна дверь, похожая на ту, возле которой стоял Конан, но без узора в виде чешуи. Пришла ли смерть оттуда и ушла ли обратно за эту дверь, после того как нанесла удар?

Конан закрыл за собой дверь и вошел в комнату. Его босые ступни не издавали ни единого шороха на хрустальном полу. Здесь не имелось ни стульев, ни столов, только четыре дивана, шелковая обшивка которых была заткана золотыми нитями, сплетающимися в странный узор в виде змей. Кроме того, имелись обитые серебром сундуки из красного дерева. Некоторые даже снабжены тяжелыми золотыми замками, резные крышки других были откинуты, выставляя напоказ хранившиеся в них сокровища — драгоценные камни всех родов, смешанные и наваленные кучей.

Конан беззвучно выругался. В эту ночь его удивленному взору предстало богатств больше, чем он предполагал найти во всем мире. Он немел при мысли о том, какой же ценности окажется тот драгоценный камень, за которым он охотился.

Теперь Конан находился в центре комнаты и, пригнувшись, двигался дальше, настороженно вытянув вперед меч, когда второй раз за эту ночь бесшумная смерть набросилась на свою жертву. Пролетевшая тень, скользнувшая над блестящим полом, была единственным предупреждением, и только инстинк-

тивный прыжок в сторону спас Конану жизнь. Он мимоходом увидел волосатое черное создание, словно вышедшее из кошмарного сна, оно пролетело над ним, брызгая слюной с ощеренной пасти. Что-то капнуло на обнаженные плечи, и кожа будто бы вспыхнула адским пламенем. Высоко подняв меч, Конан отскочил назад и увидел, что чудовище приземлилось на пол, повернулось и с пугающей ловкостью приближается к нему. Это был гигантский черный паук, какой мог привидеться только в кошмарном сне.

Восемь жирных волосатых лап несли над полом бесформенное туловище размером со взрослую свинью с поразительной быстротой. В четырех злобно сверкающих глазах угадывался чужеродный рассудок, на клыках поблескивали капли — должно быть, смертельный яд; он уже оставил свой след, когда бестии промахнулась и только капнула на плечи киммерийца, горевшие теперь болью. Вот, стало быть, какова смерть, обрушивающаяся на немедийца из своего гнездовья на потолке. Какие же они были глупцы, раз не подумали, что верхние помещения будут охраняться так же тщательно, как и нижние!

Эти мысли пронеслись в голове Конана, когда чудовище снова прыгнуло на него. На этот раз он высоко подскочил, и паук пролетел у него под ногами. Но он мгновенно развернулся, готовясь к новой атаке. Конан бросился в сторону и нанес удар, как кошка. Меч перерубил одну из лап, и вновь киммериец лишь на волосок избежал смерти, когда чудовище повернулось и зубы его громко лязгнули. Однако теперь бестия больше не гонялась за киммерийцем. Она пробежала по хрустальному полу и помчалась по стене к потолку, наверх. Там она съежилась, и красные глаза злобно засверкали. Затем без предупреждения она пролетела по воздуху и протянула за собой толстую серую нить. Конан уклонился от неуклюжего тела и успел еще пригнуться как раз вовремя, чтобы не коснуться паутины. Он понял, что собирается делать чудовище, и прыгнул к двери, но паук оказался проворнее. Он метнул липкую нить к двери и отрезал Конану путь к отступлению. Конан не

осмеливался разрубить паука мечом, поскольку не сомневался, что клинок застрянет в теле чудовища и, прежде чем человек успеет его освободить, зверюга вонзит ему в кожу свои зубы.

Началась отчаянная игра, где демонской ловкости и изворотливости паука противостояли разум и реакция человека. Бестия больше не бегала по полу и не предпринимала прямых атак, не носилась она больше и по воздуху, нет, она принялась метаться по потолку и стенам, стараясь поймать свою жертву клейкими серыми нитями, которые паук выбрасывал с чудовищной меткостью. Нити были толщиной с корабельные тросы. Конан понял: как только они коснутся его в первый раз, всей его силищи не хватит, чтобы освободиться до того, как чудовище нанесет удар.

Если не считать прерывистого дыхания человека, легкого шуршания босых ног по отполированному полу и непрерывного клацанья зубов чудовища, смертельный танец разворачивался в совершенной тишине. Серые нити, свернувшись, валялись на полу, свисали петлями со стен, тянулись над ларцами с сокровищами и шелковыми диванами, болтались гирляндами с утыканного самоцветами потолка. Благодаря острым глазам и врожденной ловкости Конан до сих пор ухитрялся уворачиваться от паутины, хотя липкие нити не раз пролетали совсем близко от него. Он знал, долго ему не продержаться. Ему приходилось постоянно помнить о нитях, что свисали с потолка, и о тех, что лежали букетами на полу. Рано или поздно одна из этих веревок змеей захлестнет его, и он, беспомощный, спеленатый, как мумия, будет преподнесен чудовищу на блюдечке.

Паучина промчался по полу комнатки и протянул за собой серую нить. Конан перескочил через диван. Нечисть тут же развернулась и понеслась вверх по стене. Нить извивалась за насекомым и билась, рассекая воздух, точно живое существо, и задела щиколотку Конана. Киммериец схватился за петлю, отчаянно дергая ее, и тут же прилепился ладонями. Веревка держала его эластичными тисками, словно превратившись в пиявку. Волосатое отродье демона снова сбежало по стене вниз, гото-

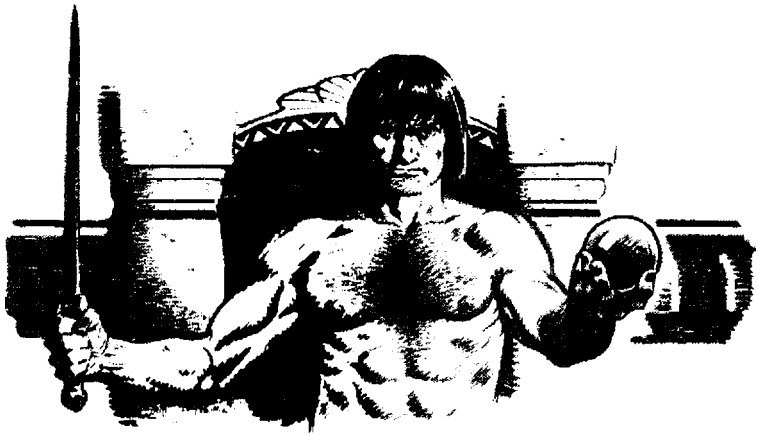
вое обрушиться на пойманную добычу. В отчаянии варвар изо всех сил ухватился за ларь с сокровищами и бросил его в паука. Необычный метательный снаряд придавил туловище паука к стене. Послышался отвратительный треск. Брызнули кровь и зеленоватая слизь, и размозженное тело вместе с разбитым в щепы сундуком повалилось на пол. Сверкающие драгоценности, переливающиеся всеми красками, лежали вместе с раздавленным черным туловищем. Волосатые лапы еще судорожно подергивались среди изысканнейшей роскоши, и умирающие глазки пылали багрянцем среди блеска рубинов.

Конан огляделся, но никаких кошмарных тварей больше не показывалось, поэтому принялся без помех освобождаться от липких нитей, упорно цеплявшихся за его руки и щиколотки. Наконец он был свободен. Конан поднял меч и осторожно стал пробираться к двери среди серых петель и свернувшихся паутинных нитей, лежащих на полу. Какие ужасы ожидали его за второй дверцей — он даже подозревать не мог. Горячая кровь бежала по его жилам. Он зашел так далеко, он столько препятствий преодолел, что теперь и помыслить не хотел об отступлении. Это приключение он доведет до страшного финала и отыщет могущественный драгоценный камень. Он чувствовал, среди самоцветов этой комнатки Сердца Слона не было.

Он убрал от внутренней дверцы липкие нити и установил, что и этот вход — куда бы он ни вел — тоже не заперт. Конан задавался вопросом, заметили ли воины его вторжение. Ну, теперь он находится высоко над их головами, и если правда то, что рассказывают, так они давно привыкли к жутким звукам, доносящимся сверху.

Теперь его занимали мысли о Ярге, и он чувствовал себя не особенно хорошо, когда открывал вторую золотую дверь. Но увидел лишь ведущую вниз серебряную лестницу, освещенную чем-то таким, чего он не мог разглядеть. Крепко сжимая меч, Конан осторожно стал спускаться по ступенькам. Не услышав ни единого звука, он добрался наконец до двери из резной слоновой кости, инкрустированной кровавиком. Он при-

жался ухом, однако оттуда не доносилось ни шороха. По примечательные тонкие облачка курений тихо струились из-под нижнего края двери. Странный аромат источали они. Конан никогда прежде не вдыхал ничего подобного. Серебряная лестница уводила дальше в глубину и исчезала во мраке. И снизу не доносилось ни малейшего звука. У Конана возникло неприятное чувство — будто в этой башне, где гнездятся привидения и ужасы, он единственный живой человек.



3

Осторожно надавил Конан на дверь из слоновой кости.

Она беззвучно подалась внутрь. Как воин на чужой территории, готовый к немедленному бою или немедленному бегству, стоял Конан на переливающемся пороге. Перед ним расстилался огромный золотой покой со сводчатым потолком и стенами из зеленого жадеита. Пол был выложен слоновой костью и местами укрыт толстыми коврами. Из курильницы, стоящей на золотом треножнике, поднимался пахучий дым, а за ним на своего рода мраморном ложе покоился идол. Широко раскрытыми глазами рассматривал его Конан. Зеленое создание имело туловище обнаженного мужчины, но голова... такая голова могла возникнуть только в поврежденном рассудке художника. Для человеческого тела она была чересчур велика и не имела в себе вообще ничего человеческого. Конан уставился на широкие, морщинистые уши, изогнутый хобот, длинные белые бивни справа и слева от него, острия которых прятались в золотые шары. Веки опущены, словно идол спал.

«Стало быть, идол был причиной тому, что строение прозывали Башней Слона, — размышлял Конан,— ибо голова этого... создания выглядела в точности так, как расписывал слоновью внешность бродяга-шемит. Это вот и есть божок Яры? И драгоценная побрякушка наверняка находится здесь же,

спрятанная на идоле либо внутри его, иначе почему бы тогда называть его Сердцем Слона?»

Но когда Конан, не сводя взора со статуи, осторожно шагнул к ней, она внезапно раскрыла глаза!

Киммериец оцепенел.

Так это не изображение! Это живое существо, и он, Конан, угодил прямехонько к нему в ловушку!

Сковавший его ужас был виной тому, что он не обрушил на эту тварь в тот же миг свой клинок. Человек цивилизованный в его положении начал бы искать сомнительного прибежища в мысли, будто повредился в уме. Однако Конан никогда не набрел бы на такую идею — не доверять своему рассудку. Он знал, что ему предстал демон Древнего Мира, и это осознание наполняло его таким ужасом, что он только и мог стоять и неподвижно смотреть на это существо.

Хобот поднялся и пошарил вокруг себя. Топазовые глазки, не видя, уставились в пустоту. Как только Конан сообразил, что существо слепо, оцепенение отпустило его, и он принялся тихонько пятиться к двери. Однако существо со слоновьей головой явно обладало отличным слухом. Хобот вытянулся в сторону Конана. И вновь ужас сковал киммерийца. Но тут создание заговорило странно звенящим, лепечущим голосом, на ровной ноте, без единой интонации. Возможно, подумал варвар, причиной тому его пасть, не приспособленная для человеческой речи.

— Кто ты? Ты вновь пришел терзать меня, Яра? Неужто не будет предела твоей алчности? О Иаг-кошa, неужели нет конца моим мучениям?

Слезы покатились из слепых очей. Конан бросил взгляд на тело, простертое на мраморном ложе. И тут он разглядел, что ужасное существо совершенно не может встать, чтобы напасть на него. Он увидел шрамы, оставленные, должно быть, пыточными тисками и раскаленным железом. Каким бы черствым человеком ни был варвар, его потрясли эти чудовищные обрубки рук и ног, которые, как подсказывал ему инстинкт, когда-то были такими же совершенными, как его собственные молодые руки и ноги. И внезапно глубочайшее сострадание

подавило и его ужас, и все его прежнее отвращение. Конан не знал, что это за создание, однако свидетельства страдания, которое тому пришлось вытерпеть, оказались столь чудовищны и впечатляющи, что у киммерийца — непостижимо для него самого — сжалось сердце. Он ощутил космическую трагедию и содрогнулся от стыда, точно на его плечи взвалили бремя вины целой расы.

— Не Яра я вовсе, — сказал он.— Я всего лишь вор. Я ничего не сделаю тебе.

— Подойди ко мне, дабы мог я прикоснуться к тебе,— запинаясь, попросило существо.

И Конан без всякого страха приблизился, позабыв о мече в своей руке. Чуткий хобот вновь простерся к нему и осторожно ощупал лицо и плечи киммерийца, как это делают слепцы, желая составить для себя картину, и прикосновение было нежным, точно у любящей женщины.

— Ты не демонской расы, как Яра,— пробормотало существо. — Чистая дикость пустынных земель слепила тебя. В былые века знавал я народ твой, но имя иное тогда он носил, нежели ныне, и из забытых древних времен воспоминание это, когда иным был лик мира и башни, исполненные роскоши, устремлялись в небо. Кровь на руках твоих.

— После сражения с пауком в клетушке наверху и со львом внизу, в саду, — отозвался варвар.

— Но в эту ночь убил ты и человека,— сказало существо с головой слона. — И чую смерть я на вершине башни. Я чую, ведомо мне.

— Да, — прошептал Конан.— Король воров погиб от укуса чудовищного паука!

— Так... так! — Страшный нечеловеческий голос перешел к своеобразному, лишенному интонаций речитативу.— Смерть в харчевне, что ворам приют, смерть на крыше — чую я, ведомо мне. И третью смерть чародейство несет, о коем не грезилось Яре,— о чары избавления, о зеленые боги Иага!

И вновь покатились слезы из топазовых глаз, а изуродованное тело содрогнулось, раздираемое противоречивыми чувствами. Конан в растерянности уставился на существо.

Когда оно начало успокаиваться, нежные, невидящие глаза устремились на Конана. Хоботом оно сделало знак подойти ближе.

— Внемли мне, о человек! — сказало необыкновенное существо.— В глазах твоих я отвратителен, я чудовище. Можешь не возражать, то знаю я. Однако, быть может, и ты таковым показался бы мне, если бы мог я тебя увидеть. Есть множество миров на свете, и жизнь принимает многообразные формы. Не бог я и не демон. Я из плоти и крови, как и ты, пусть даже и частично иного рода, и уж наверняка моя плоть облекает иные формы, чем у тебя.

Я очень стар, о человек из диких земель. Много, бесконечно много лет назад явился я на эту планету вместе с другими собратьями моими из нашего мира, зеленой планеты Иаг, вечно ходящей по краю Вселенной. Могучие крылья, что несли нас по космосу быстрее, чем луч света, пронесли нас сквозь Вселенную. Мы вели войну против королей Иага, побеждены мы были, и изгнали нас. Никогда мы не сможем возвратиться в отечество наше, даже если и будет нам разрешено, ибо крылья наши погибли и отпали с наших плеч. Так влачили мы здесь существование, отдаленные от жизни, расцветшей на Земле, и приходилось сражаться нам с ужасными тварями, в ту пору они топтали лик Земли тяжелой поступью. Со временем столь страшились нас уже, что покой наш не нарушался в мрачных джунглях Востока, где мы нашли себе новое жилище.

И видели мы, как люди появились, поднявшись над стадией обезьян, и воздвигли прекрасные города Валузии, Камелии, Киммерии и сестер их. И видели мы, как пали они под натиском диких атлантов, и пиктов, и лемурийцев. И видели мы, как вздулись моря и поглотили их воды Атлантиду и Лемурию, и острова Пиктов, и великолепные грады. И видели мы, как те с островов Пиктов и Атлантиды, кто пережил катастрофу, вновь основали царства, но уже в каменной эре, и как пали и они в кровавых войнах. И видели мы, как скатились пикты в бездну варварства и как атланты опустились еще ниже и возвратились к стадии обезьян. И видели мы, как новые дикари с ле-

дяного севера волна за волною устремлялись на юг в захватнических походах, как основали они новые цивилизации и заложили новые царства – Немедию, Коф, Аквилонию и прочие. И видели мы, как твой народ, некогда бывший атлантами, восстал под новым именем из тех обезьян, что влачили дни свои в джунглях. И видели мы, как выходцы из Лемурии, устоявшие перед катаклизмом, поднялись из примитивной стадии и, образовав народ гиркайцев, двинулись на запад. И видели мы, как эта демонская раса, уцелевшие потомки древнейшей культуры тех еще времен, что были прежде погружения Атлантиды на дно морское, – как вновь устремились они к вершинам цивилизации и власти и основали проклятое королевство Замора.

Все видели мы, не помогая космическому бегу времен и событий и не препятствуя ему. Один за другим умирали мои друзья, ибо мы, пришельцы с Иага, не бессмертны, хоть длительность жизни нашей сравнима со сроком жизни планет и созвездий. В конце концов лишь я один еще оставался. Среди рухнувших храмов поросшего непроходимыми джунглями Кхитая грезил я о древних временах, и старая раса желтокожих чтила меня, как бога. И тогда пришел Яра, искушенный в темном знании, что было наследием тех времен, когда Атлантиду еще не поглотили воды, – сквозь годы варварства пронесли это знание, передавая из рук в руки.

Поначалу уселся он у ног моих и испросил мудрости. Но не удовольствовался он тем, чему я учил его, ибо то была Белая Магия, в то время как его интересовала Черная, дабы обратить королей в рабов и удовлетворить свое демонское честолюбие. Но не учил я его мрачным тайнам, что без моего желания стали ведомы мне за долгие эпохи моей жизни.

Но умнее он оказался, чем я предполагал. С помощью листа из рукописи, добытого в старом склепе темной Стигии, он вынудил меня открыть ему тайну, что иначе никогда не сошла бы с уст моих. Используя власть, добытую таким образом, он превратил меня в своего раба. Ах, боги Иага, сколь горьким стал мой жребий с того часа!

Из густых джунглей Кхитая, где серые обезьяны танцевали по свистку желтолицых жрецов, где на моем алтаре постоянно

лежали подношения вином и фруктами, угнал он меня прочь. И не смог я больше быть богом для добросердечного народа джунглей — нет, с той поры я стал невольником демона в человеческом обличье. — И слезы вновь заструились из его слепых глаз. — Он запер меня в башне, которую я воздвиг по его приказу за одну ночь. Тисками и раскаленным железом пытал он меня и ослепил неземным мучением, коего тебе не понять. В муке своей давно бы я отнял у себя жизнь, если б только это было возможно. Но он заставляет меня жить — изувеченного, изуродованного, слепого, сломленного, дабы мог я исполнять ужасные его приказы. Три сотни лет вершу я отсюда все, что велит он мне, и черню душу мою космическими прегрешениями, и пятнаю мудрость свою чудовищными преступлениями, ибо нет у меня иного выбора. Но не все мои старые тайны сумел он вырвать у меня. Последняя моя дань будет чарами крови и камня.

Я чувствую, конец мой близок. Ты станешь десницей судьбы. Возьми, прошу тебя, драгоценный камень, что видишь здесь на алтаре!

Конан повернулся к алтарю из золота и слоновой кости, на который указывало существо с головой слона, и поднял огромный драгоценный камень, прозрачный, словно кроваво-красный хрусталь. Это, должно быть, и было легендарное Сердце Слона.

— Теперь приступим к чарам, самым могущественным чарам, подобных коим не переживала еще прежде земля никогда и не переживет и впредь за миллионы и миллионы тысячелетий. Кровью жизни моей заклинаю я, кровью с зеленой груди Иога... Возьми же меч свой, о человек, и вырежи сердце мое. И сожми его так сильно, чтобы кровь потекла на красный камень. А затем идти тебе вниз по ступеням сим в покой эбенового дерева, где Яра предается греховным мечтаниям желтого лотоса. Позови его по имени, и проснется он. И положи камень пред ним и скажи: «Иаг-кона посылает тебе последний дар свой и последнее свое чародейство». После ты должен тотчас удалиться из башни. Не страшись, ничто не преградит тебе пути. Жизнь человека — не совсем то, что жизнь тех, кто с Иага, и

смерть, какой знают ее люди,— не то, что смерть того, кто с Иага. Освободи же меня из этой клетки искалеченного, слепого мяса, и вновь стану я Иогой с Иага, увенчанный утром, сияющий, и будут у меня крылья, чтобы летать, и ноги, чтобы плясать, и глаза, чтобы глядеть, и руки, чтобы брать!

В нерешительности приблизился Конан к чуждому существу, и Иаг-кошa, или Иога, который, несомненно, ощутил его колебания, показал ему, куда он должен нанести удар. Конан закусил губы и глубоко вонзил меч в грудь чужеземца.

Кровь хлынула на меч и руки. Иога еще раз содрогнулся, а затем остался лежать неподвижно. Удостоверившись в том, что жизнь покинула странное тело, Конан принялся за свою кровавую работу и вынул на свет божий сердце Иоги, хотя оно ни в косй мере не походило на человеческое. Он занес еще пульсирующий орган над сверкающим камнем и сжал его обеими руками, пока кровавый дождь не полился на драгоценность. К удивлению Конана, кровь не стекала вниз, а впитывалась в камень, словно в губку.

Осторожно взял Конан камень в руку и покинул необыкновенный покой. Он не оглядывался назад, ступая на серебряную лестницу, инстинктивно чувствуя, что изменения, происходящие с фигурой на мраморном ложе, не предназначены для взора глаз человеческих.

Он закрыл за собой дверь из слоновой кости и, не мешкая, сбежал вниз по ступенькам. Ни мгновения он не думал о том, не пренебречь ли ему указаниями. У двери из эбенового дерева, центр которой украшал — или уродовал — серебряный череп, он остановился и толкнул ее. Он заглянул внутрь, в покой, отделанный черным деревом и гагатом, и увидел, что на черном шелковом диване лежит рослый, тощий человек. Глаза Яры, жреца и чародея, были раскрыты и затуманены курениями желтого лотоса. В бесконечные дали, в бездонные пропасти, в непостижимые для любого человеческого существа чертоги, казалось, глядел он.

— Яра! — крикнул Конан, точно судья, возглашающий приговор.— Проснись!

И тут же глаза прояснились, холодными и жестокими были они, как у грифа. Высокая, закутанная в шелка фигура поднялась и мрачно посмотрела на киммерийца.

— Собака! — зашипел он, как кобра.— Чего ты здесь ищешь?

— Тот, кто посылает тебе этот камень, просил меня направить к тебе такие слова: «Иаг-коша шлет тебе свой последний дар и последнее свое чародейство».

Яра отшатнулся. Его смуглое лицо посерело, как зола. Драгоценный камень не был больше кристально прозрачным. Его темная глубина пульсировала, и странные дымные волны, меняя цвет, клубились над его гладкой поверхностью. Точно притягиваемый неимоверной силой, склонился Яра над столом, взял камень обеими руками и вгляделся в его затуманенную глубину, словно камень был магнитом, вытягивающим его дрожащую душу из тела. Конан разглядывал его и поначалу не верил своим глазам. Ибо, когда Яра поднялся с дивана, он предстал человеком огромного роста, но теперь варвар увидел — голова Яры едва достигала ему до плеча. Конан заморгал, недоумевая, и впервые за эту ночь усомнился в своем рассудке. Но затем вместе с шоком пришло осознание: жрец съеживается и становится все меньше прямо на глазах.

С ощущением нереальности воззрился Конан на происходящее. Он сомневался в себе самом, хотя ему было в высшей степени ясно, что он стал свидетелем драмы могущественных космических сил, которых не мог представить себе ни один смертный.

Теперь Яра был не больше ребенка, затем он, как младенец, лег на стол, но все еще обхватывал руками камень. И внезапно чародей осознал свою участь. Он вскочил, выпустил камень, однако продолжал уменьшаться, и Конан видел, как крошечная фигурка дико мечется по плите стола из черного дерева. Она жестикулировала маленькими ручками и вопила голоском, идущим в сравнение разве что с комариным писком.

Теперь он съежился так сильно, что крупный драгоценный камень казался рядом с ним горой. Конан заметил, что миниатюрное существо прикладывает ладошки к глазам, словно же-

лая защититься от ослепительного света, и, шатаясь, пытается укрыться в безопасном месте. Конан ощущал, как чужеродная магнетическая сила притягивает Яру к камню. Трижды обегал он камень по спирали, и все больше сужалась спираль. Трижды пытался он повернуться и бежать прочь по столу, но затем с криком, прозвучавшим для наблюдателя лишь слабым писком, жрец выбросил руки вверх и помчался прямо к огненному шару.

Конан ниже склонился над ним и увидел, как Яра карабкается вверх по гладкой изогнутой поверхности — в нормальных условиях это было бы невозможным делом, ибо кому из людей удалось бы взобраться на круглую хрустальную гору? И вот жрец стоит наверху. Он уронил руки и отчаянно прокричал, а что прокричал — слышали только боги. И внезапно он провалился прямо в сердце камня, как человек, тонущий в пучине моря, и Конан видел, как дымные волны сомкнулись над его головой. И драгоценный камень вновь стал хрустально-прозрачным, и Конан стал свидетелем спектакля, разыгравшегося внутри кроваво-красного каменного сердца, хотя все выглядело таким крошечным, словно киммериец смотрел из дальней дали. Зеленая светящаяся фигура с могучими крыльями, с телом человека и головой слона — больше не искалеченная и не ослепленная — показалась в этом сердце. Яра воздел руки и побежал так быстро, как только мог. Но мститель преследовал его. А потом большой драгоценный камень взорвался радужными струями, как мыльный пузырь, и теперь эбеновая плита стала пуста, так же пуста (в этом Конан был каким-то образом уверен), как мраморное ложе в покоях наверху, где варвар оставил труп странного космического существа, называвшего себя Иаг-коша, или Иога.

Киммериец повернулся и побежал из комнаты вниз по серебряной лестнице. Он был так растерян, что даже не подумал покинуть башню тем же путем, каким попал в нее. И он, торопясь, мчался по ступенькам винтовой лестницы и пришел в покой, расположенный у подножия башни. Там он резко остановился — ведь это караулка, полная воинов. Он увидел свер-

кание их серебряных лат, мерцание рукоятей мечей, украшенных драгоценными камнями. Они сидели, сгорбившись, за столом, где находились еще остатки трапезы, и темные перья султанов на их шлемах трепетали. Они лежали среди игральных костей и выскользнувших из рук кубков на запятнанном вином полу из лянис-лазури. Все они были мертвы. Иога сдержал обещание. Чародейство то было, упавшая ли тень могучих зеленых крыльев положила конец пиршеству воинов — этого Конан не мог сказать. Но ничто не преграждало ему дороги. Серебряная дверь оказалась открыта для него, и сквозь проем уже мерцало утро.

Конан вышел в сад. Утренний ветерок принес ему терпкий запах свежей зелени, и он очнулся, словно после сна. Он неуверенно повернулся к таинственной башне, которую только что оставил. Был ли он, Конан, заколдован, или рассудок сыграл с ним злую шутку? Не приснилось ли ему все то, что он, как ему казалось, испытал этой ночью? Пока он задумчиво созерцал башню, она начала шататься. Усыпанная драгоценностями балюстрада еще раз сверкнула в свете юного дня, прежде чем все строение рассыпалось на сверкающие осколки.

Алая цитадель

1

Мерзавцы Льва поймали на равнине Шема,
Всего его сковали железами...
Под вой фанфар они визжали громко —
Еще бы, наконец он заточен!
Беда вам, города, деревни, села,—
Ведь Лев когда-то сможет снова выйти на охоту!

Дорога Королей

Шум сражения затихал, победные крики заглушали звон оружия и стоны умирающих. Равнина была покрыта мертвыми телами, словно сухими листьями, сорванными осенним ветром. Лучи заходящего солнца падали на темные шлемы, кольчуги, панцири, сломанные мечи, тяжелые складки знамен, насквозь пропитанных кровью. Рядом с всадниками, облаченными в сталь, лежали лошади в попонах; и гривы, и плюмажи окрасились в багровый цвет. Там и тут изуродованные трупы в измятых стальных шлемах и рваных кожаных куртках — лучники и копейщики, раздавленные копытами.

Над равниной разносились звуки фанфар, отряды победителей со всех сторон стекались туда, где последний из их соперников продолжал безнадежную битву. В тот день были

© Перевод Г. Корчагина.

растоптаны, разрублены на куски лучшие рыцари Конана, короля Аквилонии. С пятью тысячами всадников он пересек юго-восточную границу Аквилонии, направляясь к зеленым равнинам Офира на помощь своему старому другу, королю Амальрусу. Но тот, предав их дружбу, объединил свое войско с армией Страбонуса, владыки Кофа.

Конан слишком поздно догадался, что попал в ловушку. Против пяти тысяч его рыцарей выступили тридцать тысяч неприятельских копейщиков и конных лучников. Конан ринулся в бой во главе своей тяжелой конницы; не имея поддержки ни лучников, ни пехоты, он прорвал вражеский строй в центре и обратил в бегство знаменитую стальную кавалерию Амальруса, но фланги громадного объединенного войска сомкнулись, и рыцари Аквилонии оказались в кольце. Лучники Страбонуса сеяли смерть, их стрелы находили щели в доспехах всадников или валили лошадей, и копья воинов короля Кофа пронзали наездников, сброшенных наземлю. К копейщикам в центре примкнули всадники с фланга. Офирские рыцари, успев оправиться от замешательства, перестроили ряды и, усиленные на флангах легкой конницей, нанесли контрудар. Враг подавлял численностью.

Аквилонцы не отступили ни на шаг, и ни одному из пяти тысяч рыцарей, отправившихся с Конаном на юг, не суждено было вернуться живым. И вот король остался один среди трупов своих подданных. Он стоял перед тесными рядами врагов, прижимаясь спиной к груде мертвых коней и воинов. Со всех сторон его атаковали офирские рыцари в золоченых доспехах, коренастые, чернобородые шемиты Страбонуса и смуглые пешие латники Кофа. Звон мечей был оглушителен. Темный силуэт облаченного в доспехи из вороненой стали короля Аквилонии, рубившего мечом направо и налево, возвышался среди вражеской орды. Повсюду бродили осиротевшие лошади, вокруг Конана грудами лежали трупы. Он защищался яростно, отчаянно и заставил врагов попятиться.

Тогда в ряды вопящих от страха и злобы воинов ворвались короли-победители: Страбонус со смуглым лицом и хитрым взглядом; стройный, худощавый франт — предатель Амаль-

рус, а с ними гонций, страшный, как кобра, Тзота-Лапти, облаченный только в шелка — кофийский жрец со сверкающими черными глазами и головой стервятника. По свету ходило великое множество слухов об этом некроманте. В северных и западных деревнях светловолосые женщины пугали его именем детей, а строптивые рабы смирялись при одной угрозе, что их продадут ему. Поговаривали, что у него целая библиотека магических книг в переплетах из человеческой кожи и что в просторных подвалах своего дворца он заключает сделки с темными силами, обменивая молодых рабынь на сатанинские тайны. Именно он был истинным властелином Кофа.

Колдун надменно усмехался, глядя, как рыцари натягивают поводья и пятятся от черного силуэта, возвышающегося среди мертвецов. Грозный блеск голубых глаз под измятым шлемом заставлял бледнеть и пятиться самых отважных. Смуглое, покрытое шрамами лицо киммерийца побагровело от ярости. Черная броня на Конане вся изрублена, длинный меч — в крови по самую рукоять. Налет цивилизованности, приобретенный Конаном в многолетних странствиях, бесследно исчез, он снова превратился в неукротимого варвара, готового сразиться с любыми врагами. Конан был выходцем из племени суровых горцев, испокон веков населявших сумрачные, туманные земли Киммерии. О том, как он взошел на трон Аквилонии, ходили легенды.

Короли не решались приблизиться к нему. Под ударами киммерийца капитаны падали, словно скошенные колосья, и Страбонус, ценивший своих рыцарей на вес золота, исходил пеной от ярости. Не выдержав, он велел лучникам-шемитам издали расстрелять врага, но Тзота отрицательно покачал головой.

— Надо взять его живым.

— Легко сказать! — проворчал Страбонус, опасаясь, как бы гигант в черной броне не прорубился к нему сквозь ощетиненный копьями строй. — Кому под силу скрутить этого тигра-людоеда? Клянусь богиней Иштар, он перебил моих лучших бойцов! Семь лет ушло на их обучение, и стоило оно кучу золота. Теперь же они годятся только грифам на корм. Стреляйте, лучники!

— А я говорю — нет! — возразил Тзота.

Он спрыгнул с коня и поинтересовался с ледяной улыбкой:

— Разве ты не уяснил еще, что мой ум острее меча?

Он прошел сквозь ряды воинов,— великаны в кольчугах расступались, боясь коснуться его длинной мантии. Всадники тоже спешили посторониться. Перешагивая через трупы, Тзота приблизился к королю Аквилонии. Воины затаили дыхание, над полем сражения повисла тишина. Грозно приподняв окровавленный двуручный меч, киммериец в черной броне возвышался над хрупким жрецом в шелковых одеждах.

— Конан, я дарю тебе жизнь,— произнес Тзота с ядовитой усмешкой.

— Колдун, я дарю тебе смерть! — прохрипел киммериец.

Он напряг стальные мышцы, и длинный меч метнулся к тощей шее Тзоты. Воины вскрикнули в один голос, но ответный жест колдуна не заставил себя ждать: Тзота молниеносно коснулся того места на левом предплечье Конана, где кольчуга была разрублена и виднелась кожа. Свистящая сталь отклонилась, и гигант в черном замертво рухнул на землю. Тзота затрясся в беззвучном смехе.

— Подойдите к нему, не бойтесь. Лев лишился клыков.

Короли пришпорили коней и подъехали ближе, с опаской разглядывая поверженного дикаря. Конан лежал без движения, но в широко раскрытых глазах таилась бессильная ярость.

— Что ты с ним сделал? — со страхом спросил Амальрус.

Тзота показал кольцо необычной формы. Он резко сжал пальцы в кулак, и из перстня выскочило крошечное стальное острие.

— Шип смазан соком пурпурного лотоса с болот Южной Стигии, где живут призраки,— пояснил маг.— Скоро Конан придет в себя, а пока закуйте его в цепи и положите в повозку. Солнце заходит, нам пора возвращаться в Хоршемиш.

Страбонус повернулся к командиру своей гвардии Арбанусу:

— Мы возьмем небольшой отряд кавалерии и повезем в Хоршемиш раненых. А ты на заре отправляйся со своими людьми в Аквилонию и осади Шамар. Офирцы снабдят вас провиантом. Мы придем с подкреплением, как только уладим свои дела.

Армия закованных в латы рыцарей, лучников, конейщиков и обозников разбила лагерь на лугах недалеко от поля битвы. Той же звездной ночью два короля вместе с колдуном, чьему могуществу они завидовали, отправились в путь к столице Страбонуса. Они ехали, окруженные пышной королевской гвардией. Позади следовал обоз с ранеными. В одной из повозок лежал Конан, король Аквилонии, в тяжелых цепях на теле и с горечью поражения в сердце.

Яд, отнявший у него силу, не парализовал мозга. Трясясь на дне повозки, Конан проклинал себя за доверчивость. Два дня тому назад к нему прискакал гонец Амальруса с мольбой о помощи — Страбонус, мол, опустошает его восточные земли между Аквилонией и обширным южным королевством Коф. Он просил лишь тысячу всадников, но обязательно под началом самого Конана, дабы укрепить боевой дух офирского войска. И теперь Конан вполголоса бранил себя за то, что привел впятеро больше воинов, чем просил предатель. Киммериец вступил в Офир, ни о чем не подозревая, и угодил в западню. Можно только восхититься мужеством его рыцарей, ведь потребовались две громадные армии, шестикратное численное превосходство, чтобы одолеть пять тысяч храбрецов.

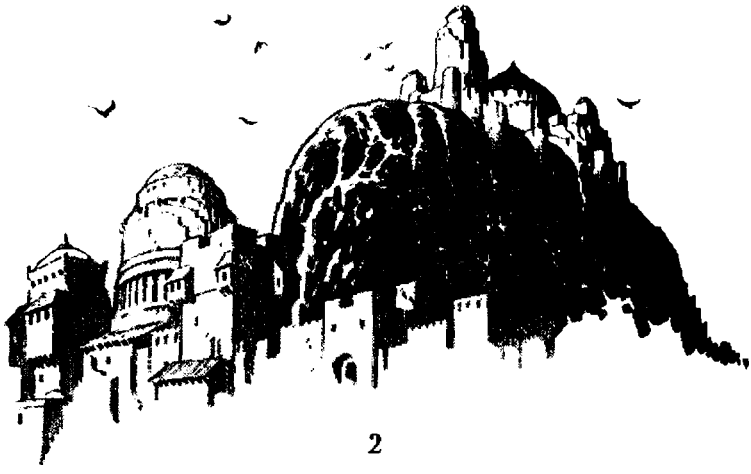
Глаза Конана заволокло красным туманом, вены чуть не лопались от напора крови, в висках стучало. Никогда в жизни не испытывал он такой ярости и бессилия. В памяти мелькали события прошлого, мимолетные сцены, где он был то варваром в звериных шкурах, то наемником в рогатом шлеме и панцире. Побывал и корсаром на борту галеры с драконьим носом, оставляющей за кормой полосу крови вдоль всего южного побережья, и даже закованным в латы капитаном гвардии на черном жеребце. Оказался и королем на золотом троне под знаменем с изображением льва, в окружении вельмож и благородных дам в роскошных платьях.

Но толчки повозки постоянно возвращали его в действительность, к предательству Амальруса и подлой уловке Тзоты. Вспоминая, он скрипел зубами, и только стоны и крики раненых, доносящиеся из других повозок, мало-мальски утешали его.

К полуночи обоз пересек границу Офира, а в лучах восходящего солнца у горизонта засверкали купола Хорпемиша. Над стройными башнями возвышалась угрюмая алая цитадель, издали она казалась кровавым пятном на небе — замок Тзота-Ланти. Единственная узкая дорога, вымощенная мрамором и перегороженная в нескольких местах массивными стальными воротами, вела на вершину горы, где нависала над городом крепость. Склоны горы были слишком круты для восхождения. С высоких стен цитадели открывался вид на широкие улицы города, мощенные белым камнем, на храмы и капища, на роскошные дворцы и убогие хижины, на лавки и базары. Королевский дворец приковывал взгляд; он сиял, как драгоценный камень в оправе из великолепных садов, где росли плодовые деревья и прекрасные цветы, где журчали рукотворные ручьи и били фонтаны хрустально-прозрачной воды. И над всей этой красотой угрюмая цитадель казалась кондором, высматривающим добычу.

Высокие тяжелые ворота между огромными сторожевыми башнями распахнулись, и король вступил в свою столицу, сопровождаемый двумя рядами копейщиков. Пятьдесят труб приветствовали его, но немногие люди вышли на улицы бросать цветы под копыта лошадей. Страбонус скакал впереди. Горожане, с неохотой оставившие свои дела, глазели с разинутыми ртами на короля, вернувшегося раньше времени и с такой малочисленной свитой, и не могли взять в толк, победу это означает или поражение.

Конан, немного пришедший в себя, вытянул шею и приподнялся в повозке, чтобы взглянуть на чудесный город — «жемчужину Юга». К этим золоченым воротам он собирался подъехать во главе отряда конных рыцарей, под штандартом с изображением льва. Вместо этого его привезли сюда в повозке, скованного по рукам и ногам, словно беглого раба. Конан не удержался от смеха, похожего на рычание затравленного льва.



2

Чудесно паутина лжи сверкает на свету —
Владыкам льстит, о мудрости богов твердит...
Все верно. От отцов своих вы приняли корону ту,
Я ж — воин лишь простой, ничем не знаменит.
Но, Кромом поклянусь, хоть вы стращайте адом,
Трон будет мой! Ведь я завоевал его,
Мне больше ничего не надо!

Дорога Королей

В стенах цитадели, в зале с высоким сводчатым потолком из резного агата и дверьми, инкрустированными темными драгоценными камнями, состоялась необычная встреча. Израненный, истекающий кровью король Аквилонии стоял перед своими недругами. По обе стороны от него выстроилось шестеро чернокожих гигантов, они сжимали рукояти топоров в могучих руках. Тзота, Страбонус и Амальрус, разодетые в золото и шелка, возлежали на бархатных диванах, а обнаженные мальчишки-рабы подливали вино в их сапфировые чаши. Конан, грязный, в одной лишь набедренной повязке, скованный по рукам и ногам, резко контрастировал с окружающей роскошью. Под прядями спутанных черных волос яростно сверкали голубые глаза.

Но держался он с таким достоинством, что даже спесивые короли испытывали неловкость. Только Тзота, довольный, ухмылялся.

— Да сбудутся наши желания, король Аквилонии,— заявил он.— И чем скорее, тем лучше. А желаем мы расширить империю Коф.

— За счет моего королевства, да, мразь? — проворчал Конан.

— А кто ты такой? Пройдоха, завладевший короной, на которую у тебя не больше прав, чем у любого бродяги,— процедил сквозь зубы Амальрус. Не горюй, мы тебе за нее заплатим.

Конан оглушительно расхохотался.

— Цена позора и измены! Пусть я всего лишь варвар, но неужели ты думаешь, будто я отдам королевство и свой народ в обмен на жизнь и ваше проклятое золото? Ха! А где вы подобрали свои короны, ты и эта свинья с черным рылом, которая сидит с тобою рядом? То, что вы унаследовали от отцов, не шевельнув пальцем — правда, отравив нескольких братьев,— мне досталось в сражениях. Да вы посмотрите на себя! Разлеглись на шелках и пьянствуете, а простой люд гнет на вас спины! И еще смеете говорить о праве на корону! Я прошел путь от бойца до короля, не жалея ни своей, ни чужой крови, и если кто-то из нас имеет право на корону, то, клянусь Кромом, это я! Докажите, что вы достойней меня! Когда я пришел в Аквилонию, ею правили мерзавцы вроде вас. Бароны раздирали страну на части, народ стонал под бременем налогов. А нынче ни один аристократ Аквилонии не смеет плохо обращаться с моими подданными, и налоги с народа — самые легкие в мире. Ответь мне на это, Страбонус! А ты, Амальрус? Твой родной брат ненавидит тебя, он отхватил кусок королевства на юге и вовсе не желает его отдавать. А сколько замков мятежных баронов осаждают сейчас твои, Страбонус, воины? Уж никак не меньше десятка. В ваших королевствах народ задавлен поборами, а теперь вы и моих подданных хотите ограбить? Ха! Развяжите мне руки, и я размажу по полу ваши мозги!

Тзота холодно улыбнулся, заметив, как разозлились Амальрус и Страбонус:

— Ты уводишь разговор в сторону, варвар. Наши дела тебя нисколько не касаются. Мы хотим от тебя только одного —

чтобы ты подписал этот пергамент, отречение в пользу принца Арпелло де Пеллиа. Мы вернем тебе оружие и коня, дадим пять тысяч лунов золотом, а затем проводим до восточной границы.

Ответный смех Конана больше походил на лай дикой собаки.

— То есть отправите туда, откуда я пришел наняться в армию Аквилонии, и украсите клеймом предателя? Арпелло, говорите? У меня были подозрения насчет этого мясника. Вы не можете открыто грабить, вам нужен предлог, пусть самый ничтожный. Арпелло уверяет, будто он — особа королевской крови, вот вы и пользуетесь им, чтобы оправдать воровство! Хотите поставить у власти сатрапа? На мое согласие не рассчитывайте.

— Дурак! — рявкнул Амальрус.— Ты в наших руках! Мы тебя не то что короны — головы можем лишить, когда захотим.

Ответ Конана не был по-королевски благородным, зато ярко характеризовал его как личность. Варварская природа зачастую брала в нем верх над хорошими манерами. Конан плюнул прямо в глаза Амальрусу. Король Офира с ревом вскочил, выхватил меч из ножен и бросился на Конана, но тут вмешался Тзота.

— Погоди, государь! Этот человек — мой пленник!

— Прочь, колдун! — прорычал Амальрус, разъяренный насмешливым блеском голубых глаз Конана.

— Назад, я сказал! — рявкнул Тзота.

Его тощая рука вынырнула из обшлага и бросила горсть бесцветного порошка в искаженное злобой лицо короля Офира. Амальрус взвыл от боли, выронил меч и упал на диван под равнодушными взглядами кушских стражников.

Страбонус поспешил припасть к чаше с вином. Руки его заметно дрожали. Вскоре серые глаза Амальруса прояснились.

— Я чуть не ослеп,— проворчал он.— Что ты со мной сделал, колдун?

— Всего лишь дал понять, кто здесь хозяин, — сухо ответил Тзота, сбрасывая маску услужливости и обнажая демоническую сущность.— Страбонус уже получил однажды такой же

урок, теперь — ты. Я бросил тебе в глаза немного пыли из стигийской гробницы. Если сделаю это еще раз, ты до конца дней своих не увидишь света.

Амальрус пожал плечами, улыбнулся и взял чашу, топить в вине страх и гнев. Опытный дипломат, он быстро обрел уверенность в себе, по крайней мере внешнюю.

Тзота повернулся к Конану, который бесстрастно следил за происходящим. По знаку колдуна негры схватили киммерийца и потащили по длинному извилистому коридору, вымощенному разноцветными плитками. Стены коридора были обиты золотистой и серебристой материей, со сводчатого потолка свисали золотые курительницы, наполняя галерею душистым дымом. Затем люди свернули в коридор со стенами из нефрита и агата — узкий, темный и жуткий. Он упирался в бронзовую дверь, над которой угрожающе скалился череп. У двери стояло отвратительное жирное существо со связкой ключей в руках — Шукели, главный евнух Тзоты, о котором говорили, что любовь к чужим страданиям заменяет ему все нормальные человеческие чувства.

За бронзовой дверью находилась узкая лестница, уводившая в самое сердце горы, на которой стояла цитадель. Маленькая процессия спустилась по ступенькам и остановилась возле железной двери, способной выдержать удар тарана. Шукели провернул ключ в замочной скважине, отворил дверь и шагнул в сторону, уступая путь. При этом Конан заметил на лицах чернокожих стражников беспокойство, да и сам евнух с опаской заглядывал в темноту. За дверью оказалась решетка из толстых стальных брусьев, запертая на хитроумный замок, отпиравшийся только снаружи. Шукели повозился с замком, и решетка ушла в стену. Переступив порог, все оказались в широком коридоре, прорубленном в скале.

Цепь Конана продели в кольцо, вмурованное в гранитную стену. В нише над головой укрепили факел так, чтобы пленник находился в полукруге рассеянного света. Сделав это, негры поспешили уйти, что-то бормоча себе под нос и боязливо вглядываясь в темноту. Тзота повернулся к Конану, и король

не без тревоги заметил, что глаза колдуна светятся, а зубы скалятся по-волчьи.

— Прощай, варвар,— с издевательской улыбкой произнес Тзота.— Я тороплюсь в Шамар, хочу принять участие в осаде. Через десять дней я буду пировать в твоем дворце, в Тарантии. Что передать твоим женщинам, прежде чем с них сдерут красивую кожу, в которую я переплету хронику побед Тзота-Ланти?

Конан ответил страшным киммерийским ругательством, от его рева могли лопнуть барабанные перепонки у обычного человека, но Тзота лишь усмехнулся и вышел. Конан видел его силуэт за толстыми брусьями, когда евнух задвигал решетку. Затем лязгнула тяжелая железная дверь, и в подземелье воцарилась тишина.

3

Рванулся Аго через жуткие челюсти ада.
Тени метались повсюду, черны и ужасны,
Множество тварей незваных, во мраке запрятанных,
Разные гости, мерзкие с пастями вечно раскрытыми.
Земля дрожала от воя и визга вампирьего.
Аго же, с немалою силой своей и отвагою,
Путь от темницы своей до свободы искал.

Дорога Королей

Конан ощупал кольцо в стене и натянул цепь. Руки были свободны, но он сознавал, что даже его исключительной силы недостаточно, чтобы разорвать хотя бы одно звено, сработанное из стального прута толщиной в палец. Цепь крепилась к железному обручу вокруг пояса. Замок, стягивающий обруч, был чересчур массивным, не разобьешь и молотом, а кольцо не уступало ему в прочности.

Киммериец выругался и всмотрелся во мрак. Черная глубь коридора таила в себе нечто зловещее. Все суеверные страхи, дремавшие в душе варвара, проснулись. Воображение населяло мглистые галереи чудовищами. Разум подсказывал Конану, что враги обрекли его на медленную смерть в каменном мешке. О том, что он отказался от предложения победителей, Конан не сожалел. Он не продал бы своих подданных мяснику ни за какие сокровища, хотя в борьбе за аквилонский трон

думал лишь о собственной выгоде. Случается, и нередко, что даже у отъявленного грабителя просыпается чувство долга.

Конан вспомнил отвратительную угрозу Тзоты и застонал от бессильной ярости, понимая, что колдун не из тех, кто бросает слова на ветер. Нежные руки, ласкавшие Конана, алые губы, прикипавшие к его губам, юные груди, дрожавшие под страстными поцелуями... И со всех этих бедняжек сдерут кожу, белую, как слоновая кость, нежную, как цветочные лепестки?!

Из горла Конана вырвался звериный рык. Дрожащее эхо прокатилось по галерее и напомнило пленнику о его собственном положении. Конан опасливо вгляделся во мрак, вспоминая ужасные рассказы о жестокости некроманта Тзоты. С дрожью подумал он, что попал в знаменитые Залы Ужаса, о которых говорили только шепотом. Именно здесь Тзота ставил гнусные опыты над людьми, животными и, по слухам, даже над демонами. Говорили, будто Ринальдо, сумасшедший поэт, побывал в этих каменных мешках по приглашению Тзоты, и тот демонстрировал ему ужасы, описанные впоследствии в «Песнях подземелья». Это отнюдь не было вымыслом больного мозга, разлетевшегося, кстати, под ударом топора в тот день, когда Конан защищался от убийц, проведенных во дворец безумным стихотворцем. Вспоминая строфы зловещей поэмы, Конан обливался холодным потом.

Внезапно киммериец уловил слабый шелест и насторожился, весь обратившись в слух. Он не мог ошибиться: по камням скользила чешуйчатая кожа. На лбу Конана выступил холодный пот, когда в сумраке за полукругом света блеснули желтые глаза, а затем он увидел страшную треугольную голову, которая покачивалась на вытянутой шее, а на полу — скользкое извивающееся туловище огромного гада.

Такую змею Конан лицезрел впервые в жизни, подобное чудище даже в дурном сне не привидится. В длину рептилия достигала восьмидесяти футов, голова ее размерами не уступала лошадиной. В сиянии факела поблескивала белоснежная чешуя. Змея, несомненно, родилась и выросла в подземелье,

однако ее злобные глаза видели на свету не хуже, чем в темноте. Она свилась в несколько огромных колец и приблизила голову к лицу Конана. Раздвоенный язык, выныривая из пасти, почти касался его губ. От гнусного запаха рептилии варвара затошнило. Огромные желтые глаза жгли Конана, он завороженно смотрел в них, борясь с искушением сомкнуть на шее твари железные пальцы. Однажды, в бытность свою корсаром, Конану ценой невероятных, нечеловеческих усилий удалось раздавить череп питона. Но эта змея, в отличие от питона, была ядовитой: с громадных, длиной в фут клыков, кривых, как сабли, капала бесцветная жидкость. Возможно, Конан и сумел бы сокрушить треугольный череп (страх удвоил его силы), но риск, что чудовище успеет вонзить в него зубы, был слишком велик. Рассудок подсказывал, что он лишь отдаляет неминуемую гибель, но инстинкт самосохранения оказался сильнее, он превратил мускулы киммерийца в камень.

Змея подняла над Конаном чудовищную голову и замерла, рассматривая факел. Капля яда упала на голое бедро пленника — словно к нему приложили раскаленное железо. Нестерпимая *боль* пронзила тело, однако он не выдал себя ни дрожью мускулов, ни трепетом ресниц. Он только подумал, что рубец от раны останется навсегда.

Змея покачивалась, будто пыталась понять, жив Конан или нет. И вдруг глухо лязгнула железная дверь. Змея с невероятной быстротой исчезла во тьме.

Дверь распахнулась, решетка въехала в стену. На пороге, в сиянии факелов, горевших в коридоре, появился человеческий силуэт. Пришелец скользнул в камеру и осторожно задвинул решетку, но так, чтобы не сработал запор. Бесшумно ступая по каменному полу, к Конану приблизился огромный негр с длинным мечом в одной руке и связкой ключей в другой. Негр обратился к нему на языке жителей побережья, которому Конан научился, когда пиратствовал у берегов Куша.

— Много лет я мечтал встретиться с тобой, Амра,— произнес негр.

Он назвал Конана именем, под которым его знали купцы: Амра-Лев. Кривая улыбка осветила черное лицо, глаза недобро вспыхнули в полумраке.

— Я рискнул головой, чтобы увидеть тебя. Посмотри, вот ключи от твоих оков! Я украл их у Шукели. Сколько ты за них заплатишь?

Он побренчал ключами под носом у Конана.

— Десять тысяч лунов золотом! — выпалил Конан.

— Мало! — вскричал негр.— Слишком мало. Здесь бродят чудовища, а Шукели, если обнаружит пропажу ключей, прикажет меня повесить. Ну, так сколько ты дашь?

— Пятнадцать тысяч лунов и дворец в Пуантене,— сказал Конан.

Негр зарычал и затопал ногами.

— Мало! — закричал он ликующе.— Я хочу больше! Не жадничай, Амра!

— Ах ты, черная собака! — взвыл Конан, рассвирепев.— Кабы не оковы, я бы тебе шею сломал. Уж не послан ли ты евнухом, чтобы поиздеваться надо мной?

— Шукели ни о чем не подозревает, белый человек,— ответил негр, вытягивая шею, чтобы заглянуть Конану в глаза.— Я давно тебя знаю, я был вождем свободного племени, а потом стигийцы увезли меня на север и продали в рабство. Ты позабыл, как вместе с морскими волками разграбил и сжег Абомби? Забыл, как перед дворцом короля Аджаги убил одного вождя, а другой убежал? Ты убил моего брата, а убежал я. Ну, назови же цену его крови, Амра!

— Освободи меня, и получишь столько золота, сколько весишь,— проворчал Конан.

Налитые кровью глаза негра злобно сверкнули, соперничая с волчьим оскалом:

— Ты такой же, как все белые собаки, но для черного человека золото никогда не станет ценой крови. Плата, которую я возьму... это твоя голова!

Последнее слово он проревел во всю силу легких, и оно отозвалось в бесконечных коридорах мрачным эхом. Конан за-

стыл, натянув цепь, ожидая неминуемой смерти. И вдруг обмер от страха: в темноте за спиной негра появился ритмично покачивающийся смутный силуэт.

— Тзота никогда ни о чем не узнает! — захохотал чернокожий. Опьяненный злобной радостью, он не подозревал о нависшей над ним смерти. — Он не скоро спустится в подземелье, а к тому времени демоны растащат твои кости, Амра. А я унесу твою голову!

Стоя на широко расставленных ногах, он обеими руками поднял меч. Под черной кожей, тускло блестящей в свете факела, вспухли огромные мускулы. В ту же секунду гигантская тень выпрямилась и бросилась на него...

Звук удара клинообразной головы о человеческое тело раскатился по подземелью. Толстогубый рот негра округлился от невыносимой боли, но не выронил ни звука. Конан неотрывно смотрел в огромные глаза купита — в них, как задутое пламя свечи, гасла жизнь. Следующий удар отбросил черного великана на стену. Извивающееся чудовище скользнуло следом, обвило его несколько раз, и Конан услышал страшный хруст костей. Меч и ключи выпали из рук негра и, звякнув об пол, отскочили почти к самым ногам киммерийца.

Он попытался наклониться, но цепь не пустила. Сердце бешено стучало в груди, запирало дыхание. Конан сбросил с ноги сандалию и подцепил ключи пальцами. Он едва не закричал от радости, когда ключи оказались в руке.

Еще немного возни с замком, и оковы упали на пол. Конан подобрал меч, взглянул на змею, тащившую прочь бесформенное, ничем уже не напоминающее человеческое, тело. Киммериец повернулся к открытой двери. До порога несколько шагов... Внезапно под сводами раскатился ехидный смех. Решетка гулко ударилась в стену, лязгнул замок. Между брусьями появилась страшная ухмыляющаяся морда... Евнух Шукели хватился своих ключей. Обрадованный тем, что успел преградить Конану путь к свободе, он незаметил меча в его руке. Пленник с громким криком прыгнул к нему, широкое лезвие коброй метнулось между брусьями, и смех Шукели превратился в хрип.

Евнух сложился пополам и упал, держась жирными ладонями за распоротый живот.

Конан удовлетворенно крякнул: поделом мерзавцу. Однако сам он все еще оставался пленником. Ключи были бесполезны: замок отпирался только снаружи. Он ощупал толстые брусья. Может, попробовать мечом? Он не рискнул лишиться единственного оружия. Изучая решетку, он нащупал вмятины, похожие на следы невероятных клыков, и с дрожью подумал о том, какие же неведомые чудовища так упорно атаковали эту преграду.

Оставалось искать другой выход. Взяв из ниши факел и сжимая в другой руке меч, Конан углубился в галерею. Змея и ее жертва исчезли, только по полу тянулся кровавый след.

Безмолвная тьма, пронзенная мигающим светом факела, сомкнулась вокруг него. В стенах туннеля виднелись проемы боковых ходов. Боясь угодить в ловушку, Конан смотрел под ноги и никуда не сворачивал, пока не уловил жалобное всхлипывание, похожее на плач женщины. Чего-чего, а подобных звуков он никак не ожидал здесь услышать. «Наверное, одна из многочисленных жертв Тзоты»,— подумал он и, еще раз проклял колдуна, пошел на рыдания по коридору с низким потолком и сырыми стенами.

Чем дальше уходил он от галереи, тем громче звучал плач. Наконец, подняв факел, он замер от ужаса, а затем отпрянул, разглядев у себя под ногами омерзительное чудовище. Короткие бесформенные щупальца непрестанно извивались, а туловище напоминало студень. Конана чуть наизнанку не вывернуло от этого зрелища. Голова твари походила на лягушачью, из разинутой пасти с багровыми губами исторгались рыдания. Когда выпуклые глаза завидели Конана, рыдания превратились в гадкий смех, и чудовище поползло к нему.

Конан повернулся и пустился бежать. Сразиться с тварью он не рискнул — подобную нечисть, решил он, вряд ли убьет оружие людей. Некоторое время за спиной слышались шлепки склизкого тела по полу и дикий смех. Так смеялись похот-

ливые женщины в Шадизаре, Городе Роскоши, когда у них на глазах раздевали молодых рабынь. Каким демоническим искусством воспользовался Тзота, чтобы дать жизнь этой гадине? Тут явно попирались извечные законы природы.

Направляясь к главной галерее, Конан очутился в небольшом квадратном зале, откуда вправо и влево вели два туннеля. Вдруг он споткнулся обо что-то мягкое, вскрикнул и растянулся на полу. Факел выпал из его руки и погас. Ошеломленный падением, Конан неуверенно поднялся на ноги и побрел ощупью. Факел он не стал искать, ведь его все равно нечем было зажечь. Неизвестно, сколько времени пробирался он в полной темноте, но внезапно инстинкт варвара предупредил его об опасности.

Он застыл на месте. Однажды он испытал такое же ощущение, оказавшись ночью на краю пропасти. Конан опустился на колени и стал ощупывать пол. Очень скоро он обнаружил край колодца. Протянув над ним руку с мечом, дотронулся до противоположного края. Конечно, он мог бы перепрыгнуть через колодец, но решил не рисковать. Только он собрался пойти назад, как ощутил слабое колебание воздуха; ветерок из колодца шевелил его черные спутанные волосы. Конан содрогнулся и попытался было убедить себя, будто колодец ведет во внешний мир, но инстинкт подсказывал — этого не может быть. Он находился не только в чреве горы, но и глубоко под землей. Откуда же взяться сквозняку? Из колодца доносился еле слышный гул, будто где-то вдали грохотали барабаны. Конана бросило в пот.

Он вскочил на ноги и пятился до тех пор, пока из колодца не вылетело *нечто*. Конан не мог сказать, что это было; он абсолютно ничего не видел, но ясно чувствовал присутствие разума, чудовищно отличающегося от его собственного. Конан повернулся и со всех ног бросился прочь.

Далеко в глубине туннеля он заметил крошечную красную искру. Побежал к ней, налетел на каменную стену и увидел тлеющий факел у своих ног. Конан поднял его и раздул огонь. Поглядев на взметнувшееся пламя, с облегчением вздохнул — он

снова в зале, где расходятся туннели. Тут пламя заколебалось, будто на него подул невидимка. Конан снова ощутил чье-то присутствие и, подняв факел, огляделся.

Он ничего не увидел, но смутно почувствовал, что в воздухе парит кто-то неосязаемый и невидимый, изрыгая непристойности и проклятия, которых Конан не слышал, но улавливал интуитивно. Он взмахнул над головой мечом — сталь на миг увязла, словно наткнулась на прочную паутину.

Он бросился в туннель, чувствуя на затылке горячее, зловонное дыхание.

Лишь выскочив в широкий главный коридор, он понял, что оторвался от погони, и снова пустился в путь, ежесекундно ожидая нападения из темноты. В подземелье слышались то демонический хохот, то протяжные вопли, то вой гиены, неожиданно сменившийся отвратительной руганью на человеческом языке. Конан слышал крадущиеся шаги и в проемах туннелей различал силуэты безобразных тварей.

Киммериец, снявший со стены коридора факел, находился в самом центре ада, сотворенного колдуном Тзота-Ланти; казалось, он обречен тут скитаться до скончания века. Но в главной галерее чудовищ не попадалось, хотя он отчетливо слышал голодное урчание и ловил на себе плотоядные взгляды из боковых ходов.

За спиной послышался шорох. Он отскочил в ближайший коридор, торопливо затушив факел. По галерее ползла гигантская змея, отяжелевшая от последней своей трапезы. Рядом с Конаном какая-то тварь взвизгнула от страха и метнулась прочь. *Вот почему так нерешительны прочие твари, сообразил Конан.* Главный коридор — охотничьи угодья змеи, остальные чудовища его сторонятся.

Для Конана же змея была меньшим изо всех зол. Он даже почувствовал к ней некоторую симпатию, вспомнив рыдающую и хохочущую тварь и зловещего невидимку из колодца. Змея, по крайней мере, земное существо: это ползучая смерть, но она угрожает только телу, тогда как некто из колодца покушался также на душу и разум.

Когда змея проползла мимо, Конан снова раздул факел и последовал за ней на почтительном расстоянии. Но не сделал и нескольких шагов, как из ближайшего туннеля донеслись жуткие стенания.

Осторожность советовала Конану продолжать путь, но любопытство взяло верх. Он поднял выше факел, от которого почти ничего не осталось, углубился в коридор и вдруг замер в изумлении. Хотя, казалось, был готов ко всему.

В просторном зале, отгороженном от подземного хода решеткой, вмурованной в пол и потолок, виднелся силуэт, похожий на человеческий. Конан приглядился. Человек был оплетен растением наподобие виноградной лозы, этаким вьюном с кроваво-красными листьями и кроваво-красными цветами, росшим как будто прямо из каменного пола. Тонкий и гибкий стебель оплел нагое тело жертвы, цветы, казалось, прижимались к нему в страстном поцелуе. Большой цветок распустился у самого рта. Громкие мученические стоны срывались с губ несчастного, голова дергалась в приступе невыносимой боли, в тусклом стеклянном взгляде сине-зеленых глаз, устремленном на Конана, не было и проблеска мысли.

Внешне огромный темно-красный цветок ожил и прижался лепестками к губам. Человек извивался в муках, ветки и листья растения дрожали, словно в экстазе. Окраска вьюна менялась на глазах, становясь все более яркой, ядовитой.

Конан не понимал, что происходило в клетке, но страдания пленника — будь он человеком или демоном — тронули сердце привычного ко всему киммерийца. Он поискал вход и обнаружил решетчатую дверь с тяжелым замком; к нему подошел ключ из связки. Тотчас ядовитый вьюн подобрался, уподобился потревоженной кобре и качнулся навстречу, угрожающе вытянув усики. Растение явно было наделено разумом и чувствами и следило за ним, излучая волны ненависти.

Конан осторожно подошел поближе и увидел место, где из сплошной скалы появлялась лоза — крепкий стебель толщиной с человеческое бедро, покрытый гладкой корой. Когда длинные ветви, грозно шурша листьями, потянулись к нему, киммериец взмахнул мечом и перерубил стебель одним ударом.

Несчастный пленник в тот же миг отлетел в сторону, но громадная лоза, как обезглавленная змея, корчилась на полу. Ветви щелкали об пол, словно хлысты, листья тряслись и трещали, как кастаньеты, цветы съеживались в агонии. Наконец вьюн вытянулся и застыл, цветы поблекли, тошнотворная белая жидкость из перерубленного ствола образовала на полу лужу.

Конан завороженно смотрел на мертвую тварь, пока шорох за спиной не заставил его резко обернуться и вскинуть меч над головой. Но удара не последовало — Конан застыл как вкопанный, раскрыв от изумления рот.

Спасенный успел подняться на ноги, его глаза уже не выглядели остекленевшими. Темные, задумчивые, они светились умом; узкая, гордо посаженная голова с высоким лбом, стройная фигура, маленькие кисти рук с длинными пальцами и узкие стопы — все говорило об аристократическом происхождении этого человека. Первые же его слова на кофском наречии поразили Конана.

— Который нынче год? — спросил недавний беспомощный узник растения.

— Сегодня десятый день месяца Юлука, года Газели,— ответил Конан.

— Великая Иштар! — пробормотал незнакомец.— Десять лет!

Он провел ладонью по лбу и встряхнулся, сбрасывая оцепенение.

— Сплошной туман в голове. Что ж, через десять лет полнейшего безмыслия вряд ли можно ожидать от мозга, чтобы он соображал, как встарь. Кто ты?

— Конан, выходец из Киммерии, а ныне — король Аквилонии.

Незнакомец удивился.

— Вот как? А Нумедидес?

— Я задушил его на троне в ту ночь, когда захватил столицу.

Ответ короля вызвал улыбку на губах узника.

— Прости, государь. Я должен был сначала поблагодарить тебя за услугу, ведь ты избавил меня от сна, более глубокого, чем смерть, и наполненного адскими кошмарами. Скажи, почему ты перерубил ствол растения, а не вырвал его с корнем?

— Я с давних пор усвоил одно правило — не следует касаться руками того, что видишь впервые,— ответил Конан.

— Браво. Если бы ты схватил Ятгу, тебя не спас бы и меч. Его корни тянутся до самого ада. Представляешь, каких тварей ты мог выдернуть вместе с ними?

— А кто ты такой? — поинтересовался наконец Конан.

— Меня зовут Пелиас.

— Как?! — вскричал Конан.— Маг Пелиас, соперник Тзоты, исчезнувший с лица земли десять лет назад?

— Только с лица земли,— горько усмехнулся Пелиас.— Тзота не убил меня, он подыскал мне оковы куда страшнее, чем ржавое железо. Он запер меня вместе с чудовищным вьюном, семена которого прилетели из космоса и только в аду, кишащем мерзкими тварями, нашли для себя пригодную почву. Я не мог вспомнить ни одного заклинания из-за этой мерзости, изводившей меня погаными ласками. Она пила мои мысли, и голова моя была пуста, как разбитая амфора. Десять лет! Да поможет мне Иштар!

Конан молчал, сжимая догоревший факел. Он пытался убедить себя в том, что этот человек безумен, но не находил тому подтверждения в спокойном взгляде сине-зеленых глаз.

— Скажи, колдун в Хоршемише? — спросил Пелиас.— Впрочем, нет нужды спрашивать. Силы возвращаются ко мне, и я вижу в твоем мозгу великое сражение и пленение обманутого короля. И вижу Тзота-Лаити, скачущего к Шамару со Страбонусом и королем Офира. Тем лучше. Я еще не окреп после долгого сна и пока не хотел бы встречаться с Тзотой. Мне потребуется некоторое время, чтобы окончательно прийти в себя. Пойдем, незачем здесь оставаться.

Конан потряс связкой ключей.

— Наружная решетка заперта на засов, его не отодвинуть изнутри. Нет ли другого выхода из проклятого подземелья?

— Есть один, но мы им не воспользуемся, поскольку он ведет вниз, а не наверх,— с улыбкой ответил Пелиас. — Ну да не беда. Пойдем посмотрим на ту решетку.

Он направился в туннель. Его ноги, одеревеневшие от долгой бездеятельности, подкашивались, но мало-помалу походка становилась все уверенней. Идя за ним, Конан заметил:

— По этому коридору ползает огромная змея. Как бы ее не потревожить.

— Я ее помню, — проворчал Пелиас.— На моих глазах эта гадина сожрала десятерых моих верных слуг. Это Сатха, любимица Тзоты.

— Значит, Тзота велел прорубить ходы в скале, чтобы населить их своими чудовищами?

— Нет, твари появились задолго до Тзоты. Три тысячи лет назад король Коссус Пятый, основавший Хоршемиш на месте древних развалин, воздвиг свой дворец на вершине горы и приказал прорыть подземный ход. Землекопы, расчищая место для кладовых, наткнулись на запертую дверь, взломали ее и обнаружили эти ходы. Но когда великого визиря Коссуса, рискнувшего спуститься в подземелье, постигла ужасная гибель, перепуганный король велел наглухо запереть дверь. Всем было объявлено, что великий визирь упал в колодец, — погреба засыпали, а сам король вскоре переселился в долину, в другой дворец. Но и оттуда он однажды сбежал в страхе, обнаружив на мраморном полу своей спальни черную плесень. Он перебрался со всем двором на восток королевства и основал там новый город. Покинутый дворец на горе мало-помалу разрушился. Когда Аккуто Первый решил вернуть Хоршемишу былую славу, он отстроил на месте дворца крепость. Она стояла, пока тут не появился Тзота-Ланти и не перестроил ее в Алую цитадель. Он снова открыл дверь в подземелье. Какова бы ни была причина смерти великого визиря короля Коссуса, Тзота сумел избежать его участи. Он спустился в колодец и вернулся оттуда со странным выражением лица, которое с тех пор не покидает его. Я тоже видел это отверстие, но у меня не возникло желания лезть туда в поисках мудрости. Я маг и обладаю

большей силой, чем думают люди, но я все же человек. А что касается Тзоты... Говорят, недалеко от развалин на холме Дагота однажды уснула шадизарская танцовщица, а проснулась она в объятиях черного демона, и от этого адского союза появился на свет проклятый выродок, зовущийся ныне Тзота-Ланти...

Конан пронзительно закричал и отскочил в сторону, увлекая за собой спутника. Перед ними выросла белая фигура Сатхи, глаза ее сверкали тысячелетиями копившейся ненавистью ко всему живому. Конан изготовился к отчаянному броску, выставил перед собой факел и меч, но змея даже не смотрела на него, она злобно уставилась на Пелиаса, а тот спокойно улыбался, скрестив руки на груди. И в огромных желтых глазах гада ненависть постепенно превратилась в страх, в ужас... В следующее мгновение змея исчезла, словно унесенная порывом ветра.

— Что ее так напугало? — спросил Конан, с опаской поглядывая на Пелиаса.

— Гады земные видят то, что ускользает от взора человечьего, — загадочно ответил волшебник.— Ты видишь мою телесную оболочку, а она — обнаженную душу.

Ледяной пот потек по спине Конана при мысли о том, кто же Пелиас на самом деле — человек или демон в человеческом обличье. Он уже всерьез подумывал, не вонзить ли меч в спину волшебника, пока не поздно, но тут они подошли к решетке, прутья которой казались черными в мерцании факелов.

За решеткой, привалившись к брусьям, сидел Шукели в луже крови. Пелиас оглушительно захохотал.

— Клянусь белоснежными бедрами Иштар, это наш привратник, благородный Шукели собственной персоной! Не ты ли подвесил моих людей за ноги и сдирал с них кожу, вопя от удовольствия? Ты спишь, Шукели? Скажи, отчего твое жирное брюхо стало плоским, как у жареного поросенка?

— Он мертв,— растерянно пробормотал Конан.

— Живой или мертвый,— смеясь, сказал Пелиас, — но он сейчас нас выпустит. — Волшебник громко хлопнул в ладоши. — Встань, Шукели! Вернись из ада, поднимись с залитых кровью плит и отвори своим хозяевам! Вставай, говорю!

Под сводами прозвучал стон, и тело Шукели зашевелилось. У Конана встали дыбом волосы, а по спине заструились ручейки ледяного пота. Под смех Пелиаса, безжалостный, как удары топора, евнух медленно поднялся, цепляясь толстыми пальцами за брусья решетки, и открыл безжизненные остекленевшие глаза. Из широкой раны на животе выпали длинные кишки. Топча их ногами, евнух, как автомат, отодвигал засов. Наблюдая за ним, Конан подумал, что Шукели каким-то чудом остался жив, но нет... Он давно уже был мертв.

Пелиас спокойно перешагнул через порог, и Конан поспешил за ним, обливаясь потом и стараясь не задеть страшное существо, которое цеплялось за отодвинутую решетку. Пелиас даже не взглянул на Шукели, а Конану происходящее казалось кошмарным сном. Сделав несколько шагов, он услышал позади глухой стук и оглянулся. Труп Шукели лежал на пороге.

— Сделав свое дело, он вернулся в ад,— любезно объяснил Пелиас, притворяясь, что не замечает, как дрожат колени могучего варвара.

Они поднялись по длинной лестнице и миновали бронзовую дверь. Конан держал меч на изготовку, ожидая нападения, но в цитадели царила тишина. Пройдя темным коридором, они вступили в зал, где покачивались курительницы, наполняя воздух дивными ароматами. Никто не встретился им по пути.

— Рабы и воины живут в другом крыле цитадели,— объяснил Пелиас.— Сегодня их господина нет, и они, наверное, пьют вино и сок черного лотоса.

Конан выглянул из высокого стрельчатого окна с золотыми подоконниками, выходящего на широкую террасу, и крякнул от неожиданности, увидев синее небо, усеянное звездами. Его заточили в каменный мешок с первыми лучами солнца, а

сейчас было за полночь. Он и не подозревал, сколько пробыл под землей. Внезапно он обнаружил, что ужасно проголодался.

Пелиас провел Конана в зал с позолоченными сводами, серебряным полом и стенами, облицованными лазуритом, и там устало опустился на диван.

— Наконец-то я вижу золото и шелка,— сказал он.— Тзота уверял, что он выше телесных наслаждений. Но он — полудемон, а я — человек, хотя и волшебник. Я люблю удобства и вкусную еду. Между прочим, Тзота скрутил меня, когда я выпил лишнего и уснул. Вино — предатель, клянусь белоснежными грудями Иштар! И хитрый предатель: стоило о нем вспомнить, а оно уже на столе. Надо воздать ему по заслугам. Налей-ка мне чашу, *друг мой*... О нет, я забыл, что ты король. Я тебя сам обслужу.

— К демонам церемонии,— проворчал Конан, наполняя хрустальную чашу и подавая Пелиасу. После чего опрокинул над собственным ртом кувшин.— Этот пес знает толк в вине,— заметил он, вытирая губы.— Но, клянусь Кромом, нет смысла ждать, пока проснутся воины и перережут нам глотки.

— Не беспокойся, друг мой. Не желаешь ли посмотреть, что поделывает Страбонус?

Глаза Конана заблестели. Он до белизны в суставах пальцев стиснул рукоять меча.

— Страбонус! — воскликнул он.— Как я мечтаю выпустить ему потроха!

Пелиас взял со столика из черного дерева большой блестящий шар.

— Хрустальный шар Тзоты. Детская игрушка, но при нехватке времени на более серьезные чары вполне годится. Смотри, государь!

Он поставил шар перед Конаном, и тот вгляделся в его сумрачную глубину. Перед ним вереницей проплывали образы. Вот знакомый пейзаж: пологие берега извилистой реки, равнина, которую обступили низкие холмы. На северном берегу высится крепостная стена города, вдоль нее тянется ров.

— Клянусь Кромом! — вскричал Конан. — Это Шамар! Его осадили проклятые псы!

Захватчики уже переправились через реку и разбили лагерь в узкой долине между городом и холмами. Воины лезли на стены, их доспехи поблескивали в лунном свете. Со стен и башен на них сыпались стрелы и камни, штурмующие пятились и снова шли на приступ.

Конан выругался, а между тем эта сцена сменилась другой: высокие башни и сверкающие купола пронзают туманное небо. Конан узнал свою столицу Тарантию, охваченную смятением. Он видел пуантенских рыцарей в стальной броне, самых верных своих воинов, выезжающих из ворот. Народ, столпившийся на улицах, бранил и освистывал их. Он видел, как рыцари с гербом Пеллиа на щитах врывались в башни и дома и творили бесчинства на улицах и площадях. И над всем этим нависало призрачное, искаженное гримасой торжества лицо принца Арпелло де Пеллиа.

Изображение всколыхнулось и сгинуло.

— Вот оно как! — сжал кулачищи Конан.— И народ предал меня... Стоило мне уехать...

— Не совсем так,— перебил его Пелиас.— Людям сказали, что ты умер и теперь некому защитить их от захватчиков и предотвратить междоусобицу. Естественно, они приняли сторону сильнейшего из дворян, дабы избежать ужасов анархии. Люди помнят недавние войны и не доверяют пуантенским рыцарям... А Арпелло — самый влиятельный принц метрополии.

— Как только я вернусь в Аквилонию, он лишится головы и будет гнить в яме у Башни Изменников! — Конан заскрипел зубами от злости.

— Как бы ты ни спешил,— напомнил Пелиас,— Страбонус явится в столицу раньше тебя. А его рыцари разграбят по пути все твое королевство.

— Твоя правда! — Конан метался по залу, как лев в клетке.— Самый быстрый конь не домчит меня до Шамара раньше полудня. А если бы и домчал — это не спасло бы королевство, ведь крепость скоро падет. От Шамара до Тарантии скакать

не меньше пяти дней, даже если насмерть загнать лошадей. Прежде чем я попаду в столицу и соберу армию, Страбонус окажется у наших ворот. А собрать войско нелегко — проклятые дворяне разбежались по своим уделам, услыхав о моей смерти. Народ изгнал Троцеро де Пуантена, и никто не помешает алчному Арнелло завладеть короной... и сокровищами. Он страну отдаст в руки Страбонуса в обмен на соломенный трон, а едва уедет Страбонус, поднимет народ на восстание. Но дворяне не поддержат его, и Страбонус воспользуется мятежом как предлогом и открыто захватит королевство. О Кром и Сет! Дайте мне крылья, чтобы домчаться до Тарантии с быстротой молнии!

Пелиас, задумчиво барабанивший пальцами по нефритовому столику, при последних словах Конана резко встал и поманил его за собой. Король, охваченный печальными мыслями, поднялся вслед за ним по мраморной, с золотыми перилами, лестнице на самую высокую башню. Ветер, свистевший в звездной ночи, вмиг растрепал черные волосы Конана. Внизу сияли огни Хоршемиша, казалось, они более далеки, чем звезды над головой. Сдержанный, задумчивый Пелиас выглядел величественным, как сам космос. Глядя ввысь, он произнес:

И на земле, и в морской пучине, и в просторах небесных обитают существа, неизвестные людям. Однако с помощью волшебства и Абсолютного Знания мы можем повелевать ими. Смотри и не бойся, они не злы.

Он простер руки к небу и издал протяжный клич, заполнивший собою все вокруг. Дрожа и затихая, крик унесся к самым звездам. Затем наступила тишина, и Конан, заметив в вышине черные крылья, попятился в испуге. Еще миг, и перед ним опустилось гигантское существо, похожее на летучую мышь, и устремило на короля спокойный взгляд огромных глаз.

— Садись и лети, — велел Пелиас.— К рассвету это создание примчит тебя в Тарантию.

— Клянусь Кромом! — вскричал Конан.— Не сон ли это? Может, я сплю сейчас у себя во дворце и вижу кошмарный сон? Я не могу оставить тебя одного среди врагов.

— Обо мне не беспокойся, — заверил его Пелиас. На заре народ Хоршемиша узнает о том, что у него уже новый владыка и что тебя унесли боги. Мы встретимся снова на равнине у Шамара. Счастливого пути.

Конан с опаской взобрался на спину летучей твари и обхватил руками изогнутую шею, весьма сомневаясь, что ему не снится фантастический кошмар. Распластав крылья, черное существо с шумом взвилось в небеса, и у Конана закружилась голова, когда он увидел далеко под собой башню и городские огни.

4

Меч, который убивает короля, перерезает узы, скрепляющие империю.

Дорога Королей

На улицах Тарантии толпились люди, размахивая секирами и ржавыми пиками, а кто и просто голыми кулаками. Занималась заря второго дня осады Шамара.

События развивались с невероятной быстротой. Благодаря стараниям Тюта-Ланги весть о поражении и гибели короля достигла Тарантии менее чем за полдня после начала штурма. И тотчас возникла суматоха. Бароны умчались из столицы, нахлестывая лошадей, чтобы защитить свои замки от жадных до чужого добра соседей. Королевство Конана, казалось, было на грани распада, и народ дрожал от страха. Люди молились, чтобы вернулся король и защитил их от своих дворян и иноземных врагов. Граф Троцеро, которого король назначил командиром городской стражи, старался успокоить людей, но те, напуганные и сбитые с толку, вспомнили о гражданской войне и что тот же граф Троцеро несколько лет назад брал штурмом Тарантию. На улицах кричали: Троцеро предал короля. В некоторых кварталах наемные воины грабили лавки и гонялись за женщинами.

Троцеро обрушился на погромщиков, загнал их в казарму и арестовал зачинщиков. Несмотря на это, народ по-прежнему негодовал, считая, будто граф намеренно учинил смуту, решив напугать этим горожан.

Принц Арпелло предстал перед обескураженным Королевским Советом и заявил готовность взять бразды правления в свои руки и удерживать их до тех пор, пока не появится новый король. У Конана не было сына, и, пока обсуждался вопрос о наследнике, слуги принца терлись в толпе и подбивали народ встать на сторону Арпелло. В зале Совета были слышны крики горожан, собравшихся под окнами дворца: «Арпелло — наш спаситель!» И Совет уступил.

Троцеро сначала отказался подчиниться его решению, но горожане накинулись на него с воплями и руганью, стали бросать камни в его рыцарей. Поняв, что сражения с воинами Арпелло на узких городских улицах ему не выиграть, Троцеро швырнул в голову соперника свой жезл начальника стражи и, приказав напоследок повесить на рыночной площади командиров наемников, выехал через южные ворота с пятнадцатью сотнями тяжелой кавалерии. Как только за пуантенцами с грохотом опустились решетки, маска добродушия свалилась с лица Арпелло, обнажив клыки голодного волка.

Он предстал перед взбудораженным народом на коне-великане и под одобрительный гвалт обманутой толпы провозгласил себя королем Аквилонии. Канцлера Публиуса, возмущенного дерзостью самозванца, бросили в темницу. Купцы, с облегчением принявшие нового короля, были ошеломлены первым же его указом, по которому весь торговый люд Тарантии облагался непомерными налогами. Шестеро богатых и уважаемых купцов, избранных в делегаты, выступили с протестом, но их арестовали и казнили без всяких церемоний.

Простой народ не волновала судьба купцов, но и он начал роптать в ответ на повсеместные грабежи, которые можно было сравнить разве что с налетом туранских бандитов. К Арпелло потекли жалобы на вымогателей, насильников и убийц. Принц временно расположился во дворце Публиуса, так как отчаяв-

шиеся советники, осужденные по его приказу, заняли оборону в королевском дворце при поддержке части гарнизона. Вскоре, однако, Арпелло захватил нижний этаж дворца, и наложницы Конана, жившие там, были опозорены. Люди ворчали, видя, как королевские красотки бьются в грубых объятиях воинов. Темноглазые толстушки из Пуантена, стройные брюнетки из Заморы, Зингары и Гиркании, златоволосые красавицы из Бритунии плакали от страха и стыда – они не привыкли к насилию.

На растревоженный город опустилась тьма, а после полуночи пронесся слух, что кофийцы не удовлетворились разгромом армии Конана и атакуют Шамар. Об этом поведал шпион Тзоты, и люди затрепетали от страха, даже не удивляясь тому, сколь быстро дошла до них новость. Они стали барабанить в ворота королевского дворца и требовать от Арпелло выступить с войсками на юг и изгнать врага. Арпелло мог бы объяснить, что у него мало войск и что набрать большую армию нельзя, поскольку бароны не признали его королем, но, опьяненный властью, он просто расхохотался в лицо горожанам.

Тогда один молодой студиозус по имени Афемидес взобрался на колонну на рыночной площади и обвинил Арпелло в пособничестве Страбонусу, а затем нарисовал согражданам страшную картину будущей жизни под властью кофийцев и сатрапа Арпелло. Он не завершил своей речи, а толпа уже ревела от страха и ярости. Арпелло приказал воинам схватить юношу, но люди заслонили его телами и принялись швырять в воинов камни и все, что попалось под руку. На толпу обрушился ливень стрел, однако Афемидесу удалось ускользнуть из города. Он пустился вдогонку за Троцеро, надеясь уговорить его освободить Тарантию, а затем выступить на помощь Шамару.

Афемидес нашел Троцеро и его рыцарей в лагере неподалеку от города. Граф как раз приказал снимать шатры и двигаться в Пуантен, город на юго-западе королевства. На мольбы молодого человека он ответил, что у него слишком мало сил для штурма Тарантии, да и сражения со Страбонусом ему не выиграть даже при поддержке горожан. Кроме того, жадные

дворяне разграбят Пуантен, пока он будет биться с кофийцами. Король умер, теперь каждый сам за себя.

В то время как Афемидес уговаривал Трокеро, толпа бесновалась на улицах и площадях у королевского дворца, выкрикивая проклятия в адрес Арпелло. А тот стоял на краю башни возле дворца и хохотал. Его гвардейцы, выстроившись вдоль зубчатой стены, держали наготове луки и арбалеты.

Принц Арпелло де Пеллиа, коренастый, среднего роста, с сумрачным лицом, был по природе своей интриганом. Под его длинной туникой, расшитой золотом, поблескивала вороненая сталь доспехов. Длинные черные волосы, завитые и надушенные, перетягивала серебристая лента, а на бедре висел широкий меч с драгоценными камнями на рукояти, помнивший множество сражений.

— Дураки! Безумцы! Орите что хотите. Конан умер, и теперь Арпелло — король Аквилонии!

Ему не было дела, что вся страна готова восстать против него. У Арпелло достаточно воинов, чтобы удержаться в надежных стенах города до подхода Страбонуса. Аквилония раздроблена, бароны готовы друг другу глотку перегрызть из-за клочка земли, и Страбонус без труда справится с ними. Надо только до его прихода удержать столицу.

— Безумцы! Дураки! Арпелло — король!

За восточными башнями вставало солнце. На охваченном багряной зарей небе появилась черная точка, она быстро росла в размерах, и вот уже она с летучую мышь, а теперь — с орла... Когда же над стенами Тарантии пронеслось существо из полузабытых легенд, все в ужасе закричали. Крылатая тварь с рычанием опустилась посреди широкого двора, и с ее спины на землю соскочил человек. Тварь оглушительно хлопнула крыльями и исчезла в облаках. Через некоторое время на башне рядом с Арпелло появился полуголый окровавленный варвар, размахивающий мечом. Многоголосый вопль потряс стены:

— Король! Это король!

Арпелло обмер, но, тут же придя в себя, взвизгнул и бросился на Конана. С львиным ревом киммериец парировал удар, за-

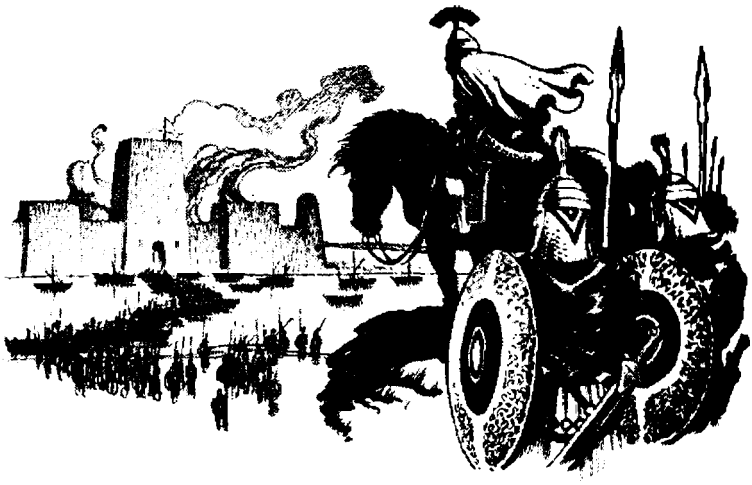
тем, отбросив меч, схватил принца за горло и за ноги и поднял над головой.

— Ступай в царство Тьмы со своими заговорами! — крикнул он и, как мешок с песком, вывернул предателя вниз.

Оглашая площадь безумным криком, Арнелло закувыркался в воздухе.

Толпа шарахнулась от стены. Принц, упав с высоты ста пятидесяти футов, разбился в лепешку о мраморные плиты. Мертвый Арнелло в черных латах походил на раздавленного майского жука.

Лучники на башне, охваченные паникой, отпрянули от зубцов и бросились по лестнице вниз, а там их встретили советники, которые выбежали с саблями из дворца. Напрасно рыцари и воины Неллиа искали спасения на улицах — от мстительной толпы негде было укрыться. По городу разносились торжествующие крики и предсмертные вопли, тут и там еще можно было заметить меч, яростно крутящийся среди густого леса копий и секир, а сверху на побоище взирал полуголый король. Сложив руки на груди, он громко смеялся над всеми: над толпой, над изменниками... и над собой тоже.



5

Лук верный возьми, натяни тетиву
В лучах заходящего солнца,
И рухнет кофийский король на траву,
Пронзенный стрелою боссонца.

Из песни боссонских лучников

Послеполуденное солнце сияло над спокойными водами Тайбора, омывающего южные бастионы Шамара. Растерянные и усталые до предела защитники города знали, что лишь немногие из них увидят завтрашний рассвет. Равнина пестрела шатрами осаждающих. Народ Шамара не мог помешать многочисленному войску врага переправиться через реку — связанные вместе баржи послужили мостом, по которому прошла орда завоевателей. Страбонус не решился напасть на Аквилонию, оставив в тылу непокоренный Шамар. Он послал отряды воинов вглубь страны для грабежа, а сам установил осадные машины на равнине. На стрежне реки бросила якоря флотилия. Некоторые суда были потоплены городскими баллистами, но остальные держались, и за бортами, прикрытыми стальными щитами, укрывались лучники, сеявшие смерть среди защитников Шамара. Это были шемиты, о которых говорили:

они родились с луками в руках. Ни один лучник Шамара не мог с ними сравниться.

С берега катапульты забрасывали город валунами и бревнами, которые проламывали крыши и давили людей, как насекомых. В стены непрерывно били тараны, а землекопы вгрызались в землю, точно кроты, рыли глубокие подкопы под башнями. Рвы осушили и завалили землей, камнями и трупами людей и коней. У подножия крепостных стен копошились воины, закованные в броню: одни пытались выломать ворота, другие подкатывали осадные башни к стенам.

Надежда оставила город. Полторы тысячи жителей с трудом сдерживали натиск сорокатысячного войска. Из глубины королевства до Шамара, аванпоста Аквилонии, не доходило никаких известий. Конан умер — во всяком случае, об этом радостно кричали враги. Только благодаря мощным стенам и отчаянной храбрости осажденных город еще держался.

Но дело шло к развязке. Западная стена уже превратилась в груду обломков, на которых завязалась яростная рукопашная схватка; другие стены покрылись широкими трещинами и угрожали вот-вот рухнуть. Башни качались на пустотах, как пьяные.

Неприятель готовился к решающему приступу. Звучали трубы, на равнине строилась стальная армия, с грохотом катились осадные башни. Защитники Шамара видели трепещущие на ветру знамена Куфа и Офира, различали среди сверкающих рыцарей коренастого Страбонуса в черной броне и Амальруса, облаченного в расшитый золотом камзол. Между ними скакал человек, от одного вида которого бледнели самые отважные,— тощий, похожий на хищную птицу колдун в длинной развевающейся мантии.

Алебардщики выступили первыми. Затем пришпорили коней всадники и выстроились копейщики. Защитники города глубоко вздохнули, препоручив души Митре, и крепче сжали в руках оружие.

Внезапно раздался сигнал трубы, и на равнину обрушился громоподобный топот копыт, заглушающий все остальные зву-

ки. На севере вздымалась гряда холмов, словно огромная лестница в небо. С ее склонов, подобно лавине, неслась легкая кавалерия Страбонуса, посланная вглубь Аквилонии. Всадники нещадно хлестали и пришпоривали коней, преследуемые рыцарями в железных латах, над которыми развевалось большое знамя Аквилонии с изображением льва.

Дружный крик осажденных потряс небеса. Опьянев от радости, воины стучали окровавленными мечами по изрубленным щитам, а горожане — богатые и нищие, шлюхи в красных юбках и знатные дамы в шелках — упали на колени и запели благодарственный гимн Митре, и слезы счастья катились по их щекам.

Страбонус подъехал к Амальрусу, который спешно разворачивал армию навстречу неожиданной угрозе, и проворчал:

— Мы без труда с ними справимся, если у них нет резерва за холмами. Всего лишь горстка пуантенцев. Мы ведь так и предполагали, что Троцеро полезет в пекло.

Амальрус растерянно проговорил:

— Я вижу Троцеро и капитана Просперо... Но кто скачет между ними?

— О Иштар, помоги нам! — бледнея, пролепетал Страбонус.— Конан!

— Вы с ума сошли! — вскричал Тзота.— Конан уже давно в брюхе Сатхи!

Натянув поводья, он повернулся к коннице, мчавшейся по равнине. Ошибки быть не могло: он узнал могучего воина в латах из вороненой стали, инкрустированных золотом. Король скакал на черном боевом коне под трепещущим полотнищем огромного штандарта. Тзота в ярости зарычал, брызжа слюной. Впервые в жизни Страбонус видел мага в таком замешательстве и гневе, и это напугало его.

— Колдовство! — вскрикнул Тзота, брызгая слюной на бороду.— Как он мог убежать, добраться до своего королевства в такой короткий срок да еще собрать войско? Ему помог Пелиас, будь он проклят! И будь проклят я, что не убил его раньше!

Услышав имя волшебника, которого уже десять лет считали мертвым, короли задрожали; их страх передался армии. Тзо-

та заметил суеверный ужас в глазах воинов, и злоба превратила его лицо в демоническую маску.

— Вперед! — закричал он. — Мы сильнее! Раздавите этих псов! Сегодня вечером мы устроим пир на развалинах Шамара! О Сет! — Он вскинул тощие руки, призывая бога-змея, и напугал этим даже Страбонуса. — Даруй нам победу, и, клянусь, я принесу тебе в жертву пятьсот девственниц Шамара, истекающих кровью!

Тем временем армия противника наводнила равнину. Всадники, скакавшие вслед за рыцарями на маленьких быстрых конях, спешились и построились в боевые порядки. Это были стойкие боссонские лучники и гандерландские копейщики с рыжими кудрями, выбивавшимися из-под стальных шлемов.

Конан собрал свою разношерстную армию в считаные часы после возвращения в столицу. Он спас от кровожадной толпы пеллийских лучников и копейщиков и зачислил их, обязанных ему жизнью, в свою пехоту. Он призвал к оружию чернь Тарантии, он послал гонца к Троцеро с приказом вернуться. С больным отрядом — ядром будущей армии — Конан выступил на юг. Дворяне Тарантии вместе со своими дружинами и окрестные крестьяне пополнили его войско. Он набирал рекрутов во всех городах, встречавшихся на пути. Тем не менее его армия все еще значительно уступала орде захватчиков.

Конан привел к Шамару девятнадцать сотен рыцарей, в том числе много пуантенских. Были с ними и наемники. Армия двигалась в полном боевом порядке: сначала лучники, потом копейщики, в арьергарде — рыцари.

Арбанус бросил на противника объединенные войска Офира и Кофа, и равнина превратилась в океан сверкающей стали. Дозорные на крепостных стенах ужасались, глядя на огромную рать, значительно превосходящую числом армию Конана. Впереди шли лучники-шемиты, потом — кофские копейщики, за ними скакали одетые в кольчуги рыцари Страбонуса и Амальруса. Было ясно: Арбанус решил смести пехоту Конана и очистить путь для ураганного натиска тяжелой кавалерии.

Стрелы шемитов сыпались градом. Лучники из западных провинций Аквилонии, закаленные безжалостными войнами

с дикарями-пиктами, уверенно шли вперед, перешагивая через упавших товарищей. Их было очень немного, и лучники-шемиты нанесли им большой урон, но боссонцы превосходили врага меткостью, а кроме того, они сражались за правое дело. Подойдя ближе, они выпустили стрелы, и целые ряды шемитов рухнули как подкошенные. Синебородые воины в легких кольчугах не устояли и бросились бежать, побросав луки, а их отступление нарушило строй копейщиков-кофийцев, шагавших позади.

Без поддержки лучников воины сотнями падали под стрелами боссонцев, а если яростно бросались в бой, то натыкались на копья. Никакая пехота в мире не могла сравниться с гандерландской. Родиной этих бойцов была самая северная провинция Аквилонии, расположенная недалеко от границ Киммерии. Они рождались для войны. Кофские копейщики, понеся невероятные потери, в беспорядке отступили.

Страбонус побагровел от гнева и велел трубить сигнал «в атаку». Арбанус колебался, видя, как выстроились боссонцы перед аквилонскими всадниками, замершими в ожидании. Он советовал немного отступить, чтобы выманить рыцарей из-под прикрытия лучников, но Страбонус был вне себя от злости. С ненавистью глядя на горстку людей в кольчугах, бросивших ему вызов, он повторил Арбанусу приказ о наступлении.

Полководец помолился Иштар и велел трубить в золотой рог. Огромная армия ощерилась целым лесом копий и понеслась по равнине. Земля дрожала от топота копыт, и блеск золота и стали слепил глаза дозорным на башнях Шамара.

Конница врезалась в ряды копейщиков, опрокидывая их, но угодила под ливень стрел боссонцев. Над полем битвы стоял невообразимый грохот; атакующие падали, как трава под косой. Еще сто шагов, и они обрушатся на боссонцев и сметут их... Но плоть не могла выдержать смертельного ливня стрел.

Лучники стояли плечом к плечу, для устойчивости широко расставив ноги, и с дикими криками одну за другой выпускали стрелы. Первые ряды всадников рухнули, скакавшие позади спотыкались о тела людей и коней и увеличивали собой

вал из трупов. Арбанус рухнул со стрелой в горле, его череп был раздроблен копытом агонизирующего коня. Началась паника.

Страбонус выкрикивал один приказ, Амальрус — другой, и никто не мог избавиться от суеверного страха при виде ожившего Конана.

В то время как сверкающие ряды ломались и пятились, трубы Конана прозвучали снова. По этому сигналу лучники расступились и дали дорогу страшной аквилонской коннице.

Армии столкнулись с грохотом, потрясшим древние стены Шамара. Конница растерянного врага оказалась перед стальным клином, ощетинившимся копьями и пиками. Острием клинка были рыцари Пуантена с грозными обоюдоострыми мечами.

Зазвенела сталь, словно миллионы молотов забили о наковальни.

Дозорные на башнях, оглушенные шумом сражения, глядели, как скрещиваются внизу клинки, как слетают султаны под ударами мечей, как поднимаются и вновь исчезают плюмажи и штандарты.

Амальрус упал, разрубленный пополам двуручным мечом Просперо, и скрылся под копытами обезумевших коней. Девятнадцать сотен всадников Конана плотным стальным косяком все глубже врубались в смешанные ряды неприятеля. Тщетно рыцари Кофа и Офира пытались устоять перед их натиском.

Лучники и конейщики, разгромив кофскую пехоту и обратив ее в бегство, теперь появились на подступах к крепости. Они стреляли из луков в упор, копьями выбивали всадников из седел, подрезали подпруги лошадей или вспарывали им животы. Конан находился в самой гуще сражения, время от времени издавая свой языческий боевой клич. Его громадный меч то и дело описывал сверкающую дугу, сбивая шлемы вместе с головами. Пустив коня бешеным галопом, он прорвался сквозь ряды закованных в железо всадников, и рыцари Кофа сомкнулись за ним, отрезав обратный путь. Меч его разил, как молния; в яростной схватке Конан крушил кофийцев до тех пор, пока не оказался перед Страбонусом, мертвенно-бледным, окруженным гвардией. В этот миг решался исход битвы, ибо чис-

ленное превосходство оставалось на стороне кофского короля и возможность изменить ход сражения, переломить его в пользу союзных армий была еще вполне реальной.

Страбонус взвыл, увидев перед собой заклятого врага, и, взмахнув боевым топором, с грохотом обрушил его на шлем Конана. Посыпались искры, Конан покачнулся, но быстро оправился и нанес ответный удар. Клинок в пять локтей длиной рассек череп Страбонуса. Боевой конь взвился на дыбы и поскакал прочь, увлекая за собой бездыханное тело короля.

В армии началась сумятоха, ряды смешались и попятились. Отряд Гроцеро, рубя направо и налево, ринулся вперед и пробился к Конану. Вдруг позади растерявшихся врагов раздались крики и взметнулось пламя костров. То защитники Шамара предприняли отчаянную вылазку. Они изрубили в куски воинов у ворот и захватили лагерь осаждавших, поджигая палатки и разбивая военные машины. Это оказалось последней каплей — армия завоевателей рассыпалась и бежала, за ней по пятам гнались победители.

Отступавшие бросились к реке, но гребцы флотилии, спасаясь от камней и стрел осмелевших горожан, подняли якоря и отплыли к другому берегу. Часть беглецов успела переправиться по мосту из барж, но вскоре воины Конана перерубили канаты. Сражение превратилось в бойню. Захватчики бросились в воду, но либо погибали, раздавленные баржами, либо тонули в своих тяжелых доспехах. Люди гибли тысячами, моля о пощаде.

Равнина была завалена трупами, а вода в реке покраснела от крови. Из девятнадцати сотен рыцарей Конана осталось в живых всего пятьсот, лучники и копейщики тоже понесли огромный урон, но зато великолепная армия Страбонуса и Амальруса растаяла, как снег по весне, а уцелевшие стоили теперь не дороже мертвых.

Пока шла резня, на другом берегу реки разыгрался последний акт этой драмы. Тюта успел перескочить по мосту из барж, прежде чем его разрушили. Он вихрем несся на своем боевом коне, с которым не могла сравниться ни одна лошадь. Давя и

раскидывая своих и чужих, он выскочил на южный берег и оглянулся.

Его настигал черный всадник на огромном вороном жеребце. Канаты уже были перерублены, и баржи плыли по течению, но конь Конана перепрыгивал с палубы на палубу. Тзота громко выругался. Вороной сделал последний прыжок и вынес всадника на берег. Маг поскакал в луга. Конан погнался за ним, размахивая длинным мечом, с которого капала кровь.

Они неслись во весь опор, дичь и охотник, — но второму не под силу было выиграть бешеную скачку. Колдун и варвар скакали в последних лучах заходящего солнца, пока шум резни не смолк вдалеке. И тогда в небе появилась черная точка. Она росла с каждой секундой и наконец превратилась в громадного орла, который обрушился с высоты на голову коня Тзоты. Конь заржал и вздыбился, выкинув всадника из седла.

Тзота вскочил на ноги и повернулся к своему преследователю. Глаза его по-змеиному светились, лицо перекосилось от нечеловеческой злобы. В каждой руке он держал по сверкающему шару, и Конан узнал в них смертоносное оружие.

Король спрыгнул на землю и пошел на врага, подняв меч.

— *Вот мы и встретились, колдун!* — *произнес он* и захохотал.

— Назад! — по-шакальи пролаял Тзота. — Я сдеру мясо с твоих костей! Я непобедим! Даже если ты разрубишь меня на куски, мое тело срастется вновь и будет преследовать тебя до самой смерти! Я знаю, здесь не обошлось без Пелиаса, но бросаю вызов вам обоим! Я — Тзота, сын...

Конан бросился вперед, меч его сверкнул в лучах солнца. Тзота размахнулся, и варвар пригнул голову. Что-то блестящее пролетело над ним и взорвалось за спиной, опалив землю клубком адского огня. Прежде чем Тзота успел бросить второй шар, который держал в левой руке, меч Конана обрушился на его шею. Голова колдуна слетела с плеч, и туловище, брызгая кровью, повалилось на землю. Но черные глаза по-прежнему злобно сверкали, глядя на киммерийца, зубы скрипели,

а руки шарили вокруг, будто в поисках отрубленной головы. В этот момент что-то упало с небес...

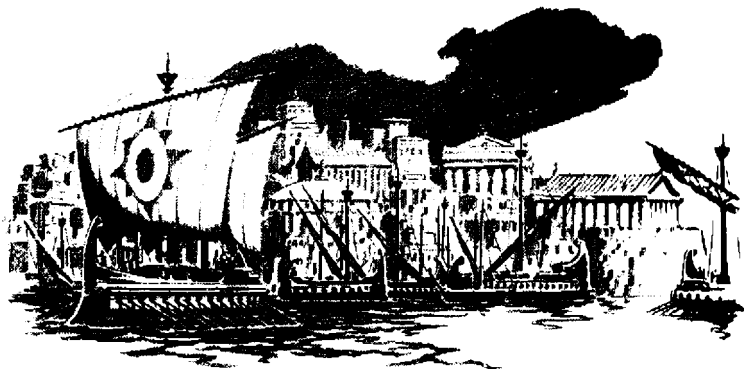
Орел схватил могучими когтями окровавленную голову и взмыл с нею в небо. Конан застыл от ужаса, когда птица расхохоталась голосом Пелиаса.

И тут случилось самое ужасное: безголовое тело вскочило и побежало на непослушных ногах, простирая руки к удаляющейся черной точке.

Конан стоял, словно изваяние, глядя вслед страшной фигуре, растворяющейся в лиловых тенях вечера.

— Клянусь Кромом! — воскликнул он, сбросив с себя оцепенение. — Чума падди на этих колдунов! Пелиас был добр ко мне, но демон меня побери, если я согласен встретиться с ним еще раз! *Дайте мне добрый меч и достойного* врага, которого можно сразить раз и навсегда,— вот это по мне! Проклятье! Проклятье! Чего бы я сейчас не отдал за кувшин вина!

Королева Черного побережья



1

КОНАН ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К ПИРАТАМ

Поверь весне и новому началу,
Когда седой багрянец осень дарит;
Поверь — лишь для тебя я воспылала
Неведомым допрежь сердечным жаром...

Песнь Белит

Конский топот стремительным громом раскатывался по улицам, спускавшимся к пристани. Народ с воплями разбегался кто куда, успевая лишь мельком заметить вороного жеребца и на нем — всадника в кольчуге и широком алом плаще, развевавшемся на ветру. Некоторое время спустя по тем же улицам с топотом и криком пронеслась погоня, но всадник и не думал оглядываться. Вылетев на причал, он так осадил разогнавшегося коня, что тот взвился на дыбы у самого края настила. Мореходы, как раз изготовившиеся распустить парус и сесть на весла острогрудой галеры, в изумлении разинули рты. Хозяин корабля — коренастый чернобородый мужчина — уже стоял на носу, упираясь в причал багром. В следующий миг он разразился негодующим криком, потому что всадник покинул седло и могучим прыжком перелетел прямо на палубу.

— Эй, ты! Тебя кто сюда приглашал?

© Перевод М. Семёновой.

— Давай отчаливай поживее! — рявкнул в ответ непрошеный гость.

И сопроводил свои слова недвусмысленным жестом, а поскольку в руке у него был окровавленный меч, на палубу полетели багровые капли.

— Но мы идем к берегам Куша!..— пытался спорить судовладелец.

— Ну тогда и мне в Куш,— прозвучал ответ.— Отчаливай, тебе говорят!

И человек в кольчуге бросил быстрый взгляд на берег, где из-за угла как раз появился конный отряд, а за всадниками бежали стрелки с арбалетами на плечах.

— А деньги на проезд у тебя есть? — поинтересовался хозяин корабля.

— Я тебе вот чем сейчас заплачу! — взревел незнакомец и размахнулся здоровенным мечом.— Клянусь Кромом, если ты сейчас же не отчалишь, я всю эту посудину кровью залью, твоей в первую очередь!

Довод оказался весомым, к тому же корабельщик неплохо разбирался в людях. Стоило один раз посмотреть на темное, покрытое шрамами лицо незваного гостя, чтобы понять — этот шутить не будет! Хозяин галеры выкрикнул короткую команду и навалился на багор. Корабль качнулся, и между ним и причалом пролегла полоса воды. Вот опустились на воду весла, ритмично заходили вперед-назад; и наконец порыв ветра наполнил блеснувший под солнцем парус, галера, набирая ход, устремилась прочь от берега.

Преследователи, оставшиеся ни с чем, бессильно топали ногами, размахивали оружием и выкрикивали угрозы, приказывая кораблю немедленно поворачивать к пристани. Стрелки лихорадочно заряжали арбалеты, пытаясь обстрелять галеру, пока она была в пределах досягаемости.

— Пусть хоть лопнут,— сурово усмехнулся человек в кольчуге.— Следуй своим курсом, шкипер!

Хозяин корабля покинул рот, прошагал между рядами гребцов и поднялся на среднюю палубу. Незнакомец стоял спиной

к мачте и, прищурившись, держал меч наготове. Корабельщик ответил ему спокойным взглядом, стараясь даже случайно не дотрагиваться до длинного ножа, висящего на поясе у него самого.

Воин, так бесцеремонно вторгшийся на судно, был высокого роста и могучего сложения, в тяжелой чешуйчатой кольчуге, блестящих поножах и шлеме из голубоватой стали, украшенном полированными бычьими рогами. Алый плащ развевался на морском ветру, из-под шлема ниспадала на плечи густая черная грива и горели синие, свирепые, пронзительные глаза.

— Раз уж нам придется путешествовать вместе, значит, и ссориться незачем,— миролюбиво проговорил корабельщик.— Я — Тито, уважаемый купец в портовых городах Аргоса. Сейчас держу путь в Куш и надеюсь, черные короли этой страны продадут мне слоновую кость, копру, медную руду, рабов и жемчуг за бусы, шелк, сахар и мечи с латунными рукоятями!

Незнакомец еще раз оглянулся на уже далекий причал, где бессильно бесновалась погоня. Вероятно, им вряд ли удастся быстро найти судно, способное поспорить с быстроходной галерой.

— А я — Конан из Киммерии,— проговорил воин.— Я приехал в Аргос искать заработка, но здесь у вас не предвидится войн, а стало быть, и работы для такого, как я.

— А почему за тобой гнались стражники? — осведомился Тито.— Не то чтобы меня это каким-то боком касалось, но...

— Мне скрывать нечего,— ответствовал киммериец.— Клянусь Кромом, вроде сколько лет уже среди вас живу, но вы, цивилизованные люди, не устаете меня поражать!

Прошлой ночью я сидел в таверне... И видел, как капитан королевской стражи решил полапать возлюбленную молодого воина, ну а тот рассвирепел, конечно, всадил ему клинок в потроха. Поделом вроде? Так нет же, у вас, похоже, закон есть, по которому королевского стражника пальцем не тронь. Парень с девушкой пустились в бега, а кто-то возьми и донеси, будто меня с ними видели. И вот сегодня меня схватили и приташили на суд. Пристали с расспросами, где прячутся беглецы.

Я, как ты понимаешь, отвечаю судье, что парень — мой друг, а стало быть, выдать его ни почем не могу. Судья стал твердить мне о каком-то там долге перед страной, обществом и королем и о всяких других вещах, в которых без кружки доброго вина не разберешься. Отвечай, говорит, куда они скрылись, а не то!..

Тут я и сам здорово обозлился — ведь вроде все уже сказал, чего им от меня еще надо,— однако стою, молчу... Они кричать стали о непочтении к правосудию, пообещали в рудниках меня сгноить! Мне это не понравилось. Достал меч, срубил голову самому главному и, не говоря ни слова, пробился к выходу. Потом вскочил на жеребца начальника стражи, и к гавани галопом. Должен же там, думаю, отыскаться какой-нибудь корабль, идущий в дальние страны... Вот и вся история!

— Судьи,— сплюнул Тито.— Вот кого не люблю. Сколько доводилось мне тягаться против богатых купцов, столько же меня и обдирали как овцу. Если я еще когда-нибудь загляну в здешний порт, мне, полагаю, придется ответить на кое-какие вопросы, но я легко докажу, что действовал по принуждению. Можешь убрать меч в ножны, Конан. Мы — мирные мореплаватели и не держим против тебя никакого зла. К тому же, я думаю, нам на борту не помешает вооруженный боец вроде тебя! Пошли ко мне на корму, выпьем вина.

— Ну и отлично,— пряча оружие, с готовностью согласился киммериец.

«Аргус» был выносливым суденышком из тех, что снуют между портами Зингары и Аргоса и прокладывают торговые пути вдоль побережий южных земель, редко отваживаясь измерять ширь открытого океана. Галера имела широкий корпус с высокими, красиво изогнутыми носом и кормой. Управлялась она длинным рулевым веслом, а парусную оснастку составляли прямой полосатый шелковый парус и небольшой кливер. Во время штиля команда садилась на весла — по десять с каждой стороны, поровну до и после средней палубы. Под этой палубой, а также под носовой надстройкой хранилась самая цен-

ная часть груза. Люди укладывались спать прямо под скамьями, в скверную погоду сверху натягивали шатер. Двадцать гребцов, трое рулевых и шкипер — вот и вся команда.

И вот «Аргус» резво бежал к югу, подставляя паруса попутному ветру. День ото дня солнце грело палубу все жарче, так что полосатые шатры, окрашенные в те же цвета, что и парус, так и висели свернутыми, а позолоченная резьба на форштевне галеры ярко сверкала, отражаясь в бегущей мимо воде.

Потом вдали показались берега Шема — холмистые, покатые зеленые луговины, коронованные белыми силуэтами городов. К самому прибою выезжали горбоносые всадники с иссиня-черными бородами; они подозрительно рассматривали шедшую мимо галеру. «Аргус» не сворачивал к берегу. В торговле с шемитами Тито особых выгод не видел.

Не сделал он остановки и там, где изливался в океан могучий Стикс, а в волнах отражались черные бастионы Кеми. Корабли избегали заходить сюда без приглашения. Здесь, в Стигии, смуглые колдуны пели чудовищные заклятия сквозь жертвенный дым, курившийся над залитыми кровью алтарями, где корчились и кричали обнаженные женщины. Здесь принимал поклонение Сет, Древний Змей, которого вся прочая Хайбория называла Великим Врагом, а стигийцы почитали за бога. Проклинаемый всем остальным миром, здесь он, как говорили, свивал свои блистающие кольца, являясь высшему жречеству.

Стигийское побережье шкипер Тито обошел далеко морем. И не дрогнул, даже когда из-за мыса, увенчанного замком, вылетела гондола, чей нос украшало изображение змея, и нагие смуглые женщины с алыми цветами в волосах принялись бесстыдно зазывать к себе его моряков. И вот по берегам уже не видно сияющих башен, «Аргус» пересек южные пределы Стигии и шел теперь вдоль побережья Куша.

Море и все, что с ним связано, составляло каждодневную загадку для Конана, ведь он родился среди высоких гор и пустошей Киммерии. Поэтому он с неизменным любопытством приглядывался к корабельщикам, а те, в свою очередь, — к нему, ведь и они в большинстве своем никогда не видели живо-

го киммерийца и даже не знали, что на свете есть еще и такая страна.

Сами они были типичными аргосскими мореплавателями, невысокими, крепкими и коренастыми. Конан далеко превосходил их ростом, а по силе — любых двоих, вместе взятых. Да, они отличались этакой узловатой, кряжистой цепкостью, но Конан обладал поистине волчьей выносливостью и жизнестойкостью, его тело и душа обрели стальную закалку в тяготах дикой жизни и беспощадной войны. Он любил посмеяться, но так же легко впадал и в поистине ужасающий гнев. Он был не дурак поесть и — что греха таить — порою не знал удержу в выпивке. Во многом по-детски наивный, так и не привыкший к утонченным хитростям цивилизации, Конан отличался природным умом и никому не давал сесть себе на голову и мог быть опасным, точно проголодавшийся тигр. Он был еще молод годами, но успел и повоевать, и постранствовать по населенному миру. Это чувствовалось даже по его одежде и снаряжению. Рогатый шлем, например, имел явное отношение к золотоволосым асирам Нордхейма; чешуйчатая броня и поножи происходили из лучших мастерских Кофа; тонкие кольчужные нарукавники и штаны были выкованы в Немедии, а на поясе красовался великолепный аквилонский двуручник. Что же до роскошного плаща за спиной, то подобные ткали только в Офире.

«Аргус» неуклонно двигался к югу, и Тито уже высматривал по берегам обнесенные высокими оградами деревни черных племен. Увы, им попадались лишь дымившиеся пепелища, усеянные черными нагими телами, и Тито клял всех богов.

— Пираты, якорь им в глотку! Здесь побывали пираты! А как славно, помнится, я торговал тут в былые деньки.

— Пираты? — Конан невольно тронул рукой неразлучный меч в ножнах. — Ну и что будет, если мы их встретим?

— Мы не воины, а купцы. Я не ищу сражений, я лучше пущусь наутек!.. Но если все-таки произойдет заварушка — что ж, нам случалось отбиваться от разбойников, отобьемся и теперь. Ну, конечно, если не нарвемся на «Тигрицу» самой Бёлит.

— Бёлит? Это кто?

— Самая жуткая демоница из всех, по ком плачет веревка. И если я не ослеп, это ее головорезы поработали в той последней деревне. Много бы я дал, чтобы однажды увидеть Бёлит болтающейся на рее! Как говорят, сама она из Шема, а команда у нее сплошь свирепые чернокожие. Сколько добрых купцов они отправили на дно морское!

Говоря так, Тито доставал из-под кормовой палубы стеганые куртки, стальные шлемы, луки и стрелы.

— Если она на нас налетит,— проворчал он,— толку от сопротивления будет немного. Но все же дать зарезать себя вовсе без боя — позорно и трусливо.

Солнце только-только взошло, когда послышался предостерегающий крик впередсмотрящего. Из-за длинного мыса острова, лежавшего далеко в море по правому борту, выдвинулась узкая смертоносная тень — по-змеиному изящная боевая галера с надстройкой для стрелков от носа до кормы. Сорок весел по каждому борту быстро мчали ее по морским волнам, низкие борта не могли скрыть неистовой пляски нагих чернокожих воителей, что с громкой песней колотили копьями в длинные щиты. На мачте галеры развевался ярко-алый вымпел, длинный и узкий.

— Бёлит,— побледнел от страха Тито.— Разворачиваемся, живей! Скорее вон в то устье!.. Если успеем туда проскочить, может, спасемся.

И «Аргус», развернувшись чуть ли не на месте, кинулся к полосе прибоя, гремевшего под пальмами на берегу. Тито безостановочно ходил по палубе туда и сюда, призывая хрипевших гребцов к сверхчеловеческому усилию. Его черная борода стояла дыбом, глаза горели.

— Дай лук,— обратился к нему Конан.— Не то чтобы я считал его оружием, достойным мужчины, но стрелять меня учили гирканцы, я сумею подстрелить хотя бы парочку пиратов!

Стоя на высокой корме, он смотрел, как несется на сближение легкий змееподобный корабль, и, даже не будучи моря-

ком, явственно видел, «Аргусу» эту неравную гонку не выиграть никогда. И то сказать, с «Тигрицы» по ним уже стреляли, и стрелы, пущенные нетерпеливыми пиратами, с шипением падали в воду едва ли не в двадцати шагах за кормой.

— Может принять бой? — обратился Конан к Тито. — Но мне, лучше умереть от удара в грудь, чем от стрелы, всаженной между лопаток!

Но Тито, размахивая кулаками, лишь закричал:

— Греби веселей, собачье отродье!

Бородатые аргосцы со стонами налегали на весла, по спинам ручьями тек пот, мышцы сводило судорогой. Бедный маленький «Аргус» скрипел и охал всем корпусом, почти выпрыгивая из воды. Ветер, как назло, стих, парус висел тряпкой. Все ближе подбиралась безжалостная погоня. До белых бурунов прибоя оставалось еще не менее мили, когда один из гребцов с невнятным булькающим вскриком навалился грудью на рукоять. Длинная стрела торчала у него в шее. Тито прыгнул на место убитого, а Конан широко расставил ноги на кормовой палубе и поднял лук.

Со своего места он очень хорошо видел все, что делалось на пиратской галере. Гребцов зацепал борт, но воины, приплясывавшие на палубе, красовались на виду. Почти нагие, в боевой раскраске и перьях, они размахивали копьями и пятнистыми щитами. А на носу виднелась стройная фигурка, чья белая кожа разительно выделялась на фоне блестяще-черных тел беспокойной команды. Бёлит! Конан оттянул тетиву до правого уха... Тем не менее в последний момент что-то удержало его, и, повинуясь внезапному порыву, он послал стрелу не в Бёлит, а в рослого чернокожего копьеносца, что стоял подле нее.

Пиратская галера быстро шла на сближение с маленьким купеческим кораблем. Стрелы густым дождем падали кругом «Аргуса», то и дело раздавались крики раненых и умирающих. Все кормчие были убиты, и Тито в одиночку правил тяжелым веслом, задыхаясь от натуги и безостановочно ругаясь. Его ноги вросли в палубу, точно узловатые корни. Но потом он издал какой-то всхлип и сполз на мокрые доски — его отважное

сердце пробила стрела. Потерявший управление «Аргус» беспомощно закачался на волнах. Гребцы испуганно закричали, и Конан в обычной для себя манере принял командование.

— А ну, ребята!..— проревел он, спуская звенящую тетиву.— Покажем этим собакам, что наши глотки не так просто перерезать. Хватит надсаживаться на веслах, они все равно возьмут нас на абордаж, так какая разница, умереть прямо здесь или в полусотне ярдов отсюда?

Повинуясь его приказу, аргосцы побросали весла и стали вооружаться. Они успели выстрелить в лучшем случае по одному разу, и их атаковали пираты. Неуправляемый «Аргус» медленно поворачивался, и окованный сталью таран «Тигрицы» со скрежетом врезался ему прямо в бок. Полетели и впились в палубу абордажные крючья. С носовой палубы черные воины обрушили вниз град стрел, чьи наконечники легко пронзали стеганые доспехи обреченных аргосцев. А потом с копьями наготове пираты прыгали на палубу «Аргуса», дабы завершить бой.

Палубу пиратского корабля усеяли мертвые тела — свидетельство меткости Конана.

Кровавая резня продолжалась недолго. Крепкие, закаленные мореходы мало что могли противопоставить опытным головорезам, и те очень быстро истребили их до последнего человека. По этим последним человеком остался Конан, и, как следовало ожидать, битва приняла неожиданный оборот.

Когда «Тигрица» протаранила купеческую галеру, он стоял на корме, находясь на одном уровне с палубой пиратов. В момент удара ему удалось устоять на ногах, потеряв только лук. Через борт на него бросился рослый корсар, но Конан еще в полете встретил его взмахом меча. Длинный клинок рассек торс нападавшего, пройдя сквозь кости и плоть, так что ноги полетели в одну сторону, а голова и руки — в другую. Ярость Конана оставила лежать на палубе еще нескольких разбойников, сунувшихся к нему следом за первым,— и вот, перемахнув через борт, он сам оказался на палубе «Тигрицы»!

В тот же миг кругом него завертелся ураган мелькающих копий и занесенных дубинок, но Конан, закованный в сталь, перемещался до того быстро, что уследить за ним казалось невозможным. Копья пронзали пустой воздух или гнулись о его латы, зато длинный аквилонский меч без устали пел врагам погребальные песни. Конана осенило боевое неистовство, которым славилось его племя, взор затуманила алая пелена неукротимого бешенства. Расколотые черепа, проломленные ребра, вылущенные кишки — Конан шел по вражеской палубе, собирая кровавую жатву.

Против его брони оружие пиратов было бессильно. Прислонившись спиной к мачте, он убивал, пока враги не отпрянули прочь, задыхаясь от ярости и испуга.

И вот, когда они уже занесли копья, чтобы метнуть их все разом, а Конан, напрягшись, ждал мгновения, чтобы прыгнуть вперед и, может быть, умереть,— резкий окрик остановил изготовившихся к бою мужчин. Все замерли одновременно — черные гиганты с копьями в поднятых руках и северянин в кольчуге, сжимающий окровавленный меч.

Ворвавшись в круг своих воинов, Бёлит заставила их опустить копья. Потом повернулась к Конану. Ее грудь вздымалась, глаза сверкали. Свирепый киммериец смотрел на нее в немом изумлении. Бёлит была сложена, точно богиня, пышно-роскошная и невероятно стройная одновременно. Единственным одеянием ей служил широкий шелковый пояс. Ее тело отливало слоновой костью, великолепная грудь притягивала взор, и Конан, несмотря на угар боя, возжелал предводительницу кровожадных пиратов. Ее черные волосы, густые и непроглядные, точно стигийская ночь,— какими блестящими волнами окутывали они ее гибкую спину! А каким огнем пылали глаза, устремленные на киммерийца!

Она казалась дикой, точно ветер пустыни, она была сильной и опасной, точно пантера. Женщина подошла к Конану вплотную, не обращая никакого внимания на длинный меч, с которого стекала кровь ее воинов. Она даже задела клинок кру-

тым бедром и, сделав еще шаг, прямо посмотрела в суровые синие глаза северянина.

— Кто ты? — требовательно спросили алые губы. Клянусь Иштар! Никогда еще не встречала подобных тебе, а ведь я избороздила моря от побережий Зингары до объятого пламенем юга! Откуда ты взялся?

— Из Аргоса,— бросил он коротко, ежесекундно опасаясь ловушки.

Пусть только попробует протянуть изящную ручку к драгоценному кинжалу на поясе, и он вкатит ей оплеуху, чтобы не сразу смогла подняться!.. Но это говорил разум воина, а сердце уже твердило свое: «Бой окончен». Слишком много женщин — и цивилизованных, и дикарок — искало в разное время его крепких объятий, так что Конан с первого взгляда узнал огонь, разгоревшийся в глазах Бёлит.

— Ты не похож на мягкотелого хайборийца,— фыркнула она в ответ.— В тебе — крепость и ярость серого волка. Зоркость твоих глаз не успели притупить городские огни, твое тело не изнежено жизнью среди мраморных стен!

— Я Конан из Киммерии.

Для жителей здешних стран Север был чем-то наполовину сказочным и смутным. Там жили свирепые голубоглазые исполины, изредка покидавшие свои ледяные твердыни, и тогда никому не ведать спасения от огня и меча. В Шем они, впрочем, ни разу доселе не забирались, и шемитка Бёлит не разбиралась, кто есть кто — асиры, ваниры, киммерийцы. Зато сработал глубинный женский инстинкт, безошибочно распознавший: перед ней мужчина, созданный для нее. И не имело особого значения, к какому именно народу он принадлежал. Происхождение северянина лишь добавляло ему таинственности, а с нею и привлекательности.

— А я — Бёлит! — воскликнула она тоном, каким другие женщины говорят «я — королева!».— Гляди же на меня, Конан! — продолжала она, широко раскидывая руки.— Перед тобой Бёлит, владычица Черного побережья! О тигр Севера, холодный сын заснеженных гор! Закружи меня в неистовом

вихре страсти! Мы вместе пройдем все пределы суши и моря! Я — королева по праву огня и стали и вооруженной руки, так стань же моим королем!

Конан посмотрел на заляпанных кровью пиратов, ожидая вспышек гнева и ревности. И ничего подобного не увидел. Черты воинов не отражали даже боевого исступления, успевшего угаснуть за прошедшие мгновения. И тогда Конан понял: для них Бёлит была чем-то большим, нежели просто женщина. Она была богиней, чью волю они и не думали оспаривать. Киммериец покосился на бедный «Аргус», который все так же беспомощно переваливался с борта на борт, удерживаемый лишь абордажными крючьями. Его палубы были сплошь залиты кровью, и даже волны, плескавшие на борта, окрашивала багровая муть. Вдали синел берег, океанская даль отсвечивала зеленоватым. А прямо перед Конаном, призывно раскрыв объятия, стояла великолепная женщина, и душа варвара невольно отозвалась на призыв. Пройти неизведанные просторы рука об руку с этой молодой тигрицей, любить ее, сражаться и грабить...

— Ладно, — проговорил он, отряхивая меч.— Я пойду с тобой.

— Эй, Пьята! — Голос Бёлит прозвенел, как спущенная тетива. — Тащи сюда свои зелья, перевяжешь раны господина! Остальные — забирайте добычу и рубите канаты!

Конан сел на палубу, привалился спиной к фальшборту и позволил старому шаману заняться ранами. Скоро весь груз с несчастного «Аргуса» перетащили на «Тигрицу» и убрали в рундуки под палубой. Тела убитых купцов и погибших пиратов побросали в море привлеченным кровью акулам, а раненых чернокожих уложили на палубу для перевязки. Потом выдернули абордажные крючья, и «Аргус» с проломленным дном начал медленно погружаться в кровавое море, а «Тигрица», размеренно работая веслами, направилась к югу.

Сгущались сумерки, и глаза Бёлит сверкали в полутьме, как у пантеры в лесу. Поднявшись на корму, где сидел Конан, она сорвала с себя украшения, сняла сандалии и шелковую набедренную повязку и все это сложила у ног своего избранника.

Потом поднялась на цыпочки, вскинула руки над головой — нагой белый силуэт, мерцающий в потемках,— и выкрикнула, обращаясь к глазевшей команде:

— Смотрите, жадные волки синих морей, на брачный танец Бёлит, чьи предки были королями Аскалона!

И она пустилась в пляску — как ветер в песчаной пустыне, как пламя, танцующее на углях. Все было в ее танце — и призыв к зачатию и рождению, и зов смерти. Движения танцовщицы, то резкие и хлесткие, то плавные и нежные, завораживали. Не в силах отвести взгляд раненые, распростертые на досках, забывали о тяжелых увечьях и смерти... И вот, когда в синих бархатных сумерках проглянули яркие звезды, Бёлит в последний раз завертелась волчком — и со страстным возгласом простерлась перед киммерийцем. Конан заключил ее в объятия — тяжко дышащую, дрожащую — и крепко прижал к своей все еще покрытой латами груди.

2

ЧЕРНЫЙ ЛОТОС

Когда нечистый дух отвел глаза ей
В той крепости с разбитыми стенами,
И вот меня уж бешенство терзает,
Как если бы соперник встал меж нами...

Песнь Бёлит

«Тигрица» шла на юг, и черные деревни содрогались от ужаса. В ночи тревожно били тамтамы, передавая известие, будто морская демоница нашла себе достойную пару — железного человека, чей гнев сродни ярости подстреленного льва. Немногие спасшиеся с разгромленных ими стигийских судов поминали Бёлит с неизменным проклятием — и тоже в один голос рассказывали о ее спутнике, белокожем воителе с синими глазами. Так и получилось, что стигийские владыки запомнили этого человека, запомнили надолго,— и такой памяти суждено было принести горькие плоды годы спустя.

Но пока «Тигрица», беззаботная, точно ветерок на просторе, обходила южные берега. И однажды бросила якорь в устье большой угрюмой реки, чьи крутые берега были как две стены, заросшие густыми джунглями и окутанные тайной.

— Эта река называется Зархеба, что значит Смерть,— сказала Бёлит.— Вода в ней ядовита, смотри, как она черна и не-

проглядна. Здесь живут лишь ядовитые гады, не зря этих мест сторонятся черные племена! Однажды сюда, спасаясь от моего преследования, вошла галера стигийцев, поднялась по течению и пропала из виду. Я велела бросить якорь на этом самом месте, и несколькими днями позже галера приплыла обратно, неуправляемая и пустая, палубы были залиты кровью. Мы нашли на борту всего одного человека, но он сошел с ума и умер, что-то бессвязно выкрикивая. Груз, впрочем, не пострадал, а вот команда так и канула в неизвестность.

Я поразмыслила над этим, возлюбленный мой, и сделала вывод, что где-то выше устья должен быть город. Мне передавали смутные слухи о гигантских стенах и островерхих башнях, вздымающихся над лесом,— их видели те, кто отваживался хотя бы немного подняться по водам Зархебы... Ну а мы с тобой, Конан, страха не ведаем. Почему бы нам не отправиться туда и не посмотреть на затерянный город? Уж верно, не с пустыми руками мы оттуда вернемся.

Конан только рад был ответить согласием, собственно, как и всегда. Ее ум вынашивал все планы их вылазок, его вооруженная рука претворяла в жизнь замыслы Бёлит. Куда плыть, против кого драться — особой разницы Конан не видел, лишь бы не скучать на одном месте. Так что жизнь с Бёлит была ему определенно по вкусу.

Между тем их команда поредела в сражениях и набегах; осталось не более восьмидесяти копьеносцев, их еле хватало для управления длинной галерой. Однако Бёлит было некогда совершать долгое путешествие на юг, в островные королевства, где она набирала себе пополнение. Ее снедало нетерпение изведать очередное приключение, и вот «Тигрица» свернула в устье реки по имени Смерть, и гребцы старались изо всех сил, превозмогая сильное течение.

Вскоре галера обогнула таинственную излучину, скрывшую морской горизонт, и пробиралась вверх по течению, обходя безжизненные отмели. Нигде не было видно даже крокодилов, ни единый зверь не прокладывал себе тропы к водопою, птицы и те избегали спускаться к страшной реке. Тьма, предварявшая восход луны, превратила берега в две глыбы осяза-

емо плотного мрака. Оттуда лишь слышалось шуршание и крадущиеся шаги да вспыхивали недобрым огнем чьи-то глаза... Один раз донесся нечеловеческий вопль, полный жуткой насмешки.

— Это обезьяна,— задумчиво молвила Бёлит и добавила: Души грешников в наказание за неправедную жизнь попадают в их безобразные тела.

Вот тут Конан позволил себе усомниться. Некогда в Гиркании он видел существо кошмарного облика, сидевшее в клетке с золочеными прутьями. Люди сказали ему, что это большая обезьяна. Помнится, он заглянул в печальные глаза мохнатого пленника — и не увидел ни следа запредельной злобы, которая звучала в чудовищном смехе из джунглей.

А потом поднялась луна — багровый круг в непроглядной тьме неба — и джунгли наполнились звуками, приветствуя восход ночного светила. Рев, вой, рык и вопли со всех сторон заставили черных мореходов втянуть головы в плечи. Конан же сразу заметил, что ужасающий шум доносился не с берега, а изрядно дальше. Была, видимо, причина, по которой люди и звери одинаково сторонились черных вод Зархебы!

Поднимаясь над плотной, окутанной туманами чащей, луна посеребрила русло реки, галера оставляла в воде след в виде вереницы светящихся пузырьков, что поднимались, переливаясь, как драгоценные камни, и лопались на поверхности. Казалось, весла окунаются в жидкое серебро и взлетают в ночь, словно одетые в сверкающий иней. Пышные перья в головных уборах воинов кивали взад и вперед, самоцветы на рукоятях мечей и кинжалов вспыхивали при луне.

Холодный свет зажигал морозным огнем драгоценности в черных кудрях Бёлит, распростершейся на леопардовой шкуре, брошенной на палубные доски. Подперев ладонями подбородок, она смотрела, как легкий ветерок шевелил черную гриву Конана, сидевшего рядом. Гибкое тело красавицы мягко мерцало под луной, глаза казались двумя черными алмазами.

— Воздух здесь напоен жуткими тайнами,— проговорила она.— И мы плывем в самое сердце смертоносного ужаса. Тебе страшно, Конан?

Киммериец лишь передернул плечами, скованными кольчугой, — вот и весь ответ.

— Мне тоже не страшно,— задумчиво сказала Бёлит.— Я не знаю, что такое страх. Должно быть, я слишком часто заглядывала в глаза смерти. Конан, а ты боишься богов?

— Я предпочел бы не наступать на их тени,— поразмыслив, отозвался варвар.— Одни боги только ждут случая кого-нибудь поразить своим гневом, другие, напротив, рады помочь... По крайней мере, так утверждают жрецы. Взять хоть Митру, которому поклоняются хайборийцы,— надо думать, это сильный бог, даром ли его народы понастроили крепких городов по всему миру. А вот Сета, наоборот, все боятся, даже и хайборийцы. Еще есть Бэл, покровитель воров... Хороший бог. Он был не чужим мне, когда я жил в Заморе и промышлял воровством...

— А кому молится твое племя? — спросила Бёлит.— Я ни разу не слышала, чтобы ты кого-нибудь призывал.

— Наш бог — Кром, обитающий в пещере громадной горы, и призывать его без толку, ибо жизнь или смерть человека его мало волнует. Чем привлекать к себе его внимание, лучше уж промолчать, не то дождешься несчастий вместо удачи! Он угрюм и не знает любви, но при рождении он наделяет нас жизненной силой и волей драться за жизнь. И если подумать — чего еще нам просить у богов?

— А что у вас говорят о мирах, что распахиваются за рекой Смерть? — продолжала расспрашивать Бёлит.

— Вера моего народа не сулит особой надежды ни здесь, ни в будущей жизни. Земное существование есть бессмысленное страдание и борьба, обреченная на поражение, а единственная утеха для нас — безумное вдохновение битвы. Когда мы умираем, наши души пускаются в вечное странствие сквозь туман, под низкими облаками, несущимися на ледяных ветрах.

— Ну уж нет,— содрогнулась Бёлит.— Самая скверная жизнь и та лучше! Но во что, Конан, ты все-таки веришь?

Он пожал плечами.

— Я,— проговорил он затем,— знавал многих богов. Тот, кто берется их отрицать, так же слеп, как и тот, кто на них бездум-

но надеется... Что будет после смерти? Кому о том ведомо? Это может оказаться тьма и ничто, как утверждают немедийские скептики, либо же ледяной туман царства Крома... или пиршественные залы среди снежных полей, которые северяне называют Вальхаллой. Мне не дано знать, куда я попаду, да и не сильно меня это заботит! Пока я живу, я намерен изучать жизнь во всех ее проявлениях. Дайте мне познать сочный вкус мяса и жгучее вино на языке, горячие объятия белых рук — и чтобы кругом пылала битва, клинки звенели, вспыхивали и окрашивались алым... Вот это — жизнь, а духовные тонкости оставим философам и жрецам. Реальность, иллюзия... Я вот что тебе скажу: если этот мир иллюзорен, значит, и сам я — всего лишь иллюзия, а коли так, все окружающее для меня реально. Ну и хорошо: жизнь пылает во мне, я люблю и дерусь... Чего еще?

— Но ведь боги реальны,— сказала Бёлит, думая о чем-то своем.— И превыше всех — боги шемитские. Иштар, Ашторет, Деркето, Адонис... Твой Бэл, между прочим, тоже шемитское божество, он ведь родился в древнем Шумире. Это было очень давно. Смешливый бог с кудрявой бородой и мудрыми озорными глазами пустился в путь, намереваясь похитить сокровища королей древности... А что до жизни *после* смерти — она есть, Конан, она точно есть! И я еще тебе скажу, киммериец! — Бёлит гибко приподнялась на колени и ухватила Конана за плечи, словно играющая пантера.— Моя любовь сильнее любых смертей! Ибо ты сжимал меня в своих объятиях, заставляя задыхаться и изнемогать от неистовой страсти. Ибо ты победил и завоевал меня, испив мою душу своими огненными поцелуями. Ибо мое сердце прикипело к твоему сердцу, а моя душа сделалась частью твоей души. И если случится так, что я паду мертвой, а ты будешь еще сражаться за жизнь,— я восстану из бездны, приду тебе на подмогу! Будет ли мой дух плыть под пурпурными парусами по хрустальным водам райского моря, будет ли он корчиться в огненном расплаве геенны,— ничто не удержит меня, и все боги Вселенной не смогут нас разлучить!

———

В это время раздался истошный крик впередсмотрящего, стоящего на носу корабля. Конан отстранил Бёлит и прыжком вскочил на ноги, выхваченный меч сверкнул в лунном луче. Волосы киммерийца встали дыбом от зрелища, представшего его глазам. Черный воин висел в воздухе над палубой, удерживаемый чем-то, сперва показавшимся Конану изогнутым древесным стволом. Миг спустя он разглядел, что «ствол» на самом деле — гигантская змея, которая, извиваясь, поднялась над бортом корабля и сомкнула ужасную пасть на теле несчастного! Мокрая чешуя искрилась и сверкала, схваченный воин корчился и кричал, точно мышь в зубах у питона. Конан рванулся вперед и, размахнувшись громадным мечом, всадил его в тело чудовища, превосходившее по толщине человеческий торс. Бортовые доски залила кровь, умирающая гадина качнулась назад, так и не выпуская обреченную жертву, и виток за витком канула в черную воду, сбивая ее предсмертными судорогами в кровавую пену. И вот не стало видно ни человека, ни змеи.

После этого случая Конан сам занял место впередсмотрящего, но больше никто из отравленных вод их не беспокоил. Когда же небо наконец побледнело, встречая рассвет, киммериец разглядел над лесом черные клыки башен. Он позвал Бёлит, спавшую на палубе под его алым плащом, и она с разгоревшимися глазами встала подле него. Предводительница уже хотела дать команду воинам разбирать луки и копья, но так и не произнесла ее, а прекрасные глаза округлились от изумления.

Выйдя из-за лесистого мыса, они увидели над излучиной берега... не город — призрак города, когда-то шумного и полного жизни. Теперь между камнями обрушенных причалов выросла трава, корни деревьев развороти ли мостовые величавых некогда улиц, широких площадей, просторных дворов. Джунгли с трех сторон наступали на город, одевая ядовитой зеленью остатки стен и рухнувшие колонны, а с четвертой стороны была река. Покосившиеся башни беспорядочно торчали в утреннем небе, от былых дворцов остались лишь сломанные каменные столбы. На главной площади высилась мраморная пирамида,

увенчанная высокой стройной колонной, а на самом верху этой колонны сидело, скорчившись, нечто, поначалу принятое Конаном за изваяние... пока его острые глаза не различили присутствие жизни.

— Там огромная птица,— предположил один из воинов, собравшихся на носу корабля.

— Нет,— возразил другой.— Это исполинская летучая мышь!

— Это обезьяна,— сказала Бёлит.

В это время тварь распахнула широкие крылья и, хлопая ими, улетела в зеленую тьму джунглей.

— Обезьяна, да еще и крылатая,— поежился старый Ньяга.— Чем являться сюда, лучше бы мы просто перерезали себе глотки! Это место заколдовано, здесь водится нечисть.

Но Бёлит лишь посмеялась и велела подогнать галеру к берегу, чтобы бросить швартовы на полуразрушенную пристань. Она первой спрыгнула на берег, за ней — Конан, а следом — чернокожие пираты в уборах из белых перьев, колыхавшихся на утреннем ветру. Воины крепко сжимали копья, подозрительно поглядывая на жуткие и такие близкие джунгли.

Здесь царила тишина, зловещая, как над гнездом спящей змеи. Тем не менее Конан все не мог оторвать глаз от Бёлит, пробиравшейся среди развалин: сильная, гибкая, удивительно живая, она странно смотрелась среди окружающего запустения. Неприветливое солнце медленно разгоралось над вершинами джунглей. Башни заливало тусклое золото, но у подножия осыпавшихся стен залегли тени. Вот Бёлит указала рукой на небольшую круглую башню, готовую рухнуть с подточенного временем основания. К ней вела поросшая травой лестница из широких каменных плит, по сторонам валялись остатки разбитых колонн, а наверху лестницы виднелся массивный алтарь. Бёлит быстро прошагала по древней мостовой и остановилась у жертвенника.

— Здесь был храм древних богов,— сказала она.— Видишь по сторонам алтаря желобки для стекания крови? Дожди десяти тысяч лет так и не отмыли их от темных потеков... Стены

давно рассыпались в прах, а этому камню все нипочем — ни стихии, ни время!

— Кому же тут поклонялись? — поинтересовался Конан.

Она только развела руками.

— Этот город такой древний, что о нем молчат даже легенды... Почем знать, какие обряды здесь отправляли? Давай лучше присмотримся к вот этим отверстиям по сторонам алтарной плиты! Уж больно они смахивают на проушины для подъема, а я-то знаю, как часто жрецы прячут свои сокровища под жертвенниками!.. Ну-ка вы, четверо! Беритесь вот здесь и попробуйте приподнять!

И она отступила, косясь вверх, на башню, опасно нависшую над их головами. Трое самых крепких пиратов взялись за края отверстий, оказавшихся странно неподходящими для человеческих рук, и Конан уже наклонился помочь им, когда Бёлит вдруг вскрикнула и шарахнулась прочь. Чернокожие застыли на месте, киммериец же крутанулся, выругавшись от неожиданности.

Змея в траве, — пятясь, проговорила Бёлит. — Иди пристукни ее. А вы двигайте камень!

Конан направился к ней, его место занял один из пиратов. Пока он не без раздражения высматривал в траве ядовитую гадину, черные гиганты покрепче расставили ноги, разом ухнули и стали тянуть — так, что под лоснящейся кожей вздулись литые бугры. Они пытались приподнять плиту, но вместо того, чтобы оторваться от земли, она вдруг повернулась набок. И в то же мгновение сверху донесся тяжелый скрежещущий грохот, и круглая башня обрушилась вся разом, похоронив четверых пиратов под грудой битого камня.

Уцелевшие воины разразились воплями ужаса. Конан почувствовал, как впились ему в руку пальцы Бёлит.

— Не было никакой змеи, — шепнула она. — Я хотела просто отозвать тебя. Я подозревала, древние не отдадут свои сокровища так легко...

С немалыми усилиями они откатили все глыбы и высвободили четыре изувеченных тела. И там, под ними, пираты уви-

дели обагренную свежей кровью пещеру, вырубленную в толще скалы. Алтарная плита служила чем-то вроде двери, укрепленной с одного боку на каменных петлях. А там, под ней... Сперва им показалось, что подземную нишу заполнял жидкий огонь, полыхнувший на утреннем солнце мириадами сверкающих капель. Взорам остолбеневших пиратов предстало сокровище, воистину превосходившее всякое воображение. Бриллианты, рубины, сапфиры, бирюза, лунный камень, изумруды, аметисты, опалы... еще какие-то неведомые камни, сверкавшие, точно глаза злобных ведьм. Пространство под алтарем было по самые края полно самоцветов, и они радугами искрились на солнце.

Вскрикнув, Бёлит припала на колени прямо на каменный мусор, обагренный кровью ее людей, и по самые плечи погрузила белые руки в это драгоценное озеро. А потом извлекла их, вытанцив нечто, заставившее ее вскрикнуть опять. В пальцах Бёлит было зажато великолепное ожерелье из алых камней, выглядевших замерзшими сгустками крови, нанизанными на толстую золотую проволоку. В сиянии этих камней даже солнечный свет, казалось, приобрел мутно-багровый оттенок.

Глаза Бёлит подернулись пеленой,— таковы шемиты, склонные пьянеть от вида роскоши и земных богатств, а здесь богатства были такие, что зрелище их потрясло бы даже пресыщенного шушанского императора.

— Забирайте сокровище, псы мои! — вскричала она голосом, дрогнувшим от овладевшего ею чувства.

— Смотри! — Мускулистая рука черного воина указывала в сторону «Тигрицы».

Бёлит резко обернулась, яркие губы растянул яростный оскал — воображение успело нарисовать ей галеру пиратов-соперников рядом с ее собственным кораблем. Однако увиденное оказалось едва ли не хуже. С носа «Тигрицы» снялась темная крылатая тень и улетела в сторону джунглей.

— Обезьяний демон... обезьяний демон на галере...— встревоженно зароптали воины.

— И что с того? — Бёлит сопроводила свои слова отборным ругательством.— Сделайте носилки из копий и щитов, —

с прежней властностью распорядилась она.— Нужно погрузить сокровище... Э, Конан, а ты куда, демон тебя задери?

— Посмотрю, как там корабль, — отозвался киммериец.— Как бы эта мерзость дыру в днище не пробила или чего похуже не сделала!

Он проворно одолел покореженный временем мол и вспрыгнул на борт. Быстро осмотрел пространство под палубами — и от всей души выругался, проводив улетевшую тварь мстительным взглядом. Потом вернулся к Бёлит, которая уже вовсю руководила ограблением алтарного тайника. Ожерелье красовалось у нее на шее; камни темным блеском переливались на нежной коже. Громадный чернокожий стоял по пояс в самоцветах, щедрыми пригоршнями передавая наверх бесценные камни. В темных пальцах струились застывшие радуги, искрился звездный свет, мерцали и падали алые капли. Ни дать ни взять — черный гигант стоял в первородном чаду, вздымая из него небесные звезды.

— Летучая дрянь расколотила наши бочки с водой,— доложил Конан. — Совсем из ума выжили, ни одного караульщика не оставили! А из реки пить нельзя!.. Я бы взял двадцать человек и поискал в джунглях пресной воды.

Бёлит рассеянно кивнула. Странная власть камней все не отпускала ее, пальцы перебирали на груди алое ожерелье.

— Отлично, ступай, — проговорила она, точно во сне.— А я тут присмотрю.

Джунгли скоро сомкнулись со всех сторон, и солнечный свет из золотого стал серым. С древесных ветвей свисали лианы, похожие на удавов. Воины шли цепочкой один за другим, пробираясь в лесных сумерках — вереница черных теней под предводительством белого призрака.

Подлесок оказался не настолько густым, как того ожидал Конан. Земля под ногами была губчато-влажной, но все-таки не вполне заболоченной. Чем дальше уходили они от реки, тем выше забирались по склону. Все глубже и глубже в колышущуюся зеленую тьму — и нигде никакой воды, ни бегущего ру-

чейка, ни стоячей лужи. Когда Конан резко остановился, воины черными базальтовыми статуями замерли у него за спиной. Воцарилась напряженная тишина, и вот Конан досадливо тряхнул головой.

— Ступай вперед, — велел он старшине по имени Игора. Идите все прямо, пока не потеряете меня из виду, потом остановитесь и ждите. Я вас догоню. Сдается мне, за нами кто-то идет. Я вроде кое-что слышал.

Чернокожие начали опасливо переминаться, но все исполнили в точности. Когда они зашагали вперед, Конан быстро отступил за ствол громадного дерева, спрятался и стал смотреть на тропинку, по которой они пришли. Кто знает, что могло появиться из лиственной гущи?..

Время тянулось, но ничего не происходило. Шаги воинов мало-помалу стихли в отдалении, когда сознания Конана достиг странный, незнакомый аромат, разлившийся в воздухе. Потом что-то легонько коснулось виска. Киммериец быстро оглянулся. Он увидел пучок зеленых стеблей, покрытых замысловато вырезанными листьями, и с этих стеблей к нему тянулись крупные черные цветки. Один из них даже коснулся его. Цветки двигались и манили его к себе и сами выгибали в его сторону стебли. Они покачивались и шуршали, хотя в воздухе не чувствовалось ни малейшего ветерка.

Конан шарахнулся прочь, распознан черный лотос, чей сок несет смерть, а запах навевает глубокую дрему, полную небывалых видений. Уже сейчас Конан ощущал странную вялость. Он хотел выхватить меч, чтобы изрубить зловещие стебли, но рука безжизненно повисла. Он открыл рот, желая позвать воинов, но вместо призыва о помощи лишь невнятный хрип вырвался из его горла. А в следующий миг накатила волна дурноты, джунгли завертелись у него перед глазами, он рухнул на колени и безвольно растянулся на земле, даже не услышав страшных криков, раздавшихся неподалеку.

Над неподвижным телом кивали и шевелились в безветренном воздухе крупные черные цветки...

3

УЖАС ДЖУНГЛЕЙ

Мне лотос ночи навевал такое!..
Да будет проклят каждый день покоя,
Да будет проклят каждый час без боя
И крови, пролитой моей рукою!..

Песнь Бёлит

Была только тьма, кромешная и абсолютно пустая, пронизанная ледяными токами космического пространства. Потом в ней заклубились тени, чудовищные, неясные, ускользающие за край зрения, как если бы сама тьма вздумала принять вещественный облик. А ледяные течения столкнулись и образовали вихрь — опрокинутую пирамиду ревущего мрака. Из вихря родились пространство и форма; и вот наконец, совсем неожиданно, тьма разделилась надвое и расползлась вправо и влево, точно разошлись непроглядные облака, и взгляду предстал город из темно-зеленого камня, выстроенный на берегу широкой реки, стремившей свой бег среди бескрайних равнин. По улицам города сновали жители, похожие и непохожие на людей.

Они, если можно так выразиться, были отлиты почти в той же форме, что и люди, но явно не имели никакого отношения к человечеству. Во-первых, они были крылаты, а во-вторых —

громадины и с несколько иными пропорциями тела. И некоторым образом чувствовалось, что это была не отпочковавшаяся ветвь эволюции, увенчанной появлением человека, — нет, взгляду предстал зрелый и по-своему совершенный плод развития абсолютно чужой расы. Даже если не принимать во внимание крылья, эти создания напоминали людей примерно в той же мере, в какой сам человек — если взять самые физически великолепные образцы человечества — напоминает крупных приматов. Чувствовалось, что в своем духовном, эстетическом и интеллектуальном развитии горожане опять-таки превосходили людей не в меньшей степени, чем эти последние превосходили горилл. Да что говорить — во времена, когда они выстроили свой город, отдаленные предки человечества еще копошились в тине первобытных морей!

Существа были смертными — по свойству всех созданий из плоти и крови. Они жили, любили друг друга и умирали, хотя бы и прожив немыслимо долгую жизнь... Но вот пронеслись несчитанные миллионы лет — и началось изменение. Картина города затрепетала и заколебалась, словно нарисованная на занавесе, колеблемом ветром. Эпоха за эпохой накатывались на город, как морские волны на берег, и каждая приносила с собой перемены. Где-то на планете переползали с места на место магнитные полюса; меняя лик земли, наступали и отступали великие ледники.

Не оставалось неизменным и русло великой реки. Вот равнины уступили место болотам, в которых кишели рептилии. Там, где прежде простирались тучные пастбища, вырос лес, а потом и темные джунгли. Для жителей города череда столетий также не прошла без следа. Нет, они не стали перебираться на новое место. Почему? На то были причины, непостижимые для человеческого рассудка. Крылатые остались в древнем городе и тем подписали себе приговор. Некогда богатую и могущественную страну все прочнее захлестывал океан заболоченных джунглей, и вместе с ней уходил в никуда развитой и славный народ. Землю под ногами горожан сотрясали чудовищные конвульсии землетрясений, ночами над горизонтом вставало багровое зарево близких вулканов.

И вот, после очередного катаклизма, когда рухнули защитные стены города и высочайшие башни, а река много дней текла черной грязью, вырвавшейся из смертоносных подземных пещер,— местная вода, которую крылатые пили много миллионов лет, претерпела ужасные метаморфозы.

Многие горожане умерли сразу, а те, кто выжил, начали меняться, исподволь и поначалу совсем незаметно, вот только результат оказался чудовищен. Пытаясь приспособиться к изменившимся условиям жизни, крылатые предтечи людей стали безвозвратно терять свои былые достоинства. Все более и более звероподобные поколения появлялись на свет, и в итоге крылатые божества древности превратились в летучих демонов. То немногое, что сохранилось у них от необозримого духовного наследия предков, оказалось жутко извращено и вместо добра обратилось во зло. Если когда-то достижения этих существ далеко превосходили самые светлые человеческие мечты, то теперь крылатые пали ниже, чем способен нарисовать самому низменному человеку самый гнусный кошмар. Они предавались каннибализму, их общество раздирала вражда, выливавшаяся в череду беспощадных стычек на залитых лунным светом болотах... Их становилось все меньше, пока наконец не остался всего один. Самый последний житель погибшего города, уродливое и страшное отражение былого величия и красоты в кривом зеркале веков...

И тогда-то на сцене в самый первый раз появились люди. Смуглые, с ястребиными ликами, в доспехах из кожи и меди, вооруженные луками, — это были воины доисторической Стигии. Всего пятьдесят человек, изможденных голодом и длительным переходом по враждебному лесу, в повязках с засохшей кровью, свидетельствовавших о недавних и жестоких боях... Они принесли в своей памяти картины войны, поражения и бегства от более сильного племени, которое безостановочно гнало их все дальше на юг, пока они не затерялись в беспредельности джунглей.

Войдя в город, стигийцы без сил повалились среди развалин, прямо в красные цветы, что распускаются один раз за

столетие, при полной луне. Здесь воинов сморил крепкий сон, и, пока они спали, из мрака выползла ужасная красноглазая тень и совершила над каждым чудовищный и непонятный обряд. Его видела только луна, глядевшая с темных небес. Джунгли стояли в тускло-багровом сиянии, и кроваво-красные цветы покачивались над спящими... А потом луна закатилась, и тьма стала сплошной, лишь глаза крылатого демона светились двумя угольками.

Когда же развалины башен подернул белой дымкой рассвет, воинов, спавших на городских камнях, более не было. Посреди площади сидела на корточках волосатая красноглазая жуть, окруженная полусотней громаднейших пятнистых гиен. Вот они подняли влажные морды к мертвенным небесам — и завыли, точно грешные души, угодившие в огонь...

После этого видения замелькали с такой быстротой, что их едва удавалось осмыслить по отдельности. Что-то стремительно двигалось, корчилось, выплавлялось из тени и света — в черноте джунглей, на фоне зеленоватых руин и непроглядной реки. Черные люди подплывали к причалам на длинных лодках с форштевнями, увенчанными оскаленными черепами, и с копьями в руках выходили на берег. После чего с воплями удирали во тьму, пытаясь спастись от обладателя красных пылающих глаз и слюнявой оцепенелой пасти. Крики умирающих разрывали лесные потемки, чуть шелестели шаги подкравшегося упыря, вспыхивали и исчезали багровые огоньки глаз... По серебру лунного диска проносилась гигантская летучая тень, и на затерянной в джунглях поляне начинался ужасающий пир...

И вдруг мелькание остановилось, сменившись ясной и четкой картиной, затмившей все прочее. Из-за лесистого мыса, озаренного утренним солнцем, показалась длинная галера, полная чернокожих воителей, а на носу корабля стоял белый гигант в доспехах из сверкающей стали...

Конан понял, что видит сон; прежде этого мгновения он не осознавал ни себя самого, ни происходившего. Но, увидев знакомую палубу «Тигрицы» и собственный силуэт, он сразу все вспомнил... Впрочем, не просыпаясь.

Пока он силился сообразить, что к чему, картина снова сменилась. Он увидел заросшую лощину, где с девятнадцатью копьеносцами стоял Нгора, словно поджидая кого-то. И едва Конан успел догадаться, что ждали они не кого-нибудь, а его самого, тишина стоического ожидания была нарушена криками ужаса. Прямо с небес на воинов обрушился летучий кошмар! Сойдя с ума от страха, чернокожие храбрецы побросали оружие и в панике разбежались по джунглям. Кожистые крылья зловеще хлопали над их головами.

Ничего внятного больше нельзя было разглядеть, и Конан напряг остатки сил, пытаясь проснуться. Он даже смутно различил себя самого, неподвижно лежавшего в зарослях кивающих черных цветов, — а из кустов к нему уже подкрадывалась уродливая когтистая тень. И рассудок варвара, опутанный незримыми паутинами сна, взорвался яростным победоносным усилием — Конан открыл глаза и вскинулся, готовясь защищать свою жизнь.

Реальность оказалась куда менее вразумительной, чем только что пронесшиеся сновидения. Сначала Конан увидел над собой склонившийся черный лотос — и со всей поспешностью откатился подальше.

В рыхлой влажной земле прямо перед своим лицом он увидел след, как если бы зверь высунул из кустов лапу, готовясь сделать шаг на поляну, но передумал. След напоминал отпечаток лапы невиданно огромной гиены.

Конан закричал во все горло, зовя Нгору. Никто не отозвался ему. Над лесом висела глухая тишина, в которой собственные крики показались ему беспомощно жалкими. Оттуда, где он сидел, никак не удавалось разглядеть солнце, но Конан не зря вырос вдали от цивилизации: инстинктивное чувство времени сказало ему, что день близился к вечеру. Киммериец пришел в ужас, поняв, что провалялся без сознания несколько часов. Быстро поднявшись, он поспешил по следам своих людей. Ровная цепочка отпечатков скоро вывела его на поляну. И здесь Конан остановился как вкопанный, а между лопатками побе-

жали мурашки,— он сразу узнал поляну из своего сна, напоенного лотосовым дурманом. И, как в том сне, повсюду кругом валялись копья и щиты, брошенные в нерассуждающем бегстве.

Это подтвердили и следы, тянувшиеся с поляны в темную чащу. Отпечатки перекрывали друг друга, пересекались и беспорядочно петляли между деревьями, чтобы наконец вывести киммерийца на другую прогалину, где громоздилась скала, обрывавшаяся сорокафутовым отвесным обрывом.

И там, на краю обрыва, сидело нечто живое...

Сначала Конан решил, что увидел здоровенную черную гориллу. Но нет, существо больше напоминало чернокожего человека, ссутулившегося по-обезьяньи. Длинные руки безвольно свисали, с распущенных губ клочьями падала пена. И только когда «горилла» с каким-то отчаянным всхлипом вскинула руки и бросилась ему навстречу, киммериец с изумлением и ужасом признал Игору.

Конан сразу понял, что несчастный сошел с ума. Игора не обратил никакого внимания на его предостерегающий крик. Он мчался на Конана, жутко выкатив глаза, состоявшие из сплошных белков, и не по-людски ощерив зубы.

Безумец всегда внушает ужас человеку, пребывающему в здравом рассудке, а этот был еще и опасен. Стиснув зубы, Конан выхватил меч, и Игора грудью налетел на клинок. Конан увернулся от грабастающих черных рук и, обойдя поникшее тело, подобрался к кромке откоса.

Там, внизу, на острых камнях, лежали исковерканные тела воинов Игоры. Неестественные позы, перебитые кости, вывернутые суставы. И никакого движения, если не считать тучи жирных мух, уже клубившихся над окровавленными камнями, и хищных муравьев, добравшихся до мертвечины. На деревьях понемногу рассаживались стервятники, да еще шакал, высунувшийся на открытое место и внезапно увидевший над собой человека, поспешил схорониться в траве...

Некоторое время Конан стоял неподвижно. Потом круто развернулся и побежал обратно тем же путем, каким явился

сюда, с бесшабашной отвагой продираясь сквозь высокую траву и кусты, перескакивая через побеги лиан, змеившихся поперек тропки. Он нес обнаженный меч у бедра, и загорелое лицо покрывала небывалая бледность.

Между тем царившая в джунглях тишина становилась все более густой и зловещей. Солнце успело сесть, и лес заполонили громадные тени, выползшие из непроглядных болот. Казалось, они дышали смертью и тленом. Конан с его стальной кольчугой и алым плащом выглядел последней искоркой настоящей живой жизни. И кругом по-прежнему не было слышно ни единого звука, кроме его собственного тяжелого дыхания...

Еще несколько шагов, и он вырвался из лесных потемок в сумерки речного прибрежья. Вот галера, приткнувшаяся к развалинам причала, вот знакомые руины, пьяно накренившиеся над мостовыми. А еще там и сям среди камней проглядывали солохи красного, словно чья-то небрежная рука расплескала полные пригоршни крови.

В который уже раз глазам Конана предстала картина смерти и разрушения. Копьеносцы лежали мертвыми на земле и впервые не вскочили приветствовать своего предводителя. Цепочка бездыханных тел протянулась от края джунглей до самого берега. Изуродованные, разорванные, наполовину сожранные куски мяса, совсем недавно бывшие живыми людьми. И повсюду кровавые отпечатки звериных лап, как если бы здесь знатно повеселилась стая гигантских гиен.

Конан молча приблизился к самому берегу и вышел на причал. Там, над палубой «Тигрицы», болталось в воздухе нечто, отливавшее нежной белизной слоновой кости... Стоя у края воды, киммериец безмолвно взирал на королеву Черного побережья, повешенную на рее ее собственного корабля. Удавкой же неведомому палачу послужило то самое ожерелье из кроваво-красных камней, даже и теперь блиставших сквозь сумерки зловещим драгоценным огнем.

4

НАПАДЕНИЕ С НЕБА

Когда оскалу тьмы отпор давал он,
Когда вокруг лилась ручьями кровь,
Я встала рядом с ним, как обещала,
И войско ада мне не помешало
Последний раз явить мою любовь!

Песнь Бёлит

Джунгли были черным чудовищем, зажавшим разрушенный город в необоримых объятиях. Луна еще не взошла; звезды каплями расплавленного янтаря горели на куполе мрака, с которого готовилась упасть смерть. На вершине пирамиды среди поваленных башен, подперев подбородок тяжелыми кулаками, сидел Конан-киммериец, неподвижный, как чугунная статуя. Внизу, в непроглядной тени, слышался шорох крадущихся лап, вспыхивали и гасли налитые кровью глаза. Чернокожие воины так и лежали там, где застала их смерть. Лишь королева Черного побережья покоилась на палубе верной «Тигрицы», возложенная на погребальный костер из обломков скамей, черенков копий и леопардовых шкур, закутанная в алый плащ киммерийца. Погребение обещало стать воистину королевским: вокруг Бёлит лежала вся ее добыча — шелк и пар-

ча, золотое и серебряное шитье, бочонки самоцветов и золотых монет, серебряные слитки и дорогое оружие.

Среди всего этого великолепия недоставало лишь драгоценностей из подалтарного тайника. Их судьбу теперь знали только темные воды Зархебы, куда Конан, матерясь, пошвырял все до последнего камешка. Пошвырял — и мрачно засел на верхушке пирамиды, дожидаясь незримых врагов. В его душе более не было места страху, всю боязнь без остатка выжгла черная ярость, клокотавшая внутри. Пусть из мрака является что угодно — Конану было все равно. «Только высуньтесь!»

Теперь он понимал, что черные лотосы показали ему сущую правду. Стало быть, пока Нгора с товарищами дожидался его на поляне, их насмерть перепугало нечто, спустившееся с небес; несчастные кинулись бежать, не разбирая дороги, и упали с обрыва на камни. Все, кроме старшины, который каким-то образом избег общей судьбы, но поплатился рассудком. И случилось это примерно в то самое время, когда погибали оставшиеся на берегу. Насколько мог судить Конан, у реки происходило не сражение, а резня. Мужество чернокожих было подорвано суеверными страхами; когда страхи вдруг ожили и накинулись на беглецов, они, скорее всего, безропотно приняли смерть, даже не пробуя защититься.

Почему же самого Конана до сих пор обходила ужасная смерть? Он не мог придумать причины, разве только нечистая сила решила как можно дольше наслаждаться его скорбью и страхом... А что, это предположение выглядело достаточно здравым, ибо за всем происходившим определенно чувствовался чей-то злой разум — какая разница, человеческий или чужой. Кто-то ведь додумался разбить бочонки с водой, чтобы пираты были вынуждены разделиться. Кто-то целенаправленно загнал беглецов на опасный обрыв. И — вот уж венец всему! — кто-то затянул на белой шее Бёлит кроваво-красное ожерелье, превратив украшение в орудие казни. Так вот, носитель этого разума явно приберегал Конана, видя в нем самую желанную и достойную жертву. Кажется, его собирались раздавить изощренной душевной пыткой, после чего отправить

следом за остальными. Ну-ну, пускай попытаются. На лице Конана не читалось никаких чувств, лишь в синих глазах стыл поистине железный смех...

И вот луна, поднявшаяся над лесом, заиграла на рогатом шлеме киммерийца. В эту ночь ни единое живое существо не приветствовало появление ночного светила криком, который эхом подхватили бы остальные. Наоборот, тишина сделалась напряженной и страшной, джунгли как будто затаили дыхание. Конан инстинктивно нащупал рукоять громадного меча, до поры дремавшего в ножнах. У пирамиды, на которую он взобрался, было четыре грани, и та грань, что смотрела в сторону джунглей, состояла из широких ступеней. Конан загодя запасся тугим шемитским луком из тех, к которым приучила свою команду Бёлит, и целой охапкой стрел. Они лежали перед ним наготове — перьями к стрелку, наконечниками к лесу. Когда в кромешной тени наметилось какое-то движение, Конану осталось только тихо припасть на одно колено и взяться за тетиву.

Вот лунный свет на мгновение очертил голову и плечи какого-то существа, и к подножию пирамиды, стелясь по земле, устремилось два десятка чудовищных пятнистых гиен. Слюнявые клыки вспыхивали на свету, а глаза горели таким огнем, какого не бывает у настоящих зверей.

Конан отметил про себя их количество и подумал, что копья пиратов, похоже, успели-таки поработать; значит, чернокожие все же не сдались без боя... Еще не завершив эту мысль, киммериец оттянул тетиву к правому уху — пропела стрела, и огнеглазая тень взвилась в судорожном прыжке, после чего забилась на камнях мостовой. Остальные бежали вперед, а сверху на них дождем сыпались стрелы, посылаемые верной рукой, острым глазом и ненавистью, что была горячее адских камней.

И эта ярость не лишала Конана меткости, скорее наоборот: он не промахнулся ни одного раза. Каждый пернатый снаряд оказывался смертоносен. Стая понесла пугающий урон, даже не успев достичь подножия пирамиды. Уцелевшие гиены полезли вверх, одна за другой валясь на каменные ступени. Гля-

дя со своего места в их пламенеющие глаза, Конан отчетливо понимал, что к его горлу рвались вовсе не звери. И дело было даже не в их неестественной величине. Хищные твари испускали отчетливо ощутимую ауру, словно черный туман над болотом, где лежат непогребенные мертвецы. Что за страшное колдовство наделило их жизнью? Конан не знал и знать не хотел, он лишь чувствовал перед собой нечисть едва ли не худшую, чем Колодец Скелоса.

И еще он знал, что эту нечисть возможно было поразить оружием смертных, и ему этого было довольно.

Стоя во весь рост, он бил и бил в наседающих тварей. Последняя стрела сверкнула в лунном луче и уже в упор встретила пятнистого оборотня, взвившегося в прыжке. Мохнатое тело перевернулось в воздухе и покатилось вниз, простреленное навылет...

В следующий миг Конана захлестнула лавина пылающих глаз и оскаленных пастей. Самую первую тварь рассадил пополам свистнувший меч, но гиен было слишком много, и они сшибли Конана с ног. Удар рукояти разнес плоский череп еще одного хищника, так что кровь и мозги хлынули на руку киммерийцу. Он бросил меч, все равно бесполезный в таком ближнем бою, и молча схватил за глотки сразу двух гиен, пытавшихся терзать его закованное в латы тело. Пот заливал киммерийцу глаза, от гиен, помимо прочего, еще и жутко воняло... Если бы не кольчуга, Конана мигом растерзали бы в клочья. Одной гиене он пальцами вырвал гортань, другой сломал переднюю лапу. Покалеченный оборотень издал короткий, почти человеческий вскрик. Вырвавшись из звериного горла, он прозвучал до того жутко, что рука Конана невольно разжалась — а зря.

Какая-то из гиен, сама истекая кровью из порванной артерии, в последней ярости умудрилась хватануть его за шею — и упала мертвой. А та, что осталась без лапы, изо всех сил вгрызалась в его живот, и звенья кольчуги готовы были поддаться. Конан отшвырнул издохшую тварь, сгреб хромую — и вскинул ее над собой в воздух. Он даже застонал от натуги, гиена извивалась в его хватке, царапала когтями и силилась укусить, смрадно дыша ему прямо в лицо... Конан метнул ее прочь, и

она с отвратительным хрустом обрушилась на мраморные ступени далеко внизу.

Широко расставив ноги, Конан силился отдышаться, луна и джунгли плавали в кровавой дымке у него перед глазами... И тут его слуха достиг шорох кожистых крыльев. Конан нагнулся за мечом и выпрямился, шатаясь, занося над головой громадный клинок и пытаясь проморгаться от заливающей глаза крови.

Он ждал нападения сверху, но вместо этого пирамида у него под ногами вдруг зашаталась. Что-то тяжело загромыхало, послышался глухой треск — и он увидел, как раскачивается венчавшая пирамиду колонна. Конан прыжком отлетел далеко прочь, одолев сразу половину мраморной лестницы. Ступени ходуном ходили у него под ногами. Еще прыжок, и он оказался на ровной земле. В то же самое мгновение пирамида рассыпалась с грохотом горного обвала, а колонна скатилась вниз, подпрыгивая и разваливаясь на куски. С неба дождем посыпались мраморные обломки... Когда все успокоилось, на месте пирамиды блестела под луной лишь груда битого камня.

Конан зашевелился на земле, отряхиваясь от мраморной крошки. Обломок, угодивший ему в голову, сбил шлем и на мгновение оглушил киммерийца. Его ноги оказались придавлены крупным куском колонны, и не было никакой уверенности, что кости в них уцелели. Черные волосы Конана слиплись от пота, из ран на руках и на шее текла кровь... Кое-как он приподнялся на локте и начал откапываться. И в это время звезды заслонила крылатая тень. Что-то мягко шлепнулось на лужайку, Конан извернулся и увидел летучего врага.

Кровожадный демон уже подбегал к нему, причем с пугающей быстротой. Конану недосуг было его особо рассматривать, он лишь мельком отметил громадный, почти человеческий торс на коротких кривых ногах, длинные волосатые лапы с черными изогнутыми когтями и широкую жуткую морду, где единственной внятной чертой были опять-таки красные светящиеся глаза... Вот так: не человек, не зверь и не демон!

Впрочем, Конану некогда было сопоставлять и раздумывать. Он рванулся к своему мечу, но ищущие пальцы промахнулись на несколько дюймов: меч был близок, но недостижим. Тогда он попытался сбросить камень, прижимавший его ноги к земле. От усилия на висках вздулись жилы, но глыба поддавалась слишком медленно... Киммериец понял, что высвободиться не успеет. Еще несколько мгновений, и монстр насядет на него, и он отчетливо понимал — угодить в эти черные когти значило умереть.

А чудовище приближалось. И вот, когда оно уже нависло над Конаном, точно глыба тьмы, — между ним и его жертвой замерцало нечто белое. Женское тело, сильное и прекрасное, дышащее тигриной яростью и силой любви. Бёлит встала между киммерийцем и надвигающейся смертью, гибкая и совершенно живая, Конан успел рассмотреть ее сверкающие глаза, поймать блеск роскошных волос... Ее грудь бурно вздымалась, алые губы раздвинулись в боевом крике, и он прозвучал одновременно со звоном стального клинка, которым она пронзила чудовище.

— Бёлит, — выдохнул Конан.

Она обернулась к нему... Короткий взгляд был полон любви, безоглядной и неудержимой, как огненная лава... А в следующий миг Бёлит исчезла, и осталось только летучее чудище — Конан увидел, что оно шарахнулось прочь, словно от неожиданности и испуга, и вскинуло лапы, как бы пытаясь прикрыться от удара... Нет, Бёлит, без сомнения, лежала на своем погребальном ложе на палубе «Тигрицы», но у киммерийца в ушах почему-то отдалось ее страстное обещание: «И если случится так, что я паду мертвой, а ты будешь еще сражаться за жизнь, — я восстану из бездны, чтобы явиться тебе на подмогу...»

Конан закричал и рванулся с такой неистовой силой, что тяжелый камень перышком отлетел прочь. Летучий демон вновь бросился к своей жертве, но Конан встретил его уже на ногах — и во всеоружии бешеной ярости, напрочь сжегшей усталость. Мышцы тугими канатами вздулись у него на руках, когда

он крутанулся навстречу нечисти и с размаху рубанул ее поперек тела. Разящий удар пришелся как раз над бедренными костями, и такова оказалась его сила, что кривые ноги повалились в одну сторону, а торс с волосатыми крыльями и когтистыми лапами — в другую.

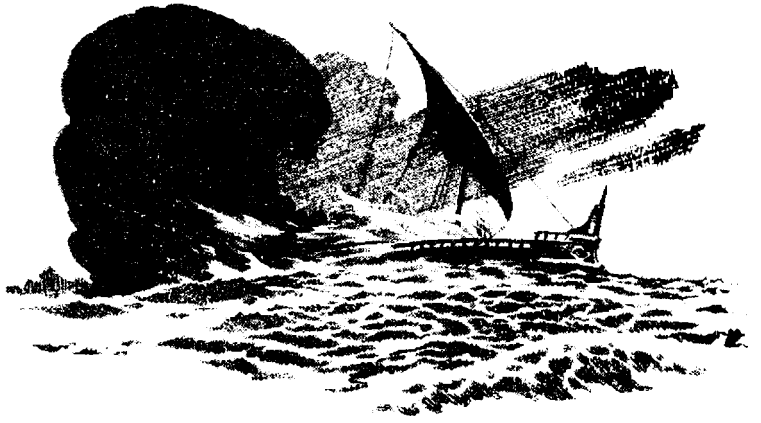
В наступившей тишине Конан молча стоял под луной, разглядывая останки поверженного врага... Какое-то время в красных глазах еще светилась жизнь и неутолимая злоба, потом они погасли и остановились. Черные лапищи перестали судорожно скрести землю. Древнейшая раса, заселившая эту землю намного раньше людей, прекратила свое существование.

Киммериец огляделся, продолжая инстинктивно высматривать оборотней, прислужников летучего властелина. Нет, никто более не пытался подкрасться к нему из темноты. Более того, он увидел, что смерть вернула псевдогиенам их былой человеческий облик. У мертвецов, павших от его стрел и меча, были ястребиные лики и смуглая кожа. И все они рассыпались в пыль, пока он смотрел.

Почему их крылатый предводитель не вмешался и не помог, когда они дрались с Конаном на ступенях? Уж не боялся ли он, что они обратятся против него и, чего доброго, разорвут? Злобный разум тысячелетнего монстра был осмотрителен и осторожен. И все же в конце концов это ему не помогло.

Повернувшись, киммериец зашагал по обрушенному причалу и перебрался на борт галеры. Несколько взмахов меча — и шварговы упали в ядовитую воду, течение начало относить «Тигрицу» прочь, назад в море, а Конан встал у руля. Корабль медленно поворачивался, выбираясь на середину реки... Там его подхватила стремнина, и Конан налег на правило.

Алый плащ скрывал контуры неподвижной фигуры, царственно возлежавшей на высокой поленнице, среди богатств, способных украсить любую из сокровищниц этого мира...



5

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОСТЕР

Осиротели южные просторы.
Умолкли весла и ветрил серпы,
И грозный спущен флаг... Прими же, море,
И упокой в лазурной колыбели
Ту, что ты мне когда-то подарило...

Песнь Бёлит

...И вот океанскую ширь позолотил новый рассвет, и, словно отвечая восходу солнца, в устье реки разгорелось алое пламя. Опираясь на громадный меч, Конан-киммериец стоял на белом песке пляжа, провожая глазами «Тигрицу», уходившую в свое последнее плавание. Взгляд Конана был мрачен и пуст. Синяя ширь океана утратила для него весь восторг, всю славу, всю душу. А туда, где зеленые дали окутывала таинственная лиловая дымка, ему попросту не хотелось смотреть.

Бёлит, влекущая и великолепная, всецело принадлежала морю, и туда, в объятия вечно переменчивой тайны, Конан теперь ее возвращал, отдавая возлюбленной последний долг. А без нее океан простирался пустыней от одного полюса до другого, а в пустыне ему больше нечего делать, некого искать. И потому-то сверкающий под солнцем синий простор казался ему едва ли не враждебней шепчущей за спиной чащи, сквозь

которую — а куда денешься — ему предстояло прокладывать себе путь...

Никто более не стоял у руля на «Тигрице», никто не трудился на веслах, разгоняя ее по прозрачным утренним волнам. Звенящий ветер наполнял шелковый парус, и галера мчалась прочь от земли, как дикая птица — к родному гнезду. И чем дальше она уходила, тем выше вздымалось на ее палубе погребальное пламя, огненным саваном кутая Бёлит, спавшую под алым плащом на своем драгоценном костре...

Так завершила свои земные дни королева Черного побережья. Опираясь на меч, так и не отмытый от крови, Конан стоял и смотрел ей вослед, пока огненное зарево не затерялось у далекого горизонта, среди алых и золотых бликов рассвета...

Черный колосс

1

Вот ночь Владыки, когда судьба плывет по коридорам света, как колосс, нежданно вставший из вечного гранитного сна.

Э. Хоффман Прайс. Девушка из Самарканда

Над таинственными руинами Кутхемеса царила тишина, ее ничто не нарушало вот уже многие века, но сейчас от нее веяло страхом. Этот страх владел душой пришельца, заставлял его обливаться ледяным потом, неровно, с присвистом дышать через сжатые зубы. Одинокой, крошечной искоркой жизни затерялся он посреди циклопических монументов, во времена незапамятные заброшенных своими создателями и неуклонно разрушающихся с тех пор. Вокруг ни души, даже в необозримой небесной сини не парил, высматривая на земле добычу, коршун.

Был полдень, и солнце жгло немилосердно. Вокруг пришельца со всех сторон высились мрачные останки иной, давно ушедшей эпохи: грандиозные колонны упирались в небеса зазубренными вершинами; вповалку лежали исполинские каменные блоки неимоверной величины; полуразрушенные стены хранили следы жутких рельефных изображений, стертых ветром и песком. Никаких признаков жизни от горизонта

© Перевод Г. Корчагина.

и до горизонта, лишь пустыня без края и конца, чей вид наводил смертельное уныние,— пустыня, перерезанная руслом высохшей одни боги знают когда реки. А в самом сердце этого безрадостного ландшафта — блестящие клыки развалин, колонны, точно сломанные мачты севших на мель судов, и господствующий надо всем железный купол.

Перед этим-то куполом и застыл парализованный страхом Шиватас. Купол опирался на громадный мраморный подиум, венчая собой холм на берегу реки, вернее, то, что раньше было холмом. К высеченной бронзовой двери в куполе, похожем на половину яйца, подводили широкие ступени. Чистое железо, из которого сделан купол, так сияло, как будто руки некоего великана ежедневно надраивали его. Ничуть не тусклей блестели золотой шпиль на макушке купола и надпись из золотых иероглифов, каждый в несколько ярдов высотой. Надпись опоясывала весь купол. Ни один человек в мире еще не сумел прочесть эти письмена, но в мозгу у Шиватаса при виде них возникли смутные догадки, и от этих догадок мороз пошел по коже. Шиватас был потомком древней расы, чья мифология уходила в глубь тысячелетий, к тем эпохам, когда на Земле царили совсем другие силы, нежели сейчас, и почитались совсем другие символы.

Шиватас был гибкий, как обезьяна, жилистый и выносливый. Впрочем, чтобы долгое время слыть лучшим заморийским вором, человеку необходимы соответствующие физические данные. Голова его была маленькой, выбритой до синевы. Из одежды он довольствовался одной набедренной повязкой из алого шелка. Как и все его соплеменники, он обладал очень темной кожей, а на узком лице с ястребиным профилем выделялись глаза — черные, близко посаженные, смышленые. Длинные тонкие пальцы нервно трепетали, точно крылышки мотылька. На поясе с золотой отделкой висел не то длинный кинжал, не то короткий меч с самоцветами на рукояти, в узорчатых сафьяновых ножнах. С этим мечом Шиватас обращался крайне осторожно, даже старался, чтобы ножны не касались

его обнаженного бедра. И для такой осторожности у него имелись вполне серьезные причины.

В своем ремесле Шиватас достиг вершины — его называли королем воров, его имя благоговейно произносили преступники в злачных местечках Эрука и в сумрачных криптах под храмами Бэла, а песням и легендам о нем суждено было остаться в веках. Но в этот миг, стоя перед железным куполом Кутхемеса, он от страха казался себе ничтожным червем. Не надо быть знатоком магических культов, чтобы сразу понять: в строении есть нечто сверхъестественное. Три тысячи лет истязали его солнце, дожди и ветра, а он сияет так же ярко, как в те дни, когда его воздвигли безымянные зодчие на берегу безымянной реки. Как будто некие потусторонние существа поселились здесь и охраняли свое жилище от воздействия непогоды.

Руины лежали посреди таинственной, неизученной пустыни юго-восточнее Шема. Шиватас помнил, что позади, на юго-западе, в нескольких днях езды на верблюде, остался великий Стикс — как раз в том месте он сворачивает под прямым углом и несет свои мутные воды к западу, к далекому океану. Там, за изгибом реки, начинается Стигия, смуглогрудая владычица Юга. Это богатое королевство лежало на южном берегу Стикса, или, как его еще называли, Нилуса, а за его пределами раскинулись почти безжизненные пустыни.

Знал также Шиватас, что дальше к востоку пустыня постепенно сменяется степями гирканского королевства Турана, блистающего варварской роскошью на берегах обширного внутреннего моря. Если неделю ехать верхом на север, кончится пустыня и пойдут плодородные горные долины Кофа, самого южного из обжитых хайборийцами королевств. Западнее пустыня примыкает к шемским лугам, а они тянутся до самого океанского берега.

Все это король воров знал, не отдавая себе в том отчета, как горожанин знает улицы и переулки своего города. На своем веку Шиватас пространствовал немало, охотясь за сокровищами разных королевств. Но теперь он замер в двух шагах от са-

мого поразительного из приключений и самого богатого из сокровищ в его жизни.

В куполе из железа хранился прах Тугрохотана, темного некроманта, который три тысячелетия назад правил Кутхемесом. В ту пору Стигия и Ахерон лежали не только южнее, но и севернее великой реки, в их пределы входили шемские луга и горы. Позднее хайборийской расе стало тесно в своей колыбели у полярного круга, и северяне принялись заселять южные земли. Переселение не имело себе равных в истории, и длилось оно даже не века, а тысячелетия. Однако в эпоху правления последнего из кутхемесских чародеев, Тугрохотана, на его плодородные земли явились рыжеволосые дикари в одежде из волчьих шкур и бронзовых кольчугах и своими мечами отсекли кусок территории, которой дали название Коф. Ураганом пронеслись варвары по Кутхемесу, все сметая на своем пути, и оставили после себя залитые кровью мраморные башни. Королевство Ахерон погибло в огне и впредь не возродилось.

Пока на улицах древней столицы свирепствовали захватчики, а ее защитники, как зрелые колосья под серпом, падали под ударами мечей, Тугрохотан принял какой-то таинственный яд, и жрецы в бронзовых масках заперли его в усыпальнице, им же самим и построенной для этой цели. Вскоре вокруг усыпальницы разыгралась сцена кровавого побоища, и все верные помощники некроманта сложили головы. Но пришельцам не удалось выломать дверь склепа; устояла постройка и перед огнем и мечом. В конце концов они вернулись восвояси, оставив великий город лежать в развалинах.

Время безжалостно подточило колонны, превратило стены в груды щебня; не сохранилась даже река, благодаря которой в давние времена здешние земли были плодородны.

Если верить легендам, железный купол хранил не только мощи волшебника — он был под завязку набит сокровищами. Выкрасть их пытались многие храбрецы, но одни нашли свою смерть у входа в усыпальницу, а другие теряли разум, обуреваемые демоническими галлюцинациями, и обращались в бегство, и вскоре тоже умирали, и перед кончиной не человече-

ские слова срывались с их уст, а безумный хохот и завывания. Вот потому-то и дрожал Шиватас как осиновый лист, стоя перед мавзолеем. И не становился слабее его страх, когда вор думал о змее — она, если верить легенде, стережет останки колдуна. Но это — если верить легенде. Дело в том, что история Туграхотана очень смахивала на миф, вдобавок окутанный покровом смертельного ужаса.

Оттуда, где стоял король воров, виднелись останки грандиозного павильона. Когда-то здесь пышно отмечались праздники, и сотни опутанных цепями пленников ждали, когда явится король-жрец и отрубит им головы в честь зловещего стигийского бога-змея Сета. А где-то поблизости, по слухам, находился глубокий зиндан, куда сбрасывали кричащих от ужаса жертв, и в темноте их приканчивал монстр, вползавший туда из другой пещеры, еще более глубокой и жуткой.

Да, если верить легендам, не простым человеком был Туграхотан — даже, пожалуй, и не человеком вовсе, а порождением самой Тьмы. Ему поклонялись при жизни и после смерти, но впоследствии вера эта выродилась в извращенный, противоестественный, омерзительный культ зуитов. Потомки адептов Туграхотана по-прежнему чеканили его лик на монетах, которые усопшим клали под язык, чтобы они могли заплатить за переправу через реку скорби. Считалось, Стикс — всего лишь земная тень этой великой реки. Шиватас видел профиль чародея на монетах, похищенных у мертвецов, и лицо владыки запечатлелось в его памяти навсегда, как ни старался он забыть его.

Но как ни силен был страх, Шиватас не собирался уходить с пустыми руками. Он набрался храбрости и поднялся по ступенькам к бронзовой двери с полированной поверхностью, на которой не оказалось ни ручки, ни щеколды. Однако не зря Шиватас много лет постигал мрачные оккультные тайны, не зря приходил к полуночи в лес, чтобы там прислушиваться к хриплому шепоту жрецов Скелоса; и не зря он корпел над переплетенными в железо книгами.

Он опустился на колени перед дверью и ощупал порог ловкими пальцами. Их сверхчуткие подушечки обнаружили выступы, такие маленькие, что доселе не выдавали себя ни чужим взглядам, ни даже менее чувствительным пальцам. Он осторожно нажимал на них, следуя определенной последовательности и бормоча полузабытое заклинание. И вот нажат последний выступ. Вор вскочил как ужаленный и сильно ударил ладонью в самую середину двери.

Медленно и плавно, без щелчка засова и скрипа петель, дверь отошла назад, и Шиватас снова выпустил воздух через стиснутые зубы. За дверью оказался короткий узкий коридор. Скользнув по нему, дверь теперь закрывала его противоположный конец. В туннеле, открывшемся глазам охотника за сокровищами, пол, потолок и стены были из железа.

Теперь-то стало ясно, что зловещие легенды имели под собой почву. Из бокового ответвления в туннель вползал безмолвный извивающийся монстр — само воплощение ужаса. Он медленно поднял треугольную голову и посмотрел на незваного гостя злыми светящимися глазами. В длину змей был футов двадцати, не меньше, его чешуя блестела и играла всеми красками радуги. Где родилась эта тварь, в каких сырых и мрачных глубинах, вор не гадал — не до того сейчас. Надо спасать свою шкуру. С предельной осторожностью он обнажил меч. С клинка сорвалось несколько зеленоватых капель, таких же, как и те, что сбегали с кривых, как ятаган, зубов змея. Шиватас за этим ядом наведался в гибельные зингарские болота и рисковал там жизнью на каждом шагу. И сейчас настало время проверить, не напрасен ли был тот риск.

На полусогнутых ногах охотник за сокровищами медленно двинулся вперед, готовый в любое мгновение прянуть в сторону, как огонек свечи под дуновением сквозняка. Осторожность себя оправдала — змей распрямил свое тело, как огромную пружину, треугольная голова с быстротой и неотвратимостью молнии устремилась вперед. И хотя Шиватас обладал поистине нечеловеческой ловкостью, в тот миг он оказался на волосок от гибели. А уж затея отскочить в сторону и рубануть мечом

по вытянутой змеиной шее оказалась сущей глупостью — он не учел сверхъестественного проворства змеи. Вор только успел выставить перед собой клинок, вскрикнув при этом от страха и даже зажмурившись. В следующую секунду меч вылетел из его руки, а туннель наполнился оглушительным шумом.

Открыв глаза, Шиватас удивился тому, что он до сих пор жив. Чудовищное тело корчилось в жуткой агонии, хвост бился о железные стены, из распахнутой пасти монстра торчала рукоять меча. Шиватаса спасла случайность: змея нападала с раскрытой пастью и напоролась на бестолково выставленный вором клинок. Через несколько минут гад свился в чуть подрагивающие чешуйчатые кольца. Он даже не подозревал, что издох от яда своего зингарского сородича.

Боязливо перешагнув через мертвую рептилию, вор бегом устремился к двери. Она, словно обладая чувствительностью и разумом, при его приближении резко ушла вбок, пропуская его под купол. От неожиданности Шиватас вскрикнул. Он ожидал очутиться в кромешной мгле, а попал в багровый свет, в пульсирующее, дрожащее сияние, такое резкое для человеческого глаза. Свет исходил из-под свода купола, его излучал прикрепленный там громадный драгоценный камень алого цвета.

Драгоценности Шиватасу были не в диковинку, но все же он застыл, пораженный зрелищем. Вожделенные сокровища лежали перед ним, вокруг него. Голова шла кругом от несметных богатств: рубины, сапфиры, опалы, изумруды, алмазы... Драгоценные камни лежали грудами, между ними небрежно рассыпаны полудрагоценные: агаты, нефрит, лазурит. Здесь же стояли пирамиды золотых слитков, штабеля серебряных. Он увидел мечи в золотых ножнах, с рукоятями, украшенными алмазами; он заметил золотые шлемы с цветными султанами из конского волоса или с ало-черными плюмажами. На глаза ему попались инкрустированные серебром доспехи, перевязи, расшитые самоцветами, — когда-то их носили короли-воины, которые вот уже три тысячелетия лежат в своих усыпальницах. Он любовался кубками, вырезанными из цельных камней. Он

покрывался холодным потом при виде окованных золотом черепов с лунными камнями в глазницах. А ожерелья из человеческих зубов вперемежку с драгоценными камнями будили любопытство пополам с алчностью. Даже на железной двери изнутри нарос толстый слой золотой пыли, тысячами искр она сверкала и мерцала в багровом свечении.

Шиватас стоял среди всей этой волшебной роскоши, попирая подошвами своих сандалий звезды земных недр. Но вдруг его взгляд словно прирос к огромному кристаллу в центре купола, как раз под красным сияющим камнем. Эта плита черного нефрита служила одром для костей, которые должны были под мерной поступью тысячелетий давно стереться в прах. Но как только Шиватас посмотрел в эту сторону, от смуглой кожи отлила кровь, колени обмякли, все тело покрылось гусиной кожей, беззвучно зашевелились губы.

Неожиданно к нему вернулся голос — нечеловеческий вопль ужаса рассек тишину, и долго его эхо звенело под высоким куполом. И снова под развалинами таинственного Кутхемеса воцарилось безмолвие.

2

Удивительные слухи доходили до жителей городов и зеленых лугов Хайбории. Эти слухи путешествовали с караванами — длинными вереницами верблюдов, которых вели через пески худощавые, жилистые люди с ястребиными чертами лиц, одетые в белые хламиды. Эту весть передавали друг другу горбоносые пастухи на горных пастбищах, она перелетала от пустынников, *кочующих в шатрах, к жителям невысоких* каменных градов, где короли с черными как смоль, курчавыми бородами вершили загадочные ритуалы в капищах пузатых идолов. Пробрались слухи и по балкам меж холмов, где исхудалые нищие варвары брали с караванов пошлины. Новость добралась до плодородного нагорья, где на берегах синих озер и рек горделиво высились красивые города. Слухи ползли по широким торговым трактам, где никогда не оседала белая пыль, где громыхали запряженные волами телеги, брели мычащие стада скота, скакали верхом рыцари в стальных доспехах, ехали в паланкинах под охраной копейщиков и лучников высокопоставленные жрецы. А родились те слухи *в пустыне, лежащей* восточнее Стигии и южнее кофских холмов.

Будто бы в одном из кочевых племен появился новый пророк. Будто бы племена номадов объединяются. Будто бы на юго-востоке собралась громадная орда и возглавляет ее крово-

жадный вождь, одерживающий победу за победой. Раньше такая угроза северным народам исходила от стигийцев, но сейчас они были явно ни при чем, так как собирали армии на своих северных границах, а их жрецы чародействовали не покладая рук, чтобы свести на нет злое колдовство пророка из пустыни. Он носил имя Наток, Чародей в Маске, так как никогда не показывал своего лица.

И вот орды ринулись на северо-запад, и короли с черными как смоль, курчавыми бородами испустили дух перед алтарями пузатых идолов, а невысокие каменные стены их городов окрасились кровью знати и простонародья. Ходили разговоры, будто Натоку и его подручным мало этой добычи и теперь они зарятся на хайборийские нагорья.

Нашествия кочевников вполне обычное дело в этих краях, но то, что происходило сейчас, вовсе не было простым набегом разбойников из пустыни. По слухам, Наток собрал под своим началом тридцать кочевых племен и принудил к союзу с ним пятнадцать городов-государств, и даже стигийский принц Кутаман, ранее никому не покорявшийся, смирился и стал подручным чародея. Иными словами, пахло бедой — настоящей бедой.

По своему обыкновению, большинство хайборийских народов недооценило нарастающую угрозу. Но в Хорайе, стране, вырубленной кофскими мечами из шемитской империи, народ был встревожен. Хорайя лежала юго-восточнее Кофа, и ее границы оказались открыты для вторжения кочевников. Вдобавок молодой король этого государства был в плену у коварного офирского властелина. А перед тем стоял выбор: или за огромный выкуп отправить юношу на родину, или отдать его в руки его заклятого врага, жадного кофского короля, который золота не обещал, зато предлагал выгодный союз между Офиром и Кофом. Хорайе угрожала огромная опасность, и жители страны сомневались, что принцесса Ясмела, сестра юного короля, сумеет их защитить.

Во всех западных землях странствующие певцы воспевали ее красоту. Она была отважна и горда, как и вся хорайянская

королевская династия. Но однажды ночью отвага слетела с нее, как шелковая накидка.

Принцесса находилась в своих покоях с лазуритовым сводом, мраморным полом, устланным дорогими мехами, с позолоченной лепниной на стенах. Десять юных аристократок из самых благородных семей дремали на бархатных кушетках вокруг ее позолоченного, с шелковым балдахином ложа. Но на этом ложе не было принцессы Ясмелы. Обнаженная, она лежала лицом вниз на мраморном полу, по белым плечам рассыпались черные волосы, тонкие длинные пальцы в невыносимых мучениях царапали пол. В жилах принцессы заледенела кровь, зрачки расширились от ужаса, волосы стояли дыбом. В самом сумрачном углу покоя высилась огромная бесформенная тень. Она не принадлежала какому-то живому существу, она сама была существом, сгустком мглы, туманным пятном, кошмарным порождением ночи. Она могла бы показаться галлюцинацией, если бы не глаза — два желтых огня в сумраке опочивальни.

Кроме того, тень обладала голосом. Он был очень тих, едва уловим, и больше всего напоминал змеиное шипение. И уж точно подобный звук не смогли бы произнести человеческие губы. Голос, как и смысл сказанного, наполнил ужасом сердце Ясмелы. Ужасом столь безмерным, что принцесса корчилась, как под ударами бича, и этими корчами как будто пыталась стряхнуть заползающее в душу цепкое зло.

— Принцесса,— шипела тварь,— ты помечена, ты принадлежишь мне. Я выбрал тебя еще до того, как очнулся от векового сна. Да, я давно стремился к тебе, но меня сковывало древнее заклятие, благодаря которому я спасся от своих недругов. Я душа Натока, Чародея в Маске. Погляди на меня внимательно, дитя мое. Скоро я обрету тело, и ты сможешь меня обнять. Скоро мы с тобой будем любить друг друга! — Шепот сменился похотливым смешком.

Ясмела застонала и в очередном приступе ужаса забила кулачками по мраморным плитам.

— Я спал в своем железном мавзолее,— снова зашипело страшилище.— Там, под рубиновым светочем, лежит мое тело, мои кости и плоть. Что есть тело? Оболочка, пустая скорлупа, которую может покинуть вольный дух, когда ему захочется летать. Если б ты умела летать и перенеслась сейчас к моему мавзолею, ты бы поняла, что всякое сопротивление бесполезно. В небе пустыни не счесть звезд, и не счесть костров под этим небом, и каждый костер — бивак моих воинов. Как лавина сходит с гор, набирая сокрушительную мощь, так растет мое войско, и скоро оно вторгнется в пределы моих древних врагов. Я буду пить вино из черепов королей, их жены и дети будут моими рабами. Долго я спал, но во сне росла моя сила... А ты, принцесса, будешь моей супругой, моей королевой. Я научу тебя древнейшим, давно забытым ласкам, и ты будешь ублажать меня так, как не умеют нынешние женщины...

Оскорбленная до глубины души этим мерзким посулом, Ясмела скорчилась, как под ударом кнута.

— Запомни, — шепнула тень на прощание,— очень скоро я приду и возьму то, что мне принадлежит.

Зажмурившись, зажав ладонями уши, Ясмела все же расслышала хлопки, словно забили крыльями летучие мыши. Она набралась смелости и посмотрела вверх, но увидела только луну за окном. Ее луч, будто серебряный клинок, пронзал воздух там, где только что высилась чудовищная тень. Принцесса, дрожа от страха и изнеможения, поднялась на ноги, добрела до бархатной кушетки, рухнула на нее и разрыдалась.

А ее девушки в это время крепко спали. Наконец одна проснулась и, зевая, огляделась по сторонам. И увидела Ясмелу. Миг спустя она уже стояла возле ее кушетки на коленях, обнимая принцессу за осиную талию.

— Что случилось... Он приходил вновь? — Темные зрачки расширились от испуга.

Ясмела судорожно схватила ее за плечи:

— Ах, Ватиша! Да! Он снова приходил. Я видела его и слышала мерзкий голос! Он назвал себя... Наток! Это Наток! Нет, мне не приснилось, это действительно было! Отвратительная

тварь стояла надо мной, а вы все спали, как будто вас опоили сонным зельем. О боги, что мне делать?!

Некоторое время Ватиша раздумывала, крутя на пухлой руке золотой браслет.

— Принцесса, теперь нет никаких сомнений в том, что оберег, который дали тебе жрецы Иштар, оказался бессилен. Очевидно, Наток и правда очень могучий чародей. А коли так, тебе остается только одно — просить помощи у забытого оракула Митры.

Услышав это имя, Ясмела содрогнулась. Многих вчерашних богов сегодня называют демонами. И хотя Митра — бог всей Хайбории, жители Кофа давно ему не поклоняются, давно забыли его. Ничего не знала о нем и Ясмела, думала только, раз он очень древний, то, наверное, очень злой. Боги Кофа — грозные создания, даже Иштар. На культуру и религию Кофа сильно повлияли культуры Шема и Стигии, и кое-что из них кофийцы позаимствовали. Раньше хайборийцы вели простой, аскетичный образ жизни, пока не познакомились с утонченностью, роскошью и деспотизмом Востока.

— Ты думаешь, Митра согласится мне помочь? — сжала Ясмела ладонь Ватиши. — Мы ведь отвернулись от него, уже столько лет поклоняемся Иштар...

— Сильные боги милостивы. Будем надеяться на лучшее. — Ватиша была дочерью офирского жреца, бежавшего в Хорайю от своих могущественных недругов. — К тому же у тебя нет выбора. Я пойду к оракулу с тобой.

— Спасибо, Ватиша.

Ясмела встала с кушетки. Ватиша хотела было одеть ее, но принцесса отказалась.

— Негоже мне стоять перед оракулом в дорогих шелках. Лучше я нагая приползу на коленях, как и подобает тому, кто просит милости. Пусть Митра не считает меня гордячкой!

Ватиша рассмеялась и махнула ладошкой:

— Ерунда! Митре больше по нраву, когда перед ним стоят прямо, а не ползают, как червяки. И пачкать его алтари кровью животных тоже ни к чему — он этого не любит.

Решив, что Ватиша лучше ее разбирается в языческих культах, Ясмела позволила надеть на себя шелковую тунику с широким атласным кушаком. Вскоре красивые ноги принцессы были украшены сафьяновыми туфельками, а несколько ловких прикосновений умелых пухлых пальчиков офирки привели в порядок темные вьющиеся волосы госпожи. После Ватиша откинула край тяжелого златотканого гобелена и отодвинула засов притаившейся за ним двери потайного хода. Вслед за ней принцесса вошла в узкий изогнутый коридор. По нему девушки вскоре добрались до другой двери, ведущей в широкий зал. Там скучал стражник в позолоченном шлеме с султаном, посеребренном панцире и инкрустированных золотом поножах. Он опирался на длинную рукоять боевого топора.

Ясмела помахала ему, он салютовал оружием и снова уподобился медной статуе. Девушки прошли по залу, который в свете горящих на стенах факелов казался сверхъестественно огромным, и спустились по лестнице. Замечая в углах темные тени, Ясмела каждый раз вздрагивала. Они прошли три марша и остановились в коридоре с потолком, выложенным драгоценными камнями, с вделанными в пол самоцветами, с позлащенной лепниной на стенах. По сверкающему коридору они прошли на цыпочках, держась за руки, и очутились перед позолоченной дверью. Ватиша отворила дверь, и взорам девушек явилась забытая святыня. Забытая всеми, кроме нескольких надежных слуг, ну и конечно, королевского семейства Хорайи, ради которых и сохранился этот храм внутри дворца. Ясмела знала о нем только понаслышке, сейчас она здесь оказалась впервые. Внутреннее убранство выглядело скромно, ему не тягаться с роскошью храмов богини Иштар. Но в этой скромности и простоте ощущалось достоинство, издревле свойственное митрианству.

В зале был высокий потолок, но не сводчатый, а плоский, из обычного белого мрамора. Мраморными также были стены и арка входа. По стенам проходила узкая полоска золоченого фриза. За алтарем из чистого зеленого нефрита, не испачканного кровью жертв, на небольшом пьедестале восседало мате-

риальное олицетворение бога. С благоговейным страхом принцесса смотрела на косую сажень плеч, на правильные, строгие черты лица. Большие хайборийские глаза, широкая борода мудрого патриарха, кудрявая шевелюра под простым серебряным обручем — суровый, но благородный облик божества-аскета.

Ясмела простерлась ниц перед ним, пропустив мимо ушей укоры и увещевания своей спутницы. На всякий случай Ватиша опустилась на колени — в присутствии древнего идола в ее душе проснулись суеверия. Впрочем, она не была бы сама собой, если бы не шепнула Ясмеле:

— Это всего лишь идол, а как на самом деле выглядит Митра — никому не известно. Его принято изображать как человека, настолько близкого к совершенству, насколько мы можем себе вообразить. Если верить вашим жрецам, Иштар живет в холодном камне. Бог Митра — не только в камнях, он везде: над нами, вокруг нас, под нашими ногами в земных недрах. Идол нужен только для того, чтобы ты могла сосредоточиться на нем и обратить свои помыслы к богу. Поэтому гляди на него и говори.

— И что говорить? — У Ясмелы голос сел от страха.

— Да что угодно. Повторяю, Митра — везде. А раз он везде, все твои мысли ему уже известны...

Ватиша не договорила. Обе девушки вздрогнули — в святилище зазвучал голос. Казалось, его источник находится прямо у них над головами, невидимый, висит в воздухе. Голос был спокоен, звучен, прекрасен. Вновь Ясмела дрожала, внимая гласу бесплотного духа, но на сей раз не от страха и омерзения, а от благоговения.

— Дитя мое, не утруждай себя словами. Я действительно знаю, что тебе необходимо.— Да, поистине дивный глас — как будто высокие музыкальные волны мерно бились в золотой берег.— Из вековой тьмы выполз змей-демон, и есть только один способ спасти твое государство, а заодно и весь мир, от ядовитых клыков этого гада. Но ты должна в одиночку, без сопро-

вождения, выйти на улицы своего города и вверить судьбу Хорайи первому встречному.

Лишенный эха глас умолк, и девушки в крайней растерянности посмотрели друг на друга. Затем они встали и на цыпочках покинули святилище. Всю дорогу до покоев Ясмелы обе молчали. Там принцесса выглянула в окно. Была глубокая безлунная ночь, город тонул в тишине. Хорайя спала под звездами, и, словно их отражения в воде, тускло светились факелы на улицах и в садах и на плоских крышах домов.

— Как ты теперь поступишь? — спросила все еще дрожащая Ватиша.

— Дай мне плащ. — У Ясмелы тоже стучали зубы от страха.

— Неужели решила выйти? Одна? Среди ночи?

Ясмела жестом велела служанке умолкнуть.

— Я слышала голос в святилище, — сказала принцесса.— Либо это проделка какого-нибудь изобретательного жреца, либо... в самом деле глас Митры. Выбирать мне не приходится. Я выйду.

Она окутала свою гибкую фигурку широким шелковым плащом, закрыла лицо вуалью и почти бегом добралась по коридорам до бронзовой двери. Снаружи у входа стоял десяток стражников с копьями, они недоуменно посмотрели девушке вслед. Только это крыло дворца выходило на улицу, с других сторон к нему примыкал обширный сад и тянулась высокая стена. Улицу, на которой очутилась принцесса, освещали факелы, расставленные через равные промежутки.

На миг она замерла в нерешительности, но сразу взяла себя в руки и зашагала прочь от стражников. Улица была безлюдна и тиха. Ясмела, в чьих жилах текла кровь королей, еще никогда в жизни не покидала дворца без сопровождения. Мысленно твердя себе, что иначе поступить не могла, она быстро удалялась от родных стен. Ее ноги в мягких туфлях тихо ступали по плитам мостовой, но от каждого их шороха сердце ее панически сжималось. Мнилось, что эти шаги громовым эхом раскатываются по лабиринту улиц и будят затаившихся в тайных подземных норах злобных крысоликих демонов. Чудилось, будто в каждой тени спрятался адский убийца с обнаженным кин-

жалом, а с верхушек колонн высматривают добычу громадные черные твари с крыльями летучих мышей.

И вдруг впереди на темной улице возник чей-то силуэт. Принцесса поспешила укрыться в густой тени, которая теперь казалась ей спасительной. Сердце билось так, словно хотело расшибиться о ребра. Человек на ночной улице приближался. Он не крался, как вор, и не замирал, как запоздалый путник, перед темными углами. Нет, он шагал прямо и твердо, будто считал, что ему совершенно нечего опасаться. В этой поступи угадывалась природная смелость и достоинство, и его шаги — не Ясмелы, а его — разлетались громким эхом. Когда он проходил мимо факела, принцессе удалось его рассмотреть. Высокий мужчина в кольчуге из прочной стали — судя по всему, наемный воин.

Девушка набралась храбрости и вышла из тени, поплотнее запахнув плащ. Раздался шорох — клинок прохожего до середины выскочил из ножен, но замер: воин понял, что перед ним женщина. И все же взгляд его поверх ее головы стрельнул вправо-влево — незнакомец хотел убедиться, что ее никто не сопровождает.

Какое-то время они молчали, разглядывая друг друга. Мужская ладонь покоилась на длинной рукояти меча; ножны прятались под красным плащом, небрежно накинутым на широкие плечи. В сиянии факела синевато поблескивала сталь поножей и шлема. Такой же стальной синевой блестели глаза. С первого же взгляда на него Ясмела поняла, он не уроженец Кофа, а когда зазвучал голос, стало ясно — перед ней не хайборисц. В армии ее страны было много наемников, среди них кого только не встретишь — как выходцев из цивилизованных стран, так и варваров. Что-то в облике и движениях этого человека напоминало волка. Принцесса поняла — перед ней стоит варвар. Скорее всего, северянин. Не бывает такого дикого блеска в глазах у хайборийцев, даже в глазах преступников или безумцев.

От него пахло вином, но он стоял на ногах вполне твердо.

— Женщина на ночной улице? — произнес он на плохом кофском.— Тебя что, выбросили из дома, как больную собаку? — Его пальцы аккуратно сомкнулись на девичьем запяс-

тье, и она осознала, они легко могут сломать ей кости.— Мне пришлось спозаранку расстаться с теплой компанией — да проклянет Иштар мерзких аристократов, запретивших кабатчикам подавать вино по ночам. «По ночам надо спать, а не пьянствовать»,— говорят эти поборники морали. Мол, кто хорошо высыпается, тот лучше трудится, лучше воюет для своих господ. Как бы не так! Кто не умеет хорошо гулять, тот и в драке немногого стоит. Когда я служил в Коринфии наемником, мы ночь напролет хлестали вино и пиво, а потом день напролет рубились, и реки крови стекли по нашим мечам! Ну да это к делу не относится. Отвечай-ка, малютка, что с тобой приключилось? И сними эту дурацкую тряпку с личика...

Гибкая принцесса сумела увернуться от его руки, но не попыталась убежать. Ясмела понимала, какой подвергается опасности — в ночном городе, вдали от стражников, наедине с пьяным варваром. И кто знает, как он себя поведет, если узнает ее имя? Вдруг решит изнасиловать, а потом перережет горло, чтобы не попасть на виселицу за надругательство над принцессой? А может, просто посмеется над ней и уйдет своей дорогой? Варвары — люди странные, и цивилизованного человека их поступки часто ставят в тупик.

Принцессе было очень страшно, но она старалась не подавать виду.

Сниму, но не здесь,— рассмеялась она.— Идем со мной, воин.

Куда? — Его дикая кровь сразу разогрелась, но и осторожности этому человеку не занимать.— Хочешь меня заманить под воровские ножи? Не на того напала, кошка. А ну-ка...

— Ну что ты! Клянусь, я не воровка! — Девушка снова увернулась от руки, которая попыталась сорвать с нее вуаль.

— Разрази меня Кром! — проворчал незнакомец.— Какая скромность для той, кто гуляет по ночам в одиночку. Ладно, малютка, стесняешься показывать свою рожицу — настаивать не буду. Позволь хоть на твою фигуру взглянуть.

Прежде чем она сообразила, что он затеял, мужчина сорвал с нее плащ и восхищенно присвистнул. Стоило ему увидеть на

незнакомке богатый наряд, как он, похоже, мгновенно протрезвел. Затем в его глазах зажглось подозрение.

— Клянусь Кромом, этого я не ожидал! Кто ты, женщина? — спросил он сурово. — Ясно, не уличная девка, если только твой хозяин не стащил для тебя эту одежку из королевского дворца.

— Не важно.— Она решилась положить нежную ладошку на его широкое, защищенное сталью плечо.— Пойдем, варвар. Я хочу поговорить с тобой, но не хочу этого делать посреди улицы.

Он с минуту колебался, но затем хмыкнул и пожал плечами. Принцесса догадалась, что он принял ее за знатную даму, которой надоели чересчур целомудренные и жеманные поклонники из аристократов и она решила найти ухажера попроще. Незнакомец вернул Ясмеле плащ и пошел рядом с ней.

По пути принцесса наблюдала за ним краем глаза. Кольчуга не скрадывала тигриной мощи его закаленного в походах и битвах тела. В его движениях сквозила хищность, первобытность, раскованность. Для нее он был человеком из другого мира, совершенно не похожий на услужливых и велеречивых придворных, среди которых прошло ее детство. Он внушал ей страх, его грубая звериная сила и беспардонность вояки удачи казались дикими. Однако что-то в ее душе, неизвестное ей самой, но отчаянно смелое, падкое на головокружительный риск, тянулось к незнакомцу, — тайная первобытная струнка, которая есть в душе каждой женщины, отзывалась на его голос. Она чувствовала в своей ладони его напряженную кисть. Перед Ясмелой многие мужчины опускались на колени — но этот, она сознавала, не опустится никогда. Вести такого человека по улице — все равно что вести тигра на ремешке. Он будет идти спокойно и мирно — до тех пор, пока его это устраивает.

Они достигли дворца. Принцесса остановилась у двери и негромко постучала. Покосилась на воина — с его лица исчезло подозрение.

— Так ты служанка королевы? — предположил он.

«Уж не приводила ли сюда какая-нибудь из моих девушек этого мужчину?» — подумала принцесса и с удивлением поймала себя на ревности.

Никто из стражников даже бровью не повел, когда она вела своего спутника мимо них. Он же на них смотрел, как дикий пес смотрит на чужую стаю. Они прошли в покои принцессы. Там он стоял, с самым детским любопытством рассматривая гобелены, пока не заметил кувшин с вином на столике эбенового дерева. Содержимое кувшина тут же перекочевало в его желудок. Варвар удовлетворенно крякнул. Из соседней комнаты выбежала Ватиша, обрадованно воскликнула:

— Моя принцесса! Ты вернулась!

— Принцесса?!

Пустой кувшин упал на пол и разлетелся на осколки. Молниеносное движение руки — и с Ясмелы сорвана вуаль. Наемник посмотрел ей в лицо, с проклятием отпрянул; синевато блеснула обнаженная сталь. Сверкнули и глаза варвара, как сверкают глаза угодившего в западню тигра.

От страха Ватиша лишилась дара речи, но Ясмела твердо встретила взбешенный взгляд ночного гостя. Она сознавала, что смертельно рискует, варвар растерян, обуреваем подозрениями, возможно, испуган и готов разить при малейшем намеке на угрозу его жизни, — но все же принцесса испытывала какое-то непривычное, необъяснимое возбуждение от опасности.

— Не надо бояться, — улыбнулась она.— Да, я принцесса Ясмела, но я не желаю тебе зла.

— Зачем же ты меня сюда привела? — подозрительно озираясь, спросил он.— Что могло понадобиться принцессе от обычного капитана наемников? А может быть, ты заманила меня в западню?

— Успокойся, это не западня, — возразила принцесса.— Мне нужна помощь, и ты способен ее оказать, потому-то я и привела тебя сюда. Так повелел мне Митра — выйти из дворца ночью и обратиться к первому встречному.

Услышав такие слова, человек цивилизованный, наверное, не рассмеялся бы только из уважения к сану принцессы. Но

совсем иначе реагировал варвар. В его племени тоже обращались к оракулам в тяжелые времена и их советами не пренебрегали. Он опустил меч, но не спешил спрятать клинок в ножны.

— Коли сама принцесса Ясмела разыскала меня, значит, ей и вправду нужна помощь,— проворчал он.— Похоже, речь идет о судьбе королевства, я прав? Ну, раз так, скажи, чем именно я способен тебе помочь. Я всего лишь скромный наемный рубака. Конечно, если надо без лишнего шума перерезать чью-то глотку...

— Присядь, — перебила его принцесса, указав на кушетку.— Ватиша, принеси вина нашему гостю.

Воин кивнул и сел — спиной к стене, чтобы держать на виду всю комнату. Меч, так и не возвращенный в ножны, он положил на обтянутые кольчугой колени. Похоже, осторожность была у него в крови.

Меч сразу привлек к себе внимание Ясмелы — казалось, в блеске клинка переливалась не только голубизна стали, но и багрянец, вобравший в себя цвет кровопролитных битв. Сама она вряд ли смогла бы поднять такой меч, но не раз видела, как наемники орудуют подобными с той же легкостью, как она — своей плеткой для верховой езды.

Столь же примечательны были могучие руки гостя, ничуть не похожие на корявые лапы дикаря-недочеловека. Она вдруг устыдилась, поймав себя на том, что представила, как эти сильные мужские пальцы играют прядями ее черных волос.

Похоже, ночной пришелец успокоился, когда Ясмела опустилась на кушетку напротив него. Он даже снял шлем и откинул на спину кольчужный капюшон. Без головного убора он оказался еще менее похож на хайборийца. Смуглое, изборожденное шрамами лицо было хмурым, даже грозным, но без печати порока или злобы. Самым же поразительным оказались его сверкающие синие глаза. На широкий крутой лоб ниспадали нечесаные пряди черных как смоль жестких волос.

— Как тебя зовут, воин, и какова твоя должность? — спросила принцесса.

— Я Конан, капитан отряда наемников-копейщиков. — Он единым духом осушил чашу вина и вернул ее Ватиние, дав знак наполнить снова.— Родом из Киммерии.

Название было ей лишь смутно знакомо. Вроде бы это где-то на севере... мрачный горный край далеко за границей Хайбории, населенный людьми суровыми и жестокими... Живого киммерийца она увидела сейчас впервые.

— Конан,— произнесла она, устремив на него взгляд чарующих темных очей,— почему ты решил, что разговор у нас пойдет о судьбе королевства?

— Что тут непонятного? — ухмыльнулся он.— Твой брат — пленник офирского монарха, Коф зарится на твои земли и плетет интриги, а вдобавок появился шемский маг и учинил неслыханное кровопролитие... А самое неприятное — из твоего войска каждый день дезертируют люди.

Столь откровенная речь простого капитана привела в растерянность привыкшую к церемониям принцессу. Этот человек не считал нужным маскировать жестокую правду цветистыми околичностями.

И почему же они дезертируют, Конан-киммериец? — спросила она.

Кое-кто поддался на кофские соблазны,— ответил он, смакуя вино. Другие решили, что век Хорайи как независимой страны приблизился к своему закату. А некоторых до смерти напугали слухи о Натоке, колдуне из пустыни.

— Но хоть наемники не разбегутся? — спросила она с надеждой.

— Пока мы вовремя получаем плату, можешь на нас положиться, ухмыльнулся северянин.— А что до политики, то это не для нас. О ней можешь говорить с нашим командиром Амальриком, даром, что ли, он беглый принц. А мы простые воины, любим щедрое жалованье, лихую драку и богатую добычу. Хотя один совет по части политики и я могу тебе дать. Если заплатишь Офиру требуемый им выкуп, то пойдут слухи, будто у тебя не осталось средств на жалованье нам. И тогда у нас появится искушение перейти на службу к королю Кофа,

хоть он и скупец, каких свет не видел. Или мы можем взбунтоваться и разграбить город. Не все ли равно наемникам, на чьей стороне сражаться? Была бы добыча.

— А как насчет Натока? — Она посмотрела на него в упор. Почему бы вам не перейти под его знамена?

— А чем он будет платить? — Конан пожал плечами. — Медными пузатыми божками из разоренных шемитских храмов? И это при том, что половина наемного войска — шемиты? Нет уж, с Натоком нам не по пути. А ты, если задумала с ним повоевать, можешь на нас рассчитывать.

— Ты отвечаешь за свои слова? — спросила она резким тоном.

— Странный вопрос,— удивился Конан.— У меня такое чувство, ты его неспроста задаешь.

— Неспроста,— кивнула она.— Я хочу знать, пойдут ли за тобой наемники, если я назначу тебя командиром всей хорайянской армии.

Он не донес чашу с вином до губ, которые в следующий миг дрогнули и растянулись в ухмылке:

— Меня? Поставить над армией? Разрази меня Кром, вот это сюрприз! А где же твои напомаженные аристократишки? Как они воспримут идею подчиниться чужеземному дикарю?

— Они мои вассалы, как я скажу, так и сделают.

Она хлопнула в ладоши. Вошел раб, застыл в глубоком поклоне. Принцесса обратилась к нему:

— Передай графу Теспидскому, чтобы немедленно явился сюда. Еще позови канцлера Тауруса, принца Амальрика и агу Шупраса.

— Я верю Митре,— задумчиво сказала она, глядя, как Конан уничтожает поставленную перед ним Ватишей еду.— Ты, похоже, бывалый воин.

— Рожденный на поле боя,— оторвал он кусок мяса от кости крепкими зубами.— И первое, что я услышал в своей жизни, это звон клинков и крики сражающихся. Да, я бывалый боец. Участвовал в схватках враждующих кланов, в войнах разных государств, в завоевательных походах имперских армий.

— Значит, ты способен повести армию на врага и на поле боя построить ее в боевой порядок?

— Конечно способен. Битва двух армий похожа на поединок двух рубак, только крови проливается больше. Выхватываешь из ножен гвардию, бьешь ею — и либо враг опрокинут, либо ты сам остался без головы.

Возвратился раб, объявил о прибытии тех, за кем его посылали. Ясмела велела Конану оставаться на месте и перешла в соседнюю комнату, задернув бархатную гардину в дверном проеме.

— Я пригласила вас сюда, чтобы сообщить о важном решении,— начала она.— Нашей стране угрожает опасность...

— О да, моя принцесса, ты совершенно права,— перебил ее граф Теспидский, рослый красавец с завитыми и надушенными черными кудрями.

Он то и дело приглаживал одной рукой загнутые кверху усы, в другой держал бархатный берет с красным страусиным пером и золотой брошью. Из расшитого золотом бархата были и остроносые туфли. С жеманностью его манер не вязалась стальная крепость мышц под шелковыми одеждами.

— Но я знаю, как спасти королевство! — продолжил он.— Надо предложить офирскому монарху еще больше золота за освобождение твоего брата...

— Я против! — вмешался канцлер Таурус, престарелый вельможа в плаще с подбоем из горностаевого меха. От непрестанных забот на его лице давно пролегли глубокие складки.— Мы и так предлагаем огромный выкуп, и если заплатим его, государство останется нищим. А увеличив цену, только распалим жадность офирского короля. Я уже говорил, *моя принцесса*, и еще раз повторю: Офир занял выжидательную позицию. Он будет бездействовать до тех пор, пока мы не столкнемся с ордами Натока. Если потерпим поражение — офирцы выдадут нашего короля Кофу, победим — тогда его вернут нам за предложенный выкуп, а то и даром. Все любят дружить с сильными, слабый союзник не нужен никому...

— Силы мы не приобретем, пока сидим сложа руки,— перебил его принц Амальрик, командир наемного войска, гро-

мадный, как медведь, немедиец с львиной гривой белокурых волос.— Ежедневно из армии сбегает несколько человек, а оставшиеся донимают меня вопросами, почему мы бьем баклуши. Если не выступим на юг сейчас же, то скоро просто не с кем будет выступать.

— Мы выступаем завтра,— твердо сказала принцесса.— А поведет вас вот этот человек!

Она рывком отодвинула бархатную занавесь и картинным жестом указала на киммерийца. Быть может, она выбрала не самый удачный момент: Конан лежал на кушетке, закинув ноги на столик эбенового дерева, держал обеими руками исполинскую кость и увлеченно ее обгладывал. Он с ухмылкой глянул на вельмож, подмигнул Амальрику и вернулся к своему занятию.

— Митра меня храни! — схватился Амальрик за голову.— Это же Конан! Северянин, самый буйный из моих вояк! Не будь он лучшим рубакой в отряде, я бы давно его вздернул.

— Моей принцессе захотелось нас разыграть? — закивал, неестественно улыбаясь, граф Теспидский.— Ну конечно же, это шутка! Этот человек не может командовать аристократами, потому что он — безродный, невоспитанный дикарь. Поздравляю тебя с отличным розыгрышем, принцесса. Будет о чем рассказать моим родовитым друзьям...

— Граф Теспидский,— перебила Ясмела,— ты давал нашему дому клятву вассала. Я избавляю тебя от нее. Можешь идти.

— Идти? — опешил он.— Куда идти?

— Хоть в Коф, хоть в ад! — вспылила принцесса.— Или ты будешь служить мне так, как я хочу, или не будешь служить вовсе!

По лицу графа было видно, он решил пойти на попятный. Склонившись в глубоком поклоне, он проворчал:

— Моя принцесса, ты неправильно поняла мои слова. Я давал клятву вассала не для того, чтобы бросать тебя в беде. И если тебе угодно, чтобы в столь трудный для государства час я терпел унижения,— пожалуйста, я готов подчиняться варвару.

— А ты, доблестный Амальрик?

Тот, к которому она обращалась, сначала выругался себе под нос, потом ухмыльнулся. Это был настоящий воин удачи, и никакой ее фортель не сумел бы его удивить.

— А что я? Я наемник, готов служить под чьим угодно началом, лишь бы платили. Я всегда говорил, век воина должен быть коротким и веселым, а если в поход нас поведет киммерийский буян, вряд ли мы заживемся на этом свете, но зато уж повеселимся, так повеселимся!

— И наконец, ты, мой верный ага? — повернулась Ясмела к Шупрасу.

Тот пожал плечами — дескать, что еще мне остается? Это был типичный житель земель, примыкающих с юга к кофской границе: рослый, худой, с ястребиными чертами лица, даже более резкими, чем у его более чистокровных родичей — обитателей пустыни.

— Все мы — лишь орудия в руках Иштар, моя принцесса, — ответил он в духе своих предков-фаталистов.

— Подождите здесь, — велела принцесса и вышла.

Томясь в ожидании, граф Теспидский мял свой бархатный берет, Таурус нервно хрустел пальцами и что-то непрестанно бормотал, Амальрик львиной поступью расхаживал по комнате и ухмылялся. В своем покое принцесса хлопнула в ладоши, зовя рабынь.

Они принесли Конану взамен кольчуги стальные доспехи, и вновь он предстал перед аристократами, уже облаченный в броню. Сверкающие латы и шлем с плюмажем придавали его облику мрачное величие, и даже граф Теспидский против своей воли испытал робость перед этим варваром. Амальрик перестал ухмыляться.

— Вот уж чего я никогда не ожидал, Конан, так это увидеть тебя в доспехах рыцаря. Но, клянусь Митрой, они тебе к лицу. Не всякий король способен этим похвастаться, уж я-то их много повидал и знаю, о чем говорю.

Конану было суждено вспомнить эти слова Амальрика много лет спустя, когда пришло время сбыться самой сокровенной мечте.

3

Рано утром в тусклом свете солнца улицы Хорайи были запружены народом, смотревшим, как из южных ворот выезжают всадники. Наконец-то армия выступила в поход. Впереди ехали рыцари в сверкающих латах, над шлемами развевались цветные перья. Лошади под седлами из лакированной кожи и шелковыми попонами, в сбруе с золотыми пряжками и фестонами гарцевали и выделывали изящные курбеты, когда их пришпоривали наездники. Утренний свет играл на наконечниках копий, целый лес которых вздымался над отрядами, а ветер трепал красивые флажки на древках. Каждый рыцарь взял с собой на войну знак дамы сердца — перчатку, шарф или розу, привязав его к шлему или перевязи меча. Это была королевская конница, цвет хорайянской знати, пятьсот доблестных рыцарей под командованием графа Теспидского, мечтавшего, по слухам, жениться на самой принцессе Ясмеле.

Следом за ними двигалась легкая конница на сильных конях. В седлах сидели жители холмистых краев, худощавые, с ястребиными чертами лица. Их головы венчали остроконечные шлемы, под широкими халатами блестели кольчуги. Это были непревзойденные шемитские лучники, их стрелы поражали цель на пятьсот шагов. Во главе отряда конных стрелков ехал Шупрас, тоже в остроконечном шлеме. Его худое горбоносое лицо было хмурым.

Далее шествовали копейщики. Искать среди тяжелой пехоты выходцев богатых аристократов бессмысленно — в любом хайборийском королевстве считалось, что состоятельному дворянину место только в кавалерии. Зато тут хватало выходцев из обедневших знатных родов. Хорайянских копейщиков, как и рыцарей, тоже было пятьсот.

В арьергарде следовали наемники — тысяча конников и две тысячи копейщиков. Воины, побывавшие во множестве кровавых сражений, в сравнении с рыцарями явно проигрывали. Они не рисовались, их доспехи были крепки, но лишены прикрас: простые кольчуги, шлемы без забрал. На их длинных копьях не трепетали флажки. К седлам были пристегнуты топоры или стальные палицы, и у каждого воина на поясе обязательно висел широкий меч. Подобным же образом экипировались и копейщики, с той лишь разницей, что их копья оказались длиннее и тяжелее, чем у конников.

Среди наемников были представители многих рас: гиперборейцы, долговязые, широкие в кости, лезущие в карман за словом, но не за оплеухой; рыжие гандерландцы с холмистой северо-западной окраины Хайбории; высокомерные изгои из Коринфа; черноволосые зингарцы с густыми усами и неистовым темпераментом; хладнокровные аквилонцы с далекого запада. Все они были хайборийцами, кроме зингарцев.

Самым последним в этой кавалькаде шел верблюд под роскошной попоной, а его уздечку держал в руке рыцарь, который рысил на боевом коне в окружении конных копейщиков из охраны королевского дворца. На верблюде в седле с мягкой бархатной подушкой ехала стройная девушка, закутанная в шелка; при виде ее горожане почтительно кланялись и выкрикивали приветствия.

Конан-киммериец, непривычно чувствовавший себя в рыцарских латах, косился на верблюда и неодобрительно качал головой. Он обратился к ехавшему рядом с ним Амальрику, облаченному в превосходную кольчугу, позолоченный нагрудник и шлем с султаном из конского волоса:

— Зря принцесса вызвалась ехать с нами. Она сильная девчонка, но в таком походе ей придется круто. И шелка очень скоро придется сменить на одежку попроще.

Амальрик, скрывая ухмылку, шевельнул светлыми усами. Неужто Конан думает, что Ясмела, подобно варваркам, в бою сама возьмется за меч?

— Конан, хайборийские женщины не сражаются, как твои соплеменницы-киммерийки. Ясмела поехала с нами, чтобы увидеть, как будет драться ее армия. Но, между нами говоря, — он наклонился к Конану и заговорил тише, — мне кажется, она просто не рискнула остаться одна, без защиты. Она боится...

— Мятежа? Коли так, не стоило ли нам вздернуть десяток-другой смутьянов, прежде чем выступать?

— Нет, тут мятеж ни при чем. Мне проговорилась одна из ее девушек: среди ночи во дворец проникла какая-то адская тварь и до смерти перепугала принцессу. Как пить дать, козни проклятого Натока. Эх, Конан, легко сражаться с существами из плоти и крови, но как противостоять сверхъестественному?

— Ничего, — буркнул киммериец, — против злых чар иногда помогает добрый меч.

Как только вся армия оказалась за воротами города, они закрылись со скрипом массивных петель. Командиры поспешили выстроить свои подразделения в походную колонну. Горожане смотрели на войско со стен — они понимали, их жизнь или смерть зависит от того, вернется армия с победой или с поражением. Ордам кочевников, грандиозной волной накатывающих с бесплодного юга, неведомо такое понятие, как пощада.

Целый день армия продвигалась по лугам, на которых высокая трава качалась под порывами ветра. Луга пересекали многочисленные реки и ручейки. Постепенно местность шла на подъем. Впереди показалась гряда невысоких холмов, она протянулась с востока на запад, и ее предстояло преодолеть. Но это было задачей следующего дня, а сейчас хорайянское войско стало лагерем на северных склонах.

Вскоре появились полудикие горбоносые люди — местные пастухи. Они садились у костров на корточки и вполголоса

сообщали новости из таинственной пустыни. То и дело из их уст звучало мрачное имя Натока. Якобы по его повелению демоны воздуха приносят в пустыню ураганы, громы и туманы, а свирепая нечисть подземного мира сотрясает ужасным ревом землю. Повинуясь его заклинаниям, прямо из воздуха рождается огонь и разрушает ворота укрепленных городов, сжигает воинов в латах, оставляя только пепел и расплавленный металл. Нет числа его воинам, их чуть ли не больше, чем песчинок в этой пустыне, а еще к нему примкнуло пять тысяч стигийцев на боевых колесницах — их привел мятежный принц Кутаман.

Все эти новости Конан выслушивал без дрожи в поджилках. Война есть война, а на его век походов и битв выпало с избытком. Вдобавок само ремесло наемного рубаки предполагает постоянный смертельный риск. С самого рождения Конана смерть была его неразлучной спутницей, шествовала рядом своей зловещей поступью, стояла за его плечом у игорных столов, стучала костлявыми пальцами по его кубкам с вином. Когда он засыпал, сморенный усталостью или хмелем, она стояла над ним чудовищной тенью в плаще с поднятым капюшоном. Но он привык не замечать ее, как не замечает король своего виночерпия или камергера. Да, рано или поздно наступит день, когда она заключит киммерийца в костлявые объятия, ну и что с того? Сейчас он жив, и это главное.

Но не все в его войске были такими бесстрашными, как он.

Конан проверил часовых и уже возвращался к своему шатру, как вдруг перед ним появилась гибкая девичья фигурка, закутанная в плащ. Девушка остановила его властным жестом.

— Принцесса? Почему ты бродишь по лагерю среди ночи? Почему не спишь в своем шатре?

— Да сон все не идет. — Ее черные глаза прятались в тени капюшона. — Конан, мне страшно!

— Кто тебя напугал? Назови мне его, и, клянусь Кромом, он сейчас же недосчитается головы! — Широкая ладонь сдавила рукоять меча.

— Нет, Конан, я боюсь не человека. — Она содрогнулась. — А ты, Конан? Скажи, есть ли на свете то, что внушает тебе страх?

Он помолчал, задумчиво потер подбородок. Наконец признался:

— Да. Я боюсь, что меня проклянут боги.

Она снова задрожала.

— Вот и я... На мне лежит проклятие. Но не божеское демон из Бездны пометил меня своим знаком. Каждую ночь является ко мне его кошмарная тень и нашептывает свои мерзкие, ужасные тайны. Он сулит унести меня в ад, в преисподнюю, и там сделать своей королевой. И нынче я боюсь уснуть, потому что он придет и сюда, в мой шатер, и все повторится. Конан, ты такой сильный и отважный... Побудь со мной, пожалуйста. Мне очень страшно!

Сейчас перед ним стояла не властная гордячка, а испуганный ребенок. Преследуемая сверхъестественным ужасом, она неосознанно пришла к тому, кто казался ей самым сильным,— к Конану. Раньше ее отталкивала его свирепая варварская сила, а теперь влекла к себе.

Он ничего не ответил, но накинул ей на плечи свой красный плащ. На миг железной крепости рука задержалась на узком девичьем плечике, и снова Ясмела задрожала, однако не от страха. По ней от этого прикосновения прошла горячая волна первобытной жизненной энергии, ей словно передалась толика силы Конана.

— Ложись здесь.— Он указал на свободный клочок земли. Как будто нет ничего особенного в том, что принцесса будет ночевать у лагерного костра, укрывшись воинским плащом.

Но она беспрекословно подчинилась. Он присел рядом на широкий плоский камень, положил на колени меч. На латах из синеватой стали играли сполохи костра, и сам Конан напоминал статую из железа — сгусток нечеловеческой силы, на миг застывший, но не ради отдыха, а в ожидании приказа ринуться в битву. Лицо его тоже оставалось неподвижным, но в глазах мерцало неукротимое пламя. Это был не просто варвар, это была плоть от плоти первобытной дикости, частица необузданной стихии. По его жилам бежала волчья кровь, его разум полнился густой мглой северной ночи, а в сердце полыхал огонь опаленных молниями дремучих лесов.

С этими мыслями Ясмела постепенно погрузилась в сон, укутанная, словно одеялом, блаженным чувством безопасности. Непонятно откуда пришла уверенность, что этой ночью над ней не будет нависать тень с горящими очами.

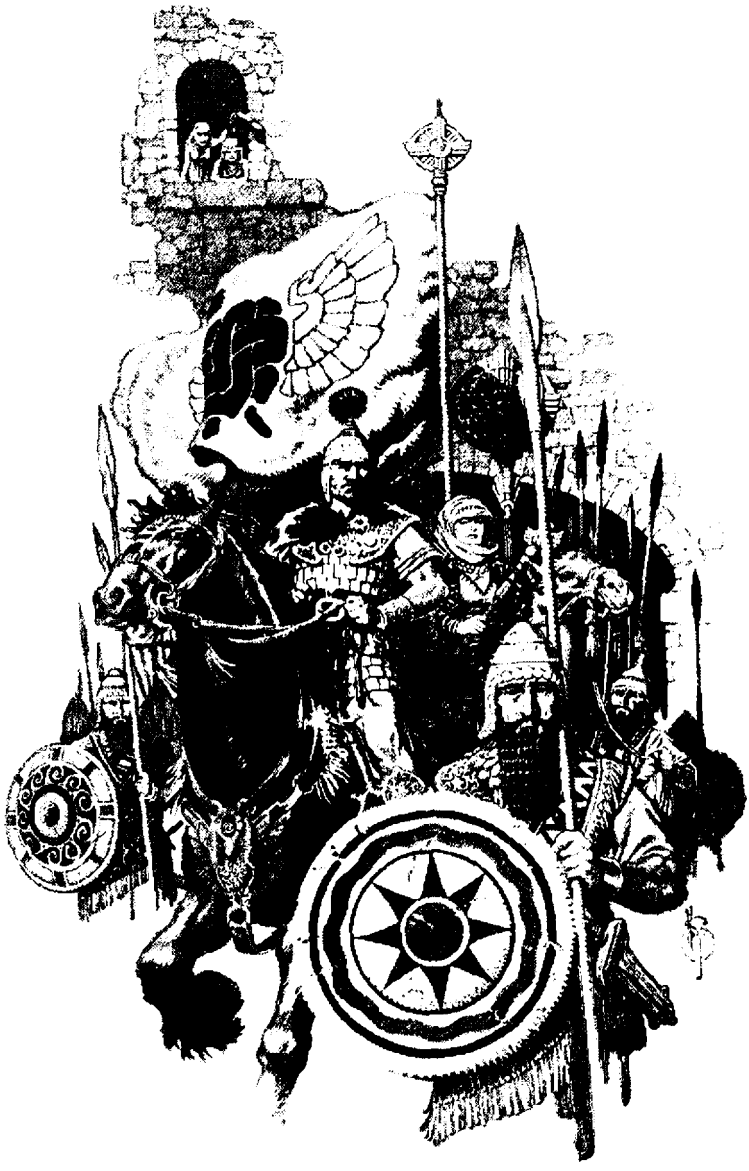
Но опять принцесса очнулась от леденящего ужаса, хотя причиной его не был кошмарный сон.

Ее разбудили тихие голоса. Она открыла глаза и обнаружила, что от костра остались меркнущие угли. Похоже, близился рассвет. Она смутно различила сидящего на камне Конана, заметила синеватый блик его меча. Рядом с киммерийцем сидел на корточках какой-то человек в белом тюрбане. Ясмела сонно разглядела его горбатый нос, возбужденно блестящие глаза. Незнакомец говорил на языке шемитов, который она знала плохо. Но она, хоть и не без труда, понимала его слова.

— Конан, я правду говорю! Да отнимет Бэл мне правую руку, если я лгу! Да лишит меня Деркето воровской сметки, если я хоть что-нибудь преувеличил! И пусть меня справедливо называют королем лжецов, не стану я обманывать старого друга и подельника. Или ты забыл, как мы с тобой промышляли воровством в Заморе, прежде чем ты сменил отмычку на меч?

Так вот, Конан, я в самом деле видел Натока. Вместе с тысячами других я простирался перед ним ниц, когда он вопил свои заклинания Сету. Но я, в отличие от других, не зарывался носом в песок. Даром, что ли, я один из лучших воров в этом мире? И зрение у меня, как у орла. Да, я рискнул посмотреть вверх и увидел, как взметнулась на ветру его вуаль... Лицо на миг оказалось открытым, и я увидел... я увидел... Да поможет мне Бэл... Конан, клянусь, я на самом деле видел! У меня в жилах застыла кровь, дыбом встали волосы. С тех пор увиденное жжет мою душу, как раскаленное железо. И понял я: не будет мне покоя, пока не удостоверюсь.

Так вот, Конан, я отправился в путь и добрался до развалин Кутхемеса, до знаменитого железного купола. И был потрясен, обнаружив открытым вход! У дверей лежала пронзенная мечом исполинская змея. Внутри купола находилось человеческое тело, так сильно скорченное, так страшно изуродованное, что я его узнал с трудом. Это был труп Шиватаса из Замо-



ры, единственного вора в Хайбории, чье превосходство над собой я всегда признавал. Я понял, он даже не успел прикоснуться к сокровищам — они блистающими грудами лежали вокруг мертвеца. Но больше я не увидел ничего.

— Никаких мощей? — спросил киммериец.

— Вообще ничего! — с жаром перебил его шемит. — Один лишь труп Шиватаса.

Наступило тяжелое молчание. Ясмела содрогнулась, вспомнив ужасную тварь из своих снов.

— Откуда же он взялся, этот Наток? — зазвучал срывающийся голос шемитского вора. — Говорят, явился из пустыни. Явился среди ночи, когда в небе бушевали грозовые тучи, когда дрожали от страха звезды, когда ветры завывали в едином хоре с неприкаянными душами. В ту ночь вышли на охоту упыри, обнаженные ведьмы оседлали буйный ветер и закружились под небосводом, а в дебрях лесов перекликались волки-оборотни. Чародей ехал верхом на черном как смоль верблюде, несшемся быстрее скакового жеребца, и адский огонь озарял его зловещий силуэт, и следы от копыт верблюда светились во мгле. В оазисе Афака маг спешился перед капищем Сета, и верблюд повернулся и исчез в ночи. Я говорил с людьми из тех мест, они клялись, что верблюд распахнул громадные крылья и унесся в небо, оставляя за собой пламенный след подобно комете. Больше его никто не видел с тех пор, но перед каждым рассветом в шатре Натока появляется черная тень, похожая и на человека, и на зверя, и говорит с ним в потемках. Конан, я тебе скажу, кто такой на самом деле Наток. Я покажу тебе лик того, кого видел в тот день, когда ветер откинул вуаль с его лица...

Оба мужчины низко склонились, что-то разглядывая, и Ясмела заметила блеск золота у шемита на ладони. Она услышала изумленный возглас киммерийца, а в следующую секунду ее окутала черная мгла — впервые в жизни принцесса Ясмела лишилась чувств от страха.

4

Первые лучи рассвета только-только забрезжили на востоке, а войско уже снялось с лагеря. Незадолго до того в лагерь прискакали ястреболикие пастухи на шатающихся от долгой скачки конях и сообщили, что орда кочевников расположилась лагерем вокруг родника Алтак. Поэтому решено было преодолеть горы одним броском. Обоз пришлось оставить в надежде, что он благополучно догонит армию. Ясмела на своем верблюде поехала вместе с войском. В ее глазах застыл ужас: тень из кошмарных снов приняла еще более чудовищные контуры, когда девушка узнала монету в руке шемита. Такие монеты тайно чеканила изуверская секта зугитов, и на них изображался профиль того, кто вот уже три тысячи лет считался покойником.

Пыльная дорога вилась среди иззубренных утесов и обглоданных ветрами скал-свидетелей, которые подобно башням высились над узкими долинами. То и дело встречались селения — скопище хижин, сложенных из камней и обмазанных грязью. Из этих домов появлялись жители хорайянского пограничья, мужчины садились на коней и присоединялись к войску, и оно, пока двигалось через холмы, увеличилось на три тысячи конных лучников.

Холмы наконец остались позади, а впереди раскинулась такая огромная ширь, что при виде ее аж дух захватывало. Сухие

луга уходили к югу, там обрезались крутым обрывом — это была естественная граница между Кофским нагорьем и пустыней. По эту сторону гряды холмов земля скудна, здесь обитало только племя захеми, которому вменялось в обязанности охранять караваны от нападений кочующих разбойников. Дальше к югу простиралась пустыня с ее пыльными бурями и редкими оазисами и источниками воды. Где-то за горизонтом находился источник Алтак, и там сейчас отдыхали войска Натока.

Воины глядели со склонов вниз, на караванный путь, по которому раньше текли дорогие товары севера и юга и по которому прошли когда-то армии Кофа, Шема, Турана и Стигии. Насколько Конан знал, только здесь всадникам можно было спуститься в долину — через единственное ущелье, не перегороженное каменными завалами. Ущелье походило на русло огромной реки, протянувшееся с холмов; два его рукава расходились и представляли собой естественные горные дороги с пологими внутренними склонами и крутыми внешними. Долина постепенно выходила на изрезанную оврагами подошву горы. Там был колодец, а также скопление каменных башен, в которых обитало племя захеми.

В этом месте войско остановилась по знаку своего военачальника. Конан спешился, чтобы сменить рыцарские латы на привычную кольчугу. К нему подъехал граф Теспидский, спросил недовольно:

— Почему мы стали?

— Будем ждать Натока здесь,— лаконично ответил Конан.

— Рыцарю подобает не ждать врага, а самому мчаться ему навстречу,— презрительно молвил граф.

— У колдуна слишком много воинов, нас просто раздавят численным перевесом,— объяснил Конан.— Вдобавок там почти нет воды. Достаточно отрезать нас от источников — и даже сражаться не понадобится, мы перемрем сами. Лучше здесь займем жесткую оборону, все равно другого пути в Хорайю нет...

— Мои рыцари спустятся и разобьют лагерь в долине,— высокомерно перебил граф Теспидский.— Мы — авангард, и наше место — впереди армии. И никто из нас не боится сброда из пустыни.

На это Конан лишь плечами пожал, и взбешенный аристократ ускакал к своему отряду.

Амальрик спорить не стал, он велел своим воинам располагаться в ущелье и проводил сверкающих латами рыцарей брезгливым взглядом.

— Вот дураки! Надолго ли хватит воды в их флягах? Скоро потащатся обратно поить коней.

— Пусть что хотят, то и делают,— махнул рукой Конан.— Этим щеголям не нравится, что ими командует чужеземец да вдобавок варвар, а мне не нравится, что в их напомаженных головах больше спеси, чем ума. Ничего, справимся и без них. Вели-ка братьям-волкам не терять времени даром и маленько отдохнуть перед дракой. Пускай позаботятся о конях и сами хорошенько подкрепятся.

Посылать вперед дозоры не было резона — пустыня просматривалась очень далеко, лишь на горизонте ее скрадывали низко висящие облака. Плоскость рельефа в нескольких милях от холмов нарушалась нагромождением каменных развалин — если верить легенде, это были останки древнего стигийского храма.

Спешенных регулярных лучников вместе с полудикими ополченцами Конан разместил вдоль горных гребней. Наемников и хорайянских копейщиков поставил на плато возле колодца. В тылу, там, где дорога только-только выходила на плато, воздвигли шатер принцессы.

Противник все не показывался, и войско расслабилось. Люди сняли шлемы, расстегнули пояса и перевязи. Пришло время обедать; перебрасываясь грубыми шутками, воины с чавканьем уплетали мясо и запивали его пивом прямо из бочек, сгибаясь и окуная в него губы. На гребне бездельничали лучники, закусывая оливками, финиками и козьим сыром. К Конану, сидевшему на валуне с непокрытой головой, подошел Амальрик.

— Слышал, Конан, что рассказывают о Натоке дикари? Просто волосы дыбом встают, клянусь милостью Митры! А ты что скажешь?

— Иное семя веками лежит в почве и не гниет,— произнес киммериец.— Однако три тысячи лет — срок слишком долгий для любого семени. И все же я не сомневаюсь, Наток — человек.

— А я в этом вовсе не уверен,— буркнул Амальрик.— Ну да ладно, демон с ним. Я, собственно, по другому поводу к тебе. Мои поздравления, Конан,— ты построил это войско, как опытный полководец. Теперь банды Натока не захватят нас врасплох. Но что это за туман на горизонте?

— Сначала я думал, облака,— ответил Конан.— Но ты погляди: они же ползут на нас!

Он был прав: то, что совсем недавно выглядело как невинные облака, оказалось густым туманом, и он накатывался на север, подобно огромной океанской волне, стремительно сокращая открытый пустынный ландшафт. Вот он захлестнул развалины стигийского храма и потек дальше. Воины при виде этой небывалой, неестественной картины застыли в изумлении.

— Посылать туда дозорных бесполезно,— сказал огорченный Амальрик,— там, небось, ни зги не видать. Скоро он и до нас доберется...

Конан, с растущим беспокойством наблюдавший за приближением тумана, вдруг лег и прижал ухо к земле. Через миг он вскочил на ноги и исторг проклятие.

— Это они! На конях и боевых колесницах! Их тысячи, земля дрожит от копыт. Эй, вы! — прогремел его голос по долине и сорвал с мест отдыхающих воинов.— Живо к оружию, волки! Строиться!

Едва воины успели привести в порядок свои доспехи и занять позиции, туман откатился прочь, открывая несшуюся под его прикрытием орду, как занавес открывает сцену. А еще через мгновение он исчез, подобно тому, как исчезает задутый огонек свечи, и снова на пустыню обрушились жгучие солнечные лучи. Но пустыня уже не была голой — перед ошеломленным хорайянским войском кипело море из бронзы и стали, наконечники копий сверкали, как мириады звезд. Когда исчез туман, наступающие остановились. Воины стояли длинными шеренгами, плечом к плечу, блестя доспехами на солнце.

Впереди застыл длинный ряд колесниц, запряженных огромными неистовыми конями из Стигии, с цветными плюмажами на головах. Кони фыркали и пятились, когда обнаженный возница подавался туловищем назад, сгибая крепкие ноги и напрягая рельефные мышцы рук. В колесницах стояли рослые воины со смуглыми суровыми лицами, в бронзовых шлемах с полумесяцами на шишаках. Это были не простые воины, а аристократы Юга, рожденные для войн и охоты, умеющие на всем скаку поражать стрелами прыгающих навстречу львов.

За ними стоял в ожидании сигнала пестрый отряд полудиких всадников из Куша, самого северного из великих Черных королевств. Их тела лоснились, как эбеновое дерево. Гибкие и ловкие, как обезьяны, они носили только набедренные повязки из красивых перьев и держались на конях без седел, узды и стремян.

Орда позади них, казалось, затопила собой весь окоем: тысячи и тысячи воинственных сынов Шема в цилиндрических шлемах, а также диких кочевников пустыни в белых хламидах.

Все это войско снова пришло в движение, но уже беспорядочное: колесницы сбились в толпу, в рядах конницы возникли водовороты, пехота бессмысленно засуетилась. При виде столь огромного войска хорайянские рыцари поспешили сесть на коней и построиться, а их предводитель галопом помчался в лагерь основного войска. Подъехав к Конану, он не спешился, как подобало бы подчиненному, а резко заговорил с седла:

— Они не ожидали, что сойдет туман, и сейчас пребывают в замешательстве! Самый подходящий момент, чтобы атаковать. У кушитов нет луков, только круглый дурак мог выставить вперед этих голопузых мартышек. Натиском рыцарей они будут отброшены на шемитов и нарушат их строй. Я начинаю — ты добиваешь! Мы разгромим их одним ударом!

Конан отрицательно покачал головой:

— Я бы с тобой согласился, будь перед нами обычный враг. Но это замешательство в их рядах уж больно смахивает на военную хитрость. Такое впечатление, будто они хотят, чтобы мы ударили первыми. Нет, граф, я не буду рисковать.

— Не желаешь наступать?! — воскликнул аристократ, побагровев от гнева.— Презренный трус!

— Не пори горячку,— увещевал его киммериец.— Сейчас у нас выгодная позиция...

Выкрикнув грязное ругательство, граф Теспидский повернул копя и галопом умчался в долину, где его нетерпеливо дожидались рыцари.

Амальрик с упреком посмотрел на Конана:

— Зря ты его отпустил. Я бы на твоем месте... Гляди!

Граф остановился перед строем своих воинов. Его голос был едва слышен, но взмах руки в сторону неприятеля был достаточно красноречив. Пятьсот коней наклонились параллельно земле, и сверкающий латами, грохочущий копытами отряд помчался на врага.

От шатра Ясмелы прибежал запыхавшийся молоденький паж, пронзительно закричал:

— Конан, принцесса спрашивает, почему ты не выступаешь следом за графом Теспидским?

— Потому что я не такой самонадеянный дурак, как он,— хмуро ответил Конан, усаживаясь на валун, беря в руки большой говяжий окорок и принимаясь обгладывать мясо с кости.

— Раньше ты сам любил почем зря лезть на рожон,— заметил Амальрик.— Похоже, власть идет тебе на пользу. Я не раз замечал, ответственность за своих людей остужает самые горячие мозги.

— Да, раньше я рисковал только собственной шкурой, а ее сохранность меня не очень-то заботит,— кивнул Конан.— Что это там, разрази меня Кром?!

Вражеское войско застыло. От края правого фланга отделилась колесница, помчалась вперед. Голый возница неистово хлестал коней. На колеснице стоял кто-то огромный, в черном шелковом одеянии, развевающемся на ветру. Он держал в руках большой золотой кувшин, из которого тонкой струйкой сыпался блестящий на солнце порошок. Колесница проехала перед всем фронтом войска пустыни, и за ней остался на песке тонкий сверкающий след.

— Наток! — вскричал Амальрик.— Что за адские семена сеет колдун?

Бросившиеся в атаку рыцари не умерили свой опрометчивый натиск. Осталось каких-то пятьдесят шагов до неровных шеренг кушитов, а те стояли неподвижно, даже не опустили копий навстречу врагу. И вот передний ряд рыцарей оказался над блистающей тонкой полосой. Как только ее коснулись подковы, раздались звуки, как будто сталь ударила о кремень — но с результатом куда более страшным. Пустыню сотрясло чудовищным взрывом, ее пересекла ослепительно белая вспышка.

Вся передняя шеренга рыцарей была уничтожена этим пламенем. Лошади и их закованные в броню седоки умирали в огне, как муравьи на раскаленном противне. В следующее мгновение задний ряд налетел на обугленные тела. Всадники, несшиеся во весь опор, не могли остановиться и ряд за рядом попадали в пламя. Так и не соприкоснувшись с врагом, могучие рыцари погибали сотнями в страшных корчах, под ржание искалеченных коней.

Показного замешательства как не бывало — орда мгновенно приняла идеально четкие боевые порядки. Чернокожие дикари устремились вперед, пронзать копьями раненых, каменными булавами и чугунными молотами сбивать шлемы с всадников. Все закончилось так быстро, что зрители на склонах даже не успели осознать, что произошло. И за кушитами вперед двинулась вся орда, разделившись надвое, огибая кучу обугленных тел.

Эта картина ужаснула воинов на холмах. «Наши враги — не люди! — вскричали они.— Это сущие демоны!» Дрогнули лучники-ополченцы на гребнях, один из них бегом спустился на склон, с его бороды срывалась пена.

— Бегите! — призывал он. — Спасайтесь! Против чар Натока не устоит никто!

Конан с проклятием сорвался с валуна и огрел паникера обгрызенной костью. Тот рухнул замертво, из носа и рта хлынула кровь. Конан рывком обнажил меч, его глаза превратились в щели, горящие синим огнем.

— Всем стоять, где стоите! — выкрикнул он.— Тому, кто сделает хоть шаг назад, башку снесу! Будем сражаться! Победим или ляжем костьми, но не отступим перед этой колдовской сволочью!

Паника улеглась так же быстро, как и поднялась. Ярость Конана окатила войско, словно ледяная вода, погасила пламя страха.

— Поняли, что я сказал? — прорычал он, озирая ряды своих воинов грозным взглядом.— Сегодня ни люди, ни демоны не пройдут на землю Хорайи!

Первыми встретить врага должны были наемники, крепко держащие копья в руках. Позади них стояли хорайянские конники, а чуть дальше и левее — резерв, тяжелая хорайянская пехота. Ясмела находилась у входа в шатер. От ужаса она лишилась дара речи и побледнела как полотно: свое войско казалось ей жалкой горсткой в сравнении с огромной ордой кочевников.

Конан стоял перед строем копейщиков. Он знал, колесницы не будут карабкаться вверх по ущелью навстречу губительным стрелам, но заворчал, увидев, как спешиваются всадники. Он заметил, у диких воинов пустыни нет обоза с припасами, воду и еду они везли в седельных сумках. Они дружно выпили последнюю воду и бросили фляги на землю.

— Отступать не намерены,— хмуро заключил он.— Но и потерь лишних не хотят, иначе бы атаковали в конном строю. А жаль: раненые лошади хорошо ломают боевые порядки.

Орда построилась гигантским клином. Его наконечником были стигийцы, за ними стояли шемиты в кольчугах и цилиндрических шлемах, а на флангах — кочевники и кушиты. Сомкнувшись и подняв щиты, они двинулись в атаку. Позади остался высокий колдун в неподвижной колеснице. Он воздел руки и запрокинул прикрытую вуалью голову в чудовищном заклинании.

Как только орда вклинилась в широкое преддверие ущелья, на нее обрушился град стрел. Щиты и доспехи спасали не всех — нападающие десятками падали с ног. Стигийцы бросили свои бесполезные луки; низко наклонив головы в шлемах, прикры-

ваясь высокими щитами, они стремились вперед неукротимой волной, перешагивая через тела упавших соотечественников. Но лучники-шемиты своего оружия не бросили, и от их стрел потемнело небо. Конан смотрел на колышущийся лес копий и гадал, какую новую подлость подготовил чародей. Что-то подсказывало ему: Наток, как и все колдуны его сорта, в обороне куда опасней, чем в нападении. Если сейчас контратаковать, это закончится сокрушительным поражением хорайян.

Однако несомненно, что эта же магия заставляла воинов пустыни идти вперед, невзирая на огромные потери. У Конана захватило дух: передние ряды врага были уже уничтожены почти целиком. Постепенно таяли задние углы клина, и уже все устье долины покрылось мертвыми телами. Но живые продолжали наступать, как будто они лишились рассудка, как будто неизбежность смерти для них ничего не значила.

У Натока было гораздо больше лучников, чем у Конана, и это уже сказывалось: хорайянские стрелки падали с утесов один за другим. Тучи стрел заставляли укрываться неопытных в бою, необстрелянных ополченцев. Но хватало и тех, кто при виде страшной опасности только сжимал зубы и все быстрее метал стрелы во врагов, сверкая глазами, как попавший в западню волк.

Вот орда подступила к узкому горлу ущелья, и вниз с грохотом покатились огромные валуны, десятками круша воинов. Но атака не захлебнулась. Бойцы Конана подготовились к неизбежной рукопашной схватке. Они стояли плотными рядами; хорошая броня и надежные щиты свели потери от стрел к минимуму. Тем не менее Конан понимал, что противостоять огромному клину в ближнем бою его отряд сможет недолго. Он схватил за плечо стоящего рядом захеми.

— Можно как-нибудь спуститься в долину в стороне от этого прохода?

— Есть тайная тропка западнее, но она очень опасна, особенно для всадников...

Конан потащил его к Амальрику, сидящему на огромном боевом коне.

— Поезжай за ним,— приказал киммериец. — Он проводник, покажет, как спуститься в пустыню другим путем. Ударите орде в тыл! Не спорь со мной, а действуй! Я понимаю, нас это не спасет, но хоть побольше врагов уничтожим.

Амальрик в свирепой ухмылке встопорщил усы, и через несколько минут его верховые копейщики следом за захеми скрылись в ущелье. Конан с мечом в руке бегом вернулся к пешим копейщикам.

И вовремя. В долине и на склонах люди умирали как мухи, но лучники Шупраса уже не могли сдерживать натиск неприятеля. С ревом всесокрушающего урагана стигийцы обрушились на наемников. Шеренги мгновенно смешались в грохоте и блеске стали. Псам войны со всего света противостояли аристократы Юга, рожденные и вскормленные для битв. Щиты раскалывались о щиты, с треском ломались древки копий, скрежетала сталь, пробивая доспехи. И рекой лилась кровь.

Конан заметил за лесом островерхих и цилиндрических шлемов могучую фигуру Кутамана, но пробиться к стигийскому принцу не было никакой возможности, он едва успевал отбивать чужие мечи и копья и разрубать запрокинутые, перекошенные от натуги и злобы лица. На стигийцев сзади с дикими воплями напирали шемиты. Кочевники на флангах орды карабкались на утесы и сходились в рукопашной со своими горными родственниками. Стиснутое каменными гребнями, кипело это озеро из крови, плоти и стали. Зубы против зубов, ногти против ногтей, безумный фанатизм против древней кровной вражды. Люди разрывали друг друга на куски; лишившийся копья или меча порывал вцепиться зубами в горло.

Наступающие несли огромные потери. Стигийцы полегли почти все, в рукопашную схватку вступили шемиты и завывающие нагие кушиты с развевающимися на ветру волосами. В битве установилось зыбкое равновесие. Хорайянские пастухи удерживали гребни, а наемники, сжимая в руках окровавленные копья, упираясь ногами в землю, защищали вход в ущелье. Выгодная позиция и надежная броня позволяли войску Конана сдерживать численно превосходящего неприятеля. Но

долго это продолжаться не могло. Волна за волной кочевники с безумием в глазах устремлялись вверх по склонам – и откатывались, оставляя кровавую пену.

Во время одной из коротких передышек Конан обернулся и понял, что отряд Амальрика уже огибает западный гребень. Но они все не показывались внизу, в пустыне, а враг снова устремился в атаку, и наемные копейщики попятились под неистовым натиском. Надежда на победу и спасение оставила Конана.

Отдав краткие приказы задыхающимся капитанам, он покинул строй и поскакал к резерву. Хорайянские воины дрожали от нетерпения. О принцессе он совершенно забыл, сейчас в нем остался только инстинкт дикого зверя, требовавший перед смертью убить как можно больше врагов.

– Рыцарей у нас больше нет, но сегодня ими станете вы! – пообещал он со смехом, показывая окровавленным мечом на пасшихся поблизости лошадей лучников ополчения.– По коням, и за мной – в преисподнюю!

Непривычные к лязгу кофской брони лошади пастухов шарахались в стороны и ржали, но несли своих всадников вслед за хохочущим киммерийцем туда, где восточный гребень ответвлялся и спускался в пустыню. Пятьсот бывших пехотинцев на полудиких шемитских конях мчались вниз по склону, по которому еще ни разу не рисковала двигаться конница.

С грохотом доспехов и копыт они скатились в заваленное трупами устье долины. При этом два десятка коней оступились и рухнули под копыта других, злополучные седоки вопили и корчились под громовой лавой. Но их гибель не была напрасной – в следующий миг хорайянские воины обрушились на тыл войска Натока, оставляя за собой ковер из растоптанных трупов.

Под этим страшным ударом вражеский клин вмиг смялся, утратил форму. И тут вокруг оконечности западного гребня промчались конники Амальрика и тоже врубились в чужую армию, как врубается в мягкое дерево каленый топор. Внезапное нападение двух отрядов на тыл кочевников ошеломило их,

лишило боевого духа. Воины пустыни решили, что по ним ударили превосходящие силы. Боясь оказаться отрезанными от родных песков, они кинулись врассыпную, подставив спины своих более стойких товарищей под удар всадников. И те не замедлили этим воспользоваться. Успевшие забраться на склоны кочевники и кушиты дрогнули, и защитники гребней обрушились на них с удвоенной яростью; разрубленные, пронзенные стрелами тела градом посыпались вниз.

Это была победа Конана и поражение воинов пустыни, даже не успевших осознать, что на них напали с тыла всего лишь две горстки храбрецов. Орда рассыпалась, и сейчас никакой маг не сумел бы превратить ее в боеспособную армию. Наемники Конана увидели через лес копий и мечей Амальрика с его всадниками — они прорубались к одному из немногих последних очагов сопротивления, круша все и вся на своем пути. И безумная радость зажгла отвагой сердце каждого защитника ущелья.

Пешие наемники дружно двинулись вперед, их стальные руки окунали копья в кипящие перед ними ряды. Пали все до одного, не сойдя с места, аристократы Юга. Попятились шемиты, всегда лучше владевшие луком, чем мечом и копьем. А кушиты обратились в паническое бегство, и лишь кое-где отдельные группки темнокожих смельчаков продолжали сопротивляться.

Наверху, на гребне, лежал со стрелой в сердце доблестный старый Шупрас. Ругаясь на чем свет стоит, упал с седла Амальрик — брошенный кочевником дротик пробил ему бедро. От пехотинцев, посаженных Конаном на коней, уцелело полтораста человек. Но свою задачу они выполнили блестяще: раскололи на части качавшуюся непобедимой орду. Враги сломя голову удирали к лагерю, мечтая добраться до своих коней. Пастухи-ополченцы, ринувшись вниз по склонам, разили бегущих, пронзали горло раненым.

В кровавом хаосе побоища перед опалевшим от ужаса скакуном Конана возникло поистине адское видение: принц Кутаман в одной набедренной повязке и помятом шлеме с плюмажем. Его тело было залито кровью. С воплем разъяренного де-

мона он бросил Конану в голову обломок своего меча и в прыжке схватился за узду.

Полуоглушенный киммериец едва удержался в седле. Смуглокожий великан рвал узду то вправо, то влево, пока конь с диким ржанием не завалился на песок, пропитанный кровью, усеянный чьими-то внутренностями.

Только сверхчеловеческая ловкость спасла всадника. В последний момент он выпрыгнул из седла и отпрянул от лошади и обезумевшего принца. Кутаман с ревом бросился на него. В горячке боя киммериец не запомнил, как именно он убил этого человека. Помнил только, что камень в руке стигийца вновь и вновь обрушивался на шлем, так что искры сыпались из глаз, а Конан вновь и вновь всаживал кинжал в невероятно живучее тело.

Наконец он попятился от изуродованного трупа, остановился и осмотрелся. От гребня до гребня сплошным красным ковром лежали тела. А внизу, в пустыне, еще продолжалось побоище. Уцелевшие враги добрались до своих коней и стремглав помчались прочь. Их преследовали, но стало ясно, что большинство спасется. Конан был потрясен, увидев, как мало у него осталось людей.

Вдруг чудовищный вопль перекрыл шум резни. По устью ущелья, к ее горловине, неслась колесница, высоко подпрыгивая над трупами. И не кони были в нее впряжены, а громадная, похожая на верблюда черная тварь. Возница — чудовищная человекообезьяна — неистово хлестал бичом, а седоком был Наток в развевающемся на ветру одеянии.

С порывом жгучего ветра пустыни колесница взлетела по усеянному телами склону. Она неслась прямо к шатру, где осталась всеми забытая Ясмела. Даже ее стража в горячке боя унеслась преследовать врагов. Конан похолодел, услышав пронзительный женский крик. Длинная, костлявая рука Натока схватила девушку и втащила в колесницу, а затем адская повозка развернулась и помчалась обратно в пустыню. И никто не посмел бросить копье или пустить стрелу, рискуя попасть в Ясмелу, которая извивалась в объятиях колдуна.

Только Конан, оказавшийся почти на пути Натока, с яростным ревом бросился наперерез. Но не успел он поднять меч, как передние ноги черной твари ударили его в грудь с невероятной силой, и он кувырком отлетел на несколько шагов. Колесница с грохотом проехала мимо, крик Ясмелы призрачным эхом отдался в его оглушенном мозгу.

Но уже в следующую секунду Конан снова оказался на ногах, с проклятием поймал узду ближайшей осиротевшей лошади. Птицей взлетев в седло, он во весь опор понесся вслед за чародеем и его пленницей. Подобно смерчу, пересек он опустевший вражеский лагерь. Он устремился в пустыню, минуя отряды своих воинов, не обращая внимания на удирающих в панике врагов.

Долго колесница мчалась в глубь пустыни, и долго преследовал ее киммериец. И вот уже запатался от изнеможения конь под ним. Кругом лежали пески, купаясь в пламенной роскоши южного солнца. Впереди появились древние руины, и вдруг возница с нечеловеческим визгом рванул на себя вожжи, и верблюд взвился на дыбы, а Наток с девушкой вылетели из колесницы. На глазах у потрясенного Конана произошла чудовищная метаморфоза: из спины черной твари, уже ничем не напоминавшей верблюда, выпростались гигантские кожистые крылья, и она взмыла в небеса, унося с собой сгусток ослепительного огня, в котором что-то радостно лопотала человекообразная обезьяна. Миг — и они исчезли, как жуткое видение из дурного сна.

Наток вскочил на ноги, бросил злобный взгляд на своего преследователя, приближавшегося с обнаженным клинком. Сразиться с ним чародей не рискнул — схватив лишившуюся чувств девушку в охапку, бросился в руины.

Конан спрыгнул с коня и побежал вдогонку. Вскоре он очутился в зале, заполненном неестественным, вызывающим дрожь светом, хотя снаружи уже сгущались сумерки. На черном нефритовом алтаре лежала Ясмела, ее обнаженное тело отсвечивало, как слоновая кость. Одежды принцессы валялись на полу — они были сорваны чародеем в страшной спешке. Наток повернулся на звук шагов киммерийца.

Колдун оказался невероятно высок и тощ и укутан в черные с зеленым отливом шелка. Он откинул вуаль с лица, и Конан увидел черты, знакомые ему по зугитской монете.

— Вон отсюда, пес! Беги, если жизнь дорога! — Голос его походил на шипение исполинской змеи.— Я Туграхотан! Я тысячи лет пролежал на этом одре, дожидаясь пробуждения. Искусство моих жрецов спасло меня от варваров, но оно же заставило меня томиться в бездействии. Но я знал, однажды в мою усыпальницу проникнет хитроумный вор и освободит меня. Так и случилось, в награду этот несчастный умер так, как никто не умирал за тридцать веков! Жалкий глупец! Ты видел, как бежало мое войско с поля сражения, видел, как предали меня мои адские рабы. И ты думаешь, что победил? Как бы не так! Я — Туграхотан, и я буду владычествовать над этим миром, презрев его беспомощных божков. Снова пустыня заполнится преданными мне людьми, снова демоны пойдут ко мне в услужение, и на сей раз я не совершу глупой ошибки! Не позволю вожделению к женщине ослабить мои чары! Она теперь моя, и я выпью ее душу и стану непобедим. А ты, дерзкий щенок, дорого заплатишь, встав на пути будущего владыки мира!

Он швырнул свой посох к ногам Конана, и тот отпрянул, с губ сорвалось проклятие: посох вдруг ожил, стал изгибаться, корчиться, и вот на полу перед киммерийцем шипит кобра с развернутым капюшоном. Конан взмахнул мечом, у его ног остались лежать лишь два куска посоха из черного дерева.

Туграхотан расхохотался и поднял что-то с пола. На этот раз — никаких фокусов, на голой ладони колдуна изготовился к нападению огромный черный скорпион, самое ядовитое насекомое пустыни. Один укол его шипастого хвоста — и жертву уже ничто не спасет.

Секунду Конан медлил в нерешительности. Затем бросил меч, как копье.

Чего-чего, а этого Туграхотан явно не ждал. Он не успел отпрыгнуть или отклониться, клинок пронзил ему грудь под сердцем и вышел из-под лопатки. Чародей захрипел и повалился, раздавив в кулаке ядовитую тварь.

А варвар поспешил к ложу, чтобы поднять окровавленными руками Ясмелу. Она судорожно обвила руками его шею в кольчуге и заплакала в истерике.

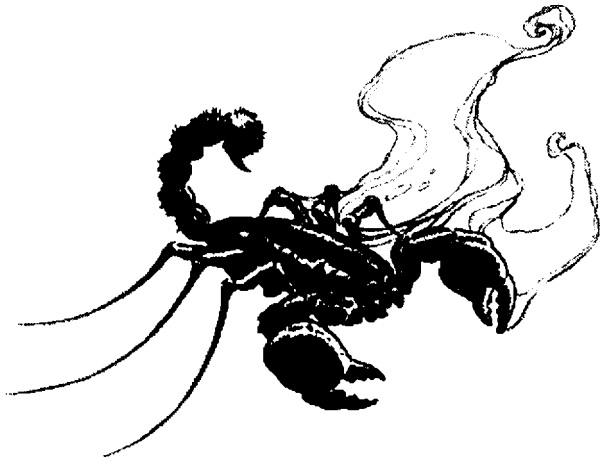
— Кром! — воскликнул он. – Нашла время распускать нюни, крошка! Пусти-ка меня. Сегодня полегло пятьдесят тысяч человек, и у меня еще уйма работы...

— Нет! — пролепетала она сквозь рыдания, прижимаясь к нему изо всех сил. — Я не отпущу тебя, ты мой! А я твоя, ты меня завоевал огнем, сталью и кровью! Пусть там, среди других людей, я буду принцессой Ясмелой, гордой и неприступной, а здесь я принадлежу тебе и себе. Нет, Конан, ты не уйдешь от меня.

Мгновение он колебался, в душе его бушевали страсти, в мозгу лихорадочно метались мысли. Неземной свет железной усыпальницы не погас со смертью колдуна, и в нем восхитительно сияла кожа девушки, блестели ее влюбленные, взволнованные глаза.

Кром! — процедил Конан.— Дурак я буду, если откажусь от такого предложения.

И он с дикой страстью сжал в объятиях гибкий девичий стан.



Тени в лунном свете

1

Стремительный натиск на высокий тростник. Грохот падения, пронзительное ржание. Рядом с умирающим конем, шатаясь, поднялся всадник – стройная девушка в сандалиях и подпоясанной тунике. Ее темные волосы падали на белые плечи, в глазах застыл ужас затравленного зверька. Она не смотрела ни на заросли тростника, окружающие небольшую прогалину, ни на синие воды, что плескались о низкий берег позади нее. Взгляд широко раскрытых глаз не отрывался от наездника, который пробился через стену тростника и спешился перед девушкой.

Это был высокий мужчина, худощавый, но крепкий как сталь. С головы до ног его прикрывала легкая посеребренная кольчуга, она облегала гибкое тело, как перчатка. Из-под куполообразного шлема, украшенного золотом, на девушку насмешливо взирали карие глаза.

— Отойди! — Ее голос звенел от страха.— Не прикасайся ко мне, шах Амурас, не то я брошусь в воду и утону!

Он рассмеялся – эти звуки напоминали шелест меча, выскальзывающего из шелковых ножен.

— О нет, Оливия, дочь недоразумения, ты не утонешь. Здесь слишком мелко, я успею схватить тебя прежде, чем доберешь-

---

© Перевод Г. Корчагина.

ся до глубокого места. Видят боги, это была нелегкая охота — охота на человека, и все мои люди остались далеко позади. Но к западу от Вилайета нет скакуна, которому по силам уйти от Ирема.— Он кивнул в сторону высокого, тонконогого степного коня.

— Отпусти меня! — взмолилась девушка, и слезы покатились по ее щекам. - Разве я мало страдала? Разве есть на свете унижения и пытки, которым ты меня не подвергал? Сколь долго еще мне мучиться?

— До тех пор, пока мне не наскучат твои слезы, мольбы, стоны и корчи,— ответил он с улыбкой, которая человеку, не знающему его, могла показаться чарующей.— Оливия, ты на удивление мужественна. Мне хочется узнать, надоешь ли ты мне когда-нибудь, как надоедали все женщины до тебя. Что бы я ни делал с тобой, ты остаешься свежа и незапятнанна. Каждый день, проведенный в твоем обществе, дарит мне новые радости. Иди сюда, пора возвращаться в Акит, где народ все еще празднует победу над жалкими козаками, пока их победитель гоняется за негодницей-беглянкой!

Нет! Она отпрянула и повернулась к воде, плещущей под ковром тростника.

Да! Неприкрытая ярость была как искра, высеченная из огнива. С тигриным проворством он настиг девушку, поймал ее руку и заломил — жестокость ради жестокости,— пока Оливия не упала на колени, крича от боли.

- Дрянь! Надо бы привязать тебя к хвосту коня, чтобы бежала до самого Акита, но я милосерден. Поедешь на луке моего седла. Смиренно благодари за эту милость, не то...

Он ахнул от неожиданности, отпустил Оливию, схватился за саблю и прыгнул в сторону, когда из зарослей тростника с нечленораздельным яростным воплем выскочило жуткое существо.

Лежа на земле, Оливия увидела незнакомца и сразу приняла его за дикаря или безумца. Дикарь был мощного телосложения, наг, если не считать набедренной повязки в пятнах крови и высохшего ила. Его черные волосы слиплись от крови и тины,

тело было сплошь в грязи, а длинный прямой меч, который он держал в правой руке, тоже покрыт запекшейся кровью. Под беспорядочно спадавшими на лоб волосами сверкало синее пламя налитых кровью глаз.

— Гирканский пес! — с варварским акцентом процедил сквозь зубы незнакомец.— Не иначе демоны мести привели тебя сюда!

— Козак! — отпрянув, воскликнул Амурас.— А я и не знал, что кому-то из вас, псов, удалось сбежать! Я думал, что все вы легли костьми в степи у реки Ильбарс.

— Все легли, кроме меня, будь ты проклят! — крикнул варвар.— О, как я мечтал о нашей встрече, когда полз на брюхе по зарослям колючек, когда лежал под камнями, а муравьи жрали меня заживо, когда захлебывался болотной грязью! О боги ада, как я ждал этого мига!

Кровожадную радость незнакомца невозможно было описать. Его зубы скрипели, желваки перекатывались, на почерневших губах выступила пена.

— Не подходи! — рявкнул Амурас, следя за ним сузившимися глазами.

— Ха! — Возглас напоминал рык дикого волка.— Шах Амурас, великий правитель Акита! Не передать, до чего же я рад видеть того, кто скормил моих товарищей стервятникам, того, кто разрывал их дикими конями, того, кто выкалывал им глаза, заживо сдирал с них кожу. Ах ты, пес! Грязный пес! — Его слова перешли в нечленораздельный вопль, и он бросился на шаха.

Выглядел безумец или дикарь поистине устрашающе, и все-таки Оливия ждала, что он упадет при первом же скрещении мечей. И правда, что он, нагой, может сделать защищенному кольчугой повелителю Акита?

Клинки блеснули и разлетелись, будто и вовсе не касались друг друга. Затем меч промелькнул быстрее сабли и с ужасающей силой опустился на плечо шаха Амураса. Оливия вскрикнула — столь яростен был удар. Она явственно различила скрежет кольчуги и хруст костей. Гирканец отшатнулся, вмиг его лицо приобрело пепельный цвет, из-под кольчуги потекла кровь. Сабля выпала из руки.

— Пощады,— хрипло прошептал он.

— Пощады? — Голос незнакомца дрожал от бешенства.— А ты, свинья, пощадил моих друзей?!

Оливия закрыла глаза. Это уже не битва, а кровавая расправа, безумная и яростная, вдохновляемая ненавистью и бешенством,— безжалостная кара за пытки и бессмысленные убийства. Хотя Оливия и знала, что Амурас не заслуживает сострадания ни одного живого существа, она закрыла глаза и зажала ладонями уши. Она не могла смотреть на поднимающийся и опускающийся меч, не могла слышать отвратительного хруста, с каким он вонзался в поверженного врага, и захлебывающиеся крики, которые становились все тише и наконец прекратились.

Оливия открыла глаза. Незнакомец отвернулся от кровавой груды, которая лишь отдаленно напоминала человека. Грудь победителя вздымалась от усталости или волнения, лоб был покрыт испариной, правая рука забрызгана кровью.

Он не заговорил с девушкой, даже не глянул в ее сторону. Оливия смотрела, как он идет сквозь заросли тростника к воде, нагибается, берется за что-то, тянет. Выплыла лодка, которую дикарь прятал в тростнике. Тогда девушка догадалась, как намерен поступить незнакомец, и эта догадка побудила ее действовать.

— Подожди! Она вскочила на ноги и, пошатываясь, догнала его. Не оставляй меня! Возьми с собой!

Он обернулся и внимательно посмотрел на нее. Теперь он выглядел по-другому. Воспаленные глаза не светились безумием. Как будто кровь, только что пролитая им, потушила огонь его бешенства.

— Кто ты такая? хмуро спросил он.

— Меня зовут Оливия. Я была его пленницей. Я убежала. Он преследовал меня, потому и оказался здесь. О, не оставляй меня! Его люди где-то недалеко. Они найдут мертвеца, найдут меня рядом с ним... О!

Девушка застонала от ужаса и заломила руки. На лице варвара появилась растерянность.

— Ты действительно хочешь отправиться со мной? — суровым тоном спросил он.— Ведь я дикарь, и, вижу, ты боишься меня.

— Да, боюсь,— ответила девушка. Она была слишком потрясена, чтобы скрывать свои чувства.— Не могу не дрожать при виде тебя. Но гирканцев я боюсь сильнее! О, позволь мне плыть с тобой! Они запытают меня до смерти, если найдут рядом с телом своего мертвого повелителя!

— Что ж, садись.

Он посторонился, и Оливия быстро шагнула в лодку, стараясь не коснуться его. Варвар ступил в лодку, оттолкнулся от берега веслом и, орудуя им как шестом, стал с трудом прокладывать дорогу среди высоких стеблей тростника. Наконец они выбрались на чистую воду. Он сел и принялся широко, уверенно грести обоими веслами. Девушка невольно залюбовалась буграми его могучих мышц, которые перекатывались под грязной кожей.

Некоторое время они молчали. Девушка съежилась на носу лодки, мужчина работал веслами. Она наблюдала за ним с боязливым любопытством. Очевидно, размышляла она, что он не гирканец, и он не похож на уроженца какой-нибудь хайборийской страны. В нем явлена жизненная сила волка, отличающая варваров. Черты его лица, покрытого шрамами битв, болотной грязью и свежепролитой кровью, выражали неукротимую дикость. Но в них не было тупой злобы или извращенной жестокости.

— Кто ты? — спросила девушка.— Шах Амурас назвал тебя козаком. Ты был в шайке, которую он разгромил?

— Я Конан из Киммерии, — проворчал он.— Да, я был с козаками, как называли моих товарищей гирканские псы.

Киммерия? Девушке смутно припомнилось, что эта страна лежит где-то на северо-западе, намного дальше самых далеких государств белой расы.

— Я дочь короля Офира,— сказала она.— Отец продал меня повелителю шемитов, потому как я отказалась выйти замуж за принца Кофа.

Киммериец удивленно хмыкнул. Губы девушки искривила горькая усмешка.

— О да, в цивилизованных странах есть обычай продавать своих детей в рабство дикарям. И при этом твое племя, Конан из Киммерии, называют варварским.

— Мы не продаем своих детей,— процедил он, свирепо выпятив подбородок.

— Ну а меня продали. И король пустынной страны нашел мне самое «достойное» применение. Он хотел купить благосклонность шаха Амураса, и я была в числе даров, которые он привез в Акит, город пурпурных садов. Потом...

Она вздрогнула и спрятала лицо в ладонях.

— Я должна бы давно утратить стыд,— сказала она.— Но каждое воспоминание для меня — все равно что удар плети для раба. Я жила во дворце шаха, пока несколько недель назад он со своим войском не отправился сражаться с бандой чужеземцев, которая бесчинствовала на границах Турана. Вчера он вернулся с победой, в ее честь начался пышный праздник. В суматохе, когда все перепились, я ускакала из города на украденной лошади. Я думала, побег удастся, но в погоню за мной бросился сам Амурас. Мне удалось оторваться от его воинов, но не от самого шаха. Он настиг меня, и тут появился ты.

— Я прятался в тростнике,— проворчал Конан.— Я один из тех отчаянных воинов, вольных козаков, которые жгли и грабили на границах. Нас было пять тысяч, мы вышли из двух десятков народов и племен. Большинство прежде служило в наемном войске мятежного принца Кофа, а когда он замирился со своим проклятым правителем, мы остались без дела. Деваться некуда, ну, мы и начали хозяйничать в приграничных землях Кофа, Заморы и Турана. Мы никому не давали спуску. Неделю назад Амурас заманил нас в ловушку на берегу Ильбарса. С ним было пятнадцать тысяч человек. Митра! Небо почернело от стервятников. Мы дрались целый день, а когда наши ряды дрогнули, некоторые из нас попытались прорваться на север, другие — на запад. Сомневаюсь, что кому-то удалось бежать. Степь была полна всадников, они преследовали беглецов.

Я пробился на восток и долго блуждал по болотам на этом берегу моря Вилайет. Вплоть до вчерашнего дня гирканские псы прочесывали тростники — искали уцелевших козаков. Я закапывался в грязь, как змея, и питался мускусными крысами — сырыми, потому как не смел развести костер. Сегодня утром я нашел в тростнике эту лодку. Я собирался уйти в море не раньше наступления ночи, но теперь придется поспешить. Когда гирканцы найдут шаха, они быстро возьмут наш след.

— И как теперь быть?

— Наверняка они погонятся за нами. Если не заметят след лодки в тростниках, все равно догадаются, что мы пошли в море. Наверное, отправят вдогонку судно. Но у нас есть преимущество во времени, и я буду налегать на весла, пока мы не окажемся в безопасном месте.

— Где же мы найдем такое место? — уныло произнесла она.— Вилайет безраздельно принадлежит гирканцам.

— Кое-кто так не считает, — мрачно усмехнулся Конан.— Я имею в виду рабов, которые сбежали с галер и стали пиратами.

— И что ты намерен предпринять?

— Сотни миль юго-западного берега держат в своих руках гирканцы. Чтобы пересечь северную границу их владений, надо проделать долгий путь. Я собираюсь плыть на север, пока не решу, что граница осталась позади. Тогда мы повернем на запад и постараемся высадиться в необитаемой степи.

— А если встретим пиратов или попадем в шторм? — спросила она.— Да и какой смысл бежать в безлюдную степь? Мы там попросту умрем от голода.

— Я тебя не уговаривал плыть со мной,— напомнил он.

— Прости.— Она склонила темноволосую голову.— Пираты, бури, голодная смерть — все это гораздо милосерднее туранцев.

— Да.— Брови киммерийца сурово насупились.— Успокойся, девочка. В это время года бури на Вилайете бывают редко. Если доберемся до степей, как-нибудь прокормимся. Я вырос на голой земле. Но проклятые болота, с их вонью и комарами, чуть не лишили меня силы духа. Что же касается пиратов...— Он многозначительно усмехнулся и сильней налег на весла.

Солнце кануло, как тусклый медный шар в огненное озеро. Синева моря слилась с синевой неба, и все кругом превратилось в мягкий темный бархат, усыпанный звездами и отражениями звезд. Оливия сомлела на носу покачивающейся лодки. Ей казалось, она плывет по воздуху: звезды внизу, звезды вверху. Ее спутник безмолвствовал, весла поднимались и опускались, поднимались и опускались. Может быть, этот человек — легендарный перевозчик, которому поручено доставить ее на тот берег темного озера Смерти? Но уже не было сил бояться. Она погрузилась в спокойный сон.

Оливия проснулась на рассвете от жуткого голода. А может, оттого, что лодка теперь качалась гораздо слабее. Конан отдыхал на веслах, глядя вдаль над головой Оливии. Она догадалась, что он греб всю ночь без передышки, и восхитилась его выносливостью. Повернувшись, чтобы проследить за направлением его взгляда, девушка увидела зеленую стену деревьев и кустарника, она поднималась от самой воды и огибала бухточку с неподвижными, как стекло, синими водами.

— В этом внутреннем море немало островов, мы перед одним из них, — сказал Конан.— Считается, что они необитаемы. Я слышал, гирканские галеры навещают их редко. Они обычно держатся поближе к берегу, а мы отплыли далеко. Я перестал видеть берег еще до заката.

Несколькими взмахами весел он подогнал лодку к острову и привязал к воздушному корню дерева у самой воды. Ступив на берег, протянул руку Оливии. Девушка слегка вздрогнула, рука была запачкана кровью, но все же взялась за нее и ощутила буйную жизненную силу, которой дышало все тело варвара.

От леса, обрамляющего синюю бухту, веяло сонным покоем. Где-то далеко за деревьями птица завела утреннюю песню. Бриз шелестел листвой, заставлял листья перешептываться. Оливия поймала себя на том, что внимательно прислушивается, сама не зная к чему. Что может таиться в этом безымянном лесу?

Пока она робко всматривалась в тени среди деревьев, какая-то птица с громким хлопаньем крыльев выпорхнула на свет.

Огромный попугай закачался на ветке, блестя нефритово-зелеными и кроваво-красными перьями. Попугай свесил набок увенчанную хохолком голову и посмотрел на пришельцев агатовым глазом.

— Кром! — пробормотал киммериец.— Никак это прадед всех попугаев? Ему, должно быть, тысяча лет. Посмотри, какой у него мудрый взгляд. Что за тайны ты стережешь, Мудрый Демон?

Птица неожиданно расправила яркие крылья и, покинув ветку, хрипло прокричала: «Йахкулан йок тха, ксуххалла!» С диким пронзительным хохотом, совершенно неотличимым от человеческого, попугай скрылся в прохладном сумраке леса.

Оливия смотрела ему вслед, не в силах отвести взгляд, а дурное предчувствие гнало мурашки по ее спине.

— Что он сказал? — прошептала она.

— Могу поклясться, это слова человеческого языка,— ответил Конан.— Но какого именно, я не знаю.

— И я не знаю,— сказала девушка.— Должно быть, он им научился у человека. Или... — Она снова посмотрела в глубь леса и вздрогнула, сама не ведая отчего.

— Кром, до чего я голоден! — воскликнул киммериец.— Готов съесть целого быка. Полпуда фруктов. Но сначала я смою всю эту мерзость. Прятаться на болотах — грязное занятие.

С этими словами он отложил меч и зашел по плечи в синюю воду. Когда вернулся на сушу, его бронзовая кожа сверкала, блестящие черные волосы уже ничем не напоминали кошмарные патлы. Синие глаза, хоть и горели неугасимым огнем, больше не были налиты кровью. Но тигриная ловкость и угроза, сквозящая в облике, не покинули его.

Он поднял меч и махнул девушке рукой, чтобы следовала за ним. Они вошли под арки огромных ветвей. Зеленый ковер травы пружинил под ногами.

Через некоторое время Конан заворчал от удовольствия при виде золотых и красновато-коричневых шаров, висящих гроздьями по нескольку штук среди листвы. Жестом велев девушке сесть на ствол упавшего дерева, он набросал ей в подол эк-

зотических фруктов, а потом с волчьим аппетитом принялся за еду.

— Иштар! — воскликнул он, оторвавшись на миг от этого приятного занятия.— Со дня битвы у реки Ильбарс я питался только крысами и корнями, которые выкапывал из вонючей грязи. Эти фрукты великолепны, хоть и не слишком питательны. Но с голоду мы здесь не помрем, это точно.

Оливия была слишком занята едой, чтобы ответить. Как только киммериец утолил мучительный голод, он посмотрел на свою очаровательную спутницу с большим интересом, чем до сих пор. Оценил по достоинству роскошные темные волосы, персиковый оттенок нежной кожи и округлости гибкой фигуры, чье изящество почти не скрывала короткая шелковая туника.

Завершив трапезу, объект его пристального внимания потупил глаза. Встретив жгучий взгляд прищуренных глаз Конана, девушка залилась румянцем и выронила оставшиеся фрукты.

Скупой на слова киммериец жестом дал понять, что им надо осмотреть остров полностью. Оливия встала и последовала за ним. Они вышли на большую поляну, за которой деревья сплелись в непроходимую чащу. Неожиданно в чаще раздался треск. Конан прыгнул в сторону и увлек девушку за собой — как раз вовремя, уклонившись от того, что пролетело в воздухе и со страшной силой ударилось о ствол дерева.

Выхватив меч, Конан пересек поляну и бросился в чащу. Но больше ничто не нарушало тишину. Испуганная и растерянная Оливия съежилась в траве. Наконец Конан вернулся, и был он мрачен.

— В чаще никого нет, — проворчал он.— Но кто-то ведь был...

Он изучил снаряд, едва не попавший в них, и хмыкнул, словно не мог поверить собственным глазам. Огромный куб из зеленоватого камня лежал на траве под деревом, чей ствол едва не раскололся при ударе.

— Странноватый каменек для необитаемого острова,— заключил Конан.

Прекрасные глаза Оливии расширились от изумления. Камень представлял собой правильный куб, несомненно, его вы-

рубили и отшлифовали руки человека. Он был удивительно тяжел. Кряхтя от натуги, киммериец поднял его обеими руками над головой, отчего все тело взбугрилось мускулами, и бросил изо всех сил. Камень грянулся оземь в нескольких шагах. Конан выругался.

— Ни один человек в мире не мог перебросить такой камень через всю поляну. Это под силу только осадному орудию. Но здесь нет ни катапульт, ни баллист.

— Может, он пущен издали, с корабля? — предположила девушка.

Конан отрицательно покачал головой.

— Камень падал не отвесно. Он прилетел вон из той чащи. Взгляни на сломанные ветки. Кто-то швырнул его, как простую гальку. Кто? Или правильней будет сказать — что? Пойдем!

Она неохотно пошла за ним в чащу. Сразу за почти непролазным кустарником лес оказался не таким густым. Здесь царила полнейшая тишина. На упругой траве не осталось ничьих следов. И все же именно из этой таинственной чащи прилетел камень, стремительный и смертоносный. Конан опустился на корточки, пригляделся к траве и с сомнением покачал головой. Даже его опытные глаза не различили ни малейшего следа. Он поднял взор на зеленый свод у них над головами — прочный потолок из густой листвы и сплетенных ветвей. И замер, точно громом пораженный.

Сбросив оцепенение, он поднял меч и попятился, увлекая Оливию за собой.

— Уходим, быстро!

От его шепота у девушки кровь застыла в жилах.

— Что там? Кого ты увидел?

— Никого, — ответил он, настороженно глядя по сторонам.

— Почему же тогда мы уходим? Кто прячется в этой чаще?

— Смерть, — ответил он, не сводя взгляда с раскинувшихся над ними изумрудных арок.

Как только они выбрались из чащи, Конан взял Оливию за руку и быстро повел между деревьями, пока они не выбрались на почти безлесный склон, поросший сочной травой. По

склону они поднялись на низкое плато, где трава была выше, а деревья встречались редко. Посреди плато возвышалось длинное приземистое сооружение из выветренного зеленоватого камня.

От изумления они застыли как вкопанные. Конан не мог припомнить ни одной истории, в которой бы упоминалась загадочная постройка на одном из островов моря Вилайет.

Варвар и дочь офирского короля осторожно приблизились к зданию. Каменные стены обросли мхом и лишайниками, кровля была вся в провалах. В траве валялись куски зеленоватого камня и даже целые блоки. На земле виднелись следы кладки. По-видимому, здесь когда-то стояло много домов, может быть, целый город. А теперь только продолговатая постройка, что-то вроде молитвенного зала, глядела в небо дырами в крыше, и ее покосившиеся стены обвили лианы.

Если и была дверь в широком проеме входа, она давно сгнила и обратилась в прах. Конан и его спутница остановились на пороге и заглянули внутрь. Солнечный свет струился сквозь дыры в крыше и стенах, заполняя зал путаницей рассеянных лучей и теней. Чуть наклонив голову и сжимая рукоять меча, Конан двинулся вперед мягкой, неслышной поступью охотящейся пантеры. Оливия на цыпочках последовала за ним.

Оказавшись внутри, Конан удивленно хмыкнул, а Оливия едва сдержала крик.

— Смотри! Смотри же!

— Вижу, — ответил он. — Нечего бояться, это статуи.

— Но они как живые! И до чего же злющими кажутся! — прошептала она, придвигаясь ближе к Конану.

Конан и девушка стояли посреди огромного зала, полированный каменный пол которого покрывали пыль и щебень. В щелях между плитами корепились лианы. Высокую и совершенно плоскую крышу поддерживали массивные колонны, они тянулись рядами вдоль стен. И в каждом промежутке между колоннами стояло удивительное изваяние.

Статуи. По-видимому, железные, они сверкали так, будто их ежедневно начищали. Статуи изображали в натуральную

величину высоких, стройных и сильных мужчин с ястребиными чертами суровых лиц. Эти люди были нагими, и каждая впадина и выпуклость на теле, все суставы и мышцы изображались поразительно реалистично. И уже совсем как настоящие были их гордые, высокомерные лица.

Эти статуи оказались изваяны не по одному образцу. Каждое лицо обладало индивидуальными особенностями, хотя сходство некоторых черт говорило о том, что все эти люди принадлежали к одному народу.

— Кажется, будто они слушают... и ждут! — Девушка поежилась.

Конан постучал рукоятью меча по ближайшей статуе.

— Железо, — заявил он.— Кром! В каких формах их отливали? — Он озадаченно покачал головой и пожал могучими плечами.

Оливия робко осмотрелась. В огромном зале было тихо. Ее взгляду предстали только увитые плющом стены и колонны да темные фигуры в промежутках между колоннами. На сердце легла тяжесть, захотелось поскорее уйти отсюда, однако ее спутника, похоже, изваяния странным образом привлекали. Он рассмотрел их во всех подробностях и, как истинный варвар, попытался отломать кусок. Но материал, из которого они были сделаны, успешно выдержал покушение. Конану не удалось ни повредить статую, ни сдвинуть с места. Наконец он удивленно выругался под нос и сдался.

— Интересно, с кого их ваяли? — задал он риторический вопрос.— Статуи черные, но не похожи на негров. Я никогда не видел таких людей, как эти.

— Давай выйдем на свет, — попросила Оливия, и Конан кивнул, бросив последний озадаченный взгляд на темные фигуры.

Они выбрались из пыльного зала под прямые лучи яркого летнего солнца. Взглянув на светило, Оливия с удивлением поняла, что они пробыли в зале гораздо дольше, чем ей казалось.

— Может, вернемся в лодку? — предложила она.— Я боюсь. Тут все так странно, и я чувствую присутствие зла. Не забывай, где-то поблизости бродит тот, кто швырнул в нас камень. Вдруг он снова решит напасть?

— Думаю, пока мы не в лесу, опасаться нечего,— возразил он.— Пойдем-ка.

Плато, обрамленное лесистыми низинами на востоке, юге и западе, на севере шло на подъем и упиралось в нагромождение скал, вершина одной из которых была самой высокой точкой острова. Туда и направился Конан, соразмеряя свой размашистый шаг с походкой спутницы. Время от времени он бросал на нее взгляд искоса, и она это чувствовала.

Они добрались до северной оконечности плато и остановились перед высокими крутыми утесами. По краю плато к востоку и западу от утесов густо росли деревья, цепляясь за обрывистый склон. Конан подозрительно посмотрел на эти деревья, но все же начал восхождение, помогая спутнице. Скалы были не отвесные, к тому же на них хватало уступов. Киммериец, рожденный в горной стране, мог бы взбежать по ним, как кошка, но Оливия карабкалась с трудом. Снова и снова она чувствовала, как ее поднимают, переносят через препятствие, и все больше дивилась невероятной силе этого человека. Его прикосновения уже не вызывали у нее дрожи. Напротив, железная хватка Конана сулила надежную защиту.

Наконец они оказались на самой вершине, и морской ветер растрепал им волосы. От их ног скалы круто уходили вниз на три-четыре сотни локтей. Под обрывом лежала узкая полоса прибрежного леса. Посмотрев на юг, они увидели весь остров, плоский, как огромное овальное зеркало. Края плато загибались книзу и тонули в ободке зелени. Вокруг, насколько охватывал глаз, простиралась синяя морская гладь и исчезала в дымке на далеком горизонте. Оливия вздохнула с облегчением.

— Море спокойно,— произнесла она.— Почему бы нам не плыть дальше?

Конан, замерший на утесе подобно бронзовой статуе, указал на север.

Оливия увидела белое пятнышко — казалось, оно висит в дымке.

— Что это?

— Парус.

— Гирканцы?

— Поди, определи на таком расстоянии.

— Они бросят здесь якорь и обыщут остров! — вскричала она, вмиг поддавшись страху.

— Не думаю. Судно идет с севера, значит, оно не гонится за нами. Но по той или иной причине оно может остановиться здесь. Тогда мы уйдем в лес и будем ждать. Но мне кажется, это или пираты, или гирканская галера возвращается из набега. Галера вряд ли бросит здесь якорь. Но кто бы это ни был, нам не выйти в море, пока они не скроются из виду, потому что судно идет с той стороны, куда надо плыть нам. Будем надеяться, за ночь они пройдут мимо острова, а на рассвете мы продолжим путь.

— Значит, придется ночевать на острове? — Девушка задрожала.

— Похоже на то.

— Тогда давай спать здесь, на скалах,— взмолилась она.

Конан отрицательно покачал головой, глядя на плато со скрюченными деревьями, на раскинувшийся внизу лес — он казался живым существом, он тянул зеленые щупальца, пытаясь уцепиться за скалы.

— Слишком много деревьев. Будем спать в развалинах.

Оливия ахнула от страха.

— Бояться нечего,— успокаивающе произнес он.— Тот, кто швырнул камень, не решился выйти за нами из леса. На развалинах я не заметил никаких следов хищных зверей. У тебя нежная кожа, ты привыкла к уюту. Я могу запросто переночевать голым на снегу, но ты к рассвету обязательно простудишься на таком ветру.

Возразить Оливии было нечего, и она неохотно кивнула. Они спустились со скалы, пересекли плато и снова приблизились к мрачным, окутанным тайной руинам. К этому времени солнце утонуло за краем плато. Фрукты, сорванные с деревьев около утесов, послужили ужином — едой и питьем одновременно.

Быстро опустилась южная ночь, рассыпала по темно-синему небу крупные белые звезды. Увлекая за собой Оливию, Ко-

нан вошел в сумрачные развалины. Она задрожала при виде черных статуй. В зал проникал слабый свет звезд, но она не могла различить их очертания, только чувствовала — они ждут. Ждут одни боги знают сколько веков.

Конан принес полную охапку веток с листьями, устроил ложе для Оливии, и она легла. Не выразить того, что она при этом испытывала,— наверное, нечто подобное переживает человек, который устраивается спать в змеином логове.

Каковы бы ни были ее предчувствия, Конан их не разделял. Киммериец сел рядом с девушкой, прислонившись спиной к колонне, и положил на колени меч. Его глаза светились в темноте, как у пантеры.

— Не бойся, девочка,— сказал он.— Я сплю чутко, как волк. Никто не проникнет в зал, не разбудив меня.

Оливия не ответила. Лежа на постели из веток, она смотрела на неподвижный силуэт, едва различимый во тьме. Как это все же странно — она, дочь офирского короля, завязала дружбу с варваром! О ней заботится, ее защищает выходец из страны, сказками о которой ее пугали в детстве. Он вырос среди угрюмых, свирепых и кровожадных людей. Дикость сквозит в каждом его движении, горит в его взоре. И все же он не причинил Оливии вреда. Хуже всего обращался с ней человек, кичившийся своей принадлежностью к «культурному» народу.

Когда усталое тело отдалось дремотной неге, а разум погрузился в туман сновидений, Оливии вспомнилось волнующее прикосновение сильных пальцев Конана к ее нежной коже.

2

Оливия спала, и во сне ее мучило ощущение близости тайного зла — в образе черной змеи, скрытно ползущей среди цветов. Сны были обрывочны, но ярки — разрозненные элементы незнакомого узора, которые в конце концов сложились в картину, исполненную ужаса и безумия; фоном ей служили циклопические каменные блоки и колонны.

Она увидела огромный зал. Его высокий потолок опирался на каменные столбы, которые выстроились ровными рядами вдоль массивных стен. Между колоннами порхали огромные зелено-красные попугаи. Зал заполнили темнокожие воины с ястребиными чертами лиц. Они не были неграми. Их обличье, одежда и оружие казались абсолютно чужды миру, в котором жила спящая.

Воины обступили привязанного к колонне человека. Гибкий белокожий юноша, его золотые кудри спадали на лоб, белизной не уступающий алебастру. Красота его была не вполне человеческой. Она наводила на мысль о статуе бога, высеченной из белого мрамора.

Чернокожие воины смеялись над ним, что-то выкрикивали на незнакомом языке. Гибкое обнаженное тело корчилось под их безжалостными руками. Кровь стекала по бедрам цвета слоновой кости и капала на полированный пол. Залы откликались эхом на мученические крики. И вдруг, подняв лицо к по-

толку, юноша ужасным голосом выкрикнул имя. Кинжал в черной, как эбеновое дерево, руке оборвал его крик, и златовласая голова упала на грудь.

Словно в ответ на отчаянный предсмертный вопль раздался гром, как от ободьев небесной колесницы, и в воздухе среди мучителей материализовался человек. Вернее, только обликом он напоминал человека — еще ни один смертный не обладал такой сверхъестественной красотой. Между ним и юношей, который безжизненно повис на своих цепях, было несомненное сходство. Но ни одной из человеческих черт, что скрадывали богоподобность юноши, не было в облике незнакомца. Его красота была красотой статуи, холодного камня.

Чернокожие отшатнулись от него. Их глаза сверкали бешеным огнем. А он поднял руку и заговорил, и голос его много раз отразился гулким эхом от стен и сводов зала. Словно в трансе, отступали темнокожие воины, отступали, пока не заняли места вдоль стен в равных промежутках друг от друга. Затем с неподвижных губ незнакомца сорвалось чудовищное заклинание.

— Йахкулан йок тха, ксуххалла!

При звуках страшного заклятия черные силуэты замерли. Их члены сковала неподвижность, они окаменели в неестественных позах. Незнакомец коснулся безвольного тела юноши, и цепи упали. Он поднял мертвое тело на руки. Затем обернулся, спокойным взором скользнул по безмолвным рядам черных фигур и указал на луну, которая заглядывала в зал сквозь окна. И они поняли, эти застывшие в ожидании статуи, которые только что были живыми людьми...

Оливия проснулась, как от толчка. Она вся холодела от пота, сердце громко стучало в полной тишине. Поведя вокруг диким взором, девушка увидела Конана — он спал, прислонившись к колонне, голова свесилась на могучую грудь. Серебряные лучи поздней луны проникали сквозь дыры в потолке, длинными белыми полосами ложились на пыльный пол. Девушка смутно различила статуи — черные, застывшие в миг величайшего напряжения, выжидающие. Борясь с истерикой,

она разглядывала слабо озаренные луной колонны и статуи в нишах.

Что это? Дрожь прошла по статуям, едва их коснулся луч.

Словно невидимые оковы сомкнулись на ее членах, когда она заметила шевеление, судороги черных тел. Но через мгновение с ее уст сорвался вопль, и вместе с ним спало оцепенение. Конан вскочил на ноги, в руке его был меч, зубы сверкали в темноте.

— Статуи! Статуи! Боже, они оживают!

С пронзительным криком Оливия бросилась к пролому в стене, разорвала лианы. Она бежала вслепую, оглашая ночь дикими воплями, и вдруг твердая рука схватила ее за плечо. Девушка визжала и барахталась в объятиях чудовищной силы, пока знакомый голос не проник сквозь туман владевшего ею ужаса, пока она не увидела перед собой в лунном свете озадаченное лицо Конана.

— Кром! Да что с тобой, девочка? Кошмар приснился?

Его голос показался ей далеким, незнакомым. Всхлипнув, она обвила руками его могучую шею. Ее сотрясали рыдания, легким не хватало воздуха.

— Где они? Они гнались за нами?

— Никто за нами не гнался.

Все еще прижимаясь к нему, девушка огляделась вокруг. Оказывается, она добежала почти до южного края плато. Прямо под ними начинался склон, подножие скрывалось в густой тени леса. Обернувшись, она увидела руины, ярко освещенные луной.

— Неужели ты не заметил? Статуи двигались, поднимали руки, глаза сверкали во тьме...

— Я ничего не видел,— нахмурился варвар.— Спал крепче обычного, мне ведь уже давно не случалось выспаться. И все-таки не думаю, что кто-то мог войти в зал, не разбудив меня.

— Никто и не входил.— Она истерически рассмеялась.— Они уже находились там. О Митра, мы устроились на ночлег в их логове! Овцы сами забрели на бойню!

— О чем ты говоришь? Я проснулся от твоего крика, но, прежде чем успел осмотреться, ты бросилась наружу через

трещину в стене. Я побежал следом, боясь, как бы с тобой не случилось чего. Решил, тебе приснился скверный сон.

— Так оно и было! — Девушка вздрогнула.— Но реальность оказалась куда страшнее сна. Слушай!

И она рассказала обо всем, что увидела во сне и, как ей казалось, наяву.

Конан выслушал очень внимательно. Естественный скептицизм просвещенного человека был ему незнаком. В мифологии его народа встречались вампиры, гоблины и чернокнижники — ни один киммериец не считал их выдумкой. Когда она договорила, он некоторое время сидел молча, в задумчивости поигрывая мечом.

— Юноша, которого пытали, походил на высокого мужчину, который появился потом? — спросил он наконец.

— Как сын на отца,— ответила она и нерешительно добавила: — Если можно вообразить плод союза божества со смертным человеком, то это и будет тот юноша. Наши легенды говорят, в древние времена смертные женщины иногда рождали детей от богов.

— От каких богов?

— Эти боги давно забыты, никто не знает их имен. Они вернулись в спокойные воды озер, на тихие холмы, на берега, что лежат за звездами. Боги столь же непостоянны, как и люди.

— Но если эти статуи — люди, превращенные в железо богом или демоном, как могут они оживать?

— Это лунное колдовство.— Девушка снова задрожала.— Пришелец указал на луну. Пока на них падает лунный свет, они живут.

— Но нас никто не преследовал,— пробормотал Конан, бросив взгляд на слабо освещенные развалины.— Тебе могло присниться... Пожалуй, я схожу проверю.

— Нет, нет! — вскричала она и вцепилась в него изо всех сил.— Быть может, заклинание удерживает их внутри зала. Не возвращайся! Они разорвут тебя на части. О Конан, давай лучше спустимся в лодку и навсегда оставим позади ужасный остров! Гиркапский корабль уже наверняка прошел мимо. Бежим отсюда!

Ее мольбы были столь горячи, что подействовали на Конана. Суеверный страх киммерийца пересилил любопытство. Он не испугался бы целой армии врагов из плоти и крови, но малейший намек на сверхъестественные силы тотчас вызывал к жизни смутный и необъяснимый страх — варварское наследство.

Конан взял девушку за руку. Они спустились по склону и вошли в густой лес, где шептала листва и сонно вскрикивали неизвестные птицы. Под деревьями тени сгустились еще плотнее, и приходилось идти зигзагами, огибая самые темные места. Взгляд киммерийца непрестанно метался по сторонам и часто устремлялся вверх, на сплетенные ветви. Конан шел быстро, но осторожно. Он так крепко обнимал девушку за талию, что скорее нес ее, чем вел. Оба молчали. Тишину нарушали только быстрые шаги девушки да шорох травы под ее маленькими ступнями. Так они пересекли лес и добрались до воды, блестевшей в лунном свете подобно расплавленному серебру.

– Надо было фруктов захватить,— пробормотал Конан.– Ну да ладно, найдем другие острова. Можно плыть прямо сейчас, рассвет уже скоро...

Он не закончил фразу. Один конец веревки по-прежнему был обмотан вокруг корня дерева, другой — привязан к носу лодки. Но сама лодка с проломленными бортами наполовину утонула в спокойной воде.

У Оливии вырвался сдавленный крик. Конан повернулся к густой тени, где затаился неведомый враг. Ночные птицы внезапно умолкли, в лесу воцарилась грозная тишина. Ветерок не шевелил ни одну ветку, и все же листва по непонятной причине трепетала.

Стремительный, как гигантская кошка, Конан обхватил девушку руками, оторвал от земли и побежал. Он промчался сквозь тени, как призрак, а в это время наверху и вокруг них какое-то существо ломилось через лес, и шум все приближался. Затем в глаза беглецам ударил лунный свет – они оказались на открытом месте, на склоне плато.

На самом верху Конан опустил Оливию на землю и обернулся взглянуть на море сумрака, которое они только что по-

кинули. Листва содрогнулась от внезапного порыва ветра. Больше ничего не происходило. Конан тряхнул головой и выругался под нос. Оливия жалась к его ногам, как напуганный щенок.

— Конан, что нам делать? — прошептала она.

Он посмотрел на руины и снова — на лес.

— Пойдем к скалам.— Киммериец помог девушке подняться на ноги.— Завтра я смастерю плот, и мы снова доверим наши судьбы морю.

— Это не... не они разбили лодку? — Вопрос был риторическим.

Конан насупился и пожал плечами, не тратя слов.

Каждый шаг по залитому лунным светом плато давался Оливии ценой невыносимого напряжения воли. Но ни одна ожившая черная статуя не встретилась им по пути, и вскоре Конан с девушкой добрались до подножия величавых и мрачных скал. Здесь Конан постоял в нерешительности, пока не выбрал место под широким каменным козырьком, на достаточном удалении от деревьев.

— Ляг и засни, если сможешь,— сказал он.— Я покараулю.

Но сон не шел к Оливии, и она лежала, рассматривая далекие руины и лес вокруг плато, пока не стали бледнеть звезды, пока розово-золотая заря не воспламенила росу на траве.

Девушка встала, потянулась. Мысли ее вернулись к пережитому недавно ужасу. Но в свете наступающего дня ночные страхи показались плодами разгулявшегося воображения. Конан наклонился к ней, и его слова заставили ее вздрогнуть снова.

— Перед самым рассветом я слышал скрип дерева и канатов и плеск воды под веслами. Недалеко отсюда бросил якорь корабль. Может быть, это галера, которую мы видели вчера вечером. Давай поднимемся на скалу и поглядим.

Они взобрались на вершину утеса, залегли среди каменных выступов и увидели на западе, за деревьями, высокую мачту.

— Гирканское судно, судя по оснастке,— пробормотал Конан.— Интересно, команда уже...

Он оборвал фразу, услышав далекие голоса. Перебравшись на южный край вершины, они увидели разношерстный эки-

паж судна. Небольшая толпа выбралась из леса на западную оконечность плато и остановилась на открытом месте. Похоже, в ней разгорелся нешуточный спор: люди хватались за оружие, потрясали кулаками и громко перебранивались грубыми голосами. Затем весь отряд направился к развалинам. Их путь должен был пройти у самого подножия скал.

— Пираты! — шепнул Конан с угрюмой ухмылкой.— Захватили гирканскую галеру. А ну-ка, спрячься здесь и не показывайся, пока я не окликну,— приказал он.— Пойду потолкую с этими псами. Если выгорит, мы останемся живы и уплывем отсюда вместе с ними. Если они меня схватят или прикончат, лежи здесь, пока не уйдет галера. Учти, все демоны этого острова не сравнятся жестокостью с морскими гиенами.

Оливия пискнула от страха и вцепилась в него обеими руками, но он решительно высвободился и скользнул вниз по скале.

С опаской выглянув из своего укрытия, Оливия увидела, что отряд уже приблизился к подножию гряды. И Конан вышел из-за валунов, встав перед пиратами с мечом в руке. Они отпрянули с возгласами изумления, а затем осыпали его ругательствами и угрозами. Морских бродяг было около семи десятков, и среди них Оливия узнала жителей Кофа, Заморы, Британии, Коринфии, Шема. Все без исключения лица носили печать свирепости, первобытной дикости. Многие были изуродованы шрамами от бичей или клеймами. Среди пиратов хватало людей с отрезанными ушами, вырванными ноздрями, пустыми глазницами, обрубками рук — попробуй угадай, кто тут поработал, враг в лихом сражении или палач в застенках. Большинство ходили полуголыми, но их одежда была богатой: златотканые халаты, атласные пояса, шелковые шаровары — все это, как и посеребренные доспехи, пестрело кровавыми и смоляными пятнами. В пиратских ушах и носах болтались кольца и серьги с драгоценными камнями. Самоцветы блистали и на рукоятях кинжалов и сабель.

Высокий, мускулистый, бронзовокожий киммериец с правильными чертами волевого лица разительно контрастировал с этим сбродом.

— Кто ты такой? — заорали морские разбойники.

— Конан из Киммерии! — Его голос был подобен громовому рыку льва.— Козак из Вольницы. Я хочу попытать счастья в Червонном Братстве. Кто у вас главный?

— Я, клянусь Иштар! — раздался бычий рев, и вперед важно выступил настоящий исполин.

Он был обнажен до пояса, алый кушак на необъятном животе поддерживал огромные, как парус, шелковые шаровары. На его обритой голове остался только чуб. Длинные усы свисали ниже подбородка. Обут он был в зеленые шемитские туфли с загнутыми носками, а в руке держал длинный прямой меч.

Конан мрачно уставился на него.

— Сергиуш из Хоршемиша, клянусь Кромом!

— Да, клянусь Иштар! — проревел гигант. Маленькие черные глазки горели ненавистью.— Надеешься, что я забыл тебя? Ха! Сергиуш никогда не забывает врагов. Сейчас я подвешу тебя кверху пятками и заживо сдеру кожу! Взять его, парни!

— Ага, спусти на меня своих псов, большебрюхий,— произнес Конан с брезгливой ухмылкой.— Ты всегда был трусом, кофская дворняжка!

— Трусом?! Это ты мне говоришь? — Широкое лицо почернело от гнева.— Ну, защищайся, северный пес! Я вырежу твое сердце!

В мгновение ока пираты образовали круг, в середине которого оказались соперники. Их глаза метали молнии, рычание вырывалось из глоток, разгоряченных свирепой радостью. Оливия наблюдала с вершины скалы, от волнения впиваясь ногтями в ладони.

Начало поединка не предварялось рыцарскими церемониями. Несмотря на свой вес, Сергиуш ринулся в атаку с быстротой гигантской кошки. Он скрежетал зубами и исторгал проклятия, бешено нанося и отражая удары. Конан дрался молча. Глаза его превратились в щелки, в них сверкал роковой синий огонь.

Вскоре Сергиуш вынужденно умолк, чтобы не сорвать дыхание. В царство тишины вторгались только шарканье быстрых

ног, сопение пирата, звон и клацанье стали. Мечи мелькали, как белые молнии, то уклоняясь друг от друга, то соприкасаясь на краткий миг. Сергиуш отступал. Только превосходное мастерство фехтовальщика до сих пор спасало его от стремительного меча киммерийца. Но вот — оглушительный лязг, скрежет скользящих клинков, полный ужаса и боли возглас...

Яростный вопль пиратской орды расколол утреннюю тишину, когда клинок пронзил насквозь могучее тело капитана. Несколько мгновений острие меча пламенело в лучах солнца между лопатками Сергиуша. Затем киммериец рванул меч на себя, и пиратский атаман рухнул ничком на землю. Под ним быстро расширилась лужа крови.

Конан повернулся к опешившим корсарам.

— Эй вы, псы! — взревел он.— Я отправил вашего вожака в ад. Что говорит на этот счет закон Червонного Братства?

Прежде чем кто-либо успел ответить, стоящий позади остальных британец с крысиным лицом молниеносно раскрутил пращу. Камень устремился прямо в цель, Конан пошатнулся и упал, как столетний дуб под топором лесоруба. На вершине утеса Оливия ахнула, у нее все поплыло, закачалось перед глазами. Она не сводила глаз с киммерийца, неподвижно лежащего на земле. Из раны на его голове сочилась кровь.

Крысоликий пират радостно завопил и бросился к распростертому на земле исполину, чтобы выполнить посул своего атамана — вырезать сердце. Но тощий коринфиец отшвырнул его прочь.

— Арат, презренный пес! Собрался нарушить закон Братства?

— Я не нарушаю закона, — ощерился британец.

— Не нарушаешь? Ах ты, подонок! Этот человек, которого ты свалил,— наш капитан согласно справедливым правилам!

— Нет! — закричал Арат.— Он не из нашей банды, он чужак. Его не приняли в Братство. То, что он убил Сергиуша, не делает его капитаном. Вот если бы кто-нибудь из нас прикончил Сергиуша...

— Он хотел присоединиться к нам,— перебил коринфиец.

Его слова вызвали жаркий спор. Одни приняли сторону Арата, другие — коринфийца по имени Иванос. Посыпались проклятия, взаимные обвинения, пираты схватились за мечи.

И вдруг над этим гамом поднялся голос шемита:

— К чему спорить из-за покойника?

— Он не покойник,— возразил коринфиец, склонившись над Конаном.— Всего лишь оглушен и уже приходит в себя.

При этих словах спор возобновился. Арат пытался добраться до лежащего. В конце концов Иванос обнажил меч и заслонил Конана. Оливия поняла, что коринфиец принял сторону ее друга не из-за человеколюбия, а чтобы насолить Арату. Она догадалась, что эти двое были помощниками Сергиуша и давно враждуют между собой.

После долгого спора решили связать Конана и забрать на галеру, а его участь решить позднее.

Киммерийца, уже почти пришедшего в себя, связали кожаными ремнями. Затем четверо пиратов подняли его и с натужным кряхтением, с проклятиями понесли. Отряд возобновил путешествие по плато. Сергиуш остался там, где погиб,— пираты не особо церемонились с покойниками.

На вершине скалы лежала Оливия, потрясенная несчастьем. Она была не в силах ни пошевелиться, ни заговорить, она могла только лежать и смотреть круглыми от ужаса глазами, как шайка свирепых разбойников уносит ее защитника.

Сколько времени она так пролежала, Оливия не знала. Она увидела, как пираты добрались до руин и внесли в зал своего пленника. Они то появлялись, то исчезали в дверях и проломах, рылись в грудах щебня и слонялись вокруг. Через некоторое время два десятка пиратов уволокли на запад Сергиуша — наверное, решили бросить в море. Остальные рубили около развалин хворост для костра. Оливия слышала их крики, но не разбирала слов. Слышала она и голоса тех, кто ушел в лес,— деревья отвечали эхом. Через некоторое время, злобно бранясь, они вернулись с бочонками вина и кожаными мешками, набитыми провизией.

Все это едва укладывалось в сознание Оливии. Потрясенный мозг готов был отключиться в любое мгновение. Лишь

когда она осталась одна-одинешенька, без малейшей надежды на спасение, Оливия поняла, как много значил для нее киммериец. Она рассеянно подивилась прихотям судьбы, которая сделала дочь короля спутницей варвара с окровавленными руками. Затем пришло отвращение к людям, называвшим себя просвещенными. К их числу относили себя ее отец и шах Амурас, и оба доставляли ей только страдания. Она никогда не встречала просвещенного человека, который был бы добр с нею, если только им не двигали какие-то тайные мотивы. Конан защищал ее, помогал и ничего не требовал взамен. Уронив голову на руки, Оливия плакала, пока отзвуки непристойного пиршества не напомнили девушке о том, что она голодна.

Она перевела взгляд с темной громады развалин, где мельтешили фантасмагорические силуэты пиратов, на сумеречные глубины леса. Даже если ужасные картины минувшей ночи она видела не наяву, а во сне, страшилища, что затаились в зеленой чаще, обитают вовсе не в царстве кошмаров. Независимо от того, погиб Конан или нет, ей придется выбирать одно из двух: сдаться морским гиенам или остаться на этом острове, населенном демонами.

Когда Оливия осознала весь ужас своего положения, силы оставили ее, и она потеряла сознание.

3

Придя в себя, девушка увидела заходящее за горизонт солнце. Слабый ветерок доносил крики пиратов и обрывки похабной песни. Оливия осторожно поднялась и посмотрела в сторону лагеря. Пираты собрались вокруг огромного костра около руин. Ее сердце екнуло, когда из постройки вышла группа, волоча что-то тяжелое — несомненно, этим «чем-то» был Конан. Его прислонили к стене. Последовал долгий спор с потрясанием кулаками и бряцанием оружием. Наконец его отволокли обратно в зал и вернулись к бочонкам с пивом.

Оливия перевела дух. По крайней мере, киммериец еще жив. Как только опустится ночь, она прокрадется в эти мрачные развалины и либо освободит его, либо погибнет.

С такими мыслями она выбралась из своего убежища нарвать орехов — среди скал росло несколько кустов лещины. Собирая орехи, она никак не могла отделаться от чувства, что за ней следят. Девушка нервно оглядывалась на скалы, но никого не видела. И вдруг страшное подозрение заставило ее содрогнуться. Она подобралась к северному краю гряды и долго смотрела вниз, на колышущуюся зеленую листву. Лес тонул в закатных сумерках. Никого. Не может быть, чтобы за ней следила

тварь из леса! Но Оливия явственно ощущала взгляд невидимки и чувствовала, что кто-то живой, обладающий разумом знает о ее присутствии, знает, где она прячется.

Прокравшись обратно в свое убежище, Оливия глядела на развалины, пока их не скрыла ночь. Теперь их местоположение выдавал только огромный костер, на фоне которого пьяно шатались тени.

Оливия встала. Пора выполнить задуманное. Но сначала она вернулась на северный край гряды и посмотрела на лес, что окаймлял плато. Звезды едва освещали его; она напрягла зрение и вдруг замерла. Будто ледяная рука коснулась ее сердца.

Далеко внизу кто-то двигался. Словно черная тень отделилась от скопища теней. Расплывчатая, бесформенная, она медленно продвигалась вверх по отвесному утесу. Ужас схватил Оливию за горло, и девушка едва сдержала крик. Повернувшись, она бросилась вниз по южному склону.

Бегство по темной скале было кошмаром наяву. Она скользила и оступалась и до крови ушибалась об острые камни, через которые вчера ее с такой легкостью перенес Конан. Как ей в те мгновения не хватало варвара с железными мышцами! Но эта мысль сразу канула в водоворот страхов и сумятицы безумного бегства.

Спуск казался бесконечным, но наконец ее ступни коснулись травы. Отчаяние придало девушке сил, и она помчалась к костру — огненному сердцу этой ночи. Позади раздался грохот камней, падающих с кручи, и от этих звуков у нее будто выросли крылья.

Бег выжал из нее все силы, и вместе с ними отчасти ушел ослепляющий страх. Когда Оливия приблизилась к развалинам, ее мысли были ясны и рассудок настороже, хотя ноги подкашивались.

Девушка легла на землю и поползла на животе, пока не добралась до деревца, которого не коснулся пиратский топор. Там она и затаилась, чтобы наблюдать за лагерем. Пираты уже наелись до отвала, но все еще пьянствовали, опуская матросские оловянные кружки и драгоценные кубки в бочонки с выбитыми

крышками. Некоторые спали прямо на траве, оглашая ночь пьяным храпом. Другие, пошатываясь, забрели в постройку. Конана нигде не было видно. Оливия не вставала. Ждала. Трава вокруг нее и листья над головой покрылись росой. Люди вокруг костра играли в азартные игры, спорили и ругались. Около костра осталось несколько человек, остальные ушли спать в зал.

Девушка лежала, следя за пиратами. Нервы ее были напряжены до предела, она не забывала ни на миг, что и за ней, возможно, наблюдают из темноты, а то и неслышно подкрадываются. Время шло невыносимо медленно, точно каторжник в свинцовых башмаках. Один за другим пьяные разбойники погружались в тяжелую дремоту, пока все не улеглись рядом с догорающим костром.

Оливия некоторое время колебалась. Ее побудило к действию серебристое сияние над краем плато. Вставала луна!

Судорожно вздохнув, девушка поднялась на ноги и направилась к руинам. Она с головы до ног покрылась мурашками, пока шла на цыпочках между пьяными, лежащими перед входом в постройку. Внутри было еще больше пиратов. Они ворочались и бормотали, но ни один не проснулся. Увидев Конана, Оливия даже всхлипнула от радости. Киммериец не спал. Он был привязан к колонне. Его глаза блестели — в зал проникали сполохи костра.

Осторожно обходя спящих, Оливия приблизилась к варвару. И хотя она ступала почти бесшумно, он резко повернул голову, когда девичий силуэт обрисовался на фоне ночного неба. Едва уловимая ухмылка мелькнула на суровом лице.

Оливия подошла к Конану и на мгновение приникла к его груди. Он ощутил частое биение ее сердца. Сквозь широкий пролом в стене прокрался лунный луч, и вместе с ним в зал проникла неведомая угроза. Варвар ощутил ее кожей, его мускулы непроизвольно напряглись. Оливию тоже пробрал страх, она прерывисто вздохнула. Спящие продолжали бормотать и похрапывать. Быстро нагнувшись к одному из них, Оливия вытащила кинжал из-за кушака и занялась веревками Конана. Это

были толстые и прочные канаты, завязанные морскими узлами. Она торопливо работала кинжалом, а полоса лунного света медленно подбиралась к стопам черных статуй между колоннами.

И вот запястья Конана свободны, но локти и ноги все еще крепко притянуты к колонне. Девушка бросила взгляд на статуи и содрогнулась. Казалось, они следят за ней с чудовищным терпением, не присущим ни живым, ни мертвым,— с терпением, свойственным только им одним. Пьяный пират застонал и заворочался во сне. Лунный свет полз по залу, касаясь ног черных воинов. Веревки упали с рук Конана. Он забрал у девушки кинжал и разрезал путы на ногах одним сильным и резким взмахом.

Конан шагнул вперед, стоически терпя адскую боль в затекших конечностях. Оливия приникла к нему и задрожала как лист. Был ли то обман зрения, или лунный свет действительно зажег глаза статуй зловещим огнем, отчего они походили на тлеющие угли костра?

Конан сорвался с места внезапно, как кошка джунглей. Он выхватил свой меч из груды оружия, поднял Оливию и выскользнул в заросший лианами пролом.

Они не обменялись ни словом. С девушкой на руках Конан бежал по плато, залитому лунным светом. Оливия обняла его крепкую шею и склонила темноволосую голову ему на могучее плечо. Ее охватило восхитительное чувство безопасности.

Ноша не помешала киммерийцу быстро пересечь плато. Оливия, открыв глаза, увидела, что они находятся в тени утесов.

— Кто-то взобрался на скалы,— шепнула она.— Я слышала, как он карабкается, когда спускалась.

— Придется рискнуть,— сказал он.

— Я уже не боюсь.— Она улыбнулась.

— Ты и раньше не боялась, когда пришла освободить меня,— проговорил Конан.— Кром, ну и денек! Никогда не слышал столько споров и воплей. Я чуть не оглох. Арат хотел отрезать мне голову, а Иванос не соглашался — он Арата на дух не переносит. Пока они грызлись друг с другом, команда перепилась и уже не могла поддержать ни одного ни другого...

Он вдруг умолк и замер, отчего стал похож на бронзовую статую в лунном свете. Как только он опустил девушку на землю, она увидела то, что заставило Конана насторожиться. И вскрикнула.

Из тени утесов появился чудовищный силуэт — человекоподобный, жуткий, отвратительный.

Да, очертания фигуры напоминали человеческие. Но морда, явственно различимая в лунном свете, оказалась звериной: близко посаженные глаза, вывернутые ноздри и огромная пасть с отвисшими губами, в которой сверкали белые клыки. Существо было покрыто косматой серой шерстью, в ней попадались белые пряди, они серебрились под луной. Туловище почти квадратное, а мощные задние лапы — совсем короткие. Ростом тварь была выше человека, который стоял перед нею: ширина грудной клетки и плеч потрясала воображение, а гигантские передние лапы напоминали узловатые стволы деревьев.

Освещенная луной картина закачалась перед глазами Оливии. Вот, значит, каков конец ее пути... Да, конец, ибо ни одно человеческое существо не способно выдержать свирепый натиск этой волосатой горы мускулов. Но когда Оливия перевела круглые от ужаса глаза на бронзовую фигуру, стоящую лицом к лицу с чудовищем, она почувствовала, что в противниках есть нечто общее. И сходство это было жутким. Она поняла: то, что сейчас произойдет, будет не схваткой человека и зверя, а битвой двух диких созданий, равно свирепых и беспощадных.

Разведя в стороны могучие лапы, зверь сверкнул белыми клыками и ринулся вперед с ошеломляющей быстротой. Действия Конана были столь стремительны, что Оливия не сумела уследить за ними. Она увидела только, как он избежал смертельной хватки и его меч, блеснув подобно молнии, отсек одну из чудовищных лап выше локтя. Кровь хлынула рекой. Отрубленная лапа упала на землю, когтистые пальцы жутко скрючились. Но еще в момент удара вторая уродливая лапа поймала Конана за волосы.

Только железные мускулы спасли шею киммерийца, иначе быть бы ей сломанной в тот же миг. Его левая рука уперлась

в горло зверя, левое колено вонзилось в волосатый живот. И начался смертельный танец, который продлился лишь несколько мгновений, но эти мгновения показались парализованной ужасом девушке вечностью.

Обезьяна мертвой хваткой держала Конана за волосы и притягивала его голову к клыкам, сверкающим белизной в лунном свете. Киммериец сопротивлялся, не давая согнуть свою левую руку, а меч в его правой руке ходил взад-вперед, вонзаясь то в пах, то в живот, то в грудь монстра. Все это происходило в тишине и оттого выглядело вдвойне ужасней. Похоже, зверь нисколько не слабел от потери крови, которая ручьями текла из страшных ран. Невероятная сила обезьяночеловека постепенно одерживала верх над железными мускулами Конана. Рука киммерийца постепенно сгибалась, враг подтягивал его голову все ближе к частоколу капающих слюной клыков. И вот сверкающие глаза варвара смотрят прямо в налитые кровью глазки обезьяны. Конан нанес еще один удар мечом, и клинок застрял в ране. Напрасно варвар пытался его вытащить. В этот миг страшные зубы, которые скалились всего в пяди от лица Конана, сомкнулись и заскрежетали в судороге. В предсмертных конвульсиях монстр отбросил варвара, и тот упал на землю.

Едва не лишившаяся чувств Оливия увидела, как обезьяна зашаталась, опустилась на землю, скорчилась и совсем по-человечески ухватилась за рукоять пронзившего ее меча. Еще одно жуткое мгновение... Наконец по огромному туловищу прошла дрожь, и оно застыло.

Конан поднялся на ноги и заковылял к мертвому врагу. Судя по тяжелому дыханию и поступи киммерийца, его мускулы и кости подверглись суровому испытанию на прочность. Он пощупал макушку и выругался при виде мокрых от крови прядей черных волос, намертво зажатых в лапе чудовища.

— Кром! — взревел он, хватая ртом воздух.— Ну и переделка! Я бы лучше сразился с дюжиной воинов. Еще немного, и эта тварь откусила бы мне голову. Будь ты проклята, гадина! Половину скальпа содрала!

Ухватившись за рукоять меча обеими руками, он с усилием высвободил клинок. Оливия подошла поближе, взяла его за руку и круглыми от страха глазами посмотрела на распростертое чудовище.

— Кто... кто? — прошептала она.

— Серая человекоподобная обезьяна,— проворчал Конан.— Людоед. Они немые. Обитают в горах на восточном берегу моря. Не возьму в толк, как эта мерзавка добралась до острова. Может, ее смыло с берега в шторм и она приплыла на бревне?

— Она бросила камень?

— Да. Я это заподозрил, когда мы стояли в чаще и над головами у нас закачались ветки. Эти твари прячутся в самой чащобе и редко выбираются оттуда. Не знаю, что привело ее на открытое место, но нам очень повезло: в лесу я бы с ней не справился.

— Она шла за мной.— Оливия задрожала.— Я слышала, как она карабкалась на скалу.

— Идти за тобой по плато она не решилась, инстинкт заставил ее спрятаться в тени утесов. Серые обезьянолюди обитают в сумраке, в потаенных местах, и ненавидят солнце и луну.

— Как ты думаешь, здесь есть ее сородичи?

— Нет. Иначе бы они напали на пиратов, когда те шли через лес. Серая обезьяна невероятно сильна, но осторожна. Потому и не осмелилась броситься на нас в чаще. Видно, ты уж очень ей приглянулась, раз она решилась напасть на открытом месте. Что это?!

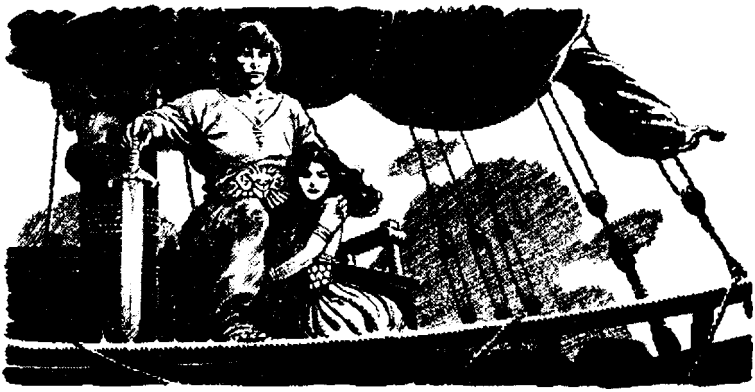
Он резко повернулся в ту сторону, откуда они пришли. Ночную тишину разорвал жуткий крик. Он донесся из развалин.

За этим первым воплем последовала безумная какофония: крики, визг, завывания и мучительные стоны. Хотя им сопутствовало лязганье стали, шум скорее наводил на мысль о кровавой бойне, нежели о битве.

Конан застыл на месте. Девушка прижалась к нему и оцепенела, лишившись дара речи от ужаса. Шум нарастал бешеным крещендо. Киммериец повернулся и зашагал к краю плато, где темнели заросли. У Оливии так дрожали ноги, что она

не могла идти. Конан обернулся, подхватил ее и понес. Когда девушка снова оказалась в колыбели его могучих рук, ее сердце перестало колотиться так неистово.

Они шли по темному лесу, но густые тени больше не таили ужасов, а серебро лунных лучей не выхватывало из тьмы зловещие силуэты. Сонно щебетали ночные птицы. Вопли избиваемых пиратов затихали позади, расстояние приглушило их до неразличимости. Где-то крикнул попугай: «Йахкулан йок тха, ксуххалла!» По лесу беглецы добрались до самой воды и увидели стоящую на якоре галеру, белый парус тускло сиял под луной. Звезды уже бледнели, предвещая рассвет.



4

В призрачно-бледном свете зари на берег выбралась горстка перепуганных, упавших духом пиратов в кровавых лохмотьях. Задыхаясь и шатаясь, они шли по мелководью к галере. Грубый оклик с борта судна заставил их остановиться.

На фоне светлеющего неба они увидели Конана-киммерийца, он стоял на носу галеры с мечом в руке. Легкий ветерок трепал его длинные черные волосы.

— Стоять! — приказал он. — Ни шагу дальше, псы! Что вам нужно?

— Пусти нас на корабль! — крикнул волосатый пират, трогая пальцем кровоточащий обрубок уха.— Мы хотим убраться с проклятого острова.

— Первому, кто попытается влезть на галеру, я вышибу мозги,— пообещал Конан.

Пиратов было сорок четыре против одного, но преимущество было на стороне киммерийца. События этой ночи напрочь выбили из морских гиен боевой дух.

— Милостивый Конан, позволь нам подняться на борт,— жалобно заскулил заморниец с красным кушаком, в страхе оглядываясь на молчаливый лес.— Нам так досталось от этих черных бестий, мы так устали, пока бежали сюда, что ни один из нас не в силах поднять меч.

— Я не вижу Арата,— сказал Конан.— Где этот червь?

— Мертв, как и остальные! На нас, спящих, напали демоны! Дюжина лучших бойцов так и не проснулись — их растерзали

на части. У этих чудовищ горящие глаза, острые клыки и длинные когти!

— О да,— вмешался другой пират.— Это были демоны острова, они притворились статуями, чтобы обмануть нас. Иштар! Подумать только, мы устроились на ночлег в самом их логове! Мы не трусы, мы упорно сражались с ними, но разве могут смертные одержать победу над силами тьмы? Когда мы обратились в бегство, демоны, точно шакалы, накинулись на трупы наших товарищей. Но они наверняка бросятся в погоню за нами!

— Да, да! — вскричал тощий шемит.— Конан, заклинаю тебя всеми богами, пусти нас на борт! Пусти добром, или будем драться насмерть! Конечно, мы так измучены, что ты наверняка перебьешь многих, но всех тебе одолеть не удастся.

— Тогда я пробью дыру в днище и потоплю галеру,— угрюмо ответил Конан.

Это обещание вызвало шквал яростных воплей, но львиный рык Конана заставил умолкнуть пиратов.

— Бешеные псы! С какой стати я должен помогать своим врагам? Пустить вас на борт, чтобы вы мне вырезали сердце?

— Нет, нет! — наперебой закричали они.— Мы твои друзья, Конан! Друзья и товарищи! Нам незачем ссориться. Мы ненавидим туранского короля, но не друг друга.

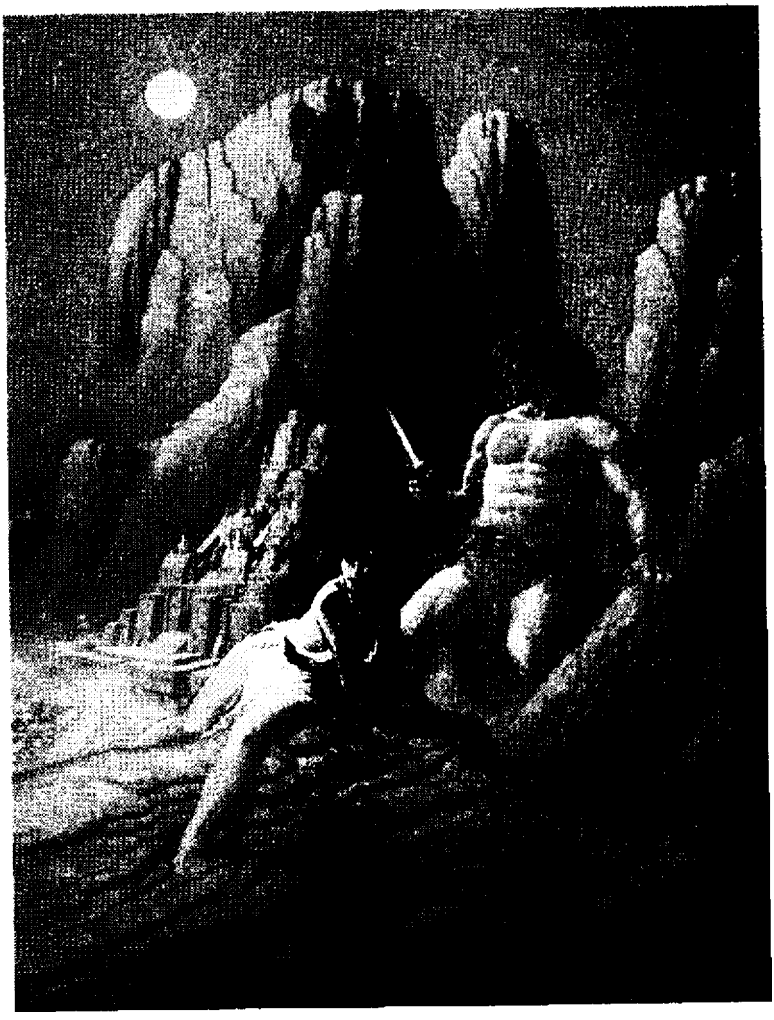
— Ах, вот как? — проворчал Конан.— Значит, я теперь принадлежу к Червонному Братству? Ну, коли так, на меня распространяются его законы. И раз я убил вашего главаря в честном поединке, я — капитан этой галеры!

Никто не возражал. Истерзанным, перепуганным пиратам хотелось только одного — как можно быстрее убраться подальше от страшного острова. Конан заметил среди них окровавленного коринфийца.

— Эй, Иванос! — крикнул он.— Ты уже вставал на мою сторону. А сейчас поддержишь меня?

— О да, клянусь Митрой! — Пират был из тех, кто всегда держит нос по ветру.— Конан прав, ребята. Он — наш законный капитан!

Последовали одобрительные возгласы. И хотя морским разбойникам недоставало искренности, их голоса звучали прав-



доподобно. К этому очень располагало грозное безмолвие леса, в котором, быть может, скрывались чернокожие красноглазые демоны с окровавленными клыками.

— Поклянитесь на мечах,— потребовал Конан.

К нему протянулись рукоятями вперед сорок четыре меча, и сорок четыре голоса произнесли пиратскую клятву верности.

Конан ухмыльнулся и вложил в ножны меч.

— Забирайтесь на борт, мои храбрецы, и хватайтесь за весла.

Он обернулся и заставил подняться на ноги Оливию, которая пряталась за фальшбортом.

— А что будет со мной, капитан? — спросила она.

— Чего бы ты хотела? — Конан внимательно поглядел на нее.

— Идти с тобой, куда бы ни лежал твой путь! — воскликнула она, обвивая белыми руками его бронзовую шею.

Пираты, карабкавшиеся на борт, при виде девушки загомонили от изумления.

— Даже если это путь кровавых сражений? — спросил Конан.— Учти, за кормой этой галеры всегда будет тянуться багровый след.

— Да. Я готова ходить с тобой по любым морям, синим или красным,— пылко ответила она.— Ты варвар, а я — изгнанница, отвергнутая своим народом. Мы оба парии, бродяги на этой земле. Возьми меня с собой!

Он рассмеялся и приник к алым губам.

— Я сделаю тебя королевой синего моря! Поднимайте якорь, псы! Клянусь Кромом, мы еще подпалим штаны королю Илдизу!

Сумерки Ксутала

1

Над пустыней дрожали и перекатывались волны раскаленного воздуха. Конан-киммериец стоял посреди бесплодной равнины, непроизвольно утирая ладонью почерневшие губы. Он принимал убийственный жар солнца с безразличием бронзового изваяния, хотя единственной защитой от палящих лучей ему служила шелковая набедренная повязка, перехваченная тяжелым ремнем с золотой пряжкой. На ремне висели меч и широкий кинжал. Руки и ноги Конана были покрыты едва зажившими ранами.

У ног киммерийца присела отдохнуть девушка. По правде сказать, у нее совсем не осталось сил; она доверчиво привалилась светловолосой головой к колену своего спутника, держась за него, как за единственную опору. Рядом с бронзовым телом Конана ее белая кожа казалась еще нежней. Девушка была одета в короткую рубашку с низким вырезом и без рукавов, которая больше подчеркивала, нежели скрывала достоинства ее гибкой фигурки.

Конан зажмурился и тряхнул головой. Свирепый солнечный свет резал глаза. Отстегнув от ремня небольшую флягу, киммериец встряхнул ее и нахмурился. Слабенький плеск говорил о скудости их последних запасов.

© Перевод М. Семёновой.

Девушка устало пошевелилась и всхлипнула.

— Ох, Конан, мы здесь умрем... Как же пить хочется!

Киммериец невнятно зарычал и — челюсть выставлена, синие глаза так и сверкают из-под черной спутанной гривы — обвел песчаный горизонт яростным взглядом, как если бы пустыня была живым врагом, на котором он выместил бы свой гнев.

Наклонившись, он поднес горлышко фляги к губам девушки.

— Пей, Натала, пока я не скажу «хватит».

Она стала пить мелкими, судорожными глотками. Конан ее не останавливал. И только когда фляга опустела совсем, девушка сообразила, что он позволил ей выпить весь их запас.

У нее так и брызнули из глаз слезы.

— Конан! — простонала она, заломив руки.— Ну почему ты отдал мне все? Я же не знала... А теперь для тебя ничего и не осталось...

— Да ладно тебе,— проворчал киммериец.— Плакать все равно без толку, так что лучше не хнычь.

Выпрямился и закинул подальше бесполезную фляжку.

— Зачем? — шепотом спросила Натала.

Он не ответил. Он стоял по-прежнему неподвижно, лишь пальцы потихоньку сомкнулись на сабельной рукояти. Он не смотрел на свою спутницу, зоркий и яростный взгляд пытался пронизать лиловатую дымку, затянувшую горизонт.

Ему была в полной мере присуща по-варварски неистовая тяга к жизни, опиравшаяся на могучий инстинкт выживания, и тем не менее Конан из Киммерии отчетливо понимал — все, похоже, он достиг конца своих странствий. Нет, до предела его выносливости пока далеко, но еще день в этом безжалостном пекле, где нет ни капли воды,— и он вряд ли сумеет подняться. Что же до девушки... Нынешние страдания были явно ей не по силам. Так не окажется ли сабельный удар, быстрый и безболезненный, милосердней постепенного угасания жизни, которое, по всей видимости, им предстояло? Он по крайней мере дал ей напиться; быть может, не стоило ждать, пока она начнет бредить от жажды и призывать к себе смерть?

Конан уже начал медленно обнажать клинок... И в это время нечто заставило его замереть и напрячься всем телом.

Далеко-далеко, у южного горизонта, в раскаленной дымке что-то плавало и мерцало...

Сначала Конан решил, что увидел мираж. Миражи не в первый раз являлись ему в проклятой пустыне, обманывая, сводя с ума и насмешничая. Но это... Конан прикрыл глаза от солнца ладонью — и различил высокие башни, минареты и блестящие стены. Он хмуро смотрел вдаль, ожидая, когда видение поблекнет.

Натала проследила направление его взгляда и, перестав плакать, с трудом приподнялась на колени.

— Конан, там город!..— прошептала она, боясь даже надеяться.— Или... или это нам только мерещится?

Киммериец долго не отвечал. Он несколько раз добросовестно открывал и закрывал глаза, отводил их в сторону и вглядывался опять. Город не уплывал, не рассеивался и не исчезал.

— Холера его знает,— проворчал Конан наконец.— Можно попробовать проверить... Все равно терять нечего!

И бросил саблю назад в ножны. Потом нагнулся к девушке и могучими руками подхватил ее, точно ребенка.

Она слабо воспротивилась.

— Я пойду сама, Конан... Не трать силы!

— Там, впереди, сплошные камни. От твоих сандалий одни обрывки останутся!

У девушки на ногах действительно были легкие зелененькие сандалии, совсем не приспособленные для дальних переходов.

— И потом,— продолжил Конан,— если мы хотим добраться туда, нам лучше поторопиться... Так я хотя бы в полный мах буду шагать!

Неожиданно подвернувшийся шанс выжить сообщил стальным мускулам киммерийца небывалую силу. Он устремился через пески так размашисто и упруго, как будто только-только начал свой поход. Конан был варвар; дикая жизнь наградила его выносливостью и выдержкой зверя. Там, где цивилизованный человек давно бы сдался и умер, он продолжал сражаться и побеждал...

Насколько ему было известно, они с Наталой последними оставались в живых из всей армии принца Альмарика. Совсем недавно эта пестрая и беспорядочная орда под водительством кофийского принца, устроившего неудачный мятеж, разрушительной песчаной бурей пронеслась по землям Шема и залила кровью стигийское приграничье. Стигийцы снарядили войско в погоню, и мятежники с боем прорубились сквозь черное царство Куш... лишь для того, чтобы бесславно рассеяться в пустынях дальнего Юга. Конан мысленно сравнивал путь мятежной армии с течением речного потока, могучего при истоке, постепенно мелеющего в жарких берегах – и, наконец, исчезающего по капле в пустынных песках. Все погибли — наемники, беглые разбойники, бродяги и прочий беззаконный люд. Только и осталось, что кости, кости, кости от горных равнин Кофа до здешних никем не измеренных дюн...

Когда стигийцы дали им последний бой и вместе с кушитами окружили обреченное войско, Конан мечом проложил себе путь на свободу и удрал на верблюде вместе с девчонкой. Так что теперь повсюду у него за спиной — враги, а единственный оставшийся путь вел на юг, то есть в пустыню. В самом сердце которой они с Наталой, как видно, и находились.

Девушка была родом из Британии. Конан обнаружил ее на рынке рабов в шемитском городе, который они взяли штурмом и грабили, и недолго думая взял в свою собственность. Ее на это согласия он спрашивал всего менее. Однако нынешнее положение Наталы так разительно отличалось от той жалкой участи, что ждала хайборийку в каком-нибудь шемитском серале, что она приняла свою судьбу с благодарностью. Вот и пришлось ей волей-неволей поучаствовать во всех приключениях Альмарикова злополучного воинства, а теперь вместе со своим благодетелем она пыталась выжить в пустыне.

Несколько дней они только и думали, как бы оторваться от скакавших по пятам стигийских наездников, а когда это им удалось, они не решились повернуть к северу. Они пробивались вперед, сквозь пески, надеясь отыскать воду, но воды все не было, и они лишились верблюда. Тогда они двинулись даль-

ше пешком, и последние дни дались им сплошной мукой. Конан как мог оберегал свою спутницу... Наталу худо-бедно успела закалить походная жизнь, она продержалась много дольше, чем какая-нибудь изнеженная горожанка; но вот сегодня ее силам пришел конец.

Солнце немилосердно жгло черноволосую голову киммерийца. Перед глазами все плыло, к горлу подкатывала тошнота, но он скрипел зубами и шагал, шагал, шагал, не сбавляя темпа. Было похоже, что город ему не причудился, он был реален.

Что ждало их там?.. Быть может, очень даже враждебная встреча. Конан не пытался об этом гадать. По крайней мере, там у него будет шанс постоять за себя в сражении, а ничего иного у судьбы он никогда и не просил.

Солнце клонилось к закату, когда изнемогшие путники остановились у массивных ворот, радуясь благословенной тени. Здесь Конан наконец поставил Наталу на ноги и размял затекшие руки. Над их головами высились тридцатифутовые стены, сложенные из чего-то зеленоватого и не очень понятного, зато блестевшего почти как стекло. Задрав голову, Конан разглядывал зубцы наверху, полагая, что сейчас его оттуда окликнут, но так никого и не увидел.

Он приложил руки ко рту и покричал, потом стал колотить в ворота сабельной рукоятью, но в ответ раздавалось лишь пустое эхо, звеневшее насмешкой. Натала жалась к киммерийцу, напуганная странной тишиной. Обозлившись, Конан навалился на створку ворот... И отскочил, хватаясь за саблю, когда тяжелая створка неожиданно легко уступила и беззвучно отошла внутрь.

Натала вскрикнула и прижала руки ко рту.

— Смотри, Конан...

Непосредственно за воротами лежало неподвижное тело. Конан присмотрелся к нему, ожидая подвоха, потом шагнул вперед и начал оглядываться.

Он стоял на широкой площадке вроде крепостного двора. Во двор выходили дверные арки домов, сложенных из того

же зеленоватого вещества, что и внешние стены. Строения были впечатляющие — крепкие, просторные, настоящие дворцы, увенчанные куполами и минаретами. И... по-прежнему нигде никаких признаков человеческой жизни. Но Конану, у которого в глотке запеклась пыль, некогда было об этом раздумывать. Посередине двора он увидел обложенное камнем квадратное отверстие колодца.

Он за руку втащил Наталу во двор и прикрыл за собой ворота.

— Он... мертвый? — пугливо спросила девушка, кивая на неподвижное тело у входа.

Это был рослый и крепкий человек в расцвете жизненных сил. Желтая кожа, немного раскосые глаза... а в остальном он вполне сошел бы за хайборийца. Одет в рубашку из пурпурного шелка, на поясе висел короткий меч в ножнах, обтянутых золотой парчой. Конан притронулся к телу... На ощупь оно было холодным и неживым.

— Ран нет, — пробормотал Конан. — Однако мертв, точно Альмарик с сорока стигийскими стрелами в груди... Рали Крома, идем скорее к колодцу! Если в нем есть вода, мы будем ее пить, мертвецы там, не мертвецы!

Вода в колодце имелась, но напиться не удалось. До ее поверхности оказалось добрых сорок футов — и нигде ни бадьи, ни ведерка. Конан матерился по-черному, но, поскольку не помогало, отправился искать хоть какой-то черпак на веревке...

Отчаянный крик Наталы заставил его крутануться на месте.

Прямо к нему мчался мнимый мертвец. Глаза у мужчины казались несомненно живыми, в руке блестел короткий меч, выдернутый из ножен. Конан изумленно выругался, но строить догадки было недосуг. Нападавшего встретил косой взмах клинка, рассадивший кости и плоть. Голова крепыша глухо стукнула о каменную мостовую, тело еще несколько мгновений стояло, пьяно пошатываясь и фонтанируя кровью из рассеченных артерий. Потом и оно упало.

Конан мрачно смотрел на него, продолжая вполголоса клясть богов.

— Теперь этот малый ненамного мертвей, чем был минуту назад,— проговорил он наконец.— Во что мы тут вляпались, интересно бы знать?

Натала, заслонившаяся руками от жуткого зрелища, осторожно раздвинула пальцы. Ее трясло от испуга.

— Конан...— прошептала она.— А горожане за это нас не убьют?

— Посмотрим,— буркнул в ответ киммериец.— Эта тварь точно убила бы нас, если бы я башку ей не снес.

Говоря так, он оглядывал слепые арки и переходы на зеленоватых стенах над их головами. По-прежнему ни движения, ни звука.

— И вообще, нас, по-моему, никто даже не видел,— сказал Конан.— Сейчас спрячу улики.

Он взял обмякшее тело за перевязь для меча и, другой рукой подхватив голову за длинные патлы, поволок то и другое к колодцу.

— Раз нам напиться не дают,— пробормотал он мстительно,— я уж позабочусь, чтобы и остальным эта водичка поперек горла встала! Будь ты проклят, никчемный колодец! — И тело вместе с головой перевалилось через край. Миг спустя донесся глухой всплеск.

— На камнях кровь осталась...— прошептала Натала.

— И еще добавится, если я в скором времени воды не найду,— зло пообещал киммериец.

Долготерпением он не отличался никогда, и теперь оно было на исходе. И если напуганная девушка почти забыла от страха про жажду и голод, то Конан о своем брюхе помнил всегда.

— Надо открыть первую попавшуюся дверь,— заявил он решительно.— Рано или поздно мы кого-нибудь встретим!

— Не надо, Конан!..— цепляясь за спутника, жалобно заплакала бритунийка.— Тут так жутко! Это город призраков и мертвецов! Лучше уйти обратно в пустыню и умереть там, чем напороться на неведомый ужас.

— Нет уж,— зарычал Конан.— Я отсюда уйду, только если меня вышвырнут за ворота. Должна же где-то в этом поганом

городишке быть вода, а раз так, я ее найду! Всех тут поубиваю, а воду найду!

— А если убитые опять оживут? — прошептала девушка.

— Тогда я их буду рубить снова и снова,— отрезал Конан,— пока совсем не помрут! Ладно, пошли! Вот эта дверь ничем не хуже других... Держись за мной, только не вздумай бежать, пока я не велю!

Натала еле слышно пообещала слушаться. И пошла следом за ним, в буквальном смысле наступая на пятки,— к его немалому раздражению. Между тем спустившиеся сумерки заселили странный город фиолетовыми тенями; беглецы вошли в открытый дверной проем и оказались в просторном помещении со стенами сплошь в бархатных занавесях, расшитых непривычным узором. Пол, стены и потолок состояли все из того же зеленого стеклянистого камня, стены украшала золоченая резьба. Пол устилали меха и атласные подушки. Сводчатые арки вели в соседние комнаты. Конан и Натала обошли несколько помещений, очень похожих на самое первое...

Нигде по-прежнему не попадалось ни души.

— Кто-то здесь был, причем совсем недавно,— пробурчал Конан подозрительно.— Ложе еще хранит тепло человеческого тела, вон ту подушечку промяло чье-то бедро... И в воздухе витает запах духов!

Все здесь казалось каким-то страшным, нереальным и жутковатым. Бродить по молчаливому дворцу было все равно что предаваться грезам, накурившись дурмана. Некоторые комнаты не освещались, и Конан с Наталой не заходили туда. Другие, наоборот, заливал ровный мягкий свет, исходивший, похоже, из драгоценных камней, затейливой чередой вделанных в стены. Внезапно, переступая порог очередного чертога, Натала вскрикнула и вцепилась в руку своего покровителя. Конан невнятно выругался и быстро огляделся, ища глазами врага, но никого не увидел.

— Да что с тобой такое? — напустился он на британийку.— Если еще раз так вцепишься в мою правую руку, я тебя отшле-

паю! Чем, по-твоему, я драться должен? Хочешь, чтобы мне глотку тут перерезали?.. И чего вообще было орать?..

— Посмотри... во-он туда... — еле выговорила она прыгающими губами.

Конан посмотрел. «Во-он там» обнаружился стол из полированного черного дерева, уставленный золотыми сосудами — явно с едой и напитками. Только едоков не было видно.

— Ага, стол накрыт, — проворчал Конан.— Не знаю уж, для кого, но этому кому-то сегодня придется заново искать себе ужин...

— И мы... посмеем? — неуверенно переспросила девушка.— А вдруг они вернутся, и застанут нас, и...

— *Лир ан мананнан мак лир!*..— выругался Конан по-киммерийски. Ухватил Наталу за шиворот и сунул, как котенка, в позолоченное кресло подле стола.— Мы тут с голоду помираем, а ты только и знаешь, что «а вдруг» да «а вдруг». Ешь, тебе говорят!

Сам он устроился с другого конца и, схватив нефритовый кубок, единым духом опорожнил его. В кубке оказался ярко-красный напиток, напоминавший вино, но очень непривычного вкуса. Впрочем, иссохшая глотка киммерийца любую подходящую жидкость готова была принять как нектар! Утолив до некоторой степени жажду, Конан занялся яствами. Он увидел перед собой неведомые фрукты и кушанья, которым не мог подобрать названий. Вся посуда на столе была удивительно тонкой работы, а ножи и вилки — из золота. Только Конан, отводя душу после вынужденной голодовки, хватал куски мяса прямо руками, а крепкие зубы вполне управлялись вместо ножа. Он и в более-то сытые времена не отличался приверженностью застольному этикету, а теперь и подавно. Натала, цивилизованная бритунийка, ела приличнее, но тоже с жадностью и аппетитом. У Конана мелькнула было мысль, а не отравлена ли еда, но он ее отбросил. Лучше помереть от яда, сказал он себе, чем от голода перед накрытым столом!

Утолив голод, он с удовлетворенным вздохом откинулся в кресле... Да, свежая пища говорила о том, что люди в городе все-

таки есть, и, быть может, враги собирались вот-вот выскочить из темных углов... Ну и пусть их выскакивают — Конан на сей счет беспокоился меньше всего, давно и крепко уверовав в мощь своей вооруженной руки. Потом от сытости его начало клонить в сон, он рассеянно огляделся в поисках кушетки, чтобы прилечь.

Натала не разделяла его благодушия. Еда и питье не притупили ее опасливой бдительности. Она все косилась на дверные проемы, таившие неизвестность, и ее прекрасные глаза то и дело расширялись от страха. Ей было очень не по себе в этом слишком тихом и таинственном месте. Казалось, комната все росла, а стол делался длинней, отдаляя девушку от ее угрюмого благодетеля. Поспешно поднявшись, она обежала стол и устроилась у Конана на коленях, продолжая поглядывать на дверные арки. Некоторые были освещены, другие же — нет, и к ним-то она приглядывалась внимательнее всего.

— Мы наелись, напились и передохнули,— сказала она наконец.— Пойдем отсюда, Конан. Нехорошо здесь... Я чувствую...

— Ну, покамест нам тут никто ничего плохого не сделал,— начал он, но в это самое время негромкое, но отчетливо зловещее шуршание заставило его обернуться.

Стряхнув Наталу с колен, он взвился на ноги с легкостью потревоженной пантеры и выхватил саблю, уже стоя лицом туда, откуда послышался шорох. Звук, однако, не повторился, и Конан тихо-тихо двинулся вперед. Натала шла за ним, держась вплотную, сердце бритунийки колотилось у горла. Конан почуял угрозу, а это кое-что да значило. Подобравшись тугой пружиной, он крался вперед с мягкостью охотящегося тигра, а шума производил не больше, чем таящийся тигр.

Под аркой он остановился, и Натала, замирая от ужаса, выглянула из-за его плеча. В самой комнате света не было, но ее отчасти подсвечивало сияние позади них — и проникало через следующую арку еще в одно помещение. И там на спальном возвышении лежал человек. Рассеянный свет позволял хорошо рассмотреть его. Он выглядел близнецом тому, которого Конан зарубил возле ворот, только одежда была богаче и

вся расшита самоцветами, переливавшимися колдовским светом. Мертвый? Крепко спящий?..

Вновь послышался зловещий шорох, как если бы кто-то отодвигал занавеску...

Конан шарахнулся назад, схватил в охапку Наталу и ладонью зажал ей рот — как раз вовремя, чтобы не дать завизжать.

Оттуда, где они теперь стояли, возвышения больше не было видно,— только тень, которую оно отбрасывало на стену. Так вот, по этой стене у них на глазах проползла еще одна тень, темная и бесформенная. Конан ощутил, как шевельнулись волосы на затылке... Он мог бы поклясться чем угодно, но в жизни своей не видал ни зверя, ни человека, способного отбросить такую вот тень. Его снедало любопытство, хотя некий инстинкт предостерег его и побудил замереть на месте. Натала в его хватке испуганно таращила глаза, и, кроме ее неровного всхлипывающего дыхания, других звуков не было слышно. И вот огромная тень наползла на тень возвышения... перекрыла ее... и убралась спустя долгий-предолгий миг. Тень ложа опять стала видна ясно и четко, но вот спящий исчез.

Натала была близка к истерике, она судорожно икнула, и Конан предостерегающе встряхнул девушку — коротко, но весьма убедительно. У него самого кровь леденела в жилах. Он давно отвык бояться смертных врагов. Он мог дать отпор какой угодно жути, лишь бы понимать, что это такое. Но здесь... здесь он столкнулся с чем-то непостижимым!

Тем не менее спустя некоторое время любопытство превозмогло страх, и, мысленно приготовившись ко всему, он снова прокрался в неосвещенную комнату, потом заглянул в ту, следующую. Обе пусты. Возвышение стояло на своем месте, но человек в расшитом наряде пропал неизвестно куда. Лишь на шелковом покрывале одиноким самоцветом багровела единственная капля крови. Натала тоже увидела ее и придушенно вскрикнула, и Конан не стал ее ругать. Ему самому было страшно.

Вот тут, на этом самом ложе, только что лежал человек. А потом нечто приползло в комнату и уволокло его. Какого рода было

существо, Конан никакого понятия не имел. Но то, что в здешних скудно освещенных чертогах обитал какой-то неведомый ужас, сомнению не подлежало!

Действительно, пора убираться отсюда... Конан поймал Наталу за руку и потянул за собой, но сразу остановился. Откуда-то из пройденных ими покоев послышался звук шагов. Вполне человеческих. Производивший их шел босиком либо в мягкой обуви, и Конан, движимый волчьей осторожностью, быстро свернул под другую арку. Он полагал, что сумеет выбраться во внешний двор, обойдя шедшего по комнатам.

Они успели пересечь всего несколько покоев, когда шуршание шелковой занавески вынудило их замереть. Конан обернулся... У занавешенного алькова стоял человек. И пристально разглядывал их с Наталой.

Внешне он был ровно такой же, как и встреченные прежде. Рослый, хорошо сложенный, в пурпурной одежде, перехваченной поясом с самоцветами. Взгляд янтарных глаз не выражал ни удивления, ни враждебности. Человек смотрел сонно и мечтательно, словно любитель лотоса. Он так и не вытащил короткого меча, висевшего на ремне. А когда он заговорил — причем на каком-то неведомом языке, — его голос показался Конану далеким, рассеянным и бесплотным.

Конан наудачу ответил ему на стигийском, и человек его понял.

— Кто ты?

— Я Конан из Киммерии, — ответил варвар.— Это вот Натала, она бритунийка. А что это за город?

Человек ответил не сразу. Его отрешенный взгляд остановился на Натале, и, растягивая слова, он произнес:

— О венец моих странных и прекрасных видений, золотовласая дева, ответь мне, из какой волшебной страны снов ты явилась? Быть может, ты из далекой Андарры, или из Тотры, или из опоясанного звездами Каса?

Увы, красноречие незнакомца пропало впустую.

— Это еще что за чушь собачья? — раздраженно проворчал киммериец.

Однако на него больше не обращали внимания.

— Мне снились и более роскошные красавицы,— пробормотал человек.— Я видел гибких женщин с волосами непроглядней ночи, с темными глазами, хранившими бездонную тайну... Но твоя кожа бела, точно молоко, твои глаза яснее рассвета, ты дышишь свежестью и изяществом, манящим, как сладостный мед... Возляг же со мной на ложе, о милая дева из сна!

И, шагнув навстречу, он по-хозяйски потянулся к Натале. Конан отшвырнул его руку с такой силой, что у других от подобного шлепка, бывало, кости ломались. Мужчина отшатнулся, хватаясь за онемевшее плечо, янтарные глаза затуманились.

— Что это? — пробормотал он.— Никак призраки взбунтовались?.. Повелеваю тебе, варвар,— изыди! Пропади! Сгинь! Рассейся!..

— Я не сгину и не рассеюсь! — нагрубил обозленный киммериец, потрясая обнаженным мечом.— Так-то вы тут, значит, встречаете чужеземных гостей?

У желтокожего понемногу пропадало с лица сонное выражение, сменяясь глубоким недоумением.

— Тот!..— вырвалось у него.— Так ты настоящий? Откуда ты? Кто ты? И что ты делаешь здесь, в Ксутале?..

— Мы пришли из пустыни,— хмуро ответил Конан.— Мы пришли в город на закате, умирая от голода. Нашли стол с угощением... Сразу говорю: денег, чтобы за это заплатить, у меня нет. В нашем краю голодных принято кормить даром, но вы, цивилизованные люди, за все требуете платы звонкой монетой. Подозреваю, что и здесь порядки такие же. Мы, в общем-то, ничего не украли и как раз собирались уйти. Видит Кром, мне тут не понравилось! Здесь мертвецы вскакивают и куда-то бегут, а тени пожирают спящих людей.

Последнее замечание заставило человека вздрогнуть, желтую кожу словно подернуло пеплом.

— Как, как ты сказал? Тени? Пожирают людей?..

— Ну,— ответил Конан с проснувшейся осторожностью,— я вообще-то не знаю... Какая-то тень мелькнула, и человек пропал, осталось только капелька крови...

— Так ты видел? Ты видел? — Теперь мужчина дрожал как лист, его голос сорвался на визг.

— Я видел, как человек спал на ложе, а потом его поглотила тень,— сказал Конан.

Эти слова оказали на его собеседника ужасающее воздействие. Мужчина дико закричал и, повернувшись, кинулся из комнаты прочь. В своем слепом бегстве он налетел на дверной косяк, кое-как выправился — и унесся в глубину покоев, по-прежнему крича во все горло. Конан проводил его недоумевающим взглядом, бедная Натала трепетала, держась за его руку. Видеть человека они более не могли, но отдаленные крики были еще слышны, и эхо бродило под сводчатыми потолками. А потом донесся особенно громкий, резко оборвавшийся вопль, и сразу все стихло.

— О Кром!..

Конан вытер со лба пот.

— Они тут все сумасшедшие, — сказал он погодя.— Пойдем-ка наружу, пока еще кого не встретили!

— Нам привиделся кошмар, — всхлипывала Натала.— Мы умерли и были прокляты! Мы погибли в пустыне и низвергнулись в ад! Мы с тобой — духи бесплотные... Ой!

Увесистый подзатыльник прервал череду ее жалоб.

— Дух бесплотный? А пленишь — орет, — усмехнулся Конан, хорошо знавший, что шутка, даже такая грубоватая, иной раз помогает привести в чувство заплетшегося от страха.— Да живые мы, живые! Правда, если решим остановиться в этой поганой дыре, все может очень даже измениться... Кром! Это еще что?

Они успели миновать всего одну комнату, когда снова пришлось остановиться. К ним явно приближался кто-то — или что-то. Они стояли лицом к двери, откуда доносились шаги, и ждали, когда же кончится неизвестность. Ноздри Конана раздувались, глаза нехорошо сузились... И вот наконец под аркой обрисовалась человеческая фигура. Да такая, что Конан вполголоса выругался, а Натала открыла от изумления рот.

Перед ними, непонимающе смотря, стояла женщина. Рослая, гибкая, божественно сложенная — и облаченная всего-то в узенький поясок, искрившийся самоцветами. Глянцевый водопад черных как ночь волос оттенял теплую белизну кожи. Темные глаза в пушистых ресницах глядели чувственно и глубоко. У Конана дух захватило от такой красоты, да и у Наталы округлились глаза. Подобных женщин киммериец совершенно точно ни разу прежде не встречал. Черты ее лица походили на стигийские, но у стигиек, виденных им до этого дня, была темная кожа, а у этой тело светилось, как алебастр.

Когда же она заговорила, то голос оказался богатым и музыкальным, а язык — все-таки стигийским.

— Кто ты? — обратилась она к киммерийцу.— Что ты делаешь в Ксутале? И кто эта девушка?..

— Сама-то кто такая? — хмуро поинтересовался Конан.

Одни и те же вопросы порядком-таки поднадоели ему.

— Я — Талис, стигийка,— ответила она.— А ты, верно, рассудка лишился, что надумал явиться сюда?

— Начинаю приходить к этой мысли,— проворчал Конан.— Видит Кром, если я еще разумен, мне здесь точно нечего делать, тут у вас одни чокнутые живут! Мы к ним выползаем из пустыни, можно сказать, на карачках, еле живые от жажды и голода, а нас встречает мертвец, который тут же ни за что ни про что пытается пырнуть меня в спину! Потом заходим во дворец, набитый роскошью под самый купол, а внутри никого! Стол накрытый стоит, а едоки все попрятались. Только тени какие-то ползают и заглатывают спящих людей...— Конан пристально следил за стигийкой, и от него не укрылась ее внезапная бледность.— Ну?

— Что — ну? — спросила она, овладевая собой.

— Я ждал, что ты тоже дашь деру, сметая занавески и крича во весь голос,— сказал Конан.— Ну, как тот малый, которому я сейчас про тень рассказал.

Она пожала изящными белыми плечиками.

— А-а, так вот что за крики я слышала... От судьбы все равно не уйдешь, так много ли толку верещать подобно крысе в

ловушке? Когда Тог возжелает меня, он просто придет за мной, и быть посему...

— Тог — это кто? — осведомился Конан подозрительно.

Стигийка наградила его долгим оценивающим взглядом, который почему-то заставил Наталу густо покраснеть и прикусить губу.

— Садитесь на диван, я вам расскажу, — ответила Талис. Только прежде скажите мне свои имена.

— Я Конан из Киммерии, а это бритунийка Натала,— ответил Конан.— Наше войско разбили на границах Куша, так что мы с ней нынче в бегах... Знаешь, неохота мне садиться на этот диван. Так и кажется, что сзади тень подползает!

Стигийка мелодично рассмеялась и села, с хорошо заученной небрежностью вытянув стройные ноги.

— Не о чем беспокоиться, — сказала она.— Если Тог захочет, он вас возьмет, где бы вы ни были. Человек, о котором ты говорил — ну тот, что закричал и пустился бежать,— он ведь под конец испустил такой особый страшный крик, верно? И потом стало тихо, так?.. Надо думать, он в своем паническом бегстве напоролся как раз на то, чего тщился избегнуть... Я же говорю - от судьбы не уйдешь!

Конан буркнул нечто невразумительное, но все-таки опустился на краешек дивана. Обнаженный меч лежал у него на коленях, а взгляд продолжал тревожно обшаривать помещение. Натала примостилась рядом, держась за него, и теперь в ее поведении сквозила еще и ревность. Поджав ноги, она поглядывала на стигийку с недоверием и обидой. Рядом с этой великолепной красавицей она чувствовала себя маленькой, тощей и засиженной мухами. И уж конечно, от нее не укрылся взгляд темных глаз, буквально ласкавших все тело бронзовокожего исполина.

— Так что это за место? — осведомился Конан.— И кто тут живет?

— Это очень древний город, имя же ему Кутал. Он выстроен над оазисом в пустыне, на который основатели города набре-

ли в своих странствиях. С востока явились они, и было это столь давно, что даже их потомки не помнят когда...

— Немного же их осталось,— заметил киммериец.— Покои большие, а выглядят необитаемыми.

— Людей здесь больше, чем тебе кажется,— возразила стигийка.— Весь город, по сути, является одним сплошным дворцом; все дома, находящиеся внутри стен, соединены между собой. Здесь можно ходить много часов, никого не встречая, но это уж как повезет. Другой раз люди попадаются один за другим, причем сотни и сотни...

— Это как? — спросил Конан. По его мнению, услышанное порядком отдавало колдовством, и ему это не нравилось.

— Здешние люди много времени проводят во сне. Сновидческая жизнь для них важна не меньше, чем явь, и столь же реальна. Ты когда-нибудь слышал о черном лотосе? В городе есть особые места, где его выращивают. За много веков садовники сумели его изменить, и теперь его сок вместо смерти приносит роскошные, ни с чем не сравнимые сновидения. Им-то жители Кутала и посвящают большую часть своего времени. Зато их бодрствование подобно сну: оно невнятно, бесцельно и беспорядочно. Они спят, пробуждаются, пьют, едят, предаются любви и вновь засыпают... Они редко доводят начатое до конца — чаще все бросают как придется и вновь погружаются в грезы, навеянные соком черного лотоса. Взять хоть пищу на столе, которая утолила ваш голод. Вне сомнения, кто-то, пробудившись, решил перекусить и приготовил себе еды... а потом забыл про все и ушел спать.

— Ладно, а еду они откуда берут? — перебил Конан.— Что-то я не заметил за стенами ни виноградников, ни полей! У вас как тут, и огороды, и скотные дворы — все внутри?

Она покачала головой.

— Им не нужны стада и посевы, эти люди производят себе пищу из природных веществ. Они ведь прекрасные ученые, и головы у них работают как надо, когда лотос выветривается из мозгов! А предки их вовсе были гигантами разума, ведь они построили этот город посреди пустыни и создали всю роскошь,

которой он начинен. И даже теперь, когда здешний народ поработило пристрастие к дурману, частица дивных знаний еще не умерла до конца... Я думаю, ты успел подивиться освещению в покоях? Это драгоценные камни, которые воспламенил радий. Проведи по ним пальцем в одну сторону — и они вспыхивают. В противоположную — и они гаснут... Вот тебе пример того, до чего дошла наука кеутальцев. А сколько всего они позабыли!.. И все из-за того, что живая жизнь интересует их все меньше. Они предпочитают сон, похожий на смерть...

— Ага,— сказал Конан.— Так значит, тот мнимый мертвец возле ворот...

— Вне всякого сомнения, он спал. Лежащего в лотосовом сне легко принять за умершего. Все телесные процессы так замедляются, что трудно бывает распознать признаки жизни. Дух покидает тело и отправляется в странствие по запредельным мирам. Кстати, человек у ворот есть наглядное свидетельство безалаберного отношения этих людей к собственной жизни. Он ведь должен был охранять ворота — там, согласно обычаю, ставят стражника, хотя никакой враг отроду не покушался на город. Таких стражей можно обнаружить и в других местах Кеутала. И тоже — спящих без зазрения совести...

Конан поразмыслил над услышанным и спросил:

— А сейчас где все?

— Разошлись по разным частям города. По кушеткам, шелковым диванам, по заваленным подушками альковам и тюфякам, обтянутым мехом. Причастились лотоса и смотрят несравненные сны.

Конан почувствовал, как мускулы между лопатками продернуло холодком. Его как-то не грела мысль о сотнях людей, что лежали холодными и неподвижными полутрупами в этих просторных, устланных коврами дворцах, лежали, глядя в потолки остекленелыми глазами...

Потом он вспомнил кое-что еще и спросил:

— Ну так что там насчет той штуки, которая тихо скользит из комнаты в комнату и утаскивает людей прямо с ложа?

Прекрасная стигийка содрогнулась всем телом.

— Его имя Тог, он из Древних... Это бог Ксутала, обитающий в затонувшем куполе посреди города... Он жил здесь всегда. Пришел ли он сюда вместе с основателями города или уже обитал здесь? Никто не знает. Здесь его чтят, ему поклоняются... Большей частью он спит в своих подземельях, но порой — и этого нельзя предсказать — его будит голод, и он отправляется в путь по тайным коридорам и сумрачным чертогам в поисках жертвы... И тогда никто не может считать себя в безопасности...

Натала прямо-таки застонала от страха и повисла у Конана на шее, как бы заранее сопротивляясь любой попытке оторвать ее от могучего спутника.

— Кром, — вырвалось у него.— Ты хочешь мне сказать, что они все лежат и спят себе, пока эта нечисть шастает кругом и промышляет себе жертву на ужин?

— Голод будит его лишь время от времени,— повторила стигийка.— И потом, божеству положены жертвы, так ведется от века. Ребенком я жила в Стигии, и там все боялись жрецов. Никто не мог знать, кого и когда изберут, чтобы тащить на алтарь! Ну и какая разница, жрецы ли избирают жертву для своего божества — или оно само является, чтобы ее взять?

— У моего народа нет такого обыкновения, — проворчал Конан.— И в стране Наталы так тоже не делают. Хайборийцы поклоняются Митре, который не требует человеческих жертв. Что же до моего племени... Кром! Не отказался бы я посмотреть на жреца, которому удастся затащить на алтарь киммерийца! То есть крови, понятно, прольется вдосталь, только не той, которой хотелось бы жрецу...

— Варвар ты,— рассмеялась Талис, но в искристых глазах мерцали огоньки.— Тог — особое божество. Очень древнее... и очень грозное...

— Все равно здешний народ — либо придурки, либо герои,— сказал Конан.— Вот так лежать и смотреть какие-то глупые сны, зная при этом, что проснуться можно в брюхе у демона...

Стигийка вновь рассмеялась.

— Они ведь другой жизни не знают,— сказала она.— С тех пор как Тог забрал первую жертву, сменились несчетные по-

коления. Когда-то во дворце обитали тысячи, теперь остались сотни,— в том числе и по его милости. Еще несколько поколений, и не останется вообще никого. Тогда Тогу придется либо отправиться во внешний мир за новыми жертвами, либо убраться в подземное царство, из которого он явился когда-то.

Эти люди осознают свою неминуемую участь, но они — фаталисты, неспособные ни к сопротивлению, ни к бегству. Ни один из ныне живущих ни разу даже не высовывался сколько-нибудь далеко за городские стены. К югу отсюда на расстоянии дневного перехода есть еще оазис... Я видела его на старых картах, составленных их предками, но вот уже три поколения жителей Кеутала не посещали его. А плодородные земли, которые, согласно тем же картам, лежат еще в одном дне пути, перестали исследовать даже раньше... Варвар, это племя обречено! Они погрязли в лотосовом дурмане, а редкие часы бодрствования скрашивают золотым вином, которое заживляет раны, продлевает жизнь и способно вернуть бодрость самому пресыщенному развратнику...

И все-таки они цепляются за жизнь и отчаянно боятся божества, которому поклоняются! Ты сам видел, как один из них прямо-таки помешался от ужаса, узнав о пробуждении Тога. А мне доводилось наблюдать, как весь город вопил и рвал на себе волосы и в ужасе мчался к воротам... чтобы скорчиться там за стенами и ждать, на кого падет жребий. И когда один из них оказался избран, его вышвырнули обратно в ворота, дабы Тог утолил свою похоть и голод... Вот и теперь, если бы они не спали по комнатам, весть о появлении Тога заставила бы их с воплями ломиться наружу!

— Ой, Конан,— в ужасе взмолилась Натала,— давай скорей отсюда уйдем...

— Всему свое время,— отозвался киммериец. Стройные ножки цвета слоновой кости прочно приковали к себе его взгляд.— Ну а ты-то, стигийка, что здесь делаешь?

— Я попала сюда в ранней юности,— ответила она, откидываясь на бархатные подушки и сплетая за головой изящные руки.— Если ты присмотришься к цвету моей кожи, почти

такой же белой, как у твоей подружки, то поймешь — я не какая-нибудь простолюдинка. Я — дочь короля. Меня похитил один из принцев, восставших против отца. Встав во главе армии кушитских стрелков, он ушел на юг, в дикие земли, чтобы завоевать там страну и стать ее властелином. Его самого и всех его воинов забрала пустыня... Самый последний посадил меня на верблюда и вел его, пока не свалился замертво. Животное, однако, продолжало шагать... Потом я начала бредить от жажды и голода и впала в забытье, чтобы очнуться уже здесь, в этом городе. Мне рассказали, как на рассвете меня заметили со стены — я без сознания лежала рядом с мертвым верблюдом... Они подобрали меня и привели в чувство, напоив своим чудесным вином. Даже в те времена лишь вид женщины мог их подвигнуть на такую дальнюю вылазку за городские пределы!

Они очень тянулись ко мне, особенно, конечно, мужчины. Я не знала их языка, и они выучились разбирать мою речь. Я уже говорила — они удивительно даровиты и необыкновенно умны. Они овладели стигийским языком намного быстрее, чем я — здешним. Но конечно, в первую голову их интересовала я сама. Я и до сих пор — та единственная причина, по которой здешний мужчина способен на время отрешиться от лотосового дурмана...

И она лукаво рассмеялась, смело и откровенно поглядывая на Конана.

— Женщины, понятное дело, ревнуют,— проговорила Талис, впрочем, очень небрежно.— Эти желтокожие прелестницы по-своему тоже красивы, но они такие же вялые и нерешительные, как их мужья. Ну а мужчин тянет ко мне не только моя красота, но и то, что я — настоящая. Я ведь — не сон! Да, в свое время я вкусила лотосовых снов, но я — по-прежнему настоящая женщина, с самыми земными помыслами и желаниями... Чем могут ответить мне эти желтые немочи с сонными глазами лунатиков? Вот поэтому, варвар, лучше будет тебе перерезать саблей девочке шейку, не дожидаясь, пока мужчины Ксутала проснутся и увидят ее, а увидев — возжелают и схватят.

Ей, слишком робкой и нежной, нипочем не вынести того, от чего я в свое время лишь расцвела... Я ведь родилась в Луксуре, и мне еще не исполнилось пятнадцати лет, когда меня отвели в храм темной богини Деркето, дабы там посвятить в таинства... И даже после этого мне в первые годы в Ксутале жизнь медом ну никак не казалась. Здешние мужчины успели забыть гораздо больше, чем знали когда-либо самые продвинутые жрицы Деркето... Они ведь живут только ради чувственных удовольствий. Что во сне, что наяву они стремятся к удовольствиям за гранью разумения обычного человека...

— Выродки,— пробурчал Конан.

Талис ответила с ленивой улыбкой:

— Все дело в том, с какой стороны на вещи смотреть...

— Ладно,— сказал он тоном принятого решения.— Мы тут с тобой только зря время теряем. Я уже понял, обычному смертному, причем в здравом рассудке, нечего делать в этих стенах! Надо нам убираться отсюда, пока не проснулись твои недоумки... или Тог всех нас не слопал. Думаю, пустыня и та окажется милосердней!

Натала, у которой кровь стыла от всего услышанного, горячо с ним согласилась. Сама она по-стигийски понимала с пятого на десятое, но и этого хватило вполне. Конан встал с дивана и притянул к себе дрожащую бритунийку.

— Если ты нам покажешь ближайший выход из города,— обратился он к Талис,— будем весьма благодарны.

Глаза его, впрочем, продолжали бесстыдно ласкать ее атласные плечи и великолепную грудь, и от стигийки этот взгляд не укрылся. Загадочно улыбаясь, она поднялась, грациозная, точно ленивая кошка.

— Идите за мной,— сказала она и пошла впереди, чувствуя, как упивается варвар ее фигурой, осанкой, походкой.

Она вела их совсем не тем путем, каким они попали сюда, но еще прежде, чем Конан начал что-либо подозревать, она остановилась в обширном, украшенном слоновой костью чертоге и показала им небольшой фонтанчик, журчавший посередине.

— Не хочешь умыться, дитя? — обратилась она к Натале. — У тебя лицо чумазое и волосы сплошь пылью забиты.

Девушка обиженно покраснела, ощутив в голосе стигийки недоброжелательство и насмешку, но все же повиновалась, горестно раздумывая о том, сколь безвозвратно горячий ветер и солнце пустыни, должно быть, испортили кожу у нее на лице — нежную белую кожу, которой по праву гордились британийские женщины... Опустившись на колени перед фонтаном, она вытряхнула волосы, спустила с плеч рубашонку и принялась мыться.

— Кром знает что такое,— пробурчал Конан.— За девкой хоть сам демон гонись, а она только и думает, что о своей красоте!.. Поторопилась бы ты, а? Ты ведь точно так же пропылишься еще прежде, чем этот город скроется у нас за спиной... Слушай, Талис, может, ты еще и съестного чего-нибудь нам на дорожку сообразишь?

Вместо ответа стигийка прижалась к нему, вскинув белую руку на его бронзовое плечо. Он остро ощутил упругую шелковистость ее кожи, аромат пышных волос наполнил его ноздри...

— На что тебе опасная пустыня? — страстно зашептала она.— Останься лучше здесь! Я научу тебя жизни в Кутале. Я буду тебя защищать. Я буду тебя любить! Ты — настоящий; меня уже тошнит от этих мокрогубых лунатиков, которые просыпаются, сонно вздыхают и засыпают опять! Я жажду чистой и яростной страсти, я хочу земного мужчину! Как горят твои глаза,— я с ума от них схожу! Как бы я сгорала и таяла в твоих железных руках!.. Останься здесь, и я сделаю тебя владыкой Кутала! Я покажу тебе все его древние тайны и научу неслыханным наслаждениям! Я... — Уже обе руки обвились кругом его шеи, Талис приподнялась на цыпочки, трепеща и вздрагивая всем телом.

Глядя через ее плечо, Конан увидел, как Натала отбросила за спину мокрые спутанные волосы — и застыла от увиденного, глаза ее округлились, а губы дрогнули в немом изумлении. Смущенно буркнув, Конан выпутался из объятий Талис и отстранил ее от себя. Та оглянулась на юную британийку и вновь

загадочно улыбнулась, чуть кивнув царственной головой, словно сама себе отвечая на какой-то непостижимый вопрос.

Натала поднялась с колен и натянула рубашку на плечи. Она стояла с надутыми губами, глаза подозрительно блестели. Конан выругался вполголоса. Он был не большим однолюбом, чем самый последний наемник, но в сердечных делах ему было присуще врожденное благородство, которое и защитило Наталу.

Стигийка, впрочем, не упорствовала. Жестом пригласила их следовать за собой — и пересекла покой... чтобы остановиться у завешенной коврами стены. Конан сразу подумал, а не услышала ли она шорох подкрадывающегося чудовища, и по спине тотчас побежали мурашки.

— Что ты слышишь? — вырвалось у него.

— Осторожно — там, в той арке...— ответила она, указывая рукой.

Конан крутанулся, держа саблю наготове, но дверной проход оказался пуст. А вот позади раздался звук короткой борьбы, полузадушенный вскрик... Он стремительно обернулся, но не увидел ни Наталы, ни Талис. Стенной ковер снова обретал неподвижность, как если бы его сдвинули с места, а потом отпустили. Пока киммериец силился сообразить, что к чему, откуда-то из недр стены долетел сдавленный вопль, и Конан узнал голос своей бритунийской подружки.

2

Когда Конан повернулся навстречу опасности, вроде бы указанной ему Талис, Натала по обыкновению держалась вплотную позади него, а стигийка — от нее сбоку. И вот, подгадав момент, когда киммериец отвлекся, Талис с невероятной, прямо-таки звериной быстротой зажала рот бритунийке, оборвав готовый вырваться крик. Другой рукой хищница обхватила свою жертву за талию — и вместе с ней откачнулась к стене, ударившись в нее плечом... И стена неожиданно уступила нажиму! Каменная плита открылась вовнутрь, в коврах открылась прорезь — и Талис ускользнула вместе со своей пленницей еще прежде, чем Конан успел повернуться обратно.

Тайная дверь мгновенно захлопнулась, и двух женщин окутала кромешная темнота. Талис повозилась во мраке, явно пристраивая на место засов. Для этого ей пришлось отнять ладонь от лица Наталы, и светловолосая бритунийка немедленно завопила на пределе голоса, взывая о помощи.

Издевательский смешок Талис пролился во тьму, словно отравленный мед.

— Кричи, кричи, дурочка, — промурлыкала она.— Меньше проживешь.

Натала умолкла, поняв, что крик ей не поможет, и только дрожала всем телом, беспомощная в темноте.

— Зачем ты... это сделала? — прошептала она затем.— На что я тебе?

— Я отведу тебя кое-куда по этому коридору,— ответила прекрасная мучительница.— И покину там для того, кто рано или поздно явится за тобой.

— О-о-о-ой! — в ужасе разрыдалась Натала.— За что? Я же тебе ничего плохого не сделала...

— Мне нужна не ты, а твой воин,— ответила равнодушно стигийка.— Я таких, как он, насквозь вижу. Если бы не ты, он был бы рад остаться здесь со мной и стать моим королем! Осталось только убрать тебя с дороги — и он пойдет, куда я его поведу!

— Он глотку тебе перережет,— убежденно пообещала Натала. Она знала Конана гораздо лучше, чем Талис.

— Поглядим,— хладнокровно ответила та. У нее не было причины сомневаться в своей власти над мужчинами.— Тыто в любом случае не узнаешь, целует он меня или на куски режет. К тому времени ты станешь невестой жителя мрака... Идем!

Сходя с ума от страха, Натала принялась отчаянно отбиваться, но добилась немногого. В мышцах стигийки таилась упругая и гибкая сила, казавшаяся невероятной для женщины. Натала никогда бы не поверила, что такое возможно, но Талис просто вскинула ее на плечо и унесла, как младенца, в непроглядную глубину коридора. Бритунийка больше не пыталась кричать, памятуя о зловещем предупреждении, так что тишину нарушало лишь ее судорожное дыхание да изредка — издевательски-сладострастный смешок Талис...

Но вот слепо шарившая рука Наталы сомкнулась на чемто вещественном — ее ладонь сжала самоцветную рукоять кинжала, висевшего на драгоценном поясе Талис. Натала выхватила клинок — и ударила с размаху, изо всех своих девичьих силенок.

Талис закричала, точно ошпаренная кошка. Она пошатнулась, Натала выскользнула из ее хватки и больно шлепнулась на каменный пол. Вскочив, она кинулась к ближайшей стене, распласталась по камням и, дрожа, замерла в темноте. Она не могла видеть Талис, но слышала, как та двигалась и шипела. Удар не убил стигийку — она сыпала безостановочными про-

клятиями, и они дышали таким убийственным злом, что у Наталы начали подгибаться коленки.

— Где ты, маленькая дрянь? — задыхаясь, вопрошала Талис.— Дай только добраться до тебя, и я...

Наталу едва не стошнило от подробного описания пыток и истязаний, которым стигийка намеревалась подвергнуть соперницу. При этом изысканная стигийская принцесса еще и материлась, точно самая прожженная аквилонская шлюха.

Натала услышала, как Талис зашарила в темноте, и наконец вспыхнул огонек. Возможно, Талис и побаивалась этого коридора, а того пуще — его страшного обитателя, но лютая злоба уничтожила всю боязнь. Свет источался настенным камнем — одним из тех радиевых самоцветов, которыми пользовались в Кеутале. Талис должным образом потерла его пальцем и теперь купалась в его красноватом — не самом обычном по здешним меркам — свечении. Одну руку она прижимала к боку, по пальцам текла кровь. Опасно раненной она, впрочем, не выглядела, удар только разжег в ее глазах демонические огоньки.

Все скудное мужество Наталы разом испарилось при виде стигийки, хищно скалившейся в ореоле багрового света. Вот она двинулась вперед походкой пантеры, вот отняла руку от порезанного бока и раздраженно стряхнула с пальцев темные капли... Натала увидела, что сумела едва поцарапать противницу. Лезвие кинжала скользнуло по отделанному камнями поясу и рассекло только кожу, и Талис нисколько не ослабела — лишь взбеленилась.

— Отдай кинжал, гадина! — проскрежетала она, нависнув над съежившейся девушкой.

Умом Натала понимала, что должна драться, пока имеет такую возможность... увы, мужества у нее не хватило. Боевым характером и драчливостью она никогда не отличалась, а тут еще эта тьма, предательство и насилие с такой неожиданной стороны... Все вместе попросту раздавило бедняжку — и физически, и духовно. Талис выхватила кинжал из ее безвольной руки и презрительно отшвырнула прочь.

— Маленькое ничтожество! — прошипела она сквозь зубы и обеими руками по очереди влепила Натале две оглушительные затрещины.— Я отволоку тебя вниз по этому коридору и швырну прямо в пасть Тогу, но прежде сама хорошенько позабавлюсь с тобой! Ты осмелилась ныряуть меня кинжалом — и в полной мере поплатишься за свою дерзость!

Схватив бритунийку за волосы, Талис почти волоком протащила ее туда, где на краю освещенного пространства в стене чуть повыше человеческого роста поблескивало тяжелое металлическое кольцо. С кольца свисал кусок шелкового шнура. Не в силах сопротивляться, Натала почувствовала, как с нее сдергивают последнюю одежонку, после чего Талис обмотала ее запястья веревкой и вздернула вверх, подвешивая к кольцу. Так она и повисла — в чем мать родила, едва касаясь пола пальцами ног. А Талис уже снимала со стенного крючка хлыст с рукоятью, отделанной самоцветами,— о семи хвостах, каждый хвост из тугого крученого шелка, что был прочнее и гибче любого кожаного ремня...

Шипя от мстительной радости, Талис широко размахнулась... Шнуры свистнули и обвились кругом нежных бедер Наталы, и девушка отчаянно закричала. Удары сыпались один за другим, несчастная бритунийка кричала, корчилась и рвалась, беспомощно дергая стянувшую запястья веревку. Она уже не помнила о чудовищной твари, которую ее крики предположительно могли вызвать из мрака. Забыла о ней и Талис.

Натале случалось принимать унизительные наказания, пока она жила в Шеме и переходила из рук в руки как невольница,— но нынешнее битье было чем-то особым. Шемитские надсмотрщики понятия не имели о казнящей силе жесткого шелкового шнура. Какие там розги, какой ремень!.. Семихвостка Талис причиняла, можно сказать, качественно иное страдание, куда более утонченное и жестокое. Как ядовито шипели ее хвосты, рассекая воздух подземелья, как по-змеиному ласково опускались на кожу!..

Бедная девушка извивалась и вертелась под кольцом... и вдруг настал миг, когда разом смолкли отчаянные крики, а залитое слезами лицо оледенил несусветный ужас.

Это насторожило стигийку, она удержала руку, занесенную для очередного удара, и обернулась... Слишком поздно! На сей раз кошачья быстрота ей не помогла. С жутким воплем Талис качнулась назад... В зрачках Наталы отразилось воплощение ужаса — белая фигура с раскинутыми руками на фоне черной бесформенной тени, громоздившейся у нее за спиной... А в следующий миг стигийку унесло куда-то вверх, и тень отступила, унося ее с собой. Натала осталась одна в круге тусклого света, едва не лишившись чувств от мучений и пережитого ужаса.

Еще некоторое время ее слуха достигали неисповедимые звуки из тьмы. Она различала голос Талис, в котором слышалась неистовая мольба... Стигийке никто не ответил. Затем Талис взвыла в чудовищной муке... истерически захохотала, всхлипывая и икая... И вновь — частое, судорожное дыхание... И вот наконец оно тоже прекратилось, и тайный коридор заполнила тишина куда хуже всякого крика.

Сходя с ума от тошнотворного страха, Натала все же извернулась на веревке, отважившись посмотреть в ту сторону, где скрылась утащенная тенью стигийка. Ей ничего не удалось разглядеть, лишь накатывало чувство угрозы более жуткой, чем могло нарисовать самое воспаленное воображение. Натала ощутила, что ее рассудок вот-вот поколеблется. Запястья, изрезанные путами, и тело, располосованное хлыстом,— все забылось в тени безликого ужаса, грозившего не только плоти, но и душе.

Она напрягала зрение, вперяя глаза во тьму за пределами освещенного круга, даже не пытаясь гадать, что может появиться оттуда... У нее вырвался лишь слабенький всхлип, когда во мраке наметился вещественный силуэт. Из пустоты надвигалось нечто громадное. Вот отблески радиевого камня коснулись гигантской бесформенной головы... То есть предположительно головы, ибо существо слишком сильно отличалось от обычных земных тварей, а от человека и подавно. Его морда отчасти напоминала жабью, увиденную в кривом зеркале ночного кошмара. Глаза были двумя лужами мутного света, и Натала невольно зажмурилась, явственно прочитав в них всю похоть Вселенной... Что до остального тела,— бедняжка вовсе не взялась бы сказать ничего определенного, потому как оно

плыло, перетекало, менялось прямо у нее на глазах. Правда, при всем том оно явно обладало материальностью. Не призрак, не тень,— перед Наталой было существо, наделенное плотью.

Оно приближалось, двигаясь неведомо как — то ли шло, то ли ползло, то ли парило над полом... то ли перемещалось еще каким-то невиданным способом. Вот оно окончательно выдвинулось из теней, но понятней не стало. Даже самосветящийся камень озарял его не так, как всех обычных созданий. Казалось, тварь несла с собой свою собственную темноту, свет обтекал ее, но не касался. Это мешало взгляду присмотреться подробнее, хотя существо уже почти притрагивалось к телу скорчившейся бритунийки. Натала по-прежнему более-менее ясно различала лишь жабью морду с изредка моргающими глазками. Все прочее оставалось мутным пятном, объемной тенью, которую обычный свет не мог ни рассеять, ни проницать.

«Я сошла с ума»,— подумала бедная Натала, сообразив, что не может даже определить, снизу или сверху глядят на нее бледные светящиеся буркалы. Зрение убеждало ее лишь в одном: в материальности этого существа. Еще миг, и осязание подтвердило то, о чем говорили глаза. Что-то вроде темного щупальца обвилось кругом ее обнаженного тела, и прикосновение заставило бритунийку отчаянно завопить от ужаса и омерзения. Между тем щупальце было ни холодным, ни теплым, ни шершавым, ни гладким; девушке было просто не подобрать определения, ее память не хранила ничего даже отдаленно похожего, чтобы сравнить. А щупальце между тем принялось ласкать ее тело, и она задохнулась от доселе неведомого ужаса и стыда. Ее разом захлестнула вся грязь, вся бездна порока и разврата, таившаяся на похабных задворках жизни...

И еще она поняла: к какой бы ветви живых существ ни принадлежал хозяин Ксутала, он был определенно разумен. Но какое применение нашел его разум!..

Натала билась и кричала, чудовище стискивало ее и пыталось силой сдернуть с веревки; и в это время у них над головами тяжело грохнуло, и чье-то тело, разорвав воздух, приземлилось рядом на каменный пол...

3

Обнаружив, что Наталу внезапно похитили, Конан с яростным ревом протаранил плечом стену, где колебался потревоженный ковер и из недр которой доносились приглушенные крики. Сила удара была такова, что какой-нибудь городской хлюпик точно переломал бы себе кости, но Конана лишь отбросило прочь. Он сорвал ковер со стены, ища тайную дверь... Его глазам предстал голый и гладкий камень. Вне себя от бессильного бешенства, Конан замахнулся саблей...

Неожиданный шум, поднявшийся за спиной, заставил его оглянуться. Перед ним с мечами в руках стояло не менее двадцати желтокожих, одетых в пурпур. Как только он повернулся, они с враждебными криками бросились на него, размахивая оружием. Конан не сделал ни малейшей попытки успокоить их и договориться добром. Внезапное нападение на подружку вывело его из себя, и варвар предстал во всей своей первозданной красе.

Он прыжком бросился вперед, кровожадно рыча в радостном предчувствии боя. Короткий меч первого из нападавших оказался бесполезен против длинного кривого клинка — и мозги кхутальца оказались на полу еще прежде, чем уже мертвое тело утратило равновесие и свалилось. Крутанувшись, как дерущийся кот, Конан поймал лезвием чью-то руку, и кисть улетела прочь вместе с мечом, рассыпая в воздухе веер алых дро-

бящихся капель. А Конан продолжал двигаться — стремительно и непрерывно; мощный рывок вынес его из-под ног сразу у двоих нападающих, а поскольку атаковали они с разных сторон, промахнувшийся меч одного глубоко застрял в груди у другого.

Желтокожие разразились криками разочарования и испуга, и Конан позволил себе ответить коротким и очень нехорошим смешком, уворачиваясь от косого удара и снизу вверх поражая очередного противника. Кровавый шлейф протянулся в воздухе за его летящим клинком — и житель Ксутала с воплем упал на колени, пытаясь руками зажать рассеченные мышцы на животе.

Теперь нападающие завывали, точно взбешенные волки. Жизнь не приучила их к битвам. Они были смехотворно медлительными и неуклюжими по сравнению с этим двуногим тигром, за которым не успевал уследить глаз. Конан двигался так, как способен двигаться только обладатель стальных мышц и разума прирожденного воина. Его противники путались в собственных ногах и натыкались один на другого, их мечи опускались то слишком рано, то слишком поздно — и рассекали пустой воздух. Конан же танцевал и отскакивал, вертелся, изгибался и нападал, почти не давая прикоснуться к себе. Он ни единого мгновения не оставался на месте, лишь изогнутый клинок выпевал смертные песни врагам...

Но надо сказать, что при всей своей неумелости воинам Ксутала мужества было не занимать. Они лезли и лезли, размахивая мечами, и сквозь анфилады покоев на помощь первой двадцатке спешило новое пополнение. Должно быть, шум и гам схватки побеспокоили сновидцев, разогнав лотосовый дурман.

Конан, у которого уже кровоточил порез на виске, круговым взмахом отогнал от себя нападавших, выгадывая мгновение, чтобы оглядеться по сторонам. От бесчисленных противников пора было спасаться, но вот куда?.. И тут на глаза киммерийцу попалась стенная занавесь: сбитая на сторону, она являла взгляду узкую лестницу. Наверху стоял мужчина в богатом наряде и сонно озирался кругом. Было видно, встать-

то он встал, но толком еще не проснулся и не очень понимал, что творится вокруг.

Конан действовал молниеносно. Тигриный прыжок вынес его за пределы круга сдвинувшихся врагов едва ли не через их головы, и он рванул к лестнице, опережая медлительную погоню. У подножия мраморных ступеней его встретило трое желтокожих одновременно. Киммериец пошел напролом, и его клинок с лязгом обрушился на все три вскинутых навстречу меча. Они скульптурной группой замерли на одно-единственное мгновение, когда сила ломила силу; потом трое полетели в разные стороны, а Конан помчался вверх по ступенькам. Подоспевшая погоня не сразу перебралась через три тела, корчившиеся у порога. Одно лежало лицом вниз в жуткой мешанине крови и вылетевших мозгов; второе силилось приподняться, но жизнь вытекала из него вместе с черной кровью, хлеставшей из порванных шейных жил. Третий желтокожий скулил, точно умирающий пес, и сжимал багровый обрубок, недавно бывший рукой...

Конан влетел по лестнице, прыгая через ступеньки. К тому времени стоявший наверху стряхнул с себя сонное оцепенение и достал меч, морозно сверкнувший в радиевом свете. Человек ткнул клинком в подбегавшего снизу варвара, метя в горло. Конан нырнул под его выпад, меч тронул кожу у него на спине, но, выпрямляясь, варвар ударил саблей снизу вверх, как мясник бьет на бойне тесаком.

Удар, за которым стояла вся мощь тела, разогнанного яростным бегом, оказался таков, что меч ушел в тело по рукоять, но Конана это не особенно задержало. Не останавливаясь, он отшвырнул обмякшего кетульца, и тот покатился вниз по ступеням, располосованный от паха до самой грудины. Обматываясь собственными кишками, мертвец влетел под ноги желтокожим, гнавшимся за Конаном, и унес их с собой обратно вниз...

Сила столкновения отбросила Конана к стене и едва не оглушила. Все же он устоял — и, отряхнув кровь с клинка, бросился дальше наверх.

Когда наконец он достиг верхнего помещения, там никого не было. Зато крики, доносившиеся снизу, достигли предела ужаса и мстительного гнева, и Конан сообразил, что убитый им ксуталец в богатой одежде был, верно, человек с положением. Вельможа, если не сам король!

Конан не знал, куда ему двигаться дальше, и поэтому бежал просто вперед. Он всей душой желал отыскать и вызволить Наталу, которой, как он отлично понимал, сейчас как никогда требовалось его заступничество. Но если за тобой гонится целый город, поневоле остается только удирать — и уповать на удачу. Может, в самом деле еще удастся не только шкуру свою спасти, но и девушку выручить...

В анфиладах скудно освещенных чертогов верхнего этажа Конан быстро потерял всякое чувство направления... И не мудрено, что в какой-то момент он и его недруги одновременно вбежали с разных сторон в один и тот же покой.

Они разразились боевыми криками и бросились на него всей оравой, и Конан, зарычав от отвращения, вынужден был развернуться и бежать назад тем же путем. Вскоре, пересекая особенно тщательно отделанный покой, он понял, что допустил ошибку. Остальные комнаты, попадавшиеся ему на верхнем этаже, были пусты. В этой обнаружился жилец, с криком поднявшийся навстречу.

Перед Конаном была желтокожая женщина, облаченная в одни украшения, пускай и многочисленные, но отнюдь не скрывавшие наготы. Она смотрела на него, испуганно тараща глаза. Пока Конан соображал, что же ему с ней делать, женщина подняла руку и дернула шелковый шнур, змеившийся по стене.

В тот же миг пол под ногами киммерийца беззвучно разверзся... И даже мгновенная реакция варвара не спасла его от полета вниз, сквозь кромешную темноту.

Лететь оказалось не слишком далеко, и все-таки удар о каменный пол точно переломал бы кости более слабому человеку, не состоявшему, как Конан, сплошь из стальных пружин и кованой плоти.

Он упал, точно кот, на ноги и на левую руку; правая так и не выпустила рукояти меча. Варвар вскочил, как вскакивает разъяренная рысь, готовая к бою. Знакомый голос, звавший на помощь, уже отдавался у него в ушах. Конан мотнул головой, отбрасывая упавшие на глаза волосы,— и увидел нагую фигурку Наталы, бьющуюся в похотливой хватке какой-то черной гадости, явно родившейся в самой отвратительной норе преисподней.

Если бы киммериец столкнулся с этим ужасом один на один, не исключено, что он бы тут же свалился замертво, парализованный страхом. Но поганое порождение темноты осмелилось гнусно лапать и терзать его девушку — и в душе Конана взвилась раскаленная волна убийственной ярости. Никакому страху больше не было места. Клинок тускло блеснул в красноватом сиянии камня — Конан подскочил к монстру и ударил что было сил.

Бесформенная тень выпустила Наталу, разворачиваясь навстречу неожиданному нападению. Вновь свистнул, рассекая воздух, меч взбешенного киммерийца. Он рассек темную тушу и врезался в пол, высекая синеватые искры. Удар не встретил сопротивления, на которое рассчитывал Конан, и потерявшего равновесие варвара бросило на колени. Вскочить он не успел. Чудовище насело на него и крепко схватило.

Ему показалось, что над ним громоздилось тяжелое черное облако. Нечто почти жидкое обтекало его, пытаясь спеленать, смять, поглотить. Конан яростно полосовал его саблей, левая рука безостановочно орудовала кинжалом. Во все стороны хлестало нечто вроде липкого студня — не иначе, это была кровь. Однако слабеть чудовище не собиралось, и ярость его не знала границ.

Конан понятия не имел, куда приходились его удары, удалось ли ему отрубить монстру какую-нибудь конечность, или его оружие рассекало непостижимую плоть, сразу смыкавшуюся позади клинка... Его самого швыряло туда и сюда, он перестал понимать, где верх, где низ, временами ему начинало

казаться, будто на него нападало не одно существо, а целое смертоносное множество. Чудовище кусало его, царапало, душило и колотило — и все это одновременно. Когти и клыки рвали его тело, студенистые щупальца железными кольцами стягивали руки, а по спине, груди и плечам — и это было хуже всего — гулял кнут, сплетенный из живых скорпионов. Он рвал кожу и наполнял кровь немыслимо ядовитым огнем...

Они давно выкатились из освещенного круга, так что драться приходилось в кромешной тьме. В пылу отчаянной схватки киммериец даже по-звериному запустил зубы в тело врага и чуть не умер от омерзения. Челюсти у Конана были железные; так вот, в зубах у него извивалась, корчилась, выворачивалась на свободу какая-то живая гадина...

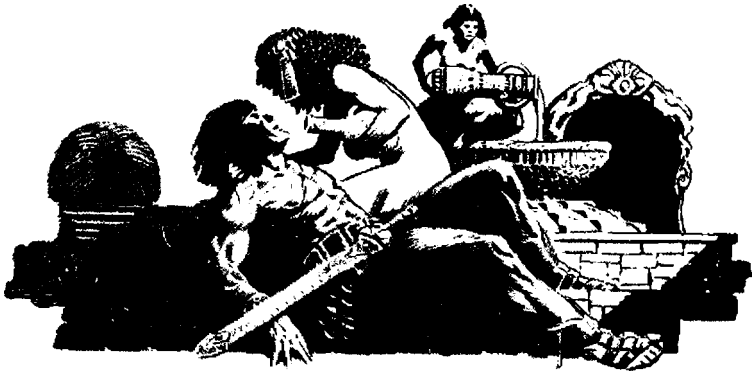
Спаянные смертельным объятием, они перекатывались друг через дружку, все глубже забираясь в туннель. Рассудок Конана мутился от усилия и нечеловеческой боли, дыхание с хрипом вырывалось сквозь зубы. Вот он различил высоко над собой жабью харю, тускло подсвеченную собственным колдовским светом... Издав рык, в котором мучительный стон смешался с черным ругательством, а сиплый вздох с боевым кличем, киммериец рванулся вверх, вложив все остатки сил в этот бросок. Его меч по рукоять погрузился в дряблое тело чуть ниже пасти... И по необъятной туше чудовища волной прокатилась судорога.

Пульсируя и сжимаясь, монстр устремился в глубину коридора. Он дергался и спешил, точно спасаясь от смерти. Конан висел на нем клещом — избитый, истерзанный, непобедимый. Он не мог высвободить саблю, а выпускать не хотел. И полосовал, полосовал демона кинжалом, зажатым в левой руке, распуская чудовище буквально на ленты...

Теперь его противник светился уже весь: видно, чем туже приходилось этому порождению мрака, тем больше света оно испускало. Конана уже начинало слепить это неестественное свечение, когда шевелящаяся туша вдруг провалилась куда-то вниз и исчезла, оставив Конану лишь саблю, зажатую в судорожно стиснутой руке. Киммериец обнаружил, что лежит на

каменных плитах, а его правая рука и плечо нависают над пустотой. И там, уже далеко внизу, уносится в непроглядную бездну светящийся метеор...

Постепенно Конан осознал, что его угораздило отцепиться от монстра на самом краю обширного круглого колодца. Каменный обод покрывала скользкая слизь. Некоторое время киммериец лежал неподвижно, глядя, как в чудовищной глубине уносится прочь крохотная яркая точка... И наконец пропадает, канув во что-то темное и блестящее,— Конану даже показалось, будто поверхность устремилась вверх, навстречу падающему телу. Еще мгновение в темных пучинах тлел колдовской огонек, потом не стало и его. Перед глазами Конана была лишь тьма и беспредельная пустота, не нарушаемая ни движением, ни звуком.



4

Шелковые путы безбожно резали Натале запястья, но высвободиться она не могла, как ни пыталась. Тщетно сражаясь с узлами, девушка все вглядывалась в кромешную темноту коридора. Там исчез Конан, схлестнувшийся в неравной схватке с демоном, державшим в страхе Ксутал. Какое-то время бритунийка еще слышала прерывистое дыхание и глухой рык могучего варвара, шум тяжеловесной возни и характерные звуки распарываемой страшными ударами плоти... Потом все стихло. Бедная Натала то в полузабытьи повисала на проклятой веревке, то приподнималась, напряженно ожидая — неизвестно чего.

Шорох неверных, но определенно человеческих шагов пробудил ее к жизни. Из темноты к ней плелся Конан, и вид у варвара был такой, что визг Наталы эхом раскатился по коридору — на миг ей показалось, будто там, в отблесках света, переставлял непослушные ноги оживший мертвец. На Конана в самом деле страшно было смотреть. Он шел мокрый от собственной крови, и с каждым шагом на полу оставались липкие капли. На лице лопнула кожа, глаза заплыли — киммерийца ни дать ни взять охаживали дубиной. Губы безобразно распухли, из-под слипшихся волос текла кровь. На руках и ногах зияли глубокие резаные раны, повсюду наливались синяки от ударов о камни. А его грудь, плечи, спина!.. Вот где, без всякого преувеличения, живого места не было. Кожа свисала кровавыми шмотками, как если бы киммерийца исхлестали проволочным хлыстом...

— Конан!..— расплакалась Натала.— Что он сделал с тобой?..

У него не было сил для ответа, но разбитые губы шевельнулись в подобии угрюмой улыбки. Волосатая грудь тяжело вздымалась и блестела от крови и пота. Конан медленно, с явным усилием, дотянулся и разрезал веревки, державшие бритунийку. Потом привалился к стене и некоторое время отдыхал, широко расставив подрагивавшие колени... Натала, свалившаяся на пол, подбежала к нему, обняла своего благодетеля и разрыдалась.

— Конан, Конан, ты же изранен весь...— всхлипывала она.— Что нам с тобой теперь делать?

— Ну,— просипел он,— когда берешься драться с демоном, выскочившим из ада, нечего ждать, что прическа целой останется...

— А где... оно? — прошептала Натала.— Ты его убил?..

— Не знаю, — ответил Конан.— Оно провалилось в какую-то дыру. Я к тому времени из него лапшу сделал, но можно ли эту тварь убить оружием смертных — откуда ж я знаю...

— Твоя спина... — ужасалась Натала.

— Оно меня щупальцами хлестало,— сказал Конан. Попробовал сдвинуться с места, и у него вырвалось невольное ругательство. — Резало, словно кнутом железным, и жгло, точно ядом... А стискивало так, что я чуть не задохся. Куда там питону... У меня аж все кишки в животе перепутались...

— А что мы делать-то будем? — всхлипнула девушка.

Он кое-как приподнял голову. Люк, через который он провалился сюда, был закрыт, и сверху не доносилось ни звука.

— Сквозь потайную дверь нам тоже не выйти — принялся рассуждать Конан. — В той комнате полно мертвецов, да и стража наверняка караулит... Может, они решили, что мне конец пришел, а может, просто не отваживаются сунуться следом в туннель... Слушай, Натала, выколупай-ка этот камешек из стены!.. Пока я ощупью добирался сюда, мне попадались проемы, а за ними — еще какие-то коридоры... Надо посмотреть, куда они ведут. Может, там опять колодцы с чудовищами, а может, и выход на волю... Не здесь же нам теперь оставаться!

Натала быстро справилась с камнем, и Конан двинулся вперед, держа крохотный источник света в левой руке, а в правой по-прежнему сжимая рукоять окровавленной сабли. Киммериец шел медленно и с явным трудом, лишь звериная выносливость помогала ему удерживаться на ногах. Он не жаловался, но Натала видела муку в его глазах и то, как время от времени он непроизвольно облизывал губы. Что она могла для него сделать?..

И вот слабый свет камня обрисовал перед ними темную арку. Конан без раздумий шагнул под гулкие своды. Натала семенила следом за ним, заранее ужасаясь. Однако впереди всего лишь распахнулся новый коридор, как две капли воды похожий на первый.

Она понятия не имела, долго ли длился их путь в сумраке подземелья, но потом впереди показалась длинная лестница. Одолев ее, они увидели каменную дверь, запертую золотым засовом.

Натала помедлила, оглядываясь на Конана. Варвар шатался, из последних сил удерживаясь на ногах, огонек в его руке колебался, заставляя страшные тени метаться по потолку и стенам.

— Открывай, девочка, — пробормотал он хрипло.— Люди Кутала ждут нас, и я не намерен их разочаровать... Клянусь Кромом, этот город еще не приносил таких жертв, какую я им устрою!

Бритунийка понимала, что он был уже не в себе. Она прислушалась... За дверью царила тишина. Натала забрала у Конана светящийся камень, отодвинула засов и осторожно приоткрыла дверь, легко сдвинувшуюся вовнутрь. Сердце готово было выскочить из груди...

Сквозь щелку ее глазам предстала комната, сплошь обтянутая золотой парчой. Посередине звенел струями маленький серебристый фонтан.

Ладонь Конана тяжело опустилась на ее нагое плечо.

— Прочь, девочка,— пробормотал он.— Сейчас тут будет жарко...

— Здесь никого нет, Конан,— ответила она.— Только вода журчит.

— Слышу.— Киммериец облизал почерневшие губы.— Хоть напиться напоследок...

Сообразив, что зрение ему изменило, Натала взяла ослепшего гиганта за руку и повела за собой. Она шла на цыпочках, так и трепеща при мысли о желтокожих, которые должны были вот-вот броситься на них со всех сторон.

— Пей, я постерегу...— прохрипел Конан.

— Нет, нет, я не хочу,— отказалась она.— Приляг лучше вот здесь, я тебе хоть раны промою...

— Воины... где воины Кутала? — бормотал Конан. Он все тер рукой глаза, силясь проморгаться, но ничего не получалось.

— Здесь никого нет, — повторила Натала.— Все тихо.

Осев на пол возле фонтанчика, Конан нащупал источник, погрузил лицо в прохладные прозрачные струи и принялся пить. Он глотал и глотал, не в силах остановиться... Когда же он наконец поднял голову, Натала увидела, как блеснули его налитые кровью глаза, и с облегчением поняла, что рассудок варвара, отуманенный ядом, несколько прояснился. Кряхтя сквозь зубы, он уступил уговорам девушки и распростерся на мраморном полу, отдаваясь во власть ее заботливых рук. Натала принялась обмывать истерзанное тело и перевязывать раны полосками ткани, оторванными от ближайшей шелковой занавеси. На всякий случай Конан так и держал в кулаке саблю, прислушиваясь, не зашуршит ли что под одной из бесчисленных арок. Натала тем временем добралась до его спины и в очередной раз расплакалась от ужаса и жалости. Кожа здесь оказалась большей частью содрана до живого мяса, а уцелевшие клочья — местами обесцвечены, местами же, наоборот, испещрены черными и тошнотворно-желтыми пятнами. Накладывая очередную повязку, Натала судорожно соображала, как же им теперь следовало поступить. Если они попробуют отлежаться (в чем Конан определенно нуждался), рано или поздно их непременно найдут. Быть может, их разыскивали по всему дворцу даже прямо сейчас. Что делали в этот момент люди Кутала — бега-

ли с оружием или снова залегли в свою дурманную спячку,— почем знать?

Завязывая последний узелок, она покосилась в сторону располосованной занавеси... и замерла. Из-под шелкового полотнища виднелась полоска желтокожего человеческого тела.

Ничего не говоря Конану, Натала поднялась на ноги и тихо перебежала на тот конец чертога, нащупывая у пояса кинжал, которым на всякий случай вооружилась... Осторожно отодвинув занавеску, она увидела спальное возвышение и раскинувшуюся на нем юную женщину. Нагое тело казалось совершенно безжизненным. А под рукой у сновидицы стоял нефритовый кувшин, наполненный прозрачной золотой влагой. «Эликсир, о котором говорила Талис! — смекнула британийка.— Вещество, в котором черпают силу кутальские вырожденцы!»

Держа кинжал наготове, она осторожно перегнулась через спящую и завладела кувшином... Девушка даже не пошевелилась во сне.

Натала помедлила возле нее еще несколько мгновений. Умом она понимала, что всего безопаснее было бы навсегда лишить спящую возможности открыть глаза и поднять тревогу... Однако заставить себя всадить острый кинжал в беззащитное тело британийка так и не смогла. Задернув за собой занавеску, она вернулась к Конану. Израненный богатырь лежал на прежнем месте, его сознание то чуть прояснялось, то снова тускнело.

Натала приподняла ему голову и поднесла край кувшина к его губам. Конан принялся пить, сначала безучастно, потом — с внезапно пробудившимся интересом. К немалому изумлению Наталы, спустя несколько мгновений он даже приподнялся, сел и забрал кувшин у нее из рук. Когда же он наконец оторвался от чудесного бальзама, Натала увидела, что нехорошо заострившиеся черты его лица снова стали нормальными, синие глаза обрели былой блеск, а когда он заговорил, то заговорил в своей обычной манере. Бред улетучился, Конан-варвар снова стал прежним.

— Кром! — выругался он восхищенно.— Где ты раздобыла эту благодать?

Она указала рукой.

— Там, в алькове, спит желтая девушка...

Конан снова присосался к жизнетворному эликсиру.

— Кром,— повторил он затем с глубоким вздохом удовлетворения.— По моим жилам так и мчится огонь, ко мне возвращаются силы... Должно быть, это и есть живая вода, способная отогнать смерть!

Он поднялся и подобрал саблю. Он уверенно стоял на ногах и опять был готов ко всему.

— Может, лучше нам вернуться в тайный туннель? — пугливо предположила Натала.— Здесь нас вот-вот кто-нибудь обнаружит, а там можно прятаться, пока твои раны не заживут...

— Ну уж нет, — проворчал киммериец.— Мы не крысы, чтобы побираться по темным подвалам! Мы уходим из этого проклятого города, и горе тому, кто вздумает нам мешать!

— Но твои раны...— заплакала бритунийка.

Он повел плечами и ответил:

— Я совсем их не чувствую. Может, это бальзам мне голову вскружил, но, клянусь,— ни боли, ни слабости!

И, явив неожиданную целеустремленность, Конан пересек комнату, направляясь к не замеченному Наталой окошку. Девушка поспешила следом и тоже выглянула наружу. Свежий ветер зашевелил ее спутанные волосы. Там, за окном, был глубокий бархат ночного неба, на котором ярко горели созвездия. А внизу расстилалась беспредельность пустынных песков.

— Талис говорила что-то насчет того, что весь город выстроен как единый большой дворец,— проговорил Конан.— И, похоже, кое-какие черточки возвышаются над стенами наподобие башен. Нам повезло: этот как раз из таких.

— Это ты к чему? — удивилась девушка. Высота пугала ее.

— Там на столике из слоновой кости стоит хрустальный кувшин,— сказал Конан.— Наполни-ка его водичкой и обвяжи горлышко полоской материи. А я пока занавеску эту порву...

Бритунийка повиновалась без разговоров. Вернувшись с кувшином, она увидела, как киммериец связывает вместе полосы прочной шелковой ткани, готовя нечто вроде веревки.

Один ее конец он уже захлестнул за толстую ножку тяжелого стола.

— Пора в пустыню,— сказал он.— Думаю, там нам повезет больше, чем здесь! Талис упоминала об оазисе к югу отсюда, на расстоянии в один дневной переход. А за ним, еще в дне пути, вроде бы начинаются зеленые земли. Если удастся дойти до оазиса и окажется, что он еще не пересох, там и отдохнем, пока у меня не затянутся раны. Эх, доброе вино, здорово оно меня выручило!.. Только что пластом лежал, как рваная тряпка, а выпил — и опять к бою готов!.. Смотри, тут еще кусочек шелка остался, тебе хоть срам прикрыть...

Натала только тут и вспомнила о своей наготе. Собственно срам, о котором говорил Конан, был делом десятым, но вот то, что нежную белую кожу незачем было выставлять на обжигающее солнце пустыни, она понимала со всей определенностью. Пока она куталась в шелковое полотнище, Конан подошел к окну и с презрительной легкостью выдрал из гнезд податливые золотые прутья, которыми оно было забрано. Потом обвязал подругу по талии свободным концом импровизированной веревки, строго велел покрепче держаться — и перенес девушку через подоконник, чтобы осторожно спустить с тридцатифутовой высоты. Потом подтянул веревку обратно и передал Натале сосуды с водой и драгоценным вином. И наконец спустился сам, перебирая руками.

Только когда он присоединился к ней, Натала позволила себе глубокий вздох облегчения. Они в полном одиночестве стояли у подножия высокой стены, и звезды постепенно бледнели над их головами, а впереди простирался голый песок. И какие бы неведомые напасти ни таились там, впереди, сердце девушки так и пело от радости. Они все-таки выбрались из Ксутала. Жуткий призрачный город не смог их погубить.

— Веревку они, может, и найдут...— проворчал Конан, вешая кувшины через плечо и невольно вздрагивая от боли.— Чего доброго, надумают устроить погоню... Хотя, если стигийка нам не наврала, далеко они за степы не выйдут... Юг у нас там.— Мускулистая бронзовая рука указала, где именно.— Значит, примерно там и оазис. Вперед!

Он с непривычной заботливостью сжал ладошку подруги и зашагал, приноравливаясь к ее более коротким шажкам. И — не оборачиваясь на предававшийся сновидениям город.

— Конан...— подала голос Натала.— Когда ты дрался с чудовищем... И потом, пока возвращался по коридору... Ты там не заметил никаких следов Талис?

Он покачал головой и ответил:

— Вообще-то было темно... Но если бы там что-то лежало, я бы это нашел.

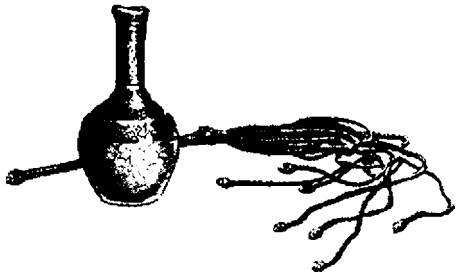
Натала невольно содрогнулась.

— Она пытала меня,— проговорила девушка.— И все равно мне ее жалко.

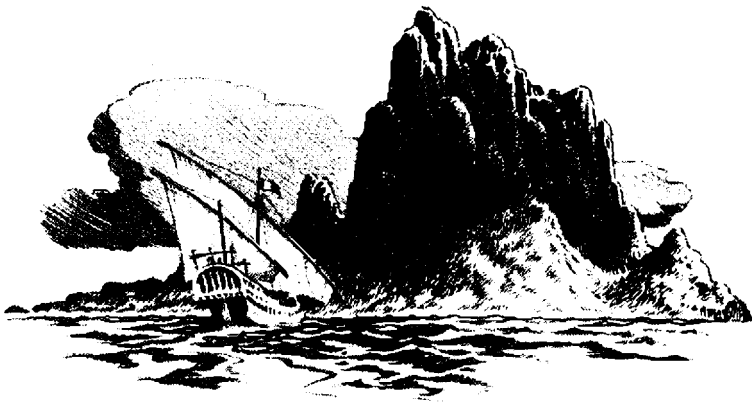
— Гостеприимный городишко, что говорить,— буркнул Конан. И добавил с характерным для него юмором: — Утешает только одно — они наше посещение надолго запомнят. То-то они попотеют, отчищая с мраморных плит кровь и мозги! А если их божок таки не сдох, ему всяко пришлось хуже, чем мне... Мы с тобой вообще легким испугом отделались, вот что я тебе скажу! Еще и запаслись вином и водой, может, действительно доберемся до какой-нибудь приличной страны... Остальное все чепуха.

— Между прочим, это ты во всем виноват,— перебила Натала.— Нечего было пялить глаза на каждую смазливую стерву!

— Кром! — рыкнулся киммериец.— У вас одна ревность на уме. Кругом хоть весь мир синим пламенем гори, а вы все равно будете цапаться! Я что, уговаривал эту стигийку влюбляться в меня?.. В конце концов, она тоже человеком была!..



Колодец черных демонов



Тайны манят людей от рожденья Земли,
Потому на мистический Запад
Сквозь туманы и бури бегут корабли,
Как голодные волки на запах.
Так плыви же и ты через рифы и льды,
Коль сильны в тебе алчность и смелость,
Коль сумел ты прочесть на страницах седых
Письмена, что вычеркивал Скелос.

1

Тонкие губы кордавской красавицы полураскрылись в зевке, вытянулись длинные изящные ноги. Санча устраивалась поудобнее на шали с горностаевой оторочкой, расстеленной на юте каракки — сплошь позолоченное эбеновое дерево и узорчатые кхитайские шелка с золотой бахромой.

Санча уже давно пребывала в блаженной праздности. Она вполне отдавала себе отчет, что вся команда каракки, от бушприта до рулевого весла, не сводит с единственной девушки на борту судна налитых багровым вожделением глаз; точно так же она вполне отдавала себе отчет, что от этих похотливых взоров тут нигде не спрячешься, они прямо-таки прожигают ее недлинное шелковое платье, стремясь добраться до восхи-

© Перевод Г. Корчагина.

тительно нежной кожи и потрясающе плавных линий роскошного женского тела.

Ну да и пусть смотрят! Девушка с пренебрежительной, дерзкой улыбкой повела глазами в ответ — мол, вас, морских бродяг, не переделать,— и грустно вздохнула: золотой солнечный круг уже высоко поднялся над линией горизонта, припекает все сильнее, и скоро придется уйти в тень.

Звуки, не похожие ни на скрип такелажа и рангоутного дерева, ни на плеск волн о борта, достигли ее ушей в следующее мгновение. Санча поднялась на ноги и устремила недоуменный взор на фальшборт — через него перебрался мокрый до нитки человек, с его одежды на палубу ручьями стекала морская вода. Снова полураскрылись прелестные коралловые губки, но на этот раз не в зевке, а в возгласе изумления; а заодно с ними распахнулись миндалевидные черные очи. Он был совершенно незнаком ей, этот мужчина, столь бесцеремонно нарушивший ее покой. Водяные струйки сбегали по косой сажени его плеч и могучим рукам прирожденного бойца. Из одежды на нем были только шаровары из красного шелка и широченный златотканый кушак. На кушаке висел меч в ножнах, и с ножен тоже капало.

Незнакомец, стоявший у фальшборта, в утренних лучах светила напоминал статую из бронзы. Он выжал пальцами морскую воду из спутанной черной гривы, а в следующий миг его синие глаза вспыхнули алчным интересом, заметив девушку.

Этот дерзкий, оценивающий взгляд возмутил Санчу еще больше, чем само появление незваного гостя на борту ее каракки.

— Кто ты? — вскинула подбородок кордавская красавица.— Откуда взялся?

Небрежным взмахом руки он указал вдаль, на добрый румб правее бушприта. При этом его глаза не отрывались от точеной девичьей фигурки.

— Хочешь сказать, ты обитатель вод? Живешь в пучине? — язвительно спросила девушка.

В глазах пришельца зажглось откровенное восхищение, что смутило Санчу, хоть она и была привычна к восторженным взглядам мужчин.

Ответить он не успел. Раздался топот бегущих ног, и на юте появился хозяин каракки. Его правая рука сжимала рукоять тяжелой абордажной сабли, а колючие черные глаза из-под кустистых бровей сверлили чужака.

— Кто такой? — прозвучал голос, в котором не было и тени миролюбия.— Что за демоны принесли тебя на мое судно?

— Меня зовут Конан,— ответил, даже бровью не поведя, пришелец.

У него был странный акцент, совершенно не похожий на зингарский. Это заинтересовало Санчу.

— Я спрашиваю, как ты оказался на моей каракке? — с подозрением допытывался капитан.

— Вплавь.

— Вплавь? — Ответ привел шкипера в бешенство.— Ах ты, наглый пес! Да ты надо мной смеешься! Оглянись! Где-нибудь видишь берег? До материка не один день пути под всеми парусами, да при хорошем ветре! А вплавь этот путь способен одолеть разве что морской бог! За глупца меня принял? А ну, отвечай и не вздумай снова солгать!

Конан вновь указал сильной, покрытой бронзовым загаром рукой на восток, навстречу золотистым лучам восходящего светила.

— Я с островов.

— С островов?

Негодование на лице владельца каракки внезапно сменилось любопытством. Затем сдвинулись кустистые черные брови, нехорошо заблестели колючие глаза, тонкие губы изогнулись в недоброй ухмылке.

— Так ты, выходит, пират, из этих барахских мерзавцев!

Конан легкой ухмылкой подтвердил правильность его догадки.

— Ну а ты хоть догадываешься, барахская свинья, с кем тебя свела твоя кривая дорожка?

– На твоей лоханке я прочел название «Головорез». В этих краях все знают, что капитана «Головореза» зовут Запораво.

Владелец каракки ухмыльнулся и кивнул. Ему явно польстило, что Конан знает его имя. Запораво тоже был очень рослым, почти с Конана, но не так широкоплеч и крепко сбит. Он почти никогда не расставался с доспехами; лицо в обрамлении стального шлема было смуглым и всегда мрачным, крючковатый нос придавал ему сходство с хищной птицей, и поэтому Запораво носил кличку Ястреб. Его рука ни на мгновение не отрывалась от рукояти шпаги, такой же дорогой, богато изукрашенной, как и его костюм, говоривший о принадлежности владельца к зингарской знати.

Согревая ладонью эфес, он продолжал буравить взглядом незваного гостя. В этом взоре была неприязнь на грани ненависти: зингарские авантюристы, промышлявшие морским разбоем, плохо ладили со своими собратьями по ремеслу, которые селились на Барахских островах юго-западнее Зингары. В населении Барахских островов преобладали аргосские мореплаватели, число представителей других народов было совсем незначительным. Добела вылизанные водой скалы, которые представляли собой Барахские острова, не могли прокормить многочисленное корсарское братство, но с этой ролью вполне справлялись торговые суда на оживленных морских путях, а также богатые города на побережье Зингары. Зингарские лиходеи кормились на той же ниве, но они категорически отказывались называть себя пиратами, горделиво именуясь «вольными мореходами», а свои грешки норовили свалить на барахский люд. Так уж повелось, наверное, еще со дня сотворения мира — громче всех «Держи вора!» кричит сам вор.

Примерно такие мысли промелькнули в голове Запораво, когда он, лаская рукоять шпаги, ощупывал подозрительным взглядом пришельца. А о чем размышлял Конан, по его лицу угадать было невозможно.

Сложив руки на груди, он стоял на юте каракки с такой же безмятежностью, с какой бы стоял на палубе собственного суд-

на. С его губ не сходила высокомерная улыбка, и ни малейшего беспокойства не было в синих очах.

— А тут тебе что понадобилось? — проворчал вольный мореход.

— Вчерашнюю ночь я собирался провести в Картахе, в одной теплой компании, — отвечал Конан.— Но все сложилось не так, как мне хотелось бы, и перед восходом луны пришлось срочно отплыть в утлой лодчонке. Ночь напролет я орудовал веслами да вдобавок вычерпывал воду из дырявого корыта. А когда рассвело, я заметил твои паруса и рассудил, что вплавь доберусь быстрее, чем на проклятой посудине.

— Ты здорово рисковал — эти воды кишат акулами,— проворчал шкипер, но Конан только пожал в ответ широкими плечами.

Снизу на возвышение юта, где происходил этот разговор, глядело множество глаз. Глядело с любопытством и настороженностью. Хватило бы одного слова Запораво, чтобы вся команда обнажила абордажные сабли, ринулась наверх и, как ураган, смела незнакомца, хоть он и выглядел сильным и опытным бойцом.

— У меня торговое судно, а не почлежка для всяких безвестных бродяг, которых носит по волнам,— угрюмо молвил шкипер.— С чего ты взял, что я не прикажу сейчас же бросить тебя обратно в море?

— На торговом судне всегда найдется работа для пары опытных рук,— логично возразил Конан, даже не подумавший рассердиться.

Запораво вновь насупился, но вскоре решил, что незнакомец прав. Это решение сгубило старого морского волка, и он потерял все: команду, женщину, жизнь. Но, разумеется, предвидеть будущее он не мог. Ему не нравился дерзкий чужак, как он выразился, «безвестный бродяга, которого носит по волнам», волею судьбы оказавшийся на борту его судна. Но ведь он не причинил никакого зла капитану. Разве что вел себя слишком уж непринужденно и самоуверенно, без того раболепства, которое, на взгляд Запораво, должен был бы проявить в такой

ситуации любой человек, не желающий снова очутиться среди акул.

— За работу будешь получать кормежку, а о денежном жалованье даже не мечтай,— заявил Ястреб.— Сейчас топай вниз и всегда помни: на этом борту один закон — моя воля.

Крепко сжатые губы барахского пирата растянулись в ухмылке. Он без промедления, но и без суетливости повернулся и сошел по трапу на нижнюю палубу. Санчу, которая, вся обратившись в слух, не упустила ни единого слова из этого краткого диалога, он больше не удостоил взглядом.

Как только его нога коснулась настила нижней палубы, вокруг него столпился весь экипаж. Он целиком состоял из обнаженных до пояса зингарцев. Пестрые шелковые шаровары на них были в пятнах корабельной смолы, на мочках ушей, на рукоятях абордажных сабель и кинжалов блистали самоцветы. На борту появился новенький — так на то есть старинный обряд приема в члены экипажа, и сорвиголовы предвкушали удовольствие. Чужаку предстоит пройти испытание, которое и определит его будущее положение среди матросов.

Запорано, стоявший на возвышении юта, очевидно, уже успел забыть о существовании Конана, однако Санча по-прежнему со жгучим любопытством следила за происходящим. Ритуал посвящения она знала, как и то, насколько он суров,— возможно, не обойдется без крови. Однако, хоть и не первый год она знакома с крутыми нравами и обычаями морских разбойников, до опыта киммерийца ей было далеко. Когда его взяли в кольцо люди с явно угрожающими выражениями лиц, он только ухмыльнулся и обвел их безмятежным взглядом. На его лице никакой угрозы не читалось, лишь непоколебимая уверенность в себе.

Да, он был далеко не новичок и знал правила игры, неписаные законы моря. Если бы несколько минут назад он поддался гневу и ударил капитана, весь экипаж волчьей стаей бросился бы на него. Но с капитаном удалось договориться, а значит, наладить отношения с командой будет еще проще. Надо толь-

ко одолеть в поединке того, кого выставят матросы для «проверки» новичка.

Расталкивая плечами товарищей, вперед прошел избранный для этой задачи человек — кряжистый, жилистый, звероподобный. Точно тюрбаном, его бритая голова была обмотана шелковым кушаком красного цвета. Костистый подбородок выдавался далеко вперед, на физиономии, изборожденной страшными шрамами, казалось, навсегда застыла злобная гримаса. Его взгляд лучился презрительным вызовом, таким же вызовом веяло от походки враскачку. От природы он был груб, жесток и примитивен; столь же грубым, примитивным и жестоким способом он завязывал ссору.

— Так ты, стало быть, с Барахских островов? — сверкнул он волчьим оскалом.— Но мы-то знаем, там водятся только собаки, а мужчин и в помине нет. Вольные моряки плюют на барахскую сволочь, вот так! — Он плюнул, целясь в лицо чужаку, и схватился за абордажную саблю.

Но пришелец с Барахских островов опередил его. Движение Конана было стремительным, настолько молниеносным, что его никто даже заметить не успел. Кулак северянина, силой и крепостью не уступавший кузнечному молоту, врезался в нижнюю челюсть наглого мореходa. Ноги зингарца оторвались от палубы, он пролетел несколько футов и бесформенной грудой остался лежать у фальшборта.

Конан неторопливо повернулся к остальным членам экипажа. В его лице ничего не изменилось, разве что постепенно мерк блеск глаз. Не было больше нужды подогревать в себе ярость — испытание новобранца закончилось так же внезапно, как и началось. Несколько матросов подошли к своему приятелю, подняли. У него безвольно моталась голова, сломанная челюсть отвисла.

— Клянусь Митрой, чужак ему шею сломал! — пробормотал человек с широкой, черной как смоль бородой.

Конан расхохотался:

— У вас, вольные мореходы, больно уж косточки хрупкие. Любой из наших барахских «псов», получив такого тумака, толь-

ко слегка почешется. Есть еще желающие сунуться ко мне с сабелькой? Нет таких глупцов? Вот и прекрасно. Значит, мы теперь друзья, да?

Поскольку испытание он выдержал по всем правилам, нашлось несколько человек, уверившихся его, что он принят. Две пары загорелых до черноты рук отправили мертвеца за борт, и вскоре в том месте, куда упал труп, добрый десяток акульих плавников разрезал воду. Конан со смехом потянулся, как исполинский кот, всем своим могучим телом и поднял глаза на ют. Санча наблюдала за ним, перегнувшись через планшир ограждения юта, черные глаза блестели от любопытства. Солнце висело как раз за ее спиной, очерчивая гибкую фигурку, пронизывая лучами легкую материю платья. Вдруг на нее упала мрачная тень капитана. На хрупкое плечо девушки тяжело легла мужская ладонь. Этот жест вкупе с угрюмым, полным угрозы взглядом, брошенным Запораво вниз, красноречиво говорил о том, кто хозяин на судне.

Конан ничего не сказал, лишь ухмыльнулся капитану. Но едва ли Запораво способен был разгадать значение ухмылки. Он совершал ошибку, свойственную многим тиранам. Привыкнув жить в гордом уединении, на возвышении юта, этого символа власти на корабле, он считал людей, обитавших на нижней палубе, низшими существами. Ему бы убить Конана, как только тот оказался на его борту, но Запораво, упиваясь своим величием, проворонил шанс. Конан отправился на нижнюю палубу, к своре таких же, как он, презренных псов, и у шкипера не возникало даже мысли, что кого-то из них следует опасаться. Он так долго прожил наверху, он сломал, раздавил, уничтожил столько врагов, что теперь подсознательно мнил себя божеством, которому не страшны ничьи козни и посягательства.

А Конан и не думал развеивать эти блаженные иллюзии. Он сроднился с экипажем, делил с ним и обильный труд, и скудные развлечения. Вскоре все убедились — он бывалый и умелый моряк. К тому же он был намного сильнее любого из матро-

сов. Работал за троих и на любое тяжелое, опасное дело шел первым. Мало-помалу уважение вольных мореходов к нему росло, его уже считали своим в доску, надежным парнем. Сам он ссор ни с кем не затевал, и его старались не сердить. К тому же людям нравилась его бесшабашность, нравилось, как он в азартной игре не боится поставить на кон свой пояс с ножнами, как, выигрывая деньги и оружие у товарищей, со смехом тут же возвращает обратно. Так ведут себя прирожденные лидеры — и команда вскоре, даже не отдавая себе в этом отчета, стала видеть в нем вожака.

О причинах, заставивших его расстаться с Барахским архипелагом, он умалчивал, но что же такого мог совершить этот человек, чтобы его изгнали островные пираты, знаменитые своей дикостью и необузданностью? Наверное, нечто поистине ужасное.

Как бы то ни было, Конан никогда не задевал Запораво и матросов, был всегда спокоен, не дерзил, попыток выслужиться за ним не замечали. Манерами он сильно отличался от вечно угрюмого, нелюдимого, грубого капитана, и это не укрылось от глаз даже самых слабоумных моряков. Барахский пират любил веселье, над палубой часто гремел его смех, на добром десятке языков он распевал скабрезные песенки, наравне с товарищами хлестал пиво, а о своем будущем, похоже, нисколько не думал. Узнай Запораво, что команда, пусть и неосознанно, сравнивает его с этим чужаком, человеком с нижней палубы, он бы от потрясения и злобы лишился дара речи. Но капитана занимали собственные думы, которые год от года становились все мрачнее. К тому же он находился в плену иллюзий, считая себя избранником небес. Много времени уходило и на девушку, обладание которой доставляло ему наслаждение с горьковатым привкусом. Впрочем, и все другие его радости имели оттенок желчи.

Девушка же все чаще поглядывала на мускулистого великана с густой гривой черных волос, благо выделить его в толпе было несложно. И в работе, и в отдыхе он, подобно горе, возвышался над своими товарищами. Сам Конан никогда не вы-

тался завести с нею разговор, но огонь в его глазах при виде Санчи не поддавался двоякому толкованию. По крайней мере, Санча точно знала, что означает этот огонь, и все чаще задумывалась, надолго ли у нее хватит отваги продолжать рискованную игру. Не так уж давно рассталась она с кордавскими дворцами, но казалось, целая жизнь прошла с того дня, когда Запораво снял ее с охваченной пламенем каравеллы, которую подстерегло его «торговое судно». Изнеженная, избалованная дочь кордавского графа испытала на себе, что значит быть игрушкой в руках пиратского вожака.

Природа наделила ее силой и гибкостью, Санча гнулась, но не ломалась, и сумела выжить там, где быстро погибали другие женщины. К тому же она была совсем юная, в ней бурлила жизнь, и в своем новом уделе девушка даже научилась находить мелкие радости. В новой жизни не было уверенности в завтрашнем дне, она походила на сон, она изобиловала потрясениями: битвами, грабежами, кровопролитием, бегством от возмездия. Вдобавок капитан Запораво оказался человеком со странностями, и это делало жизнь экипажа еще более непредсказуемой, чем у других вольных мореходов. Его очередного поступка не мог предугадать никто.

На сей раз корабль оставил за кормой знакомое побережье и теперь все дальше уходил в неведомые дали, куда обычные мореплаватели старались без крайней нужды не совать носа. Правда, авантюристы, искатели приключений появлялись от сотворения мира, некоторые из них вели свои суда этим курсом, вели, чтобы исчезнуть без следа.

И вот далеко за кормой остались изученные людьми земли. День сменялся днем, а впереди расстилался только бескрайний синий простор, чуть исхолмленный волнами. Казалось бы, что делать пиратам в этой пустыне? Ни городов, которые можно грабить, ни судов, которые можно пустить на дно. Экипаж роптал, правда, пока очень тихо, боясь, как бы крамольные речи не достигли ушей беспощадного капитана. А он, исполненный угрюмого высокомерия, днем и ночью расхаживал по юту, или стоял, склонившись над старинными чертежами, над по-

желтевшими от древности картами, или листал рассыпающиеся, источенные червями пергаментные страницы фолиантов. Иногда он разговаривал с Санчей, но девушке его речи казались странными, даже бредовыми. Запоаво упоминал о затерянных материках, о мифических градах, что веками дремлют на островках суши среди голубых вод. Он говорил, эти города — осколки великих государств, угасших еще до зарождения человеческой расы; короли этих государств оставили после себя невиданные сокровища, и теперь они хранятся под неусыпным надзором рогатых драконов.

Санча сидела, обвив руками колени, слушала своего мрачного повелителя и не слышала. Да и как было речам пирата проникнуть в ее разум, если там все время звучал раскатистый и первобытный, как морской ветер, смех бронзовокожего исполина?

Много недель, столь же скучных, сколь и утомительных, длилось плавание. Наконец впередсмотрящий углядел на западе землю, а на рассвете следующего дня судно вошло в неглубокую бухту и бросило якорь. По берегу тянулась полоса белого песка, за ней полого уходил кверху горный склон, покрытый высокой густой травой и деревьями. С суши ветерок принес запахи цветов и сочной зелени, и Санча захлопала в ладоши — наконец-то она побывает на берегу. Увы, недолго она радовалась: Запоаво велел оставаться на корабле, пока он не пришлет с берега шлюпку. Он никогда не утруждался объяснять свои решения, и ей оставалось лишь догадываться, что им движет, — кроме тех случаев, увы, нередких, когда в его душе просыпался демон и побуждал его истязать девушку без всякого на то повода с ее стороны. Охваченная унынием, Санча устроилась на юте смотреть, как работают веслами матросы, ведя шлюпку к берегу по водной глади, которая блистала в лучах утреннего солнца, как расплавленный нефрит. Вот они высадились на песчаный пляж — настороженные, с оружием на изготовку. От группы отделилось несколько человек и направилось к деревьям — на разведку. Среди них находился Копан. Трудно было бы не узнать эту высокую фигуру, этот бронзовый отлив

кожи, эту пружинистую поступь. Некоторые матросы говорили Санче, что он сущий дикарь, киммериец, из диких племен, которые издревле живут на далеких северных холмах и своими набегами наводят ужас на соседей с юга. Девушка и сама чувствовала нечто необычное в этом человеке, какую-то поразительную, поистине варварскую жизненную силу, отличавшую его от прочих матросов, любого из которых тоже можно было бы смело назвать дикарем.

С берега доносилось эхо голосов. Больше ничто не нарушало тишины, и это придало пиратам уверенности. Высадившаяся группа рассеялась, матросы разбрелись по берегу, некоторые отошли к деревьям в поисках фруктов. Санча видела, как пираты карабкаются на деревья, срывают плоды и бросают их оставшимся внизу товарищам. И ей тоже захотелось попробовать свежих фруктов. Она топнула изящной ножкой и выругалась, как заправский пират. Там, на берегу, люди собрали богатый урожай и уселись пировать, а ей приходится глотать слюнки по прихоти жестокого Запораво, чтоб ему заживо сгореть в преисподней!

Тот, о ком она думала столь нелестно, фруктов не искал и не ел. Услышав от разведчиков, что нигде поблизости не обнаружено признаков человека или диких зверей, он теперь стоял и глядел на длинные гряды покатых, плавно переходящих один в другой холмов. Наконец он отдал своим людям краткий приказ и пошел к деревьям. Какой-то матрос посоветовал ему не уходить в одиночку, но в награду за свою заботливость получил сокрушительный удар в челюсть. Запораво не нуждался в сопровождении. Он собирался выяснить, действительно ли остров — тот самый, о котором говорилось в таинственной Книге Скелоса.

В этой книге было сказано, что на острове обитают неописуемые чудовища, порождения давно забытых мудрецов-магов. Эти чудовища охраняют склепы, где лежат груды золотых изделий, покрытых иероглифами. Мрачный эгоист Запораво был верен себе. Он не собирался делиться этим знанием, будь

оно истинным или ложным, ни с кем, а уж тем более со своим экипажем.

С неутолимым интересом Санча наблюдала с юта за происходящим на берегу. Вот она увидела, как исчез среди деревьев Запораво. Чуть позже она заметила, как барахский пират по имени Конан быстро оглянулся на своих товарищей, которые разбрелись по берегу, а затем двинулся в ту же сторону, что и Запораво, и тоже исчез в лесу.

Любопытство девушки разгорелось не на шутку. Когда же они вернутся, эти отчаянные смельчаки? Но они все не возвращались. Моряки знай себе праздно слонялись по берегу, некоторые улеглись в тени и задремали, а некоторые тоже забрели в лес. Время тянулось мучительно. Санча места себе не находила и в волнении расхаживала по юту. Солнце припекало все сильней, даже через холщовый навес. Санча была вынуждена томиться в этом жарком, тихом, сонном узилище, тогда как в считаных ярдах от судна, за полосой голубого мелководья, в прохладной тени леса крылась тайна неведомого острова. Эта тайна манила к себе Санчу, как пение мифической сирены, но еще сильнее ее манила загадка исчезновения Запораво и Конана.

Но она давно успела изучить крутой и неумолимый нрав своего господина и знала, каким будет наказание, если она посмеет ослушаться его. Некоторое время эта мысль удерживала ее на месте. Наконец девушка решила, что стоит рискнуть, даже если потом Запораво отхлещет ее плетью. Больше не колеблясь, она сбросила легкие кожаные сандалии и платье и осталась в чем мать родила. Она перебралась через борт, спустилась по канатам, бесшумно окунулась в воду и поплыла к берегу. Через считаные мгновения она вышла на берег и вздрогнула — раскаленный песок обжег ступни. Оглядевшись, Санча увидела лишь несколько человек в отдалении — большинство из них спало, уютно расположившись под деревьями. В руках у пиратов лежали золотистые плоды. Было удивительно, что моряков в такой ранний час сморил сон.

Она пересекла пляж и очутилась под пологом леса. Никто ее не окликнул. Оказалось, на покатых склонах лес растет неровными пятнами, между купами деревьев лежат широкие луга. Санча пошла в глубь острова, в ту же сторону, куда удалились Запораво и Конан. Расстелившийся перед ней зеленый ландшафт казался сказочным. Покатые холмы сменяли друг друга, зеленый ковер травы пестрел крапинами рощ. В неглубоких низинах между холмами тоже росла высокая трава. Казалось, ландшафт таял, растворялся; одна картина плавно переходила в другую. Удивительный пейзаж, просторный и вместе с тем будто замкнутый в какие-то неразличимые рамки. И все, словно колдовскими чарами, было окутано дремотным безмолвием.

Неожиданно девушка вышла на вершину столообразного холма, окаймленного высокими деревьями, и волшебная сонная зачарованность вмиг исчезла, стоило Санче увидеть того, кто лежал на истоптанной траве. Девушка отпрянула с криком испуга, но тотчас взяла себя в руки и, дрожа, с широко раскрытыми глазами, крадучись двинулась вперед. Перед ней лежал на траве Запораво, его невидящий взгляд был устремлен в небо. В груди зияла кровавая рана. Рядом с безжизненной рукой лежала шпага.

Было бы несправедливо сказать, будто Санча без всякого трепета смотрела на мертвое тело своего господина. Причин любить его у нее не было, но она испытывала те же чувства, что и любая девушка при виде человека, который лишил ее невинности, а теперь сам лишился жизни. Ей не хотелось плакать, но ее била сильная дрожь, а в жилах заледенела кровь. Девушка с трудом удержалась от истерики. Кто же нанес Ястребу этот роковой удар?

Санча осмотрелась, но не увидела того, кого ожидала увидеть. Ничто не встретилось ее взгляду, кроме кольца лесных великанов с густыми кронами и синеватых склонов за ними. Куда исчез тот, кто отправил к праотцам вольного морехода? Может быть, получил тяжелую рану и уполз умирать? Но тогда остался бы кровавый след, а его не видно.

Не зная, что и предполагать, девушка пошла к деревьям, но внезапно застыла как вкопанная. Зашевелились изумрудные листья — зашевелились, хотя стоял мертвый штиль. Она настороженно приблизилась к деревьям, вглядываясь в листву.

— Конан? — спросила она робко.

В этом безбрежном царстве тишины, от которой вдруг повеяло роковой тревогой, собственный голос показался девушке громовым. От страха у нее задрожали колени.

— Конан! — вскричала она в отчаянии. — Это я, Санча! Ты здесь? Отзовись, пожалуйста.

Она осеклась, карие зрачки расширились от безумного страха, с ярких губ сорвался нечленораздельный возглас. Ее как будто разбил паралич. Надо бы бежать стремглав, но невозможно пошевелить ни единым пальцем. Отнялся даже язык. Она могла только кричать что-то неразборчивое.

2

Увидев, что Запораво в одиночку направился в глубь острова, Конан понял: вот он, долгожданный шанс. Киммериец не отведал плодов, не участвовал в грубых забавах спутников. Он только притворился, будто занимается тем же, чем и они, а на самом деле следил за пиратским капитаном. Матросы привыкли к странностям своего вожака и не удивились, когда их шкипер решил в одиночку исследовать этот таинственный, а возможно, и враждебный остров. Они радовались, как дети, оказавшись на берегу после долгого плавания, и не заметили, как Конан, словно пантера на охоте, вслед за Запораво скользнул в лес.

Конан сознавал, что команда давно приняла его как равного. Но неписаные законы вольного морского братства запрещали тому, кто еще не участвовал в сражениях и набегах, вызвать на смертельный поединок своего капитана. А с тех пор как Конан оказался под началом у Запораво, этот корабль бороздил только безплодные морские просторы, и у Конана не было возможности пройти самое важное испытание — испытание боем. Решись он открыто напасть на капитана — и команда вмиг ополчится против него. Но если смерть настигнет Запораво без свидетелей, осиротевший экипаж вряд ли будет хранить верность покойнику. В волчьей стае ценятся только живые вожаки.

Потому-то Конан с мечом в руке и нетерпением в сердце и крался за Запораво. Они вышли на плоскую, окаймленную высокими деревьями вершину холма. За толстыми стволами маячила зелень пологих холмов, которые вдали скрадывала синяя дымка. Запораво дошел до самой середины вершины и обернулся, почувствовав преследование. Его рука легла на эфес шпаги. Пират выругался:

— Что тебе нужно, грязная собака? Зачем ты следишь за мной?

— А сам не догадываешься? — рассмеялся Конан, быстро приближаясь к своему капитану.— Неужто наивен, как младенец? — На губах варвара играла ухмылка, в глазах пылал дикий огонь.

Запораво снова выругался и обнажил клинок. Барахский пират бросился на него без лишних слов. Меч киммерийца описал в воздухе свистящую, сверкающую дугу, сталь зазвенела о сталь.

У Запораво за плечами была тысяча боев на суше и на море. Наверное, на всем свете не сыскать было человека, так хорошо постигшего искусство фехтования. Но еще никогда не доводилось ему встречаться с клинком, который держали могучие руки варвара, выросшего в диких краях, вдали от стран цивилизованных. Искусство владения клинком столкнулось с молниеносной скоростью и чудовищной силой, доступной лишь дикарям. Конан не прибегал к хитрым финтам, он дрался просто и грубо, как лесной волк, и против первобытной ярости оказалось бесполезным искусство фехтовальщика, как бесполезны навыки боксера против разъяренной пантеры.

Запораво сражался, как не сражался еще ни разу в жизни. Он истратил все силы, отбивая клинок, который молнией блистал над его головой. Замешкавшись, он пропустил страшный удар рукоятью меча, и его рука онемела по самое плечо. А за этим ударом тотчас последовал другой, столь чудовищной силы, что острие меча пробило кольчугу и ребра, как бумагу, и насквозь проткнуло сердце. Губы капитана искривились в смертной муке, но он, верный до конца своей мрачной, высокомерной на-

туре, не обронил ни звука. Он умер еще до того, как его тело вытянулось на истоптанной траве, усеянной кровавыми росинками, которые, подобно рубинам, сверкали в солнечных лучах.

Конан пучком травы стер кровь с меча, ухмыльнулся с удовлетворением, но без злорадства, потянулся, как огромный кот, и замер. Довольное выражение сошло с его лица, сменившись настороженностью. Он застыл как истукан, с мечом на изготовку. Его взгляд поднялся с тела поверженного противника, двинулся вкруг, по деревьям, по синеватому пейзажу за ними, и обнаружил нечто фантастическое, невероятное, не поддающееся объяснению. Над округлым абрисом далекого холма он увидел силуэт высокого, черного, нагого человека, который нес на плече другого человека — тоже обнаженного, но белого. Зрелище исчезло так же неожиданно, как и возникло, и Конан остался в полнейшей растерянности.

Пират снова осмотрелся, неуверенно глянул в том направлении, откуда пришел, и выругался. Он пребывал в замешательстве, даже в беспокойстве, если это слово применимо к обладателю стальных нервов. Посреди пейзажа, хоть и экзотического, но вполне реального, он увидел мираж — блуждающего призрака из кошмарного сна. Ни тени сомнения в остроте своих глаз, в здравости своего рассудка Конан не допускал. Он знал доподлинно: несколько мгновений назад перед ним возникло нечто таинственное, жуткое, сверхъестественное, чуждое. Что же означало это появление исполинского черного существа с белым пленником на плече?

Не зная, что и думать, Конан зашагал в ту сторону, где появилась и исчезла удивительная картина. О том, насколько разумно и оправданно такое действие, он даже не рассуждал. Достаточно было охватившего жгучего любопытства. Он просто не мог не поддаться соблазну.

Холм за холмом оставлял он позади. Все эти возвышенности походили друг на друга как две капли воды, покрытые густой сочной травой, с купами деревьев там и тут. Приходилось

то подниматься по склонам, то спускаться, но в целом местность понемногу повышалась.

Путь вскоре наскучил киммерийцу, череда округлых вершин и неглубоких лощин казалась бесконечной. Но в конце концов пират поднялся на холм, который, по-видимому, оказался самой высокой вершиной на острове, и застыл как вкопанный при виде блистающих зеленых стен и башен. Пока он не добрался до этого места, они, сливаясь с зеленью ландшафта, были совершенно незаметны для его зорких глаз.

Некоторое время киммериец стоял в нерешительности, лаская рукоять меча, затем, палимый любопытством, двинулся дальше и приблизился к высокой арке в стене между двух башен. Тихо, вокруг вроде бы ни души. Конан осторожно заглянул в арку и увидел небольшой двор, заросший сорной травой. Двор обнесен круглой стеной из полупрозрачного зеленого материала. Таких арок, как эта, в стене было еще несколько.

С мечом на изготовку Конан наугад выбрал одну из арок и, пройдя на цыпочках через нее, оказался в таком же точно дворе, как предыдущий. Над противоположной стеной он увидел шпили каких-то построек — очевидно, башен, но очень уж непривычной формы. Одна из этих башен врезалась во двор, где стоял Конан, в нее вела широкая лестница. Киммериец двинулся вверх по ступенькам, гадая, действительно ли все это с ним происходит наяву или он опьянен черным лотосом и грезит. Он поднялся по лестнице и очутился на огороженном каменными перилами выступе, а может быть, на балконе,— не разобрать, очень уж странная архитектура. Отсюда можно было различить детали построек, но они ему ничего не говорили.

По спине пробежал холодок при мысли, что эти башни не могли быть построены руками нормальных человеческих существ. В этой архитектуре прослеживались симметрия и система, но они были абсолютно чужды человеческому разуму. Разобраться в планировке городка — или замка? — не представлялось возможным, у Конана лишь сложилось впечатление, что он представляет собой огромное скопление дворов, преимущественно круглых; каждый двор окружен своей стеной, а в со-

седние из него можно проникнуть через арки. Дворы эти группировались вокруг расположенных в центре замка загадочных башен.

Конан повернулся спиной к башням и вздрогнул, съежился у парапета, до глубины души потрясенный увиденным.

Площадка, на которой он стоял, возвышалась над противоположной стеной, и Конану увидел соседний двор. Стена этого двора разительно отличалась от других, которые он успел здесь увидеть. Она не была гладкой. Ее пересекали длинные ряды выступов, усаженных какими-то странными гроздьями, разглядеть которые ему не удалось. Впрочем, в тот миг он не слишком внимательно смотрел на стену. Его взгляд привлекла к себе группа существ рядом с темно-зеленым бассейном в центре двора. Нагие существа были черны и человекоподобны, и самое низкое из них, если бы выпрямилось, оказалось бы выше Конана на две головы. Рослый пират с трудом достал бы ему до плеча.

Пожалуй, этих массивных существ можно даже назвать стройными, их мускулистые тела обладали непривычной человеческому оку грацией и красотой. Но даже с такого расстояния Конан рассмотрел нечто демоническое в их лицах.

В центре этой группы стоял, съежившись от ужаса, обнаженный юноша, в котором Конан узнал юнгу с «Головореза». Значит, это он был пленником, которого несло по склону черное существо? Тогда Конан не слышал шума схватки, он и теперь не замечал крови или ран на лоснящейся коже великанов цвета эбенового дерева. Скорее всего, несчастный юнга забрел слишком далеко от берега и от своих товарищей, и его подстерег и схватил черный островитянин. Конан, за неимением лучшего определения, решил называть этих существ черными людьми, хотя инстинктивно понимал, они — не люди в привычном смысле этого слова.

Расстояние было слишком велико, и звуки не достигали Конана. Черные люди обменивались друг с другом кивками и жестами, но создавалось впечатление, что они не обладают даром речи,— во всяком случае, их губы не шевелились. Один из

них, сидя на корточках подле дрожащего от страха юнги, держал в руках какую-то вещицу, похожую на флейту или свирель. Он поднес ее к губам. Конан не услышал ни звука, но молодой *зингарец услышал или почувствовал* голос флейты. Он дрожал и корчился, точно в агонии. Спустя несколько мгновений в этих корчах появилась упорядоченность, движения стали ритмичными, дрожь переросла в ужасные содрогания всего тела. Юноша танцевал — так кобры танцуют под дудку факира. Но не было никакого пыла, радостного упоения, азарта в этой пляске, только ужас и отчаяние. От такого зрелища Конана пробрал озноб. Казалось, немая музыка впивается жестокими когтями в самые глубокие тайники души зингарца и с демонской жестокостью вырывает из него проявления затаенных пороков и страстей. Это были конвульсии нечестивства и похоти, противоестественное извержение тайных вожделений. Это было желание без удовольствия, боль, сросшаяся с похотью в одно целое. Как будто на глазах у Конана с души несчастного паренька срывали один за другим покровы, и вот она осталась совсем нагой, и все ее мрачные, не знавшие света загадки разом оказались на поверхности.

Конан лицезрел, окаменев от ужаса и омерзения. К горлу подкатывала тошнота. Пускай он сам по натуре прост и даже *примитивен, как лесной волк, но в странствиях своих* он познакомился с извращенными тайнами отмирающих цивилизаций. Он бывал в городах Заморы, он знавал распутных женщин Шадизара — Города Воров. Однако сейчас он ощущал присутствие космического зла, по сравнению с которым обычная человеческая испорченность — не более чем невинный пустяк. Конан чувствовал присутствие мерзкой, уродливой ветви, вопреки воле природы взросшей на древе жизни и развившейся по законам, чуждым человеческому пониманию. Не ритмичная агония злосчастного юнги потрясла Конана, а исконная мерзость душ этих созданий, способных вызывать на свет божий пороки, что дремлют под спудом в глубинах человеческой души, и с удовольствием выставляющих напоказ то, на что не следовало бы даже намекать, то, о чем не следовало бы вспоминать

даже мучительными ночами, когда бессонница перемежается кошмарами.

Внезапно черный истязатель положил флейту на землю и встал, возвысившись подобно каланче над дрожащим белым человечком. Гигант грубо схватил юнгу за шею и ноги, перевернул головой вниз и окунул в зеленый пруд. Конан увидел, как блеснула сквозь зелень воды белая кожа несчастного пирата. Долго черный исполин держал пленника под водой. Потом его сородичи вдруг зашевелились, и Конан поспешил укрыться за ограждением площадки.

Любопытство через некоторое время победило, и он осторожно высунул голову. Черные люди переходили под аркой в соседний двор. Один из них что-то ставил на выступ противоположной стены, и Конан узнал в нем великана, который мучил юнгу. Он был выше остальных, его голову венчал обруч с драгоценными камнями. Молодого зингарца нигде не было видно. Великан ушел следом за своими товарищами; Конан определил, что они выходят через ту самую арку, через которую он сам проник в этот ужасный замок, и направляются в ту сторону, откуда пришел он. Никто из них не носил оружия, однако стало ясно, что они затеяли расправиться с экипажем «Головореза».

Надо было бы предупредить не подозревающих об опасности пиратов, но прежде Конан решил выяснить, чем закончилось для юнги его страшное приключение. Кругом стояла мертвая тишина. Конан пришел к выводу, что в этом скопище дворов и башен, кроме него, никого больше нет. Он бегом спустился по лестнице, пересек двор и прошел через ту же арку, через которую перед этим удалились черные люди. По пути он успел рассмотреть загадочные выступы на стене. Каждый из них был вытесан из цельного камня. На каждом стояли десятки небольших, не длиннее человеческой руки, статуэток, преимущественно серых оттенков. Все они изображали людей, и все были изваяны столь мастерски, что Конану удавалось разглядеть признаки различных рас — типичные черты жителей Зингары, Офира, Аргоса и Куша. Эти последние даже были чер-

ны, как настоящие кушиты. Странная тревога одолевала Конана, когда он разглядывал эти немые и слепые статуэтки — несомненно, точнейшие копии, хоть и уменьшенные, с оригиналов. Он потрогал некоторые из фигурок, но не сумел определить на ощупь, из какого вещества они изготовлены — похоже на окаменевшую кость. Но откуда бы взяться на этом острове запасам окаменелой кости, чтобы их хватило на такое множество изваяний?

Конан заметил, что изображения людей знакомых ему рас расставлены на верхних выступах, а нижние заняты фигурками, чей облик ему в диковинку. Либо эти черты рождены фантазией безымянного мастера, либо принадлежали давно вымершим, канувшим в забвение народам.

Не видя смысла тратить время на догадки, Конан повернулся к пруду. В круглом дворе негде было бы спрятать труп зингарца, а раз его не видно, значит, он остался на дне. Конан приблизился к безупречно круглому зеленому диску и всмотрелся в поблескивающую гладь, как в толстое зеленое стекло — прозрачное, но обманчивое. Бассейн был невелик, кругл, как колодец, с бортиком из зеленого нефрита. Конан разглядел дно, но сказать, насколько далеко оно от поверхности, он бы не взялся. Однако создавалось впечатление, будто колодец невероятно глубок. У Конана голова закружилась, словно он смотрел в бездну. Ему даже не верилось, что он видит дно. Оно казалось невероятно далеким, призрачным, но тем не менее явственно различимым. То и дело ему мерещилось, будто он видит слабое свечение в недрах цвета нефрита, но это, возможно, была иллюзия. Зато не возникало сомнений в том, что колодец пуст, если не считать поблескивающей воды. Но коли так, куда же мог исчезнуть юнга, которого здесь так жестоко утопили на виду у Конана? Он выпрямился, провел по острию меча пальцем и вновь оглядел двор. И тут его взгляд споткнулся об одну из фигурок на верхнем выступе стены. Он вспомнил, как черный великан туда что-то поставил... На загорелой коже киммерийца выступил ледяной пот.

Пират нерешительно, но вместе с тем неуклонно, словно его притягивало магнитом, подошел к блестящей стене. Потрясенный догадкой, настолько чудовищной, что язык не поворачивался высказать ее вслух, он посмотрел на фигурку, стоящую в ряду крайней. Сходство было слишком очевидным. Ошибка исключена! Каменно-неподвижные черты статуэтки — это черты зингарского юноши! Изваяние смотрело на киммерийца незрячими глазами. Потрясенный до глубины души, пират отпрянул, меч дрогнул в оцепеневшей руке. Он стоял, раскрыв рот, и не мог оторвать взгляда от статуэтки, ошеломленный открытием, способным помрачить даже самый крепкий рассудок. А ведь Конану удалось разгадать лишь часть тайны, лежащую на самой поверхности. И никакого желания не испытывал он проникать в темные и зловещие глубины колдовства, которое позволяло черным великанам делать со своими жертвами то, что они делали.

3

Сколько времени простоял Конан посреди двора, переживая свое открытие, он и сам не знал. Но наконец с него спало оцепенение. Раздался женский крик, потом другой, третий. Женщина кричала все громче, как будто ее несли все ближе к киммерийцу. Конан узнал голос, и уже в следующий миг он несся вверх по узким выступам, пинками сбрасывая гроздья статуэток. Он прыгнул, схватился за верхний край стены, подтянулся на руках и посмотрел вниз.

Эта стена оказалась внешней, глазам Конана открылась часть зеленого луга, окружающего замок. Но травянистому склону шествовал черный исполин, неся под мышкой корчащуюся пленницу, как взрослый мужчина несет сопротивляющегося ребенка. Пленницей была не кто иная, как Санча. Ее спутанные черные волосы ниспадали волнами, оливковый цвет кожи резко контрастировал с черным лоском великана. Он, не обращая никакого внимания на ее вопли и рывки, приближался к арке входа.

Когда черный человек скрылся, Конан спрыгнул со стены, едва не сломав ноги, поднялся и осторожно прошел через арку в соседний двор. Оттуда, прижавшись к стене, он следил, как великан вносит свою сопротивляющуюся пленницу во двор с колодцем. С такого расстояния Конан хорошо разглядел облик черного человека. Действительно, симметрия его черт была

безупречна. Под кожей цвета эбенового дерева перекатывались громадные мышцы, и Конан нисколько не сомневался: великан способен голыми руками разорвать на части обычного человека, учитывая и другое мощное оружие — ногти на пальцах рук, длинные и толстые, словно когти хищного зверя. Лицо напоминало маску из черного дерева, в темно-карих глазах мерцало, переливалось золото, и ничего человеческого не было в этом лице, каждая его черточка казалась клеймом зла — глубинного, адского, превосходящего любое человеческое зло. Нет, это существо не было, просто не могло быть человеком, отродье ада, воплощенное богохульство, противоречащее самой жизни; насмешка над естественными законами, глумление над миром.

Великан грубо бросил Санчу на траву. Девушка лежала вниз лицом, плача от ужаса и боли. Черный человек осмотрелся с таким видом, будто его что-то обеспокоило, и вдруг застыл. Его зрачки расширились — он заметил сброшенные с выступов статуэтки. Но колебался он недолго. Наклонился, взял пленницу за шею и ноги, перевернул вниз головой и решительно зашагал к зеленому колодцу.

Конан беспумно пробежал через арку и, словно ветер смерти, помчался к нему через двор. Великан то ли заслышал, то ли почуял его приближение. Он обернулся к бронзовокожему человеку, темно-карие глаза вспыхнули. Нападение застигло его врасплох. Он даже ослабил на миг жестокую хватку, и Санче удалось вырваться из его рук. Она снова упала на траву, к ней вновь устремились чудовищные когти, но Конан проскользнул под ними и вонзил клинок в низ обнаженного черного живота.

Обливаясь кровью, черный человек рухнул как подкошенный, и в следующее мгновение Санча вцепилась в Конана изо всех сил. Все ее тело содрогалось от рыданий — слишком глубокими потрясениями были для нее как пережитый ужас, так и внезапное избавление.

Конан выругался и стряхнул ее с себя — нашла время лезть с объятиями! Впрочем, его враг уже испустил дух: темно-карие глаза остекленели, мышцы громадного черного тела больше не трепетали в конвульсиях.

— Ах, Конан! — всхлипывала Санча, снова прижавшись к киммерийцу.— Что будет с нами? Кто эти страшилища? О, я поняла: мы с тобой попали в Преисподнюю, и эта черная тварь — демон!

— Коли так, Преисподней теперь нужен новый демон,— по-волчьи оскалился барахский пират.— Но ты-то как ухитрилась попасть ему в лапы? Я видел, как эти твари уходили к берегу. Они захватили судно?

— Не знаю.— Девушка хотела подолом платья вытереть слезы и лишь теперь вспомнила, что на ней совсем нет одежды.— Я вплавь добралась до берега. Я видела, как ты ушел вслед за Запораво, и отправилась следом за вами. Я наткнулась на Запораво... Это ты его убил?

— А то кто же? — проворчал Конан.— И что было дальше?

— Я заметила среди деревьев какое-то шевеление.— Девушку вновь бросило в дрожь.— Подумала, это ты, звала тебя. А после... увидела эту черную тварь, она сидела на ветке, как обезьяна, и злобно таращилась на меня. Это было как в кошмарном сне! Со мною что-то случилось, я не могла бежать, даже шевельнуться не могла, только кричать... А потом демон спрыгнул и схватил меня.— Девушка еще раз всхлипнула и закрыла лицо ладонями, не в силах вынести даже воспоминаний о пережитом ужасе.

— Ладно, хватит тебе причитать, пора убираться отсюда,— проворчал Конан, взяв Санчу за руку.— Идем, идем, надо еще наших предупредить...

— Почти все матросы спали на берегу, когда я пошла в глубь острова,— вспомнила девушка.

— Что? Спали? — рассердился киммериец.— Проклятье! Разрази меня Кром, если это не пахнет бедой!

— Постой! Ты слышал? — Бледная как полотно девушка обмерла; она казалась воплощением страха.

— Еще бы не слышать,— буркнул Конан.— Это был громкий стон. Жди меня здесь!

Конан снова взобрался по выступам, глянул на луг и в замысловатом пиратском ругательстве излил такую ярость, что

Санча даже ахнула. Черные люди возвращались, причем с добычей. Каждый нес человека, а кое-кто даже двух. Конан оказался прав: дорого стоил безмятежный сон вольным морякам. Теперь они, точно тряпичные куклы, висели в руках великанов, и если бы не слабые движения их конечностей, если бы не судороги их тел, киммериец бы решил, что их уже убили. Пираты были без оружия, но не связаны. Черный великан нес охапку мечей в ножнах, точно вязанку хвороста. Время от времени кто-нибудь из пленников испускал слабый крик — так пьяница вскрикивает в дурном сне.

Конан огляделся по сторонам, как волк, попавший в западню. Из двора с колодцем вели три арки. Черные люди уходили отсюда через восточную арку; возможно, через нее они и вернутся. Сам он проник через арку. За западной аркой он прятался, но тогда ему было недосуг выяснять, что находится в том дворе. Он совершенно не представлял себе планировку замка, но требовалось срочно принимать решение.

Конан спрыгнул во двор и в лихорадочной спешке вернул статуэтки на их места, а убитого гиганта подтащил к колодцу и перевалил через нефритовый борт. Тело кануло без звука.

Провожая его взглядом, Конан похолодел — тело съеживалось, уплотнялось, уменьшалось на глазах. Дрожа, он поспешил отвернуться, схватил за руку девушку и увлек ее за собой к южной арке. Санча умоляла объяснить, что происходит.

— Черные твари переловили наших,— ответил он на бегу.— Хоть убей, я не знаю, что предпринять. Мы сейчас просто спрячемся, а там будет видно. Может, они не заглянут в колодец и не догадаются, что мы здесь.

— Но они увидят кровь на траве!

— Надеюсь, не придадут этому значения,— ответил Конан.— Как ни крути, выбирать нам с тобой не приходится. Сделаем, как я уже сказал.

Они очутились в том самом дворе, из которого он следил, как истязали юнгу. Конан быстро втащил девушку по лестнице на верх южной стены и заставил ее опуститься на корточ-

ки за ограждением балкона. Плохое это было укрытие, но все же лучше, чем никакого.

Едва они успели спрятаться, как во двор вошли чернокожие люди. У нижней ступеньки лестницы грянул металлический звон, Конан напрягся всем телом и схватился за рукоять меча. Но великаны прошли через юго-западную арку. Послышались глухие удары и стоны — ловцы побросали свою добычу на траву. Санча истерически захихикала, и Конан поспешил зажал ей ладонью рот, прежде чем эти звуки насторожили бы черных тварей.

Спустя некоторое время они услышали топот многих ног по травянистой земле. Когда наступила тишина, Конан привстал и глянул за парапет. Двор опустел, черные люди перебрались в соседний, к колодцу, и теперь сидели на корточках. Очевидно, пятна крови на траве и нефритовом бортике бассейна остались ими незамеченными. Вероятно, пролитая кровь здесь была совершенно в порядке вещей. Не заглядывали эти твари и в колодец. Они увлеклись беседой, в которой движения конечностей и мимика лиц с успехом заменяли речь. Музыкант снова заиграл на золотой флейте, а сородичи обратились в слух, застыв, будто статуи из черного дерева.

Конан взял Санчу за руку и бесшумно двинулся вниз по лестнице, пригибаясь, чтобы над стеной не было видно его голову. Девушка упиралась, в страхе глядя на арку, ведущую во двор с колодцем. Отсюда через арку не было видно ни колодца, ни зловещей компании рядом с ним. У подножия лестницы лежала груда трофейных мечей. Конан и Санча поняли, что это был за звон — великан бросил наземь охапку пиратского оружия.

Конан увлек девушку к юго-западной арке. Они бесшумно пересекли двор и через очередную арку попали в очередной двор. Там в беспорядке — кого где бросили — валялись моряки, в их ушах поблескивали серьги, из приоткрытых ртов текла слюна. То один, то другой ворочался и беспокойно стонал. Конан склонился над ними, а Санча рядом опустилась на ко-

лени, наклонилась вперед, опираясь на руки, и испуганно сказала:

— Какой странный запах... Сладкий, почти приторный. Это от них так пахнет?

— На берегу они наелись фруктов,— пояснил Конан. — Я помню, как они пахли. Наверное, их действие сродни черному лотосу — наводит на человека сон. Ха! Клянусь Кромом, они уже просыпаются! Проклятье, у них отобрали оружие. И эти черные демоны вряд ли будут мешкать — вот-вот они явятся сюда и потащат парней к своему адскому колодцу. Не проснувшись толком да без оружия много ли навоюешь?

Он с такой силой сдавил оливковое запястье, что Санча ойкнула от боли.

— Я знаю, как мы поступим! Я отвлеку этих черномазых негодяев, заведу их в другую часть замка и постараюсь там задержать. Ну а ты пока растолкай наших соньи принеси им оружие. Это наш единственный шанс выбраться отсюда живыми, поняла, кровка? Справишься?

— Я... даже не знаю! — Она снова дрожала как заяц; похоже, от страха девушка плохо соображала.

Киммериец выругался, схватил ее за длинные пряди волос и тряс, пока перед ее глазами не закачались стены.

— Должна справиться! — прорычал он.— Должна! Другой возможности спастись у нас не будет!

— Я попробую, — пролепетала она.

Конан наградил ее одобрительным ворчанием и ободряющим шлепком, который едва не свалил ее с ног. В следующий миг киммериец скользнул прочь и спрятался за аркой, ведущей во двор с колодцем. Оттуда он следил за чернокожими извергами. Они по-прежнему сидели возле нефритового бортика, но их жесты уже сквозили злобным нетерпением. Со двора, где лежали пленные пираты, доносились стоны, все громче и громче. А вот послышались и нечленораздельные проклятия. Дыша сквозь стиснутые зубы, Конан напряг мышцы, подобрался, как пантера перед прыжком...

Любитель помузицировать встал на ноги, отнял от губ флейту, а в следующую секунду Конан одним грандиозным прыжком оказался посреди опешивших от неожиданности черных тварей. Тигр на охоте прыгает, чтобы убивать; точно так же и Конан прыгнул, чтобы разить мечом. Трижды блеснул его клинок, прежде чем кто-либо из черных людей успел поднять руку в свою защиту. Затем Конан метнулся в сторону и стремительно пересек двор. На траве позади него трое лежали с разрубленными черепами.

Его яростный натиск застал великанов врасплох, но те, кого не коснулся меч, быстро оправились от замешательства. Когда Конан достиг западной арки, твари устремились в погоню. Длинные ноги несли их с невероятной быстротой, и хотя Конан думал, что способен оторваться, вовсе не такая стояла перед ним задача. Нет, он хотел отвлечь их от Санчи и зингарцев, чтобы девушка успела их разбудить и вооружить.

Варвар миновал западную арку... и в сердцах помянул Крома. Этот двор был не таким, как предыдущие,— не круглый, а восьмиугольный. И арка, через которую вбежал Конан, оказалась единственной.

Он повернулся и увидел, что все черные гиганты вбежали за ним во двор. Несколько тварей осталось у выхода, другие растянулись в цепь и пошли в атаку. Он медленно попятился к северной стене, пытаясь никого не упустить из виду. Вражеская цепь изогнулась в полукольцо, черные великаны явно затеяли окружить его. Конан по-прежнему отступал, но с каждым шагом все медленнее, следя за тем, как расширяются промежутки между атакующими. Они опасались, что он решит проскочить в обход фланга, и все больше растягивали цепь.

Конан ждал со спокойствием и настороженностью волка. Когда же он нанес удар, это напоминало вспышку молнии и всех застигло врасплох. Киммериец атаковал самую середку полукольца. Преграждавший ему дорогу великан, разрубленный от плеча до середины груди, растянулся на земле. Черные люди справа и слева не успели ничего предпринять — барахский пират перескочил через труп и оказался снаружи «клещей».

Стороживная выход группа была готова встретить дерзкого человека, но Конан обманул и ее, не став нападать. Он обернулся и взглянул на преследователей, не показывая никаких чувств и уж тем более не показывая страха.

Они сообразили: неплотная цепь ему не преграда, глупо распылять силы, имея дело с таким расчетливым и сильным противником. Эти существа обладали способностью учиться на своих ошибках, особенно если за ошибки приходилось платить такую высокую цену. Снова образовав прямой ряд, они плечом к плечу без спешки двинулись на Конана.

Варвар догадывался — любовное столкновение с этим скопищем вооруженных когтями мышц не сулит ему ничего хорошего. Как только он окажется среди черных тварей и они смогут дотянуться до него, его попросту задавят массой, и не спасет даже первобытная ярость.

Конан посмотрел вверх, на стену, и заметил над одним из восьми углов какой-то выступ. Для чего он служил архитекторам замка, можно было лишь догадываться, а вот для чего он послужит ему, Конан понял сразу и попятился в ту сторону. Великаны прибавили шагу, им, очевидно, казалось, что они теснят своего противника в угол. Вне всяких сомнений, они сочли Конана существом низшего порядка, обладателем разума, который в подметки не годится их собственному. Они будут не первыми, кто обожжется на недооценке врага.

Он уже находился в считаных шагах от стены. Черные люди почти бежали, спеша зажать его в углу, навязать близкий бой. Их сородичи покинули арку, чтобы поучаствовать в расправе. Великаны шли на полусогнутых ногах, в их глазах золотилось адское пламя, белые клыки ослепительно сверкали, когтистые руки грозно тянулись вперед. Они были готовы к внезапному и неистовому сопротивлению своей жертвы, но Конан и на этот раз сумел застать их врасплох.

Он поднял меч над головой и сделал шаг навстречу противникам, но в следующее мгновение повернулся и прыгнул к стене. Мышцы, как стальная пружина, подбросили его вверх. Пальцы вытянутой руки зацепились за выступ. Раздался хруст —

выступ не выдержал его веса. Конан свалился на заросшие травой плиты. Если бы не эта трава, смягчившая падение, у него бы сломался позвоночник, так как упал Конан на спину. Через долю секунды он снова оказался на ногах, как огромная кошка, и смотрел на своих недругов. Безмятежность исчезла с его лица, в глазах зловеще горело синее пламя, черная грива стояла дыбом, через стиснутые зубы прорывалось угрожающее рычание. Ситуация изменилась в корне, теперь придется защищать не чужие жизни, а свою, и дикарская натура Конана со всей первобытной свирепостью отреагировала на эту перемену.

Черные люди, растерянно замершие в момент его прыжка, опомнились и теперь готовились наброситься на него. Но тут тишину разорвал громкий крик. Обернувшись, великаны увидели под аркой пеструю толпу пиратов. Моряки шатались, точно пьяные, и сыпали нечленораздельными проклятиями. Они еще не успели толком прийти в себя и плохо соображали, но инстинкты воинов оказались на высоте — морские волки обнажили клинки и двинулись вперед, чтобы крушить всех, кто окажется у них на пути.

Черные люди ошеломленно уставились на них. Конан испустил дикий вопль и бросился на врагов, как разящая молния. Точно колосья спелой пшеницы, падали они под его клинком. Зингарцы с ревом устремились через двор и обрушились на великанов стаей кровожадных демонов. Пусть одурманенные матросы ничего не соображали, когда Санча отчаянно трясла их и совала в руки оружие, но страхолюдного облика незнакомых врагов и пролившейся крови было достаточно, чтобы в душах проснулась боевая ярость.

В мгновение ока двор превратился в поле жестокой битвы, а еще через миг она перешла в кровавую резню. Зингарцы плохо держались на ногах, но на их умении орудовать мечами это почти не сказывалось. Они с проклятиями наседали на черных тварей и не обращали никакого внимания на свои раны, если те не были смертельными. Вдобавок пиратов было намного больше, чем чернокожих. Но аборигены оказались серьез-

ными противниками: возвышаясь над атакующими, они орудовали зубами и когтями, разрывали людям глотки и сокрушали черепа. Перемешавшись в беспорядке с врагами, моряки не смогли как следует использовать свое преимущество — ловкость и быстроту. Вдобавок многие настолько отупели от наркотика, что даже не пытались уклоняться от губительных ударов. Они просто дрались, как дерутся дикие звери: не избегая смерти, заботясь лишь о том, чтобы ее не избежал враг. Их сабли, как мясницкие тесаки, рассекали черную кожу и красную плоть. Визг, вопли и проклятия смешались в отвратительный рев бойни.

Санча, прижавшаяся к стене возле арки, была оглушена шумом и яростью схватки. Перед ее очами бушевал кровавый хаос, в нем вспыхивала сталь, мелькали руки, возникали и исчезали перекошенные злобой лица. Сражающиеся сталкивались, переплетались, налетали друг на друга в этой безумной адской пляске.

Ее память запечатлела некоторые подробности, как рисунки черной тушью на кровавом фоне. Вот зингарский моряк, ничего не видя из-за ленты кожи, содранной со лба и закрывающей ему глаза, по самую рукоять всадил саблю в живот черного великана. Она хорошо слышала, как пират крякнул, нанося удар, и увидела, как темно-карие глаза жертвы закатились в агонии, а из распоротого живота вывалились кишки и брызнула кровь. Умирающий схватился за острие голыми руками. Ослепленный моряк ошатывался на месте — похоже, ничего не соображал. Внезапно кисть черной руки схватила его за шею, черное колено с чудовищной силой ударило в позвоночник. Голова зингарца откинулась назад под неестественным углом, раздался треск, громкий даже в шуме битвы — как будто сломали толстый сук. Победитель отшвырнул тело своей жертвы, но тут же позади него молнией блеснул стальной клинок. Черный человек покачнулся, голова скатилась ему на грудь, а оттуда — на землю.

Санче стало дурно, она прижала ладонь ко рту, сдерживая рвоту. Надо было уйти подальше от этого страшного места, но

не слушались ноги. И глаза она не могла закрыть. Да и не пыталась — наоборот, раскрыла еще шире. Она была потрясена до глубины души, ее мутило, и вместе с тем она испытывала какое-то странное возбуждение, как всегда при виде крови. Однако эта битва была намного страшнее всех тех набегов на порты и захватов кораблей, которые произошли на ее глазах. И тут она увидела Конана.

Группа врагов сумела оттеснить Конана от его товарищей, и он не устоял на ногах под натиском черной волны когтистых рук и могучих тел. Он бы уже давно отправился к праотцам, если бы, падая, не ухитрился увлечь одного из черных людей за собой, и теперь он служил пирату щитом. Великаны рвали сородича когтями, стремясь добраться до киммерийца, а Конан что было сил вцепился зубами в глотку издыхающего туземца и крепко прижимал к себе его тело.

Напавшие зингарцы оттянули на себя часть неприятельских сил. Конан выбрался из-под мертвеца и встал во весь рост — в крови с головы до ног, ужасный, как бог смерти. Великаны возвышались над ним, как огромные черные тени, размахивали ручищами, пытались схватить или нанести чудовищные удары. Но поймать или ударить Конана было не проще, чем обезумевшую от драки пантеру. Каждый взмах его стремительного меча проливал кровь черного человека. Ран, полученных киммерийцем в этой схватке, хватило бы, чтобы убить трех обычных людей, но у могучего варвара не убыло жизненной силы.

Над полем кровавой битвы разнесся боевой клич Конана, и одурманенные, но кипящие гневом зингарцы удвоили свои усилия. Крики боли и проклятия почти утонули в звуках клинков, рассекающих плоть и кости.

Наконец черные люди дрогнули и устремились к выходу. Очутившаяся на их пути Санча с визгом бросилась в сторону. Арка оказалась слишком узкой для толпы убегающих, сразу возник затор; ликующие зингарцы с радостными криками обрушивали сталь на спины ближайших врагов. Столпотворение под аркой превратилось в кровавое побоище. Уцелевшие великаны разбежались по замку, теперь каждый был сам за себя.

Их азартно преследовали. Великаны удирали по заросшим травой дворам, по сверкающим лестницам, по крутым крышам фантастических башен, даже по широким парапетам стен. Они истекали кровью, а пираты гнались за ними по пятам, как волки. Некоторые исполины, будучи загнаны в угол, сами набрасывались на моряков и даже убили несколько человек. Но все такие схватки заканчивались одинаково: изрубленное черное тело валилось на траву или, корчась, летело вниз со стены или с башни.

Дрожащая от ужаса Санча укрылась во дворе с колодцем. Вдруг снаружи раздался жуткий крик, послышался топот ног, и через арку вбежал окровавленный черный великан. Это был вожак, тот самый, у которого сверкал на голове драгоценный обруч. По пятам за ним бежал коренастый пират. У самого края колодца великан остановился и обернулся — видимо, понял, что уйти ему не дадут. Он поднял саблю, оброненную каким-то умирающим моряком, и встретил написк зингарца непривычным оружием. Сила черного гиганта вкупе с неосторожностью одурманенного пирата дала желанный результат — моряк рухнул с проломленным черепом. Но удар оказался таким мощным, что не выдержал и клинок в руке последнего живого великана.

Он бросил рукоять в толпящихся под аркой пиратов и повернулся к колодцу. Искаженное злобой демоническое лицо застыло, превратилось в чудовищную маску. В этот миг Конан прорвался сквозь толпу пиратов и, не медля ни секунды, устремился к чернокожему.

Гигант раскинул руки, из его горла исторгся нечеловеческий вопль — единственный звук, который люди услышали от черных тварей за все время битвы. Он протяжно кричал, изливая в небеса свою ненависть. Это не был голос живого существа — это был вой адской твари. Зингарцы оробели, кое-кто даже попятился. Один лишь Конан не остановился. Он молча занес над головой свой грозный меч, чтобы сразить черного демона, застывшего у бортика колодца.

Но в то самое мгновение, когда обагренный кровью клинок сверкнул в воздухе, исполин прыгнул. Казалось, он на какую-

то секунду завис над колодцем. А затем с потрясающим землю ревом вздыбились, устремились ему навстречу зеленые воды — как будто посреди странного замка проснулся вулкан и исторг вверх зеленую лаву.

В тот миг, когда вода скрыла черного исполина, Конан прервал свой стремительный прыжок — и как раз вовремя, иначе бы он угодил в колодец. Он отскочил назад и замахал могучими руками на своих людей, оттоняя их от опасного места. Нефритовый колодец превратился в настоящий гейзер, из него с оглушительным шумом извергался водяной столб, увенчанный пенной шапкой.

Конан гнал пиратов к арке, как стадо баранов, не жалея тумаков и ударов мечом плашмя. Казалось, от кошмарного рева воды они утратили остатки рассудка. Даже Санча стояла в оцепенении, распахнув от ужаса глаза, и неотрывно смотрела на зеленый столб. Киммериец окликнул ее громовым возгласом, который перекрыл грохот воды и вывел ее из ступора. Протягивая руки, девушка бросилась к нему. Конан подхватил ее под мышку и вынес со двора.

Уцелевшие матросы между тем столпились у последней арки, той, что вела на луг. Обессилевшие, израненные люди едва держались на ногах, их одежда превратилась в кровавые лохмотья. Они стояли и тупо разглядывали огромную колонну яростной воды, которая в один миг выросла, казалось, до самого небосвода. Белая пенная шапка над колонной была раза в три шире ее основания. Конан ждал, что столб вот-вот рассыплется на брызги, которые ринутся вниз водопадом, но он продолжал расти.

Конан окинул взором жалкие остатки команды «Головореза»: два десятка окровавленных людей, не больше. В такой ситуации не до щепетильности. Он схватил ближайшего пирата за шиворот и так встряхнул, что кровь из ран моряка забрызгала всех вокруг.

— Где остальные? — проревел Конан своей жертве в ухо.

— Все тут! — крикнул тот в ответ, перекрывая грохот гейзера.— Остальных прикончили эти черные твари...

— Ладно, я понял. А теперь давайте убираться отсюда! — взревел Конан и грубо пихнул зингарца к выходу.— Этот столб вот-вот рухнет!

— И утопит нас всех! — Перепуганный мореход заковылял к арке.

— Утопит? — осклабился Конан.— Как бы не так! Превратит всех нас в каменных болванов. А ну, бегом к берегу, псы, разрази вас Кром!

Он поспешил к выходу, оглядываясь то на грандиозную водяную башню, то на едва переставляющих ноги морских волков. Они, ошеломленные кровопролитной битвой, оглушенные чудовищным ревом воды, двигались, как в трансе. Конан подгонял их самым немудреным способом: с руганью хватал за шиворот и толкал к арке, прибавляя им скорости крепкими пинками. Санча боялась с ним расстаться, так и норовила обвить руками, пока не получила пинок по ягодице — такой крепкий, что она птицей вылетела на луг.

Лишь когда Конан убедился, что ни один из переживших битву пиратов не остался в стенах замка, он сам пересек заросший травой двор. Обернувшись, он бросил взгляд на ревущую колонну, которая возвышалась над замком. Башни в сравнении с ней казались крошечными. Конан последним выбежал наружу, покинув эту обитель неописуемых кошмаров.

Зингарцы уже оставили позади плоскую вершину холма и теперь спускались по склону. На макушке следующего холма его дожидалась Санча. Конан остановился на мгновение, чтобы бросить на замок последний взгляд: казалось, над башнями распустился циклопический цветок с зеленым стеблем и белыми лепестками. Воздух был наполнен умопомрачительным ревом.

Внезапно нефритово-зеленая, увенчанная белым колонна накренилась с таким грохотом, будто раскололся небесный свод, и на замок обрушились гремучие потоки, вмиг поглотив и стены, и башни.

Конан схватил Санчу за запястье и пришустил со всех ног. Бегущие оставляли позади холм за холмом, по пятам за ними

с грохотом и ревом неслась зеленая вода. Бросив взгляд за плечо, Конан увидел, как расстилается с вершины на вершину широкая зеленая лента. Поток продолжал расти, только теперь не в высоту, а в длину; не меняя направления, он исполинским змеем спускался в балки и взбирался на холмы. Казалось, он обладал разумом и задался целью во что бы то ни стало настигнуть свою упущенную добычу.

Как только киммериец понял это, он удвоил усилия, что было настоящим подвигом. Санча вскоре изнемогла, ее уже не держали ноги, и она со стоном упала на колени. Конан перебросил ее через свое крепкое плечо и побежал дальше. Его грудь бурно вздымалась, ноги подкашивались, воздух со свистом вырывался сквозь стиснутые зубы. Впереди, подгоняемые страхом за свою жизнь, из последних сил семенили пираты.

И вдруг перед его глазами открылось море. У Конана уже кружилась голова от изнеможения, он сам не понимал, как ему еще удается переставлять ноги. Он увидел «Головореза» — судно было целым и невредимым. Пираты с разбегу попрыгали в шлюпки. Санча упала на дно и так и осталась лежать, не имея сил подняться. У Конана стучала кровь в ушах, а перед глазами клубился алый туман, но он схватил весло и греб наравне с задыхающимися от бега товарищами.

Казалось, их сердца вот-вот вырвутся из грудных клеток, но моряки отчаянно гребли, и лодки быстро плыли к кораблю. Вот уже показалась зеленая река, под ее натиском деревья рушились, как подрубленные, тонули в нефритовой влаге, исчезали. Поток вырвался на песчаный пляж, достиг кромки прибоя, и зелень морской воды приобрела еще более густой и зловещий оттенок.

Пираты не рассуждали, они повиновались только инстинктивному страху, напрягая измученные мышцы, выжимая из них последние силы. Они ничего не знали о преследующем их колдовстве, но понимали, что соприкосновение с этой мерзкой зеленой струей ничего хорошего не даст ни телам, ни душам.

Один лишь Конан знал доподлинно, чем грозит зеленая река. Он видел, как она рассекает волны, как она преследует греб-

цов, не меняя своей формы и курса. Поэтому он выложил последние силы, какие только были у него в запасе. Он греб так отчаянно, что в его руках сломалось весло.

Но тут лодки ткнулись в борт «Головореза», матросы полезли вверх по снастям. О том, чтобы поднять плюшки на борт, не могло быть и речи. Лишившуюся чувств Санчу внес на борт корабля Конан на своем широком плече. Барахский пират бесцеремонно сбросил ее на палубу и взялся за руль, выкрикивая четкие приказы жалким остаткам экипажа. Никто ему не перечил — все инстинктивно почувствовали в нем вожака.

Шатаясь, как пьяные, пираты брались за снасти. Не отошедшие от дурмана мозги бездействовали, руки машинально выполняли команды нового капитана. Кое-как они выбрали якорную цепь, кое-как поставили паруса, и те сразу наполнились ветром. Судно встряхнулось, накренилось и величаво повернуло бушприт в открытое море. Конан глянул в сторону берега. Подобно языку зеленого огня, хищная лента лизала воду в длине весла от руля «Головореза», не отставала, но и настичь уже не могла. Конан перевел взгляд с зеленого потока на белый песок пляжа, затем на холмы, которые таяли в голубом мареве.

К киммерийцу вернулось самообладание. Он окинул взглядом окровавленных, тяжело дышащих товарищей и ухмыльнулся. Санча уже стояла рядом с ним, по ее щекам бежали слезы — девушка еще не скоро придет в себя. Конан где-то потерял пояс с ножнами, его шаровары превратились в окровавленные лохмотья. В крови был и меч, который он воткнул перед собой в палубу. Густые черные волосы киммерийца слиплись от крови, ухо разорвано. Руки, ноги, грудь и плечи в шрамах, как будто он вышел из схватки с дюжиной пантер. Но он ухмылялся, крепко стоя на могучих ногах, и поворачивал руль, радуясь возвращению сил в мышцы.

— И что же будет теперь? — робко спросила девушка.

— Будет жизнь пиратов, морских бродяг! — расхохотался Конан. — Пусть у меня сейчас не команда, а шайка жалких дураков в драных штанах, но они вполне способны управиться с

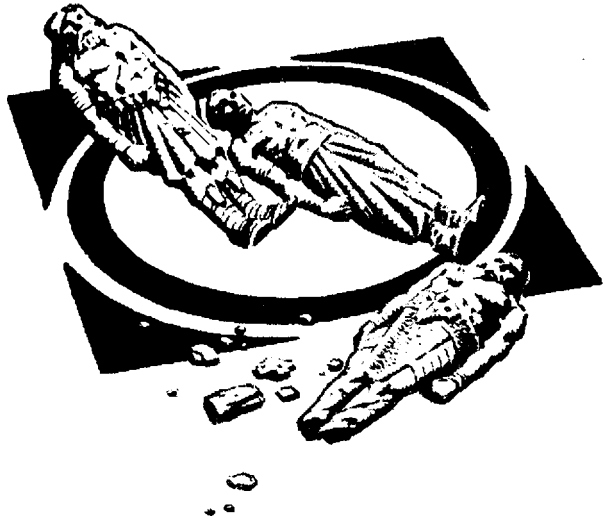
кораблем, а в любом порту мы найдем новых матросов. А ну-ка, малютка, иди ко мне! Кажется, сегодня я заслужил твой поцелуй.

— Поцелуй? — истерически взвизгнула Санча.— Ты сейчас способен думать о поцелуях?

Его смех был громче хлопанья парусов. Он сорвал девушку с палубы могучей рукой, привлек ее к себе и горячо поцеловал в ярко-красные губы.

— Я сейчас способен думать о жизни! — выкрикнул он.— Мертвых товарищей не воскресить, но зато у меня теперь есть корабль, и команда сорвиголов, и девушка с губами, как вино,— а больше ничего и не нужно. Эй вы, морские бродяги, залижите свои раны и несите сюда пиво — выпьем за наше возвращение из ада! Скоро вам придется поработать на этом судне, как никогда в жизни не работали, а пока веселитесь, пляшите и пойте. Довольно нам бороздить пустые моря! Пойдем туда, где в портах скопились несметные богатства, где торговые суда битком набиты ценными товарами.

И «Головорез», словно окрыленный его словами, еще быстрее побежал по волнам.



Сплошь негодяи в доме

Один сбежал, второй дрожал, третий на золотой кровати лежал.

Старинная считалка

1

Во время одного из дворцовых празднеств Набонидус, Багряный Жрец, вежливо коснулся руки молодого аристократа Мурило. Мурило повернулся и встретил загадочный взгляд, подивившись скрытому в нем намеку. Они не обменялись ни единым словом. Набонидус изящно поклонился и сунул ему в руку золотую шкатулку. Молодой человек знал — Набонидус не делает ничего, не имея на то причин; он извинился и под первым удобным предлогом поспешно вернулся к себе. Он раскрыл шкатулку и обнаружил там человеческое ухо; посмотрев на необычный шрам, пересекающий его, он понял, кому оно некогда принадлежало. Мурило бросило в жар, больше он не сомневался в значении того взгляда, с которым Набонидус передал ему шкатулку.

Однако, несмотря на свои напомаженные черные локоны и щегольскую наружность, Мурило не был безвольным трусом, который без борьбы кладет голову на плаху. Он не знал только, играет ли Набонидус с ним в кошки-мышки или же хо-

© Перевод Е. Хасцкой.

чет дать ему шанс добровольно уйти в изгнание. Судя по тому, что он все еще жив и находился на свободе, ему давалось по меньшей мере несколько часов сроку — вероятно, для медитации. Но ему не требовалось никакой медитации для принятия решения. Сейчас ему необходимо одно — орудие. И судьба создала для него такое орудие, которое в тот момент, когда молодой дворянин, сидя в своем доме, в квартале, застроенном мраморными дворцами с пурпурными башнями, дрожал и размышлял, предавалось своей деятельности в нищем районе между низкопробными кабаками и домами терпимости.

Жил-был жрец Ану, храм которого, стоящий на краю нищего квартала, повидал не только смиренное благоговение и молитвы прихожан. Жрец этот, человек крайне несимпатичный, жирный, откормленный, не только укрывал краденое, но и шпионил. Обе эти профессии приносили невероятный доход, потому как та часть города, что находилась возле его храма, так называемый Лабиринт, представляла собой смешение извилистых переулков и грязных пивных, где встречались наиболее отчаянные головорезы со всего королевства. Самыми дерзкими и отпетыми из них были некий гандерландец, бывший наемник, и один варвар, киммериец. Однако жрец Ану коварно позаботился о том, чтобы гандерландца схватили и публично повесили на рыночной площади. Киммерийцу посчастливилось бежать. По возвращении он узнал о предательстве жреца, явился ночью в храм Ану и сделал жреца короче ровно на одну голову. Это вызвало в городе серьезные волнения. Поиски убийцы протекали безрезультатно, пока одна женщина не выдала его властям и не привела капитана с его отрядом к той норе, где варвар отсыпался после попойки.

Когда они попытались схватить его, он проснулся. Все еще пьяный, но полный дикой ярости, он повалил капитана и прорвался сквозь ряды нападающих. Он бы ушел от них, если бы выпитые в ту ночь крепкие напитки не затуманили ему мозги. Запутавшись и плохо соображая, он в страшной спешке промахнулся и, вместо того чтоб выскочить в раскрытую дверь,

врезался в каменную стену так сильно, что потерял сознание. Когда оно к нему вернулось, он уже находился в самой надежной тюрьме города, прикованный к стене цепями, которых даже его варварские мускулы не в состоянии были порвать.

В эту камеру и пришел Мурило, замаскированный, закутанный в просторный черный плащ. Киммериец рассматривал его с большим интересом, поскольку принял за палача, которого прислали за ним, чтобы повесить. Мурило, однако, быстро разъяснил недоразумение и начал разглядывать его с не меньшим интересом. Даже в полумраке тюрьмы, прикованный к стене, этот человек поражал своей варварской мощью. Его крепкое тело соединяло в себе силу медведя с ловкостью и гибкостью пантеры. Под спутанной черной гривой сверкали синие глаза, полные необузданной дикости.

— Ты хочешь жить? — спросил Мурило.

Варвар заворчал, и интерес его к Мурило усилился.

— Если я помогу тебе бежать, не сделаешь ли ты мне одного одолжения? — спросил аристократ.

Киммериец молчал, но пронзительный взгляд говорил за него.

— Я хочу, чтоб ты убил для меня одного человека.

— Кого?

Мурило понизил голос до шепота:

— Набонидуса, королевского жреца!

Киммериец не выразил ни озабоченности, ни смущения. Он не знал трепета перед властями, с которым зачастую рождаются цивилизованные люди. Король или нищий — какая, в сущности, разница. Он не спросил даже, почему Мурило пришел именно к нему, когда и без того вне тюрьмы шляется достаточно головорезов, которые с радостью предложили бы свои услуги.

— Когда я должен бежать? — спросил он.

— Через час. Ночью в этой части подземелья останется только один часовой. Я его уже подкупил. Вот ключи от твоих цепей. Я открою замки, а после того, как я буду уже дома, часовой — его имя Атикус — отворит дверь твоей камеры. Ты свя-

жешь его полосами твоей разорванной куртки, чтобы стража, когда найдет его, поверила, будто ты сбежал, пользуясь помощью извне, и не стала его подозревать. Затем ты направишься прямо к дому Багряного Жреца и убьешь его. Оттуда иди к Крысиной Норе, где тебя будет ждать человек с лошадью и мешком золота. С этим тебе будет легко покинуть город и бежать из страны.

— Тогда снимай цепи,— потребовал киммериец.— И позаботься о том, чтобы охранник принес мне поесть. Клянусь Кромом, я не получил за целый день ничего, кроме кусочка скверного хлеба и воды. Я близок к истощению.

— Хорошо, сделаю. Но запомни: ты не должен бежать, пока я не доберусь до дома.

Освобожденный от цепей варвар поднялся и вытянул свои мускулистые руки, которые казались очень могучими в полумраке подземелья. Мурило был убежден: если есть на земле человек, способный сделать то, что ему требуется, то это киммериец. Он повторил еще раз свои указания и покинул тюрьму, не забыв попутно поручить Атикусу принести заключенному кусок холодного мяса и кувшин вина. Он мог доверять стражнику, и не только из-за денег, которыми он оплатил его услуги, но из-за более существенных вещей, которые о нем знал Мурило.

Когда Мурило вернулся в свои покои, он полностью взял себя в руки. Набонидус будет действовать через короля, он полностью в этом уверен. А поскольку королевские воины еще не постучали в его двери, значит, жрец не успел поговорить с монархом. Без сомнения, разговор с королем состоится утром — если, конечно, Набонидус доживет до утра.

Мурило не сомневался в том, что киммериец постарается выполнить его поручение. Удастся ли ему это — вот в чем вопрос. Уже не в первый раз предпринимается попытка убить Багряного Жреца — и до сих пор все покушавшиеся погибали страшной, не поддающейся описанию смертью. Но все они были людьми, выросшими в городах и не обладавшими вол-

чьими инстинктами варвара. Когда Мурило раскрыл золотую шкатулку с отрезанным ухом, он вспомнил, как несколько часов назад из своих тайных источников узнал об аресте киммерийца, и сразу же увидел в нем решение своей проблемы.

Он осушил бокал за здоровье человека по имени Конан и за его удачу, которая должна сопутствовать ему этой ночью. Но в тот момент, когда он вторично наполнял свой кубок, один из его шпионов принес ему известие о том, что Атикус арестован и сам брошен в темницу. Киммериец не сбежал.

Мурило почувствовал, как кровь стынет в жилах. В превратностях судьбы он видел могущественную руку Набонидуса, и в нем росло убеждение — Багряный Жрец не просто человек, он чародей, который читает мысли своих жертв и тянет их за ниточки, а те начинают плясать, словно марионетки. Он ощутил отчаяние и безнадежность. Приняв решение, он перепоясался мечом и спрятал его под просторным плащом, затем покинул свой дом через потайной ход и торопливо зашагал по пустым улицам. Наступила полночь, когда он добрался до дома Набонидуса, мрачной громадой высящегося в глубине сада за стеной, которая отгораживала его от соседних участков.

Стена была довольно высокой, но преодолимой. Набонидус поручил охрану своей персоны не каменным преградам. Страшиться следовало не стен, а находящегося за ними. Чего или кого именно, Мурило точно не знал. Он слышал, что по саду прогуливается огромный, очень опасный пес, который разорвал уже не одного взломщика, словно жалкого кролика. О том, кто здесь еще может стоять на страже, Мурило даже подумать боялся. Те, кому удалось ненадолго посетить дом под предлогом деловых вопросов, рассказывали, что, несмотря на богатую обстановку дома, Набонидус живет очень просто и обходится минимальным количеством слуг. В самом деле, если только Мурило ничего не путает, они все упоминали только об одном замкнутом человеке по имени Джока. Второй, предположительно раб, был слышен где-то в доме, но его никто не видел в лицо. А самой большой загадкой этого пол-

ного тайн дома был сам Набонидус, которого ловкие интриги и хитросплетения политики сделали самым могущественным человеком в королевстве, и народ, канцлер, даже сам монарх плясали под его дудку.

Мурило вскарабкался по стене и прыгнул в сад, покрытый тенью деревьев и кустарников, которые тихо качались на ветру. Ни одного огня не светилось в окнах дома, встающего над садом черной скалой. Молодой аристократ поспешно, стараясь не шуметь, пошел мимо кустов. Каждый миг он ожидал услышать лай огромной собаки и увидеть, как она бросается на него из темноты. Он сомневался, что меч может помочь ему в битве с таким врагом, однако это не заставило его повернуть назад. Он понимал — погибнуть под клыками этой твари ничуть не хуже, чем под секирой палача.

Неожиданно Мурило споткнулся обо что-то массивное, мягкое. Когда он наклонился пониже, в свете звезд он увидел лежащее у своих ног неподвижное тело. Это был труп собаки, которая охраняла сад. Шею пса словно выкрутили, раны указывали на то, что их оставили пальцы, в которых заключена страшная физическая сила. Мурило был убежден: такое повреждение человек причинить не в состоянии. Вероятно, на пса напал зверь или монстр еще более дикий. Мурило бросил нервный взгляд на темные кусты, где могло скрываться неизвестно что, а потом, пожав плечами, направился к дому.

Уже первая дверь, которой Мурило коснулся, оказалась открыта. Он осторожно вошел, держа в руке меч, и увидел, что находится в длинном коридоре. Помещение освещалось слабым светом, который пробивался сквозь занавеси в другом конце коридора. Тени играли на полу и на стенах. Во всем доме царила абсолютная тишина. Мурило проскользнул по коридору и остановился, желая тихонько прокрасться к занавеси на двери. Он увидел впереди освещенный покой: тяжелые бархатные шторы на окнах спускались до пола, ни малейшего луча света не вырывалось на улицу. Покой казался пустым, но Мурило хватило одного взгляда и его передернуло от ужаса. Среди разбитой мебели и разорванных занавесей — свидетелей

ужасной битвы — лежал труп человека. Он лежал на животе, однако голова его была неестественно вывернута, подбородок упирался в плечо. Лицо, искаженное жуткой ухмылкой, казалось, издевательски смотрит на оцепеневшего молодого аристократа.

В первый раз за эту ночь решимость покинула Мурило. Он бросил неуверенный взгляд на коридор, по которому пришел сюда, однако затем подумал о плахе — и отказался от бегства. Обогнул усмехающийся кошмар, лежавший на полу. Несмотря на то что никогда не видел этого человека прежде, он узнал его по описанию других. Это был молчаливый слуга Джока.

И снова он остановился перед занавешенным дверным проемом и испытующе заглянул за занавес. Большой круглый зал открылся ему, опоясанный галереей примерно на середине между отполированным до зеркального блеска полом и высоким потолком. Этот зал удивил бы и королей, привыкших к роскоши. В середине стоял покрытый искусной резьбой махагоновый стол, заставленный сосудами с вином и деликатесами всех видов. Мурило замер. В широком кресле, повернутом к нему спинкой, восседала фигура, одеяние которой слишком хорошо было ему знакомо. Голова, скрытая так часто виденным багряным капюшоном плаща, была опущена в медитации. В королевском дворце Мурило сотни раз видел, как Набонидус сидит в такой позе.

Молодой человек проклял громкий стук своего сердца и с протянутым мечом скользнул в зал. Вся его фигура говорила о твердом намерении убить. Его жертва не двигалась, она еще, казалось, не слышала его приближения. Дремал ли Багряный Жрец или заснул вечным сном? Только один шаг отделял Мурило от врага, когда человек в кресле неожиданно встал перед ним.

Кровь отхлынула от лица Мурило. Меч выскользнул из его внезапно ослабевших пальцев и со звоном упал на полированный пол. Страшный крик вырвался из его груди. Глухой стук падающего тела последовал за криком. И снова тишина воцарилась в доме Багряного Жреца.

2

Вскоре после того, как Мурило покинул тюрьму, в которую заключили Конана, Атикус принес узнику блюдо с едой, в том числе гигантскую бычью ляжку, и кувшин пива. Конан припал к ним с жадностью изголодавшегося, а Атикус отправился в последний обход по подземелью, желая убедиться, что все в порядке и никто не сможет увидеть заключенного во время побега. Пока он был занят этим делом, в тюрьме появился отряд стражников, который арестовал его. Мурило заблуждался, когда полагал, что этот арест стал следствием раскрытия плана побега. Он вообще не имел с побегом Конана никакой связи. Атикус оказался несколько небрежен в своих связях с «дном» общества, и его невнимательность принесла столь плачевные плоды.

Его место занял другой стражник, немного туповатый, но надежный человек, который никогда бы ни на шаг не отклонился со стези добродетели и выполнения своего долга. Он не обладал хорошо развитым воображением, зато был глубоко убежден в важности своей работы.

Когда Атикуса увели, новый стражник из чисто рутинных соображений сделал еще один обход подземелья. Когда он проходил мимо камеры Конана, его чувство справедливости было возмущено тем обстоятельством, что заключенный сидит

в тюрьме, освобожденный от цепей, и с огромным удовольствием вгрызается в большую, хорошо прожаренную бычью ляжку. Стражник настолько разгневался, что сделал серьезную ошибку, войдя в камеру, не потрудившись сначала позвать с собой воинов из других частей тюрьмы или по меньшей мере не поставив их в известность. Это была его первая ошибка в несении служебного долга и вместе с тем последняя. Конан ударил его обглоданным мослом по голове, забрал у него нож и ключи и без излишней спешки пустился в путь. Как упоминал Мурило, здесь по ночам на часах стоял только один стражник. Киммериец покинул здание тюрьмы с помощью ключа, похищенного им, и оказался на улице. Все происходило так, как намеревался устроить Мурило, так, словно его план претворялся в жизнь без всяких помех.

Свои последующие шаги Конан обдумывал в тени тюремных стен. Ему пришло в голову, что он ничем не обязан Мурило, поскольку освободился самостоятельно. С другой стороны, именно юный аристократ самолично снял с него цепи и позаботился о хорошей кормежке. Без его участия побег бы не состоялся. Так что в конце концов киммериец пришел к выводу, что все же обязан Мурило, а поскольку Конан был человеком, не привыкшим оставаться в долгу, то решил сдержать данное молодому аристократу обещание. Но сначала ему нужно было позаботиться об одном личном деле.

Он сбросил драную куртку и в одной лишь набедренной повязке скользнул в ночь. Нож, который он забрал у стражника, был смертоносным оружием с широким обоюдоострым клинком примерно в девятнадцать дюймов длиной. По переулкам и темным площадям крался Конан, пока не добрался до Лабиринта. По его кривым переулочкам он шел с уверенностью старожила. Это был настоящий клубок темных улиц, грязных задних дворов, жутких лазеек и нор, полных таинственных звуков и разнообразных запахов. Улицы здесь не мостили, отбросы, нечистоты, жидкая грязь смешивались самым тошнотворным образом. Канав тоже не было, отходы и грязь просто выбрасывали из окон и дверей или сваливали в смердящие кучи. Если

при ходьбе не соблюдать осторожность, то очень легко может получиться так, что вы поскользнетесь и по колено увязнете в вонючей куче или утонете в луже жидкого дерьма, которая по своим размерам не уступает небольшому пруду. И обычным делом было споткнуться о труп с перерезанной глоткой или разбитым вдребезги черепом. Добропорядочные граждане имели достаточные основания обходить Лабиринт стороной.

Никем не замеченный, Конан добрался до цели своего путешествия как раз в тот момент, когда личность, ради которой он и явился, выходила на улицу. Киммериец быстро спрятался в близлежащем дворе и увидел, как девица — та, что выдала его страже,— выпроваживает нового возлюбленного из своей комнатки на первом этаже. Дверь закрылась. Молодой негодяй ощупью нашел скрипящую лестницу. Он был полностью погружен в свои мысли, которые, как и у большинства обитателей Лабиринта, были заняты вопросами незаконного присвоения чужого добра. Посреди лестницы он резко остановился, и волосы шевельнулись у него на голове. Кто-то огромный, со сверкающими глазами, скорчился в темноте на лестнице немного ниже его. Глухое рычание было последним, что он услышал в своей жизни, когда это чудовище бросилось на него, и почти мгновенно острый клинок оборвал его жизнь. Человек испустил сдавленный крик и бессильно скатился вниз по ступенькам.

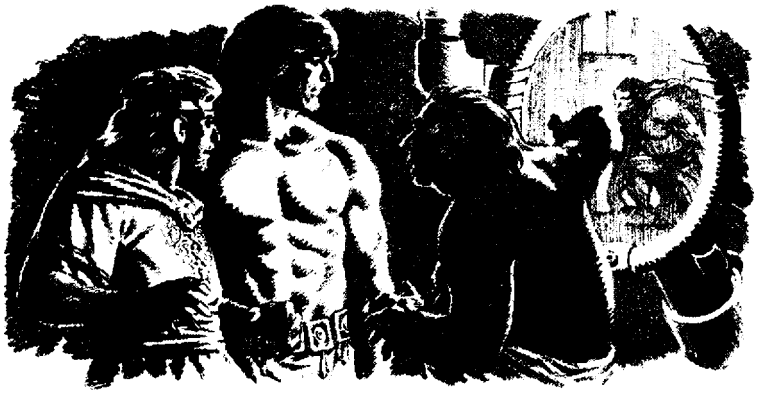
Варвар поднялся над ним, как призрак. Его глаза горели во мраке. Он знал, что крик и звук падения тела были услышаны, но жители Лабиринта из соображений собственной безопасности давно уже взяли себе в привычку не проявлять внимания к подобным происшествиям. Позднее кто-нибудь из них наверняка высунет нос и посмотрит, что случилось, но совершенно ясно, что это произойдет не сейчас.

Конан поднялся по лестнице и остановился перед дверью, которую так хорошо знал. Девица была заперта изнутри, но он просунул клинок между дверью и косяком и сорвал щеколду. Он вошел, прикрыл за собой дверь и встал перед девицей, которая предала его.

Она сидела на разоренной постели, скрестив ноги. На ней была тонкая ночная сорочка. Девица смертельно побледнела и уставилась на него, как на привидение. Она слышала крик на лестнице и заметила окровавленный нож в руке варвара. Но она была слишком перепугана мыслью о собственной участи, чтобы найти время оплакивать кровавый жребий своего возлюбленного. Она стала умолять оставить ей жизнь, почти ничего не соображая от страха. Конан молчал. Он стоял перед ней с горящими глазами и водил большим пальцем по острию своего кинжала.

Наконец, когда она прижалась к стене и в отчаянии хрипло попросила пощады, он схватил ее грязной рукой за белокурые локоны и сорвал с кровати. Он сунул кинжал обратно в ножны, зажал свою бьющуюся пленницу под мышкой и выскочил в окно. Как в большинстве домов такого рода, на высоте окна каждый этаж был опоясан карнизом. Если бы кто-нибудь оказался сейчас поблизости, его удивленному взору предстал бы человек, который осторожно пробирается по узкому карнизу первого этажа по наружной стене с отчаянно отбивающейся полуголой девкой под мышкой. Но даже этот возможный наблюдатель был бы ошеломлен не больше, чем сама девица.

Когда они добрались до места, Конан остановился и свободной рукой взялся за стену. В доме неожиданно поднялся крик. Следовательно, труп обнаружен. Пленница Конана ныла, скулила, вертелась и надоела ему еще больше. Киммериец посмотрел вниз, на грязь и нечистоты, прислушался к шуму в доме и к жалобам и мольбам девицы, а затем с большой меткостью уронил ее прямо в выгребную яму. С довольной ухмылкой Конан наблюдал за ее отчаянными попытками выбраться наружу и наслаждался ее ядовитой бранью и угрозами. Он расхохотался и смеялся до тех пор, пока возросший шум в доме не напомнил ему о том, что пора уже идти убивать Набонидуса.



3

Мурило очнулся от громкого звона металла. Он застонал и, совершенно растерянный, сел. Вокруг царила совершеннейшая тишина и мрак. В какой-то миг он испугался, ему показалось, он ослеп. Но потом он вспомнил о произошедшем, и мороз прошел у него по коже. Он осторожно ощупал близлежащее пространство и установил, что лежит он на полу, сложенном ровно подогнанными каменными плитами; дальнейшие исследования показали, что стены построены таким же образом. Мурило поднялся и прислонился к стене, в отчаянии пытаясь сообразить, где же он может находиться. В том, что данное помещение сродни тюрьме, не могло быть сомнений, но как долго и где именно он находится — этого он не мог даже предположить. Он смутно припоминал лязг металла и спрашивал себя, была ли это в самом деле железная дверь тюрьмы, которая захлопнулась за его спиной, или же это означало, что палач уже пришел.

При этой мысли он содрогнулся всем телом и быстро двинулся на ощупь вдоль стены, каждый миг ожидая, что сейчас стена закончится, но через некоторое время пришел к выводу, что идет по коридору. Он плотно прижимался к стене, опасаясь люков в полу или других опасностей. И вдруг почувствовал: совсем близко в кромешной темноте кто-то стоит. Мурило абсолютно ничего не видел и не слышал ни одного пре-

дательского шороха из мрака, но какое-то шестое чувство предостерегало его. Мурило резко остановился. Волосы на затылке встали дыбом. Он был уверен: нечто живое затаилось рядом с ним в темноте,— настолько же уверен, как в том, что дышит.

Он думал, сердце выпрыгнет из груди, когда кто-то прошептал с варварским акцентом:

— Мурило, это ты?

— Конан!

Слабея от облегчения, молодой аристократ пошарил в темноте, пока его руки не нащупали обнаженные плечи.

— Хорошо, что я узнал тебя,— проворчал киммериец.— Я уже собирался заколоть тебя, как свинью.

— Где мы, ответь ради Митры!

— В подвалах под домом Багряного Жреца, но почему...

— Сколько времени?

— Недавно была полночь.

Мурило потряс головой и постарался взять себя в руки.

— Что ты здесь делаешь? — спросил варвар.

— Я пришел убить Набонидуса. Я узнал, что стражника в тюрьме сменили...

— И в самом деле,— буркнул Конан.— Новому я проломил череп и отправился гулять. Я пришел бы сюда пораньше, но мне нужно было уладить сперва одно личное дело. Ну что, приступим к нашему визиту?

Мурило заколебался:

— Конан, мы в замке Властелина Преисподней! Я пришел посчитаться с врагом-человеком и нашел здесь волосатого демона из ада.

Конан сглотнул. Он был пуглив не больше, чем раненый тигр, когда видел перед собой противника из простых смертных, но, как и все дикари, становился жертвой необъяснимого страха, когда сталкивался со сверхъестественным.

— Я пробрался в дом,— шептал Мурило, словно темнота могла его услышать.— В саду я споткнулся о зверски убитую собаку Набонидуса. В доме наткнулся на Джоку, слугу жреца. Кто-то сломал ему шею. А потом я увидел и самого Набониду-

са. Он сидел в кресле, одетый в свой обычный плащ. Сначала я даже подумал, что он мертв. Я подкрался к нему, собираясь ударить его мечом. Тогда он встал и повернулся ко мне. Боги мои! — Воспоминания об этом страшном мгновении лишили молодого аристократа дара речи.— Конан,— зашептал он снова,— передо мной стоял не человек! Фигурой, осанкой он походил на человека, но из-под багряного капюшона жреца мне ухмылялось и скалило зубы лицо, которое может возникнуть только в кошмарном сне. Оно было полностью покрыто волосами, из которых выглядывали светящиеся красные свинячьи глазки. Нос у него плоский, с огромными раздувающимися ноздрями. Он втягивал губы и обнажал желтые клыки. Руки, высовывающиеся из красных рукавов, были уродливы и тоже заросли шерстью. Все это я увидел в одно мгновение. Ужас охватил меня, и я потерял сознание.

— А потом? - беспокойно спросил киммериец.

— Я пришел в себя только несколько минут назад. Чудище, должно быть, бросило меня сюда. Конан, я давно уже подозревал, что Набонидус не совсем человек. Днем он принимает человеческий облик, а по ночам живет в своей истинной сущности.

— Похоже на то,— пробормотал киммериец.— Все знают, есть люди, которые по своему желанию могут превращаться в волков. Но зачем он убил свою собаку и своего слугу?

— Кто знает, что происходит в голове у демона? — ответил Мурило.— Мы должны сейчас думать, как выбраться отсюда. Земное оружие не в состоянии уничтожить оборотня. Как ты вообще сюда попал?

— По каналу. Мне пришлось считаться с тем, что сад охраняется. Сточные каналы города имеют выход в одной шахте, которая как раз ведет сюда. Я надеялся, что дверь будет не заперта.

— Тогда давай уйдем той дорогой, по которой ты пришел! — возбужденно воскликнул Мурило.— К демону остальное! Как только эта змеиная нора останется позади, нам предстоит совсем небольшой риск, связанный с королевскими ищейками. Попробуем выбраться из этого города. Пойдем!

— Безнадежно,— сказал Конан.— Дорога к каналу перекрыта. Когда я залез в туннель, с потолка упала решетка. Если бы я не оказался быстрее молнии, ее острия пригвоздили бы меня к полу, как червяка. Она не подалась ни на волос, когда я попытался ее поднять. Ее даже слон не сдвинет. Разве что заяц протиснется между прутьями.

Мурило выругался. Ему показалось, что железная рука сжала его сердце. Хотел бы он знать, есть ли в доме Набонидуса неохраняемый выход. Если бы Конан не оказался таким ловким, подъемная решетка раздавила бы его. Без сомнения, его появление в туннеле привело в действие какой-то скрытый механизм, который должен был его остановить.

— Мы можем сделать только одно,— сказал Мурило, чувствуя, как холодный пот бежит у него по спине.— То есть искать другой выход. Хотя я убежден, все они защищены решетками, но ведь у нас все равно нет выбора.

Варвар проворчал что-то в знак согласия, и оба на ощупь двинулись по коридору. Неожиданно Мурило, несмотря на напряженную ситуацию, подумал о совершенно посторонней вещи.

— А как ты все-таки узнал меня в кромешной тьме? — спросил он.

— По запаху помады, которой ты мажешь волосы. Я запомнил его, еще когда ты приходил ко мне в тюрьму,— ответил Конан.— И неожиданно снова запахло ею, когда я сидел тут в темноте. Запах меня и остановил, ведь я собирался напасть на тебя.

Мурило потянул свой черный локон к носу. Он не уловил почти никакого запаха. У варвара, должно быть, чертовски острое обоняние.

Они пошли дальше, и Мурило инстинктивно протянул руку к мечу, но ему пришлось с сожалением убедиться в том, что ножны пусты. В этот момент они различили слабое свечение и почти сразу же оказались возле крутого поворота, из-за которого и исходил приглушенный свет. Они вместе подкрались к углу. Мурило, который прижался к своему спутнику, почувствовал, как тот замер. Но и сам он уже увидел полуобнажен-

ного человека, который лежал в коридоре на полу. Он был освещен лучом, падавшим из большого серебряного диска на противоположной стене. Распростертая фигура показалась Мурило на удивление знакомой, хотя лица он видеть не мог. Неужели это возможно... Он сделал киммерийцу знак следовать за ним и проскользнул к лежащему. Прежде чем он перевернул его на спину, ему пришлось подавить приступ тошноты. Не веря своим глазам, смотрел он на него, и с губ его срывались проклятия. Киммериец поглядел на него вопрошающе.

— Это Набонидус! Багряный Жрец! — крикнул Мурило. Его захлестывали мысли. — Но почему же... кто был там?..

Жрец застонал и пошевелился. С кошачьей ловкостью Конан нагнулся и занес свой нож. Мурило схватил его за руку.

— Подожди! Не убивай его пока...

— Почему? — спросил варвар. — Он сбросил свою личину и спит. Хочешь его разбудить, чтоб он разорвал нас в клочья?

— Нет, подожди! — настаивал Мурило и сделал над собой усилие, пытаясь привести свои мысли в порядок. — Посмотри же! Он не спит! Разве не видишь кровоподтек на его виске? Без сомнений, его оглушили. Он лежит здесь, наверное, несколько часов.

— А мне показалось, будто ты клялся, что видел его наверху в зверином облике, — фыркнул Конан.

— Да, я говорил! Или... а, он пришел в себя. Убери же нож, Конан! Я хочу докопаться до корней этой тайны, которая, кажется, еще черней, чем я думал. Я хочу поговорить со жрецом, прежде чем ты его убьешь.

Набонидус медленно поднес руку к своему посиневшему от удара виску, застонал и открыл глаза. Какой-то миг они казались пустыми и бессмысленными, потом в них стало возвращаться сознание.

Он сел и посмотрел на обоих мужчин. Каким бы страшным ни был удар, лишивший его на время рассудка, сейчас его разум заработал со своей привычной остротой. Глаза жреца быстро обежали всю сцену и остановились на лице Мурило.

— Ты решил почтить мой скромный дом своим посещением, мой молодой господин? — насмешливо произнес он и

покосился на могучую фигуру, громоздившуюся за плечами Мурило.— И привел с собой насмерть убийцу, как я погляжу. Тебе не хватило длины твоего кинжала, чтобы оборвать мою ничтожную жизнь?

— Хватит болтовни! — нетерпеливо сказал Мурило.— Как долго ты лежишь здесь?

— Довольно странный вопрос к тому, кто только что пришел в себя,— ответил жрец.— Откуда я знаю, сколько сейчас времени? Я потерял сознание примерно за час до полуночи.

— Но кто же тогда там, наверху, он был одет в твой плащ?

— Это, конечно, Тхак,— пробормотал Набонидус и поморщился, прикоснувшись к своему синяку.— Да, это мог быть только Тхак. И в моем плаще? Вот пес!

Конан, который ничего не понимал, нетерпеливо зашаркал ногами и заворчал что-то на своем языке. Набонидус посмотрел на него с легкой усмешкой.

— Твоему человеку не терпится воткнуть мне нож в сердце,— сказал он.— Я считал тебя умнее и думал, ты оценишь мое предостережение и покинешь город.

— Откуда я мог знать, что ты захочешь предоставить мне такую возможность? — возразил Мурило.— И кроме того, все, к чему я привязан в жизни, находится здесь, в этом городе.

— Этот подонок — весьма подходящая компания для тебя,— буркнул Набонидус.— Я уже давно держал тебя под подозрением. Поэтому я и велел похитить того дохляка-писца. Но прежде чем умереть, он рассказал мне кое-что, и среди прочего он назвал имя одного молодого аристократа, который заплатил ему за возможность ознакомиться с некоторыми государственными тайнами, которые после милый юноша продал вражеской державе. И тебе не стыдно, совсем не стыдно, Мурило,— вор, который не хочет марать своих рук?

— У меня не больше оснований для стыда, чем у тебя, ты, ненасытный грабитель! — не остался в долгу Мурило.— Ты обираешь целое королевство, чтоб потешить свою жадность. Ты надел маску самоотверженного государственного мужа и вынуждаешь короля пожаловать тебя — разумеется, для блага страны — неограниченной властью, сложить руки и жертво-

вать ради твоей беспредельной жажды личной власти будущим целого государства. Ты же просто жирная свинья, запустившая свое рыло в корыто со жратвой. Ты куда больший вор, чем я. А этот киммериец из нас троих самый честный, потому что крадет и убивает, не делая из этого тайны.

— Ну, стало быть, мы трое прекрасно подходим друг другу,— заявил Набонидус с дружеской простотой.— И что теперь?

— Когда я увидел ухо исчезнувшего писца, я понял, что моя участь решена, — резко сказал Мурило.— Я решил, что ты настроишь против меня короля. Я был прав?

— Совершенно,— ответил жрец.— Убрать с дороги маленького придворного писца очень просто, но попробуй я повторить этот номер с тобой — и поднимется очень много пыли. Я намеревался утром рассказать королю небольшую пикантную историю, связанную с тобой.

— Небольшую историю, которая стоила бы мне головы,— пробормотал Мурило.— Значит, король еще не в курсе моих дел с другими странами?

— Еще нет,— вздохнул Набонидус.— А теперь, когда я смотрю на твоего спутника с его столь нетерпеливым кинжалом, я вообще начинаю опасаться, что никогда не смогу порадовать короля столь славной историйкой.

— Ты должен знать, как выбраться из этой крысиной дыры,— сказал Мурило.— Разумеется, я готов заявить, что жизнь твоя будет сохранена, если поможешь нам унести отсюда ноги и поклянешься хранить молчание относительно моих мелких махинаций.

— Когда жрецы держали слово? — вмешался Конан, который только теперь понял, о чем идет речь.— Давай я все-таки перережу ему глотку. Я хотел бы поглядеть, какого цвета у него кровь. В Лабиринте болтают, будто сердце у него черное, значит, и кровь должна быть такая же...

— Замолчи! — прошипел Мурило.— Если он не покажет нам дороги отсюда, мы сгнием здесь. Ну, Набонидус, что ты думаешь?

— Что думает волк, угодивший ногой в капкан? — Жрец рассмеялся.— Я полностью в твоей власти, а если мы хотим

отсюда выбраться, один должен помогать другому. Я клянусь: если мы переживем это приключение, я забуду о твоих темных делах. Я клянусь душой Митры!

— Мне довольно твоих слов,— сказал Мурило.— Даже Багряный Жрец не посмеет нарушить такую клятву. Давайте уходить отсюда. Мой добрый друг попал сюда по туннелю, но подъемная решетка упала за его спиной и перегородила дорогу. Ты знаешь, как поднять ее?

— Не из этого подземного хода,— ответил жрец.— Рычаг, который приводит в действие механизм, находится в помещении над туннелем. Есть еще одна дорога отсюда, которую я тебе покажу. Только скажи мне, как вы сюда попали?

Мурило рассказал ему все в кратких словах. Набонидус кивнул и решительно поднялся. Он захромал по коридору, который расширился, превратившись в просторное помещение, и подошел к серебряному диску. Когда он приблизился к диску, свет стал ярче, хотя огонек горел по-прежнему слабый, затененный. Возле диска они увидели узкую лестницу, которая вела наверх.

— Вот другой выход,— сказал Набонидус.— И я не думаю, что дверь наверху заперта. Но полагаю, того, кто захочет войти через нее, ждет смерть куда более верная, чем если бы он сам перерезал себе горло. Посмотрите в этот диск!

Круглая серебряная пластина, оказалась на самом деле встроенным в стену зеркалом. Сложная система медных труб имела выход в стене и наклонялась под нужным углом. Когда Мурило заглянул в эти трубы, он увидел бессчетное количество маленьких зеркал. Он сосредоточил свое внимание на самом большом зеркале и удивленно вскрикнул. Конан заглянул ему через плечо и проворчал что-то неразборчивое.

Создавалось впечатление, будто они смотрели через окно в ярко освещенную комнату. На стенах висели широкие зеркала, а между ними — бархатные шторы. Под зеркалами стояли шелковые диваны и стулья, сделанные из эбенового дерева и слоновой кости. В комнате находилось несколько дверей, также скрытых шторами, а перед одной из дверей, той, что не была занавешена, сидело нечто черное, массивное, уродливо

контрастирующее с роскошью помещения. Мурило показалось, что кровь застыла в его жилах, когда он увидел страшилище, неподвижно глядящее, как ему чудилось, прямо ему в глаза. Он непроизвольно отшатнулся от зеркала, и Конан тут же всунул голову в трубы, прижимаясь подбородком к самому зеркалу. На своем варварском языке он произнес угрозу или вызов, что-то в этом роде.

— Ради Митры, Набонидус,— прохрипел потрясенный Мурило,— что это?

— Это Тхак, — ответил жрец и осторожно провел пальцем по раненому виску.— Некоторые, вероятно, приняли бы его за обезьяну, но он отличается от настоящей обезьяны так же сильно, как и от настоящего человека. Подобные ему живут далеко отсюда, на востоке, в горах, проходящих по восточной границе Заморы. Таких, как он, немного, но если они не вымрут, то, я полагаю, за следующие сотни тысячелетий они разовьются в настоящих людей. Это уже не обезьяны, какими были их предки, но еще не люди, которыми в будущем могут, вероятно, стать их потомки. Они обитают на крутых, почти недоступных вершинах гор. Им незнаком огонь, они не умеют шить себе одежду и не используют оружие. Но они умеют общаться, правда, речь на слух напоминает клокочущие и хрюкающие звуки.

Я взял к себе Тхака, когда он только что родился. Он обучался намного быстрее и был гораздо восприимчивее, чем животное. Я использовал его как слугу и как телохранителя. Но я позабыл, что он все же нечто большее, чем просто зверь, который стал тенью меня самого. Совершенно явно, он способен ненавидеть и в конце концов в нем развилось нечто подобное тщеславию.

В любом случае, он нанес мне удар, когда я менее всего ожидал этого. Сегодня ночью он словно с цепи сорвался. То есть, судя по его поведению, его можно было принять за взбесившегося зверя, однако я убежден — в основе всего лежит тщательно продуманный план.

Я услышал в саду шум драки и вышел посмотреть, подумал, что это моя собака рвет вас на куски. Тут появился Тхак.

Забрызганный кровью, он вылез из куста. Прежде чем я понял, каковы его намерения, он подскочил ко мне с ужасным воплем и ударил меня, я потерял сознание. Больше я ничего не могу вспомнить. Я могу только предположить, что он по какому-то непонятному капризу своего получеловеческого разума снял с меня одежду и бросил в туннель еще живого. Из каких соображений — только богам известно. Очевидно, когда он вышел из сада и ударил меня, собака была уже убита. И вне всяких сомнений, потом он убил Джока, которого вы видели в доме мертвым. Джока пришел бы ко мне на помощь, несмотря на то что сила Тхака была ему хорошо известна. Джока всегда его ненавидел.

Мурило смотрел в зеркало на тварь, сидевшую перед дверью с терпением, достойным любого животного. Он ужасался при виде его огромных лап, которые казались покрытыми мехом. Существо было сильным, широким в кости, слегка сутулым. Багряное одеяние жреца треснуло на его неестественно широких плечах, и таким образом Мурило получил возможность увидеть, что и они покрыты густой черной шерстью. Несомненно, из-под красного капюшона выглядывала звериная морда, но тем не менее Мурило признал — Набонидус прав, когда говорил о Тхаке как о звере лишь отчасти. Какая-то искра в красных мрачных глазах, нечто неуловимое в неуклюжей позе и даже облик этого создания говорят, что он уже не животное. Это жуткое тело обладало разумом и душой, которые так сильно напоминали человеческие. Мурило был потрясен, когда заметил пусть еще слабое, смутное, но все же родство между человеком и этим уродливым монстром, и ему стало по-настоящему дурно при одной только мысли о том, из каких глубин первобытного звериного состояния с трудом поднялось человечество.

— Он же нас видит,— сказал Копан.— Почему он не хватает нас? Он мог бы с легкостью разбить это окно.

Мурило понял, что варвар принял зеркало за окно, в которое они попросту заглянули.

— Он нас не видит,— заверил его жрец.— Мы смотрим через это стекло в комнату, которая находится над нами. Дверь,

которую, как мы видим, стережет Тхак, находится на верхнем конце лестницы. Благодаря такому расположению зеркал мы можем заглянуть в комнаты наверху. Вы видите вот это на стене? Маленькие зеркальца направляют изображение комнаты в эти трубы, затем, с помощью других зеркал, оно передается дальше и, наконец, в увеличенном виде отражается в большом зеркале.

Мурило подозревал, что жрец опередил свое время на столетия, когда изобретал и создавал эти механизмы. Конан, напротив, стал рассматривать все это как своеобразное колдовство и решил не ломать больше над этим устройством голову.

— Я проектировал подвал в качестве подземелья и погреба. Я уже не раз прятался здесь и наблюдал в зеркало, как те, кто приходил ко мне со злыми намерениями, встречали свою участь.

— Но почему Тхак следит за дверью? — спросил Мурило.

— Он должен был слышать, как закрылась подъемная решетка. Когда она поднимается, наверху это становится известно благодаря колокольчику. Он знает, что кто-то проник в туннель, и теперь ждет его появления. О, он был прилежным учеником! Он видел, что случается с теми, кто входит в дверь, если я дергал за шнур на стене. И теперь он хочет проделать это со мной.

— Мы можем что-нибудь предпринять, пока он сидит здесь так терпеливо?

— Боюсь, только наблюдать за ним. Пока он находится в комнате, мы не посмеем подняться по лестнице. Он обладает силой гориллы, и ему будет совсем нетрудно разорвать нас на куски. Но ему даже не придется напрягать мускулы. Достаточно просто потянуть за знакомый шнур на стене, чтобы отправить нас всех в вечность, как только мы откроем дверь.

— Каким образом?

— Я обещал помочь вам выбраться отсюда,— ответил жрец,— но отнюдь не раскрывать свои секреты.

Мурило хотел что-то сказать и внезапно замер. Чья-то рука украдкой отодвинула шторы одной из дверей, ведущей в дру-

гие покои. В комнату осторожно заглянуло смуглое лицо. Блестящие глаза с угрозой уставились на спину в красном одеянии.

— Петреус! — прошипел Набонидус.— Митра, воистину, собрание всех гарпий!

Из-за плеча первого показались лица других — смуглые, узкие лица, пылающие от возбуждения.

— Что им всем здесь нужно? — пробормотал Мурило и непроизвольно понизил голос, хотя он знал — его не могут слышать наверху.

— Ну и как вы думаете, чего ищет Петреус со своими пылкими юными патриотами в доме Багряного Жреца? — Набонидус рассмеялся.— Посмотрите только, с каким вожделением глазеют они на того, кого принимают за своего заклятого врага. Они стали жертвой того же недоразумения, что и вы. Вот будет потеха поглядеть на их рожи, когда они уразумеют, что к чему.

Мурило молчал. Все происходящее казалось ему нереальным. У него было впечатление, будто он смотрит пьесу в кукольном театре или превратился в бестелесного духа, который, никем не замеченный, наблюдает за людьми.

Он увидел, как Петреус предостерегающе приложил палец к губам и кивнул заговорщикам. Мурило не понял, заметил ли Тхак вторжение. Человек-обезьяна не менял своей позы. Он сидел неподвижно, спиной к той двери, через которую проскользнули заговорщики.

— Они пришли с той же целью, что и ты, — прошептал Набонидус в ухо Мурило.— Только причины, побудившие их к этому, куда более патриотичны, чем просто себялюбие. Ну да, поскольку собака мертва, стало совсем нетрудно шляться по моему дому. Ох, какая возможность устранить эту угрозу раз и навсегда! Если бы только на месте Тхака был я — один прыжок к стене, один только раз дернуть за шнур...

Петреус уже переступил порог, его спутники следовали за ним вплотную, кинжалы их блестели. Неожиданно Тхак поднялся и с быстротой молнии повернулся к ним. Вместо ненавистного, но знакомого лица Набонидуса они увидели жуткую образину, что лишило их воли, как и Мурило несколько часов

назад. С пронзительным воплем Петреус отшатнулся, и это повергло его сообщников в бегство. Они спотыкались, цеплялись друг за друга, а Тхак одним гигантским прыжком подскочил к стене и резко дернул за толстый шнур, который висел перед дверью.

Обе половины занавеса тут же полностью раздвинулись, и что-то просвистело в воздухе, излучая неопределенное серебристое сияние.

— Он вспомнил! — в восторге крикнул Набонидус.— Этот зверь уже наполовину человек! Он видел, как это делаю я, и он не забыл! Смотрите теперь! Смотрите!

Мурило увидел, что теперь дверной проем перекрыла тяжелая стеклянная пластина. Сквозь нее он различал бледные лица заговорщиков. Петреус протянул руки, словно обороняясь от нападения Тхака, но затем коснулся прозрачной преграды. Судя по его жесту, он что-то сказал, обращаясь к своим товарищам. Занавеси были раздвинуты, те, кто находился в подвале, могли наблюдать все, что происходило в комнате с непрошеными гостями. В паническом страхе они ринулись к двери, через которую, очевидно, вошли сюда, и остановились как вкопанные, натолкнувшись на другую невидимую преграду.

— По рывку шнура эта комната была перегорожена,— объяснил Набонидус, улыбаясь.— Это все очень просто. Стеклянные пластины двигаются по пазам в дверных косяках. Шнур приводит механизм в действие. Это возможно сделать, только находясь во внутреннем помещении. Совершенно исключено сдвинуть пластины, даже на волосок. Стекло абсолютно непробиваемо. Не раз его пытались разбить молотком, топором, причем с большой силой. А!

От ужаса люди, попавшие в ловушку, впали в истерику. Вслепую носились они от двери к двери, отчаянно молотили по ним кулаками и, казалось, грозили неподвижной, заросшей волосами фигуре, находившейся во внутреннем покое. Неожиданно один из них задрал голову и посмотрел на потолок. Судя по движению его губ, он испустил панический вопль, тыча рукой наверх.

— Когда пластины опускаются, высвобождаются Облака Уничтожения,— сказал Багряный Жрец с диким смешком.— Они состоят из пыльцы серого лотоса с Болота Мертвых из страны Кхитай.

В центре потолка висела гирлянда золотых цветов, которые раскрылись, как лепестки гигантской розы. Перед ними заколыхалось серое облако, которое быстро заполнило собой всю комнату. Сцена тут же стала иной. На смену истерике пришло безумие. Заговорщики шатались и спотыкались как пьяные, двигаясь по кругу. Пена выступила на их губах, которые кривились в жутких ухмылках. Одержимые безумием, они набросились друг на друга с кинжалами, они кололи, резали, грызли друг друга зубами в кошмарном сумасшествии. У Мурило свело желудок, когда он наблюдал эту сцену. Ему оставалось только благодарить судьбу за то, что он не может слышать воя и рычания, которые, без сомнения, раздавались в комнате ужаса.

А вокруг несчастных торжествующе прыгал Тхак, размахивая руками. Набонидус, который стоял рядом с Мурило, хохотал как сумасшедший.

— О, славный удар, Нетреус! Выпусти ему кишки! А теперь твоя очередь, мой патриотически настроенный друг! Теперь все на пол, и пусть живые рвут мясо мертвых зубами!

Мурило отшатнулся. Киммериец за его спиной вполголоса ругался на своем гортанном языке. Теперь одна только смерть царила в стеклянной комнате. С раскрытыми ртами и залитыми кровью лицами, которые безжизненно смотрели в потолок сквозь серые, слегка колеблющиеся облака, лежали заговорщики, безмолвные и совершенно неузнаваемые в одной кровавой куче.

Тхак сгорбился, как титанический гном, и бросился к стене, на которой висел шнур. На этот раз он потянул веревку не вверх, а в сторону.

— Открывает внешнюю дверь,— пояснил Набонидус.— Клянусь Митрой, он еще ближе к человеку, чем я предполагал. Смотрите, как вытягивается запах из комнаты и идет свежий воздух. Он ждет, чтоб опасность не коснулась его самого. Те-

перь он поднимает остальные пластины. Он предусмотрителен. Он знает об опасных свойствах серого лотоса, который приносит безумие и смерть. Митра!

Мурило чуть не подпрыгнул: так резко прозвучал этот возглас.

— Наш единственный шанс! — объяснил Набонидус.— Если он оставит этот покой хотя бы на короткий миг, мы сможем попытать счастья и подняться по лестнице!

Они напряженно следили за чудищем, которое вышло в раскрытую дверь и исчезло. После того как стеклянные пластины были подняты, шторы снова задернулись и скрыли покой смерти.

— Нужно рискнуть! — шепнул Набонидус. Мурило увидел капли пота на его лбу.— Вероятно, он избавляется от трупов, как это делал я. Скорей! Идите за мной! По лестнице!

Он побежал к ней и взлетел по ступенькам с легкостью, удивившей Мурило. Юный аристократ и варвар следовали за ним. Они услышали глубокий вздох облегчения, когда он рванул дверь на верхнем конце лестницы. Они вошли в большой покой, который уже видели с помощью зеркала. Тхака нигде не было.

— Он в той комнате, где убитые,— прошептал Мурило.— Закроем его там таким же способом, каким он запер заговорщиков,— предложил он.

— Нет, нет! — возразил Набонидус, и необычайная бледность покрыла его лицо.— Мы не можем быть уверены, что он и впрямь находится там. И кроме того, он может вернуться, прежде чем мы дотянемся до шнура! Лучше идите за мной в коридор. Мне нужно непременно попасть в мои комнаты и добраться до оружия, которым я могу уничтожить его. Этот выход — единственный, где нет ловушек, и по нему мы можем пройти через эту часть дома.

Они быстро двинулись за ним через занавешенный дверной проем, расположенный против того, что вел в комнату смерти, и оказались в коридоре, в который выходило множество дверей. Дрожащими от спешки пальцами Набонидус проверял их одну за другой. Все они были заперты.

— Митра! — Жрец прислонился к стене. Лицо его посерело.— Двери закрыты, и Тхак забрал у меня ключи. Вот теперь мы действительно в ловушке.

Мурило был потрясен, он не ожидал увидеть жреца таким подавленным. Набонидусу пришлось собрать всю свою волю и вновь обрести самообладание.

— Эта бестия меня достанет,— обреченно сказал он.— Если бы вы видели, что Тхак делает с человеком... Храни нас Митра! Боюсь, нам придется вести борьбу теми скудными средствами, которые у нас имеются.

Он повел их назад, к занавешенному дверному проему, и заглянул в большой покой как раз в тот момент, когда Тхак выскочил из двери, расположенной напротив. Не было никаких сомнений — человек-зверь почувствовал что-то подозрительное. Его маленькие, плотно прилегающие к голове уши шевельнулись, он злобно осматривался сердито сверкающими глазками. Он бросился к двери и рванул в сторону шторы, чтоб заглянуть внутрь.

Набонидус отшатнулся. Он дрожал как осиновый лист. В полном отчаянии он схватил Конана за плечо.

— Послушай, парень. Ты не отважишься выставить свой нож против его когтей?

Искра, вспыхнувшая в глазах Конана, была единственным ответом.

— Тогда быстро,— шепнул Багряный Жрец и толкнул его к шторам возле стены.— Он все равно скоро нас обнаружит, будет лучше, если мы опередим его. Когда он устремится на нас, ударь его ножом в спину, если сможешь. Мурило, ты покажешься ему и сразу побежишь по коридору. Митра знает, в рукопашной схватке шансов у нас нет, но, если он погонится за тобой, у нас появится возможность избежать смерти.

Мурило чувствовал, как кровь застывает у него в жилах, но он сжал зубы и вышел в дверной проем. Тхак тут же резко развернулся на другом конце комнаты, смерил его взглядом и с убийственным ревом бросился на него. Его багряный капюшон упал и открыл бесформенный череп. Черные лапы и красный плащ были забрызганы кровью. Это был черно-красный кош-

мар, который мчался по комнате, оскалив зубы. Кривые ноги несли мощное тело с удивительной скоростью.

Мурило побежал назад, в коридор. Косматое чудовище гналось за ним по пятам. Но в тот момент, когда они пробегали мимо штор, могучая фигура появилась за их спинами и вонзила нож чудовищу между лопаток. Тхак яростно зарычал, когда сильный толчок опрокинул его и он вместе со своим противником рухнул на пол. И оба они сплелись на каменных плитах в жуткий клубок железа, клыков и когтей.

Мурило видел, как варвар обвил тело человека-обезьяны ногами и попытался таким образом удержаться на его спине. Чудовище, со своей стороны, старалось стряхнуть с себя врага, чтобы тот оказался в пределах досягаемости его огромных клыков. В водовороте ударов и багровых лоскутьев они покатились по коридору. Они крутились так быстро, что Мурило не решался пустить в ход стул, который он прихватил в качестве оружия, из опасения ударить варвара. Теперь он заметил, что несмотря на первую рану, которую Конан нанес из укрытия, и несмотря на то, что развевающиеся лохмотья путались в руках и ногах чудовища, силы Тхака не убывали. Он не переставая тащил киммерийца вперед, и это невзирая на многочисленные колотые раны, которые давно уже убили бы обычного человека. Клинок варвара погружался в тело, в плечи и затылок, и чудовище истекало кровью, но, если кинжал Конана не нанесет ему в ближайшие секунды смертельного удара, нечеловеческая сила Тхака покончит с киммерийцем, а потом и с Набонидусом, и с ним, Мурило.

Конан дрался, как дикий зверь, в полном молчании, которое прерывалось только хрипом или рычанием. Черные когти чудовища, его железные пальцы царапали и рвали тело. Распахнутая пасть с острыми клыками неустанно тянулась к его горлу. Неожиданно Мурило улучил момент вступить наконец в бой и изо всех сил обрушил стул, так что череп обыкновенного человека разлетелся бы под этим ударом. Но деревянный предмет сломался, стукнувшись о затылок Тхака. На мгновение чудовище ослабило свою хватку. Этот миг использовал Конан. Хрипя и заливаясь кровью, он бросился вперед и по са-

мую рукоятку вонзил свой нож в сердце человека-обезьяны. Судорожно вздрогнув, Тхак посмотрел на своего врага сверху вниз, затем рухнул. Его злобные зоркие глаза помутнели, мощные руки и ноги шевельнулись еще раз и застыли навсегда.

Конан, ошеломленный, залитый кровью, зашатался и вытер с глаз пот и кровь. Кровь капала с его ножа, с его пальцев, стекала по рукам и ногам, струилась по груди. Мурило схватил его, чтоб поддержать, но варвар недовольно оттолкнул его.

— Если я не могу больше сам держаться на ногах, значит, пришло время умирать,— процедил он сквозь запекшиеся губы.— Но я бы лучше выпил вина.

Набонидус разглядывал затихшую фигуру, словно не веря своим глазам. Черный, волосатый, жуткий человек-зверь, нелепый в лохмотьях багряного плаща, неподвижно лежал на полу. Но было в нем теперь больше человеческого, чем животного, и поэтому в том впечатлении, которое он производил, появилось что-то возвышенное.

Даже киммериец, казалось, заметил это, потому что прохрипел:

— Я убил человека, не зверя. Я причислил бы его к храбрейшим из всех, чьи души мне доводилось отправлять во мрак, и мои женщины пели бы о нем.

Набонидус поднял с пола связку ключей на золотой цепочке, которую Тхак выронил во время драки. Он сделал знак своим спутникам следовать за ним и направился к одному из покоев, отпер его, провел обоих через дверь. Как и во всех остальных помещениях дома, здесь ярко горел свет. Багряный Жрец взял сосуд с вином со стола и наполнил хрустальные бокалы. Когда его спутники жадно припали к вину, он проговорил:

— Что за ночь! Скоро утро. Что вы намерены предпринять теперь, друзья мои?

— Я хотел бы позаботиться о ранах Конана, если ты будешь настолько любезен и дашь мне перевязочный материал,— заявил Мурило.

Набонидус кивнул и шагнул к двери. Что-то в том, как он держался, заставило Мурило присмотреться к нему пристальнее. Возле самой двери Багряный Жрец неожиданно резко по-

вернулся. Лицо его изменилось. Глаза пылали прежним огнем, рот кривился в беззвучном смехе.

— Негодяями можем быть мы все трое! — И голос его прозвучал, как и прежде, насмешливо. — Но идиот ты один, Мурило.

— Что это значит? — пылко спросил молодой аристократ и хотел было двинуться к нему.

— Назад! — предостерег его Набонидус.— Еще шаг — и тебе конец!

Мурило похолодел, когда увидел, как Багряный Жрец схватился за толстый шелковый шнур, который висел между штор сразу за дверью.

— Какое гнусное предательство! — крикнул юноша.— Ты же поклялся...

— Я поклялся ничего не говорить королю о твоих мелких махинациях! Но я не клялся не брать в руки этот предмет, раз уж мне представилась такая возможность. А ты решил, что я упущу подобный случай? В обычной ситуации я бы не решился убрать тебя собственноручно, не получив заранее одобрения от короля. Но об этом же никто не узнает. Ты исчезнешь в чане с негашеной известью вместе с Тхаком и этими кретинами-патриотами. Какая необыкновенная ночь! Хоть я и потерял нужных мне слуг, но то обстоятельство, что я избавился от очень неприятных врагов, перевешивает все! Вам лучше стоять на месте! Я уже переступил порог, и вы не успеете добраться до меня, прежде чем я дерну за шнур и отправлю вас в Преисподнюю — на сей раз не с помощью серого лотоса, но столь же эффективно. Почти в каждой из моих комнат имеется ловушка. И поэтому, Мурило, как только какой-нибудь идиот вроде тебя...

Движением слишком быстрым для того, чтоб за ним мог уследить глаз, Конан схватил стул и запустил им в жреца. Набонидус инстинктивно вытянул вперед руки, пытаясь защититься, но было поздно. Снаряд разбил ему голову. Багряный Жрец зашатался и упал на пол лицом вниз. Вокруг него сразу образовалась темная лужа.

— А кровь у него, оказывается, просто красная,— разочарованно буркнул Конан.

15 Конан. *Рождённый в битве*

Мурило провел дрожащей рукой по волосам, влажным от пота, и, слабея от облегчения, прислонился к столу.

— Светает,— прохрипел он.— Давай уйдем отсюда, пока мы не попались в какие-нибудь другие ловушки! Если мы сможем перелезть через стену так, что нас не заметят, никто не прилетит нас к событиям, разыгравшимся в этом доме. Пускай власти сами ищут всему объяснение.

Мурило бросил еще один беглый взгляд на труп Багряного Жреца, лежавшего в луже крови, и пожал плечами.

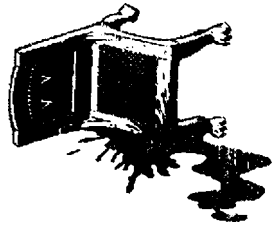
— Сам идиот,— пробормотал он.— Если бы не тратил время на издевательство над нами, запросто успел бы захлопнуть ловушку.

— Ну,— равнодушно отозвался киммериец,— он прошел по той дорожке, по которой рано или поздно проходят все подлецы. Я бы с удовольствием пошарил здесь на предмет добычи, но я нахожу, что самое умное для нас — убраться отсюда как можно быстрее.

Когда сумрак сада остался позади и небо над ними посветлело, Мурило сказал:

— Багряный Жрец ушел в Преисподнюю, а я могу остаться среди моих друзей, и бояться мне больше нечего. Но что будет с тобой? Обвинение в убийстве жреца из Лабиринта с тебя не снято...

— Я сыт этим городом по горло,— ухмыльнулся киммериец.— Ты не упоминал часом о какой-то лошади, которая якобы ждет меня возле Крысиной Норы? Ужасно любопытно будет узнать, как быстро сумеет доскакать кобылка до другого королевства. На свете много дорог, с которыми я хотел бы познакомиться, прежде чем встану на тот путь, по которому прошел сегодня Набонидус.



Долина пропавших женщин

1

Грохот барабанов и рев огромных рогов из слоновьих бивней были оглушительными, но Ливия слышала шум приглушенно, словно он доносился издалека. Она лежала на ангаребе в больной хижине, теряя сознание, и уже не могла сказать, происходит ли все наяву, или же ее окружают чудовища болезненного бреда. Царящая вокруг суета едва доходила до ее рассудка, однако в полубреду, в беспорядочных сумерках безумия, Ливия отчетливо разглядела обнаженную фигуру ее брата и кровь, стекающую с его дрожащих бедер. Прочее представлялось смутным кошмаром, где сплетались, точно змеи, неясные тени, но эта белая фигура виделась с беспощадной ясностью. Казалось, воздух до сих пор дрожит от крика его агонии, непристойно смешиваясь с демоническим хохотом.

Ливия перестала ощущать себя чем-то отдельным: вот я, а вот окружающее меня пространство. Она словно погрузилась в бездну боли и растворилась в ней, и эта боль была она сама, Ливия, потому что средоточием боли стало ее собственное тело. Она лежала, ни о чем не думая, не шевелясь, а за стенами хижины грохотали барабаны, ревели рога, и голоса дикарей выводили странные песнопения, отбивая такт ударами босых ног по твердой земле и хлопая в ладоши.

© Перевод А. Костровой, Е. Хацкой.

Но наконец сквозь застывший рассудок Ливии постепенно начало пробиваться осознание. Сначала она тупо удивилась, что тело ее осталось не тронуто. Она восприняла это чудо без благодарности — теперь для нее все представлялось пустым, потерявшим всякое значение. Она приподнялась на ангаребе и огляделась. Руки и ноги девушки слабо шевельнулись, словно реагируя на просыпающиеся нервные центры. Босые ступни нервно заскребли грязный земляной пол. Пальцы рук конвульсивно одергивали подол рубашки — единственное, что на ней осталось. Ливия смутно вспомнила, когда-то давно-давно у нее были другие одежды, но чьи-то грубые руки сорвали с нее эти одежды и тогда она плакала от стыда и страха. Теперь представлялось странным, что такое небольшое зло причинило ей так много горя. Степень насилия и унижения весьма относительна, в конце концов, как и все прочее в жизни.

Дверь хижины отворилась, и вошла черная женщина — словно пантера, чье гибкое тело блестело как полированный эбонит, украшенное лишь шелковым лоскутом, обернутым вокруг ее вихлявых бедер. Она озорно вращала глазами, и белки отражали свет костров, пылающих на единственной деревенской улице.

Эта черная женщина принесла бамбуковое блюдо с едой — копченое мясо, жареный картофель, маис, большие бруски местного хлеба — и сосуд из кованого золота, наполненный пивом йарати. Все это она поставила на ангареб, но Ливия не обратила ни малейшего внимания ни на женщину, ни на угощение. Она сидела, неподвижно уставившись на противоположную стену, увешанную циновками, сплетенными из бамбуковых веток. Черная женщина неприятно засмеялась, блеснув черными глазами и ослепительными зубами. Она издала непристойный звук, похожий на шипение, бесстыдно погладила Ливию, а потом повернулась и с важным видом вышла из хижины, выражая свое пренебрежение к пленнице движением бедер, которое выглядело куда оскорбительнее слов любой цивилизованной женщины.

Но ничто не всколыхнуло полусонного сознания Ливии. Все ее ощущения продолжали существовать внутри, заключенные

в оболочку ее больного тела. Происходящее вне ее казалось шествием призраков и колыханием теней. Машинально она съела все и запила пивом, не чувствуя вкуса.

Не осознавая своих действий, Ливия поднялась и неуверенно прошлась по хижине, чтобы заглянуть в щель между бамбуками. Вдруг тон барабанного боя и звучание рогов изменились. Какая-то скрытая часть ее сознания отреагировала на это и невольно заставила ее искать причину.

Сначала Ливия ничего не могла различить. Все по-прежнему происходило беспорядочно и туманно. Странные фигуры двигались и смешивались, вращались и переплетались, черные бесформенные предметы резко выделялись на кроваво-красном фоне, который оглушал и сверкал. Затем предметы приняли правильные очертания, и Ливия увидела мужчин и женщин, двигающихся вокруг костров. Багровый свет метался на орнаментах из серебра и слоновой кости, белые перья раскачивались. Обнаженные черные фигуры расхаживали с важным видом, останавливались. Их силуэты, окрашенные в малиновый цвет пламени, отчетливо вырисовывались на фоне темноты.

В окружении гигантов в головных уборах из перьев и поясах из леопардовых шкур на кресле из слоновой кости восседал жирный кусок черноты, воняющий влажными гниющими джунглями и мрачными болотами. Квадратный, необъятный, отталкивающий, как жаба. Пухлые руки существа покоились на лоснящейся дуге живота. Пупок — словно катышек закопченного жира, с любопытством высунувший голову. Глаза мерцали в свете костра, как живые угли в мертвом черном пне. Их ужасающая жизненная сила резко контрастировала с огромным вялым телом.

Увидев эту чудовищную фигуру, Ливия вся напряглась, и жизнь неудержимым потоком хлынула в нее. Из бездумной куклы она вдруг превратилась в живое, трепещущее существо, и боль обжигала ее. Девушка чувствовала себя то сильной, то хрупкой, словно ее тело закалялось, как сталь, попеременно погружаясь то в жар, то в холод. Она ощущала, как ненависть истекает из нее и направляется к черной рыхлой глыбе. На

краткий миг ей чудилось, что объект ее эмоций должен упасть замертво с этого резного стула, так смертельна была ее ненависть.

Но если Баджуй, царь бакала, и испытал некий физический дискомфорт из-за своей пленницы, то не показал этого. Он продолжал наполнять свой лягушачий рот пригоршнями маиса, черпая из сосуда, который держала перед ним коленопреклоненная женщина, и смотреть на своих подданных, выстроившихся по обеим сторонам улицы. Судя по торжественной резкой дроби барабана и оглушительным звукам рога, в конце прохода образованного черными воинами, должна была появиться какая-то важная персона. И пока Ливия вглядывалась в темноту, персона возникла.

Колонна воинов по три человека в ряд приближалась к трону из слоновой кости. Сплошная масса развевающихся плюмажей и сверкающих пик продвигалась сквозь пеструю толпу. Во главе черных, как эбеновое дерево, копьеносцев шел человек, при виде которого Ливия вздрогнула. Казалось, сердце ее остановилось, а потом опять глухо застучало, мешая сделать вдох. В сумерках человек этот был отчетливо виден. Как и его копьеносцы, он красовался в набедренной повязке из леопардовых шкур и в головном уборе, украшенном перьями,— но он был белокожим.

Не как правитель или подчиненный приближался он к трону бакала, и когда он остановился перед сидевшим на нем человеком, наступила тишина. Ливия улавливала общее напряжение, хотя лишь смутно понимала, что именно оно предвещает. Несколько мгновений Баджуй сидел, вытянув толстую шею, как большая жаба. Потом, словно притянутый пристальным взглядом пришельца, он слез со своего стула и встал, смешно качая бритой головой.

Мгновенно напряжение спало. Жители деревни оглушительно закричали. По сигналу незнакомца его воины подняли копья и отдали почетный салют царю Баджую. Кто бы он ни был, Ливия понимала: он должен быть весьма могущественным в этой дикой стране, если Баджуй из племени бакала поднялся, приветствуя его. А могущество означает, что он — великий

воин. Сила — единственное, что почитается среди диких племен.

Ливия стояла, прильнув к щели в стене хижины. Воины белого незнакомца смешались с бакала. Они плясали, угощались, тянули пиво. Сам он с несколькими своими вождями сидел с Баджуем и вождями бакала, поджав ноги на циновках и жадно поглощая еду и выпивку. Ливия видела, как он вместе с другими глубоко погружает руки в котлы с рисом, глотает пиво из одного сосуда с Баджуем. Заметила она еще одну особенность. Белому пришельцу оказывали почести, полагающиеся верховному вождю, царю над царями. Поскольку у него не было трона, царь бакала отказался от своего и уселся на циновки вместе с гостем. Когда принесли новый сосуд с пивом, царь бакала чуть отпил и тотчас передал белому человеку. Вся эта подчеркнутая вежливость указывала на огромную власть и силу! Ливия задрожала. Ее охватило возбуждение, когда в голове ее начал складываться смелый план. Она следила за белым человеком с болезненным напряжением, подмечая каждую деталь его облика. Он был высокого роста, выше и массивнее всех, даже многих чернокожих, считавшихся гигантами, но двигался с грацией большой пантеры. Когда свет костров падал на его лицо, глаза незнакомца загорались синим огнем. На ногах у него были ременные сандалии, а с широкого пояса свисал меч в кожаных ножнах. Ливия никогда не видела подобных людей. Но она и не пыталась определить, к какому народу он принадлежит. Достаточно того, что кожа у него была белая.

Проходили часы, и постепенно рев попойки стих. Все, и мужчины и женщины, погрузились в тяжелый пьяный сон. Наконец Баджуй неуверенно поднялся и воздел руки, отказываясь от дальнейшего соревнования, кто из них больше съест и выпьет. Он шагнул, споткнулся, и воины подхватили своего владыку и унесли в его хижину. Белый человек — победитель в состязании обжор и выпивох — величественно встал. Вожди бакала, те, кто был еще в состоянии передвигаться, проводили его в гостевую хижину, и белый скрылся там. Ливия за-

метила, что десяток его копьеносцев остались сторожить, держа копья наготове. Очевидно, незнакомец не слишком доверял дружбе Баджуя.

Теперь деревня слабо напоминала сумеречную Судную ночь. Повсюду валялись местные, мертвецки пьяные и обожравшиеся. Ливия знала, что внешние границы бомы охраняют трезвые воины. А в самой деревне бодрствовали только копьеносцы, стоявшие вокруг хижины белого человека. Но даже и среди них некоторые начинали клевать носом, прислонившись к копьям.

Сердце у девушки стучало, как молот по наковальне. Она скользнула к задней стене своей хижины-тюрьмы, тихо вышла из двери мимо храневшей охраны, которую Баджуй приставил к ее хижине. Как тень, прошмыгнула она сквозь черноту и приблизилась к хижине незнакомца. На четвереньках проползла к задней стене. Там сидел на корточках черный гигант. Его сонная голова, украшенная перьями, склонилась на колени. Ливия проползла мимо. Гостевая хижина была ее первой тюрьмой. Узкое отверстие в стене, теперь прикрытое висящей внутри циновкой,— безмолвное свидетельство ее первой, слабенькой попытки бегства. Ливия отыскала эту лазейку, отодвинула циновку и попыталась протиснуть свое гибкое тело.

Свет костров, все еще горящих на улице, чуть освещал внутреннее помещение. Отодвигая циновку, Ливия вдруг расслышала приглушенное проклятие, а потом почувствовала, как кто-то схватил ее за волосы, втащил в отверстие и грубо поставил на ноги.

Пошатнувшись от неожиданности, Ливия откинула со лба спутанные волосы и посмотрела в лицо белого человека, возвышавшегося над ней. На его загорелом лице в шрамах девушка заметила удивление. В руке у него был обнаженный меч, а глаза горели, как сигнальные огни, то ли от гнева, то ли от удивления — она не могла понять. Он заговорил с нею на непонятном языке. Это было не то гортанное наречие, на котором изъяснялись черные люди, но и не язык цивилизованных людей.

— О, пожалуйста, не так громко,— принялась умолять она.— Они услышат...

— Кто ты? — строго спросил он на офирском, но с ужасным акцентом.-- Клянусь Кромом, никогда не думал, что найду белую девушку в этой чертовой стране!

— Меня зовут Ливия, я пленница Баджуя. О, выслушай, пожалуйста, выслушай меня! Я не могу долго здесь оставаться. Я должна вернуться, прежде чем они обнаружат, что меня нет в хижине. Мой брат...— У нее перехватило горло, но она отважно продолжала: — Моего брата звали Фелетес, мы из семьи Хелкус, ученых и знатных людей Офира. По специальному разрешению стигийского царя мой брат поехал в Кешатту, город магов, чтобы изучать их искусство, и я сопровождала его. Он был еще мальчик, младше меня...

Голос ее прервался. Незнакомец молча глядел на Ливию горящими глазами. Лицо его оставалось хмурым, непроницаемым. В нем таилось нечто дикое и неукротимое. Это испугало ее, заставило нервничать, сделало нерешительной.

— Черные кушиты вторглись в Кешатту,— торопливо продолжила она.— Мы подъезжали к городу с караваном верблюдов. Наши охранники убежали, и кушиты забрали нас с собой. Они не сделали нам ничего плохого. Они сказали нам, что переговорят с жителями Стигии и возьмут за нас выкуп. Но один из вождей пожелал весь выкуп забрать себе. Вместе со своими людьми однажды ночью он выкрал нас из лагеря и бежал далеко на юг, к самым границам Куша. А там их всех перебили бакала... Фелетеса и меня пригнали в это звериное логово...— Ливия зарыдала.— Этим утром у меня на глазах зарезали моего брата и надругались над ним.-- Она задохнулась, вспомнив все, и ярость ослепила ее.— Они скормили его гениталии шакалам. Не знаю, как долго я была без сознания...

Замолчав, она подняла глаза и посмотрела в хмурое лицо незнакомца. Бешеная ярость охватила ее. Она принялась колотить кулаками в его мощную грудь. Но он обращал на эти удары не больше внимания, чем на жужжание мухи.

— Как ты можешь стоять здесь истуканом? — выкрикнула она страшным шепотом.— Ты что, такое же животное, как эти все? Ах, Митра, когда-то я думала, что у мужчин есть честь! А теперь я знаю цену всем вам. Ты... Что ты знаешь о чести? Что ты знаешь о милосердии? О порядочности? Ты — варвар, как и все эти, только кожа у тебя белая. Но душа твоя такая же черная, как и у них. Тебе наплевать, что человек твоего цвета кожи был самым грязным образом умерщвлен этими грязными собаками и что белую женщину сделали рабыней! Превосходно!

Ливия отпрянула от него, задыхаясь, преображенная этой вспышкой гнева.

— Я скажу, сколько ты стоишь,— сказала она словно в бреду, разрывая рубашку у себя на груди.— Разве я некрасива? Разве не более желанна, чем эти черные девки, словно вымазанные сажей? Разве я — не достойная награда за кровь? Разве не стоит убить ради белокожей девственницы? Да, убей эту черную собаку Баджуя! Я хочу увидеть, как его проклятая голова скатится в кровавую пыль! Убей его! Убей его! — Ливия крепко сжала кулаки.— А потом возьми меня и делай со мной, что хочешь! Я буду твоей рабыней!

А он все молчал — гигантское неподвижное воплощение кровопролития и разрушения.

— Ты говоришь так, словно можешь отдаваться по собственной воле,— произнес он наконец.— Словно твое тело обладает силой ниспровергать царства. Зачем мне убивать Баджуя, чтобы получить тебя? Женщины здесь дешевые, как подорожник, и их согласие или несогласие ничего не значит. Ты слишком высоко себя ценишь. Если я захочу тебя, мне не потребуется убивать Баджуя. Он скорее сам отдаст мне тебя, чем решится воевать со мной.

Ливия ахнула. Вся ее решимость иссякла, пыл пропал; голова Ливии закружилась, хижина поплыла у нее перед глазами. Она зашаталась и, как куль, свалилась на ангареб. Горечь сломила ее дух. Девушка была потрясена, осознав свою полную беспомощность, о которой так грубо сказали ей прямо в

лицо. Человек подсознательно цепляется за знакомые ценности и понятия даже там, где эти ценности лишены всякого смысла. Несмотря на все, что пережила Ливия, она до сих пор наивно верила, что согласие женщины имеет решающее значение в той игре, которую она предлагала. А от нее сейчас не зависело вообще ничего. И это потрясло ее. Она больше не могла передвигать мужчин, словно те были пешками на шахматной доске. Она сама теперь стала бессильной пешкой.

— Понимаю. Глупо предполагать, будто любой мужчина в этой части света станет вести себя согласно правилам и обычаям, существующим в другой части земли,— чуть слышно пробормотала она, едва сознавая, что говорит.

Потрясенная новым поворотом судьбы, она неподвижно лежала, пока железные пальцы белого варвара не схватили ее за плечо и не вздернули снова на ноги.

— Ты сказала, я варвар,— резко начал он,— так вот, это правда, хвала Крому! Если бы твой караван охраняли варвары, а не мягкозадые слабаки, образованные и цивилизованные кретины, то этой ночью ты не была бы рабыней черной свиньи. Я — Конан из Киммерии, и меня кормит мой меч. Но я не такая собака, чтобы оставить белую женщину в когтях чернокожего. И хотя меня называют грабителем, я никогда не беру женщину без ее согласия. В разных странах обычаи разные, но если мужчина достаточно силен, он повсюду может насадить несколько своих обычаев. Еще ни один человек не называл меня тряпкой! Будь ты даже старой и уродливой, как любимый гриф демона, я все равно отобрал бы тебя у Баджуя, просто потому, что ты — белая. Но ты молода и красива, а я столько насмотрелся на черных шлюх, что меня уже тошнит от них. Я буду играть по твоим правилам просто потому, что некоторые твои принципы соответствуют некоторым моим. Возвращайся в свою хижину. Баджуй слишком пьян, чтобы прийти к тебе этой ночью, а я прослежу, чтобы завтра он целый день был занят. А следующей ночью ты согреешь постель Конана!

— Но как ты это сделаешь? — Ливия вся дрожала, ее обуревали смешанные чувства.— У тебя ведь только эти воины!

— Их достаточно,— проворчал Конан.— Они — бамулы, и каждый из них вскормлен нечистым молоком войны. Я явился сюда по просьбе Баджуя. Он хочет, чтобы я присоединился к нему в нападении на йихиджи. Сегодня мы пировали. Завтра у нас будет совет. Когда я покончу с ним, он будет держать совет в аду.

— Ты нарушишь перемирие?

— В этой стране перемирия заключаются, чтобы их нарушать,— решительно промолвил он.— Он нарушит перемирие с йихиджи, а после того, как мы разграбим их вместе, постарается убрать и меня, стоит только мне потерять бдительность. То, что в другой стране будет самым жутким предательством, здесь — здравый смысл. Я не добился бы положения военачальника бамулов, если бы не выучил уроков, которые дает черная земля. Теперь возвращайся в хижину и спи. Знай, свою красоту ты сохраняешь не для жабы Баджуя, а для Конана.

2

Ливия смотрела в щель в бамбуковой стене. Нервы ее были напряжены, она вся дрожала. Весь день, поздно проснувшись, отупевшие от вчерашней пьянки чернокожие готовились к новому пиру. Весь день Конан из Киммерии сидел в хижине Баджуя, но что там происходило — этого Ливия знать не могла. Она старалась ничем не выдать своего волнения перед единственным человеком, кто входил к ней в хижину, — мстительной черной девкой, которая приносила ей еду и питье. Но эта женщина была слишком пьяна от возлияний прошлой ночи и не заметила изменений в поведении своей пленницы.

Опять спустилась тьма, костры осветили деревню, и снова вожди оставили хижину царя и сели на корточках на открытом пространстве между хижинами, пировать и держать военный совет. На этот раз хмельных напитков было куда меньше. Ливия заметила, что бамулы время от времени подходят к кругу, где собрались вожди. Она видела Баджуя и сидящего напротив него, через котлы с едой, Конана — тот смеялся и разговаривал с гигантом Аджей, военачальником Баджуя.

Конан грыз большую говяжью кость. Ливия вдруг заметила, что он посмотрел через плечо. Словно это был сигнал, которого они ждали, все бамулы повернули головы к своему вождю. Конан поднялся, все еще улыбаясь, потянулся к котлу с едой

и быстро нанес Адже страшный удар тяжелой костью. Военачальник обмяк с пробитой головой, и мгновенно страшный крик потряс небеса: бамулы ринулись в бой, как кровожадные пантеры.

Котлы опрокинулись, обжигая сидящих женщин; бамбуковые стены хижин ломались под тяжестью падавших на них тел, крики агонизирующих людей вспарывали ночную тишину, и над всем этим поднялось торжествующее «Йии! Йии! Йии!» обезумевших бамулов. В страшном пламени костров окровавленные копья стали малиновыми.

Жители деревни были парализованы внезапностью нападения. Мысль об этом не приходила в их дикие головы. Копья пирующих были сложены в хижинах, многие из воинов уже напились. Падение Адже стало сигналом, по которому бамулы метнули пики в сотни ничего не подозревающих людей. После этого началась резня.

Ливия застыла возле щели в стене. Крики боли и ярости били по ее измученным нервам, причиняя почти физическое страдание. Корчившиеся фигуры то неясно вырисовывались перед ней, то снова появлялись с ужасающей отчетливостью. Она видела, как дубинки со всего маху опускались на головы в мелких завитушках. Из костров выхватывали головешки, из них во все стороны сыпались искры. Тростниковые крыши тлели и вспыхивали. Вдруг сквозь ужас кровавой бойни прорвались новые крики — крики страшной боли. Это бросали в пламя костров еще живых людей. Запах паленого мяса добавился к зловонию пота и свежей крови. Пламя ревело, как голодное чудовище.

Ливия не выдержала. Она стала кричать, кричать не переставая, стуча себя кулаками в виски. Разум готов был покинуть ее. Упав на пол, она захохотала. Напрасно она старалась убедить себя, что там, на улице, ужасной смертью умирают ее враги; что происходит именно то, на что она отчаянно надеялась и что замышляла; что эта страшная жертва была справедливым возмездием за зло, причиненное ей и ее близким. Безумный ужас охватил ее.

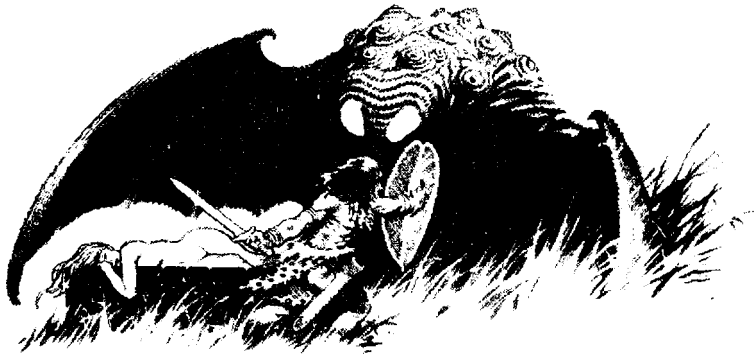
Ей не было жаль умирающих людей. Единственное, что ею владело,– страх, слепой, абсолютный, неистовый, нерассуждающий. Она видела Конана, его белая фигура резко выделялась среди чернокожих. Она увидела, как блеснул его меч – и люди посыпались на землю вокруг него. У костра закипела схватка – Ливия заметила в середине жирную квадратную образину. Конан кинулся туда и пропал из ее поля зрения. Но вот раздался пронзительный, невыносимый крик... Толпа на мгновение распалась, и Ливия разглядела толстую черную жабу, истекающую кровью. Затем толпа опять сомкнулась, и клинки засверкали, словно молнии в сумерках.

Послышался торжествующий звериный вой. Высокая фигура Конана показалась из толпы. Размашистым шагом он направился к хижине, где скрывалась девушка. В руке он держал страшный трофей: на отрубленной голове Баджуя играл отсвет красного пламени костра. Черные глаза, теперь стеклянные, мертвые, закатились; были видны лишь белки. Челюсть отвисла, словно в усмешке идиота. Следом за Конаном на земле оставалась дорожка стекающей с головы крови.

Вскрикнув, Ливия отшатнулась от стены. Конан заплатил обещанную цену и теперь шел, чтобы предъявить права на нее, неся страшное доказательство уплаты. Сейчас он схватит ее своими кровавыми пальцами, прижмется своим нечистым ртом к ее губам, еще не отдышавшись от резни. При этой мысли Ливия в исступлении бросилась к двери в задней стене хижины. Дверь распахнулась, и она выбежала, как летящий белый призрак в царстве черных теней и багрового пламени.

Непонятный инстинкт привел ее к загону, где держали лошадей. Какой-то воин как раз снимал перегородки. Он вскрикнул от удивления, когда белая девушка пронеслась мимо. Темная рука схватила ее за ворот рубашки. Резким рывком Ливия вырвалась, оставив рубашку в его руке. Лошади, фыркая, пронеслись мимо нее, сбив с ног черного воина. Тощие, выносливые кони кушитской породы тоже обезумели от огня и резкого запаха крови.

Как слепая, Ливия ухватилась за гриву пробегавшего мимо коня, упала, снова вскочила на ноги, высоко подпрыгнула и вскарабкалась на его спину. Обезумев от страха, табун поскакал сквозь огонь, копытами раскидывая искры, которые посыпались на людей ослепляющим дождем. Мимо испуганных чернокожих пронеслась обнаженная девушка, прильнувшая к гриве копя. Ветер трепал распущенные желтые волосы всадницы. Конь понесся прямо к палисаду, взлетел вверх — и исчез в ночи.



3

Ливия не пыталась управлять конем, не чувствуя необходимости делать это. Вопли и свет костров постепенно стихали. Ветер шевелил ее волосы и ласкал ее нагое тело. Ливия знала только одно: надо крепко держаться за гриву и скакать, скакать, скакать — за край света, прочь от агонии, горя и ужаса.

И много часов выносливый конь мчал ее прочь, пока, взлетев на залитый звездным светом гребень холма, не остановился так резко, что она перелетела через его голову.

Ливия упала на мягкую, как подушка, траву и лежала, наполовину оглушенная, смутно слыша, как конь убегает прочь. Когда она с трудом поднялась, первое, что поразило ее, была тишина. Тишина казалась почти ощутимой — мягкая, бархатная — после непрерывного рева рогов и грохота барабанов, которые сводили Ливию с ума в течение многих дней. Девушка подняла голову, посмотрела на огромные звезды, усеявшие синее небо. Луны не было, звездный свет заливал землю, создавая странные иллюзии и разбрасывая неожиданные тени. Ливия стояла на покрытом травой возвышении с ровными склонами. При свете звезд они казались гладкими, как атлас. В одном направлении, далеко, она различила темную полоску деревьев — там виднелся лес. А здесь — только ночь и слабый ветер, доносящийся с самых звезд.

Земля выглядела просторной и сонной. Теплая ласка ветерка неожиданно напомнила Ливии о том, что она раздета.

Она поежилась, пытаясь прикрыться руками. Ливия почувствовала одиночество ночи и непрерывность этого одиночества. Она была одна. Стояла обнаженная на холме, и никто ее не видел. И все вокруг исчезло, остались только ночь и шепот ветра.

Ливия вдруг обрадовалась ночи и одиночеству. Никто ей не угрожает, никто не схватит ее грубыми лапами. На склоне, уходящем в широкую долину, густо рос папоротник, качаясь на ветру. По всей долине рассеяны какие-то предметы — звездный свет делал их бледными. Ливия подумала, что это, должно быть, большие белые цветы, и новая мысль смутно напомнила ей о чем-то странном. Она вспомнила, как чернокожие со страхом говорили о какой-то долине. О долине, куда убегали девушки другой, золотисто-смуглой расы, которая населяла землю до прихода предков бакала. Там, говорили люди, они превращались в белые цветы. Да, древние боги превращали их в цветы, чтобы они избежали насилия. Ни один чернокожий мужчина не смел ходить туда.

Но Ливия решилась пойти в эту долину. Она стала спускаться по покрытому травой склону, который бархатно ласкал ее босые ноги. Ливия останется там, среди кивающих белых цветов, и ни один мужчина никогда не придет сюда и не прикоснется к ней своими похотливыми, грубыми руками. Конан говорил, что соглашения заключаются, чтобы их нарушать. Свое соглашение с ним она нарушит. Она уйдет в долину пропавших женщин. Она затеряется в одиночестве и неподвижности... Эти смутные, развязненные мысли проносились в ее сознании, пока она спускалась вниз, и склоны холмов поднимались вокруг нее все выше и выше.

И когда она стояла уже на самом дне долины, у нее все равно не возникало ощущения, будто она заперта в этих неровных стенах. Вокруг нее шевелилось море теней, и большие белые цветы кивали головами и что-то шептали ей. Ливия стала бродить наугад, раздвигая перед собой папоротник, слушая шепот ветра в листьях и с почти детским удовольствием внимая жур-

чанию невидимого потока. Она двигалась словно во сне, окруженная странной нереальностью. Одна мысль постоянно вертелась у Ливии в голове: она в безопасности, она навсегда избавлена от грубости мужчин. Ливия заплакала, но это были слезы радости. Она легла, вытянувшись во весь рост, ухватилась за траву, словно хотела прижать к груди найденное убежище и остаться так навеки. Из цветов она сплела себе венок на голову. Их аромат сливался с другими запахами долины, убаюкивающими, нежными, волшебными.

Наконец Ливия добралась до поляны посреди долины и увидела там большой камень, словно обтесанный руками человека. Он был украшен папоротниками и цветами. Ливия стояла, глядя на него с удивлением, и вдруг почувствовала вокруг себя какое-то движение. Повернувшись, она увидела фигуры, крадущиеся из теней, — странные смуглые женщины, гибкие, нагие, с цветами в черных как ночь волосах. Словно существа из сновидения, они приблизились к Ливии, не произнося ни слова. Вдруг ей стало очень страшно. Она увидела их глаза — светящиеся, нечеловеческие. Казалось, будто тела девушек сохранили человеческую форму, но души их претерпели странное изменение. И эти искажения человеческой природы отражались в их светящихся глазах. Страх волной накрыл Ливию. Змея поднимала свою страшную голову в только что обретенном раю.

Ливия не могла двинуться с места. Гибкие смуглые женщины окружили ее. Одна, на вид красивее других, подошла к дрожавшей девушке и обняла ее. Дыхание ее издавало тот же запах, что и белые цветы, раскачивающиеся под звездами. Губы девушки коснулись губ Ливии и замерли в долгом, страшном поцелуе. Ливия почувствовала, как стынет ее кровь. Руки и ноги стали хрупкими. Как белая статуя из мрамора, она лежала в объятиях смуглой красавицы, не в состоянии ни говорить, ни двигаться.

Быстрые мягкие руки подняли ее и уложили на камень-алтарь посреди цветов. Смуглые женщины встали в круг, взяв-

лись за руки, и повели вокруг алтаря плавный хоровод. Никогда ни солнце, ни луна не становились свидетелями такого танца, а большие белые звезды сделались еще белее и засияли еще ярче, словно таинственные чары танца заставляли реагировать космос и стихии.

Послышалось низкое пение. Казалось, то поют не человеческие голоса — доносится журчание далекого потока. Шелест голосов напоминал шепот больших белых цветов, колышущихся под звездами. Ливия лежала, сознавая происходящее, но не в силах шевельнуться. Ей и в голову не пришло усомниться в своем рассудке. Она не хотела рассуждать или анализировать. Она — была, и эти странные существа, танцующие вокруг нее,— они тоже были. Ливия признавала реальность своего кошмара, но лежала беспомощно, глядя в звездное небо, откуда — она знала это — что-то должно прийти к ней, как уже приходило давно-давно, чтобы сделать этих обнаженных смуглых женщин бесплотными существами.

Сначала Ливия увидела черную точку среди звезд, которая росла и расширялась. Эта точка приближалась, становясь похожей на летучую мышь, и продолжала расти, не меняя формы. Она парила над пленницей среди звезд и вдруг ринулась вниз, словно тяжелый груз, оборвавшийся с веревки. Большие крылья распростерлись над Ливией. Она лежала, накрытая мрачной тенью. А пение поднималось все выше, превращаясь в хвалебный гимн нечеловеческой радости, в приветствие богу, который пришел, чтобы потребовать новой жертвы, свежей и розовой, как цветок в предрассветной росе.

Теперь демон завис над Ливией, и ее душа съежилась, застыла и стала маленькой. Крылья демона были похожи на крылья летучей мыши, но его тело и расплывающееся в сумерках лицо, смотрящее прямо на пленницу, не были похожи ни на что. Ни в море, ни на суше, ни в воздухе не существовало ничего подобного. Ливия знала, что смотрит на абсолютный ужас, на черную космическую грязь, рожденную в темных как ночь безднах.

Разрывая невидимые путы, Ливия дико закричала. Ее крик отозвался таинственным грозным возгласом. Она услышала топот бегущих ног. Все вокруг нее вскипело водоворотом, белые цветы разлетелись по сторонам, смуглые женщины разбежались. Но сверху по-прежнему парила большая черная тень. Затем Ливия увидела высокую белую фигуру с плюмажем на голове, стремительно приближавшуюся к ней.

— Конан!

Крик невольно сорвался с ее губ. С резким нечленораздельным воплем варвар прыгнул вверх, взмахнув над головой мечом, блеснувшим в свете звезд.

Большие черные крылья взметнулись вверх и упали. Ливия, онемевшая от ужаса, увидела, что черная тень окутала киммерийца. Белый человек тяжело дышал, топот его ног гулко отдавался в ночи, цветы были втоптаны в грязь. Варвара швыряло из стороны в сторону, как крысу в пасти собаки, кровь стекала с меча, марала белые лепестки, усыпавшие землю, как ковер.

И вдруг девушка, наблюдавшая это адское сражение, словно в кошмарном сне, увидела, как существо с черными крыльями дрогнуло и зашаталось в воздухе. Послышались взмахи покалеченных крыльев, чудовище освободилось, взмыло вверх, слилось со звездами и исчезло. Его победитель качался, словно у него кружилась голова. Он оперся на меч, широко расставив ноги и глядя вверх, словно пораженный своей победой.

Спустя некоторое время Конан приблизился к алтарю. Его массивная грудь, блестящая от пота, высоко вздымалась. Кровь сбегала по рукам с шеи и плеч. Когда он дотронулся до девушки, чары спали с нее. Ливия поднялась и соскользнула с алтаря, отшатнувшись от его руки. Конан прислонился к камню, глядя на нее сверху вниз,— она съежилась у его ног.

— Люди видели, как ты умчалась из деревни,— сказал он.— Я последовал за тобой сразу, как только смог. Я ехал по твоему следу, хотя было трудно его разобрать при свете факелов. Я ехал за тобой до места, где конь сбросил тебя, и, хотя факелы к тому времени догорели и я не мог найти отпечатков тво-

их босых ног на траве, я был уверен, что ты спустилась в долину. Мои люди побоялись последовать за мной, поэтому я пошел дальше один пешком. Что это было?

— Бог,— прошептала она.— Черные люди говорили об этом. Бог, приходящий издалека и очень древний!

— Демон из потусторонней темноты,— усмехнулся он.— В демонах нет ничего особенного. Они таятся, как блохи, за поясом света, который окружает этот мир. Я слышал, как мудрые заморанцы говорили о них. Некоторые из этих существ отыскивают дорогу на землю. А когда они достигают земли, им приходится принять какую-нибудь земную форму. Мужчина вроде меня, с мечом, справится с любым количеством клыков и когтей, демонских или земных. Пойдем. Мои люди ждут за хребтом долины.

Ливия сжалась, боясь шевельнуться. Она не знала, что сказать, а Конан хмуро смотрел на нее. Затем она заговорила:

— Я убежала от тебя. Я хотела обмануть тебя. Я не собиралась выполнить свое обещание. Мы договорились, что я буду твоей, но я все равно убежала бы от тебя, если бы могла. Накажи меня, как хочешь.

Он стряхнул пот и кровь с волос, вложил меч в ножны.

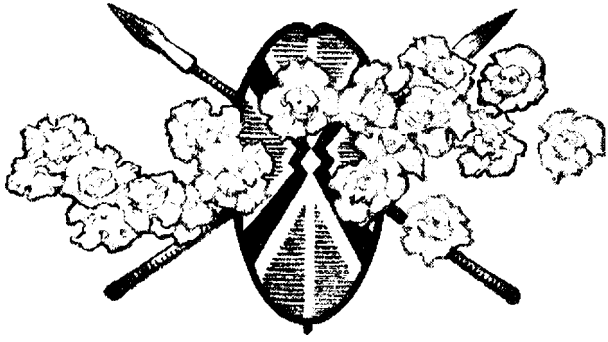
— Встань,— проворчал он.— Это была грязная сделка. Я не жалею, что убил черную собаку Баджуя, но ты не шлюха, которую покупают и продают. Привычки мужчин разные в разных странах, но мужчине не обязательно быть свиньей, где бы он ни оказался. Поразмыслив, я понял, что требовать от тебя соблюдения нашего договора — это все равно что взять тебя силой. Кроме того, для этой страны ты недостаточно сильная. Ты дитя города, книг, цивилизованного образа жизни. В этом не будет твоей вины, но ты быстро умрешь, если начнешь жить моей жизнью. А мертвая женщина мне не нужна. Я довезу тебя до стигийской границы. Пусть стигийцы отправят тебя домой в Офир.

Подняв голову, Ливия посмотрела на Конана, словно сомневалась, правильно ли она поняла его.

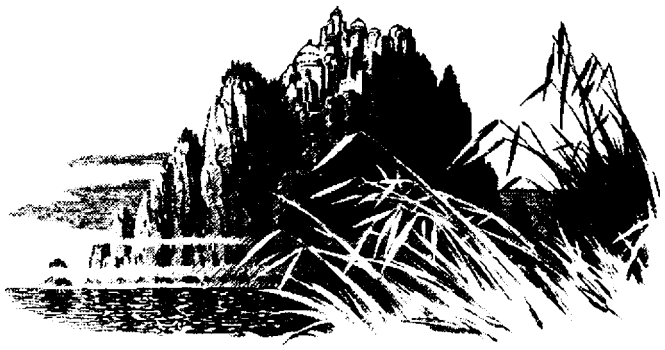
— Домой? — машинально повторила она. — Домой? В Офир? К моим родным? К городам, банным, к покою, к моему дому?

И вдруг она заплакала и упала на колени, обхватив руками его ноги.

— Кром! Девушка, — пробормотал пораженный Конан, — не нужно этого. Ты думаешь, я делаю тебе одолжение, увозя тебя из этой страны? Разве я уже не объяснил тебе, что ты — не та женщина, которая нужна военачальнику бамулов?



Железный демон



1

Пальцы рыбака сомкнулись на рукояти кривого как серп ножа, и сталь выскользнула из ножен. Ни зверя, ни человека не видел он вокруг себя, стоя на древней мостовой, изувеченной корнями деревьев, но опасность чувствовалась остро. Знакомое ощущение оружия, способного с одного удара разрубить человека, придало ему уверенности. Хотя никто не угрожал ему в тишине, царившей на зубчатой скале посреди моря, носившей имя Ксапур.

Рыбак был самым обычным представителем племени юйтши, история которого терялась в седом тумане прошлого; сын народа, обитавшего с незапамятных времен в убогих хижинах на южном побережье Вилайета,— косая сажень в плечах, руки как обезьяньи лапы, мощная грудь, но узкие бедра и тонкие кривые ноги. Портрет дополняла большая голова со скошенным лбом и жесткими спутанными волосами. Вся его одежда состояла из обмотанного вокруг бедер куска дерюги и ремня, на котором висели ножны.

Грозовой ночью он увидел в свете молнии скалистый остров, окаймленный узкой полосой леса. Вялое любопытство — а только этим качеством и отличался рыбак от своих сородичей — побудило его пристать к берегу, пройти через джунгли и забраться на гору, и вот он стоит среди деревьев, поваленных колонн и полуразрушенных стен, напоминавших развалины огромного лабиринта. Стоит, испытывая необъяснимую тревогу.

© Перевод Г. Корчагина.

«Ксапур» означает «укрепленный». Люди редко посещали этот остров, необитаемый, затерянный среди точно таких же клочков суши. Своим названием он был обязан руинам, останкам безвестного доисторического королевства, погибшего и забытого задолго до того, как хайборийцы-завоеватели двинулись к югу. О строителях крепости никто ничего не знал, лишь туманные легенды передавались юйтши из уст в уста, что наводило на предположение о связи между племенем рыболовов и древними жителями острова.

Связь эта прервалась давным-давно, тысячу лет назад, в ту пору юйтши умели читать письмена, выбитые на стенах. А ныне старейшины племени способны лишь твердить заученные с малъства слова, им же самим кажущиеся бредом. Ни один из этого племени не посещал Ксапур добрый век. Ближайший к нему берег материка был необитаем, являя собой царство болот, тростника и зверья. Ближайшая деревня лежала гораздо южнее. Понявшего ночью в бурю рыбака далеко отнесло от тех мест, где он обычно ставил сети, а потом утлая лодка разбилась о прибрежные камни и исчезла в ревущей воде под раскаты грома и сполохи молний. На заре небо прояснилось и окрасилось в синеву, и лучи восходящего солнца превратили капли росы на листве в драгоценные камни.

Юйтши полез на утес, к которому прибило его лодку. Он помнил, как ночью, среди грозы, ударила с черных небес сильнейшая молния, и от этого удара содрогнулся весь остров, а после раздался чудовищный грохот. Едва ли трещало расколотое дерево. Рыбак решил поискать источник звука. Но теперь к любопытству добавилось тяжелое чувство — животный страх перед скорой неминуемой смертью.

Среди деревьев высился купол, сложенный из огромных каменных блоков. Такой камень, похожий на железо, встречался только на островах Вилайета. Казалось невероятным, что человеческие руки некогда обтесали эти глыбы и сложили из них гигантский свод. Разрушить его простым смертным, разумеется, было бы не под силу, но удара молнии макушка купола не выдержала, и блоки превратились в зеленоватое крошево.

Рыбак забрался на развалины, посмотрел вниз и крякнул от удивления — на золотой плите, полузасыпанный зеленоватым щебнем, лежал человек в юбке и шагреневом поясе, с узким золотым обручем поверх густой гривы черных волос. На голой мускулистой груди покоился кинжал с необычно изогнутым широким клинком и рукоятью, украшенной шагренью и драгоценными камнями. Нож походил на тот, что висел на поясе юйтши, но явно был выкован рукой искусного мастера, а не деревенского кузнеца.

Рыбак не удивился бы, узнав, что видит одного из своих предков, не истлевшего в земле за многие века, а сохранившегося, благодаря загадочному искусству древних, в каменном склепе. Но юйтши не стал ломать голову, почему полуголый мертвец-великан так похож на живого, почему его огромные мускулы не ссохлись, а кожа осталась свежей и гладкой. В мозгу, не привычном к долгим раздумьям, зашевелилась лишь одна мысль: поскорее завладеть кинжалом, манящим плавными линиями и тусклым сиянием стали.

Спустившись в склеп, рыбак осторожно склонился над полуголым великаном и схватил драгоценность. Но едва он это сделал, случилось нечто непостижимое и ужасное. Мускулы смуглых рук конвульсивно напряглись, веки распахнулись — и вот дрожащий, хрипящий от страха юйтши завороженно смотрит в огромные неподвижные черные зрачки. Взгляд этот подействовал, как удар дубиной. Выронив из ослабевших пальцев кинжал, рыбак отшатнулся.

Великан сел. В глазах, устремленных на рыбака, не было ни дружелюбия, ни благодарности. В них горели злые огоньки, как в глазах голодного тигра. Внезапно он поднялся и навис над рыбаком, угрожающе протянув к нему руки. Полумертвый не столько от ужаса, сколько от непонимания того, как мертвецу удалось попрать законы природы, юйтши все-таки сумел вытащить свой нож и ткнуть им вверх в тот миг, когда тяжелые ладони легли на его плечи. Удар пришелся в живот, но с таким же успехом можно было колоть стальную колонну. Лезвие разлетелось на куски, и в следующее мгновение толстая шея рыбака сломалась в руках великана, словно гнилой сучок.

2

Еще раз взглянув на пергамент, исписанный витиеватым почерком, с оттиснутым внизу изображением павлина, Джехунгир Агха, властелин Хаваризма и страж береговой границы, язвительно рассмеялся.

— Что скажешь? — обратился он к Газнави, своему советнику.

Тот промолчал. Джехунгир бросил свиток на стол. Рослый и красивый, он отличался сварливым и спесивым нравом, свойственным людям знатным и удачливым.

— Король изволит гневаться,— усмехнулся он.— Соблаговолил написать собственной рукой, как недоволен моей службой по охране границы. Клянется Таримом, что, если я не справлюсь со степными разбойниками, Хаваризм перейдет в другие руки.

Газнави задумчиво поглаживал седую бороду. Король Турана Ездигерд считался самым могущественным монархом в мире. В его дворец, украшавший собой огромный порт Аграпур, стекались богатства, награбленные в других империях. Благодаря его флотилиям с пурпурными парусами Вилайет стал называться Гирканским озером. Ездигерду платили дань темнокожие заморийцы и жители восточных провинций Кофа. После долгих войн на западе его наместникам подчинились шемиты и шушане. Его армия опустошила приграничные зем-

ли Стигии на юге и снежные просторы гиперборейцев на севере. Всадники туранского короля прошли с огнем и мечом по западным странам: Британии, Офиру и Коринтии, и даже вторглись в Немедию. Немало его воинов в позолоченных шлемах легло под копыта коней, сложило головы под стенами осажденных горящих городов, зато теперь на невольничьих рынках Аграпура, Султанапура, Хаваризма, Шахпура и Хорусуна можно выбрать женщину на любой вкус: светловолосую британку, смуглую стигийку, темноволосую заморийку, оливковокожую шемитку, черную куштитку. А пока этих женщин продавали, их мужья, далеко отброшенные от границ туранскими армиями, могли только ломать в отчаянии руки и рвать свои бороды.

Между тем вот уже полвека в просторах степей между морем Вилайет и восточной границей Гиперборейского королевства обитало новое племя. Там собирались беглые преступники и рабы, бродяги и дезертиры. Многие из этих людей, промышлявших воровством и разбоем, родились в степи, многие пришли из западных стран. Себя они называли козаками, то есть лихими людьми, всех остальных презирали. Обитая в диких бескрайних степях, они не признавали ничьих законов, кроме собственных разбойничьих правил. Нередко совершали дерзкие набеги на туранские границы. Порой королевским войскам удавалось рассеять их, и тогда козаки уходили в степь зализывать раны. Иногда, объединившись с пиратами Вилайета, они грабили прибрежные деревни и захватывали торговые суда, сновавшие между гирканскими портами.

— Но как же справиться с этими волками? — спросил Джехунгир.— Если я поведу армию в степь — попаду в ловушку, буду отрезан и разбит, либо козаки уклонятся от битвы, просочатся сюда и сожгут беззащитный город. Последнее время они вконец обнаглели.

— Это потому, что у них появился сильный вождь,— ответил Газнави.— Вы знаете, о ком я говорю.

— Еще бы! — в сердцах воскликнул Джехунгир.— Этот демон свирепей любого козака и хитер как горный лев.

— Опасным его делает звериный инстинкт, а не способность думать,— добавил Газнави.— Другие козаки, по крайней мере, выходцы из цивилизованных стран, а этот — сущий дикарь. Если попадет к нам в лапы, разгромить его орду будет нетрудно.

— Да, но как этого добиться? — со вздохом спросил Джехунгир.— Сколько раз мы расставляли ему капканы, а все без толку. Я же говорю, у него звериный нюх и невероятная хитрость.

— На любого зверя, как и на любого человека, найдется капкан,— ухмыльнулся Газнави.— Я видел Конана, когда мы предлагали козакам выкуп за пленных. Он падок на женщин и крепкие напитки. Велите привести вашу рабыню Октавию.

Джехунгир хлопнул в ладоши, бесстрастный чернокожий купит в шелковых шароварах поклонился и вышел из покоев. Вскоре он вернулся, ведя за руку девушку. Короткая шелковая туника, схваченная пояском, подчеркивала безупречную стройность ее фигуры. Золотистые волосы, нежная белая кожа выдавали чистокровную дочь своей расы. Прекрасные ясные глаза пылали негодованием, но девушка молчала — в неволе ее приучили к покорности. Она стояла с опущенной головой перед хозяином, пока Джехунгир не разрешил ей сесть на диван. Затем он вопросительно посмотрел на Газнави.

— Конан не расстается с козаками,— произнес советник.— Их стан где-то в низовьях Запорожки. Помните эту реку? На ее болотистом берегу, среди камышей, посланный нами отряд был окружен и разбит этими демонами.

Лицо Джехунгира перекосилось.

— Рад бы забыть, да не могу,— проворчал он.

— Неподалеку от материка расположен безлюдный остров,— продолжал Газнави.— Его называют Ксапур – Крепость. Там сохранились развалины древнего укрепленного города. Этот остров прекрасно подходит для наших целей. Его берега почти неприступны — везде крутые утесы, даже обезьяне не вскарабкаться на них. Только на западе вырублены ступеньки в скале. Лестница эта узка и полуразрушена, но все же позволяет проникнуть в глубь острова. Если удастся заманить туда Кона-

на, можно поохотиться на него с луками, как на льва, и затравить без всякого риска.

— Так он и согласится лезть в западню,— раздраженно хмыкнул Джехунгир.— Скорее луна свалится с неба. Как мы заманим его на остров? Пошлем гонца с предложением забраться на вершину утеса и ждать нашего прихода?

— Именно так мы и сделаем.

Джехунгир не нашелся что сказать. Газнави продолжал:

— У степной границы, в крепости Гхори, мы возобновим переговоры о выкупе пленных. Как обычно, подойдем с сильным отрядом и станем лагерем возле замка. Конан придет с таким же по численности войском, и мы снова будем торговаться, выказывая друг другу подозрительность и недоверие. Но на этот раз с нами, как будто волей случая, поедет наша прекрасная пленница.

Октавия, которая с интересом прислушивалась к беседе, переменилась в лице.

— Девушка,— кивнул в ее сторону советник,— не пожалеет кокетства, чтобы привлечь внимание Конана. Уверен, с такой задачей она справится лучше, чем любая кукла из сераля. Увидев такое прекрасное тело, услышав манящие речи, варвар забудет обо всем на свете.

Октавия вскочила, дрожа от гнева. Ее глаза сверкали, пальцы, стиснутые в кулачки, побелели.

— Вы хотите отдать меня варвару, как непотребную девку?! — вскричала она.— Я не стану кокетничать с ним! Я не базарная потаскуха, которая строит глазки степным разбойникам, а дочь немедийского вельможи!..

— Дочерью вельможи ты была до того, как тебя схватили мои конники,— с ухмылкой сказал Джехунгир.— Сейчас ты всего лишь рабыня, что прикажу, то и выполнишь!

— Этому не бывать!

— Совсем напротив,— издевательски возразил Джехунгир.— Мне нравится замысел Газнави. Продолжай, мой советник.

— Вероятно, Конан пожелает купить ее. Но ни продать Октавию, ни обменять на пленников-гирканцев вы не согласи-

тесь. Вряд ли он попытается украсть ее или отбить, ведь это чревато срывом переговоров о выкупе пленных. Впрочем, мы должны быть готовы к любой выходке. Как только переговоры закончатся, чуть раньше, чем Конан забудет о ней, к нему явится наш человек. Он обвинит варвара в похищении девушки и потребует вернуть ее. Возможно, Конан убьет посланника, но даже в этом случае он посчитает, что Октавия сбежала. Затем в лагере козаков появится рыбак юйтши, который шепнет варвару, что прелестная немедийка прячется на Ксапуре. Я хорошо изучил характер гетмана и уверен, что он помчится к ней, не медля ни мгновения.

— Но вдруг он пойдет не один? — с сомнением спросил Джехунгир.

— Ища любви, берет ли мужчина с собой отряд воинов? Он будет один, это несомненно. Но, повторяю, надо предвидеть любую случайность. Мы же не станем ждать его на острове, рискуя попасть в собственные сети, а спрячемся поблизости, на болотистом берегу материка, среди камышей. Если Конан приведет большое войско, мы отступим и придумаем другой план. Если явится один или с маленьким эскортом, мы нападем. А он обязательно явится, ведь очаровательная улыбка и многообещающие взгляды Октавии кому угодно вскружат голову,— добавил советник, косясь на девушку.

— Я не пойду на такой позор! — воскликнула оскорбленная Октавия.— Лучше умру!

— Не умрешь, моя строптивая красавица,— возразил Джехунгир.— Сейчас ты убедишься, что рабыням нельзя капризничать, и вновь станешь послушной и кроткой.

Он хлопнул в ладоши. Октавия побледнела.

На сей раз к Джехунгиру приблизился не кушит, а мускулистый, среднего роста шемит с иссиня-черной бородой.

— Для тебя есть работа, Джильзан,— ухмыльнулся Джехунгир.— Возьми эту красотку и позабавься с нею. Пусть она узнает, что такое боль и унижение. Только смотри, не попорти ее красоту.

Шемит с нечленораздельным ворчанием схватил девушку, и сразу от ее гордыни не осталось даже следа. С жалобным криком она вырвала руку из железных пальцев Джильзана и, упав на колени перед своим жестоким повелителем, страстно взмолилась о пощаде.

Отпустив разочарованного палача, Джехунгир сказал советнику:

— Если на этот раз Конан попадет в западню, мой дорогой Газнави, то на твою седую голову прольется золотой дождь.

3

Незадолго до рассвета сон тростниковых зарослей и темной воды был потревожен непривычными звуками. Сквозь густой высокий тростник пробирался не зверь и не птица, а человек — длинноногая золотоволосая женщина в изорванной, испачканной тунике. Октавия сбежала при первой возможности, и до сих пор фибры ее души дрожали от ярости — столь невыносимым, унизительным был плен. Но даже грубые ласки Джехунгира не стали для нее таким тяжким испытанием, как переход через болото.

Мало того что Джехунгир сам жестоко помыкал ею. Он решил отдать свою рабыню знатному человеку, чье имя даже в Хаваризме означало крайнюю испорченность.

Октавия дрожала, вспоминая минувшую ночь. Отчаяние помогло ей спуститься со стены замка Джелал-хана по веревке из разорванных гобеленов. Счастливый случай подарил стреноженного коня. Всю ночь скакала она, и рассвет застал ее на топком морском берегу. Со страхом и отвращением думая о том, что сделают с нею, если поймают и вернут Джелал-хану, Октавия шла, с трудом вытаскивая ноги из тины, ища укрытия от предполагаемой погони. Вот уже вода поднялась до бедер, тростник стал редеть. Впереди показались смутные очертания острова, отделенного от илистого берега широкой полосой воды.

Не колеблясь ни мгновения, Октавия шагнула навстречу волне и поплыла.

Остров походил на старинный замок с отвесными стенами, поднимающимися из воды. Уже выбиваясь из сил, девушка приблизилась утесу — и не нашла ничего подходящего, чтобы *наступить или ухватиться*. Пришлось двигаться вдоль берега. Казалось, еще миг — и мышцы будут скованы изнеможением и она пойдет ко дну. Но тут рука, судорожно скользящая по отвесному камню, нашла углубление. Ступенька! Всхлипывая от облегчения, Октавия выбралась из воды — точно белая морская богиня в лучах зари.

Она двинулась по уступам, похожим на вырубленные в скале ступени. И вдруг замерла, распластавшись на скале,— до нее донесся звук, похожий на плеск воды под веслами. Октавия вгляделась в полумрак. Среди тростников, где она недавно побывала, вроде бы двигалось нечто темное, но вскоре плеск стих, и больше ничего рассмотреть не удалось. «Если это преследователи, то лучшего убежища не найти»,— рассудила она, зная, что острова вдоль болотистого края материка почти все необитаемы. Правда, на этом клочке суши могло находиться логово морских разбойников, но их Октавия боялась меньше, чем зверей в человеческом обличье, от которых убежала.

Она двинулась дальше, вспоминая — и невольно сравнивая со своим бывшим господином — козака, с которым ее заставили бесстыдно флиртовать в лагере возле крепости Гхори, где велись переговоры между гирканскими вождями и степными воинами. Горящий взгляд разбойника пугал и унижал ее, но тот человек явно вылеплен совсем не из того теста, что Джелал-хан, чудовище, которое способна породить только развращенная роскошью цивилизация.

Октавия взобралась на вершину утеса и боязливо вгляделась. Деревья вплотную подступали к крутому берегу, образуя сплошную стену мглы. Какая-то тварь, шелестя крыльями, пролетела над головой — наверное, летучая мышь. Черные тени леса пробудили в душе прекрасной беглянки ледяной страх. На острове могли обитать змеи. Стараясь не думать о них, Ок-

тавия сжала зубы и пошла вперед. Ее босые ноги бесшумно ступали по влажной податливой земле. Чем дальше она забиралась в лес, тем страшнее было оглянуться. Она не сделала и дюжины шагов, как вокруг сомкнулась тьма, над головой за сплетением ветвей скрылись звезды. Идти дальше можно было только ощупью, наугад.

Внезапно Октавия застыла на месте: впереди послышались ритмичные гулкие удары. Меньше всего она ожидала услышать на этом острове барабан, но сразу же забыла о нем, ощутив чье-то присутствие совсем рядом. Отпрянула со сдавленным возгласом, и в тот же миг невидимая рука схватила ее за запястье. Октавия кричала, вырывалась изо всех сил, но нападавшему справиться с нею было не труднее, чем с младенцем. Он не проронил ни звука; молчание, которым он отвечал на ее отчаянные мольбы и протесты, испугало девушку сильнее любых угроз и воплей. Невидимый силач взвалил ее на плечо и понес в глубь леса — туда, где рокотал барабан.

4

Блеснувший на горизонте луч зари окрасил море в пурпур. К утесам острова приближалась утлая лодочка с одиноким гребцом — красивым и статным, одетым с варварской простотой: повязанный на голове темно-красный шарф, распахнутая на груди белая рубаха, шелковые шаровары ярко-синего цвета, перепоясанные кушаком; а к кушаку подвешена кривая сабля в шагреневых ножнах. Его кожаные с золотым шитьем сапоги скорее могли принадлежать конному, но веслами он работал как заправский моряк.

Взмах — и вздымается коричневая от загара грудь, и перекатываются огромные мускулы. Каждое движение гребца говорило о том, что с измальства он живет в диком, жестоком мире, где невзгоды и опасности закалили его, дали мышцам тигриную силу и ловкость, а сердцу — безрассудную отвагу и азарт. Только взгляд синих глаз был холоден и спокоен, в нем угадывался природный ум.

Гребцом оказался Конан. Однажды он забрел в козацкий лагерь, не имея за душой ничего, кроме клинка и сметки. За удаль и смелость козаки выбрали его своим гетманом. Сейчас козаки были далеко, и его окружали мгла и морская гладь. Во мгле могли таиться любые опасности, и Конан был настороже. Вскоре он уверенно достиг каменной лестницы, набро-

сил веревку на выступ и, не медля ни мига, двинулся вверх по ступенькам.

То, что Газнави принимал за интуицию или еще какое-нибудь сверхъестественное чувство, было всего лишь отточенной до остроты лезвия варварской осторожностью. Конан не обладал инстинктом, способным предупредить его о воинах, затаившихся среди тростников. Просто киммериец всегда, даже когда спал, был начеку.

Когда он поднялся на утес, один из следивших с облегчением вздохнул и медленно поднял лук. Схватив его за руку, Джехунгир зло прошептал:

— Глупец! Ты выдашь нас! Дай ему забраться в глубь острова. Он разыскивает девчонку. Еще немного подождем, иначе он может заметить нас или разгадать наш замысел. Что, если где-то поблизости затаились его воины? Если через час не спустится к лодке, мы переберемся на остров и будем ждать его возле лестницы. Не дождемся — кто-нибудь из нас пройдет в глубь острова и выгонит его на засаду. Но лучше бы обойтись без этого, охота в лесу наверняка будет стоить жизни некоторым из нас. Нет, лучше подстеречь его на лестнице и продырявить стрелами с безопасного расстояния.

Между тем ни о чем не подозревавший козак бесшумно ступал по лесной тропе, пронизывая взглядом каждую тень в надежде заметить золотоволосую красавицу из шатра Джехунгира. Ее чарующая улыбка и ласковый взгляд зажгли в сердце Конана огонь, и он твердо решил во что бы то ни стало разыскать обольстительницу. Впрочем, решение было бы точно таким же, даже если бы она выказала отвращение.

Он уже не впервые высаживался на Ксапур. С месяц назад козаки тайком встречались здесь с пиратами, вели переговоры. Конан знал, что приближается к древним развалинам, подарившим острову имя, и не удивился бы, обнаружив среди них девушку.

И вдруг он застыл, окаменев: впереди за деревьями высилась огромная темно-зеленая цитадель.

Немыслимо, чудовищно, противоестественно! Месяц назад здесь были жалкие развалины — и вот теперь стоят башни, бастионы, высокая куртина! Чьи могучие руки в считаные недели возвели этакую махину на пустынном острове? Почему козаки — друзья пиратов, часто бывающих здесь, — не знают о ней ровным счетом ничего?

Конан помотал головой — может, померещилось? — но нет. Крепость не растаяла как сон. Или он сошел с ума, или видит чудо.

Он мысленно вернулся в козачий лагерь, разбитый в низовьях Запорожки. Киммерийца пробрал страх — ведь до острова рукой подать, и не лучше ли бежать, выбраться из степей, оставить тысячи миль между собой и голубым таинственным Востоком, где основные законы природы не значат ровным счетом ничего и где творится всякое колдовское непотребство. В тот момент судьба будущих королевств зависела от того, как поступит этот пестро одетый варвар. Достаточно было одной жалкой песчинки, чтобы склонить чашу весов.

Его взгляд, непрестанно шаривший вокруг, наткнулся на лоскуток шелка, одиноко висевший на кусте. Пальцы Конана схватили лоскуток, ноздри его раздулись, глаза заблестели. Он мгновенно узнал этот шелк, узнал и тончайший сладостный аромат, исходивший от него, — запах молодой женщины из шатра Джехунгира.

Рыбак, выходит, не обманул: она здесь! На земле отчетливо виднелись следы ног, длинных, узких — но это были мужские ноги, и они погружались в почву необычно глубоко. Разгадка проста: человек шел с тяжелой ношей, и что это могла быть за ноша, как не девушка? Впереди за деревьями смутно проступала башня. Сощуренные глаза киммерийца горели; желание получить золотоволосую красавицу смешалось с первобытной злостью на того, кто ее украл. Но человеческие страсти боролись в нем со страхом перед сверхчеловеческим. В конце концов они победили.

Припрятавшись, он медленно и бесшумно, как пантера на охоте, двинулся к стенам. Если кто и сторожил наверху, то вряд

ли он мог разглядеть козака в густой листве. Подойдя к крепости вплотную, киммериец увидел, что она сложена из зеленых тесаных глыб. Где-то он уже видел эту породу, да и контуры башни казались знакомыми. Где? Когда? Как будто он видел ее во сне или нарисовал однажды в воображении.

Вскоре он понял, в чем дело. Раньше здесь были зеленоватые руины, и чьи-то руки восстановили стены и башни, уложив на прежнее место все камни.

Ничто не нарушало безмолвия. Конан крался вдоль стены, отвесно поднимавшейся над морем пышной растительности. На южном краю острова она была почти тропической. Никто не следил за ним с парапета. Вскоре он наткнулся на огромные ворота. Почему они не заперты и не охраняются, можно было только догадываться. Зато он знал наверняка: золотоволосая красавица в крепости. И разумеется, неизвестность и ощущение опасности не могли остановить Конана.

Над головой тянулись увитые лианами ветви. Конан легко вскарабкался на высокое дерево, пробрался по длинному суку как можно дальше, свесился на руках над стеной, раскачался и, пролетев, точно снаряд из катапульты, очутился на широком зубце. Крепость была невелика, но вмещала удивительно много строений. Трех- и четырехэтажные дома, преимущественно с плоскими крышами; улицы, сходящиеся, точно спицы колеса к ступице, к восьмигранному внутреннему двору. В его центре возвышалось, господствуя над всем городом, сооружение с куполами и башнями. Все это выдавало изысканный архитектурный стиль. Солнце уже взошло, но никто не появился на улицах и в окнах зданий. В крепости царила мертвая тишина.

Обнаружив поблизости узкую каменную лестницу, Конан двинулся вниз. Дома подступали к крепостной стене почти вплотную, и на полпути киммериец оказался вровень с окном. Ставни отсутствовали, шелковые занавески схвачены атласными шнурками, и он без труда рассмотрел комнату с темными бархатными драпировками на стенах, с устланным ковром полом, со скамьями черного полированного дерева вдоль стен; было там и ложе из слоновой кости, а на нем груда мехов.

Он приготовился двинуться дальше, как вдруг услышал шаги на ближней улице. Не дожидаясь, когда его увидит на лестнице незнакомец, Конан шагнул в проем окна. Застыл на несколько мгновений точно статуя, но все было спокойно. Тогда он медленно двинулся по ковру к занавешенной арке, рассчитывая найти за ней выход. Но тут ткань откинулась, и за аркой обнаружился устланный подушками и мехами альков. Там лежала стройная темноволосая девушка, ее глаза равнодушно следили за Конаном.

Когда же он настороженно приблизился, ожидая истошного крика, она лишь зевнула, прикрывая рот изящной рукой, и села, придерживаясь за бархатный полог.

Несомненно, она принадлежала к белой расе, хотя кожа ее была очень смугла. Волосы с ровно подстриженной челкой были черны как ночь. Одеждой ей служила лишь шелковая лента на бедрах.

Девушка вдруг что-то произнесла, но Конан не разобрал ни слова и отрицательно покачал головой. Красавица, не выказав ни малейшего удивления, снова зевнула, потянулась как кошка и заговорила на языке, похожем на язык юйтши и вполне понятном Конану.

— Ты кого-то ищешь?

Она спрашивала таким тоном, будто к ней в спальню вошел старый приятель, а не вооруженный чужеземец.

— Кто ты? — спросил Конан.

— Ятели,— бесстрастно ответила она.— Должно быть, пировала вчера допоздна, что-то меня в сон клонит. А ты кто такой?

— Конан, козачий гетман,— проговорил он, следя за каждым ее движением. Что, если равнодушие притворно, что, если она ищет возможность выбежать из комнаты и переполошить весь дом? Но пусть даже за пологом скрывается шнурок сигнального устройства — она не успеет дотянуться.

На ее лице не отразилось ни удивления, ни страха.

— Конан,— повторила она сонно.— Ты не дагон. Должно быть, наемник. И многих ли юйтши ты обезглавил?

— Я не воюю с водяными крысами,— проворчал козак.

— Но ведь они такие страшные! — прошептала она с дрожью в голосе.— Раньше юйтши были нашими рабами. А потом восстали. Жгли, убивали всех без разбора. Только волшебство Хосатрала Хела не подпускало их к крепости...

У нее слипались глаза. Тряхнув головой, Ятели недоуменно продолжала:

— Как же я забыла... Этой ночью они все-таки поднялись на стену. Крики, пожары... Тщетно мы звали на помощь Хосатрала...

Она снова тряхнула головой, словно пыталась отогнать страшное воспоминание.

— Возможно, этого и не было вовсе... Иначе меня бы убили вместе со всеми, а я, кажется жива... Впрочем, неважно.

Девушка приблизилась к Конану, взяла его за руку и потянула к ложу. Он воспротивился, не зная, что и думать. Девушка улыбалась ему. У нее было лицо засыпающего младенца: глаза затянуты дымкой, шелковистые ресницы опущены. Вялым движением она коснулась тугих черных локонов, словно хотела убедиться, что они настоящие.

— Наверное, это сон. Очень хочется спать. Я ничего не понимаю. Стоит лишь чуточку напрячь память, и голова тяжелеет...

— Ты сказала, юйтши сегодня ночью проникли в город,— произнес встревоженный киммериец.— Расскажи об этом.

— Ничего не помню,— прошептала девушка.— Только дым, пламя и вопли. Из дыма выскакивает голый окровавленный демон, хватает меня за горло и всаживает в грудь нож... Как больно! Но это сон, видишь, шрама не осталось? — Она вяло провела ладонью по гладкой коже и вдруг приникла к могучей груди Конана, обвила руками его шею.— Может, я и сейчас сплю? Туман в голове... Но ты мне не снишься. Ты сильный. Давай жить, пока можно. Давай любить друг друга...

Поддерживая красивую девичью голову сильной рукой, он с наслаждением поцеловал пухлые алые губы.

— Ты сильный,— повторила она слабеющим голосом.— Люби меня... люби...

Сонный шепот стих, веки сомкнулись. И этот город, и девушка казались иллюзией, но теплое и упругое тело в его руках было живым, настоящим. Он торопливо уложил ее на кровать из слоновой кости. Ятели глубоко и ровно дышала, на губах ее блуждала блаженная улыбка. Этот сон был слишком глубоким для естественного, и Конан предположил, что она одурманена наркотиком, вроде кхутальского черного лотоса.

Но удивительное на этом не кончилось. Среди мехов на ложе он увидел настоящее сокровище: золотистую, с темными пятнами шкуру гигантского леопарда! Не подделка, а самая настоящая шкура самого настоящего зверя. Если не лгут гиперборейские легенды, этот зверь вымер не менее тысячи лет назад. *Восхищенные силой и красотой* золотистого леопарда, древние художники оставили его изображения на мраморных плитах. Уму непостижимо — откуда здесь его шкура?

Качая в растерянности головой, Конан прошел через арку в извилистый коридор, остановился и прислушался. И почти тотчас же острый слух уловил приглушенные шаги. Кто-то шел вниз по лестнице, с которой только что спрыгнул киммериец. Чуть позже он вздрогнул — в комнате, только что покинутой им, раздался глухой удар — незнакомец явно повторял его путь.

Быстро повернувшись, Конан побежал по коридору — и вдруг застыл как вкопанный. Перед ним лежал человек: ноги — в коридоре, остальное — в проеме двери, замаскированной под стенную плиту. Тощий, темнокожий, с бритой головой и жестокими чертами лица, в одной лишь набедренной повязке из шелка. Казалось, смерть нашла его в тот миг, когда он отворил дверь. Заинтересовавшись причиной смерти, Конан склонился над ним и понял, что бритоголового, как и девушку, сморил глубокий сон. Но почему он выбрал столь неподходящее место для ночлега? И от чего уснул? Неужели от усталости?

Из раздумий Конана вывели звуки за его спиной. Приближающиеся по коридору шаги! Брошенный в том направлении взгляд уперся в огромную дверь — похоже, запертую. Конан

оттащил в сторону спящего, шагнул через порог, потянул на себя дверь и услышал щелчок замка. Стоя в кромешной мгле, он улавливал шорох ног в коридоре, и по спине бежали ледяные мурашки. Это не человеческие шаги! Но и звери так не ходят!

Миг тишины — и вдруг слабо заскрипели дерево и металл. Конан вытянул вперед руку и ощутил, как напрягается, прогибается в его сторону дверь, словно на нее давит огромная тяжесть. Как только киммериец потянулся к сабле, это прекратилось, но зато он услышал бессвязное бормотание, от которого на голове зашевелились волосы.

Конан попятился — и едва не упал. За спиной оказалась узкая лестница, ведущая вниз. Он стал бесшумно спускаться, держа в одной руке саблю, а другой касаясь стены, но не находя других проемов. Ступени увели его довольно далеко от коридора. Ступив наконец на ровный пол, Конан предположил, что находится уже не в здании, а в подземелье.

5

Конан продвигался в непроглядной тьме подземного хода, опасаясь провалиться в какую-нибудь невидимую яму. Вскоре он наткнулся на ступени, поднялся по ним, уперся в обитую железом дверь и нащупал металлический засов. Она поддалась, открыв проход в огромный, слабо освещенный зал. Вдоль пестрых стен выстроились в ряды многочисленные колонны, подпирая грандиозный купол из полупрозрачного дымчатого вещества. Купол походил на затянутое тучами полуночное небо, создавая иллюзию невероятной высоты. Если и просачивался снаружи свет, он дивным образом менялся.

В мрачном сумраке Конан двинулся через зал, ступая по зеленым плитам. Зал был круглым, мебель отсутствовала, лишь напротив двери из громадных бронзовых створок, на невысоком помосте, стоял медный трон. К нему вели дугообразные ступени. Увидев существо, лежавшее, свернувшись кольцами, на троне, Конан отпрянул и вскинул саблю. Но гигантская змея не шевелилась, и он, осмелев, взобрался по стеклянным ступеням. Похоже, змея была не живая, а высеченная из похожего на яшму минерала; неведомый скульптор не пожалел труда, и каждая чешуйка была точь-в-точь как настоящая, даже переливалась всеми красками радуги. Огромная треугольная голова гада уткнулась в воронку, образованную кольцами туловища. Конан не видел глаз и челюстей рептилии, но знал, что такие чудовища водились в тростниковых зарослях на южных

берегах Вилайета. Как и золотистый леопард, они давным-давно исчезли. Глиняные статуэтки подобных тварей попадались Конану в капищах юйтши, среди прочих идолов. Видел он таких и на гравюрах древнейшей Книги Скелоса.

Конан полюбовался на туловище змеи, толстое как бревно и, должно быть, необычайно длинное, из любопытства положил на него ладонь и обмер, ощутив не гладкую поверхность стекла, металла или камня, а скользкую податливую кожу, под которой струилась холодная кровь. Он с отвращением отдернул руку и медленно, осторожно сошел по ступеням вниз, не отрывая глаз от ужасной твари, угнездившейся на медном троне. Но змея не шелохнулась. При мысли, что оказался в западне, Конан покрылся холодным потом. Но когда приблизился к бронзовой двери, ее створки подались под нажимом; миг спустя он скользнул в проем и затворил их за собой.

В коридоре с высоким потолком и гобеленами по стенам, где он оказался, царил все тот же зеленоватый сумрак. Разглядеть что-либо в отдалении было невозможно, и это тревожило, даже возникла мысль о кишащих во мгле рептилиях. В дальнем конце коридора могла быть дверь, но путь до нее казался киммерийцу бесконечным.

Ближайший гобелен висел по-особенному, и Конан заподозрил, что за ним пустота. И верно — приподняв край ковра, он обнаружил лестницу, ведущую наверх.

Колебания были недолги — в покинутом им зале зазвучали шаги. Предположив, что незнакомец направляется к этому тупнелю, Конан расправил гобелен и побежал по ступенькам.

Лестница привела в изгибающийся коридор, и киммериец шагнул в первый попавшийся дверной проем. Он решил сделать два дела: выбраться целым и невредимым из этой крепости тайн и найти немедийскую девушку, — наверное, она заточена где-то поблизости. В центре города, помнил он, стоит громадное куполообразное сооружение, и в нем, вероятно, живет правитель города. Наверняка пленную красавицу доставили к нему.

Он вошел не в очередной коридор, а в комнату. Не обнаружив в ней никого, был готов двинуться обратно, как вдруг услышал голос из-за стены. Язык был немедийским, но голос — нечеловеческим, напоминавшим колокольный звон в полночь. У Конана бешено забилось сердце, по спине забегали мурашки. Он прислушался.

— В Бездне нет жизни, кроме той, что заключена во мне,— гремело за стеной.— Ни света, ни движения, ни звука. Было лишь стремление, то, что над всякой жизнью. Именно оно заставило меня — слепого, глухого, неподвижного — очнуться. Я пробирался сквозь эпохи, сквозь неизмеримые и неисчислимые толщи мрака...

Гипнотический голос незнакомца заставил Конана забыть обо всем на свете, создал иллюзию присутствия; казалось, варвар сам прожил жизнь Хосатрала Хела, что выкарабкался из Ночи и Бездны в незапамятные времена и облачился в субстанцию материальной вселенной.

Но плоть человеческая явилась бы слишком ненадежным вместилищем для грозной сущности, носившей имя Хосатрала Хела. Его тело походило на человеческое, но сотворено оно было не из обычных плоти, кости и крови. Это первобытное вещество, способное мыслить и действовать, никогда прежде не уподоблялось творению живой природы.

В этом мире он был все равно что бог, земное оружие не могло ни убить его, ни ранить; столетия для него — что для людей часы. После долгих скитаний он поселился среди дикарей, обитавших на острове Дагония, помог им создать сильное, богатое государство, одарил благами культуры и цивилизации. Его стараниями воздвигнут город Дагон, и жители поклонялись Хосатралу. Свирепыми и страшными были его слуги, надолго пережившие своих древних сородичей; они приходили на зов Хосатрала из неведомых далей, выползали из темных пещер, поднимались из морских пучин. Подземные ходы соединили храм с каждым домом, и к любому дагону могли прийти тайком бритоголовые жрецы, чтобы повести его к алтарю на заклание.

Много лет царствовал на острове бог в человеческом обличье. Но однажды на берегу высадилось чужое племя, назвавшее себя юйтши. В яростной битве островитяне разгромили примитивных и жестоких пришельцев, а пленных обратили в рабство. Теперь не дагоны, а юйтши стали корчиться в муках на золотом алтаре.

Юйтши боялись колдовства и не пытались бунтовать. Но однажды их жрец, тощий загадочный человек неизвестной расы, ушел в пустыню. Возвратился он с необыкновенным ножом. Металл для кинжала он выплавил из найденного в пустыне камня, что пронзил небо подобно огненной стреле и упал в далекое ущелье.

Рабы восстали. Под ударами кривых, с зубчатыми лезвиями ножей жители Дагона валились как бараны, а против неземного клинка волшба Хосатрала оказалась бессильна. И пока в душившем улицы красном дыму бушевала резня, в таинственном куполе за высоким зданием с троном и пестрыми, как змеиная кожа, стенами разыгрался последний акт драмы.

Из этого купола жрец юйтши вышел один. Он не убил своего врага, так как задумал держать племя в повиновении угрозой вернуть Хосатрала к жизни. А Хосатрал простерся на золотой плите, и на его груди лежал нож, чья колдовская сила не позволяла владыке Дагона прийти в чувство. И в таком состоянии он мог бы пребывать до последнего дня мира.

Но миновали века, жрец умер, башни и стены опустевшего Дагона разрушились, легенды о нем забылись, а чума, голод и войны уменьшили племя юйтши. Лишь немногие потомки восставших рабов ютились в убогих лачугах на берегах Вилайета. Только волшебный купол оставался неподвластным времени. Все же настала ночь, когда его пробила молния. Случайно оказавшийся на острове рыбак заглянул в пролом и увидел спящего на золотой плите Хосатрала. Юйтши попытался завладеть драгоценным клинком — и расстался с жизнью. Но он успел поднять нож с груди колдуна и тем самым разрушить чары.

И Хосатрал пробудился, вновь обретя былое могущество. Играючи сделал он город таким, как многие столетия тому на-

зад. Люди, что когда-то поклонялись ему, восстали из праха. Но отведавшие смерти смогли ожить лишь частично. В дальних уголках души и разума таилась непобежденная смерть. Ночью жители Дагона ходили и любили, ненавидели и пировали, падение города и собственная гибель казались им зыбким сновидением. Живя смутными иллюзиями, они осознавали неестественность своего существования, но не пытались узнать истину. С наступлением дня они погружались в сон, почти неотличимый от небытия.

Все это развернулось перед сознанием Конана страшной панорамой. Скорчившись у гобелена, он боролся с нахлынувшим ужасом, с кишащей тенями вселенной, где крались уродливые существа, наделенные невероятным могуществом. А голос за стеной не умолкал, будто звенел гигантский колокол, торжествуя победу над закопами естества, и звуки преследовали разум Конана, летящий сквозь сферы безумия. В это мгновение тишину пронзил женский крик, и варвар подскочил как ужаленный.

6

Джехунгир Агха с растущим раздражением ждал в лодке среди тростников. Прошло больше часа, а Конан все не возвращался. Наверняка рыщет по острову, веря, что там спряталась девчонка. Угнетала Агху и другая мысль: а ну как гетман где-то неподалеку оставил своих казаков, и они, встревоженные его задержкой, могут явиться на выручку. В конце концов Джехунгир не вытерпел и дал знак гребцам. Длинная лодка выскользнула из камышей и быстро поплыла к вытесанной в скале лестнице.

Оставив в лодке полдюжины человек, Джехунгир взял с собой десять хаваризмских лучников, могучих витязей в остроконечных стальных шлемах и плащах из тигровой шкуры. Как преследующие льва охотники, со стрелой на тетиве, они крались меж деревьев. Ничто не нарушало тишины, лишь какая-то зеленая тварь — возможно, попугай — с шелестом широких крыльев пролетела над их головами и скрылась в листве.

Внезапно Джехунгир жестом остановил свой отряд, и все изумленно уставились на башни, возникшие в промежутках между кронами деревьев.

— Тарим! — прошептал Джехунгир.— Пираты заново отстроили твердыню! Подумать только — укрепленный остров

у нас под боком! Пошли, надо все осмотреть. Конан там, больше ему негде прятаться.

Удвоив осторожность, они бесшумно двинулись через заросли — уже не охотники и не преследователи, а разведчики.

А тем временем человек, по чью душу они явились, подвергался опасности куда более серьезной, чем их меткие стрелы.

Торжественно-монотонный голос умолк. По спине Конана бегали мурашки. Он стоял как статуя, не отрывая глаз от занавешенной двери, через которую, несомненно, вот-вот должен войти воплощенный ужас. У него сердце ушло в пятки, когда из сумрака появились голова и гигантские руки. Он не слышал шагов, но огромная фигура приближалась, и вскоре Конан разглядел на незнакомце юбку, широкий пояс из шагреневой кожи и сандалии. На голове сиял золотой обруч.

Конан со страхом и восхищением смотрел на широченные плечи с мускулами, похожими на корабельные канаты, на грудь величиной с бочку, на лицо, в чьих чертах не было и намека на слабость или жалость. Конан знал, что перед ним сам Хосатрал Хел, тварь из Бездны, бог и властелин Дагонии. Не прозвучало ни слова. Да и не было нужды в словах. Увернувшись от огромных ручищ, Конан рубанул великана по животу. И отпрянул в растерянности. Под сводом прокатился звон, сабля отскочила, словно от наковальни, не оставив даже царапины на коже гиганта.

Затем Хосатрал обрушился на него неодолимой лавиной. Молниеносное столкновение, миг борьбы и сплетения конечностей — и Конан отскакивает, дрожа каждой мышцей от сверхнапряжения. Там, где чужие пальцы рванули его кожу, потекла кровь. Этой краткой стычки хватило, чтобы понять: природа могла создать подобное существо только в припадке безумия. Не человеческая плоть нанесла варвару раны, а живой и разумный металл.

В сумраке Хосатрал навис над воином. Дай этим громадным пальцам сомкнуться — и они не отпустят врага, пока он

не обмякнет, расставшись с жизнью. В темной комнате человеку пришлось сражаться с чудовищем, какого не увидишь и в самом кошмарном сне.

Кхосатрал шагнул вперед и попытался схватить Конана толстыми пальцами. Но человек оказался проворней.

Выронив бесполезную саблю, Конан схватил тяжелую скамью и изо всех сил швырнул ее в Хосатрала. Удар был так силен, что скамья разлетелась в щепы,— но гигант даже не шелохнулся. В его лице не осталось ничего человеческого, над уродливой головой образовался огненный нимб, и он двинулся вперед, словно башня на колесах.

В отчаянии Конан сорвал со стены гобелен, оказавшийся куда тяжелее скамьи, и, взмахнув им над головой, набросил на великана. Пока Кхосатрал выпутывался, Конан подобрал саблю, выскочил в коридор, вмиг преодолел его, хлопнул за собой дверью и задвинул массивный засов.

Сделав шаг назад и обернувшись, он обмер — как будто вся кровь ударила в голову. Перед ним на груде шелковых подушек съежилась девушка, которую он искал. По обнаженным плечам стекали золотые ручейки волос. В глазах красавицы-немедийки застыл ужас. О том, что его преследует враг, напомнила дверь, выгнувшаяся под чудовищным ударом. Нельзя терять ни мгновения. Октавия не сопротивлялась, когда он нес ее к двери в противоположной стене, только жалобно всхлипывала. На большее у нее просто не было сил.

Возиться с замком Конан не стал — рубанул саблей и помчался по темной лестнице. Бросив взгляд через плечо, Конан заметил, как в проеме показались голова и плечи Хосатрала. Разнести в щепу толстые доски колоссу ничего не стоило.

Конан бежал по ступеням, перекинув через плечо девушку, словно ребенка. Куда ведет этот путь, он не представлял себе, но вот лестница уперлась в дверь куполообразной постройки. Хосатрал несся сзади, бесшумный, как ветер смерти, и такой же быстрый.

Стены комнаты были облицованы массивными стальными плитами; среди них киммериец обнаружил дверь, тоже из

металла. Конан затворил ее и задвинул тяжелые засовы. Тут же догадался: он в обиталище самого Хосатрала — когда-то волшебник заперся здесь, чтобы чудовищные слуги, вызванные из Бездны, не мешали его сну.

Едва Конан успел запереться, как под натиском исполина заходила ходуном дверь. Варвар осмотрелся и тяжело вздохнул — больше бежать некуда, другого выхода из комнаты нет. Даже окна отсутствовали. Воздух, как и дивный туманный свет, видимо, попадал через стыки между плитами. Конан проверил заточку сабли — оказавшись в западне, он теперь превратился в само хладнокровие. Он не пожалел сил на попытку убежать и будет так же отчаянно сопротивляться, когда великан вломится в купол. Не потому, что есть надежда на саблю, а потому, что не в натуре Конана погибнуть без борьбы. А пока он жив — его спокойствие непоколебимо.

Он устремил на спутницу взгляд, пристальный и такой восхищенный, будто киммериец намеревался прожить еще сотню лет. Прежде чем запереть дверь, он бесцеремонно свалил Октавию на пол. Теперь она, успев подняться на колени, машинально приводила в порядок волнистые локоны и скудное одеяние. Конан пожирал горящими глазами ее гладкую нежную кожу, высокую упругую грудь, великолепные бедра. Несмотря на опасность, он желал ее. Девушка тихо вскрикнула, когда под первым ударом гиганта затрещала спасительная дверь.

Конан не оглянулся, зная, что засовы сломаются не сразу.

— Мне сказали, ты сбежала,— произнес он.— Рыбак юйтши шепнул, что ты прячешься здесь. Как тебя зовут?

— Октавия,— ответила она со вздохом. Затем схватила Конана за руку, и слова ее полились бессвязным потоком: — О Митра, какой ужас! Что происходит?.. Эти темнокожие люди... В лесу меня поймал один из них и притащил сюда... Нес, как сноп соломы. Он говорил мне... Он грозил... Я сошла с ума? Это сон?

Конан взглянул на дверь, прогнувшуюся, как под ударом тарана.

— Нет,— ответил он.— Не сон. Петли долго не выдержат. Странно, что демон вынужден ломать дверь, как обычный человек. Но сила у него поистине адская.

— Ты убьешь его? — Она с надеждой взглянула ему в лицо.— Ты сильный?

Конан решил ответить честно:

— Если бы обычный человек был способен его убить, то он уже был бы мертв. Но я только затупил оружие о его брюхо...

Глаза девушки потускнели.

— Тогда он убьет тебя... и меня. О Митра! — крикнула она в отчаянии, и Конан схватил ее за руки, опасаясь, что она причинит себе вред.

— Он сказал, что сделает со мной! — Она задыхалась от ужаса.— Лучше убей меня! Убей своей саблей, прежде чем он высадит дверь.

Конан посмотрел на нее и кивнул.

— Я сделаю все, что смогу,— пообещал он.— Но боюсь, я не всесилен. Постарайся проскочить мимо него, когда мы станем биться, а потом беги к берегу. Я оставил там лодку. Если сумеешь выбраться из дворца, считай, ты спасена. В городе все спят.

Она опустила голову и закрыла лицо ладонями, а Конан с саблей на изготовку встал перед гудящей дверью. По его виду нельзя было сказать, что он идет на верную смерть. Глаза варвара пылали, мускулистая кисть сжимала рукоять оружия.

Но вот петли сорвались под чудовищным натиском, и дверь закачалась на засовах. И эти стальные бруски тряслись, гнулись, рвались из гнезд. Конан почти забыл об опасности, восхищаясь нечеловеческой мощью. И вдруг натиск прекратился.

Конан услышал страшные звуки: хлопанье крыльев и голос, похожий на шум полуночного ветра в ночном лесу. Наступила тишина, но чем-то новым повеяло в воздухе, и только обостренный инстинкт подсказал варвару, что повелитель Дагонии больше не стоит за дверью.

Он осторожно посмотрел в щель. На лестнице — никого. Конан снял дверь с покореженных засовов и выглянул в зал.

Пусто. Только далеко внизу лязгнула металлическая дверь. Можно лишь догадываться, что вынудило гиганта переменить адские планы, куда позвал его тихий голос. Промедление смерти подобно. Он окликнул Октавию, и она, почти против воли, поднялась на ноги, пошла на властный зов.

— Что это было? — испуганно спросила немедийка.

— Некогда болтать! — Он схватил ее за руку.— Пошли!

Надежда на спасение взбодрила Конана. Глаза его сверкали, голос окреп.

— Нож! — пробормотал он, грубо таща девушку по ступенькам.— Волшебный клинок юйтши. Колдун оставил его под куполом! Я...

Вдруг Конан замолчал — в голову пришла страшная мысль: купол примыкает к залу, где медный трон, а значит, путь туда лежит мимо чудовищной змеи.

Но киммериец не остановился.

Беглецы быстро спустились по лестнице, пересекли зал, опять сошли по ступенькам и очутились в большом сумрачном помещении с загадочными гобеленами. Перед полуовальной бронзовой дверью Конан схватил Октавию за плечи и с силой встряхнул.

— Слушай и запоминай,— приказал он.— Сейчас я пойду в зал и затворю за собой дверь. Ты жди здесь. Если появится Хосатрал, зови меня. А если я закричу «Уходи!», беги прочь так, будто за тобой демоны гонятся — а это вполне может случиться. Поняла? Я иду за кинжалом юйтши.

Прежде чем Октавия успела что-либо сказать, Конан скользнул за дверь и затворил ее за собой. Когда глаза привыкли к темноте, киммериец разглядел жуткий трон и чешуйчатого монстра на нем. За троном виднелась дверь, ведущая в комнату под куполом.

Но для того чтобы добраться до нее, надо было подняться на помост и пройти в шаге от трона. Сквозняк над зеленым полом шумел больше, чем крадущийся Конан. Не сводя глаз со спящей рептилии, он взошел на помост и поднялся по стеклянным ступенькам. Змея не двигалась. Он потянулся к двери...

Лязгнула дверь, и в зал вошла Октавия. Остановилась, высматривая его в сумраке. Он тоже замер, не смея выкрикнуть предостережение. Но тут она увидела его силуэт и побежала к помосту, крича:

— Я хочу быть с тобой! Мне страшно!

Увидев змею на троне, Октавия вскинула руки и завизжала. Треугольная голова поднялась над кольцами и метнулась к ней, в темноте блеснула толстая шея рептилии. Затем змея стала медленно, кольцо за кольцом, сползать из трона, ее отвратительная голова закачалась совсем рядом с полумертвой от ужаса девушкой.

Преодолев расстояние до трона одним гигантским прыжком, Конан изо всех сил ударил саблей. Но змея двигалась с такой же быстротой; она увернулась и обвила ноги и туловище Конана полудюжиной колец. Потеряв равновесие, варвар упал на помост.

Сплетенные тела человека и змеи корчились в неистовой борьбе. Кольца сжимались, пытаясь задушить Конана, и, хотя его правая рука была свободна, он никак не мог изловчиться и нанести смертельный удар.

Скрипя от натуги зубами, напрягая мускулы так, что едва не лопались вены, Конан поднялся. Он стоял посреди зала на широко расставленных ногах и шатался под тяжестью огромной змеи. Чудовище сжимало его все сильнее. В глазах у Конана потемнело, казалось, вот-вот сломаются ребра. Но в следующий миг над его головой взлетел клинок и, опустившись, разрубил чешую, плоть и позвоночник. Там, где извивался толстенный живой канат, теперь корчились два, вдвое короче. Конана замутило, из носа потекла кровь. Он схватил Октавию и затряс так, что у нее перехватило дух.

— Впредь, если велю тебе стоять — стой!

Если она и ответила, киммериец не услышал. Голова кружилась, он едва держался на ногах. Взяв девушку за запястье, он потянул ее за собой, мимо вьющихся, сплетающихся на помосте останков гада. Возле желанной двери Конан наконец пришел в себя. Издалека доносились полные ужаса и боли

вопли, но в ушах варвара все еще звенело от перенапряжения, уши были словно забиты ватой, и он решил, что крики ему чудятся.

Очевидно, поместив у входа змею, Хосатрал счел это достаточной предосторожностью. Конан отворил дверь, ожидая увидеть еще несколько чудовищ, но увидел только заполненный сумраком изгиб пробитого свода, смутный силуэт золотой плиты и блестящий на ней полумесяц. С радостным возгласом киммериец схватил находку.

Больше здесь делать нечего. Взяв за руку девушку, он побежал через большой зал к одной из дверей, которая, как он предполагал, выведет наружу. Чутье не подвело Конана. Улица была безлюдна, но с запада из-за крепостной стены доносились вопли, от которых Октавию затрясло. Киммериец повел девушку к юго-западной стене и без труда нашел примыкающую к ней каменную лестницу.

Обвязав талию красавицы веревкой, которую сделал из прихваченного в большом зале гобелена, Конан спустил ее с парапета, затем слез сам. Теперь у них оставался один путь — к лестнице у западного обрыва. Туда-то они и направились, обходя по широкой дуге место, с которого доносились вопли и ужасающие удары. Октавия чувствовала затаившееся в джунглях гибельное зло. Задыхаясь от бега, она старалась не отставать от своего защитника. Но лес теперь безмолвствовал, и на глаза не попадалось ничего угрожающего, пока они не выбрались на открытое место.

Впереди на краю обрыва возвышалась человеческая фигура...

Джехунгиру Агхе удалось избежать печальной судьбы его воинов. Застигнутые врасплох великаном, внезапно появившимся из крепостных ворот, они продержались недолго. Видя, как сабли витязей ломаются о человекоподобную машину-убийцу, он понял, что враг принадлежит к другому миру и победить его невозможно. Не желая превращаться, подобно злопо-

лучным воинам, в месиво из растерзанной плоти и расколотых костей, Джехунгир убежал и спрятался в густых зарослях. Дождавшись, когда стихнут звуки бойни, он прокрался обратно к лестнице. Но не увидел внизу своей лодки.

Оставленные в ней люди, услышав страшные крики, а потом и увидев на утесе окровавленного монстра, победно машущего огромными руками, решили больше не ждать. Когда их господин добрался до обрыва, они как раз исчезали среди тростников у противоположного берега. Хосатрал скрылся — то ли вернулся в город, то ли решил поохотиться в джунглях на уцелевших людей.

Джехунгир собирался спуститься к воде и уплыть на челне Конана, когда из лесу вышли гетман и девушка. Пережитый ужас не заставил его забыть, для чего он приплыл на остров, и теперь, при виде вождя козаков, Джехунгир исполнился решимости довести дело до конца. Гадать, как рядом с Конаном оказалась девушка, подаренная Джелал-хану, он не стал — это можно будет выяснить позже.

Джехунгир вскинул лук, но Конан присел, и стрела вонзилась в дерево. Варвар рассмеялся.

— Собака! Напрасно стараешься. Я не для того родился, чтобы умереть от гирканской стали. Попробуй еще раз, туранская свинья!

Джехунгир отбросил лук — в его колчане не осталось стрел. Он выхватил саблю и бросился на Конана, полагаясь на свой остроконечный шлем и плотную кольчугу. Но путь ему преградила сталь. Кривые блистающие клинки рассекали воздух так быстро, что Октавии не удавалось уследить за ними. Вдруг она услышала страшный скрежет, и в следующий миг Джехунгир упал с разрубленным боком, из глубокой раны хлынула на землю кровь. Кольчуга не выдержала, и сабля киммерийца дошла аж до позвоночника.

Но не гибель бывшего господина вызвала крик Октавии. С оглушительным треском ломая сучья, из леса выскочил Хосатрал Хел. Девушка бежать не могла; обессилевшая от ужа-

са, она опустилась на землю. Конан, склонившийся над телом Агхи, спасаться бегством и не подумал. Перекинув саблю в левую руку, правой он выхватил из-за пояса массивный нож юйтши.

Хосатрал Хел нависал над Конаном, махал руками-молотами, но, как только неземной металл блеснул на солнце, попятился. У Конана тотчас взыграла кровь. Он нападал, рубил сплеча серповидным клинком, и тот не ломался. Для его ударов тело волшебника оказалось таким же уязвимым, как и человеческое. Смуглая кожа покрылась ранами, ручейками потекла необычная кровь, и Хосатрал вопил от боли — словно гудел громадный колокол. Напрасно чудовищные ручищи пытались схватить Конана — тот был попроворнее туранских лучников. Он избегал ударов, зато сам наносил их снова и снова.

Хосатрал шатался и заходился криком — будто само железо рыдало от боли. Наконец великан повернулся и бросился бежать, с шумом продираясь сквозь заросли. Конан, охваченный яростью и охотничьим азартом, следовал за ним по пятам. Вскоре за деревьями показались стены и башни Дагона. Тогда Хосатрал предпринял последнюю попытку спастись. Он повернулся и, меся руками воздух, ринулся на Конана с бешеным воплем, но тот проскользнул под руками чудовища и вонзил кинжал в сердце.

Хосатрал покачнулся и упал на землю. Конан глазам своим не поверил: лицо гиганта быстро исчезало, конечности таяли. В предсмертных муках Хосатрал превращался в тварь, выползшую из Бездны тысячелетия назад.

Брезгливо морщась, Конан хотел было пойти к берегу, но застыл в изумлении, оглянувшись и не увидев за деревьями блеска шпилей. Все развеялось как дым: башни, стены, огромные бронзовые ворота, золото, бархат, слоновая кость, темноволосые женщины и мужчины с бритыми головами. С исчезновением чудовищного разума, породившего этот город, Дагон и все его обитатели погрузились в небытие, и лишь обломки колонн громоздились снова меж разрушенными стенами да

к пробитому куполу вели полуразрушенные ступени. Долго стоял гетман в полной неподвижности, с трудом постигая драму эфемерного явления, называемого человечеством, на которое охотятся безобразные твари, порождения Тьмы. Но тут Конана позвал испуганный голос, и он вздрогнул, словно очнулся ото сна. Бросив последний взгляд на останки Хосатрала, он повернулся к обрыву и поджидающей подле него девушке.

Она высматривала его в зарослях и, увидев, вскрикнула от радости. Конан встряхнулся, отгоняя мысли о только что пережитом.

— Где он? — прошептала Октавия.

— Вернулся в ад, туда, откуда выполз,— весело ответил Конан.— Почему ты не уплыла на лодке?

— Я бы не бросила...— начала было она, но осеклась и нахмурилась.— Куда мне плыть? В лапы туранцев? Да и пираты ничуть не лучше их...

— И козаки,— добавил Конан.

— И козаки,— с презрением согласилась немедийка.

Конан восхищался, глядя, как быстро возвращается к ней самообладание. Высокомерие красавицы забавляло его.

— Кажется, в крепости Гори ты думала по-другому,— ухмыльнулся он.— Там ты дарила мне улыбки.

— Думаешь, я заигрывала с тобой? По-твоему, я могу влюбиться в дикаря, жадного до пива и мяса? Нет, Конан. Кокетничая, я выполняла волю своего господина, которого ты только что зарубил.

— Вот оно что! — озадаченно произнес Конан, затем громко рассмеялся.— Как бы то ни было, теперь ты моя. Поцелуй меня, красавица!

— Да как ты смеешь! — возмутилась девушка, но гетман, смеясь, прижал ее к мускулистой груди и жадно пил нектар ее губ до тех пор, пока нежные руки девушки не обвились вокруг его шеи. Потом, пристально глядя в огромные глаза, он спросил:

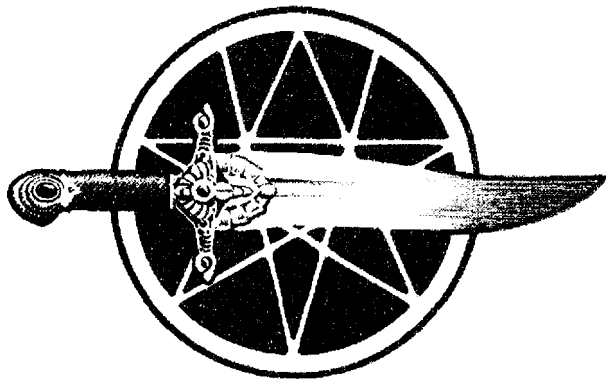
— Почему бы тебе не предпочесть шатер гетмана вольных людей палатам изнеженной туранской собаки?

Не снимая рук с его плеч, Октавия спросила:

— Хочешь сказать, что твой шатер не уступит дворцу Агхи?

Он со смехом прижал ее к себе.

— Ты убедишься в этом. Я подожгу Хаваризм, чтобы осветить тебе путь в мое жилище.



Приложение

Заметки о народах Хайборийской эры

Аквилонцы. Раса вполне чистокровная, хотя и подверглась изменениям, вступая в сношения с зингарцами на юге и, в гораздо меньшей степени, с боссонцами на западе и севере.

Аквилония, самое западное из хайборийских королевств, сохранила традиции пограничной земли, схожие лишь с традициями более древних королевств Гипербореи и Пограничного королевства. Главные провинции Аквилонии — Пуантен на юге и Гандерланд на севере, а также Атталус на юго-востоке. Аквилонцы люди высокие, средний рост пять футов, десять и три четверти дюйма, и, как правило, худощавые, хотя последние поколения городских жителей приобрели склонность к полноте. Впрочем, в разных областях страны их типичные жители имеют различное телосложение. Так, гандерландцы в большинстве своем рыжеволосы и сероглазы, а народ Пуантена почти так же черноволос, как и его сосед, народ Зингары. Но все жители королевства длинноголовые, кроме крестьянского племени, обитающего вдоль боссонской границы, на чей облик повлияла примесь соседской крови. Кое-где в глухих уголках королевства еще существуют остатки неизученных племен аборигенов, растворившихся в окружающем населении.

Народ Атталуса гордится великими достижениями в коммерции и культуре, хотя в целом уровень аквилонской цивилизации гораздо выше. Ее язык очень похож на другие хайборийские языки, а главное божество — Митра. Когда Аквилония достигла вершины своего могущества, ее религия очистилась и усовершенствовалась, отказавшись от человеческих жертв.

© Перевод Г. Корчагина.

В военном деле аквилонцы более всего полагаются на кавалерию, на тяжеловооруженных рыцарей. В полки копейщиков и пикинеров набирают преимущественно гандерландцев, а лучников поставляют боссонские болота.

Гандерландцы. Когда-то Гандерланд был независим, но его поглотило большее королевство, причем действуя не столько силой, сколько уговорами. Но рыжеволосые северяне никогда не считали себя аквилонцами, и после падения метрополии Гандерланд просуществовал несколько поколений, возвратясь к прежнему статусу отдельного княжества.

Из населяющих Аквилонию хайборийских племен это — самое грубое и примитивное, и наиболее существенная уступка культуре южных соседей — принятие бога Митры взамен первобытного Бория, поклоняться которому, впрочем, гандерландцы стали вновь, когда Аквилонии пришел конец.

Это самый высокорослый, после гиперборейцев, народ Хайбории. Из них получаются отличные воины и бесстрашные путешественники. Гандерландского наемника можно встретить не только в армии любой хайборийской страны, но даже в Заморе и более могущественных королевствах Шема.

Киммерийцы. Этот народ — потомок древних атлантов, о чем он сам и не подозревает. Киммерийцы развились собственными усилиями из человекообезьян, в которых превратились их далекие предки.

Рослые, сильные люди, средний рост — шесть футов. Черноволосые, с серыми или синими глазами. Длинноголовые, с кожей смуглой, хоть и не такой темной, как у зингарцев, заморийцев или пиктов. Диких и воинственных киммерийцев никто и никогда не покорял, хотя в конце Хайборийской эры двинувшиеся на юг северяне вытеснили их из страны. Киммерийцы мрачны и суровы, поклоняются Крому и его родичам. Человеческих жертв не приносят, так как верят, что их боги равнодушны к людским судьбам. Сражаются преимущественно пешими, совершают свирепые набеги на восточных, северных и южных соседей.

Хайборийская эра

(В статье нет ничего такого, что можно было бы счесть вызовом официальной науке. Это не более чем вымышленный фон для серии рассказов. Несколько лет назад, начав писать о Конане, я подготовил «историю» его эпохи и живших тогда народов, чтобы придать герою и саге толику реалистичности. И, уже работая над рассказами, обнаружил, что мне проще его представлять себе — а значит, и показывать читателям — как человека из плоти и крови, нежели как умозрительный продукт. Описывая его приключения в разных странах, я не позволял себе идти против духа и буквы этой «истории»; напротив, я так же следовал ее достоверности, как следует достоверности автор настоящей исторической прозы. Моя «история» — путеводитель по рассказам о Конане, и не более того.)

О той эпохе, которую немедийские хронисты называют допотопной, нам известно крайне мало, за исключением, быть может, последнего отрезка времени, но даже он скрыт за вуалью легенд и домыслов. Абрис истории проступает сквозь это покрывало с того момента, как пали цивилизации, процветавшие до потопа. Среди них главенствовали королевства Камелия, Валузия, Верулия, Грондар, Тула и Коммория. Люди, населявшие эти страны, говорили на родственных языках, что позволяет высказывать предположение об их общих предках. Существовали и другие государства, с не менее развитой цивилизацией, население которых, однако, принадлежало, очевидно, к более древним расам.

© Перевод М. Семёновой.

Варварами той эпохи считались пикты, населявшие группу островов далеко в западном океане; атланты, родиной которых был небольшой континент, расположенный между островами пиктов и огромным континентом Турией; и лемурийцы, считавшие своим домом цепь больших островов в Восточном полушарии.

Здесь имеется немало белых пятен. Королевства — очаги древней цивилизации,— несмотря на свое огромное влияние, занимали лишь незначительную часть планеты. Валузия была самым западным государством на континенте Турия, Грондар — самым восточным.

Еще восточнее Грондара, с менее развитым и менее цивилизованным народом, простирались дикие суровые земли, по большей части пустыни. Лишь в немногих из этих бесплодных областей, в джунглях и в горах жили разрозненные кланы и племена примитивных туземцев. Далеко на юге находилась загадочная цивилизация, которая не имела ничего общего с культурой Турии, и, вероятнее всего, происхождение ее было дочеловеческим.

Дальневосточное побережье континента было заселено иной расой, человеческой, но тоже таинственной и нетурийской, с которой время от времени вступали в контакт лемурийцы. Эти люди, скорее всего, происходили с малоизвестного безымянного континента, расположенного много восточнее лемурийских островов. Цивилизация Турии угасала, армии ее королевств состояли по большей части из наемников-варваров. Пикты, атланты и лемурийцы занимали посты полководцев, политиков и — нередко — правителей. О раздорах между отдельными государствами и войнах между Валузией и Комморией, как и о захватнических походах, с помощью которых атланты основали на континенте свое королевство, мы больше узнаем из легенд, чем из исторических описаний.

Затем мир потряс грандиозный катаклизм. Атлантида и Лемурия были поглощены океаном, а острова пиктов поднялись из вод и стали вершинами гор нового континента. Части турийского континента исчезли под волнами или сформировали во

впадинах большие внутренние моря. Бурная вулканическая деятельность и страшные землетрясения превратили в ничто роскошные города. Исчезали целые народы.

Варварам пришлось несколько легче, чем цивилизованным расам. Население островов пиктов также было уничтожено, однако уцелела большая колония пиктов, перебравшаяся в горы на южной границе с Валузией, чтобы прикрывать свою родину в случае возможной агрессии. Пережило катаклизм и континентальное королевство атлантов, и тысячи сородичей континентальных атлантов прибыли туда на кораблях в поисках убежища, спасаясь из своей затонувшей страны. Множество лемурийцев бежали на восточное побережье турийского континента, которое сравнительно дешево отделалось. Но там они были порабощены древней расой, уже жившей на этом берегу, и вся их история на тысячелетия превратилась в историю беспросветного рабства.

На западной части континента благодаря изменившимся условиям жизни появились новые, необычные растения и животные. Густые джунгли покрывали равнины, широкие реки проложили себе русла к морю, поднялись крутые горы, и моря захлестнули руины древних городов на плодородных равнинах. Из затонувших областей неисчислимое множество зверей и дикарей — в том числе человекообразных обезьян — хлынуло на континентальное королевство атлантов.

Несмотря на то что атланты были вынуждены постоянно сражаться за свою жизнь, им все же удалось сохранить прежний статус достаточно развитой варварской цивилизации. Лишенные месторождений металлов, они обрабатывали камень, как их далекие предки, и уже достигли поистине удивительной ловкости и искусности, когда развивающаяся культура встретилась с могущественным народом пиктов.

Пикты тоже были отброшены к каменному веку, но во всем, что касалось политики и войны, развивались быстрее. Они лишены творческой жилки, которая имелась у склонных к искусству атлантов. Это были толстокожие, практичные, крепкие, бесстрашные люди. Они не оставили после себя ни рисунков,

ни резьбы по слоновой кости, как их враги, но зато было найдено впоследствии огромное количество на удивление хорошего каменного оружия, изготовленного ими. Два этих государства новой каменной эры сражались друг с другом, и после ряда кровопролитных войн атланты, значительно сократившиеся в численности, впали в глубочайшее варварство; эволюция же пиктов остановилась.

Спустя пять столетий после катаклизма варварские королевства исчезли окончательно. Вместо них мы видим теперь один дикарский народ (пиктов), который ведет непрекращающиеся войны против другого дикарского народа (атлантов). Пикты имели ряд преимуществ: большую численность и единство, в то время как атланты оставались раздроблены на небольшие кланы, слабо связанные между собой. Таков был в то время запад.

На дальнем востоке, отрезанном от всего остального мира появлением гигантских гор и образованием сети озер, лемурийцы сохранялись лишь в качестве рабов под властью одной из древних рас. Далекий же юг терялся под покровом таинственности. Не затронутая катаклизмом, его история остается дочеловеческой. Из других цивилизованных народов турийского континента сохранились в невысоких горах юго-востока остатки земри — невалузийского народа.

Тут и там, рассеянные по миру, встречаются племена обезьяноподобных дикарей, которые вообще ничего не знают ни о расцвете, ни о падении древней цивилизации. На далеком севере, однако, постепенно зарождается новый род людей. Во время катаклизма кучка дикарей, развитие которых недалеко ушло от уровня неандертальцев, бежала в сторону севера, спасаясь от гибели. В странах, покрытых снегом, куда они попали, существовали, правда, уже человекообразные виды снежных обезьян — огромные косматые белые звери, рожденные суровым климатом. Дикари победили их и прогнали за Северный полярный круг, где те, как полагали пришельцы, и нашли свою смерть. Однако в действительности последнего не произошло,

поскольку снежные обезьяны покорили и эту, еще более суровую, среду и вполне там процветали.

После того как пикто-атлантийские войны окончательно уничтожили то, что, возможно, привело бы к развитию новой культуры, еще один, более слабый, катаклизм изменил лик изначального континента. Он создал на месте цепи озер Внутреннее море, которое еще больше отделило восток от запада а землетрясения, наводнения и вулканическая деятельность довершили то, что начали варвары своими межплеменными войнами.

На тысячу лет после этого западный мир превратился в дикую местность, покрытую джунглями, озерами и бурными реками. Между заросшими лесом горами северо-запада кочевали толпы человекообразных обезьян. У них не было речи, они не знали огня и не использовали орудий труда. Таковы были потомки атлантов, которые погрузились в беспорядочное животное существование обитателей джунглей, откуда их предки выбирались с таким трудом.

На юго-западе существовали рассеянные кланы пещерных жителей, у которых имелся примитивный язык. Они сохранили название — пикты, но у них это слово служило просто для наименования людей — то есть их самих, чтобы отделять себя от настоящих зверей, с которыми они сражались за жизнь и пропитание. Имя осталось единственной связью между ними и их предками. Ни одичавшие пикты, ни скатившиеся к состоянию обезьян атланты не имели никаких связей с другими племенами и народами.

Далеко на востоке лемурийцы, униженные рабством до звериного состояния, поднялись и уничтожили своих господ. Теперь среди руин странной цивилизации жили дикари. Те из представителей непонятной культуры, кто избежал мести своих бывших рабов, подались на запад. Они напали на загадочное дочеловеческое царство, завоевали его и навязали ему свою культуру, которая, благодаря контактам с древними расами, несколько видоизменилась. Новое королевство назвали Стигией. Остатки коренного населения жителей этой земли уцеле-

ли после завоевания и даже весьма почитались, в то время как их раса была уничтожена. Здесь и там в мире у небольших групп дикарей замечается некий прогресс, но достижения его разрозненны и беспорядочны.

На севере стали подниматься новые племена. Эти люди называли себя хайборийцами или хайбори; богом они почитали Бори — Великого Владыку, который, согласно легенде, был более могуч, чем король, выведший свой народ в северные пределы в дни великого катаклизма. О нем еще вспоминали древние саги. Эти племена распространились по всему северу и вторглись в страны, расположенные южнее. До сей поры они не имели контактов с другими расами и вели войны между собой. За пять тысяч лет сформировалось племя северных людей. Они были высокого роста, со светлыми волосами и серыми глазами. Они были воинственны, полны жизненных сил и в то же время не лишены способностей к поэзии и искусствам. Большей частью средства к существованию доставляла им охота, хотя некоторые, более южные, племена уже несколько столетий разводили скот. Но встречались и исключения из правила почти полной (до определенной поры) изоляции от остального человечества.

Один человек, который отправился в путь далеко на север, возвратился с известием, что в ледяной пустыне, почитавшейся пустой и безжизненной, обитает большое племя обезьяноподобных людей,— он клялся в этом,— отличающихся от зверей и которых их предки выгнали из менее суровой страны, захватив ее. Он настаивал на большом военном походе против человеко-зверей за полярный круг, чтобы истребить их. Эти звери — в чем он тоже поклялся — превратились в настоящих людей. Его высмеяли. Но тем не менее небольшой отряд молодых воинов в поисках приключений отправился с ним в поход. Ни один из них назад не вернулся.

Постепенно все племена хайборийцев переселялись южнее и с увеличением населения избрали именно это направление для миграций. Последующая эпоха стала эрой путешествий и

завоеваний: по всему миру началось передвижение и переселение племен, и панорама постоянно менялась.

Поглядим на этот мир спустя еще пять сотен лет. Племена светловолосых хайборийцев передвинулись к югу и западу, они завоевали или уничтожили множество маленьких кланов. Благодаря тому что они смешивались с покоренными народами, потомки древних завоевателей приобрели их черты, и эти новые расы были тут же сметены с пути новыми племенами, переселявшимися в те края, мощно и равнодушно, как метла сметает мусор. При этом они снова смешались и еще сильнее слились со старыми племенами.

Но до сих пор еще захватчики не вступали в контакт с древними народами. На юго-востоке пришельцы из племен земри, которые снова поднялись и стали многочисленны благодаря притоку свежей крови от смешанных браков с аборигенами, вновь попытались создать хотя бы отголоски своей прежней древней культуры.

На западе обезьяноподобные атланты вновь начали длинное восхождение. Они давным-давно уже забыли прежнее свое бытие в качестве людей. Ничего не зная об иных стадиях развития, они начали свой путь наверх без помощи и без вдохновляющих воспоминаний.

Пикты на юге оставались дикарями и являли собой очевидную насмешку над законами природы, не развиваясь и не деградируя. Еще дальше к югу существовало древнее таинственное королевство Стигия. У ее восточных границ текли кланы диких кочевников, известных в те времена как Сыновья Шема. Соседом пиктов в большой долине Цингг, охраняемой мощными горами, был безымянный примитивный народец, который в конце концов, как предполагают, породнился с шемитами.

Еще одно обстоятельство дало новый толчок к миграции племен хайборийцев: одно из племен открыло для себя строительные возможности камня. Постепенно возникло первое хайборийское государство — суровое варварское королевство Гиперборея, началом которому послужили грубо сложенные

крепости из скальных блоков, наваленных друг на друга. Их задачей было отражать нападение других племен. Люди этого племени вскоре отказались от своих палаток из лошадиных шкур и переселились в каменные дома, которые хотя и неуклюжи на вид, но зато долговечны. Защищенные таким образом, они стали сильны. Немного еще найдется событий, достойных упоминания при описании дикого королевства Гипербореи, народ которой столь внезапно отказался от кочевой жизни и начал сооружать себе жилища из камня, обнося их толстыми стенами,— раса, почти не знавшая каменного века и по чистой случайности познавшая первые основы архитектуры.

Появление этого государства вынудило к переселению многие другие племена, которые были разбиты в войне или же просто не находились в дружественных отношениях со своими родичами, проживающими в замках. Они пустились в долгое странствие, в результате которого обошли почти полсвета. И вот на северные племена напали гигантские белокурые дикари, которые по уровню своего развития недалеко ушли от обезьяны.

История последующей тысячи лет — это история возвышения хайборийцев, воинственные племена которых занимали доминирующее положение на западе. Примитивные королевства обретали форму. Светловолосые захватчики напали на пиктов и прогнали их в пустынные области запада. Потомки атлантов без всякой помощи опять доросли до стадии примитивного варварства, но еще не вступали в контакт с хайборийцами.

Далеко на востоке появилась своеобразная, странная полуцивилизация лемурийцев. На юге хайборийцы основали королевство Коф на границе с пустынями, известными как Страна Шема, и дикари этой страны уже поднялись над стадией варварства — частично благодаря связям с хайборийцами, частично же благодаря стигийцам, которых они грабили на протяжении столетий. Белокурые дикари дальнего севера возросли и численностью, и силой, так что северные хайборийские племена вынужденно переселились южнее. Старое королевство Ги-

перборея было одним из этих северных племен, однако сохранило свое прежнее название.

К юго-востоку от Гипербореи появилось королевство народа земри, названное Заморой. На юго-востоке одно из племен пиктов вторглось в плодородную долину Цингга, подчинило себе местный народ, занимающийся сельским хозяйством, и осталось жить среди него. Это смешанное племя позднее завоевал соседний род хайборийцев, и из нового сплава народов выросло королевство Цингара, или Зингара.

Окончательно государства сформировались еще пятьсот лет спустя. Царства хайборийцев — Аквилония, Немедия, Бритуния, Гиперборея, Коф, Офир, Аргос, Коринфия и еще одно, которое именовали Пограничным,— владычествовали над западным миром. Замора лежит к востоку, а Зингара — к юго-западу от этих государств. Населения двух царств, сходные между собой смуглой кожей и экзотическими обычаями, не являлись, однако, родственными.

Далеко на юге раскинулась Стигия, еще не затронутая чужеземной агрессией. Жители Шема уже сбросили стигийское иго, чтобы променять его на менее жестокую зависимость от Кофа. Темные владыки гнали их южнее великих потоков Стикса, которые вытекают из окутанных покровом тайны Нижних Стран, образуют множество петель и изгибов и исчезают в песках Шема, чтобы донести свои воды до моря.

Севернее Аквилонии, самого западного из хайборийских государств, жили киммерийцы, дикие варвары, которых завоеватели не сумели себе подчинить, но которые, однако, благодаря столкновениям с ними очень быстро развились. Это были потомки атлантов, эволюция которых прогрессировала куда стремительнее, чем у их древних врагов, пиктов, продолжавших жить в дикости западнее Аквилонии.

В последующие пятьсот лет хайборийские народы создали такую мощную цивилизацию, что одно только знакомство с ней освобождало дикие племена из оков примитивности. Самым могущественным было королевство Аквилония, но остальные вполне могли соперничать с ним в силе и великолепии. Хай-

борийцы были на удивление неоднородной расой. На первоначальную основу их рода наложились впоследствии черты гандерландцев — племени из Гандерланда, северной провинции Аквилонии. Это, однако, не ослабило род хайборийцев. Они по-прежнему доминировали в западном мире, несмотря на возвышение варваров пустынных земель.

На севере золотоволосые, голубоглазые варвары, потомки белых арктических дикарей, вытнали из снежных стран остатки хайборийских племен, за исключением старого королевства Гиперборея, которое сумело противостоять их натиску. Их страна называлась Нордхейм, и они делились на рыжеволосых ваниров из Ванахейма и желтоволосых асиров из Асгарда.

На сцене истории вновь появляются лемурийцы — под именем гирканцев. Столетиями пробивались они к западу, и теперь одно из их племен обосновалось на южных берегах большого внутреннего моря Вилайет и основало там королевство Туран.

Между морем Вилайет и восточной границей с другими королевствами простираются необозримые степи, а с севера и юга — пустыни. Негирканские обитатели этих областей раздроблены и ведут кочевой образ жизни без каких-либо племенных союзов. На юге они связаны с шемитами, и лишь изредка встречаются следы хайборийской крови. Ближе к концу описываемого периода и другие гирканские племена вторглись к западу от северного побережья Внутреннего моря и столкнулись там с восточными пограничными постами гиперборейцев.

Бросим беглый взгляд на другие народности той эпохи. Преобладающие среди населения Земли хайборийцы внешне не являются больше светловолосыми и сероглазыми. Они смешались с другими расами. Люди из Кофа и — в меньшей степени — также из Аргоса имеют отчетливо узнаваемые шемитские и даже стигийские черты. Аргосцы имеют также признаки близкого смешения с зингарийцами. Восточные бритунцы завязали связи с темнокожими заморийцами, а люди из южной Аквилонии — с коричневыми зингарийцами, вплоть до того,

что в южной провинции этой страны преобладают черные волосы и карие глаза.

Старое королевство Гиперборея, несмотря на свою изоляцию, также добавило немало чужеземной крови в свои жилы благодаря обычаю похищать женщин из других племен — гирканок, асиянок, замориек. Только в провинции Гандерланд, где не было рабства, род хайборийцев до сих пор сохранился в чистоте.

Варвары же оставались неизменными: киммерийцы высоки ростом, сильны, у них темные волосы и синие или серые глаза. Люди из Нордхейма сходны с ними фигурой, но кожа у них более светлая, глаза голубые и волосы рыжие или белокурые. Пикты также остались тем типом людей, который всегда их характеризовал: невысокого роста, очень смуглые, черноглазые и черноволосые.

Гирканцы — смуглые люди и по большей части рослые и стройные, хотя постепенно в их среде появились люди приземистые, с миндалевидными глазами. Это случилось благодаря смешению со странным племенем умных низкорослых туземцев, которые обитали в горах восточнее озера Вилайет и были покорены гирканцами во время их миграции на запад.

Шемиты чаще всего среднего роста, однако в тех случаях, когда преобладала стигийская кровь, бывали огромны, широкоплечи, крепко сбиты, темноглазы, с иссиня-черными волосами и горбатыми носами.

Стигийцы высоки, темны, у них тонкие черты лица — то есть к этому типу относятся представители стигийской аристократии. Низшие касты произошли от смешения негроидной, стигийской, шемитской и даже хайборийской крови. Южнее Стигии находятся могущественные черные царства амазонок, кушитов, атлантов и гибридное государство Зембабве.

Между Аквилонией и местом обитания дикарей-пиктов находится плодородная Боссонская низменность, где живут потомки туземной расы, которые к началу хайборийской миграции были покорены одним из племен хайборийцев. Этот смешанный народ никогда не достигал того уровня цивилизации,

который характерен для чистокровных хайборийцев, и последним отправился на самые окраины цивилизованного мира.

Боссонцы среднего телосложения, у них не очень смуглая кожа, карие или серые глаза. Они занимаются большей частью земледелием, живут в больших деревнях под защитой стен и считаются подданными Аквилонии. Их низменная равнина простирается от внешнего королевства на севере до Зингары на юго-западе и образует нечто вроде буфера между Аквилонией и киммерийцами, а также и пиктами. Они отважные защитники, а столетия ведения войн против варваров севера и запада научили их обороне, которую не способно сломить ни одно прямое нападение.

Таким был мир во времена киммерийца Конана.

Пятьсот лет спустя (то есть после правления Конана Великого) хайборийская цивилизация исчезла с лица земли. Ее падение было уникально в том смысле, что вызвал его не внутренний распад, а лишь растущая мощь варваров и гирканцев. Эти-то народы и уничтожили хайборийскую культуру на самом пике ее расцвета.

Впрочем, одной из причин — хоть и косвенных — падения древней цивилизации стала жадность королей Аквилонии. Они без конца воевали с соседями, стараясь расширить границы своей империи. Зингара, Аргос и Офир были открыто аннексированы, а с ними и западные города Шема, которые, как и их восточные собратья, только что сбросили ярмо Кофа. Сам же Коф вкупе с Коринфией и племенами восточного Шема был принужден платить Аквилонии дань и оказывать ей военную помощь. В то время с новой силой вспыхнула старая вражда между Аквилонией и Гиперборей: эта последняя двинула свои войска навстречу армиям западного соседа-соперника. Равнины Пограничного королевства стали ареной великой и яростной битвы, в которой войска северян были наголову разгромлены и отступили назад в свои заснеженные твердыни, и победоносные аквилонцы их не преследовали.

Между тем Немедия, столетиями успешно противостоявшая западному королевству, вовлекла Бритунию, Замору и — втайне — Коф в союз, поставивший своей целью сокрушить разраставшуюся империю. Но прежде чем их армии успели встретиться на поле брани, на востоке объявился новый враг: это гирканцы, пробуя силу, предприняли первый серьезный натиск на западный мир. Туранские всадники, усиленные искателями приключений с восточного побережья моря Вилайет, пронеслись через Замору и опустошили восточную Коринфию. Однако на равнинах Бритунии их встретили аквилонцы и, разбив в пух и прах, отшвырнули назад на восток. При этом был сломан хребет только что образовавшегося союза: в последующих войнах Немедия держала оборону. От случая к случаю ей помогали Бритуния, Гиперборея и — как всегда тайно — Коф.

Разгром гиркацев показал всему миру истинную мощь западного королевства, чьи великолепные армии усиливались наемниками, многие из которых были набраны из чужеземцев — в Зингаре, а также среди варваров — пиктов и шемитов.

Вскоре у гиркацев отвоевали Замору, но ее народ обнаружил, что восточные хозяева попросту сменились западными, и все. В Заморе расквартировали аквилонских воинов — не столько ради защиты разоренной страны, сколько для удержания жителей в покорности. Гирканцам, однако, урок пошел не впрок. Еще трижды обрушивались нашествия на границы Заморы и земли Шема, и трижды их отбрасывали аквилонцы,— хотя туранские армии разрастались все это время, питаемые полчищами закованных в сталь всадников, что прибывали и прибывали с востока, двигаясь вдоль южного побережья Внутреннего моря. Сила, которой суждено было сбросить с тронов королей Аквилонии, возрастала на западе, а не на востоке.

Вдоль киммерийских границ шли бесконечные стычки между черноволосыми воинами этой страны и воителями северных стран. Жители Асгарда использовали передышки в войнах с Ванахеймом для нападений на Гиперборею, все дальше отодвигая границу и уничтожая город за городом. Киммерий-

цы без разбора дрались также с пиктами и боссонцами и время от времени вторгались в саму Аквилонию,— но это были не завоевательные войны, скорее просто грабительские набеги.

А вот в Пиктских пустошах удивительным образом росли и население, и военная мощь. По странному капризу судьбы пикты вступили на путь создания собственной империи в результате усилий всего одного человека, и притом чужеплеменника. Этим человеком был Арус, немедийский священнослужитель и прирожденный реформатор. Что именно заставило его обратить внимание на пиктов, нам в точности не известно, однако история свидетельствует: однажды он решился отправиться в дебри Запада и смягчить жестокие нравы язычников, разъясняя и вводя в тех местах кроткий культ Митры. Аруса не устрашили даже жуткие истории о том, что случалось с путешественниками и торговцами, дерзнувшими отправиться туда прежде. И судьба ему улыбнулась: одинокий и безоружный, он достиг-таки народа, к которому стремился, и не был тотчас заколот копьями, как ему предрекали.

Контакты с хайборийской цивилизацией всегда были благодетельными для пиктов, несмотря на то что пикты яростно сопротивлялись этим контактам. В частности, они научились изготавливать грубые поделки из меди и олова. Их собственная страна не богата металлом, и ради олова, например, они устраивали набеги в горы Зингары либо выменивали его на шкуры, китовый ус, моржовый клык и прочие немногие вещи, которыми торгуют дикари. Кроме того, пикты перестали довольствоваться пещерами и убежищами на деревьях: теперь они жили в шатрах и неуклюжих домиках, выстроенных в подражание боссонским. Кормились по-прежнему охотой, ибо их родные леса так и кишели разнообразнейшей дичью, а реки и море — рыбой. Хотя они и научились выращивать хлеб, сеяли его от случая к случаю, предпочитая воровать зерно у соседей — зингарцев и боссонцев. Пикты жили кланами, большей частью враждовавшими друг с другом. Их законы были просты и весьма кровожадны. И совершенно необъяснимы с точки зрения

цивилизованного человека, вроде Аруса из Немедии. Пикты не поддерживали непосредственных контактов с хайборийцами, поскольку боссонцы расположились между ними наподобие буфера; тем не менее Арус счел, что они были способны к развитию, и последующие события подтвердили правоту его умозаключения,— хотя и не таким образом, как хотелось бы ему самому.

...Арусу повезло: судьба столкнула его с вождем, которого природа одарила необычайно ясным умом. Звали его Горм. Современному человеку понять Горма столь же трудно, как Чингисхана, Османа, Аттилу или иных, рожденных в дикой стране среди необразованных варваров и тем не менее наделенных духом завоевания и основания империй...

Арус сумел объясниться с вождем на ломаном боссонском, поясняя ему цель своего путешествия. Весьма озадаченный, Горм все же позволил ему избегнуть расправы и жить среди племени — едва ли не впервые за всю историю своего народа. Изучив язык, Арус взялся за дело, стараясь отменить хотя бы самые лютые обычаи пиктов: человеческие жертвоприношения, кровную месть и сожжение пленников живыми. Он обращался к Горму с пламенными речами — и обрел в нем заинтересованного, пусть и невосприимчивого слушателя. Воображение живо рисует нам эту сцену: черноволосый вождь, облаченный в тигровую шкуру и ожерелье из человеческих зубов, сидит на корточках на земляном полу хижины с плетеными стенами, сосредоточенно внимая красноречию жреца. А жрец, облаченный в шелковые одеяния немедийского священнослужителя, усаженный на раздобытую ради него резную, укрытую мехами колоду красного дерева, жестикулирует изящными белыми руками, излагая вечные истины и законы — учение Митры...

Вне сомнения, Арус с укором указывал вождю на ряды черепов, украшавшие стены хижины, и призывал Горма прощать своих врагов, вместо того чтобы таким образом поступать с их выбеленными временем костями. Арус являлся достойнейшим представителем народа, чей врожденный артистизм был

отточен столетиями цивилизованной жизни. За Гормом же стояло сто тысяч лет необузданной дикости. Поступь тигра преобладала в его бесшумной походке, хватка гориллы — в хватке его рук с черными от въевшейся грязи ногтями, и во взгляде его горел тот же огонь, что светится в глазах леопарда.

Арус был человеком практичным. Он постарался заинтересовать дикаря соображениями материальной выгоды. Повествуя о величии Митры, он красочно описывал мощь и роскошь хайборийских королевств,— ибо что, если не труды и учение Митры, возвышало их и утверждало во славе? Он рассказывал Горму о городах и плодородных равнинах, о мраморных стенах и железных колесницах, о башнях, увенчанных драгоценными камнями, и о всадниках в сверкающей броне, мчащихся в битву. А Горм, ведомый безошибочным инстинктом варвара, пропускал мимо ушей все, что касалось богов и их учений, и жадно вбирал рассказы о земном могуществе, столь живо описанном чужаком. И вот таким образом в жалкой лачуге с плетеными стенами и земляным полом, где на колоде красного дерева сидел жрец в шелковых одеяниях, а перед ним — смуглокожий вождь в тигровых шкурах,— вот таким образом и именно там был заложен первый камень в основание империи.

Как уже говорилось, Арус слыл человеком практичным. Живя среди пиктов, он обнаружил множество способов, коими образованная личность может облагодетельствовать человечество — хотя бы это человечество было облачено в тигровые шкуры и носило ожерелья из зубов своих собратьев. Как и все жрецы Митры, он был исполнен разнообразных познаний. Так, он обнаружил под пиктскими холмами обширные залежи железной руды и научил дикарей добывать ее, плавить железо и ковать из него разнообразные орудия в счастливой надежде, что это будут орудия пахоты и жатвы. Пикты обязаны Арусу и иными нововведениями, главнейшими же его делами стали следующие. Он заронил в душу Горма желание повидать страны цивилизованного мира; он обучил пиктов ковке железа; и наконец, он впервые установил контакт между ними

и цивилизацией. По просьбе вождя он вывел его и сколько-то его воинов через Боссонские топи во внешний блистающий мир, где на них изумленно уставились честные поселяне.

Без сомнения, Арус считал, что успешно обращает пиктов в свою веру, ибо они слушали с интересом, не торопясь рубить его медными топорами. Наивно было, однако, рассчитывать, будто пикты с охотой примут учение, предписывавшее им прощать своих врагов и променять тропу войны на честную жизнь, исполненную тяжкой повседневной работы. Мы уже знаем, пикту была чужда артистическая утонченность, самая натура его требовала войны и кровопролития. Внимая рассказам жреца о величии и славе цивилизованных народов, меднокожие слушатели задумывались не о догмах его религии, но о той добыче, которую они могли бы взять в описываемых им богатых городах и блещущих странах. Когда он рассказывал им, как Митра помог тому или иному королю опрокинуть врагов, они меньше всего обращали внимания на чудеса Митры, внимательно вслушиваясь в описания боевых порядков, доспехов рыцарей, маневров лучников и копейщиков. Пикты внимали жрецу, и их темные глаза были зорки, а лица — непроницаемы. Они делали, что считали нужным, и не очень об этом распространялись. Арусу поистине льстил тот напряженный интерес, с которым они принимали его наставления касательно выплавки железа и сродных с этим искусств.

До его пришествия они крали стальное оружие и доспехи у боссонцев и зингарцев и сами пробовали выделывать грубое оружие из меди и бронзы. Теперь им поистине открылся новый мир — спустя очень малое время по всей стране эхом разносился звон молотов о наковальни. А Горм, пользуясь вновь приобретенным искусством, начал постепенно распространять свою власть на соседние кланы, прибирая их к рукам — кого силой, кого хитростью и дипломатией. И надо отметить, по части дипломатии среди варваров ему не было равных.

Снабженные охранным свидетельством, пикты теперь свободно путешествовали в Аквилонию и назад. И, возвращаясь,

доставляли все новые сведения о выделке доспехов и ковке мечей. Более того: они вступали в наемные армии Аквилонии, вызывая не поддающееся описанию отвращение у храбрых боссонцев. Аквилонские короли подумывали стравить пиктов с киммерийцами и тем самым, вполне вероятно, уничтожить угрозу, исходившую от обоих народов. Но они были слишком заняты своей захватнической политикой на юге и востоке, чтобы всерьез обращать внимание на малоизвестные земли запада, откуда являлись все новые коренастые воины и нанимались на службу.

Отслужив, эти воины возвращались в родные чащобы, принося с собой добротные познания о воинском искусстве цивилизованных стран — и презрение к цивилизации, неизбежно порождаемое близким знакомством с нею. И вот в пиктских холмах забили барабаны, с высоких вершин потянулся дым сигнальных костров, между тем в тысячах кузниц ковали и ковали сталь полудикие кузнецы.

Тем временем вооруженные налеты и интриги — слишком хитроумные и разнообразные, чтобы пытаться хоть кратко перечислить их здесь,— сделали Горма верховным вождем и приблизили его власть к королевской в большей степени, чем это бывало у пиктов в течение тысячелетий. Он ждал долго, он был уже немолод; но пришло время, и он двинулся к границам — и не с торговлей, но с войной.

Слишком поздно понял Арус свою ошибку, осознав, что так и не сумел достучаться до души дикаря, где таилась копившаяся веками необузданная свирепость. Все его убедительное красноречие нисколько не потревожило сознание пиктов. Горм теперь носил вместо тигровых шкур посеребренную кольчугу, но внутренне он оставался прежним — вечный варвар, которому нет дела до теологии и философии, варвар, чьи инстинкты неизбежно сосредоточены на насилии и войне.

Огнем и мечом проломили пикты границу Боссонии... Вместо вчерашней толпы в тигровых шкурах, размахивавшей медными топорами, в бой шли воины в чешуйчатой броне, с ост-

рым стальным оружием в руках. Что же до Аруса — какой-то пьяный пикт раскроил ему череп, как раз когда тот пытался исправить невольные плоды своих трудов. Горм, впрочем, не остался неблагодарным. По его приказу могильный холм жреца увенчали черепом его убийцы.

Мрачная ирония судьбы: столь варварского украшения удостоились камни, скрывавшие тело Аруса — человека, которому насилие и кровная месть были противны более всего на свете...

И все-таки нового оружия и кольчуг оказалось недостаточно для скорой победы. Еще долгие годы мужество боссонцев и их превосходство в вооружении, а также помощь имперских войск Аквилонии сдерживали нашествие. Тем временем приходили и уходили гирканцы, а к империи была присоединена Замора...

Однако потом неожиданная измена расстроила сопротивление боссонцев. Но прежде чем перейти к ее описанию, уместно хотя бы вкратце обозреть аквилонскую империю. Аквилония всегда была богатой страной; завоевания сделали ее богатства неисчислимыми. Там, где прежде господствовал простой и суровый быт, воспитывавший выносливых и закаленных людей, воцарилась пышная роскошь. Впрочем, вырождение еще не успело коснуться ни королей, ни народа. Разодетые в шелка и золотую парчу, они оставались расой мужественной и жизнеспособной. Вот только прежнюю простоту нравов сменило высокомерие. Все с большим презрением взирали аквилонцы на слабейшие народы, облагая покоренных все более тяжелыми данями. С Аргосом, Зингарой, Офиром, Заморой и шемитскими странами обращались как с порабощенными провинциями. Особенно это возмущало гордых зингарцев, и они то и дело восставали, несмотря на то что восстания подавлялись, и подавлялись жестоко.

Коф практически подчинялся Аквилонии, находясь под ее «защитой» от гирканцев. Но вот Немедию западной империи покорить так и не удалось, хотя все победы немедийцев были чисто оборонительного свойства и одерживались с помощью

армии Гипербореи. Единственными на тот период неудачами империи стали провал попыток присоединить Немедию и разгром одной из армий, посланных в Асгард. Как гирканцы оказались неспособны противостоять ударам тяжелой кавалерии аквилонцев, так и эти последние, вступив в заснеженные края, не устояли в рукопашной перед яростью северян. Однако завоевания Аквилонии большей частью направлялись в сторону Нилуса (или, иначе, Стикса): в кровавом бою пала армия Стигии, а стигийский король был принужден — хотя бы единовременно — откупиться, чтобы спасти свою страну от нашествия. Бритуния была ослаблена в ходе нескольких стремительных войн, последовавших одна за другой. Началась подготовка к тому, чтобы наконец-то поработить старинного врага — Немедию.

Уже двинулись вперед сверкающие доспехами армии, многократно усиленные наемниками, казалось, их натиску суждено было превратить независимость Немедии в воспоминания. Но как раз тут и разгорелась свара между аквилонцами и их союзниками боссонцами.

Расширение империи с неизбежностью привело к тому, что аквилонцы сделались заносчивы и нетерпимы. Они взяли привычку осмеивать более простодушных и безыскусных боссонцев, и между ними родилась обоюдная нелюбовь. Аквилонцы презирали боссонцев, и тех возмущало подобное обращение с ними хозяев, ибо теперь те в открытую называли себя таковыми и поступали с боссонцами, точно с завоеванными подданными, устанавливая непомерные налоги и заставляя участвовать в своих захватнических войнах — войнах, от которых боссонцы не имели почти никаких выгод. В результате в Боссонии едва-едва хватало воинов для охраны границ. Вот и вышло так, что, прослышав о зверствах, чинимых на их родине пиктами, целые отряды боссонцев ушли с немедийской войны и быстрым маршем переправились на западные границы, где они дали смуглокожим захватчикам большое сражение и отогнали их прочь.

Случилось, однако, что уход боссонцев послужил непосредственной причиной поражения, нанесенного аквилонцам

немедийцами, отчаянно защищавшими свой дом. Что, в свою очередь, навлекло на боссонцев жестокий гнев тогдашних императоров, нетерпимых и близоруких, как, впрочем, и все вообще императоры. Аквилонские полки были тайно стянуты к границам боссонских пределов. Местных вождей пригласили поприсутствовать на великом совете; и под видом намечаемой экспедиции против пиктов отряды свирепых шемитских воинов были размещены среди ничего не подозревавших поселян. Безоружных вождей предательски перебили, шемиты накинулись на их ошеломленные войска с факелами и саблями, а закованные в железо имперские полки обрушились на мирный народ. Страна захлебнулась в крови. Уйдя наконец от границ, аквилонские армии оставили после себя опустошение и разгром...

И вот тогда-то, никем более не сдерживаемые, через лишенную защиты границу в полную мощь ринулись пикты. И это был не набег, а лишь согласованное движение целого народа, движение, ведомое вождями, служившими в аквилонских войсках, движение, задуманное и направляемое Гормом. Горм сильно постарел, но его яростное стремление к цели с годами ничуть не притупилось. И на сей раз на их пути не было крепких деревень, окруженных стенами и населенных бесстрашными лучниками, способными сдерживать вражеское нашествие до подхода имперских войск. Остатки боссонцев были вмиг смегены, и прежде, нежели могли быть переброшены на запад имперские легионы, вновь занятые войной с немедийцами, обезумевшие от крови варвары вломились в Аквилонию, грабя и сметая все на своем пути. Зингара тотчас воспользовалась возможностью и скинула ярмо, и ее примеру не замедлили последовать Коринфия и Шем. Многочисленные отряды наемников и вассалов поднимали бунт и уходили назад в родные пределы и, конечно, опять-таки жгли и грабили по дороге. Пикты же неостановимо двигались на восток, втаптывая в землю войско за войском. Аквилонцы, лишившиеся поддержки боссонских лучников, мало что могли противопоставить

ливню стрел, который обрушивали на них варвары. Со всех концов империи отзывались легионы и направлялись навстречу нашествию, между тем как из западных дебрей накатывала орда за ордой, и казалось, что их источник неиссякаем. И тут, посреди воцарившегося хаоса, на равнину со своих гор хлынули киммерийцы — и довершили разгром. Они грабили города, опустошали страну и возвращались в горы с добычей. Пикты, напротив, занимали захваченные земли. Вот так, в огне и крови, рухнула Аквилонская империя...

В это время из голубых далей Востока опять явились гирканцы: отвод имперских легионов из Заморы побудил их к решительным действиям. Замора уступала их натиску, сделавшись легкой добычей, и в самом большом из захваченных городов гирканский король устроил свою столицу. Та волна завоевателей явилась из старинного гирканского королевства Турана, расположенного на берегах Внутреннего моря; однако с севера двигалась еще одна орда, и притом более опасная. Всадники, закованные в сталь, миновали северную оконечность моря Вилайет, промчались по западным пустыням, внедрились в степи и, гоня перед собою туземцев, обрушились наконец на западные королевства. Эти новоприбывшие на первых порах отнюдь не считали туранцев своими союзниками, но, напротив, дрались с ними точно так же, как и с хайборийцами. Вот так кишели и резались между собой волны восточных воителей, покуда всех их не объединил под своей властью великий вождь, явившийся с самого побережья Восточного океана. Аквилонской армии, могущей воспротивиться, более не существовало, и завоеватели не ведали поражений. Они наводнили и поработили Британию, разорили южную Гиперборею и Коринфию. Они ворвались в Киммерийские горы, гоня черноволосых варваров прочь; но там, в горах, где кавалерия не могла действовать в полную силу, киммерийцы встали насмерть — и лишь беспорядочное отступление, довершившее день кровавой битвы, спасло гирканское войско от полного уничтожения.

А покуда происходили все эти события, королевства Шема покорили своего прежнего хозяина — Коф, но потерпели по-

ражение при попытке вторгнуться в Стигию. И едва успели шемиты управиться с разорением Кофа, как на них самих налетели гирканцы — и оказались правителями пожестче, чем когда-либо были хайборийцы. Тем временем пикты сделались полными хозяевами Аквилонии, практически поглотив прежнее население. Когда же они перешли границу Зингары, тысячи зингарцев, спасаясь от резни, хлынули в Аргос и там сдались на милость двигавшихся к западу гирканцев, которые и поселили их в Заморе как своих подданных. Следом за зингарскими беглецами в Аргос вошли завоеватели-пикты, и страну объял кровавый кошмар. Потом пикты вступили в Офир и столкнулись там с гирканцами: эти последние, захватив Шем, разбили на берегах Нилуса стигийскую армию и продвинулись на юг вплоть до Черных Королевств Амазонии, а тысячи пленников, приведенных оттуда, расселили между шемитскими племенами. Если бы не яростный натиск пиктов, сдерживавших их на западе, гирканцы, вероятно, довершили бы покорение Стигии и присоединили ее к своей растущей империи.

Немедия, в свое время так и не уступившая хайборийцам, едва держалась, зажатая между владыками Востока и меченосцами Запада, пока с севера не пришло племя асиров, покинувших свою занесенную снегом страну. Придя в королевство, асиры подались в наемники — и оказались необычайно умелыми воинами: не только отбросили прочь гирканцев, но и сумели остановить натиск пиктов, все еще двигавшихся на восток.

Удивительное зрелище являл собой тогдашний мир. Громадная, дикая, варварская империя пиктов простиралась от берегов Ванахейма на севере до южных побережий Зингары. В восточном же направлении она включала всю Аквилонию, кроме самой северной провинции — Гандерланда, расположенного в горах. Гандерланд пережил падение империи и, став самостоятельным королевством, все еще сохранял независимость. Пиктская империя включала также Аргос, Офир, западные земли Кофа и Шема.

Империи варваров противостояла империя гирканцев. На севере ее лежали разоренные границы Гипербореи, а на юге —

пустыни к югу от Шема. В империю гирканцев входили Замора, Бритуния, Пограничное королевство, большая часть Кофа и весь восточный Шем.

Границы Киммерии остались нетронутыми. Ни пикты, ни гирканцы не сумели сломить воинственных варваров. Немедия, где верховодили наемники-асы, тоже успешно противостояла нашествиям. Таким образом, Киммерия, Немедия и северные страны до некоторой степени разделяли два народа-завоевателя, зато Коф превратился в арену непрекращавшейся битвы между пиктами и гирканцами. Порою восточным воителям удавалось очистить от варваров все королевство; но проходило некоторое время — города и веси вновь оказывались в руках западных пришельцев. На далеком юге Стигия, потрясенная гиркапским вторжением, страдала от бесконечных нашествий из Черных Королевств. А на дальнем севере не ведали покоя нордические племена, то и дело сражавшиеся с киммерийцами и сами тревожившие границы Гипербореи...

Горм пал от руки Хьяльмара, вождя немедийских асиров. Горму к тому времени исполнилось уже чуть не сто лет. С тех пор как из уст Аруса он впервые услышал слово «империя», минуло семьдесят пять лет — долгий срок в жизни отдельного человека, но в истории народов: краткий миг. За это время Горм сколотил из бродячих дикарских кланов империю и опрокинул цивилизацию. Родившийся в мазанке под соломенной крышей, под старость он сиживал на золотых тронах и угощался говядиной с золотых блюд, что подносили ему нагие рабыни — дочери свергнутых королей. Ни завоевания, ни приобретенное богатство не изменили пикта; из руин разграбленной цивилизации, как феникс, восстала новая культура. Смуглые руки, уничтожившие искусство побежденных, никогда не пытались ему подражать. Сидя в роскошных руинах поверженных дворцов и облачив свое закаленное тело в шелка, сдернутые с низложенных королей, пикт остался вечным варваром — свирепым, примитивным, озабоченным лишь основными жизненными потребностями. Он не менялся сам и не изменял своим

первобытным инстинктам, призывавшим его к грабежу и войне; в его мире не было места ни для искусств, ни для культурного развития человечества...

А вот асиры, обосновавшиеся в Немедии, оказались не таковы. Вскорости они многое восприняли от своих цивилизованных союзников — но и сами, будучи обладателями чужой и очень жизнеспособной культуры, многое изменили и привнесли.

Последовал недолгий период, в течение которого гирканцы и пикты грызлись друг с другом на развалинах покоренного ими мира. Но потом начались оледенения и великое переселение нордических племен. Северные народы отступали перед надвигавшимися ледниками, выталкивая родственные кланы дальше на юг. Асиры заняли древнее королевство Гиперборею и, перебравшись через его руины, вплотную сошлись с гирканцами. Немедия к тому времени вполне уже превратилась в нордическую державу; правили в ней потомки асиров-наемников. Под напором выходцев с севера снялись с насиженных мест киммерийцы, и ни армии, ни укрепленные города не могли им противостоять. Они наводнили и смели королевство Гандерланд и двинулись через древнюю Аквилонию, неудержимо прорубая себе путь сквозь пиктские орды. Они разбили немедийцев и разграбили некоторые их города, но не остановились. Опрокинув на границах Британии гирканскую армию, они продвигались все дальше на восток.

А позади них, наводняя все новые страны, двигались орды асиров и ваниров, и пиктская империя содрогалась от их ударов. Немедия была повержена, и полуцивилизованные северяне бежали от своих более диких соплеменников. Покинутые города Немедии лежали в руинах. Беженцы-северяне (унаследовавшие имя прежнего королевства, так что термин «немедийцы» далее подразумевает именно их) вошли в древние земли Кофа, изгнали оттуда и гирканцев, и пиктов и помогли народу Шема скинуть гирканское ярмо. По всему западному миру власть гирканцев и пиктов трещала под напором более моло-

дого, свирепого народа. Отряд асиров изгнал восточных всадников из Британии и сам обосновался в этой стране, приняв ее имя. А северяне, завоевавшие Гиперборею, так яростно наседали на своих восточных врагов, что эти смуглокожие потомки жителей Лемурии, неудержимо выталкиваемые в сторону моря Вилайет, отступили назад в степи.

Тем временем киммерийцы, мигрируя к юго-востоку, уничтожили древнее гирканское королевство Туран и поселились на юго-западных берегах Внутреннего моря. Итак, мощь восточных завоевателей оказалась сломлена. Не способные более противостоять натиску киммерийцев и северян, при отступлении они разрушили все свои города, перебили пленных, которым не по силам были дальние переходы, а затем, гоня перед собою тысячи рабов, удалились назад в таинственные пределы Востока. Обогнув северную оконечность моря Вилайет, они исчезли из истории Запада на долгие тысячелетия, чтобы много позже вновь появиться под именем гуннов, монголов, татар и турок. Вместе с ними ушли тысячи зингарцев и заморийцев, которые затем бок о бок осели далеко на востоке и, смешиваясь в течение веков, положили начало новому народу цыган.

Одновременно с этим племя отчаянных ваниров просочилось на юг вдоль пиктского побережья. Опустошив древнюю Зингару, они добрались до Стигии, которая, изнемогая под властью аристократов, едва выдерживала удары с юга, где лежали Черные Королевства. Рыжеволосые ваниры возглавили восстание рабов, сбросили доголе правивший класс и сами составили касту завоевателей. Они поработили самые северные из Черных Королевств и положили начало огромной южной империи, названной ими Египтом. Ранние фараоны этой страны гордились своим происхождением от рыжеволосых ваниров, явившихся с севера.

Таким образом, северные варвары верховодили уже повсюду в западном мире. Пикты все еще удерживали Аквилонию, часть Зингары и западное побережье континента. Но восточнее, до самого Вилайста, от полярного круга до страны Шем,

единственными обитателями были кочевые нордические племена — за вычетом киммерийцев, обосновавшихся в прежнем королевстве Туран. Городов не осталось нигде, кроме Шема и Стигии: волны завоевателей — пиктов, гирканцев, киммерийцев — сровняли все их с землей, а доминировавшие некогда хайборийцы вовсе исчезли, едва успев влить свою кровь в жилы новых народов. Язык варваров сохранил некоторые названия земель и племен, и они пережили столетия, постепенно обрастая путаными легендами и сказаниями — покамест вся история Хайборийской эры не покрылась прочной паутиной вымысла и мифа. Так, в речи цыган сохранились названия Зингары и Заморы; асиры, подчинившие Немедию, прозвались немедийцами, и это имя фигурировало впоследствии в ирландской истории; северяне же, осевшие в Британии, были позже названы британцами, британами и, наконец, бриттами.

Единой, сплоченной Нордической империи не существовало. Каждое племя по-прежнему возглавлял вождь или король, и яростная вражда меж племенами не прекращалась. К чему могло все это в конце концов привести — осталось неизвестно. Ибо новая чудовищная судорога Земли, породившая современные очертания земель и морей, обратила все в хаос. Громадные участки западного побережья погрузились в воду. Ванахейм и западный Асгард — уже сотни лет к тому времени безлюдные и покрытые ледниками — исчезли в морских волнах. Океан ворвался в горы западной Киммерии, образовав современное Северное море. Полузатопленные горы превратились в острова, позже известные как Англия, Шотландия и Ирландия. Волны перекатывались там, где прежде шумели пустоши пиктов и расстилались боссонские пределы. На севере образовалось Балтийское море, разделившее Асгард на полуострова, получившие названия Норвегии, Швеции и Дании. А на далеком юге стигийский континент откололся от остального мира, причем линия разлома пролегла по реке Нилус в ее западном течении. Над Аргосом, западным Кофом и западными землями Шема плескался голубой залив океана, которому позже люди дали наименование Средиземного моря. Однако

погружение происходило не всюду. Западнее Стигии из моря поднялась обширная суша, составившая западную половину африканского континента.

Вздыбившаяся земля воздвигла громадные горные цепи в центральной части северного континента. При этом погибли целые племена северян, а уцелевшие отступили к востоку. Однако территория вокруг медленно высыхавшего Внутреннего моря была вовсе не затронута катаклизмом, и там, на западных берегах, нордические племена мирно занимались скотоводством, более или менее уживаясь с киммерийскими соседями и постепенно смешиваясь с ними. На западе остатки пиктов, отброшенные катастрофой назад в каменный век, вновь начали распространяться, являя невероятную жизнеспособность своей расы, пока, в позднейшую эпоху, их не опрокинула западная миграция киммерийцев и северян. Но это случилось спустя столь долгое время после катаклизма, что о прежних империях повествовали только смутные, лишенные смысла легенды.

Эта последняя миграция стала уже достоянием письменной истории, и ее события нет нужды заново излагать. Причиной же, вызвавшей ее, был рост населения. Степи к западу от Внутреннего моря, которое, сильно усохшее, в последующие эпохи было известно как Каспийское, оказались перенаселены в такой мере, что миграция сделалась экономической необходимостью. Племена двинулись на юг, на север и на запад — в земли, называемые теперь Индией, Малой Азией, Центральной и Западной Европой.

В эти страны они пришли под именем ариев. Первобытные арии были представлены несколькими племенами. Иные можно опознать и сегодня, иные же — давно позабыты. Светловолосые ахейцы, галлы и бритты, к примеру, суть потомки чистокровных асиров. Немедийцы ирландских легенд — не кто иные, как немедийские асиры. Датчане — потомки чистокровных ваниров, а готы — предки остальных скандинавских и германских племен, в том числе и англосаксов,— потомки смешанной расы, у истоков которой стояли ваниры, асиры и киммерийцы. Гэлы — предки ирландцев и нагорных шотландцев — ведут свое

происхождение от чистокровных киммерийских кланов. Кимрские (валлийские) племена Британии — смешанная киммеронордическая раса, переселившаяся на острова прежде чисто нордических бриттов, породила легенду о гэльском первородстве. Кимры, сражавшиеся против Рима, были тех же кровей, что и гиммеры ассирийцев и греков и гоммеры древних евреев. А некоторые киммерийские кланы ушли на восток, на ту сторону Внутреннего моря, и спустя несколько веков, приняв в себя гирканскую кровь, вернулись на запад под названием скифов. Первопредки гэлов оставили свое имя современному Крыму.

Древние шумеры не имели никакого родства с западной расой. Они смешанный народ гиркано-шемитского происхождения — потомки тех, кого не смогли увести с собой отступавшие завоеватели. Многим племенам Шема удалось избежать того плена, и от чистокровных шемитов, а также от тех, что смешались с хайборийцами или северянами, произошли арабы, израильтяне и иные ярко выраженные семиты. Ханаaниты, или горные семиты, ведут свое происхождение от шемитов, смешавшихся с жителями Куша, которых расселили среди них хозяева-гирканцы; типичный пример такого народа — эламиты. Невысокие, плотно сбитые этруски — основа римской расы — были потомками народа, объединившего в себе черты стигийцев, гирканцев и пиктов и жившего первоначально в древнем королевстве Коф. Гирканцы же, отступившие к восточному побережью континента, дали начало позднейшим племенам татар, гуннов, монголов и турок.

Происхождение иных народов современного мира может быть аналогичным образом прослежено. История почти каждого из них уходит во мглу позабытой Хайборийской эры — много дальше и глубже, чем сами они порою осознают...

1936 год

Синопсис без названия

По узкому ущелью продвигается небольшой отряд заморийских воинов под началом Нестора, гандерландского наемника. Они преследуют киммерийца Конана, чьи кражи у богатых купцов и ноблей привели в бешенство правителя ближайшего заморийского города. Конан сбежал оттуда и направился в горы. Стены ущелья круты, а дно заросло высокой и густой травой.

Пробираясь через траву во главе своего отряда, Нестор вдруг падает, обо что-то споткнувшись. Это натянутый Конаном сыромятный ремень, и он срывает подпорку; с горы сходит камнепад, заваливая всех воинов, кроме Нестора, который отделывается только ссадинами и ушибами на теле да царапинами и вмятинами на доспехах. Разъяренный наемник идет дальше по следу в одиночку и добирается до плато, где стоит безлюдный город древних; на окраине он встречает Конана. Не ожидавший нападения киммериец в отчаянной схватке все же ухитряется оглушить противника ударом меча о шлем, после чего углубляется в город, считая его вымершим. Нестор приходит в чувство и снова преследует киммерийца. Тем временем Конан успевает перебраться через городскую стену — ворота оказываются заперты — и встречает обитающее там чудовище. С ним удается покончить, сбросив ему на голову с возвышения каменные блоки; затем Конан спускается и разрубает труп на куски.

Он добирается до огромного дворца, вытесанного из каменного холма в центре города, и пытается найти вход, но тут его

© Перевод Г. Корчагина.

настигает Нестор с мечом в руке. Конан, преодолевая неприязнь, предлагает ему заняться поиском легендарного сокровища вдвоем, вместо того чтобы драться. Спор завершается согласием гандерландца, они проникают во дворец и в конце концов находят большой зал с сокровищами; но там же лежат воины давно минувшей эпохи. Они как живые, хоть и не дышат.

Кладоискатели вдоволь запасаются золотом и драгоценными камнями и бросают кости — кому владеть сверхъестественной красоты самоцветами, украшающими алтарь, на котором покоится яшмовая змея — вероятно, служившая древним жителям города идолом. Выиграв, Конан отдает собранные ранее драгоценности Нестору, а себе берет каменья и яшмовую змею с алтаря. Но как только поднимает ее, оживают древние воины, и разгорается страшная битва. Чудом ворам удается унести ноги. Исполинские воины выбегают следом за ними из дворца — и тотчас под лучами солнца превращаются в горстки праха.

Чудовищной силы подземные толчки сотрясают руины, и охотники за сокровищами расстаются. Конан возвращается в заморийский город, встречается с подружкой в таверне, а когда хмель ударяет ему в голову, щедро рассыпает самоцветы по залитому пивом столу. К его изумлению, они вмиг обращаются зеленой пылью. Тогда он решает проверить яшмовую змейку, лежащую в кожаной суме. Девушка поднимает суму и с испуганным криком роняет — внутри, по ее словам, что-то шевелится. Тут в таверну входит судья со стражей, чтобы арестовать Конана. Киммериец встает спиной к стене и вынимает меч. Прежде чем послать воинов в атаку на вора, судья завладевает его сумой.

Нестор тоже возвращается в город. С его золотом ничего не сделалось; он напивается и рассказывает собутыльникам о своих и Конана приключениях в мертвом городе.

Когда его пытаются схватить стражники, он, хоть и изрядно пьяный, отбивается и убегает.

Судья запускает руку в суму и с воплем отбрасывает ее — жирные пальцы обвиты живой змейкой. В поднявшейся суматохе Конану и его подружке удается улизнуть.

Синопсис без названия («Алая цитадель»)

Повесть начинается с последней сцены битвы, в которой король Аквилонии Конан побежден армиями Кофа и Офира. Властитель Офира Амальрус отправил весть Конану о том, что король Кофа Страбонус вторгся в его владения, и призвал киммерийца на помощь. Тот вышел с пятью тысячами конницы, без пехоты, и на равнинах Офира встретил Страбонуса с десятитысячной армией из рыцарей, лучников и пращников; его поддерживало пятнадцатитысячное войско офирцев. Они засыпали стрелами, разрезали на части дружину Конана и уничтожили ее без остатка. Единственный выживший, король Аквилонии попадает в плен к Страбонусу, а вернее, к его магу Тзота-Ланти — этот загадочный свирепый старец обладает истинной властью над Кофом. Тзота царапает Конана стилом, смазанным ядом пурпурного лотоса, отчего наступает мышечный паралич. Конана перевозят в Хоршемиш, столицу Страбонуса, и там пытаются склонить к отречению от престола в пользу Арпелло, аквилонского нобля, вступившего в тайный сговор со Страбонусом. Конан отвечает грубым отказом, его отводят в подземный лабиринт под цитаделью Тзоты и приковывают к стене. В этом подземелье Тзота вершит свое чародейство.

Над головой Конана тускло горит лампада, бросая на пол световой полукруг. Вскоре чудовищная сорокафутовая змея

© Перевод Г. Корчагина.

выползает из мглы, вздымается над Конаном, и с оскаленных зубов падают на его обнаженное бедро капли слюны, от которых останутся шрамы на всю жизнь. В этот миг появляется огромный черный мужчина и заявляет, что Конан, в бытность пиратом у берегов Куша, убил его брата. Он намерен обезглавить Конана, но из темноты снова выныривает змея и хватает его. К ногам Конана падают ключи, и он избавляется от оков.

Но выбраться тем же путем, что и вошел, не удается — подоспевший стражник запер дверь снаружи, хотя Конан успевает нанести ему смертельный удар через решетку. Киммериец находит в подземелье товарища по несчастью, волшебника, и освобождает его. Волшебник вызывает то ли огромную птицу, то ли дракона; верхом на этом существе Конан возвращается в Аквилонию, поднимает армию и громит кофийцев.

Синопсис без названия («Черный колосс»)

Заморийский вор Шиватас входит в город Кутхемес, расположенный в стигийской пустыне. Когда-то здесь текла река, приток той реки, которую стигийцы называют Стикс, кофийцы — Стигс, а немедийцы — Нилус. Но за многие века высохло ее ложе, теперь в лунном свете смутно виднеются истрескавшиеся камни руин Кутхемеса. В незапамятные времена здесь правил волшебник Туграхотон, верховный жрец Сета, Старого Змея, и среди развалин по-прежнему высится позлащенный мраморный свод его усыпальницы.

На этой древней земле лежит проклятие. Шиватас, алчущий клада, что лежит, если верить легенде, в гробнице, проникает туда потайным путем, отпирает огромную дверь изнутри и убивает стража, исполинскую змею, мечом, смоченным в ее собственном яде. Войдя в сумрачный склеп, он кричит от ужаса — во мраке шевелится, поднимается темный силуэт, затем вновь на развалины Кутхемеса опускается мертвая тишина.

В южнокофийском княжестве Хораспар его молодой правитель, князь Хосса, выходит из подчинения королю и устанавливает свою абсолютную власть. Хораспар населен частью ко-

---

© Перевод Г. Корчагина.

фийцами, частью шемитами, а управляет им аристократическая каста, состоящая из чистокровных хайборийцев.

В то время, когда разворачивается действие повести, Хосса — пленник в Офире, и офирский король колеблется в выборе, вернуть ли ему князя за выкуп хораспарийцам или выдать повелителю Кофа.

Хораспар пребывает под властью княжны Ясмелы. Внезапно приходит весть о вторжении врагов из южной пустыни. Среди кочевых шемитов появился новый пророк, именующий себя Натоком и всегда прячущий лицо под вуалью. Этот пророк владеет черной магией, он заполучил в сторонники мятежного стигийского принца, брата короля, изгнанного в пустыню. Всадники подготовились к походу на хайборийские земли, и первое государство на их пути — Хораспар.

Ясмела живет в страхе, ее донимает призрак. Бесформенная сущность с жуткими пылающими глазами то и дело возникает в сумраке ее покоев, пока спят служанки, шепчет чудовищные угрозы и оскорбления.

Полуживая от страха Ясмела решает обратиться к древнему оракулу, находящемуся в зале под дворцом. Княжна раздевает самую красивую служанку и бросает, плачущую, на алтарь, но ей не хватает отваги или жестокости принести в жертву человека. Невесть откуда раздается дивный шепот, голос оракула убеждает отдать под начало армию первому же встречному мужчине. Она осталась без военачальников — кто дезертировал, подкупленный королем Кота, кто запуган слухами о маге с вуалью.

Княжна сама надевает вуаль и выходит на городские улицы, и первым встречным оказывается не кто иной, как командир отряда наемников киммериец Конан; шатаясь от выпитого, он бредет по улице. Эта встреча заставляет Ясмелу усомниться в оракуле, но все же она приводит варвара во дворец, подвергаясь по пути любовным приставаниям. Там она называет себя, чем повергает киммерийца в шок. Он выхватывает меч, чтобы проложить себе дорогу наружу, но княжна его успокаивает и отдает под его начало жалкие остатки дезертировавшей

армии: отряд верных дворян, полк шемитских лучников, а также наемников: гандерландцев, аквилонцев, гиперборейцев и немедийцев.

Войско отправляется на холмы, чьи склоны полого спускаются в пустыню. Навстречу по земле катится огромная туча, в ней шествуют тысячи воинов Натока. Но ветер разгоняет туман, Конан и его армия вступают в битву и, при содействии очень древнего кофийского бога, побеждают Натока, он же Тугрохотан.

Фрагмент без названия

1

На поле сражения опустилась тишина; казалось, алые лужи между лежащими вповалку телами отражают багрянец закатного неба. В высокой траве появлялись и исчезали силуэты крадущихся зверей, птицы-падальщицы с шорохом темных крыл опускались на груды трупов. Словно вестники погибели, неровной чертой медленно пролетели к заросшим тростником берегам реки цапли. Ни грохот колесниц, ни зов рожка не нарушали эту сверхъестественную тишину. Следом за громом битвы наступило безмолвие смерти.

Все же одна человеческая фигурка двигалась на усеянном мертвыми телами поле, она казалась карликом на фоне огромного тускло-малинового неба. Человеком этим был Конан, великан с гривой черных волос и горящими синими глазами. Его прихваченная ремнем набедренная повязка и сандалии с высокой шнуровкой были забрызганы кровью. Огромный меч, который он держал в руке, был в крови по самую крестовину. На бедре зияла страшная рана, вынуждавшая его сильно хромать. Осторожно, но нетерпеливо пробирался он от павшего к павшему и тихо ругался при этом. До него здесь побывали другие, и ни браслет, ни кинжал с каменьями на рукоятке, ни серебряная нагрудная пластина не вознаградили его поиски.

© Перевод Г. Корчагина.

Слишком долго волк занимался кровопролитием — тем временем шакалы успели обглодать добычу до костей.

Озирая равнину, он не увидел ни одного шевелящегося тела, ни одного нераздетого трупа. Ножи наемников и обозников довели дело до конца. Прекратив бесплодный поиск, Конан выпрямился и устремил хмурый взгляд вдаль, за долину, туда, где в закатном сумраке слабо отсвечивали городские башни. И вдруг он резко обернулся — его ушей коснулся тихий, но полный муки стон, где-то поблизости лежал раненый. А раненый — значит, не ограбленный.

Конан торопливо заковылял на звуки, добрался до края долины, раздвинул жесткие тростники и увидел у своих ног скорченное человеческое тело. Перед ним лежала девушка. Обнаженная, белые руки и ноги покрыты ссадинами и синяками, длинные темные волосы в запекшейся крови. В черных глазах застыло невыносимое страдание; она стонала в бреду.

Варвар стоял, глядя на нее, и на миг его взор затуманился чем-то похожим на жалость или сострадание. Конан хотел было избавить девушку от страшной участи, но, когда клинок приблизился к ее груди, она вдруг заплакала, как дитя от боли. Огромный меч замер, застыл на мгновение, и киммериец словно обратился в бронзовую статую. Решившись, он убрал меч в ножны, наклонился и поднял девушку на могучие руки. Она слепо, вяло сопротивлялась. Аккуратно держа ее, Конан захромал к текущей где-то рядом, за тростниками, реке.

2

Когда в городе Яралет наступала ночь, жители запирали на засовы ставни и двери, зажигали свечи на домашних алтарях и, дрожа, сидели в своих убежищах, пока снаружи рассвет не обрисовывал минареты. По улицам до утра не ходили стражники, размалеванные шлюхи не манили прохожих из дверных проемов, воры не крались по петляющим улочкам. Преступники, как и честные люди, предпочитали держаться подальше от темных закоулков, собирались в зловонных притонах или

в освещаемых тавернах. От заката до рассвета Яралет был городом безмолвия. Его улицы и площади словно вымирали.

Люди даже не знали толком, чего они боятся. Но свидетельств тому, что вовсе не пустые подозрения вынуждают их запирать двери, хватало с избытком. Ходили слухи о дверях, разлетевшихся в щепки посреди ночи, о разоренных домах, чьих жильцов больше никто и никогда не видел. Были истории и пострашнее — о призрачной колеснице, грохочущей по пустым улицам в предрассветной мгле, о жутких человеческих воплях, за которыми наступает зловещая тишина; слышавшие это не рисковали выяснять, что произошло. Один мальчишка осмелился, но вмиг сошел с ума и умер в криках и корчах, никому не сказав об увиденном из неосвещенного окна.

Однажды ночью, когда жители Яралета стучали зубами взаперти, странный разговор произошел в задрапированной бархатом комнате Аталиса, которого одни считали философом, а другие мошенником. Аталис был красив — худощавый, среднего роста, благородный обличьем, но с повадками хитрого купца. Он брил голову в знак преданности науке и искусству и носил наряд простого кроя, но из дорогой ткани. Говоря, он безотчетно жестикулировал левой рукой; правая лежала на коленях, согнутая под неестественным углом. Время от времени его черты искажались спазмом боли, и при этом правая нога, скрытая под длинным подолом, прогибалась назад в колене.

Говорил он с тем, кого город Яралет знал и чествовал как принца Тана. Молодой принц был высок, гибок и бесспорно хорош собой. Крепость тела и серая сталь глаз несколько противоречили женственно вьющимся черным волосам и бархатной шляпе с пером.

Синопсис без названия

Место действия. Город Шумбалла в стране Куш, расположенной южнее Стигии, на огромных травянистых равнинах. Шумбалла — столица Куша, населена чернокожими людьми, жестокими и воинственными, известными как галлахи. Ими управляет каста смуглых чагасов, называющих себя потомками стигийских воинов, отряд которых очень давно пришел на юг и основал королевство. Этих аристократов всего лишь несколько сот, но они сохраняют свое положение благодаря интригам и жестокости.

Герои. Король Куша — безумный дегенерат; его красивая, жестокая, страстная сестра Тананда; Тутмес, мятежный аристократ королевской крови; Диана, пленная немедийка; Агара, фанатичный галлахский шаман; киммериец Конан.

Сюжет. Чернокожий начальник галлахских воинов навлек на себя гнев Тананды, был арестован и заперт в башне. Он просыпается, чтобы погибнуть от зубов свинообразного монстра, который взобрался по стене и вырвал решетку из окна. Это очень древнее чудовище, управляет им смуглый авантюрист из Кордафана.

Труп обнаруживают, и к Тутмесу прибегает один из заговорщиков. По его словам, с заключенным расправилось вовсе не человеческое существо. Тутмес говорит вестнику, что настало время поднять галлахов против короля и его сестры, приказывает найти черного колдуна Агару и намекнуть, что вож-

---

© Перевод Г. Корчагина.

дя убила Тананда. Затем Тутмес поднимается на крышу своего жилища и размышляет, глядя на городские стены, на огромное скопление глинобитных галлахских хижин, усеявших равнину за крепостной стеной. Это он отправил чудовище, добиваясь, чтобы подозрение пало на Тананду, которая является истинным правителем Куша.

Тутмес замыслил низвергнуть правящую династию с помощью галлахов и стать королем. Но это очень рискованная затея, поскольку галлахи считают, что на троне Куша должен сидеть человек с черной кожей. Тутмес посылает за белой женщиной, намереваясь подарить ее королю — по его плану, глупец быстрее умрет с помощью этого «подарка». Его слуга покупает юную немедийку Диану у шемитского работорговца, захватившего ее вместе с другой добычей на аргосском купеческом судне.

Вскоре после этого Тананда едет по городу за пределами крепостной стены. Город называется Пунт. Появляется Агара и натравливает на нее толпу. Ее свита погибает, а саму Тананду стаскивает с седла и раздевает догола толпа, готовая разорвать ее на куски. Но тут ее спасает только что прибывший в Шумбаллу Конан, бродячий искатель приключений, недавно бывший пиратом.

Аристократ, командовавший гвардейцами Тананды, заколот своими людьми, и Конану достается его должность. Через некоторое время он подавляет бунт чернокожих и получает щедрое вознаграждение от короля. К Тутмесу приводят Диану. Она получает от него распоряжения и отправляется к королю. Но Тананда выкрадывает немедийку, и Конан, увидев девушку, увлекается ею.

С помощью магии Агара узнает о роли Тутмеса в судьбе черного военачальника. По приказу Тутмеса колдуна хватают, чтобы замучить до смерти. Глава заговора, видя, что не сможет свергнуть короля, пока жив Конан, напускает на него кордафанское чудище.

Тананда приказывает Диане раскрыть подробности замысла Тутмеса, но девушка отказывается. Хозяин запугал ее почти

до безумия. Тананда бьет ее кнутом, входит Конан и прекращает это. В бешенстве властительница угрожает ему, но он лишь смеется в ответ и уводит девушку в свой дом.

На огромной площади внутреннего города, на глазах у бесчисленных зевак, пытают колдуна. Возвращаясь домой, Конан подвергается нападению монстра, смертельно ранит его и преследует до площади, где чудовище подбегает к своему повелителю-кордафанцу и падает замертво. Охваченная ужасом толпа разрывает кордафанца на куски, затем появляется Агара и обвиняет Тутмеса. Его тоже убивает толпа. Чернокожие восстают и разрушают Шумбаллу, а Конан с Дианой спасаются бегством.

Черновик без названия

1

Амбула просыпался медленно, чувства его были притуплены выпитым накануне вином. Он не сразу сообразил, где находится. В лунном свете, падающем сквозь оконную решетку, проглядывала незнакомая обстановка.

Затем он вспомнил, что лежит в верхней камере тюремной башни, куда заключен по приказу разгневанной Тананды, сестры кушитского короля. Это необычная камера, ведь даже Тананда не осмелилась слишком далеко зайти, наказывая предводителя черных копейщиков, которые составляли ядро кушитской армии. Ковры, гобелены, обтянутые шелком диваны и кувшины с вином... Что-то его разбудило, вспомнил он. Но что?

Взгляд его скользнул к зарешеченному квадрату лунного сияния. Увиденное в окне отчасти согнало с Амбулы хмель и заставило напрячь затуманенные глаза. Прутья решетки были скручены, изогнуты. Должно быть, скрежет железа и разбудил его.

Но разве существует на свете сила, способная погнуть эти прутья? И где же тот, кому это удалось? Тут он протрезвел окончательно, мороз прошел по коже. Кто-то пробрался через окно, и этот кто-то здесь, в одной комнате с Амбулой. С тихим стоном он зашевелился на ложе, начал озираться. И обмер при

© Перевод Г. Корчагина.

виде неподвижной как статуя фигуры, что стояла в головах его ложа.

Сердце Амбулы, не ведавшего доселе страха, сжала ледяная рука. Безмолвный обладатель сероватого силуэта не шевелился и не говорил, он лишь стоял в лунном сумраке, бесформенный, жуткий, и с его обликом никогда бы не смог смириться здравый рассудок. В ужасе глядевший на него Амбула различил голову кабана, с рылом и жесткой щетиной,— но тварь стояла вертикально, покрытые шерстью передние конечности заканчивались рудиментарными кистями.

Амбула взвизгнул и подскочил, и тут же пришла в движение тварь, с парализующей быстротой чудовища из кошмара.

В мозгу воина на миг отпечаталась картина чавкающей слюнявой пасти, длинные как стамески клыки блеснули в лунном сиянии, и в следующий миг лунный свет упал на черное тело, простертое среди смятых покрывал на ложе. Затем серая неуклюжая туша бесшумно двинулась по залу к окну, где скорчились на фоне звездного неба изуродованные прутья.

2

— Тутмес! — Голос был настойчив, как и стук кулака в тиковую дверь комнаты, где спал самый амбициозный аристократ Шумбаллы.— Тутмес! Впусти меня! В Шумбалле объявился демон!

Распахнулась дверь, и в комнату ворвался худой жилистый человек в белой джеббе, темнокожий, с блестящими белками глаз. Его встретил Тутмес — высокий, красивый, с выраженными чертами его касты.

— О чем ты, Афари?

Прежде чем ответить, Афари затворил дверь, тяжело дыша после долгого бега. Он был ниже, чем Тутмес, и в его внешности преобладали негроидные признаки.

— Амбула! Мертв! В Красной башне!

— Что?! — воскликнул Тутмес.— Тананда все-таки решилась его казнить?

— Нет! Нет! Она не так глупа. Это не казнь, а убийство. Кто-то вломился в его камеру через решетку и разорвал ему глотку, растоптал ребра, проломил череп... О Сет! Уж я-то навидался мертвецов на своем веку, но все они — сущие красавцы по сравнению с покойным Амбулой. Нет, Тутмес, это работа какого-то демона. Горло Амбулы перегрызено, и следы зубов не похожи на львиные или обезьяньи. Они как будто оставлены острейшими стамесками.

— Когда это произошло?

— Около полуночи. Стражники в нижней части башни, следившие за лестницей, что ведет в его камеру, услышали вопли. Помчались наверх и обнаружили изувеченное тело. Как ты и приказал, я ночевал в караулке. Поднялся на шум и убедил стражников держать язык за зубами.

Тутмес улыбнулся, и эта улыбка была неприятной на вид.

— Боги и демоны помогают смелому,— философски изрек он.— Как бы ни желала Тананда смерти Амбуле, я не верю, что это ее рук дело. Когда она посадила его под арест, черные здорово разозлились. Так что и дальше держать его под замком она не могла. Но это происшествие дает нам оружие против нее. Ведь галлахи решат, что убийца — она. Любое недовольство династией нам на пользу. Ступай же и нанеси удар, прежде чем о случившемся узнает король. Первым делом приведи отряд чернокожих копейщиков в Красную башню и казни стражников за сон на посту. Пусть всем станет известно, что это сделано по моему приказу. Галлахам понравится, что я отомстил за их предводителя. Убей стражников, прежде чем это сделает Тананда. Потом отправляйся в Пунт и найди старика Агару, колдуна. Не говори ему напрямик о преступлении Тананды, но дай понять.

Афари содрогнулся:

— Чтобы простой человек да обманул этого черного демона? У него глаза как красные угли, и смотрят они в неведомые бездны. Я видел, как он заставлял мертвецов подниматься и ходить, причем их голые черепа щелкали челюстями и скрежетали зубами.

— А ты не обманывай,— посоветовал Тутмес.— Лишь намекни на свои подозрения. Пусть Амбулу погубил демон, но кто, как не человек, вызвал его из мрака? И почему этим кем-то не может быть Тананда?

Когда Афари ушел, напряженно обдумывая приказ хозяина, Тутмес накинул на голое тело шелковый плащ и поднялся по короткой, но широкой лестнице из полированного красного дерева на плоскую крышу своего дворца. Он глянул за парапет — внизу лежали тихие улицы внутреннего города Шумбаллы, дворцы и сады, и огромная площадь, где в мгновение ока могла собраться тысяча всадников из прилегающих казарм.

Посмотрев дальше, он увидел исполинские бронзовые ворота, а за ними внешний город. Его называли Пунтом, тогда как внутренний — Эль-Шеббехом. Шумбалла стояла посреди великой равнины, расстилавшейся от горизонта до горизонта; лишь кое-где гладь нарушалась грядой невысоких холмов. Узкая, глубокая река, петлявшая по травянистой земле, касалась городских околиц. От Пунта Эль-Шеббех отделяла высокая и толстая стена, она окружала дворцы правящей касты, которая состояла из потомков стигийцев, столетия назад двинувшихся на юг, чтобы создать империю и смешать свою гордую кровь с кровью темнокожих подданных.

Эль-Шеббех был построен на славу. Четкий рисунок улиц и площадей, каменные здания, ухоженные парки. Пунт являл собой наобум расползшиеся трущобы: земляные хижины, кривые тесные улочки, площади, которые можно было назвать таковыми с огромной натяжкой. В Пунте жили чернокожие аборигены Куша, галлахи. В Эль-Шеббехе — аристократы-чагасы, а также их слуги и черные всадники-гвардейцы.

Тутмес обвел взглядом широкое пространство, заполненное хижинами. На убогих площадях горели костры, на улицах раскачивались факелы прохожих, время от времени доносился отрывок песни, в ритмичном варварском речитативе сквозил то ли гнев, то ли кровожадность. Тутмес содрогнулся и плотнее закутался в плащ.

Идя по крыше, он остановился подле человека, спящего под пальмой в искусственном саду. Разбуженный пинком, человек вскочил на ноги.

— Дело сделано,— сообщил Тутмес.— Амбула мертв, и до рассвета весь Пунт будет знать, что бедняга убит Танандой.

— А... демон? — прошептал, содрогаясь, человек.

— Тсс! Вернулся во мглу, откуда и был вызван. А тебе, Шубба, настало время отправляться в путь. Ищи у шемитов подходящую женщину — женщину с белой кожей. Как найдешь, немедленно доставь сюда. Если вернешься до восхода луны, я дам тебе серебра столько же, сколько будет весить твоя находка. Если не выполнишь поручение, твоя голова украсит эту пальму.

Шубба преклонил колена и коснулся лбом пыльной крыши, после чего бегом устремился вниз.

Тутмес снова посмотрел на Пунт. Костры теперь горели ярче, и в монотонном рокоте барабана чудилось что-то зловещее. И тут вверх по лестнице взлетел зверский многоголосый рев.

— Узнали, что Амбула мертв,— пробормотал Тутмес, и опять его сотрясла сильная дрожь.

3

Жизнь Пунта шла своим привычным путем на грязных улицах. В дверных проемах кривых домишек сидели на корточках крепкие чернокожие люди, другие валялись на земле в тени. Женщины носили на головах кувшины с водой и корзины с пищей. В пыли играли и дрались дети, пронзительно хохоча и вереща. На площадях негры шумно торговали бананами, пивом и коваными бронзовыми украшениями. Над жаровнями с углем гнули спины кузнецы, усердно стучали молотами по наконечникам копий. Пот, веселье, гнев, нагота,— на все это, без разбора, раскаленное солнце обрушивало свои лучи.

Внезапно монотонность нарушилась, к музыке пунтийского дня добавилась новая нота. Грохот копыт сопровождал появление группы всадников. Полдюжины мужчин сопровождали женщину — смуглокожую, с черными волосами, стянутыми на затылке золотистой лентой. Единственным одеянием наездницы, если не считать сандалий, служила короткая юбка из золотистой ткани, прихваченная на талии пряжкой. Ее облик говорил о силе духа, отважные искрящиеся глаза глядели вызывающе, властно. Она с легкостью управляла жеребцом, держа широкий, с мужскую ладонь, алый кожаный повод с каменьями и позолотой, опираясь на широкие серебряные стремена.

Там, где она проезжала, мигом смолкал городской шум. Черные лица мрачнели, в глазах зажигались искры. Негры поворачивали головы, шептали друг другу в уши; шепот нарастал, превращаясь в зловещий ропот.

Ехавший рядом с женщиной юноша занервничал. Он прикинул расстояние до бронзовых ворот, еще не видимых за домами с плоскими крышами, и пробормотал:

— Тананда, народ обозлен. Поездка через Пунт — опрометчивый поступок.

— Все черные псы Куша не заставят меня отказаться от охоты,— ответила женщина.— Кто-нибудь из них посмеет угрожать — дави конем.

— Сказать проще, чем сделать,— проворчал юноша, оглядывая безмолвную толпу.— Они выходят из домов и заполняют улицы... Будь осторожна, Тананда!

Они выехали на широкую грязную площадь, где кишела черная толпа. К площади примыкала глинобитная хижина. Это сооружение было повыше соседних, и над дверным проемом висела гроздь черепов.

Это был храм Юллаха — черный народ боготворил его в пику змеебогу Сету, которому поклонялись чагасы, подражая своим стигийским предкам. Скопившиеся на площади негры угрюмо смотрели на всадников. Веяло угрозой, и обеспоко-

енная Тананда не заметила, как на другом краю площади появился еще один всадник, выехавший из улочки. В другое время всадник с легкостью привлек бы к себе внимание, ведь он не принадлежал ни к чагасам, ни к галлахам, а был белым, могучего телосложения, в кольчуге и шлеме, с алым плащом, развевающимся за плечами.

— Эти псы вздумали бунтовать! — пробормотал рядом с Танандой юноша, до половины вытащив из ножен кривой клинок. Остальные гвардейцы, такие же черные, как и окружающий их народ, сплотились вокруг нее, но мечей не обнажили. Глухой зловещий ропот нарастал, но враждебных действий толпа не предпринимала.

— Идем на прорыв! — приказала Тананда и погнала коня вперед.

Толпа угрюмо раздавалась на ее пути, и вдруг из капища вышел тощий черный человек. Это был старый Агара, одетый только в набедренную повязку. Наставив палец на Тананду, он прокричал:

— Вот едет та, чьи руки в крови! Та, что убила Амбулу!

Крик его стал той искрой, что вызвала взрыв. Над толпой поднялся оглушительный рев, негры бросились вперед с воплем «Смерть Тананде!». Миг спустя сотня черных рук вцепилась в ноги всадников. Юноша вклинился между толпой и повелительницей, но брошенный черной рукой камень расколол ему череп. Гвардейцы пустили в ход оружие, но продержались недолго. Их стащили с седел и забили до смерти.

Охваченная ужасом Тананда закричала, поднимая коня на дыбы. И в коня, и в наездницу вцепились многочисленные горожане, и мужчины, и женщины.

Какой-то великан ухватил ее за бедро и стащил с седла, прямо в нетерпеливые жестокие руки. Сорванная с нее юбка полетела вверх, сопровождаемая взрывом первобытного хохота. Негритянка плюнула ей в лицо и сдернула нагрудник, оцарапав грудь черными ногтями. Прилетел камень и рассадил кожу на голове. Тананду рвали многочисленные руки, казалось,

еще миг, и ее расчленят. Она увидела зажатый в черной кисти камень, его хозяин прорывался к ней с явным намерением раскроить череп. Сверкали ножи. Невероятная теснота мешала убийцам довести дело до конца.

— В дом демонов ее! — раздался вдруг крик, вызвав одобрительный гомон, и Тананда почувствовала, как ее полунесут-полутащат через беснующуюся толпу, хватая за руки, за ноги, за что только можно схватить. И вдруг толпа пошатнулась от удара чудовищной силы — это всадник разогнал коня и врезался в нее.

С криками валились люди, сокрушаемые тяжелыми копытами. В полуобмороке Тананда увидела возвышающийся над толпой силуэт, покрытое шрамами лицо над стальным шлемом, плащ, вздымающийся над могучими окольчуженными плечами, и раз за разом взлетающий огромный меч, с которого срывались алые брызги.

Но откуда-то из гущи толпы ужалило копье, выпустив жеребцу внутренности. Он заржал, запнулся и повалился набок, но всадник успел спрыгнуть, рубя направо и налево. Копья и ножи отскакивали от его шлема и от щита, который он держал на левой руке, широкий меч рассекал плоть и кость, раскалывал черепа, выбрасывал мозги и кишки на кровавую пыль.

Перед этим натиском не могли устоять плоть и кровь. Очистив пространство, он остановился, подхватил бесчувственную девушку и, прикрывая ее щитом, попятился, безжалостно прорубая себе дорогу. Добравшись до угла стены, опустил Тананду на землю и встал перед ней, отражая натиск рычащей и вопящей толпы.

Загремели копыта, на площадь вылетел большой отряд всадников, сметая с пути бунтовщиков. Приблизился начальник, огромный негр в роскошном облачении из алого шелка и позолоченной кожи.

— Ты не спешил,— сказала Тананда, успевшая встать и вернуть себе гордый облик.

Негр посерел от страха, но, прежде чем он успел обернуться, Тананда сделала знак, и его заметили ближайшие страж-

ники. Один из них вскинул копье обеими руками и с такой силой ударил между лопаток своему командиру, что наконечник вышел из груди. Гвардеец упал на колени, и еще полдюжины копий закончили дело.

Тананда тряхнула длинными черными кудрями, с которых давно слетела лента, и повернулась к Конану. Из многочисленных ссадин на ее груди и бедрах сочилась кровь, волосы беспорядочно рассыпались по спине. Она была нага, как в тот день, когда родилась.

Красавица смотрела на Конана без малейшего смущения или неуверенности, и он ответил взглядом, полным восхищения ее статью и отвагой и спелостью смуглого тела.

— Кто ты? — спросила она.

— Конан, киммериец.

— Что делаешь в Шумбалле?

— Приехал в поисках удачи. Недавно я был пиратом.

— Вот как? — В темных глазах засветилось любопытство.— До нас доходили слухи о том, кого прозвали Амбра Лев. Но если ты больше не пират, то кто ты?

— Нищий бродяга.

Она отрицательно покачала головой:

— Клянусь Сетом, это не так. Ты командир королевской гвардии.

Он бросил взгляд на труп в шелке и позолоченной коже, это зрелище не помешало ухмылке появиться на его лице.

4

Шубба вернулся в Шумбаллу, пришел в комнату Тутмеса, где на мраморном полу лежали леопардовые шкуры.

— Я нашел женщину, которая тебе нужна, — сообщил он.— Это юная немедийка, захваченная пиратами на аргосском купеческом судне. За нее шемит-работорговец взял с меня много широких золотых пластинок.

— Дай-ка взглянуть,— приказал Тутмес, и Шубба вышел из комнаты, чтобы через миг вернуться, таща за руку девушку.

Она была красива, белое тело разительно отличалось от коричневых и черных, к которым привык Тутмес. Ее вьющиеся волосы золотым каскадом спадали на плечи. Одета она была только в изорванную тунику, которую Шубба сдернул, оставив рабыню в чем мать родила.

Тутмес задумчиво кивнул:

— Удачное приобретение. Не будь ставкой в игре трон, я бы придержал красотку для себя. Ты научил ее кушитскому языку, как я приказал?

— Да. В городе шемитов и потом, пока мы добирались с караваном. Я делал науку более доходчивой с помощью плетки, на шемитский манер. Ее зовут Дианой.

Тутмес уселся на диван и жестом велел девушке расположиться перед ним на полу.

— Я собираюсь тебя подарить королю Куша,— сообщил он.— Ты станешь его рабыней, но на самом деле ты принадлежишь мне. Я буду регулярно передавать распоряжения, и ты обязана их выполнять. Король дегенерат, слизняк, распутное ничтожество, и такой красавице не составит труда полностью его подчинить. Но чтобы тебя не соблазняла мысль о неподчинении, чтобы ты не посмела вообразить, будто я не достану тебя в королевском дворце, я сейчас продемонстрирую свою власть над тобой.

Он взял ее за руку и повел по коридору, вниз по каменной лестнице, в длинную, слабо освещенную комнату. Она была перегорожена стеной, сделанной из цельного кристалла, толщиной в три фута, но прозрачной как вода. И такой крепости, что могла бы выдержать удар слона.

Он подвел девушку к стене и приказал стоять и смотреть, а сам отошел назад. Внезапно свет погас. Девушка ждала во мгле, красивое тело дрожало от страха. Потом впереди возникло сияние, выделив из мглы огромную бесформенную голову. Диана увидела звериное рыло, похожие на стамески зубы,

щетину, Когда этот ужас двинулся к ней, она закричала, повернулась и бросилась бежать, забыв о кристаллической преграде, способной ее защитить.

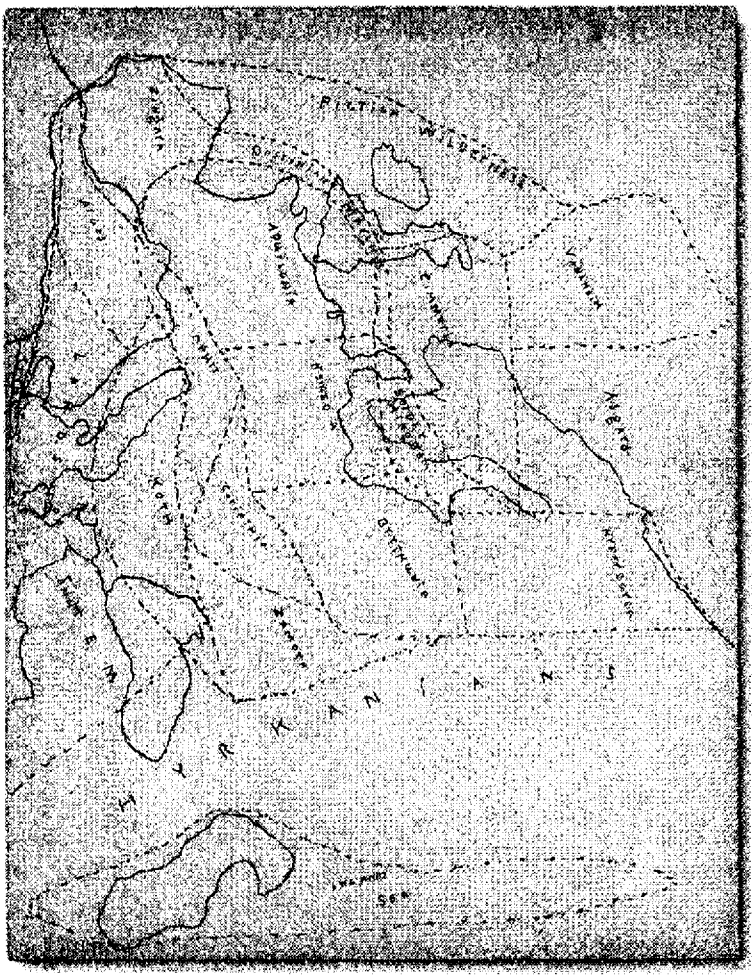
Она прибежала прямо в объятия Тутмеса, и он прошептал ей на ухо:

— Только что ты видела моего слугу. Не подведи, иначе от него не спрячешься нигде.

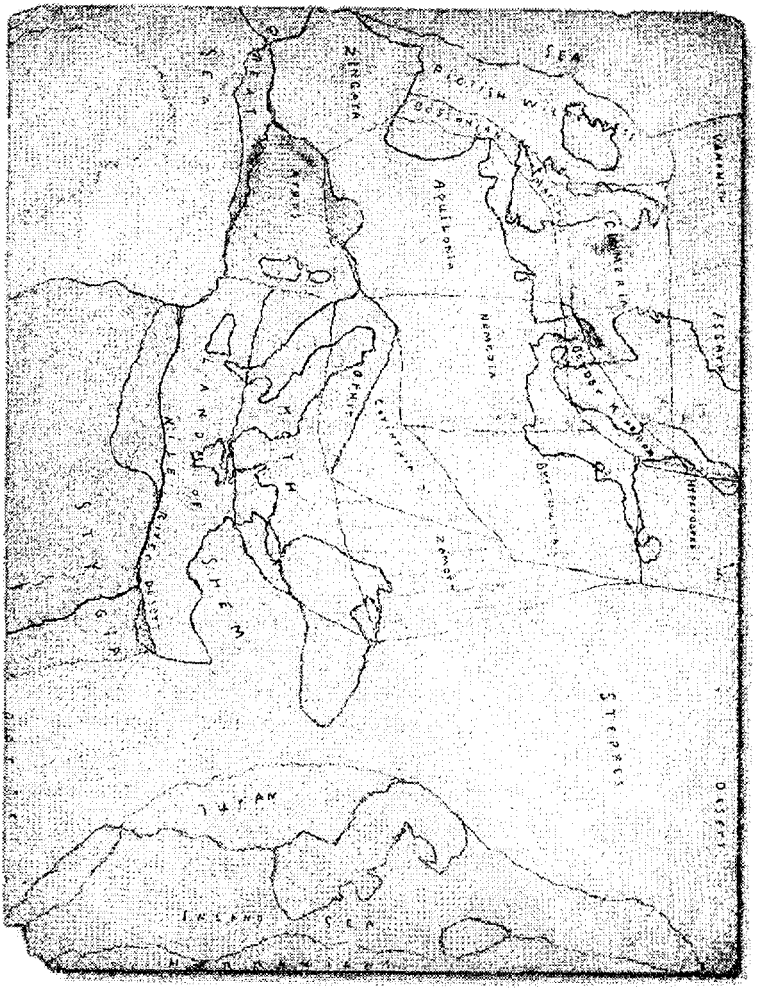
Когда он прошипел что-то еще, она лишилась чувств.

Тутмес отнес ее наверх и поручил заботам чернокожего знахаря, приказав накормить, умыть, расчесать, надушить и одеть для отправки к королю.

Карть



Хайборийской эры



Сотворение Хайбории

Часть 1

ЗАМЕТКИ О СОЗДАНИИ РАССКАЗОВ О КОНАНЕ

В декабре 1933 г. Роберт Говард рассказывал в письме коллеге-писателю Кларку Эштону Смиту о создании своего самого известного персонажа, Конана из Киммерии:

Помню, много месяцев моя голова была абсолютно пуста — ни одной идеи. Я не мог придумать ничего, способного принести деньги. Потом в мозгу, без какого-либо участия с моей стороны, возник человек по имени Конан, и тотчас же из-под моего пера — или, вернее, из моей пишущей машинки — хлынул поток рассказов, также почти без каких-либо моих усилий. Казалось, я не творил, а просто излагал случившиеся когда-то события. Эпизод рождался за эпизодом, я едва за ними поспевал. В течение недель я только и делал, что описывал приключения Конана. Этот персонаж полностью завладел моим разумом. Я попытался отвлечься от него, сочинить что-нибудь другое, но у меня ничего не получилось.

Говард всегда в переписке сообщал друзьям, что персонажи и истории с легкостью приходят ему на ум, и почти никогда не упоминал о незаконченных или неопубликованных рассказах. Например, из цикла о Кулле опубликовано только три рассказа, в то время как десяток других остались незавершенными или были отвергнуты. Однако Говард писал Лавкрафту:

«Спасибо за ваши добрые слова о рассказах про Кулла, но сомневаюсь, будто когда-либо смогу написать еще один. Три

© Перевод К. Плешкова.

рассказа про этого персонажа, казалось, писались сами, без какого-либо предварительного плана; мне не приходилось прилагать сознательных усилий. Они просто возникали помимо желания у меня в мозгу и стекали на бумагу с кончиков моих пальцев».

В сущности, сохранились черновики почти всех рассказов о Кулле, из которых следует, что на них потрачено намного больше труда, чем утверждает Говард. Как же в таком случае мы можем доверять его намекам, будто рассказы о Конане он творил чуть ли не автоматически?

В октябре 1931 г. Говард завершил первый вариант рассказа под названием «Люди тьмы» и послал его в новый журнал издательства Клейтона, «Странные рассказы о тайнах и ужасах», конкурировавший с «Уэйрд тэйлз». Редактору Гарри Бейтсу рассказ понравился, но он попросил его незначительно переработать. Говард согласился, и несколько недель спустя Бейтс принял рассказ вместе с другим, присланным в паре, «Каирн на мысу».

«Люди тьмы» — рассказ-воспоминание о переселении душ. В изложении от первого лица главный герой Джон О'Брайен описывает свою жизнь в одном из предыдущих воплощений, когда его знали как «Конана-вора», черноволосого кельта, поклоняющегося кельтскому божеству Крому. В самом деле, заманчиво было бы считать вышеупомянутого Конана прямым прототипом его более знаменитого тезки (что, собственно, и делают некоторые комментаторы), но стоит учитывать: «Люди тьмы» — рассказ-воспоминание от первого лица, в то время как рассказы о Конане таковыми не являются. Или являются?

Продав «Людей тьмы», Говард нашел для себя новый рынок сбыта — где, в отличие от «Уэйрд тэйлз», платили сразу же. Когда несколько недель спустя пришли деньги, Говард возрадовался:

«Наконец-то я добился своего у Клейтона! Я продал им пару рассказов подряд, и хотя мне пришлось какое-то время подождать, они заплатили вполне недурно — 134 доллара за один и 144 за другой. Рассказы слишком короткие. Господи,

надеюсь, мне удастся продать им более длинную повесть» (Говард – Тевису Клайду Смиту, приблизительно февраль 1932 г.).

Итак, в феврале 1932 г. Говард неожиданно разбогател на 278 долларов. Вероятно, именно сей факт, а не отсутствие вдохновения, как принято считать, подвиг его отправиться на отдых в южный Техас.

Вскоре Говард писал Уилфреду Блэнчу Тэлману: «Я провел несколько недель, путешествуя по южной части штата, в основном вдоль границы, и бездельничал,— мое основное занятие заключалось в поглощении большого количества тортилий, энчилад и испанского вина».

Говард не писал ни рассказов, ни писем, но, по крайней мере, за это время он сочинил одну поэму – «Киммерия». В 1934 г. Говард послал Эмилю Петая экземпляр поэмы с комментарием: «Написано в Мишне, Техас, февраль 1932 г.; навеяно воспоминаниями о горном крае близ Фредериксберга в туманной дымке зимнего дождя».

Мы не знаем, возникла ли уже у Говарда идея Конана в то время, но как персонаж, так и стихи зародились в течение нескольких дней:

«Конан попросту возник в моем мозгу несколько лет назад, когда я останавливался в маленьком пограничном городке у истоков Рио-Гранде. Я не создавал его сознательно. Он появился из ниоткуда во всей своей красе и усадил меня за работу по написанию саги о его приключениях» (Цитируется по: Элвин Эрл Перри, Набросок биографии Роберта И. Говарда, 1935).

Доказано, что многие из описаний Говарда в стихотворении «Киммерия» перекликаются с определенными строками из «Жизнеописаний» Плутарха. Как и Плутарх, Говард связывал кельтское «кимбри» с киммерийцами, утверждая, что они «живут в темной лесистой стране, густо поросшей деревьями, простирающейся до самых Геркинийских лесов, куда едва проникают лучи солнца».

Стихотворение, однако, является чем-то большим, нежели простое описание. Из первой строки — «Я помню» – практически ясно, что мы имеем дело с темой переселения душ и вос-

поминаний, как ранее в «Людях тьмы». Главный герой последнего, Джон О'Брайен, американец ирландского происхождения, живет на американском Юго-Западе. Тем самым он явно ассоциируется с самим Говардом. И если О'Брайен вспомнил свою прошлую жизнь Конана-вора, то не воображал ли Говард, будто тоже мог бы «вспомнить» свою прошлую жизнь в Киммерии? Далее в автобиографических источниках обнаруживается удивительное созвучие между описаниями Киммерии в стихотворении и описаниями, встречающимися в воспоминаниях Говарда о его родных местах — Дарк-Вэлли в округе Пало Пинто, Техас. В октябре 1930 г. он писал Г. Ф. Лавкрафту:

Пожалуй, мрачность моей собственной натуры отчасти объясняется местностью, где я провел часть моего детства. Это длинная узкая долина в горах Пало Пинто, одинокая и изолированная. Она была почти необжитой, и ее название, Дарк-Вэлли — Темная Долина, говорит само за себя. Столь высоки горные хребты, столь густы и высоки дубовые леса, что тень там стояла даже днем, а ночью сгущалась тьма как в еловом лесу. Перешептывались и перекрикивались ночные создания, легкий ночной ветерок бормотал в листве, то тут, то там среди покачивающихся ветвей мерцало сияние далекой звезды.

Подобные же образы, сочетающие в себе зловещие, узловатые деревья и атмосферу ужаса, можно также найти в стихотворении Говарда «Житель Темной Долины», которая заканчивается словами: «Я больше не приду в Темную Долину, где открываются врата Ада».

Таким образом, Темная Долина и Киммерия, вероятно, весьма тесно связаны в памяти Говарда. Но вызываемые ими «воспоминания» имеют весьма своеобразную природу. Воспоминания Говарда о Темной Долине не менее фантастичны, чем воспоминания Джона О'Брайена о его прошлой жизни: Говарды уехали из Дарк-Вэлли, когда Роберту исполнилось всего два года, и он не бывал там до весны 1931 г. Таким образом, переселение душ может рассматриваться как попытка убежать от собственной биографии, так же как в «Звездном скитальце» Джека Лондона, любимой книге Говарда. Там главный герой — пленный, который сбегает от пыток в воспоминания о прошлых

жизнях. Здесь существует явная связь, поскольку Говард закончил свой первый рассказ о переселении душ — «Дети ночи» — в том же месяце, когда писал Лавкрафту о Темной Долине, а второй — «Люди тьмы» — всего через несколько недель после того, как снова побывал в Дарк-Вэлли. Все эти составляющие объединены в первом рассказе о Конане, «Феникс на мече», где описание Киммерии перекликается с Плутархом, Темной Долиной и стихами:

Нет на свете страны более мрачной. Вся она состоит из поросших лесами гор, и деревья там странно тенисты, даже днем земля выглядит темной и грозной. Насколько хватает взгляда, простирается бесконечная перспектива гор, которые с расстоянием становятся все темнее и темнее. Среди этих гор всегда висят тучи; небо почти всегда серое и нависающее. Холодный пронизывающий ветер приносит ледяной дождь со снегом, с тоскливым стоном проносясь по ущельям и долинам. В этой стране мало радости, а жители ее — угрюмые и странные люди.

Если Говард мог приписать «мрачность» своей натуры тому, что, как ему казалось, он помнил о Дарк-Вэлли, то не так и сложно объяснить угрюмый характер Конана. Многие читатели видят в Конане отражение Говарда, точнее, Конан — идеализированный вариант Говарда: победоносного, несокрушимого, безрассудного варвара. Свойственная персонажу мрачность в основном остается незамеченной, что вполне понятно. Эта черта редко упоминается самим Говардом, по крайней мере, в опубликованных вариантах рассказов.

В своей окончательной форме «Феникс на мече» открывается фразой из «Немедийских хроник». Именно в этих строках мы впервые встречаем упоминание о Конане. Сам же персонаж не появляется до второй главы рассказа. Упомянутая фраза гласит: «И пришел Конан-киммериец, черноволосый, *с мрачным взглядом*, с мечом в руке, вор, разбойник, убийца, преисполненный *великой скорби* и великой радости, чтобы попирать украшенные драгоценными камнями троны Земли обутыми в сандалии ногами». «Немедийские хроники» были введены в рассказ лишь потому, что Фэрнсуорт Райт (редактор «Уэйрд тэйлз») попросил Говарда переписать и сократить пер-

вые две главы. Короткая выдержка призвана заменить длинные описания некоторых стран Хайборийской эры и некоторых характерных черт киммерийца.

И если Говард приписывал свою мрачность Дарк-Вэлли, то Конан, похоже, приписывает свою «великую скорбь» киммерийскому происхождению:

«Что ж,— улыбнулся Просперо,— темные горы Киммерии ты оставил далеко позади. А теперь я ухожу. Выпью кубок белого немедийского вина за тебя при дворе Нумы».

«Ладно,— проворчал король,— но танцовщиц Нумы целуй только от своего имени, если не хочешь навлечь на себя гнев!»

Он отрывисто рассмеялся вслед уходящему Просперо. Резная дверь закрылась за пуантенцем, и Конан вернулся к своим делам. Он немного подождал, прислушиваясь к удаляющимся шагам, гулко отдававшимся на каменных плитах. Этот пустой звук словно затронул какую-то струну в душе, вызвав волну отвращения. Радость иссякла, лицо внезапно постарело, глаза ввалились. Необъяснимая тоска киммерийца навалилась с ощущением тщетности всех человеческих стремлений и бессмысленности жизни. Его королевская власть, удовольствия, страхи, амбиции, и вообще все земное внезапно предстало перед ним в образе пыльных сломанных игрушек. Границы жизни сжались, и линии бытия сомкнулись, лишив возможности пошевелиться. Уронив львиную голову на могучие руки, он громко застонал.

Потом поднял голову, словно ища пути к бегству, и его взгляд упал на хрустальный кувшин с желтым вином. Быстро поднявшись, наполнил кубок и залпом осушил его. Потом снова наполнил и осушил, и снова. Когда он поставил кубок, приятное тепло растеклось по жилам. Вещи и события обрели новый смысл. Темные киммерийские горы скрылись в тумане далеко позади. Жизнь все-таки хороша, и она оказалась реальностью, а не сном какого-то идиотского божка. Он лениво потянулся, словно гигантский кот, и уселся за стол, осознавая величие и жизненную важность самого себя и своей задачи. Удовлетворенно покусывая стило, он уставился на карту. («Феникс на мече», первый представленный вариант.)

Когда Говард утверждал, что «человек по имени Конан, казалось, неожиданно возник в моем мозгу без каких-либо усилий с моей стороны», он, вероятно, говорил правду. Но не осо-

знавал, что сей акт творения подчинялся глубоко затаенным мотивам: «великая скорбь» Конана отражала «мрачное настроение» Говарда, так же как Киммерия — Темную Долину. Как Темная Долина была самым зловещим воспоминанием Говарда, так «более мрачной страны», чем Киммерия, не существовало в мире для его героя.

Говардовский Конан, по крайней мере на ранних стадиях своего создания, был списан с самого автора, он не являлся мифическим идеализированным персонажем.

«Киммерия», строго говоря, не входит в канонический цикл о Конане, это произведение, которое помогало в создании рассказов о нем: Конан — или Говард — может лишь «помнить» Киммерию. Ужасная страна, само воскрешение оной в памяти вызывает неприятные воспоминания, ее хочется поскорее забыть. Вот почему действие романа никогда не происходит в Киммерии и ни один другой киммериец не упоминается и не может упоминаться на страницах книги.

В «Королеве Черного побережья» Конан объяснит Бёлит, что «пока я жив, я намерен изучать жизнь во всех ее проявлениях. Дайте мне познать сочный вкус мяса и жгучее вино на языке, горячие объятия белых рук, и чтобы кругом пылала битва, клинки звенели, вспыхивали и окрашивались алым... Вот это — жизнь, а духовные тонкости оставим философам и жрецам. Реальность, иллюзия... Я вот что тебе скажу: если этот мир иллюзорен, значит, и сам я — всего лишь иллюзия, а коли так, все окружающее для меня реально. Ну и хорошо: жизнь пылает во мне, я люблю и дерусь... Чего еще?»

Вот о чем на самом деле цикл о Конане — о желании погрузиться в бурную жизнь. Напряженная физическая жизнь Конана проявляется в его отчаянных попытках забыть Киммерию и любые пугающие воспоминания, связанные с этой страной. Вероятно, то же можно сказать о писательской деятельности Говарда, которая может рассматриваться как попытка забыть Темную Долину. Когда Конан бездействует — как в случае начальных глав «Феникса на мече» — и ему напоминают о Киммерии, первая реакция — найти забвение и утопить в вине все мрачные мысли. Разные решения одной и той же проблемы.

После того как родилось стихотворение «Киммерия», выразившее желание бежать из этой страны и забыть о ней как можно быстрее, Говард практически созрел для сочинения первого рассказа о Конане. Когда Говард вернулся в Кросс-Плейнс в феврале 1932 г., перед ним все еще стояла задача создания того, что стало известно как мир Хайбории.

Причины, по которым была придумана Хайборийская эра, были, вероятнее всего, коммерческими. Единственным рынком сбыта для Говарда в 1929 г. стал журнал «Уэйрд тэйлз», но в начале тридцатых перед ним открылось несколько новых рынков, особенно журнал «Восточные рассказы» и недолго просуществовавшие «Солдаты удачи». Говард питал глубокую любовь к истории, его произведения, проданные в «Восточные рассказы», числятся среди лучших. В то же самое время он осознавал трудности, связанные с кропотливой исследовательской работой, требовавшейся для поддержания исторической точности. Задумав вселенную, которая не была нашей, но могла когда-то быть ею, и тщательно выбрав названия и имена, напоминавшие нашу прошлую историю, Говард решил проблему анахронизмов и необходимости длинных пояснительных глав.

Лавкрафт позднее критиковал его за это, но пришел к заключению: «Единственное, что остается — принять всю номенклатуру в том виде, как он ее дает, закрыть глаза на слабые места и быть чертовски благодарным за столь живую искусственно созданную легенду». (Письмо к Дональду Уоллхейму, использованное во введении к «Хайборийской эре», 1938.)

Говард прекрасно умел придумывать вымышленные названия, когда хотел: в рассказах о Кулле, которыми столь восхищался Лавкрафт, описываются империи со странно звучащими именами, такие как Зарфхаана, Валузия и Грондар. Но, назвав метод Говарда «искусственной легендой», Лавкрафт коснулся одного из важнейших факторов, повлиявших на создание Хайборийской эры.

Хотя эта книга не представлена в библиотеке Говарда и не упоминается в его бумагах и переписке, весьма вероятно, что говардовская концепция Хайборийской эры берет свое начало

в «Очерках мифологии» (1913) Томаса Булфинча, позволивших автору соединить в связное целое свои литературные порывы и серьезные психологические и автобиографические составляющие, лежавшие в основе создания образа Конана.

Булфинч (1796–1867) глубоко интересовался изучением классики и большую часть свободного времени посвятил написанию цикла книг, популяризировавших классические легенды и мифологические эпизоды. «Очерки мифологии» объединяют три наиболее известные книги, «Эпоха басен» (1855), «Эпоха рыцарства» (1858) и «Легенды Карла Великого, или Средневековый роман» (1863). Под обложками книг Булфинча скрывались героические повествования, происходившие в различных местах и эпохах, как исторических, так и легендарных, то есть, можно сказать, сама суть Хайборийской эры. Таким образом, нет ничего удивительного, что многие названия и имена, использованные Говардом в ранних набросках его воображаемого мира, можно найти у Булфинча, начиная с Конана:

«...Следующее значительное событие — завоевание и колонизация Арморики Максимусом, римским генералом, и Конаном, властителем Миниадока или земли Денбай, в Уэльсе» (Булфинч, «Очерки мифологии»).

Конечно, Говарду было знакомо имя Конан до начала Хайборийского цикла, поскольку он уже использовал его для главного героя в «Людях тьмы». Но, возможно, это лишь указывает на то, что Говард уже прочитал или читал Булфинча к тому времени.

Что касается родной страны Конана, Киммерии, Булфинч предлагает описание, сходное с тем, что у Говарда:

Недалеко от страны Киммерии в горной пещере обитает мрачный бог Сомнус. Сюда не осмеливается прийти Феб, ни на рассвете, ни в полдень, ни на закате. Облака и тени поднимаются от земли, и слабо мерцает свет. Птица зари с гребнем на голове никогда не взывает своим криком к Авроре, ни осторожные собаки, ни еще более чуткие гуси не нарушают тишину. Ни дикий зверь, ни скотина, ни шевельнувшаяся на ветру ветка, ни звук людского разговора — ничто. Тишина властвует здесь над всем; но по дну каменного ущелья течет река Лета, и от ее журчания клонит в сон.

Некоторые комментаторы отмечают схожесть говардовского описания Киммерии с Геродотом, но с тем же успехом оно может исходить и от Булфинча, который позаимствовал часть материалов у Геродота. Булфинч добавляет: «Вероятно, древнейшие жители Британии были ветвью великого семейства, известного в истории под названием "кельты". Кембрия, как часто называют Уэльс, предположительно происходит от "кимри", названия, которое валлийские традиции приписывают пришельцам, появившимся на острове с соседнего континента. Оно считается идентичным названиям "киммерийцы" и "кимбрии", под которыми греческие и римские историки описывают варварский народ, распространившийся с севера Эвксинского моря по всей Северо-Западной Европе». В марте 1932 г., в то самое время, когда Говард писал первые рассказы о Конане, он повторял слова Булфинча, когда писал Лавкрафту, что «конечно, большинство авторитетов считают, будто кимбрии германцы, и, вероятно, так и было, но, возможно, они кельтского или смешанного германо-кельтского происхождения, что так или иначе способствует моему желанию изобразить их как кельтов».

Сами по себе эти факторы далеко не являются решающими, но их достаточно для того, чтобы показать — Говард мог использовать широко распространенные легенды в изложении Булфинча как удобный справочный материал для своего собственного Хайборийского мира. Нигде сие не столь очевидно, как в первом рассказе о Конане, «Феникс на мече».

Примерно в мае 1929 г. Говард написал два варианта рассказа о Кулле под названием «Сим топором я буду править!». Рассказ был отправлен в «Аргози» и «Приключения» — и отвергнут ими. Почти три года спустя, в марте 1932 г., Говард отыскал его среди неопубликованных материалов и переписал в «Феникс на мече». Невозможно с точностью сказать, что изменилось между последним вариантом рассказа о Кулле и первым вариантом о Конане, поскольку окончательный вариант «Сим топором я буду править!» до нас не дошел (опубликованный текст является первым, единственным сохранившим-

ся, вариантом). В любом случае описание внешности Кулла было перенесено на Конана, за примечательным исключением, касающимся цвета глаз: серых у атланта и голубых у киммерийца. В конановской версии была также опущена любовная линия, имевшаяся в рассказе о Кулле, которую сменила фантастическая составляющая, что вполне объяснимо, поскольку рассказ о Конане нацелен на рынок фэнтези, в то время как версия о Кулле предназначалась для литературно-художественных журналов. В последовавшие после написания рассказа о Кулле три года Говард начал переписываться с Говардом Филипсом Лавкрафтом. Многие из фантастических рассказов Говарда 1931 г. были попытками писать в стиле Лавкрафта. Однако к концу года Говард успешно освоил подобный стиль и мог теперь включать лавкрафтовские элементы в свои рассказы, не копируя своего коллегу из Провиденса. Прекрасный пример — лавкрафтовский монстр из упомянутого рассказа, так же как и тот факт, что в опубликованной версии «Безымянные Старцы» сменили «Ктулху, Тсатогуа, Йог-Сотота и Безымянных Старцев» из первого варианта.

В рассказе о Кулле заговорщики носили имена Аскаланте, Громель, Вольмана, Каануб и Ридондо. В версии о Конане все имена сохранены, кроме Каануба и Ридондо. Замена Каануба на Диона вполне объяснима, поскольку первый упоминался в рассказах о Кулле, которые Говард продал «Уэйрд тэйлз». Однако к Ридондо это не относилось. Почему же имя заменено на Ринальдо? Ринальдо на самом деле появляется у Булфинча: «Ринальдо был одним из четырех сыновей Аймона, женатого на Айе, сестре Карла Великого. Таким образом, Ринальдо был племянником Карла Великого и двоюродным братом Орландо». Не только длинные пассажи о Ринальдо у Булфинча, но и тот факт, что он не всегда был в фаворе при дворе своего короля, является достаточным объяснением тому, что Говард заменил Ридондо на Ринальдо. Оба Ринальдо испытывают двойственные чувства к своим королям.

Кажется вполне вероятным, что все имена, появившиеся между версиями о Кулле и Конане, за примечательным исклю-

чением Просперо и Публия (несомненно, происходящих от Шекспира), ведут свое начало от Булфинча:

«Хайборея/Хайбория» и «Аквилония» (слово «хайборийский» не появлялось у Говарда до последнего варианта его эссе «Хайборийская эра». Первоначально оно выглядело как «Хайборейский»): «Когда персонифицируются и не столь существенные предметы и явления, вряд ли стоит ожидать, что того же не будет и с ветрами — Бореем или Аквилоном, северным ветром». Поскольку «хай» по-ирландски означает «страна» и учитывая интерес Говарда ко всему кельтскому, Хайборея, таким образом, означает «страна Борея», или «страна северного ветра».

«Король Нума»: «Говорят, что Нума, второй король Рима...»

«Эпимитей/Эпимитрей» (в первом варианте «Феникса» этот персонаж именовался Эпимитей): «Прометей был одним из титанов, представителей расы гигантов, населявшей землю до сотворения человека. Именно ему и его брату Эпимитею выпала задача создать человека и снабдить его и всех прочих животных способностями, необходимыми для выживания».

«Гиперборея»: «Северная часть земли якобы была населена счастливым народом, именовавшимся гиперборейцами, который жил в вечном блаженстве за высокими горами, пещеры которых посылали пронизывающие порывы северного ветра, приносившие холод народу Эллады (Греции). Их страна была недоступна ни по суше, ни по морю. Они не знали болезней и старости, тягот и войн».

«Гиркания»: «...не в меньшей степени персонаж, чем принц Гиркании...»

«Бритуния и пикты»: «...история Британии, принесенная с противоположного берега Франции, который, под названием Бритуния, был в основном населен уроженцами Британии, которые время от времени перебирались туда, вытесненные из своей собственной страны набегами пиктов и шотландцев». (Конечно, Говард прекрасно знал о пиктах еще до того, как читал Булфинча.)

«Стигия»: как таковая, несколько раз.

«Тот-амон»: «Египтяне считали высшим божеством Амона, впоследствии названного Зевсом, или Юпитером Аммоном». (Имя «Тот» у Булфинча не встречается.)

«Беотийские/Боссонийские походы»: «Беотийские походы» использовались в первом варианте: «Флот и армия собрались в порту Аулич в Беотии».

«Замора»: как «Зумара».

Второй законченный Говардом рассказ о Конане, «Дочь ледяного исполина», позаимствовал еще больше имен у Булфинча. Идея сюжета, вероятно, возникла у Говарда, когда он писал «Феникса на мече», что можно понять по упоминаниям о днях, проведенных Конаном среди ваниров и асиров, появившимся в этом рассказе:

«Асгард и Ванахейм.— Просперо окинул взглядом карту.— Клянусь Митрой, я почти поверил, что это сказочные страны».

Конан хищно улыбнулся и невольно ощупал многочисленные шрамы на чисто выбритом лице.

«Клянусь Митрой, если бы ты провел свою юность у северных границ Киммерии, ты бы понял, что они вовсе не сказочные! Асгард лежит на севере, а Ванахейм на северо-западе от Киммерии, и вдоль границ идет постоянная война. Люди эти высокие, светлокожие и голубоглазые, они похожи языком и внешностью, если не считать того, что у ваниров волосы желтые, а у асиров рыжие. Они большие любители эля и драк. Весь день дерутся и пьют эль, а всю ночь ревут дикие песни. Их главный бог — ледяной исполин Имир, и у них нет общего короля, но у каждого племени есть свой вождь».

Следующие имена и названия можно найти как в рассказе Говарда, так и у Булфинча: Асгард, Ванахейм, Имир, Хорса, Хеймдаль, Браги и даже Ледяные гиганты. В то время как Говард уже написал немало рассказов, где упоминаются северные персонажи, в данном случае влияние чувствуется не только в отношении имен: основы сюжета «Дочери ледяного исполина» можно целиком найти у Булфинча. Атали, дочь ледяного исполина у Говарда, обязана Аталанте у Булфинча не только своим именем:

Невинной причиной для столь великой скорби стала дева, чье лицо было чересчур мальчишеским для девушки, но слишком девичьим для юноши. Судьба ее была предсказана, и слова эти таковы: «Аталанта, не выходи замуж; замужество погубит тебя». Придя в ужас от слов оракула, она бежала прочь от общества мужчин и посвятила себя искусству бега. Всем своим ухажерам (коих было у нее множество) она ставила условие, которое, как правило, избавляло ее от преследования: «Я буду добычей того, кто победит меня в беге; но смерть должна стать наказанием для любого, кто попытается, но проиграет». Несмотря на столь жесткое условие, некоторые пытались. (Булфинч.)

Говард объединил эту базовую идею с еще одной переработанной легендой Булфинча, о Дафне и Аполлоне, но поменял их ролями. Хотя Аполлон был богом, а Дафна — смертной, Говард сделал Атали богиней, а Конана смертным. В оригинале Купидон пустил в Аполлона стрелу, пробудившую в нем любовь к Дафне. Говард сохранил идею об обезумевшем от любви Аполлоне (вернее, обезумевшем от страсти Конане), который преследовал девушку, пока она не обратилась за помощью к своему богу-отцу:

Аполлон любил ее, и страстно желал заполучить. [...] Он всюду следовал за ней. Она убегала от него быстрее ветра и ни на мгновение не уступала его мольбам. [...] Нимфа бежала дальше, оставив не услышанными его просьбы. И даже на бегу очаровывала его. Ветер развевал одежды, и ее распущенные волосы свободно ниспадали. Бог потерял терпение, видя, что все уговоры отвергаются, и, подгоняемый Купидоном, пустился следом за ней. Казалось, будто гончая преследует зайца, раскрыв пасть с готовностью схватить добычу, но жертва постоянно от нее ускользает. Так бежали бог и дева — он на крыльях любви, она на крыльях страха. Но преследователь, однако, более быстр и нагоняет ее, его тяжелое дыхание касается ее волос. Ее силы начинают иссякать, и, готовая упасть, она взывает к своему отцу, речному богу: «Помоги мне, Пеней! Пусть земля расступится и поглотит меня, или пусть изменится моя внешность, навлекшая на меня эту опасность...» (Булфинч; сравните со словами Говарда: «О мой отец, спаси меня!»)

Судя по всему, Говард говорил Кларку Эштону Смиту правду, когда писал: «Эпизод рождался за эпизодом столь быстро, что я едва за ними поспевал. В течение недель я только и

делал, что писал про приключения Конана». После того как Говард послал «Феникса на мече» и «Дочь ледяного исполина» Фэрнсуорту Райту в начале марта 1932 г., он даже не стал ждать, примут их или отвергнут, прежде чем начать очередной рассказ — «Бог из чаши».

Для «Бога из чаши» потребовалось три черновика, прежде чем результат удовлетворил Говарда. На этот раз Говард, вероятно, позаимствовал имена и названия из «Жизнеописаний» Плутарха, некоторые из них уже были упомянуты в перечне имен и стран, подготовленном Говардом, когда он писал «Феникса на мече». Сравните имена из Плутарха с их эквивалентами в рассказе Говарда: Эйнарус (Энарус), Деметриус (Деметрио — Говард ошибочно использовал Деметриуса трижды в первом черновике рассказа), Постумиус (Постумо), Дион (Дионус), Арсус (Арус), Девкалион (Девкалион на странице с заметками, Каллиан [Публико] в рассказе) и Петинус (как [Азтриас] Петаниус). Действие рассказа происходит в Нумалии (у Плутарха упоминается Нумантия), а Паллианова дорога, несомненно, соответствует Аппиевой дороге. Как и в случае с «Фениксом», судя по всему, «влияние» ограничено заимствованием данных имен.

Говард писал эти рассказы очень быстро, один за другим, и его список имен и стран успел устареть. Вероятно, ощущая потенциал нового цикла, Говард начал писать эссе, ставшее известным как «Хайборийская эра». Потребовалось четыре последовательных варианта, прежде чем он удовлетворился результатом. Начавшись с короткого двухстраничного наброска, оно вскоре развилось в произведение на 8000 слов.

За многие годы широко распространилась идея, что Говард сначала написал «Хайборийскую эру», а уже потом рассказы. И родилась она, несомненно, по причине собственных амбициозных слов Говарда: «Когда несколько лет назад я начал писать рассказы о Конане, я подготовил "историю" его эпохи и людей того времени, чтобы придать ему и его сагам ощущение реальности».

Нет никаких сомнений, что у Говарда имелись определенные мысли насчет того, каким должен стать его Хайборийский

мир, но никаких попыток систематизации не делалось, пока не были написаны первые три рассказа. Страна Зингара и море Вилайет (Внутреннее море) появились в первом варианте, Офин и Гундерланд — во втором, а Коринфия, Аргос, Офир и Туран — в третьем. Тогда же были подготовлены две очень похожие карты, а также краткие «Заметки о различных народах Хайборийской эры».

Из многих стран, впервые описанных в этих эссе и картах, некоторые так никогда и не были использованы или упомянуты в остальном цикле. Например, термин «Пограничное королевство» появляется лишь в этих документах, а другие просто отвергнуты. «На юге Стигии простираются черные королевства амазонок, кушитов, атлассцев, и смешанная империя Зембабве». Лишь кушиты попали в окончательный цикл. В 1936 г. Говард объяснил свою позицию в письме к П. Шуйлер-Миллеру:

«Я никогда не пытался нанести на карту южные и восточные королевства, хотя достаточно четко мысленно представлял их географию. Однако, описывая их, я ощущаю определенную свободу действий, поскольку представители народов западной Хайбории почти точно так же ничего не знали о народах и странах на юге и востоке, как жители средневековой Европы не знали об Африке и Азии. Описывая народы западной Хайбории, я ощущаю себя ограниченным известными и неизменными границами и территориями, но касательно остального мира я считаю возможным дать больше воли своему воображению. Таким образом, приняв определенную концепцию географии и этнографии, я вынужден ее придерживаться в интересах логической связности. Моя же концепция востока и юга не столь определенна и потому достаточно произвольна».

Говард оставался верным своей концепции Хайборийского мира в том виде, как она вырисовалась в его эссе. По мере того как он писал новые истории о Конане, к ней добавлялись страны и регионы. Однако это не мешало ему повторно использовать имена из отвергнутого рассказа. Например, название «Пунт» впервые было использовано в одном из незаконченных про-

изведений как имя города, но в более поздних рассказах использовалось как название страны.

Закончив работу над этими документами, Говард написал план нового рассказа о Конане, в котором киммериец должен был выступать в роли вора в заморийском городе Маул. Говард решил не воплощать рассказ в жизнь, возможно, вследствие новостей, полученных от Фэрнсуорта Райта. В письме, датированном 10 марта 1932 года, Райт писал:

«Уважаемый мистер Говард! Возвращаю "Дочь ледяного исполина" в отдельном конверте, поскольку она меня не слишком интересует. Но "Феникс меча" [так!] местами смотрится просто превосходно. Надеюсь, вы сумеете доработать его и снова прислать. Проблема заключается в двух первых главах. Рассказ начинается довольно скучно, как мне кажется, и читателю трудно сориентироваться. Первая глава хорошо заканчивается, а вторая отлично начинается, но после того, как подробно описана личность короля Конана, она выглядит слишком перегруженной текстом. Думаю, стоит переписать и самую последнюю страницу, поскольку она выглядит несколько слабовато после предшествующих ей событий».

Учитывая труд, вложенный Говардом в создание нового цикла, новость наверняка явилась для него ударом, тем более что «Бог из чаши», отправленный издателю несколько дней спустя после первых двух рассказов, был также отвергнут. «Бог из чаши» лег в архив.

Однако Говард остался достаточно высокого мнения о «Дочери ледяного исполина», чтобы отдать ее несколько месяцев спустя в один из фэнзинов — заменив имя Конан на Амра — под названием «Дочь ледяного короля». (Тем временем «Дочь ледяного короля», возможно, была безуспешно отправлена в другой журнал.) К тому времени, когда «Дочь ледяного короля» опубликовали в 1934 г., читатели, знакомые с рассказами о Конане, не могли не заметить, что имя Амра упоминалось в «Алой цитадели» (опубликованной в «Уэйрд тэйлз» за январь 1933 г.) как вымышленное имя Конана.

Говард затем переработал «Фсникса на мече» в соответствии с предложениями Райта, исключив длинные описания Хайбо-

рийского мира и использовав названия стран в только что созданных «Немедийских хрониках». Несколько дней спустя Говард отправил новый вариант, и в апреле 1932 г. мог сообщить Лавкрафту:

«Я работал над новым персонажем, снабдив его новой эрой — Хайборийской, о которой люди забыли, но которая сохраняется в классических названиях и искаженных мифах. Райт отклонил большую часть цикла, но я все же продал ему один рассказ — "Феникс на мече", в котором говорится о приключениях короля Конана из Киммерии в королевстве Аквилония».

Под «большей частью цикла» Говард подразумевал «Дочь ледяного исполина» и «Бога из чаши».

Закончив и отправив переработанную версию «Феникса на мече», Говард немедленно приступил к написанию нового рассказа о Конане, который должен был стать первым, действительно содержащим его новую концепцию Хайборийского мира. Идея «Башни Слона», вероятно, родилась у Говарда, когда он перерабатывал «Феникса на мече» (в окончательном варианте которого упоминается «Замора с ее темноволосыми женщинами и таинственными башнями, где обитают пауки»). Новый рассказ зародился из пепла никогда не воплотившегося в жизнь наброска, упоминавшегося выше, в котором (как и в «Башне») Конан — вор в заморийском городе Маул. Ранний этап создания Конана завершился. Говард теперь имел четкое представление не только о своем персонаже, но и о вселенной, в которой он действовал.

«Башня Слона» — один из лучших рассказов о Конане, в который Говард мастерски ввел максимально возможное число элементов Хайборийского мира. Он начинает рассказ с пользующейся дурной репутацией таверны, населив ее представителями множества хайборийских народов — за исключением, естественно, других киммерийцев:

Кутили здесь карманники с их ловкими пальцами, беспощадные похитители людей, искусные скалолазы — покорители фасадов зданий, хваткие наемные убийцы со своими потаскушками, женщины, ярко раскрашенные дешевой косметикой, с пронзительными голосами. Отпетые

жулики чувствовали себя здесь как дома и составляли большую часть публики — темноволосые, черноглазые заморийцы с кинжалом в рукаве и ложью в сердце. А кроме них — волки из полудюжины чужеземных стран, и среди них огромный гипербореец, молчаливый, опасный, с могучим двуручным мечом на боку — ибо в «Прожорливой глотке» мужчины носили свое оружие открыто. Кроме того, находился здесь фальшивомонетчик из Шема с горбатым носом и узенькой иссиня-черной бородкой. Косоглазая бритунская девка сидела на коленях гандерландца со светло-каштановыми волосами — он был из бродяжничающих наемников и сейчас находился в бессрочном отпуске, который взял у разбитой армии. И жирный висельник, чьи сальные шутки вызывали громовой хохот,— по профессии он был похитителем людей. Он явился из далекого Кофа, чтобы принести заморийцам (которые рождались с такой ловкостью в подобного рода ремесле, какая ему и не снилась) искусство красть женщин.

Далее в рассказе Говард заставил Иаг-кона объяснить Конану — и читателю — наиболее важные этапы создания Хайборийского мира:

И видели мы, как люди появились, поднявшись над стадией обезьян, и воздвигли прекрасные города Валузии, Камелии, Киммерии и сестер их. И видели мы, как пали они под натиском диких атлантов, и пиктов, и лемурийцев. И видели мы, как вздулись моря и поглотили их воды Атлантиду и Лемурию, и острова Пиктов, и великолепные грады. И видели мы, как те с островов Пиктов и Атлантиды, кто пережил катастрофу, вновь основали царства, но уже в каменной эре, и как пали и они в кровавых войнах. И видели мы, как скатились пикты в бездну варварства и как атланты опустились еще ниже и возвратились к стадии обезьян. И видели мы, как новые дикари с ледяного севера волна за волною устремлялись на юг в захватнических походах, как основали они новые цивилизации и заложили новые царства — Немедию, Коф, Аквилонию и прочие. И видели мы, как твой народ, некогда бывший атлантами, восстал под новым именем из тех обезьян, что влачили дни свои в джунглях. И видели мы, как выходцы из Лемурии, устоявшие перед катаклизмом, поднялись из примитивной стадии и, образовав народ гирканцев, двинулись на запад. И видели мы, как эта демонская раса, уцелевшие потомки древнейшей культуры тех еще времен, что были прежде погружения Атлантиды на дно морское,— как вновь устремились они к вершинам цивилизации и власти и основали проклятое королевство Замора.

Говард отправил новый рассказ издателю в конце месяца, и несколько дней спустя мог сообщить Лавкрафту: «Райт взял еще один рассказ из цикла о Конане из Киммерии, "Башня Слона", действие которого происходит среди населенных пауками украшенных драгоценными камнями башен Проклятой Заморы, когда Конан был еще вором, до того как стал королем».

Всего лишь за один месяц, март 1932 г., Говард «без особых усилий с его стороны» написал около 250 страниц материала о Конане, но продал только два рассказа. Похоже, что в течение нескольких последующих недель Говард над Конаном не работал. Вероятно, ему не хотелось заваливать «Уэйрд тэйлз» новыми рассказами о Конане, пока не выйдут те, что были приняты. Но Хайборийский мир постоянно присутствовал в мыслях Говарда.

Один из элементов первоначального этапа создания цикла, по-видимому, исчез – тема воспоминаний/перевоплощения, присутствовавшая в «Людях тьмы», «Киммерии» и ранних вариантах «Феникса на мече». Удивительный факт, учитывая важность, которую мы приписываем этой теме в процессе самого возникновения цикла о Конане. Фактически, закончив первый рассказ, Говард упоминал в письме Лавкрафту, что он также работает над «мифическом периодом древней истории тех времен, когда нынешний штат Техас был большим плато, простиравшимся от Скалистых гор до моря – до того, как местность к югу от Кэп-рока разрушилась, образовав холмистые степи, которые теперь составляют этот регион». Речь идет о рассказе «Шествующий из Валгаллы», в его первом варианте. Рассказ, как водится, был отклонен в мае Фэрнсуортом Райтом. «Шествующий из Валгаллы» стал первым из рассказов о Джеймсе Эллисоне. Эллисон – калека-техасец, обреченный на однообразное существование, который обретает возможность переживать прошлые героические жизни.

В октябре 1933 г. Говард писал Кларку Эштону Смиту, что в «Саду ужаса» – еще одном рассказе о Джеймсе Эллисоне – «рассматривается одна из моих разнообразных концепций

Хайборийского и пост-Хайборийского мира». Чтобы полностью понять смысл сказанного, Смиту следует ознакомится с одним из черновиков «Шествующего из Валгаллы», где диалог с Иштар существенно отличается от опубликованной версии:

«Слушай, и я расскажу тебе! — воскликнула она, бросаясь передо мной на колени и хватаясь за край моей туники.— Только послушай, а потом позволь мне ту малость, о которой я прошу! Я Иштар, дочь короля туманной Лемурии, которую давным-давно поглотило море. Тот-Амон, чародей из Стигии, ненавидел моего отца и, чтобы досадить ему, наложил на меня проклятие вечной жизни!

О, я прожила столько долгих, утомительных веков! Я видела, как Атлантида и Лемурия погружаются в воды и как появились первые хайборийцы. Но больше тысячи лет я провела в этих покоях, под золотым куполом храма Хему, куда привезла меня галера из далекого Кхитая... (Неопубликованный черновик.)

Таким образом, «Хайборийская эра» приготовилась стать чем-то большим, нежели просто мир Конана, и вошла в рассказы о Джеймсе Эллисоне. Несколько позже Говард также начал, но не закончил рассказ, действие которого происходит в наше время и в котором упоминается «Хайборийская эра» (фрагмент опубликован в «Собрании сочинений Говарда», 1979), и продал «Повелителя кольца», еще один рассказ о перевоплощении, где упоминаются Тот-Амон, его кольцо и Стигия.

В январе 1932 г. Говард начал работать над «Алой цитаделью» («Уэйрд тэйлз», январь 1933 г.). Это второй рассказ, где идет речь о Конане как короле Аквилонии, но в нем намного больше средневековых деталей, чем в «Фениксе на мече». «Алая цитадель» — первый рассказ о Конане, демонстрирующий интерес Говарда к истории и эпосу. Вполне вероятно, описанный у Булфинча эпизод дал идею для начала рассказа, где предполагаемые союзники ведут Конана и его армию в засаду. Описывая битву при Ронсевале, Булфинч пишет:

Марсилий начал жаловаться, не как послу, но как другу, на ущерб, который нанес ему Карл, вторгшись в его владения и желая отобрать у него королевство и отдать Орландо, пока наконец явно не высказал предположение, что если бы этого тщеславного паладина не было в живых, хорошие люди получили бы причитающееся по праву. Ган [...] воскликнул: «Каждое твое слово — правда; он должен умереть, и должен умереть также Оливер, который нанес мне столь подлый удар при дворе. [...] Я все спланировал. Я уже обо всем договорился с их господином, которому успех вскружил голову. Орландо придет к твоим границам, в Ронсеваль, чтобы получить дань. Карл будет ждать его у подножия гор. Орландо приведет с собой лишь небольшое войско, у тебя же, когда ты с ним встретишься, за спиной окажется вся твоя армия. Ты окружишь его, и кто тогда получит дань?»

Из этого короткого отрывка Говард создал эпопею, которая ничем не была обязана Булфинчу. Зачем что-либо заимствовать, если сама цель создания Хайборийского мира заключалась в том, чтобы быть свободным от исторических ограничений? Прочитанное Говардом стало лишь плацдармом, с которого начиналось создание рассказов, являвшихся полностью его собственными: например, кто бы мог замстить, что «Белый отряд» и «Сэр Найджел» сэра Артура Конана Дойла с большой долей вероятности дали Говарду некоторые базовые данные для опубликованной версии «Алой цитадели»? В письме, полученном Лавкрафтом 9 августа 1932 г., Говард между делом отметил: «Как и Сэмкину Эйлуорду, мне начинают нравиться люди, в которых есть капля горечи». Сэмкин Эйлуорд — персонаж романов Дойла, действие коих происходит в средневековой Англии и Франции во время Столетней войны. В опубликованной версии «Алой цитадели» есть загадочное упоминание о «земле, раздираемой войной баронов». В первых вариантах рассказа эта фраза выглядит куда более детально: «У аристократов долгая память, они наверняка помнят богатых торговцев, обильно жертвовавших средства на дело Конана, они помнят крепких йоменов, с которыми Конан разрушил власть феодалов в Войне Баронов». Причина смягчения фразы проста: в Англии действительно была ис-

торическая «Война Баронов» в тринадцатом веке, на которую ссылается Дойл в «Сэре Найджеле». Похожий пример можно найти в упоминании о том, что «шесть богатых торговцев, посланных с делегацией протеста, были схвачены и бесцеремонно обезглавлены» («Алая цитадель»).

Вероятно, источником служит знаменитый исторический эпизод о шести горожанах из Кале, хотя те на самом деле избежали смерти. Факт сей упоминается у Дойла: «Только представьте — он поклялся повесить шесть жителей этого самого города [то есть Кале], но тем не менее их простил». Многое из средневековой терминологии в рассказе Говарда, в особенности касающейся доспехов и оружия, также вполне может иметь своим источником романы Дойла.

«Алая цитадель» была первым рассказом, где упоминается относящийся к Хайборийской эре эквивалент африканского побережья, в сцене, где тюремщик узнает Конана как «Амру»: «имя, под которым киммериец известен кушитам в дни своего пиратства — Амра, Лев». Таким образом, точно так же, как «Башня Слона» следует за упоминанием Заморы в «Фениксе на мече», действие следующего рассказа о Конане должно было происходить в экзотическом регионе Хайборийского мира.

Завершенная примерно в августе 1932 г. «Королева Черного побережья» — один из самых знаменитых рассказов о Конане, что вполне понятно. Его ценная составляющая, конечно, пиратка Бёлит (в первом варианте носившая имя Тамерис), первый значительный женский персонаж, появившийся в рассказах о Конане. Чтобы закончить рассказ, Говарду потребовалось четыре последовательных варианта, и, судя по ним, он не слишком представлял, каким образом рассказ завершится. Вероятно, он понимал, что реальная сила рассказа заключается не в его сюжете, но в странных отношениях, связывающих Конана и Бёлит.

В первом варианте Бёлит (Тамерис) заявляет, что хранит свою девственность: «Я Тамерис, королева Черного побережья, и я не знала объятий ни одного мужчины! Ни один муж-

чина, белый или черный, не может сказать, что получил в дар мои уста и мою любовь! Я всегда хранила себя неосквернённой для мужчины, которого, как я знала, однажды встречу».

Отношения между Конаном и Бёлит, несмотря на их любовную подоплеку, далеки от обычных бульварных амурных историй. В течение всего рассказа, и в особенности в ранних вариантах, их отношения сопровождаются скрытыми проявлениями садизма. В опубликованном варианте слова «Возьми меня и сокруши своей яростной любовью» соответствуют словам в более ранних вариантах: «Возьми меня, сокруши и истерзай своей яростной любовью!» Это далеко не единственный пример. В третьем варианте сразу за строкой диалога: «Что ж,— рассеянно сказала она, почти не глядя на него,— я доставлю на борт добычу» следуют такие строки:

«Конан, прищурившись, посмотрел на нее, чувствуя нарастающую мрачную ревность, не отводя взгляда от темных жемчужин на ее белой как слоновая кость груди. Он ощутил первобытное желание сорвать их с ее шеи и бросить в реку. Впервые у него возникло желание стиснуть железные пальцы на черных локонах подруги и наброситься на нее».

Мы не знаем, смягчил ли сам Говард свой рассказ в окончательном варианте, или это стало результатом редакторского вмешательства Фэрнсуорта Райта. Сравнение нескольких более поздних рассказов о Конане, для которых существуют окончательные машинописи с их опубликованными вариантами, показывает, что Райт систематически подвергал цензуре строки диалогов, которые полагал чересчур «чувственными».

Также в этом жестоком и мрачном рассказе Говард бегло знакомит читателя с жизненной философией киммерийца, в разговоре о религии и жизни после смерти между Конаном и Бёлит:

«А кому молится твое племя? Я ни разу не слышала, чтобы ты кого-нибудь призывал».

«Наш бог — это Кром, обитающий в пещере громадной горы, и призывать его без толку, ибо жизнь или смерть человека его мало волнует.

Чем привлекать к себе его внимание, лучше уж промолчать, не то дождешься несчастий вместо удачи! Он угрюм и не знает любви, но при рождении он наделяет нас жизненной силой и волей драться за жизнь. И, если подумать — чего еще нам просить у богов?»

<...>

«Вера моего народа не сулит особой надежды ни здесь, ни в будущей жизни. Земное существование есть бессмысленное страдание и борьба, обреченная на поражение, а единственная утеха для нас — безумное вдохновение битвы. Когда мы умираем, наши души пускаются в вечное странствие сквозь туман, под низкими облаками, несущимися на ледяных ветрах».

С 7 мая до 23 июля 1932 г. в журнале «Кольерс» печатался с продолжением последний роман Сакса Ромера «Маска Фу Манчу». Несколько недель спустя он вышел в свет, и еще до конца года по нему сняли фильм. Ромер был давним любимым автором Говарда, в чьей библиотеке имелось немало его книг, так что он наверняка заметил новое произведение, тем более под особо привлекательной обложкой «Кольерса». В «Маске Фу Манчу» описывается неудавшаяся попытка китайского мудреца возродить культ Моканны, «иногда именуемого Пророком под Вуалью».

«[Моканна] около 770 года нашей эры объявил себя воплощением Бога и привлек в свою секту многие тысячи последователей. Он пересмотрел Коран. Его власть стала столь велика, что калиф Аль Махди был вынужден бросить против него довольно большую армию. Моканна слыл чудовищным созданием. Черты его были столь изуродованы, что на него было страшно смотреть... Он и его приспешники отравили себя в час поражения. С тех пор до сегодняшнего дня никто не знал, где он похоронен» («Маска Фу Манчу», глава 4).

Роман Ромера начинается сразу же после того, как была обнаружена могила Моканны в Хорассане, реликвии извлечены из нее, а сама могила — уничтожена, как мера предосторожности против фанатиков. Однако «возглас — "Моканна воскрес" — пронесся по всему Афганистану... Никому из кочевников, которые, как вы справедливо подозреваете, все еще

верны традициям Моканны, и в голову не могло прийти, что вы или вообще кто-то из людей имеет отношение к взрыву, который превратил одинокое святилище в пылящую яму».

На этих соблазнительных предпосылках Ромер построил роман в стиле детектива о «желтой угрозе», сюжет которого вращается вокруг тщетных попыток Фу Манчу спасти реликвии из гробницы, чтобы сыграть роль нового воплощения Моканны. Вполне вероятно, Говард понял неиспользованный потенциал романа Ромера и начал писать эпическое произведение об успешном воскрешении «пророка под вуалью», первой задачей которого было объединить кланы кочевников в завоевательной войне, угрожающей хайборийским (то есть индоевропейским) народам. Ромер был связан требованиями исторической достоверности, которые Хайборийская эра Говарда могла игнорировать, и таким образом родился «Черный колосс»:

Из пустыни, которая лежит к востоку от Стигии, далеко на юг от Кофийских холмов, доходили слухи, будто среди кочевников появился новый пророк. Говорили о межплеменной войне, о собирающихся на юго-востоке стервятниках и о жутком предводителе, который вел свои быстро увеличивавшиеся орды к победе. [Стигийские] жрецы пытались при помощи магии сразиться с силой пустынного колдуна, которого люди звали Наток, Скрывающий лицо, ибо черты его всегда скрывались под маской.

В романе Ромера могила Моканны находится в «Хорассе», в то время как рассказ Говарда начинается в «Хорадже» — в плане рассказа это место именуется «Хораспар». Сюжет рассказа Говарда, вероятно, основан на материалах по истории Месопотамии, которые он в то время изучал. Появление Бёлит (ассирийское имя) в «Королеве Черного побережья» уже указывает на интерес Говарда к этой теме, которая нашла свое окончательное выражение в рассказе 1932 г. «Дом Арабу».

Как и в случае с «Королевой Черного побережья», в «Черном колоссе» предполагались несколько сцен истязаний. В плане рассказа Говард пишет, что Ясмела «сорвала с самой красивой служанки одежду и растянула плачущую девушку на

алтаре, но ей не хватило смелости или жестокости принести ее в жертву», а в первом черновике он написал: «Каждый день ее рождения, до двадцати лет, Ясмелу укладывали на колени статуи в храме Иштар, и жрица секла ее розгами, чтобы научить смирению перед богиней».

Даже в опубликованной версии рассказ содержит немало сексуальных намеков, от слов Хотана «Я научу тебя древнему забытому искусству удовольствия» до сомнений Ясмелы: «Мне не к лицу появляться перед святилищем одетой в шелка. Я приду нагой, на коленях, как полагается молящейся, чтобы Митра не счел, будто мне недостает покорности». Что касается завершения рассказа, то Говард сам комментировал его в письме Тевису Клайду Смиту:

За прошедшие годы мои герои перестали быть столь высокоморальными. Один из моих последних проданных рассказов заканчивается сексуальным слиянием вместо обычной резни. Мой меченосец хватает принцессу — уже основательно потрепанную злодеем — и швыряет ее на алтарь забытых богов, в то время как снаружи идет сражение и бойня, и в сумерках на происходящее взирают останки злодея, приговоренного к стене героем. Не знаю, насколько понравится читателям, но могу побиться о заклад, что некоторым понравится. У среднего человека есть тайное желание быть развязным пьяным убийцей, насильником и головорезом. (Говард — Т. К. Смиту, примерно декабрь 1932, не опубликовано.)

Интересно отметить, что в первом варианте рассказ заканчивается иначе:

Несколько мгновений он держал ее в объятиях, потом оттолкнул.

«Демоны Крома! — проворчал он.— Сегодня погибли сорок с лишним тысяч человек, а я болтаюсь здесь, лаская хнычущую девчонку! Надень на себя что-нибудь, и убираемся отсюда. Дело не ждет».

Спорный вопрос, был ли сам Говард «средним человеком», но, когда он представил свой рассказ, у Райта, судя по всему, не появилось никаких нареканий по поводу сексуальных элементов, единственное замечание касалось длины рассказа, ко-

торый он, вероятно, счел чересчур затянутым. Сам Говард сокращал рассказ с каждым очередным вариантом и согласился с требованием Райта. Но техасец, похоже, понимал, что сексуальные элементы помогают ему продавать рассказы о Конане. Судя по всему, Райт куда больше возражал против «сквернословия» в диалогах, чем против «вызывающих» сцен.

Следующие три рассказа о Конане, «Тени в лунном свете», «Сумерки Ксутала» и «Колодец черных демонов», были написаны именно в таком порядке — и с очень небольшим перерывом — между ноябрем и декабрем 1932 г. Во всех трех действуют скудно одетые женские персонажи, которых неумолимо влечет к киммерийцу. Все три были проданы немедленно. За исключением «Дочери ледяного исполина» и «Башни Слона», все предыдущие рассказы о Конане проходили в процессе своего создания через три или четыре редакции. В противоположность им, для новых рассказов потребовалось лишь по два варианта — черновик и окончательная версия. Продажа «Черного колосса» убедила Говарда, что качество и тщательное выписывание героев — не самые существенные черты, когда речь идет о продаже. Неудивительно, что «Черный колосс» стал первым рассказом о Конане, отраженным на обложке «Уэйрд тэйлз» в июньском номере 1933 г., за которым в сентябре последовали «Сумерки Ксутала» (опубликованный под названием «Ползучая тень»). Интересно отметить, что как на той, так и на другой обложке Конан не фигурирует, зато изображены героини, обнаженные настолько, насколько могла позволить цензура. «Колодец черных демонов» появился в следующем месяце, в то время как намного ее превосходящая «Королева Черного побережья» была опубликована лишь в выпуске за май 1934 г. Вероятно, не случайно Маргарет Брюндейдж, достигшая совершенства в изображении скудно одетых женщин, стала постоянным автором обложек «Уэйрд тэйлз» в 1933 г.

Из этих трех ничем не выделяющихся рассказов о Конане наиболее интересен «Сумерки Ксутала». Комментируя его в письме Кларку Эштону Смиту, Говард писал: «На самом деле

он посвящен не только рубке на мечах, как можно было бы решить на основе аннотации». Основной сюжет рассказа — Конан и некая женщина находят уединенный остров, который населяют деградировавшие жители и злобная колдунья,— впоследствии был существенно обогащен и развит в рассказе «Гвозди с красными шляпками» (май 1935). Тема эта вызвала глубокий психологический резонанс в душе Говарда. Однако в конце 1932 г. Говард не готов еще отнестись к ней так, как она того заслуживала, и «Сумерки Ксутала» бледнеют в сравнении с будущим рассказом о Конане.

Если Говарду потребовалось всего два варианта, чтобы закончить несколько последних произведений, то рассказ «Сплошь негодяи в доме» — вероятнее всего, написанный в январе 1933 г.— сделал еще шаг в этом направлении. В январе 1934 г. Говард писал Кларку Эштону Смиту:

«Рад, что вам понравились "Сплошь негодяи в доме". Это один из тех рассказов, который словно писался сам собой. Я даже ни разу его не переписывал. Насколько помню, лишь стер и поменял в нем одно слово, а потом послал издателю. У меня просто раскалывалась голова, когда я писал первую половину, но, похоже, это никак не повлияло на работу. Жаль, мне не удается всегда писать с подобной же легкостью. Обычно я переписываю один или два раза даже мои истории о Конане, а все остальное перелопачиваю от начала до конца».

«Сплошь негодяи в доме» было последним рассказом о Конане, основанном на интересе Говарда к ассирийской истории. К этому времени он все больше интересовался историей и легендами американского Юго-Запада. Бран Мак-Морн, Тэрлоу О'Брайен, Кормак Мак-Арт и Кулл теперь принадлежали к литературному прошлому Говарда. За несколько коротких месяцев ему предстояло создать наиболее успешный с коммерческой точки зрения цикл — рассказы о Брекенридже Элкинсе, написанные в стиле вестерна-бурлеска. В апреле 1932 г. Говард уже писал Лавкрафту: «Я пытаюсь окутать мои родные края таинственной атмосферой, запечатленной на реалистичном фоне. "Ужас из кургана" в последних «Уэйрд

тэйлз" — слабая попытка подобного рода». Затем появились «Человек на земле» и «Сердце старого Гарфилда», где фон американского Запада смешивается с фантастикой.

В декабре 1932 г. Говард вступил в переписку с Огастом В. Дерлетом, писавшим как фантастические рассказы, так и провинциальную литературу, и оба вскоре начали обмениваться историями и традициями родных краев. В письме, датированном 29 декабря 1932 г., Говард спрашивал Дерлета: «Вы наверняка слышали о Квана Паркере, великом вожде команчей, сыне Пета Ноконы и Синтии Энн Паркер?» Дерлет, вероятно, не слышал, и попросил Говарда рассказать эту историю. Говард, как и большинство техасцев, был с ней знаком, но тем не менее ему потребовались дополнительные сведения, прежде чем ответить. В длинном письме Дерлету, в частности, говорится:

В 1836 году, когда техасцы сражались за свою свободу, команчи особенно смело нападали на разбросанные поселения, и во время одного из таких нападений пал форт Паркер. Несколько сотен команчей и кайова буквально стерли его с лица земли, вместе с большей частью обитателей... Форт Паркер ушел в забвение, и среди захваченных в плен женщин и детей оказались Синтия Энн Паркер, девяти лет, и ее шестилетний брат Джон.

Их захватили разные кланы. Джон был воспитан как индеец, но никогда не забывал свои белые корни. При виде молодой мексиканской девушки, донны Хуаниты Эспиносы, в плену среди краснокожих пробудилось спящее наследие его предков. Он бежал из племени, забрав ее с собой, и они поженились...

Вероятно, именно в истории Синтии Энн и Джона Говард нашел вдохновение для следующего рассказа о Конане, «Долина пропавших женщин» (написанном примерно в феврале 1933 г.). В этом рассказе говорится, что Конан несколько месяцев жил среди африканских племен, вернее, их эквивалента Хайборийской эры. В деревне Баджудж он обнаруживает белую пленницу, Ливию. Как и у Синтии Энн Паркер, у Ливии был брат — «Этим утром моего брата замучили и разрубили

на части прямо на моих глазах» — и их захватило в плен враждебное племя. И точно так же, как при виде донны Эспинозы «пробудилось спящее наследие» в крови Джона, так и Ливия пробуждает похожие чувства у Конана: «Я не собака, чтобы оставить белую женщину в лапах чернокожего». С этого момента сюжеты расходятся. Конан успешно побеждает неубедительно описанного «черного демона», затем дает слово Ливии отправить ее обратно к ее народу, естественно, без обещаний на ней жениться.

Неудивительно, что рассказ продать не удалось. Если Говард и пытался втайне привнести свой растущий интерес к западным легендам в рассказы о Конане, то делал это чересчур утонченно: невозможно определить источник, не имея доступа к дополнительным документам. Убедительная история Синтии Энн и Джона Паркеров теряется среди не выглядящих серьезными сверхъестественных опасностей и склонности Ливии к наготе. Что касается расистского подтекста — хотя жестокий этноцентризм рассказа понятен, учитывая его происхождение с точки зрения англосаксонского поселенца девятнадцатого века, с заменой индейцев на негров, для современной аудитории это не слишком приятное чтение. Так или иначе, первое вторжение Говарда в американско-юго-западную версию Хайборийской эры оказалось неудачей, и прошел еще год, прежде чем он повторил попытку.

«Долина пропавших женщин» была, вероятно, отвергнута Райтом, хотя на сей счет не сохранилось никаких документов. Так закончился первый Конановский период Говарда. Он не возвращался к своему персонажу до конца 1933 г. Чуть больше чем за год он закончил двенадцать рассказов о Конане, продав девять. В то время как первые рассказы были в целом выше среднего, более поздние демонстрировали явную тенденцию к шаблонности. Они начинали походить на те, которым Роберт Блох выносил приговор на страницах для писем в «Уэйрд тэйлз».

Из девяти принятых рассказов только три были опубликованы к весне 1933 г., и Райту потребовалось больше года, чтобы опубликовать остальные. Для Говарда пришло время со-

средоточиться на других рынках сбыта. Депрессия основательно подкосила индустрию дешевых журналов, и для Говарда не оставалось иного выхода.

В мае 1933 г. британский издатель Денис Арчер связался с Говардом на тему возможной книжной публикации в Англии. Говард выбрал свои лучшие рассказы и отправил их 15 июня. Из восьми отобранных рассказов два были о Конане: «Башня Слона» и «Алая цитадель». Столь малое число рассказов о Конане отражает не плохое мнение Говарда о них, а лишь тот факт, что «Уэйрд тэйлз» обладали правом первой публикации. Соответственно, большинство рассказов о Конане не могли быть включены в число тех, которые Говард отправил другому издателю. Поскольку «Уэйрд тэйлз» не возвращали рукописи после публикации, Говард перепечатал «Алую цитадель» из журнала, слегка подправив в процессе текст, а «Башню Слона» послал прямо на вырезанных журнальных страницах. До самого января 1934 г. он не получал никаких известий от Арчера, который отклонил его рассказы, но предложил прислать вместо них роман.

Трудно определить точную дату написания фрагментов из Конана, представленных в этом томе.

Оба были написаны в 1933 г., второй — после апреля 1933 г. Заманчиво рассматривать их как неудачные попытки возобновить цикл о Конане после паузы в несколько месяцев. В октябре 1933 г. Говард писал Кларку Эштону Смиту: «У Райта еще не опубликованы три рассказа о Конане: "Железные тени Луны", "Королева Черного побережья" и "Сплошь негодяи в доме". Сейчас я работаю над еще одним, которому пока не дал названия». Несколько недель спустя он писал Смиту: «Райт недавно принял еще один рассказ о Конане, "Железный демон"».

«Железный демон», первый рассказ о Конане, законченный после «Долины пропавших женщин», не был полностью оригинальным, позаимствовав многие элементы из рассказа «Тени в лунном свете», написанного годом раньше. Видимо, Говарду потребовалось некоторое время, чтобы вновь погру-

зиться в мир киммерийца после долгого отсутствия. Как он однажды писал Кларку Эштону Смиту по поводу своих персонажей, «неожиданно я обнаружил, что потерял контакт с собственной концепцией, словно у меня на плече сидел некий друг, направлявший мои усилия, и вдруг он встал и ушел, оставив в поисках другого персонажа».

Весной 1933 г., осознав необходимость расширять рынок сбыта, Говард стал пользоваться услугами Отиса Эделберта Клайна в качестве своего агента. Клайн немедленно предложил ему попробовать писать в разных жанрах, чтобы повысить шансы продаж. К концу 1933 г. Говард писал рассказы на разные темы — детективные, боксерские, исторические и вестерны, а также экспериментировал с более длинными приключенческими произведениями. Ничем не выдающиеся рассказы о Конане остались на несколько месяцев позади, и после нескольких неуверенных попыток вновь начать цикл Говард наконец снова смог писать о киммерийце.

Я особенно признателен Гленну Лорду за постоянную помощь и поддержку и за предоставленные экземпляры рукописей Говарда. Особая благодарность Расти Берку и Лео Грину за их замечания и критику.

Патрис Луине

Содержание

Предисловие *(перевод Г. Корчагина)* 7
Вступление *(перевод Г. Корчагина)* 12
Киммерия *(перевод Г. Корчагина)* 23
Феникс на мече *(перевод М. Семёновой)* 27
Дочь ледяного исполина *(перевод М. Семёновой)* 65
Бог из чаши *(перевод Е. Хаецкой)* 79
Башня Слона *(перевод Е. Хаецкой)* 105
Алая цитадель *(перевод Г. Корчагина)* 141
Королева Черного побережья *(перевод М. Семёновой)* 187
Черный колосс *(перевод Г. Корчагина)* 231
Тени в лунном свете *(перевод Г. Корчагина)* 283
Сумерки Ксутала *(перевод М. Семёновой)* 325
Колодец черных демонов *(перевод Г. Корчагина)* 373
Сплошь неудачи в доме *(перевод Е. Хаецкой)* 417
Долина пропавших женщин *(перевод А. Костровой, Е. Хаецкой)* 451
Железный демон *(перевод Г. Корчагина)* 475
Приложение 515
Заметки о народах Хайборийской эры *(перевод Г. Корчагина)* 517
Хайборийская эра *(перевод М. Семёновой)* 519
Синопсис без названия *(перевод Г. Корчагина)* 548
Синопсис без названия («Алая цитадель») *(перевод Г. Корчагина)* 550
Синопсис без названия («Черный колосс») *(перевод Г. Корчагина)* 552
Фрагмент без названия *(перевод Г. Корчагина)* 555
Синопсис без названия *(перевод Г. Корчагина)* 558
Черновик без названия *(перевод Г. Корчагина)* 561
Карты Хайборийской эры 572
Сотворение Хайбории. Часть 1 *(перевод К. Плешкова)* 574

Литературно-художественное издание

Роберт Ирвин Говард

КОНАН

Рожденный в битве

Ответственный редактор *Г. Корчагин*
Редактор *Е. Барышева*
Художественный редактор *А. Матвеев*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *О. Шубик*
Корректоры *Н. Тюрина, Л. Самойлова*

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.
Тел./факс (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.*
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Подписано в печать 13.11.2009.
Формат 60x90 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,0.
Тираж 5000 экз. Заказ № 9038

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-38933-9

ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭРА
МОРЕ ЗАПАДА
ВАНАХЕЙМ
АСГАРД
ГИПЕРБОРЕЯ
ТУНДРЫ
СТЕПИ
ПУСТЫНИ
ГИРКАНИЯ
КИММЕРИЯ
БОССОНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ
ГАНДЕРЛАНД
ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО
ДЕБРИ ПИКТОВ
НЕМЕДИЯ
БРИТУНИЯ
ТАУРАН
АКВИЛОНИЯ
КОРИНФИЯ
ЗИНГАРА
ОФИР
ХАУРАН
ХОРАЙЯ
АРГОС
ШЕМ
СТИГИЯ
КУШ
ДАРФАР
КЕШАН
ПУНТ
ЗЕМБАБВЕ
ВЕНДИЯ
ИРАНИСТАН
КХИТАЙ
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
Гандерланд
Тарантия
Шамар
Ианто
Хосселлия
Аренджун
Суптакмун
Акит
Аграпур
Самарра
Зембула
Кутхемис
Пайтон
Луксур
Кеми
Сухмет
Алкмеон
Кассам
Кеша
Куган
Куюси
Черный остров
остров Скатаха
Мессантия
Асгалун
Эрук
Тарантум
Гандерланд
Гипербореи
Хатега
Гелиопан
Велитрум
Тамкуш
Немедия
Нумалия
Шамар
Карпашские горы

КОНАН®

Из множества героев,
мечом прорубавших себе путь
к славе в мирах фэнтези, варвар Конан
сегодня самый знаменитый. Произошло это
потому, что Роберт Говард сумел вдохнуть
собственную удивительную душу
в созданный им персонаж — и страстная
эта душа обрела бессмертие, если судить
по неугасающей любви миллионов
читателей к суровому благородному рубаке,
выходцу из дикой северной земли.

В эту книгу, проиллюстрированную
известным художником Марком Шульцем,
вошли первые тринадцать рассказов
и повестей о Конане, целиком написанных
самим Говардом, без участия «посмертных
соавторов». Все рассказы тщательно сверены
с авторским текстом, а переводы некоторых
из них сделаны заново.

ISBN 978-5-699-38933-9

КОНАН®

Из множества героев,
мечом прорубавших себе путь
к славе в мирах фэнтези, варвар Конан
сегодня самый знаменитый. Произошло это
потому, что Роберт Говард сумел вдохнуть
собственную удивительную душу
в созданный им персонаж — и страстная
эта душа обрела бессмертие, если судить
по неугасающей любви миллионов
читателей к суровому благородному рубаке,
выходцу из дикой северной земли.

В эту книгу, проиллюстрированную
известным художником Марком Шульцем,
вошли первые тринадцать рассказов
и повестей о Конане, целиком написанных
самим Говардом, без участия «посмертных
соавторов». Все рассказы тщательно сверены
с авторским текстом, а переводы некоторых
из них сделаны заново.

ISBN 978-5-699-38933-9